

Лиана Голетиани

Коммуникативная неудача в диалоге

На материале
русского и украинского языков

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

L. Goletiani - 9783954791569

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 02:10:39AM
via free access

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Begründet von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof
Herausgegeben von
Gerd Freidhof, Peter Kosta, Holger Kuße
und Franz Schindler

Supplementband 73

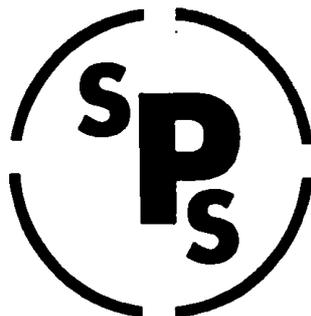
Лиана Голетиани

Коммуникативная неудача в диалоге

На материале
русского и украинского языков

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

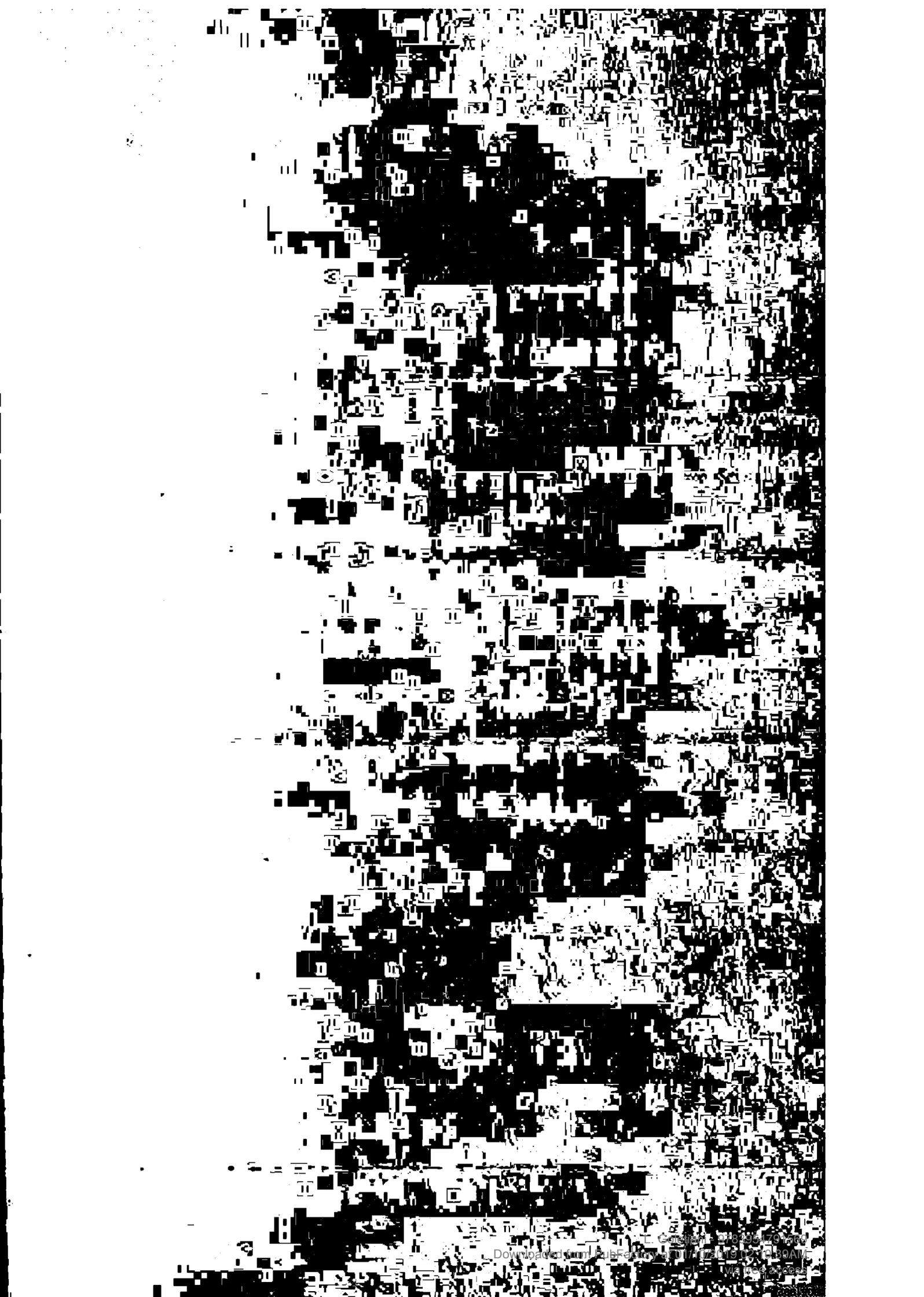
2003

Verlag Otto Sagner, München 2003.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Völker und Ritter GmbH, Marburg/Lahn.

ISBN 3-87690-849-3
ISSN 0170-1320

Светлой памяти моего отца

Предисловие

Публикуемая работа являет собой незначительно переработанный текст докторской диссертации, представленной к защите на факультете языков и культур университета им. Гете г. Франкфурта на Майне в 2001 году. В ней нашло отражение исследование, проведенное в 1993-1997 гг. в институте славистики этого университета и законченное после моего переезда в Италию и рождения дочери.

Изучение языков в Харьковском Университете в 1984-1989 гг., а затем учеба в аспирантуре этого университета под руководством у замечательного учителя, проф. Генриха Вильгельмовича Ейгера, привело к желанию заниматься прагмалингвистикой и анализом диалога. Мне посчастливилось реализовать это желание в Германии, где работа в данных направлениях ведется сразу несколькими научными школами. За возможность принадлежать к одной из них, за приобретенные знания и всестороннюю поддержку я глубоко признательна вдохновителю и руководителю моего исследования – франкфуртскому профессору славистики Герду Фрайдхофу. Среди бывших коллег хочу особенно поблагодарить д-ра Хольгера Куссе, который словом и делом помогал мне на протяжении всех этих лет. Во Франкфурте меня ожидала еще одна удача – знакомство с проф. Еленой Андреевной Земской, автором основополагающих работ по теме исследования в русистике. Я благодарна ей за данные консультации и высказанные замечания. Профессору славистики из Дрездена Карлу Гутшмидту я признательна за то, что он взял на себя труд второго консультанта и оппонента.

Отдельное спасибо хотелось бы сказать харьковским друзьям и родным, оказавшим мне большую помощь в сборе материалов и библиографическом поиске. Особенно – моей тете Вере Ивановне Сидоренко и семье лингвистов Чучко, канд. фил. наук Юрию Константиновичу и Людмиле Ефимовне. В завершении этой работы есть заслуга и моего мужа Марко Росси, он взял на себя компьютерную обработку текста.

Болонья, апрель 2003.

Лиана Голетиани

The microscope

The microscope is an instrument used to view objects that are too small to be seen by the unaided eye. It consists of two lenses, an objective lens and an eyepiece lens, which work together to magnify the image of the specimen. The specimen is placed on a slide, and light is directed through it to form a magnified image.

There are two main types of microscopes: light microscopes and electron microscopes. Light microscopes use visible light to illuminate the specimen, while electron microscopes use a beam of electrons. Light microscopes are used to study the structure of cells and tissues, while electron microscopes are used to study the structure of molecules and organelles.

The light microscope is the most common type of microscope. It consists of a base, a stage, a slide, a cover slip, a condenser lens, an objective lens, and an eyepiece lens. The specimen is placed on the slide, and the cover slip is placed on top of it. The condenser lens focuses light on the specimen, and the objective lens collects light from the specimen to form a magnified image. The eyepiece lens further magnifies the image.

The electron microscope is a more complex instrument. It uses a beam of electrons to illuminate the specimen. The electrons are focused by a series of lenses to form a magnified image. Electron microscopes are used to study the structure of molecules and organelles at a much higher magnification than light microscopes.

Microscopes are used in a wide range of fields, including biology, medicine, and materials science. They are essential tools for understanding the structure and function of cells and tissues. Microscopes are also used to study the structure of molecules and organelles, and to study the structure of materials.

The microscope is a powerful tool that has revolutionized our understanding of the world around us. It has allowed us to see things that were previously invisible to the unaided eye. The microscope is a testament to human ingenuity and the power of science.

Содержание

I.	ВВЕДЕНИЕ.....	15
1.	К выбору темы.....	15
2.	Предпосылки исследования и исходная модель коммуникации.....	17
3.	Материалы исследования.....	18
4.	К построению работы.....	20
5.	О методологии анализа и приведении примеров.....	21
II.	ПОНИМАНИЕ В ДИАЛОГЕ.....	25
1.	Императив понимания.....	25
2.	Экскурс в историю термина <i>коммуникативная неудача</i>	25
2.1.	Перформативная неудача Остина.....	26
2.2.	Успешность речевых актов у Серля.....	27
2.3.	Попытки разграничения <i>успеха и удача</i>	28
2.3.1.	Критика теории Серля у Вундерлиха.....	28
2.3.2.	Другие типы соотношений между понятиями <i>успех и удача</i>	29
2.3.2.1.	<i>Успех vs взаимопонимание</i> в модели целенаправленной рациональной деятельности у Хабермаса.....	29
2.3.2.2.	<i>Glücken vs Gelingen</i> в модели речевого акта у Баллмера.....	30
2.3.3.	О соотношении концептов <i>удача и успех</i> у Фрайдхофа.....	31
2.4.	Использование термина <i>коммуникативная неудача</i> в современных эмпирически ориентированных работах.....	32
2.4.1.	Терминологический ряд.....	32
2.4.2.	Причины терминологического разнобоя.....	32
2.4.3.	Основания существующих дефиниций.....	34
3.	Понимание речи.....	35
3.1.	Что является объектом понимания в речи?.....	35
3.2.	Почему возможно понимание в речи?.....	38
3.3.	Понимание vs интерпретация.....	43
3.4.	Правильное понимание – какое?.....	46
3.5.	Формы понимания: понимание – непонимание – неправильное понимание.....	46
3.6.	Выводы и попытка рабочей дефиниции.....	48
4.	Понимание как категория прагматического описания диалога.....	49
4.1.	Источники и правила интерпретации.....	49
4.2.	Принципы интерпретации.....	51
4.3.	Понимание в диалоге – общая забота собеседников.....	52
5.	Рациональное понимание vs реальное понимание.....	53
5.1.	Относительность принципа кооперации.....	53
5.2.	Манипуляции как выключение принципов.....	55
6.	О понятиях <i>коммуникативная компетенция, коммуникативная манера и коммуникативное состояние</i>	57

III.	ДИАЛОГ С КН.....	59
1.	Основные свойства диалога в перспективе КН.....	59
2.	Три диалогических типа КН: непонимание, неправильное понимание, гипотетическое понимание.....	61
2.1.	Типологические различия ходов последовательности с КН.....	61
2.2.	Гипотетическая цепочка диалогических типов КН на примере референциальной КН.....	63
3.	Первичные vs вторичные значения реплик в диалоге с КН.....	65
3.1.	Негативная оценка.....	67
3.2.	Позитивная оценка.....	68
3.3.	Оценка как профилактика КН.....	69
3.4.	Оценка в РВ.....	70
3.5.	Оценка в РУ.....	70
3.6.	Оценка как рефлексия на КН.....	71
4.	Структура диалогической последовательности с КН.....	72
4.1.	Базовая структура.....	73
4.2.	Структурная типология.....	75
4.2.1.	Полная последовательность.....	77
4.2.1.1.	Простая последовательность.....	77
4.2.1.2.	Сложная последовательность.....	78
4.2.1.2.1.	Линейная сложная последовательность с повторной КН.....	78
4.2.1.2.2.	Нелинейная сложная последовательность со встречной КН.....	82
4.3.	Пример многоходовой последовательности с КН как взаимодействие лингвистического и экстралингвистического понимания.....	84
4.4.	Пример многоходовой последовательности с КН как развитие личного конфликта.....	85
IV.	ИНИЦИАЛЬНЫЕ РЕПЛИКИ (РЕПЛИКИ-ИСТОЧНИКИ).....	93
1.	Типология КН как отражение структуры коммуникативного действия.....	95
1.1.	КН в перспективе прагматических параметров ситуации.....	95
1.2.	КН в перспективе субъекта речи.....	95
1.3.	Предпосылки КН в перспективе адресата.....	97
1.4.	Причины КН в перспективе системы языка.....	99
2.	Уровневая типология.....	100
3.	Фонетический уровень.....	104
4.	Семантический уровень.....	106
4.1.	Лексическая семантика.....	106
4.1.1.	Лексическая многозначность.....	107
4.1.2.	Необщепотребительная лексика.....	109
4.1.3.	Местоимения и местоименные слова как лексемы с ситуативно зависимым значением.....	111
4.1.3.1.	Дейксис.....	112
4.1.3.2.	Анафорические местоимения.....	114
4.1.3.3.	Кванторные местоимения.....	115
4.1.3.4.	Местоименные наречия.....	116
4.1.4.	Абстрактная лексика и лексика с непостоянным объемом значения.....	118
4.1.5.	Лексемы в обобщенном значении.....	120
4.2.	Семантика синтаксиса РИ.....	120
4.2.1.	Номинальные и номинализованные конструкции.....	122

4.2.2.	Временные конструкции	125
4.2.3.	Конструкции с анафорой.....	126
4.2.4.	Неопределенно-личные конструкции и страдательные конструкции.....	126
4.2.5.	Неоднозначность как отражение тема-рематического деления высказывания.....	128
4.2.6.	Неоднозначность как нарушение проективности порядка слов.....	130
4.2.7.	Неоднозначность конструкций с однородными членами, связываемыми сочинительной связью	132
4.2.8.	Неоднозначность конструкции <i>с + творительный падеж</i>	134
4.2.9.	Неполные конструкции	135
4.2.10.	Синтаксическая неоднозначность в соединении с другими факторами	140
4.3.	Семантика высказывания как речевого акта	142
4.3.1.	КН референции	142
4.3.1.1.	Неудача идентифицирующей референции	142
4.3.1.2.	Неясная референция	147
4.3.2.	КН предикации	147
4.3.3.	КН иллокуции	149
5.	Прагматический уровень – прагматические признаки высказывания.....	153
5.1.	Неэксплицитные смыслы.....	153
5.1.1.	Эксплуатация конвенциональных импликатур (нарушение семантических пресуппозиций).....	154
5.1.2.	Импликатура дискурса как источник КН.....	155
5.1.3.	Невыведение следствий.....	157
5.2.	Косвенные речевые тактики	158
5.2.1.	Эвфемизмы.....	159
5.2.2.	Аллюзии и цитаты.....	161
5.2.3.	Перифразы	164
5.2.4.	Небуквальные значения	166
5.2.4.1.	Фигуры речи	166
5.2.4.2.	Ирония	171
5.2.5.	Фразеологизмы	175
V.	РЕПЛИКИ-ВЫЯВЛЕНИЯ.....	177
1.	Первичное значение реплик, выявляющих КН. Типология.....	177
2.	Констатации КН.....	179
2.1.	Исходная формула	179
2.1.1.	Заполнение актантажной структуры глагола	180
2.1.2.	Лексическое усиление/ослабление исходной формулы	180
2.1.3.	Модификации личной формы в прямых и косвенных констатациях непонимания.....	182
2.2.	Ложные констатации непонимания	185
3.	Вопросы как РВ КН.....	186
3.1.	Невербальный (мимический) вопрос.....	187
3.2.	Цитационный вопрос.....	191
3.3.	Восполняющие вопросы.....	194
3.3.1.	Денотативный запрос	195
3.3.2.	Пропозиционно-восполняющий вопрос	196
3.3.2.1.	Вопросы к референции	196
3.3.2.2.	Вопросы к предикации.....	201
3.3.3.	Запрос интерпретации	202
3.3.3.1.	Вопросы: <i>Что это значит?, В смысле?, То есть?</i>	203

3.3.3.2.	Вопрос <i>Как?</i> – метакоммуникативный эллипсис?	205
3.3.3.3.	Вопрос <i>Что?</i> как общий переспрос	208
3.3.4.	Косвенные восполняющие вопросы	210
3.4.	Интерпретирующие вопросы как выявление гипотетического понимания	210
3.4.1.	Состав уточняющих вопросов	211
3.4.1.1.	Простой уточняющий вопрос	212
3.4.1.2.	Сложный уточняющий вопрос	213
3.4.2.	Частицы <i>что ли/чи що</i> в уточняющих вопросах – переход от простого уточняющего вопроса к сложному?	216
3.4.3.	Семантика интерпретирующих вопросов относительно ИР	217
3.4.3.1.	Договаривание	219
3.4.3.2.	Выведение следствий	219
3.4.3.3.	Переименование	220
3.4.3.4.	Резюмирование	221
3.4.3.5.	Обобщение	222
3.4.3.6.	Уточнение	223
3.4.3.7.	Переосмысление	225
3.4.3.8.	Завышение	226
3.4.3.9.	Занижение	226
3.4.3.10.	Заострение	226
4.	Директивы пояснения	228
VI.	РЕПЛИКИ-УСТРАНЕНИЯ	231
1.	Имплицатурные устранения	232
2.	Подтверждения правильной гипотезы	235
3.	Опровержения неправильного понимания и неправильных гипотез	237
3.1.	Прямые опровержения	237
3.1.1.	Опровержения с частицей-репликой <i>нет/ні</i>	237
3.1.2.	Опровержения с отрицательной частицей <i>не/не</i>	239
3.1.3.	Усиление/ослабление опровержения	240
3.1.4.	Опровержения отрицания в РВ	241
3.2.	Косвенные опровержения	242
3.3.	Опровержение 'логики' альтернативной гипотезы	243
4.	Противопоставления при неправильном понимании	244
4.1.	Союзы	244
4.2.	Частицы	247
4.2.1.	Частица <i>же</i>	247
4.2.2.	Частицы <i>только/тільки (лише), просто</i>	248
4.2.3.	Частица <i>вообще</i>	250
5.	Интерпретации	252
5.1.	Повторы	253
5.1.1.	Повторы-настаивания	253
5.1.2.	Модифицированные повторы	255
5.2.	Договаривание	255
5.3.	Уточнение	256
5.4.	Обобщение	258
5.5.	Идентификация	259
5.6.	Приведение примеров (экземплификация)	261
5.7.	Перечисление	263
5.8.	Толкование	265

5.8.1.	Определения (системные дефиниции).....	265
5.8.2.	Ситуативные толкования	272
5.9.	Экспликация имплицитных смыслов высказывания	273
VII.	КН ВНЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ПРИНЦИПОВ.....	275
1.	Манипуляции с КН.....	276
1.1.	Определение манипулятивной КН.....	276
1.2.	Диалог с симулятивной КН.....	281
1.2.1.	Симуляция в ретроспективе диалогической последовательности: РИ.....	281
1.2.2.	Симулятивные и нарочитые выявления КН	288
1.2.2.1.	Реализация собственно симулятивных реплик	289
1.2.2.2.	Реализация тенденциозного нарочитого выявления	294
1.2.3.	Симуляции в перспективе диалогической последовательности: РУ.....	301
1.2.3.1.	Эффективность симуляции	303
1.2.3.2.	Неэффективность симуляции (разоблачения симуляции).....	304
1.2.3.3.	Эффективность нарочитого выявления (ретировки).....	306
1.2.3.4.	Неэффективность нарочитого выявления (неспецифические реакции на нарочитое выявление)	308
1.3.	Диалог с провокацией КН.....	310
1.3.1.	Нарочитое вызывание провизорной КН.....	311
1.3.2.	Собственно манипулятивные провокации	313
1.4.	Манипулятивные устранения КН.....	316
1.4.1.	Двойные предикации <i>post factum</i>	316
1.4.2.	Лживые устранения	319
2.	Другие виды отказа от кооперативной коммуникации.....	320
2.1.	Отказ от выявления.....	320
2.1.1.	Отказ от выявления КН со стороны адресата.....	320
2.1.2.	Отказ от выявления КН со стороны говорящего.....	322
2.2.	Молчаливый отказ от устранения.....	323
2.3.	Вербальный отказ от кооперативного устранения КН.....	324
VIII.	МЕТАКОММУНИКАЦИЯ В КН	329
1.	Функции метакоммуникации в КН.....	329
1.1.	Облигаторное vs сопроводительное употребление метакоммуникации.....	331
1.2.	Метакоммуникация в антиципации КН в РИ	333
1.3.	Метакоммуникация в РВ	336
1.4.	Метакоммуникация в РУ	337
1.5.	Метакоммуникация в репликах-рефлексиях на КН.....	337
2.	Сводная функционально-семантическая характеристика наиболее употребительных метакоммуникативных единиц в диалоге с КН.....	339
2.1.	Конструкции с существительными речи	339
2.2.	Конструкции с глаголами речи.....	341
2.2.1.	Глагол <i>говорить/говорити</i>	342
2.2.1.1.	<i>Говорить</i> в русском и украинском языке	342
2.2.1.2.	Заполнение актантажной структуры глагола и способы его метакоммуникативного употребления	346
2.2.2.	Другие <i>verba dicendi</i>	349
2.2.3.	Эллиптические метакоммуникативные конструкции	351

2.3.	Конструкции с <i>значит/значить</i>	354
2.4.	Конструкции с глаголами понимания	359
2.4.1.	Глагол понимания в репликах диалога с КН	361
2.5.	Модализованные конструкции с метакоммуникативными глаголами	363
2.6.	Метакоммуникативный фразеологизм <i>иметь в виду/мати на увазі</i>	365
2.7.	Союз-частица <i>то есть/тобто, себто</i>	369
2.8.	Метакоммуникативная синтагма <i>в смысле</i>	371
IX.	РЕЗЮМЕ	379
	БИБЛИОГРАФИЯ	389
1.	Библиография на кириллице	389
2.	Библиография на латинице	397
3.	Источники примеров	408
4.	Справочная литература	411

Список схем

1.	Модель коммуникативного акта	18
2.	Гипотетические формы понимания в диалоге	47
3.	Семантические отношения РУ к РИ и РВ	62
4.	Структурные типы последовательности с КН	76
5.	Структурные типы отношений между простыми последовательностями с КН в рамках сложной	79
6.	Структура составляющих примера из Буторов 1996	131
7.	Структура составляющих примера из Акмажан и др. 1996	133

Сокращения:

КН:	коммуникативная неудача
КН-фактор:	фактор, способствующий возникновению КН
Г:	говорящий
Г1:	первый говорящий, произносящий РИ и РУ последовательности с КН
Г2:	второй говорящий, адресат инициальной реплики, произносящий РВ
ИГ1, ИГ2:	интерпретация Г1, интерпретация Г2
РА:	речевой акт
ТРА:	теория речевых актов
КА:	коммуникативный акт
КК:	коммуникативная компетенция
КМ:	коммуникативная манера
КС:	коммуникативное состояние
РИ:	реплика-источник, инициальная реплика последовательности с КН
РВ:	реплика-выявление КН
РУ:	реплика-устранение КН
РШ:	речевой шаг
ПВ:	принцип вежливости
ПК:	принцип кооперации
С, С1, С2:	субъект, первый субъект, второй субъект
О, О1, О2:	объект, первый объект, второй объект

[The main body of the page is almost entirely obscured by heavy black noise and artifacts, rendering the text illegible. Only faint, scattered characters and shapes are visible.]

1871

18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

I. ВВЕДЕНИЕ

1. К выбору темы

Существование индивидуума с его потребностью самореализации, которая, в свою очередь, не может происходить без существования другого, точно также стремящегося к самореализации индивидуума, обуславливает необходимость их общения между собой. Роль и объем этого общения при развитии социализации все более возрастает. Этот процесс предъявляет новые требования и к средствам общения, и к его осмыслению наукой. Если попытаться охарактеризовать вклад прошедшего столетия в развитие человеческой цивилизации ассоциативным списком из нескольких слов, то наряду с такими понятиями, как космос или атом в этот список следует включить коммуникацию. Видимо, наиболее яркий исторический контраст, который возникает в размышлениях о коммуникации как научном феномене 20 столетия, относится к развитию техники: от первых опытов с радиосигналами и первых телеграфных сообщений – до массового распространения мобильных телефонов и общения через Интернет.

Бурное развитие точными науками технических способов коммуникации увлекает за собой и науки гуманитарные. Изучение коммуникации, осуществляемой посредством естественных языков, выпало на долю лингвистики. Лингвистика ответила на этот феномен появлением множества отдельных и пограничных дисциплин, занимающихся самыми разнообразными проблемами коммуникации. К античным риторике и герменевтике и 'традиционной' семантике добавились, например, социо- и психолингвистика, компьютерная и когнитивная лингвистика, прагматика и теория диалога. Их развитие во многом происходит отдельно друг от друга, результаты исследований не привели пока к созданию единого, всеобъемлющего представления о коммуникации. "Es ist nicht einmal sichergestellt, daß die verschiedenen Disziplinen von einer auch nur gemeinsamen Vorstellung von Kommunikation ausgehen" (Lenke/Lutz/Sprenger 1995, 8). Несмотря на то, что существуют объективные противоречия и трудности интеграции, имеются общие концепты, даже если их названия и определения в разных подходах существенно различаются. Один из них – коммуникативная неудача.

Почему же именно *неудача*? Путь познания от противного – не редкость для науки. На примерах неудачи легче обнаружить и показать, из чего склады-

вавается общение и благодаря чему оно возможно. "Unter welchen Voraussetzungen ein Kommunikationsversuch als gelungen bezeichnet werden kann, wird oft erst an gescheiterten Versuchen klar und ist an ihnen einsichtig zu machen" (Ulrich 1979, 74).

Произошедшая во второй половине века переориентация лингвистики от языка как знаковой системы к языку в его речевом использовании человеком, обусловила интерес к коммуникации как к моменту взаимодействия членов говорящего коллектива. Коммуникация теперь рассматривается как акт речевой деятельности человека с ее целенаправленным и социально-дифференцированным характером. Исследователи, представляющие самые разные подходы и направления, сходятся во мнении, что модель коммуникации должна быть расширенной. Помимо самого языкового события, высказывания, эта модель должна включать факторы говорящего и слушающего с их знаниями языка, окружающего мира и ситуации, проявляющимися в переменном кодировании и декодировании высказывания.¹ Коммуникативная неудача в такой модели – это уже не столько проявление несовершенства языкового кода,² сколько неудача действий речевых субъектов. Значит, причины ее могут предопределяться, во-первых, особенностями языка, во-вторых, особенностями ситуации и, наконец, самими партнерами по коммуникации, более или менее удачно учитывающими эти особенности, более или менее удачно следующими правилам пользования языка.

Обращение к языку в его речевом воплощении привело к необходимости изучения правил и принципов организации последнего. Выяснилось, что взаимопонимание, лежащее в основе координирующей социальной деятельности человека, поддается конвенционированию, его можно регулировать. Однако, будучи ориентиром для общения, его императивом, понимание в силу множества факторов отнюдь не всегда является фактом речи: "nicht mehr das gelingende Verstehen gilt als Normalfall, sondern das Mißverstehen" (Biere 1991, 3). В устном диалоге, одной из форм речи, коммуникативная неудача (далее: КН) реализуется рядом особенным образом организованных действий коммуникантов, стремящихся обеспечить понимание, что находит отражение в возникновении диалогических последовательностей, протекающих по определенным правилам. Поэтому главная задача исследования КН в устном диалоге "entspricht einer Suche nach geordneten Strukturen auf einer höheren Ebene, der Frage nämlich, wie Regelverstöße von den Interaktanten methodisch angegangen werden, welche Reparaturmechanismen es gibt." (Adamzik 1995, 43).

Что же следует считать коммуникативной неудачей, что именно является следствием нарушения правил пользования языком в устном диалоге и предметом, требующим 'починки'? Прежде чем дать определение, используемое

¹ См., напр., коммуникационные модели Schannon/Weaver 1949 (34); Winograd/Flores 1983 (14); Hannappel/Melenk 1990 (21).

² Ср. Freidhof 2000 (36): "Sprachen sind unvollkommen, da sie keine 1:1-Relation zur Außersprachlichkeit herstellen können".

в данной работе, и, следовательно, предопределяющее подбор анализируемых материалов, нужно будет хотя бы пунктирно проследить эволюцию понятия коммуникативная неудача в лингвистике.

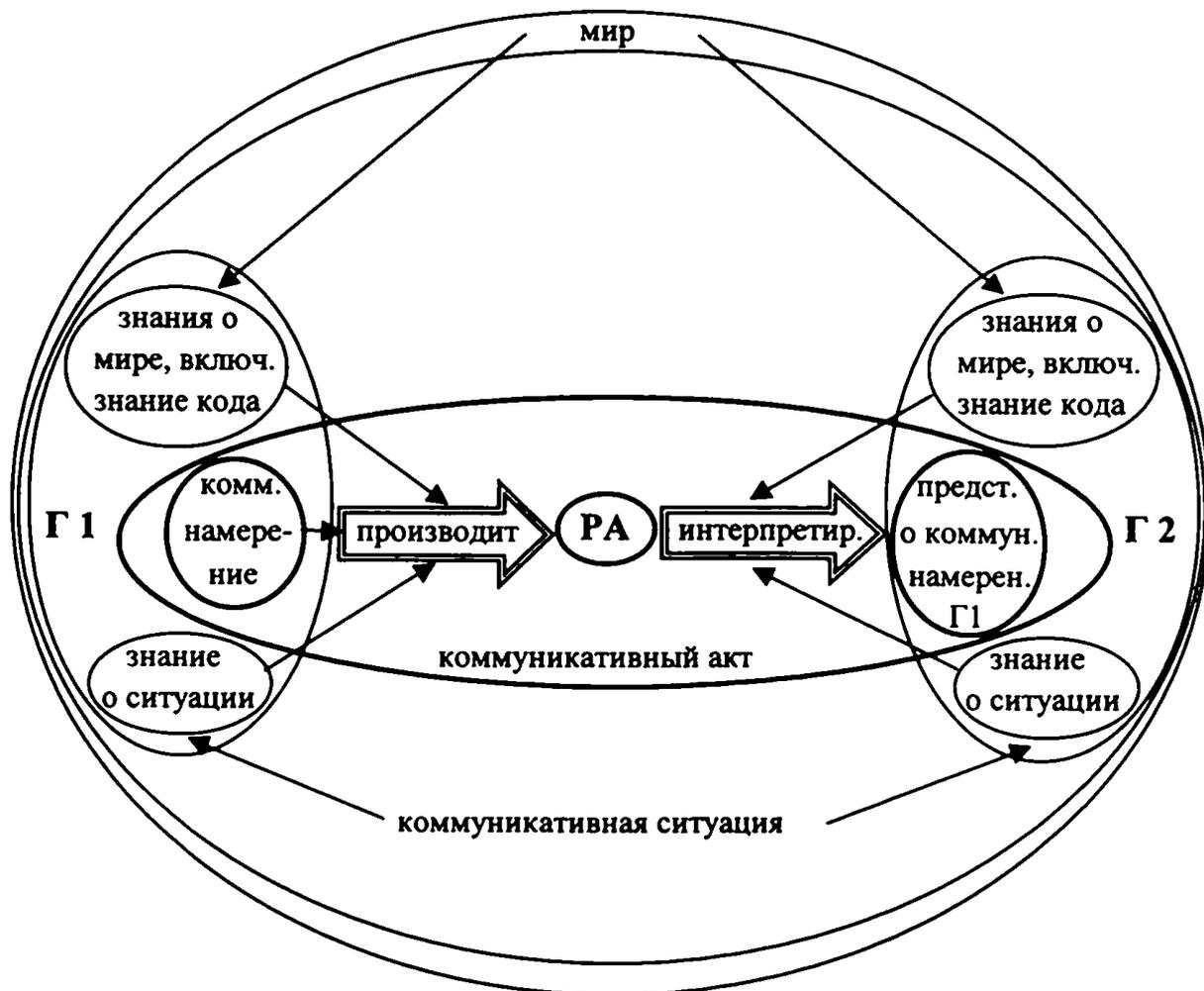
2. Предпосылки исследования и исходная модель коммуникации

В качестве предпосылок исследования принимаются следующие положения, обстоятельное обсуждение которых в рамках данной работы не может быть предложено:

- Существование человеческих индивидов обуславливает необходимость их общения между собой. Это общение, или коммуникация, происходит во многих формах, одна из которых – устная диалогическая речь во всех ее жанрах.
- В качестве элементарной единицы коммуникации рассматривается коммуникативный акт, являющийся, в отличие от находящегося в его центре речевого акта (РА), взаимодействием обоих участников диалога (см. схему 1). В основе РА лежит реализуемое в нем коммуникативное намерение первого говорящего (Г1). В результате интерпретации РА вторым говорящим (Г2) в сознании последнего возникает представление о коммуникативном намерении Г1. В тех случаях, когда результат интерпретации отличается от того, к которому стремился Г1, возникает КН. На реализацию коммуникативного намерения посредством РА и на его интерпретацию влияют самые разнообразные факторы, которые могут быть отнесены к двум видам знаний. Первый вид – это общие знания об окружающем мире, включающие знание языка, или кода, второй вид – это знания о конкретной коммуникативной ситуации. Несмотря на то, что Г1 и Г2 окружены одним миром и находятся в одной ситуации, объем и состав их знаний никогда не совпадает полностью, и это предопределяет возникновение КН. Другая объективная причина возникновения КН – несовершенство естественного языка, не способного выполнять требования, предъявляемые к искусственным языкам, среди которых важнейшие – точность, ясность, однозначность.
- Знание языка или кода (лингвистическая компетенция) и правил его использования (коммуникативная компетенция) как при производстве, так и при интерпретации коммуникативного высказывания связаны с говорящими и относятся к прагматическому описанию. Лингвистическому анализу поддается только текст неудачного высказывания, в котором проявляются 'чисто' языковые особенности кода, поскольку общие для всех знаковых систем логические категории ясности, точности и однозначности в отдельных языках и в каждой конкретной ситуации проявляются по-разному.
- Для естественной человеческой речевой деятельности КН неизбежны, более того, КН чрезвычайно характерны для нее. Участники диалога в состоянии выявлять и преодолевать выявленные КН. Выявление и преодоление КН в речи протекает упорядоченно, в соответствии с определенной системой правил. Владение системой правил носит имплицитный характер и относится к коммуникативной компетенции. Возникающие в ходе выявления и преодоления КН

диалогические последовательности, наблюдаемые на эмпирическом материале, являются объектом предлагаемого лингвистического анализа.

Схема 1: Модель коммуникативного акта

3. Материалы исследования

Прагматические исследования более других нуждаются в материалах, комплексно передающих протекание интеракции. Недостаточность корректно задокументированного аутентичного диалогического материала – одно из наиболее уязвимых мест в разработке проблемы КН. В некоторых работах счет идет в лучшем случае на десятки (см., напр., Falkner 1997, Bazzanella/Damiano 1997).

Русистика располагает ограниченными по объему материалами аутентичной устной речи с КН. В этом смысле особую ценность представляют собой примеры в Ермакова/Земская 1993. В украинистике – еще более сложное положение: опубликованных источников спонтанной диалогической речи на

украинском языке по имеющимся данным не существует. Среди опубликованных материалов исследуемых языков наиболее приближенным к 'идеальному' можно считать материал, использованный авторами проекта Chlebda/Lamprecht/Schubina 1998, предоставляющий в распоряжение видеозапись и распечатку спонтанных диалогов на русском языке. Учитывая интересы предлагаемой работы (особенно главы о манипулятивных КН), к списку этих требований можно было бы добавить еще один 'каприз' исследователя – возможность попросить участников диалога искренне прокомментировать свои высказывания сразу же после интересующего коммуникативного события.

В ожидании лучших времен исследователи пользуются традиционными видами источников, что, в случае постановки методологически корректной и посильной задачи, не обязательно должно негативно сказываться на результатах.³

В данной работе в качестве эмирических источников анализа использовались:

1) Диалоги из художественной литературы, художественных фильмов. Самый известный и критикуемый недостаток этого типа материалов – стилизованность, литературное преломление естественной речи (обсуждение и литературу к проблеме см., напр., в Freidhof 1991, 19 и Grimm/Unrath/von Bock-Iwaniuk 1998, 52-53). Преимущество этого типа материалов – комплексность образа говорящего, возможность лучше судить о его прагматически значимых характеристиках, мотивах речевой деятельности и индивидуальных особенностях речевого поведения. Учитываются также авторские комментарии и ремарки, позволяющие 'заглянуть' во внутренний мир говорящего и привлекающиеся для анализа его коммуникативных намерений.

2) Публичные диалоги – интервью и беседы в журналах, газетах, на телевидении. Возможный недостаток этого типа материалов – профессиональная заинтересованность говорящего-журналиста, обуславливающая стратегическое управление диалогом (включая манипулирование) в целях профессиональной сверхзадачи.

3) Собственные записи живой речи, а также записи других исследователей (этот метод известен в литературе как *diary method*, см. Humphreys-Jones 1986). Этот тип материалов, с одной стороны, приближается к идеальному, с другой стороны, имеет одно весьма уязвимое место. Исследователь, являясь не только наблюдателем, а и заинтересованным участником, не всегда может претендовать на абсолютную объективность своей презентации и, следовательно, на корректность анализа.⁴

Разнородность материалов, отражающая, кроме прочего, жанровое разнообразие диалогической речи (от фатического жанра бытовых диалогов до

³ Подробную характеристику различных видов материалов, пригодных для исследования аналогичной проблематики см. в Falkner 1997 (45-67).

⁴ См. также обсуждение проблемы 'парадокса наблюдателя' в Falkner 1997 (59-60).

информативного жанра интервью), позволяет более полно описать функционально-стилистические и структурные единицы изучаемых диалогов.

Указанные типы эмпирического материала двух языков в анализируемом материале в количественном отношении представлены не одинаково. Так как совокупные материалы исследования составляют более восьмисот диалогов и постоянно пополнялись, ограничусь указанием примерных цифр. Русскоязычные примеры составляют около трех четвертей материала, примеры украинского языка – около одной четвертой. Большинство примеров в обоих языках приходится на художественно воссозданные диалоги. Затем следуют примеры, собранные с помощью *diary method*. При этом для украинского языка это – исключительно собственные примеры (мои и сделанные другими лицами записи). Примеры из русского языка, заимствованные у других авторов, имеют ссылку на оригинал источника. Наименьшая часть примеров для каждого языка (около сорока украинских и ста русских) приходится на публичные диалоги.

Анализируются примеры из современных (преимущественно второй половины 20 века) русского и украинского языков, используемых в устной речи носителями этих языков, принадлежащих к одному социуму (ср. Lenke/Lutz/Sprenger 1995, 69). Возраст, пол, социальное положение и профессия говорящих учитываются при прагмалингвистическом анализе, но не при включении в состав примеров исследования.

Исключается речь иностранцев, владеющих данными языками, и эмигрантов, в течение продолжительного периода оторванных от актуальных процессов, происходящих в речи. Не рассматривается речь психически аномальных лиц. Проблема шизоидного сознания, расколотой психики не может относиться к проблематике КН, она изучается как дефектная коммуникация.

Также не рассматриваются КН, возникшие в интеракции с компьютером.

Наконец, необходимо указать, что для более полного охвата прагматического и структурного аспекта, анализировались как неудачи, выявленные участниками диалога, так и неудачи, невыявленные (назамеченные или проигнорированные) и/или непреодоленные участниками диалога в ходе интеракции, но идентифицированные как таковые исследователем самостоятельно или благодаря комментарию автора художественного текста.

4. К построению работы

После введения, во второй главе, предлагается теоретическое обсуждение наиболее важных вопросов, вытекающих уже из самой дефиниции. А именно – что считается КН, когда можно говорить о понимании в диалоге, какие возможности открывает для описания КН прагматическое описание речи. Многие из используемых лингвистических концептов берут свое начало в философии языка.

Результаты теоретического обсуждения используются в третьей главе как основа для практического разделения диалогов с КН на подвергаемые анализу

аспекты. В этой главе предлагается типология рассматриваемых диалогов относительно типа понимания/непонимания, вводятся понятия функций реплик в диалоге с КН, а также разрабатывается структурная типология диалогов.

Основным структурным единицам диалога с КН – инициальным репликам, репликам выявления и устранения КН – посвящены четвертая, пятая и шестая главы. Они содержат основной анализ собранных примеров.

Уже при первом ознакомлении с эмпирическими материалами бросается в глаза тот факт, что некоторые диалоги, несмотря на аналогичность структуры и лексической реализации реплик, не могут быть идентифицированы как 'правильные' диалоги с КН в строгом понимании этого термина. Основные коммуникативные принципы в них действуют иначе. При этом обнаруживается целый ряд интересных речевых явлений, многие из которых могут быть объединены под общим названием *манипуляция*. Такие диалоги представляют собой особый предмет анализа, стоящий несколько в стороне от главной задачи исследования. Однако многочисленность соответствующих примеров, свидетельствующая о том, что данные явления присущи современному речевому общению, а также интерес к их оформлению на исследуемых языках, обусловила включение в работу седьмой главы, посвященной этим КН.

Редкая диалогическая последовательность с КН обходится без метакоммуникации. Как известно, объектом метакоммуникации является сама коммуникация, а не выражаемое ею положение вещей. В последовательности с КН метакоммуникация направлена именно на КН и иногда является единственным средством ее выявления и устранения. Поэтому функционально-семантический анализ метакоммуникативных единиц в КН заслуживает самостоятельного рассмотрения. Восьмая глава содержит сводную характеристику метакоммуникации в диалоге с КН. Она включает также компаративный анализ соответствующей лексики двух языков, обсуждение проблем интерференции.

5. О методологии анализа и приведении примеров

Основной метод анализа – интерпретационный. Кроме того, в отдельных главах используются различные частные лингвистические методы: сопоставительный, трансформационный, метод непосредственно составляющих и метод концептуального анализа языка.

Примеры и их обсуждение занимают в этой эмпирически ориентированной работе большое место.

Приведение примера содержит:

- номер следования в тексте работы;
- в случае необходимости – краткое описание ситуационных параметров (участники коммуникации – говорящий 1 и говорящий 2, отношения между ними, контекст диалога, тема разговора);
- сам текст диалога, реплики которого, когда этого требует анализ в комментарии, пронумерованы;

- сведения об источнике примера (обозначения источников примеров см. в библиографии);
- комментарий.

Для экономии места, комментарий дается не всегда и не одинаково. Если категория, рассматриваемая в этой части работы, в тексте диалога проявляется очевидным образом (как правило, соответствующая единица выделена курсивом), комментарий может полностью отсутствовать. В других случаях он может содержать обсуждение этой категории. Развернутые комментарии даются только очень сложным примерам, где внимание читателя должно быть привлечено сразу к нескольким вопросам. В комментарии не обсуждаются диалектные, нормативные и другие лингвистические особенности примера, если они не связаны с исследуемой проблематикой. Если для иллюстрации какого-либо явления приводятся несколько примеров, то комментарий дается только к одному из них, наиболее интересному.

Многообразии рассматриваемых явлений и выделяемых категорий обусловило приведение одного и того же примера в нескольких местах. В некоторых случаях дается только указание на уже приводившийся ранее пример. Параллельное приведение примера из обоих языков считается обязательным только там, где речь идет о специфических системно-языковых различиях. Так, для компаративного анализа лексических средств реализации метакоммуникативных функций в восьмой главе необходимо приводить примеры одновременно из обоих языков. Для иллюстрации прагматических факторов, ведущих к КН, это не считается необходимым.

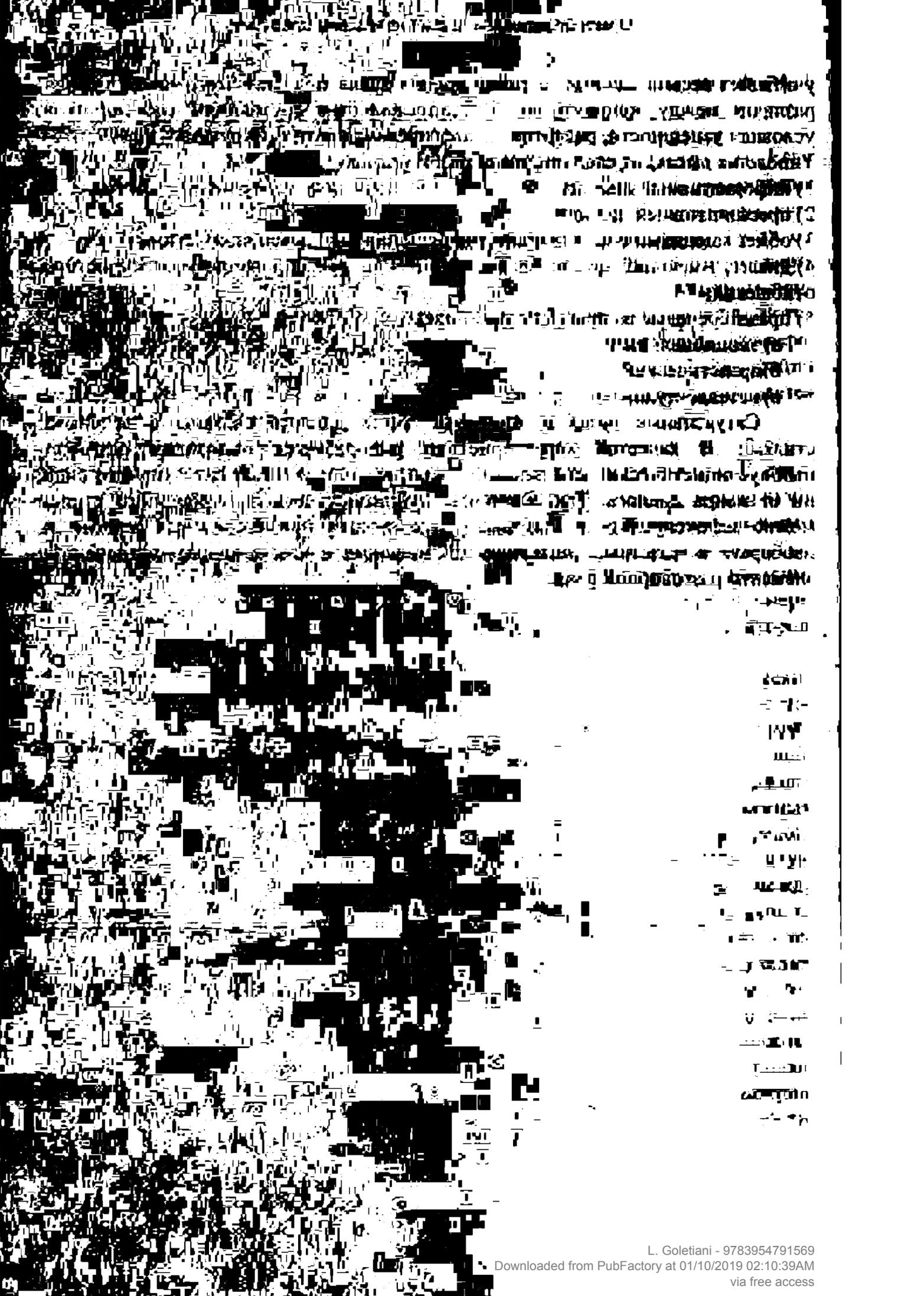
Что касается используемых в комментарии названий диалогических жанров, то, после рассмотрения нескольких типологий, в качестве ориентировочной была выбрана типология, предложенная в Арутюнова 1999. Поскольку проблема типологизации речевых жанров не стоит в центре внимания данной работы, ее обсуждение отсутствует.⁵ Указание же типа диалогического жанра при обсуждении примера иногда представляется важным потому, что фактор, релевантный для возникновения КН, порой четко предопределен самим жанром, а последний далеко не всегда равнозначен ситуативному виду (бытовой разговор между родными, обмен мнений между друзьями и знакомыми, интервью для газеты, служебный разговор, отрывок из телевизионного ток-шоу и т.д.). Выбранная типология оказалась наиболее адекватной целям и эмпирическому материалу исследования по следующим причинам. Во-первых, по оценке, данной в Мечковская 2001 (97-98), эта типология "диалогоцентрична". Во-вторых, эта типология, не будучи слишком разветвленной (ср. ряд типологий в Hundsnurscher 1994), уделяет должное внимание фатическим речевым жанрам, а именно к ним относится подавляющее большинство примеров из художественной литературы и примеров, собранных с помощью *diary method*. Эта типология, при своей компактности,

⁵ О проблематике и литературу см. в Hundsnurscher 1994; Henne/Rehbock 1982; Brinker 1989 (110 и сл.); Müllerova 1984; Дементьев 1999.

учитывает весьма важные, с точки зрения задач предлагаемого исследования, различия между жанрами по "интенциональным состояниям собеседников, условиям успешности, развитию диалогических тактик" (Арутюнова 1999, 650). Типология выглядит следующим образом (там же):

- 1) информативный диалог;
- 2) прескриптивный диалог;
- 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины;
- 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений;
- 5) праздноречевые жанры (*fatic discourses*):
 - а) эмоциональный;
 - б) артистический;
 - в) интеллектуальный.

Ситуативные виды и жанровые типы диалога связаны с речевыми стилями. В качестве характеристики используется оппозиция разговорный/публицистический стиль. Стиль речи не зависит ни от ситуативного вида, ни от жанра диалога. Так, элементы публицистического и научного стилей можно зафиксировать в бытовых разговорах и праздноречевых жанрах и, наоборот, в газетных интервью и информативном диалоге встречаются элементы разговорной речи.

II. ПОНИМАНИЕ В ДИАЛОГЕ

1. Императив понимания

- ...до завтрашнего утра я дознаюсь. Я обязан.
 - Обязаны, но теперь-то кто вас понуждает?
 - Никто и никогда не понуждает знать, Адсон. Знать просто следует, вот и все. Даже если рискуешь понять неправильно.
- УМБЕРТО ЭКО

Необходимость коммуникации в социальной деятельности диктуется прежде всего необходимостью в координировании действий коммуникантов, или, другими словами, в обмене разнообразными видами знаний.⁶ Как и любая другая интеллектуальная целенаправленная деятельность человека, коммуникация нацелена на понимание. Императив понимания предопределяется общей потребностью в знании, постоянным информационным дефицитом. Однако, необходимость в знании сопряжена с риском непонимания. В диалоге, где разные коммуниканты пользуются совокупным языковым кодом, этот риск весьма велик. Понятие *коммуникативная неудача* возникло как попытка объяснить это непонимание.

2. Экскурс в историю термина *коммуникативная неудача*

Изучение истории термина – это один из путей исследования научного понятия.

Сопоставляя различные значения, которые вкладывались в истории науки в данный термин, можно попытаться свести все эти значения в некоторое единство или произвести между ними известный выбор и так получить искомое определение.

(Винокур 1993б, 8)

Говорить о коммуникативной неудаче как о научном термине можно с появлением лингвистической прагматики, то есть со второй половины 20-го века. Но практически, разумеется, история исследований удачной коммуни-

⁶ О видах знаний см., напр., Yokoyma 1986.

кации начинается гораздо раньше, ее корни следует искать уже в античности, когда она зародилась и развивалась в недрах риторики.⁷

Не будучи названа как таковая, в 19 веке проблематика КН рассматривается в рамках психологического направления в языкознании.⁸ На современном же этапе развития языкознания, когда понятия, ранее развивающиеся стихийно, получают более строгие и эксплицитные толкования, термин КН был четко сформулирован именно в лингвистической прагматике, а интерес к нему стимулируется усиленными исследованиями устной диалогической речи.

2.1. *Перформативная неудача Остина*

В современный научный обиход термин *коммуникативная неудача* введен в лекциях Дж. Остина, представителя аналитической философии, попытавшейся, кроме прочего, преодолеть несовершенство реального языка с помощью языка 'идеального' и таким образом разрешить многие вопросы старой традиционной философии. Аналитическая философия видит свою задачу в том,

чтобы очистить, прояснить, наконец, вылечить язык от путаницы многозначных наслоений, ведущих к непониманию, заводящих в тупик (misleading), и построить идеальный логический язык, в котором таким "болезнетворным" выражениям не будет места.
(Руднев 1999, 146)

Лекции Остина (Остин 1986, Austin 1962) стали программными для теории речевых актов (далее: ТРА⁹). При этом нельзя забывать, что термин использовался Остином лишь в одном из современных значений. В этих лекциях нет еще четко сформулированного отличия *успеха* от *неудачи*, каковое существует сегодня между понятиями *перлокутивный успех* и *коммуникативная неудача* (оно оформится позднее по мере развития самой ТРА и изучения естественной диалогической речи).

Отправной точкой для Остина стало выделение класса перформативных высказываний. Под ними он понимает высказывания, посредством которых "человек нечто *совершает*, [...] а не *сообщает* об этом" (Остин 1986, 31). В качестве примера автор приводит высказывание, произносимое во время церемонии бракосочетания. Для рассмотрения перформативов потребовалось выработать концептуальный аппарат. В частности, для описания тех случаев, когда акт вопреки произнесению необходимого высказывания нельзя считать состо-

⁷ Ср., напр., требования ясности и понятности в античной риторике: "Oberstes Gebot ist hier meist die Klarheit (claritas) eines Textes, die dessen intellektuelle Verständlichkeit erleichtern soll. Mit einem leicht verständlichen ist aber keinesfalls automatisch ein schlichter Stil und eine möglichst einfache Ausdrucksweise gemeint. [...] Das Problem der rechten Verständlichkeit, so scheint es, ist so alt wie die Rhetorik selbst." (Ottmers 1996, 149).

⁸ Уже представители психологической концепции (напр., В. фон Гумбольдт в Германии и преемственник его идей в русистике А. А. Потебня) видят в языке деятельность говорящего и понимающего, оперируя, тем самым, современными прагмалингвистическими категориями.

⁹ ТРА во многом была стимулирована поздним трудом Л. Витгенштейна "Философские исследования".

явшимся перформативным актом в силу "сопутствующих обстоятельств" и используется термин удача/успех:

Если мы желаем, чтобы совершаемое нами действие было признано успешным, необходимо не только произнести слова перформативного высказывания, но и обеспечить, как правило, наличие множества других необходимых обстоятельств и действий. Мы надеемся выяснить, каковы эти действия, рассматривая и классифицируя те случаи, когда что-нибудь *идет неправильно*, и сам акт – заключение брака, пари, завещание, крещение и т.п. – терпит, следовательно, неудачу (по крайней мере, частичную). (там же, 32)

Далее Остин предпринимает "попытку схематично обозначить [...] некоторые из условий, необходимых для гладкого, или 'успешного', функционирования перформативных высказываний" (там же). Предложенная Остином схема являет собой по сути первый опыт классифицирования неудач.

Для предлагаемого здесь экскурса в историю развития понятия представляется важным процитировать целиком следующий пассаж:

Дабы не осложнять картину [имеется в виду схема перформативных неудач, Л. Г.] дополнительными соображениями, я пока не вводил "неудачи" еще одного типа – а они могут носить это название с полным правом – несовершенства понимания. В обычном случае, чтобы дать обещание, необходимо:

(А) чтобы меня кто-нибудь *услышал*, возможно, то лицо, которому я обещаю;

(В) чтобы это лицо понимало, что дается обещание.

(там же; курсив оригинала, жирный шрифт мой, Л. Г.)

2.2. Успешность речевых актов у Серля

Дальнейшее развитие термин *удача* получает у другого основоположника ТРА – Дж. Р. Серля. Поставив во главу угла этой теории понятие иллокутивной силы, Серль формулирует условия выполнения или совершения (felicity conditions) иллокутивного акта¹⁰ (Серль 1986, Searle 1969). Таковыми являются общие для всех типов актов условия интенциональности, нормального производства и восприятия речи и специфические условия: пропозиционального содержания (propositional content condition), предварительное условие (preparatory condition), условие искренности (sincerity condition) и существенное условие (essential condition). Эти условия эксплицируются Серлем на примере иллокутивного акта обещания. Для обещания условие пропозиционального содер-

¹⁰ Ср. с ранее упомянутыми "сопутствующими обстоятельствами" в формулировке Остина.

жания заключается в том, что обещаемое действие направлено в будущее и будет совершено самим обещающим; предварительное условие предполагает, что содержание обещания, во-первых, не является делом само собой разумеющимся, во-вторых, соответствует интересам слушающего; условие искренности состоит в действительном намерении говорящего выполнить обещание, и, наконец, существенным условием является то, что обещающий берет на себя ответственность за выполнение обещаемого. Итак, суть понятия удача выводится из отношения между речевым воспроизведением предложения какого-либо языка и высказыванием как речевым актом. На основании перечисленных условий, необходимых для выполнения определенного иллокутивного акта, Серль формулирует соответствующие им правила реализации речевых актов.

2.3. Попытки разграничения "успеха" и "удачи"

ТРА вызвала огромный интерес у лингвистов, попытавшихся применить концепты философии языка к анализу естественных языков. Исследования в этом направлении сопровождались уточнением концептуального аппарата.

2.3.1. Критика теории Серля у Вундерлиха

Существенным вкладом в развитие ТРА и ее распространение явились работы Дитера Вундерлиха. Отталкиваясь от положений Серля, он сопровождает их собственными наблюдениями и подвергает критике неразработанные аспекты. В частности, он отмечает тот факт, что "niemand genau geklärt hat, was er unter dem Begriff des Gelingens verstehen will" (Wunderlich 1976, 110). Далее критике подвергается узость понятия *удача*, соотносимого в трактовке Серля только с выполнением отдельного иллокутивного акта. Эта узость, по мнению Вундерлиха, должна быть преодолена, "denn bei einem engen Gelingensbegriff kommt man über den einzelnen Sprechakt nicht hinaus" (там же). В отношении четырех условий выполнения речевого акта он отмечает их одностороннюю направленность на говорящего. Фактор адресата эти условия в достаточной мере не учитывают, необходимость же этого учета становится очевидной при переходе от изолированного акта к интеракции. Именно интеракция, по мнению автора, должна стоять в центре прагматического изучения. Еще одна важная заслуга Вундерлиха состоит в том, что он, пожалуй, впервые разделил понятия *успех* и *удача*.

In der wissenschaftlichen Diskussion wurden im Grunde schon immer zwei verschiedene Gelingensbegriffe verwendet, sie wurden aber mit demselben Terminus bezeichnet, und dies hat die Sachlage immer wieder verdunkelt. Deshalb halte ich das für nützlich, den Begriff des Gelingens strikt von einem viel weiteren und auch anderen Begriff des Erfolgseins zu unterscheiden. Diese Begriffe haben verschiedenen Status in der Theorie, sie sind auch in ihrer logischen Struktur verschieden. Erst beide Begriffe zusammen erlauben

es einmal die Realisierung von Sprechakten in den Blick zu nehmen, und dann beide aufeinander zu beziehen.

(там же, 111)

Логическую структуру успеха речевого акта согласно Вундерлиху составляют следующие его виды (или ступени): понимание, акцептация и исполнение, при этом понимание и акцептация относятся непосредственно к интерактивной ситуации. Связь между пониманием и акцептацией считается наиболее тесной в тех случаях, когда понимание происходит лишь тогда, когда возможна акцептация:

Sie sind beide eng miteinander verbunden, manchmal in dem Sinne, daß man etwas erst dann versteht, wenn man es akzeptieren kann (in dem hier verwendeten Sinn: daß man eine korrespondierende Einstellung übernimmt), d. h. auf sich bezieht.

(там же, 117)

Это важное замечание требует разъяснения в отношении двух феноменов (пропозиционального и непропозиционального понимания), которые обозначаются глаголом *понимать*. Его обсуждение будет предложено в II.3.1. Относительно же соотношения *удача/успех* рассуждение Вундерлиха несколько амбивалентно. Сначала он высказывает мнение о первоначальной или принципиальной независимости двух понятий: "Der Begriff des Erfolgreichseins ist zunächst ganz unabhängig von dem Begriff des Gelingens" (там же, 118). Вместе с тем считает возможной их соотносимость в следующей форме:

Wenn ein Äußerungsakt einen Sprechakt vom Typ j nur unvollkommen realisiert (d. h. nur partiell als Sprechakt j gelingt), dann ist es klar, daß die Chancen, daß dieser Sprechakt erfolgreich sein wird, zunächst gering sind.

(там же)

Другими словами, частичная неудача может повлечь за собой неуспех РА. Речевой акт, производимый с установкой на понимание и не понятый на каком-либо уровне нельзя считать удачным.

2.3.2. *Другие типы соотношений между понятиями "успех" и "удача"*

Оба понятия используются в разных лингвистических концепциях в различных значениях, вступая таким образом в различные концептуальные отношения друг с другом. Вот лишь два ярких примера.

2.3.2.1. *"Успех" vs "взаимопонимание" в модели целенаправленной рациональной деятельности у Хабермаса*

Принципиальному разделению концепты *успех* и *понимание* подвергаются в Habermas 1988 (385). Его модель целенаправленной рациональной деятельности

противопоставляет их в качестве ориентиров двух различных типов социальных действий. Действия, ориентированные на успех, относятся к стратегическому типу, а ориентированные на понимание, соответственно, к коммуникативному. В Habermas 1999 они дополняются третьим типом – согласующим. Он имеет место, "wenn die Beteiligten einen Geltungsanspruch aus denselben Gründen akzeptieren können" (там же, 117). Использование языка во всех трех типах подвержено, однако, риску лингвистического непонимания, т.е. – в терминах данной работы – коммуникативной неудаче. Таким образом, концептуальный аппарат Хабермаса находится несколько в стороне от принятого здесь прагматического лингвистического русла использования термина.

2.3.2.2. "Glücken" vs "Gelingen" в модели речевого акта у Балмера

В Ballmer 1979 пересматриваются некоторые теоретические положения Серля. В частности, критикуется отличие иллокутивного успеха от перлокутивного.

Illokutionäre Effekte sind solche, die das Verständnis des Hörers betreffen. Perlokutionäre Effekte betreffen im wesentlichen dessen Folgehandlungen. Da aber der Verständnisbegriff nicht hinreichend geklärt ist und insbesondere keine klare Grenze zwischen sprachlichen, und anschließenden intellektuellen und körperlichem Verständnis besteht, scheint mir eine klare Grenzziehung zwischen illokutionären (also das Verständnis betreffenden) und perlokutionären (andere Handlungen und Nichthandlungen, insbesondere Anschlußhandlungen betreffende) Effekte nicht möglich zu sein.
(Ballmer 1979, 248-249)

Для преодоления этой проблемы Т. Т. Балмер предлагает, в числе прочего, ввести понятие *ядро иллокутивного намерения*:

Innerhalb der illokutionären Absicht wollen wir das, was S erreichen will, den Kern der illokutionären Absicht nennen. Dieser Kern der illokutionären entspricht ungefähr dem perlokutionären Effekt. [...] Absicht aus der Perspektive des Sprechers beinhaltet, daß der *Angesprochene*, was er – dem Wunsch des Sprechers zufolge – glauben oder tun soll.
(там же, 250)

При этом удача (= *Glücken* у Балмера, ср. *Gelingen* у Вундерлиха) речевого акта зависит от выполнения его иллокутивного намерения, а успех (= *Gelingen* у Балмера, ср. *Erfolg* у Вундерлиха) – зависит от исполнения ядра иллокутивного намерения, или другими словами, от перлокутивного эффекта.

Nimmt man diese Konzeptionen von Sprechakten als Basis, so könnten wir sagen, daß der Sprechakt dann *glückt*, wenn sich durch den Vollzug des Sprechakts die illokutionäre Absicht erfüllt hat, und daß der Sprechakt dann *gelingt*, wenn sich aufgrund der Handlungen/Nicht-Handlungen des Hörers der

Kern der illokutionären Absicht erfüllt hat. Es besteht nun allerdings eine Kluft zwischen dem Glücken und dem Gelingen eines Sprechaktes. Ein Sprechakt kann glücken, ohne zu gelingen.

(там же, 251)

2.3.3. О соотношении концептов "удача" и "успех" у Фрайдхофа

Дальнейшая разработка концептов *удача* и *успех* на диалогическом материале славянских языков предложена Гердом Фрайдхофом (Фрайдхоф 1995в; оригинал в Freidhof 1992a). Моделирование условий *удачи* и *успеха* для отдельного речевого акта (в качестве примеров берутся РА обещания и требования), заимствованное у Вундерлиха и Мааса (Maas/Wunderlich 1972, 14) верифицируется эмпирически. В разграничении понятий автор подчеркивает необходимость различения сторон говорящего и слушающего, то есть учитывается диалогический параметр дискурса (Freidhof 1995в, 88). Именно эффект, произведенный у слушающего играет решающую роль в определении высказывания как удачного и/или успешного:

если я как слушающий воспринимаю требование (поскольку я согласен с предлагаемыми говорящим правилами / условиями), то можно говорить, что речевой акт удался; явится ли он успешным, выявится позднее / после его реализации. [...] Удача речевого акта сама по себе не несет информации о том, последует ли за первой удавшейся частью вторая часть речевого действия, то есть будет ли речевой акт успешным.

(там же)

Проведенное разграничение *удачи* и *успеха* речевого акта внутри коммуникативной рамки позволило автору предположить следующие комбинационные возможности:

1. Речевой акт удался и является успешным;
2. Речевой акт удался, но, в конечном счете, он не является успешным;
3. Речевой акт не удался и, следовательно, не является успешным;
4. Речевой акт не удался в собственном смысле слова и по началу является безуспешным; однако, внутри коммуникативной рамки после задержки речевого действия достигается его определенный успех. Подобная комбинация *удачи* и *успешности* мыслима только в определенном контексте – когда изначально неудачный речевой акт впоследствии воспринимается как удачный.

(Freidhof 1995в, 89)

2.4. Использование термина "коммуникативная неудача" в современных эмпирически ориентированных работах

Лингвистический интерес к комплексному феномену *успех/удача* проявился в многочисленных разноаспектных исследованиях, отличающихся некоторой непоследовательностью в использовании понятия.

2.4.1. Терминологический ряд

Русскоязычные работы отличаются сосуществованием терминов *непонимание, недопонимание, недоразумение, неудача, неуспех, ошибка, погрешность, сбой, конфликт, рассогласование и др.*¹¹. Невозможно говорить о какой-либо устойчивой системе употребления этого ряда терминов (даже еще более обширного – см. ниже) ни по оси синонимии, ни по родо-видовой оси. Иногда одно понятие используется для определения другого, т.е. одно выводится из другого. В иных случаях члены терминологического ряда в дефинициях заменяют друг друга.

2.4.2. Причины терминологического разнobia

Существуют, по меньшей мере, две причины терминологического разнobia. Первая причина – в продолжающемся смешении понятий *успех* и *удача*. Теория диалога и теория коммуникации переняла термины из ТРА, где они применялись в более специфическом значении для характеристики отдельного РА. В немецкоязычных работах по речевой коммуникации, появившихся после Wunderlich 1976 и Freidhof 1992, все еще можно встретить смешение двух терминов. Вот пример дефиниции с их синонимичным употреблением:

Akzeptiert der Sprecher diese Formulierung als Paraphrase seines Gedankenganges, so wird die Kommunikation als *erfolgreich* betrachtet. Im anderen Falle kann weiter "verhandelt" werden, d. h. nach anderen Paraphrasen gesucht werden, bis beide Partner übereinkommen, daß der Kommunikationsprozeß als *gelingen* anzusehen ist.

(Lenke/Lutz/Sprenger 1995, 81; курсив мой, Л. Г.)

Аналогичное, синонимичное, употребление можно наблюдать и в русскоязычных работах:

Изучение того, как люди общаются и как они преодолевают неудачи в общении, не дало пока единого общепринятого определения *успешной* – равно как и *неудавшейся* – коммуникации.

(Емельянова 1982, 98)

¹¹ Подобную ситуацию отмечает Weigand 1999 (763) в англоязычных исследованиях: "In the last decade misunderstanding has become a favourite topic in sociolinguistic and discourse analyses. It is addressed not only under the term 'misunderstanding' but also under such terms as 'miscommunication', 'misfit' or 'pragmatic failure'. These terms are applied to a variety of different cases and perspectives within varying methodological frameworks."

Попытки уточнения приводят к созданию новых синонимов понятия:

Неудивительно, что наряду с описанием закономерностей успешной коммуникации, большой интерес вызывает рассмотрение так называемых *коммуникативных неудач (или коммуникативных провалов, сбоев, срывов, рассогласований)* [...]

(там же)

Иногда терминологическая непоследовательность наблюдается даже в рамках одного исследования.¹²

Второй причиной являются неустановленные границы объема понятия. Отмечается возможность двоякого толкования – как в широком, так и в узком смысле.

Das Phänomen des kommunikativen Gelingens resp. Mißlingens kann sehr unterschiedlich definiert werden.

(Freidhof 1998, 291; ср. также McTear 1987, 36 и Weigand 1999, 763)

Узкое толкование предусматривает прежде всего ориентацию говорящего на правила совершения конкретного типа РА:

Eine Aufforderung ist gelungen, wenn der Hörer sie als solche akzeptiert; ein Versprechen ist gelungen, wenn der gewählte sprachliche Ausdruck als ein solches erkannt und dieses dann als glaubwürdig eingestuft wird; eine Ernennung ist dann (sprachlich) gelungen, wenn die bekannte ritualisierte Form verwendet wird usw. usf. Der Sprecher muß sich an bestimmten interaktionellen "Normen" orientieren, die in einer Sprechergemeinschaft üblich [...] sind.

(Freidhof 1998, 292)

При широком толковании понятия к коммуникативной неудаче относится любое непонимание высказывания партнером по коммуникации. Ср.:

¹² Даже в рамках одного исследования подчас трудно разобраться в предлагаемой терминологической системе. Приведу пример из исследовательского проекта "Преодоление языковых конфликтов. Коммуникативные сбои в телевизионных беседах", проведенного совместными усилиями русистов Потсдама, Ополе и Санкт-Петербурга. В интернетовской версии проекта дефиниция звучит следующим образом: "Коммуникативный сбой является родовым понятием для следующих терминов: коммуникативная неудача, коммуникативная помеха, коммуникативный дефект. [...] Коммуникативная неудача – полное или частичное непонимание сказанного партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего." (Chlebda/Lamprecht/Schubina 1998, Введение). Между тем журнальная статья тех же авторов меняет местами пару сбой-неудача: "Под коммуникативными неудачами авторы проекта понимают вызванные разными языковыми и внеязыковыми причинами случаи непонимания или недопонимания между партнерами, различные дефекты, помехи, сбои в процессе реализации интенции говорящего и (или) в процессе восприятия сообщения." (Лампрехт/Хлебда/Шубина 1999, 69).

In the broad sense, it can refer to any breakdown in communication between people. [...] If the hearer fails to understand what the speaker is trying to communicate, for whatever reason, then communication failure will have taken place.

(McTear 1987, 36)

2.4.3. Основания существующих дефиниций

Обобщая, можно выделить три *не*, лежащие в основании различных дефиниций. Первое основание – непонимание со стороны слушающего:

Существующие определения, отличаясь в более или менее важных деталях, сходятся в одном: ориентация на взаимное понимание – это основное требование к каждому акту общения.

(Емельянова 1982, 98)

Проблема речевого понимания, будучи главным предметом науки о понимании и интерпретации – герменевтики, издавна относится к центральным вопросам лингвистики. В гл. II.3-II.5 коротко обсуждаются основные вопросы теории понимания речи.

Второе основание – неосуществление коммуникативного намерения говорящего. Характерным в этом смысле является определение, данное в работе Ермакова/Земская 1993:

Коммуникативной неудачей (КН) мы называем полное или частичное *непонимание* высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего.

(Ермакова/Земская 1993, 31)

В силу латентной природы интенции представляется проблематичным изучение второго основания, касающегося намерения говорящего, в рамках лингвистики.

Третье основание – невыполнение высказыванием его функционального предназначения:

Коммуникативная неудача – это такой сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения.

(Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 67)¹³

¹³ С предложенным авторами определением буквально совпадает вторая часть дефиниции, даваемой в Емельянова 1992 (98): "Коммуникативная неудача, или коммуникативное рассогласование, – это такой вид речевого взаимодействия, в ходе которого используемые для данного речевого акта речевые произведения не выполняют

Только третья дефиниция может служить основой собственно лингвистического описания. Текст высказывания анализируется на предмет языковых причин, обуславливающих невыполнение коммуникативной функции. Такой анализ предлагается в гл. IV.

3. Понимание речи

3.1. *Что является объектом понимания в речи?*

Итак, КН – это нарушение взаимопонимания, а в основе коммуникативного акта лежит речевое действие. Таким образом, объектом понимания в коммуникации является РА. В силу того, что РА имеет сложную структуру и находится под влиянием множества факторов, необходимо выяснить, непонимание чего именно в коммуникативном акте следует считать КН.¹⁴

Естественно, что непонимание любого из составляющих РА симультанных актов, выделенных Серлем, означает наступление КН. Однако, комплексность РА не исчерпывается локуцией, референцией, предикацией и иллокуцией. Согласно Фоллесдал 1986 (144) понимание действий это –

способность объяснить действие, то есть объяснить, почему данное действие было совершено. Заметим, что в случае речевых актов часто существует неопределенность между пониманием самого сообщения и пониманием того, почему данное высказывание было произнесено. Когда мы рассматриваем речевой акт как действие, нас должен интересовать именно второй вопрос. Часто, однако, объектом нашего понимания является содержание речевого акта. В силу этого мы всегда должны четко представлять, какой именно вопрос нас интересует.

Итак, понимание речевых актов или объяснение их совершения (то есть понимание мотивов действия) отличается от понимания их содержания. Отличие этих двух объектов понимания прослеживается в семантике самого глагола *понимать*.

В Дмитровская 1985 (106-107) предлагается различать два употребления глагола – относительно пропозиционального и непропозиционального понимания.

своей функциональной предназначенности и не ведут к образованию результирующего (заданного) эффекта в совместных действиях коммуникантов; короче говоря, это такой сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения."

¹⁴ Рассмотрение возможностей философского подхода к комплексу проблем, связанных с пониманием речи – предмет отдельного исследования. В качестве ориентира здесь выбраны работы Фоллесдал 1986 (ориг. в Føllesdal 1981) и Виноград/Флорес 1996 (ориг. в Winograd/Flores 1987), написанные в герменевтической традиции аналитической философии Людвиг Витгенштейна и Ханса-Георга Гадамера. Ср. также von Wright 1991.

Утверждения понимания, в которых присутствует пропозиция, выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они сообщают о самом факте понимания, описывают некоторое ментальное состояние человека. С другой стороны, они осуществляют ввод новой информации, которая была получена субъектом в результате определенных мыслительных усилий. Понимание как состояние тесно связано с пониманием как результатом, поэтому здесь вполне закономерно употребление глагола *понять* в форме несовершенного вида. [...] непонимание равносильно отсутствию мнения или незнанию.

В непропозициональном употреблении глагол *понимать* сочетается с обозначениями лиц, их поступков и эмоциональных состояний, а также продуктов интеллектуальной деятельности людей. В непропозициональном употреблении рассматриваемый глагол выполняет в основном функцию характеристики субъекта и часто не ассоциируется со значением результата. Связь понимания со знанием не является здесь однозначной.

Непропозициональное понимание не может считаться коммуникативной неудачей в строгом смысле слова, потому что объектом понимания здесь является не сам РА, то есть не сама речь, а то, что вызывает эту речь и отображается в речи латентно.¹⁵ На основании высказывания адресат никогда не может с абсолютной уверенностью судить о внутренних мотивах говорящего. Он может, но не должен задаваться вопросом об этом до тех пор, пока говорящий выражение этих мотивов (по крайней мере, косвенно) не поставит целью совершения своего речевого акта. Последнее происходит конвенционально, значит, может быть привлечено к прагматическому анализу. Интерпретация же мотивов действий, в том числе и речевых, относится к психологии общения. Таким образом, лингвистика здесь складывает свои полномочия, в ее область не входит освещение всех возможных внеязыковых причин КН:

Das Ziel kann [...] nicht eine vollständige Bestandsaufnahme möglicher Ursachen sein, weil im Prinzip jeder beliebige Faktor der außersprachlichen Wirklichkeit kausal mit einem Mißverständnis in Verbindung gebracht werden kann.

(Falkner, 99)

Цель речевого акта (коммуникативное намерение) также должна быть ограничена от его значения (пропозиционального содержания). На важность разделения этих двух объектов понимания обращает внимание Юрген Хабер-

¹⁵ Ср.: "'Verstehen' im Sinne der hermeneutischen Philosophie sollte von Einfühlung unterschieden werden. Es handelt sich hier um eine semantische und nicht um eine psychologische Kategorie" (von Wright 1991, 39). Необходимо, однако, заметить, что разделение теоретических концептов на практике проблематично. Так, лингвистическое (пропозициональное) непонимание может тесно переплетаться (обуславливаться?) с психологическим непониманием между партнерами (см. пример развития личного конфликта в ходе многоходовой КН в III.4.4).

мас, критикуя неспособность интенциональной семантики объяснить механизм координации речевой интеракции¹⁶:

Die intentionale Semantik stützt sich auf die kontraintuitive Vorstellung, daß sich das Verstehen der Bedeutung eines Sprechers S, einem Hörer H mit Hilfe eines Anzeichens etwas zu verstehen zu geben, zurückführen läßt. [...] Der Versuch der intentionalen Semantik, das, was der symbolische Ausdruck x bedeutet, auf das, was S mit x meint bzw. indirekt zu verstehen gibt, zurückzuführen, scheitert, weil es für einen Hörer zweierlei ist zu verstehen, was S mit x *meint*, d. h. die *Bedeutung* von x zu *verstehen*, und die *Absicht*, die S mit der Verwendung von x verfolgt, also den *Zweck*, den S mit seiner Handlung erreichen *will*, zu *kennen*. S wird nur dann seine Absicht, H zu einer Bedeutungsintention zu veranlassen, erfolgreich ausgeführt haben, wenn H die Absicht von S, mit ihm zu kommunizieren, erkennt und versteht, *was* S in Ausführung seiner Kommunikationsabsicht gemeint hat. Einzig in Kenntnis der Kommunikationsabsicht von S wird H nicht verstehen, was S meint, d. h. worüber er mit ihm kommunizieren will.

(Habermas 1988, 371; курсив автора, жирный шрифт мой, Л. Г.)

В отличие от мотивов, коммуникативное намерение отражается в РА (точнее, в его иллокутивной силе) конвенциональными способами, следовательно, непонимание намерения также должно быть отнесено к КН.

Наконец, еще одним объектом непропозиционального понимания в коммуникативном акте является сама коммуникативная ситуация.

Осознать какую-либо ситуацию – это всегда задача особой сложности. Сама идея ситуации означает, что мы не стоим вне ее, а значит, неспособны иметь о ней какое-либо объективное знание. Мы всегда находимся в рамках ситуации, и задача пролить на нее свет – это задача, которая никогда полностью не осуществляется.

(Гадамер 1988, 268; ориг. в Gadamer 1990)

Адресат может ошибочно понимать различные ситуативные параметры, если они недостаточно эксплицитно отражены в РА. В Ferrari/Prodanof 1987 (283) конструируется следующая ситуация:

Many teachers may recall that the very first time they were lecturing the students, a scene similar to the following occurred:

The teacher, clearly embarrassed, asks a student:

(31) Excuse me, where ist the classroom n. 21?

The addressed student gives some unkind or aggressive answer like

¹⁶ Среди представляющих это направление работ в Habermas 1988 называются следующие: Grice 1979a; Grice 1979b; Lewis 1969; Schiffer 1972; Bennett 1976.

(32a) What do you need to know it for?

(32b) Find it by yourself

as is traditional in many colleges to address newly matriculated students.

The teacher, even more embarrassed, clarifies his position

(33) Well... I am the teacher

The answer of the student is due to the failure of the hearer to recognize a teacher in the speaker role.

Этот тип неудачи авторы идентифицируют как "a wrong individuation of the speaker by the hearer" (там же, 281). В таких неудачах проблематично выделение лингвистической причины. Условной 'ошибкой' Г1 (учителя) можно было бы считать неуказание на собственный статус, дающий ему право на постановку вопроса в (31). Этот вопрос – в случае такой ошибки – следовало бы признать неполным. Неэкспликация правомочности вопроса (обладание специальным социальным статусом) относится, однако, к условиям успешности РА. Поэтому высказывание (31) в приведенной цитате неуспешно, но, с точки зрения как пропозиционального, так и иллокутивного понимания, вполне удачно. Значит, данное непонимание относится к ситуативному, а не собственно лингвистическому непониманию и также не может быть отнесено к КН в строгом смысле слова. Подобные неудачи составляют отдельный предмет исследования:

Hier wird nicht eine Replik [...] falsch verstanden, sondern die Situation selbst wird mißinterpretiert, die zu dieser Äußerung führt. Es geht also nicht um Mißverstehen von Sprache, sondern um Mißinterpretieren von Außersprachlichkeit. (Freidhof 1998, 295)

Итак, объектом понимания в коммуникации является, во-первых, сам речевой акт, во-вторых, мотивы, побуждающие Г1 к РА, в-третьих, совокупная коммуникативная ситуация, опосредованно выражаемая в РА. В данной работе собственно КН считается только непонимание самого РА, то есть непонимание локуции, пропозиции и иллокуции высказывания (ср. также коммуникативную модель в Falkner 1997).

3.2. Почему возможно понимание в речи?

Влияние окружающего мира и коммуникативной ситуации на производство и интерпретацию РА преломляется через а priori отличные друг от друга системы знаний (лингвистических и энциклопедических) и взглядов говорящих индивидуумов. Этим обусловлена принципиальная невозможность абсолютного тождества между значением говорящего и лингвистическим значением высказывания, а, следовательно, и между коммуникативным намерением Г1, которое лежит в основе РА, и складывающимся у Г2 в результате интерпретации РА представлением о коммуникативном намерении Г1 (см. схему 1).

Каждый естественный язык (общий код) под таким углом зрения представляет собой совокупность множества не совпадающих между собой индивидуальных языков (субкодов).

Под влиянием тезиса В. фон Гумбольдта о том, что "всякое понимание есть вместе непонимание; всякое согласие в мыслях – разногласие" (цитируется по Потебня 1997а, 68), А. А. Потебня аргументирует невозможность понимания:

Понимание происходит следующим образом. Произнося слово "корова", говорящий думает следующее: то, что я вижу, представляется мне рогатым. Таким образом требующее объяснения новое, чисто личное восприятие через посредство представления, признака, общего ему с прежним запасом мысли, объясняется этим последним. Следующий получает от этого процесса только звуки: "корова", которые будят в нем отношение к комплексу мысли, который он сам объективировал в подобных звуках. Суждение, происходящее в нем при понимании этого слова, таково: "Эти звуки значат нечто, представляемое рогатым". Допустим, что оба они видят предмет, о котором идет речь, и что понимание облегчено жестами, указанием со стороны говорящего. При этом окажется, что чувственное восприятие "корова" в том и другом различны, что объясняющие комплексы в том и другом различны еще более, ибо разница их состава зависит не только от различия прежних восприятий, но и от различия сочетаний, в которые вошли эти восприятия с другими. Общим между говорящим и слушающим, понимающим окажутся только звуки и представление, а в случае затемнения представления (рогатый) – только звуки. Таким образом, "никто не думает при слове именно того самого, что другой". [...] Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы. (Потебня 1997а, 70)

Самое большее, чего можно требовать от речевого общения – это установление контакта между говорящими и их субкодами:

[...] наше слово действует на других. Оно устанавливает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая их содержания, а, так сказать, "настраивая их гармонически". (там же, 70)

И через сто лет после Гумбольдта и Потебни в лингвистике можно встретить мнения, оценивающие гармоничное общение как недостижимое. Эта экстремальная позиция формулируется в Демьянков 1981 (372) следующим образом:

"эффективность" общения – только видимость, на самом же деле каждый остается в своем внутреннем мире, и интерпретируются не очередные ходы партнера, а только языковые выражения, понимаемые на фоне "мысленных" ходов, предсказуемых внутри этих внутренних миров.

Этой позиции противостоит более оптимистический взгляд на проблему понимания в семантике, ориентирующейся на объективистское герменевтическое направление, и в прагмалингвистике. Объективистская семантика исходит из того, что языковые единицы обладают значениями, существующими реально вне зависимости об субъективной интерпретации говорящими.

Целью герменевтической теории (теории интерпретации) при этом признается разработка методов, с помощью которых можно освободиться от всех предрассудков и осуществить объективный анализ того, что действительно заключено в тексте. Идеальным результатом считается полная "деконтекстуализация" текста.
(Виноград/Флорес 1996, 186)

Цели прагмалингвистики несколько 'скромнее'. Не предъявляя претензий на принципиально тотальное понимание, она обосновывает возможность понимания, максимально приближенного к 'правильному', небесконечностью числа возможных употреблений языка для каждой конкретной коммуникативной ситуации. Имеется

[...] nicht unendlich oder unbestimmt viele Sprachspiele bzw. Sprachverwendungen. Die Grenzenlosigkeit der Sprachverwendung ist vielmehr eine Illusion.
(Searle 1982, 50)

Итак, набор возможных пониманий высказывания ограничен, и именно течение диалога открывает возможность к обоюдному пониманию:

[...] между множествами интерпретаций для "ходов" на протяжении одного и того же эпизода общения у разных участников устанавливается более или менее стабильное соотношение наборов гипотез (в пограничном случае – тождество). [...] на каждом же шаге общения каждое из множеств сужается.
(Демьянков 1981, 372)

В этом смысле диалог, рассматриваемый как воплощение речевой деятельности, – не только демонстрация отсутствия единого кода, но и его поиск. Этот поиск облегчен, по крайней мере, двумя обстоятельствами, относящимися к семантике.

Первое обстоятельство основывается на относительной тождественности высказывания самому себе в условиях 'нормальной' коммуникации. В его пользу выступают сторонники догмы о семантической идентичности высказывания в речи.

Dem, der (in gewissen Grenzen, versteht sich) frei ist, Antwort zu geben, ist die Gemeinschaftlichkeit des symbolisch besiegelten Einverständnisses zur Disposition gestellt; an seinem Vermögen, dieses Einverständnis neu und anders zu deuten, bricht sich die Einheit des sozialen Code. [...] Erweitert man den Sinn von >Antwortgeben< über den Bereich der Information über Sachverhalte oder Haltungen des Sprechers hinaus auf die fundamentale Fähigkeit, Deutungen von Sachverhalten neu und anders vorzunehmen als die Sprachgemeinschaft (oder der Gesprächspartner), dann tastet man zugleich eine Grundvoraussetzung weiterer Fraktionen der Sprachwissenschaft an, derzufolge die semantische Identität eines Ausdrucks (oder einer Äußerung) im Akt der Übertragung nicht gefährdet sein darf [...]

(Frank 1990, 38-39)

Второе обстоятельство, существенное для взаимопонимания, заключается в действительности значения ('буквального значения' в терминологии Searle 1978) для обоих коммуникантов. Этот аспект изучается в *Wahrheitssemantik*:

Sprecher und Hörer verstehen die Bedeutung eines Satzes, wenn sie wissen, unter welchen Bedingungen der Satz wahr ist. Entsprechend verstehen sie die Bedeutung eines Wortes, wenn sie wissen, welchen Beitrag dieses dazu leistet, daß der mit seiner Hilfe gebildete Satz wahr sein kann. Die Wahrheitssemantik entfaltet also die These, daß die Bedeutung eines Satzes von dessen Wahrheitsbedingungen determiniert wird. Damit wird der interne Zusammenhang zwischen der Bedeutung eines sprachlichen Ausdrucks und der Geltung eines mit seiner Hilfe gebildeten Satzes zunächst für die Dimension der sprachlichen Darstellung von Sachverhalten herausgearbeitet.

(Habermas 1988, 374)

В Searle 1978 (117) указывается на соотнесенность условий истинности буквального значения с фоновыми знаниями.¹⁷

¹⁷ Положение о том, что в реальном языке практически не встречаются высказывания, имеющие только непреднамеренно буквальное значение, иллюстрируется следующим диалогом с КН: А.: *Есть в холодильнике вода?* Б.: *Да.* А.: *Где? Я не вижу ее.* Б.: *В клетках баклажана.* Первый ответ Б. "в буквальном смысле истинен. [...] Он был бы вполне уместен, если бы индивид А. искал источники сырости, явившиеся причиной порчи фотопластинок, хранившихся в холодильнике. [...] Мы не можем предложить независимо от ситуации определения того, что может называться водой, ибо [...] всегда можно придумать новый контекст, в котором оно окажется неадекватным" (Виноград/Флорес 1996, 197).

Каждый речевой акт осуществляется в каком-то контексте, снабженном фоновыми значениями, которые оказываются общими для говорящего и слушающего. "Условия удачности" речевого общения зависят от взаимно доступного знания и от интонаций.

(цитируется по Виноград/Флорес 1996, 197)

Приципиальное несовпадение индивидуальных значений (субкодов говорящих) с независимым от контекста буквальным значением (универсальным кодом) преодолевается с развитием структурализма, рабочая гипотеза которого состоит в том, что

alle menschliche Phänomene, auch die affektiver Natur, sind 'kodiert', d. h. kategorial strukturiert und Regeln unterworfen. Sie sind als solche nicht nur einer glückhaften Einfühlung, sondern prinzipiell auch einem rationalen Begreifen zugänglich.

(Grewendorf 1979, 176)

Структура, лежащая в основе всех рациональных действий, в том числе и понимания, универсальна.

Die Grundvoraussetzung für das intersubjektive Verstehen ist, wie man zu sagen pflegt, die gemeinsame Menschennatur, ein gemeinsames Arsenal von Kategorien, Strukturen und Regeln der Erfahrung, der Sprache und des Denkens.

(там же, 186)

Структурной универсальностью предопределяется выводимость связи между коммуникативным намерением и высказыванием (т.е. между 'значением говорящего' и лингвистическим значением высказывания в терминах ТРА, см. Grice 1975 или же 'буквальным значением' в терминологии Серля, см. Searle 1978), на которой и основывается понимание. В целом, согласно современной прагматической модели лингвистической коммуникации, удача последней принципиально возможна:

La comunicazione linguistica riesce se l'ascoltatore riconosce l'intenzione comunicativa del parlante. La comunicazione linguistica è possibile perché il parlante P e l'ascoltatore A condividono un sistema di strategie inferenziali che portano dall'enunciazione dell'espressione E al riconoscimento da parte di A dell'intenzione comunicativa di P.

(Akmajan/Demers/Farmer/Harnish 1996, 293; оригинал см. те же, 1984)

В этом смысле субкод с его индивидуальными значениями предстает как подвижная, перестраивающаяся в процессе речи система, что позволило Роману Якобсону (Jakobson 1961, 574) говорить о его конвертируемости.

Der Kode des einzelnen Sprechers ist nicht monolithischer Art. An gewissen Punkten im Aufbau des Kodes baut der Sprecher zwei oder mehrere der möglichen Wege aus. In der Folge kann er nach Belieben von einer Variante oder, wie man sich ausdrückt, von einem Subkode zum andern wechseln. (Grewendorf 1979, 176)

Два главных вида деформации универсального кода – "(regelmäßige!) Reduktion auf den eigenen (Sub-)Kode und die Hyperakkommodation an den fremden (Sub-)Kode" (там же) – предопределяют возникновение КН.

3.3. *Понимание vs интерпретация*

Между понятиями *понимание* и *интерпретация* наряду с синонимичным отношением, при котором они взаимозаменяемы, например, при обозначении реакции адресата на высказывание в словосочетании *понимание второго говорящего/интерпретация второго говорящего*, можно установить иерархические отношения или отношения противопоставления.

Отношение взаимозависимости наиболее отчетливо устанавливается в философских системах. Феноменология Мартина Хайдеггера рассматривает интерпретацию как основополагающую категорию всей человеческой деятельности, сближаясь в этом с аналитической философией.

Одно из наиболее значимых постижений феноменологии состоит в том, что деятельность интерпретатора [...] пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Для осознания того, что значит думать, понимать и действовать, нам необходимо признать роль интерпретации.

(Виноград/Флорес 1996, 185; оригинал см. Winograd/Flores 1987)

В исследованиях речевой коммуникации также можно выделить, по меньшей мере, два взаимодополняющих противопоставления. Первое противопоставление, на которое ориентируется данная работы, исходит из объекта, на которые направлено/а понимание/интерпретация. Объектом понимания является семантический уровень высказывания, а объектом интерпретации – его прагматический уровень:

Понимание обеспечивается знанием значений слов и предложений (семантической компетенцией), а интерпретация – знанием механизмов употребления языка (прагматической компетенцией).

(Арутюнова 1988, 61-62)

Это противопоставление действует, конечно, только при теоретическом абстрагировании в один конкретный момент времени и снимается в процессе понимания благодаря тому, что происходит постоянное взаимодействие между семантическим и прагматическим уровнем высказывания.

Dies geschieht anlässlich der Schilderung der Ergebnisse eines Versuchs, der beweist, daß semantische Ambiguitäten ('Flügel') bei nicht-spezifizierter Situation (also in isolierten Sätzen bzw. Satzanfängen) "mehr Entscheidungsunsicherheit und [...] dementsprechend längere Reaktionszeiten für die Vervollständigung bewirkten".

(Müller 1984, 68)

При другом противопоставлении пониманию как состоянию противопоставляется интерпретация как процесс. Реакция Г2 при этом представляет собой движение от предварительного понимания¹⁸, являющегося исходным пунктом интерпретационных усилий. В результате интерпретации Г2 снова вступает в состояние понимания, на этот раз – понимания реконструированного, окончательного (ср. Biere 1994, 160). Для того чтобы выполнить задачу интерпретации, а именно, для того чтобы понять "wie die Äußerung gemeint ist, welche Geltung sie in der kommunikativen Situation und im weiteren Kontext hat" (Holly 1992, 18), интерпретатор должен приложить более или менее сознательные интерпретационные усилия. Для этого

muß er den Zirkel hermeneutischer Annäherung durchlaufen oder besser: kann er sich auf einer Spirale bewegen, kann – mit einer alten hermeneutischen Metapher (Kühne 1983, 196) – "Stufen des Verstehens" hinaufklettern, indem er von einem intuitiven "Vorverständnis" allmählich zu subtileren und anspruchsvolleren Beschreibungen vordringt.

(там же)

Герменевтический круг, неизбежность которого признается в Gadamer 1990, мыслится как взаимодействие пред-понимания и текста высказывания.

Значение индивидуального текста задается контекстом, оно зависит от момента интерпретации и горизонта, привносимого в него интерпретатором. Однако сам этот горизонт представляет собой продукт истории взаимодействий в языке, взаимодействий, которые сами являются текстами, по необходимости понимаемыми в свете пред-понимания. То, что мы понимаем, основывается на том, что мы уже знаем, а то, что мы знаем, определяется нашей способностью понимать.

(Виноград/Флорес 1996, 188)

Отношение понимание – интерпретация могут трактоваться и обратным образом: именно понимание трактуется как процесс, "в котором жизненно важную роль играют текст, его производство и интерпретация" (Виноград/Флорес 1996, 186). Biere 1994 (160) указывает на те герменевтические

¹⁸ В терминологии Gadamer 1990 это – Vorverständnisse, система которых образует горизонт интерпретатора.

направления, которые не придерживаются трактовки понимания как статического понятия. Однако противоречие это – мнимое.

Während hier 'Verstehen' als ein Zustand gedeutet ist, der einerseits Ausgangspunkt, andererseits Ergebnis von Interpretationshandlungen ist, dem selbst aber kein Handlungscharakter zukommt, ist in neuerer sprachpsychologischer Literatur, insbesondere in der kognitiv orientierten Psychologie der Textverarbeitung, aber auch in neueren textwissenschaftlichen Ansätzen 'Verstehen' in der Regel als Prozeß der Text- bzw. Informationsverarbeitung aufgefaßt. Die Frage nach einer Explikation dessen, wie Sprachteilhaber Texte verstehen, welche 'Strategien' sie anwenden, welches 'Wissen' sie aktivieren, um etwa Kohärenz herzustellen, um Implizites zu erschließen ('Inferenz'), scheint die alte hermeneutische Frage nach der Kunst des Verstehens neu zu beleben. [...]

Als kognitiv-aktiver Prozeß des Rezipienten vorgestellt, erweist sich 'Verstehen' einmal mehr als bedeutungs- bzw. sinnkonstituierender und dementsprechend nicht bloß reproduktiver Prozeß. Das aber läßt sich genau auf die Formel Gadammers bringen, daß Verstehen 'immer schon' Auslegen ist. Erst im explizit verbalisierten, argumentativen Prozeß des Interpretierens allerdings gewinnt es den Charakter methodisch reflektierten Handelns, dessen Ziel es ist; ein vorgängiges, in der unhinterfragten alltagspraktischen Gewißheit begründetes Verständnis qua hermeneutischer Reflexion zu 'destruieren', auch wenn dieses andererseits als notwendiger Ausgangspunkt auf dem Weg zu einer methodischen Rekonstruktion zu begreifen ist.

(там же)

Понимание характеризуется двумя основными чертами: это процесс постоянный и постепенный:

Verstehen ist kontinuierlich, baut sich allmählich auf und bewegt sich über verschiedene Grade, ohne daß [...] eine aufgrund der einlaufenden Informationen plötzlich notwendige Uminterpretation des bisher Verstandenen unmöglich oder ungewöhnlich wäre.

(Müller 1984, 21)

Так как в результате неправильной интерпретации не достигается окончательное (окончательное, конечно, только для данной диалогической последовательности) правильное понимание, к КН будут относиться как проблемы в понимании семантического содержания, так и проблемы в интерпретации прагматического содержания. КН 'семантического' типа – это непонимание или неправильное понимание слушающим конвенционального смысла (или лингвистического, буквального значения) высказывания, а КН 'прагматического' типа – это неправильная интерпретация его неконвенционального смысла (или значения говорящего).

3.4. *Правильное понимание – какое?*

Идентификация понимания как правильного предполагает существование некоей меры, соответствие некоторому идеалу. Для художественной формы коммуникации все еще остается предметом дискуссии вопрос о том, поддается ли текст окончательному осмыслению, можно ли говорить о единственно правильном понимании текста, и что считать правильным пониманием: понимание читателя, понимание автора, или же текст обладает своей независимой интенцией (см. об этом, напр., Есо 1995). Для повседневной коммуникации, направленной на координацию социальной деятельности, на этот вопрос имеется достаточно однозначный ответ: правильным пониманием считается то понимание, к которому стремится Г1, он один характеризует интерпретацию Г-го2 как правильную, то есть такую, которая соответствует его коммуникативному намерению. При этом вопрос о том, насколько правомерна интерпретация Г-го2, или насколько кодировка адекватна интенции Г-го1 в данном высказывании, как правило, не интересует Г-го1. Более важным для него является соответствие между собственной интенцией и значением, выведенным Г-им2, а не конвенции, регулирующие кодирование, знание о которых Г1 использует имплицитно. В распоряжении же Г-го2 имеются только конвенции, согласно которым он выводит значение высказывания.

3.5. *Формы понимания: понимание – непонимание – неправильное понимание*

Процесс коммуникации на естественном языке – это не альтернатива 'понимание-непонимание', а многообразные формы частичного, измененного и ошибочного понимания.

Все разнообразные формы ментального состояния Г2 (как результата интерпретации исходного высказывания Г1) принято оценивать по трехчленной шкале: (правильное) понимание – непонимание – неправильное понимание. Приведу мнения двух авторов, придерживающихся этой триады¹⁹:

Wo immer sich Interaktionsteilnehmer mittels Symbolen verständigen, bestehen die Alternativen von **Verständnis**, **Unverständnis** und **Mißverständnis** [...]. Sprachliche Kommunikation setzt das Verstehen von und die Stellungnahme zu kritisierbaren Geltungsansprüchen voraus.
(Habermas 1988, 113; выделено мной, Л. Г.)

There are three fundamental outcomes to attempts by a speaker to communicate successfully to a hearer: **correct understanding**, **lack of understanding** and **misunderstanding**. If the hearer correctly understands what the speaker intends to express in an utterance their dialogue proceeds coherently. If the

¹⁹ Ср. также триаду в Weigand 1999 (765) – understanding, misunderstanding, non-understanding.

hearer does not understand what the speaker is endeavouring to express he is aware of his own lack of understanding and can either conceal it or seek clarification. If the hearer misunderstands what the speaker is endeavouring to express in an utterance he has an understanding of that utterance which unbeknown to him is incorrect. In a misunderstanding the hearer believes he has a correct understanding which in fact he does not have, while the speaker believes that the hearer's understanding corresponds with what he intended his utterance to express which in fact it does not.

(Humphreys-Jones 1987, 26; выделено мной, Л. Г.)

Оценка результата интерпретации выводится из соотношения между мнением адресата, выраженным имплицитно или эксплицитно в реплике-реакции, и действительным положением вещей, то есть, мнением наблюдателя. Именно наблюдатель, информированный как о коммуникативном намерении и пропозициональном значении Г-го1, так и представлении Г-го2 о намерении Г1 и пропозициональном значении Г2, идентифицирует коммуникативный акт как удачный (понимание) или неудачный (непонимание и неправильное понимание). Однако в естественном диалоге мнение наблюдателя не представлено: оценку коммуникации производят только непосредственные участники диалога. При этом Г2 в состоянии делать утверждения только относительно альтернативы 'понял/не понял', а Г1 в состоянии оценивать понимание Г-го2 относительно своего коммуникативного намерения альтернативой – 'правильно/неправильно'. Поэтому в диалоге реплика-реакция Г-го2 на высказывание Г-го1 должна описываться не по трехчленной, а по четырехчленной шкале. Комбинационные возможности четырех оценок позволяют предположить существование не трех, а четырех форм понимания как результата интерпретации Г2. Их удобно представить в виде таблицы (см. схему 2).

Схема 2: Гипотетические формы понимания в диалоге

оценка Г2 \ оценка Г1	понял	не понял
правильно	П	Н
не правильно	НП	НН

П – понимание: Г2 считает, что он понял высказывание Г1, и Г1 считает, что Г2 правильно оценивает свое ментальное состояние.

Н – непонимание: Г2 считает, что он не понял высказывание Г1, и Г1 считает, что Г2 правильно оценивает свое ментальное состояние.

НП – неправильное понимание: Г2 считает, что он понял высказывание Г1, но Г1 считает, что Г2 неправильно оценивает свое ментальное состояние, то есть, что Г2 на самом деле неправильно понял высказывание Г1.

НН – 'неправильное непонимание': Г2 считает, что он не понял высказывание Г1, но Г1 считает, что Г2 неправильно оценивает свое ментальное состояние, то есть, что Г2 на самом деле правильно понял высказывание Г1.

Понимание и *'неправильное непонимание'* соответствуют, в конечном счете, коммуникативной удаче, а *непонимание* и *неправильное понимание* – коммуникативной неудаче. В гл. III.2.1. будет показано, каким образом четыре гипотетически выделенные формы понимания находят отражение в эмпирических материалах.

3.6. *Выводы и попытка рабочей дефиниции*

Термин *коммуникативная неудача* возник в ТРА (Остин), затем сфера его применения расширилась от отдельного типа РА (обещание у Серля) к совокупному коммуникативному акту, в котором второй говорящий (или слушающий) играет роль, не менее важную, чем первый говорящий. Эта терминологическая метаморфоза по-своему отразила переориентацию гуманитарной науки во второй половине века. Создатель термина Остин – один из последователей аналитической философии, изначально занимавшейся поисками 'идеального' искусственного языка. Свое же широкое применение термин нашел в исследованиях диалогического дискурса, обращенных к живому, реальному языку.

Отделившись от понятия *успех* и приблизившись к понятию *понимание* (Wunderlich), понятие *коммуникативная удача* было перенято теорией диалога, одной из форм человеческой коммуникации.

Нормой коммуникации считается стремление к взаимному пониманию речевых действий коммуникантов. Непонимание (в том числе, частичное непонимание, а также неправильное понимание) одним коммуникантом речевого действия (а именно, его пропозиционального содержания и иллокутивной силы), произведенного другим коммуникантом в расчете на понимание, рассматривается как коммуникативная неудача.

При коммуникативной неудаче взаимосвязаны все три элемента коммуникативного события, являющиеся центральными элементами совокупной коммуникационной модели: *говорящий* – неудачу терпит коммуникативное намерение говорящего, реализованное посредством неудачного речевого акта, *слушающий* (второй говорящий) – неудачу терпит интеллектуальное действие интерпретации слушающим речевого высказывания; *высказывание* (или речевой акт) – оно не выполняет свою коммуникативную функцию в соответствии с намерением первого говорящего.

Укажу некоторые ограничения, накладываемые на эту дефиницию. В качестве КН в строгом смысле слова можно идентифицировать лишь тот речевой акт, который характеризуется целенаправленностью и адресованностью.

Не может считаться КН непонимание кем-либо какого-либо речевого произведения, не предназначенного для понимания вообще (напр., озвученная внутренняя речь, причитания и т.п.). Пользуясь терминологией ТРА, можно сказать, что такие речевые действия имеют пропозицию (текст), но не иллюкцию.²⁰

Кроме того, нельзя считать КН непонимание высказывания, не предназначенного для понимания конкретным адресатом (напр., непонимание диалога третьим лицом – невольным слушателем, находящимся вне схемы данного коммуникативного акта), так как каждый коммуникативный акт рассчитан на горизонт ожидания определенного адресата, а не любого находящегося в поле зрения.

4. Понимание как категория прагматического описания диалога

"Für die Interpretation gibt es keine endgültigen Beweise und niemals das Markenzeichen zweifelsfreier Objektivität" (Holly 1992, 20). Тем не менее, движимый императивом понимания, говорящий стремится к правильной интерпретации, каждый раз достигая консенсус с собственной 'герменевтической' совестью – некое удовлетворительное среднее между абсолютным пониманием и нулевым пониманием. Для того чтобы говорящий был более или менее удовлетворен результатом собственной интерпретации, у него должно быть достаточно источников интерпретации.

Кроме того, понимание строится по правилам и с использованием понятийного аппарата. В рамках прагматического подхода к изучению речи были разработаны так называемые конверсационные принципы, имплицитно используемые одновременно говорящим для кодирования своего коммуникативного намерения и адресатом для его декодирования, то есть служащие стратегиями или принципами интерпретации.

4.1. *Источники и правила интерпретации*

К источникам понимания Harnappel/Melenk 1990 (25-26) относят кроме предварительного понимания (= Wahrnehmung, ср. Vorverständnis в терминологии Holly 1992 и Gadamer 1990) следующие:

²⁰ Ср.: "Объектами понимания являются не произвольные телодвижения, а только те, которые могут быть названы действиями, то есть те, которые либо сами направлены на достижение определенной цели, либо связаны с целеустановкой каким-нибудь другим способом." (Фоллесдаль 1986, 141; ориг. в Føllesdal 1981). Соответственно, объектами понимания являются только те высказывания, которые являются продуктами таких целенаправленных действий.

- 1) приобретенные знания об интерпретационных образцах ("erlernte Interpretationsmuster");
- 2) сложившиеся нормы и ценности ("erlernte Normen und Werte"), представления индивидуума о фактах ("Tatsachenannahmen, die für das Individuum wichtig sind");
- 3) собственный опыт общения с собеседником, представление о его личности ("Erfahrungen, die man mit diesem Menschen gemacht hat, Annahmen über Identität des anderen").

Помимо источников понимания, привнесенных предыдущим коммуникативным опытом Г2, в его распоряжении находятся источники информации и знания, связанные с конкретными речевыми ситуациями. Они группируются следующим образом (ср. пересечение с Hannapel/Melenk 1990, 25-26):

- A. properties of the structure of the utterance (as assigned on the basis of grammatical rules);
 - B. para-linguistic properties, such as speed, stress, information, pitch, etc. on the one hand, and gestures, facial expression, bodyly movements, etc. on the other hand;
 - C. actual observation/perception of the communicative context (presence and properties of objects, other persons, etc.);
 - D. knowledge/beliefs in memory about the speaker and his properties, or about other properties of the actual situation;
 - E. more in particular: knowledge/beliefs with respect to the type of interaction going on, and the structures of preceding contexts of interaction;
 - F. knowledge/beliefs derived from previous speech acts c.q. previous parts of the discourse, both at the micro (or local) level and on the macro (or global) level;
 - G. general semantic, in particular conventional, knowledge about (inter-) action, rules, etc. – especially those of pragmatics;
 - H. other kinds of general world-knowledge (frames).
- (van Dijk 1977, 214; цитируется по Müller 1984, 67)

Кроме того, для получения правильного конечного понимания интерпретационные действия должны быть проведены в соответствии с правилами²¹:

[...] понять высказывание – значит: 1) проинтерпретировать очередное речевое действие (на фоне уже имеющих гипотез) как ход в рамках конкретного вида и стиля общения (в различной степени учитывая возможности расхождения своих правил общения и правил партнера);

²¹ В Демьянков 1981 дается следующий список правил или принципов интерпретации: "принцип гипотетической интерпретации; принцип композиционности; принцип множественности видов интерпретации; принцип соотнесенности, или иерархичности; принцип минимальности ограничений; принцип предпочтения, или правдоподобия; принцип соответствия внутреннему миру; принцип "от раннего к позднему"; принцип минимальности гипотез." (Демьянков 1981, 369-370).

2) проявить диспозицию (т.е. принять или отвергнуть навязываемый вид общения; 3) получить интерпретацию собственного языкового выражения в контексте такого "навязанного" вида, – отстранившись, как бы со стороны, и прогнозируя одновременно дальнейший ход общения. (Демьянков 1981, 372)

4.2. Принципы интерпретации

Как стратегии или принципы интерпретации высказывания используются принципы кооперации, вежливости, интереса.

Принцип кооперации (далее: ПК), выдвинутый Грайсом (Grice 1975, 45 и сл.), интересен для интерпретации высказывания, прежде всего, в том смысле, что позволяет выводить адресату имплицитные смыслы – импликатуры дискурса (*conversational implicatures*). Эти импликатуры (которые нужно отличать от конвенциональных импликатур или значений) исправляют 'нарушения' постулатов ПК, допущенные говорящим. В ПК входят²²:

1) максима количества или информативности (*Твое высказывание должно быть достаточно информативным и Оно не должно содержать лишней информации*);

2) максима качества или истинности информативности (*Не говори того, что ты считаешь ложным и Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований*);

3) максима релевантности (*Будь релевантен, т.е. Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу*);

4) максима манеры (*Избегай неясных выражений; Избегай неоднозначности; Будь краток и Будь упорядочен*).

Эти максимы приобретают силу именно в момент пренебрежения соответствующими правилами со стороны говорящего. Нарушение максимы устанавливается адресатом имплицитно в тот момент, когда КН произошла. При этом, конечно же, во множестве случаев с аналогичным нарушением максимы, в которых КН не случилась, нарушение как таковое не устанавливается. Речь идет об абстрактных категориях, наполняемых конкретным содержанием лишь в зависимости от данной ситуации.

Кроме принципа кооперации Грайса в правила прагматической компетенции входит принцип вежливости (далее: ПВ), основывающийся на критерии дистанции между собеседниками (Lakoff 1973, 298; см. также Leech 1983):

- 1) Don't impose;
- 2) Give options;
- 3) Make A feel good – be friendly.

²² Перевод субмаксим на русский язык, данный курсивом, приводится по Падучева 1982а (83-84).

Для анализа диалогов с КН, в частности, реплик, выражающих субъективную модальность, а также для анализа манипулятивных КН особую важность представляет такой концепт ПВ как концепт защиты лица (имиджа) или нанесения ущерба лицу адресата и его интересам высказыванием говорящего (см. Brown/Levinson 1987). С ПВ связан психолингвистический принцип Полианны, предписывающий адресату вместо пессимистической интерпретации выбирать оптимистическую.

Наконец, предполагается, что на возникновение КН влияет учет интересов собеседника со стороны как говорящего, так и адресата (ср. с максимой релевантности).

В ряде исследований было показано, однако, что понимание зависит от "фактора интереса" и от устройства модели мира участников процесса. Человек, прочитывая текст, выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению в данный момент или "интересу". (Баранов/Добровольский 1997, 16)

4.3. *Понимание в диалоге – общая забота собеседников*

Итак, прагматические принципы обращены не только к говорящему, решающему задачу создания такого высказывания, которое оптимально воплощает его коммуникативное намерение, но и к адресату, стоящего перед задачей интерпретации этого высказывания.

Необходимо разработать также максимы организации интеракции с позиции адресата. Их далеко не полный перечень может быть составлен уже только по принципу зеркального отражения принципов кооперации и вежливости, встав на защиту прав не адресата, а говорящего.

1) Постулат активного и доброжелательного восприятия (*Старайся слушать и слышать*).

2) Постулат интереса к приоритетам говорящего помогает обнаружить топик его высказывания: *Перенесись во внутренний мир говорящего, постарайся предугадать его личные мотивы*.

3) Постулат соразмерности интерпретационного усилия. *Исходи из того, что речевое действие содержит в себе достаточный минимум необходимой информации для его правильной интерпретации. В то же время проявляй чувство меры, интерпретационной глубины. Старайся понять ровно столько, сколько необходимо на данный момент* (отражение максимы количества).

4) Постулат сомнения. *Исходи из возможности многозначности, выдвигай и проверяй несколько гипотез, допускай, что твоя первая интерпретационная версия – не единственная. Будь готов к образности, метафорическому обозначению* (отражение максимы манеры).

5) Постулат благодушия. *Исходи из искренности говорящего, верь в то, что он сообщает тебе то, что действительно думает. Если то, что говорит говорящий, по твоему мнению, не может быть правдой, то это значит не то, что*

говорящий лжет, а то, что он не знает истинного положения дел, или по выше стоящим причинам не может тебе этого сообщить (отражение максимы качества).

6) Постулат уместности. Исходи из уместности речевого сообщения в ситуации, ищи связь сказанного с контекстом и ситуацией (отражение максимы релевантности).

7) Постулат доброго отношения. Если речевое действие говорящего наносит удар по твоему лицу (обида, оскорбление, стыд), исходи из того, что говорящий сделал это неумышленно (отражение принципа вежливости).

8) Постулат осознания собственной предвзятости. При интерпретации старайся не навязывать собеседнику свои знания о ситуации и окружающем мире.

Данный постулат связан с требованием избегать импозиции или ошибочных предположений коммуниканта о собеседнике (о роли импозиции в КН см. Йокояма 1998, 122 и сл.). Эта максима "герменевтически воспитанного сознания" в Гадамер 1988 (321) формулируется следующим образом:

Тот, кто хочет понять, не должен отдаваться на волю своих собственных пред-мнений во всей их случайности, с тем чтобы как можно упорнее и последовательнее пропускать мимо ушей мнения, высказанные в тексте, покуда, наконец, эти последние не вырвутся в его иллюзорное понимание и не уничтожат его. [...] Речь идет о том, чтобы помнить о собственной предвзятости, дабы текст проявился во всей его инаковости и тем самым получил возможность противопоставить свою фактическую истину нашим собственным пред-мнениям.

(там же; ориг. в Gadamer 1990)

9) Постулат манифестации КН: после того, как слушающему несмотря на все приложенные усилия не удастся произвести сколько-нибудь удовлетворяющую его интерпретацию, он должен объявить об этом говорящему. *Манифестируй твои трудности, и при этом вину за неудачу бери на себя.*

10) Постулат тактичного понимания. *Стремись к пониманию в той степени, которая желательна и говорящему, не ставь его в неловкое положение (максима такта).*

5. Рациональное понимание vs реальное понимание

5.1. Относительность принципа кооперации

Вслед за увлечением ТРА и грайсовским принципом кооперации наступила фаза скептического отношения к его постулатам.

Конечно, в реальной речи деятельности постулаты Грайса очень часто не соблюдаются. Иначе в речи не было бы грубости, хамства, речевой истерики, логареи, говорения вокруг да около и т.д. Американцы, как всегда, стремятся к ясности и идеалу. Русские лингвисты-прагматики, напротив, склонны изучать речевую реальность, "речевую демагогию", по выражению русского лингвиста Т. М. Николаевой.

(Руднев 1999, 233; видимо, имеется в виду работа Николаева 1990, Л. Г.; дефиниция термина *логарей* отсутствует, Л. Г.)

Действительно, эмпирические исследования предоставляют достаточно доказательств игнорирования ПК в спонтанной разговорной речи (Ермакова/Земская 1993; Николаева 1990). Постулаты ПК не имеют абсолютной силы, их действенность определяется речевой ситуацией. Речевая деятельность, проявляющаяся в различных формах, не всегда детерминируется рациональностью, другими словами, не всегда "im Sprechen notwendigerweise um Verständigung geht" (Schlieben-Lange 1983, 91):

Grice hat seine Konversationsmaximen in bewußter Anlehnung an Kant sozusagen als Bedingungen der Möglichkeit von Verständigung formuliert. Selbst wenn sie verletzt werden, wird ihre Gültigkeit weiterhin unterstellt, und es wird gefragt, worauf die Verletzung hinweisen sollte (konversationelle Implikatur). Diese Konstruktion ist sehr verführerisch. Doch mag auch hier die Frage erlaubt sein, ob der Gesprächstyp, aus dem die Maximen gewonnen werden, nicht der rationale Diskurs ist, und die Sprechergemeinschaft, für die sie gelten, die "community of investigators".

(там же)

Принцип кооперации не имеет абсолютной силы действия. Действенность принципа основывается на определенных этических ориентирах конкретной общественной формации и должна быть соотнесена с конкретной моделью культурной цивилизации.

Даже в таком прагматически ориентированном обществе, какое представляет собой западная цивилизация, ПК действителен только для рационального кооперативного типа общения. Лишь в его рамках отклонение от них может и должно рассматриваться как нарушение коммуникации. Но не всегда общение нацелено на координацию социальных действий коммуникантов (см. Nabert 1988, 385 и сл.). Понимание, коммуникативная кооперативность рациональны, т.е. необходимы там, где есть потребность в координации. Как только эта потребность исчезает, кооперативные принципы и нацеленность на понимание значительно теряют в своей силе. Это происходит, например, при речи-самовыражении, когда потребность высказаться не обязательно предполагает потребность быть понятым. К таким случаям концепт коммуникативной неудачи не приложим. Подобное характерно и для фатической речи, когда

целью общения является не столько результат (понимание), сколько процесс (говорение).

Das Prinzip [der Verständlichkeit, Л. Г.] kann je nach Kommunikationsform unterschiedlich streng gelten, und man kann sogar innerhalb einer Kommunikationsform die Strenge der Anwendung wechseln. Das Prinzip muß je nach Adressat in unterschiedlicher Form angewendet werden. Bei der Anwendung des Prinzips kann man in Konflikt mit anderen Prinzipien kommen [...]
(Fritz 1994, 197)²³

5.2. Манипуляции как выключение принципов

Кроме ослабления действия кооперативного принципа в зависимости от типа речевого общения (и связанных с ним диалогических жанров, отражающихся в вариантах кода) существуют случаи, при которых происходит выключение всего комплекса правил, составляющих грайсовский принцип кооперации.

Такое "выключение" может пониматься как недостаточная готовность к коммуникативному сотрудничеству или даже как саботаж коммуникации. (Фрайдхоф 1995б, 51; ориг. в Freidhof 1992b)

То есть речь идет о сознательном игнорировании говорящим принципа кооперации и вежливости, и выражаемых ими прав адресата в угоду своим правам и свободам.

Представители эколлингвистики свидетельствуют об определенной принципиальной свободе игнорирования этих принципов даже (или именно?) в рамках западной культуры, 'колыбели' прагматического подхода и принципов кооперативного поведения. В эту свободу входит и "Möglichkeit, sich der Kontrolle durch die anderen zu entziehen" (Klein 1983, 138). В речи это находит свое выражение в языковых манипуляциях и лживых высказываниях. Характерно, что у Хабермаса – при разделении всех социальных действий на стратегические и коммуникативные – манипуляции ("Täuschung, bewußt", см. Habermas 1988, 446) относятся к первым, следовательно, к ним не применимы а priori коммуникативные принципы.

В чем вообще 'вред' манипуляции и лжи? Лживые и манипулятивные действия не выполняют требование искренности (максима качества у Грайса), препятствуют тем самым кооперативной и успешной коммуникации, а она – одна из насущных потребностей человека. Манипуляции и ложь вредны и с точки зрения человеческого познания. Искренность присуща гносеологической, познавательной функции языка. Если обратиться к теории человеческого

²³ Ср. мнение Винокур, что такая фраза как *У тебя ничего нельзя понять*, индицирующая КН не легитимна для общения, где реализуется прежде всего фатическая, а не информативная функция речи, "потому что последовательность речевых действий, способствующих выяснению, уточнению, пониманию и пр. – есть процедура, которая сама по себе входит в фатическое речевое поведение" (Винокур 1993а, 27).

познания в категориях-экзистенциалах Хайдеггера (*Befindlichkeit*, *Verstehen*, *Auslege*, *Aussage*, *Sprache* и т.д.²⁴), то становится очевидным, что в манипулятивных действиях речь, высказывание, с одной стороны, и понимание, с другой стороны, не составляют более один ряд, а противопоставлены друг другу. 'Зло' лжи и манипулятивных речевых действий состоит в том, что речь становится на пути познания: эти речевые высказывания создают препятствие на естественном пути от незнания к знанию.

Однако безоговорочное осуждение лжи и манипуляции и бескомпромиссное предписание искренности вступают в противоречие с правом выбора говорящего. Свобода индивида включает в себя не только свободу познания, свободу коммуникации, но и свободу выбора, включающую как возможность кооперативного диалога, так и возможность

jemanden im Irrtum befangen sein zu lassen, zu einer falschen Auffassung zu verleiten, ohne einen einzigen falschen Satz zu sagen, kurz: das, was wahr ist, nicht an den Tag bringen zu wollen.

(Klein 1983, 138)

Сопоставима ли ценность этих свобод? В рамках либерального дискурса они 'обречены' на сосуществование:

Ich lobe nicht die Lüge, das Mißverstehen und die Gesprächsverweigerung, die, so wie die Sprache nun einmal beschaffen ist, uns in der realen Kommunikation alltäglich begleiten. Sie sind schlimm genug. Ich lobe ihre Möglichkeit, denn ohne diese Möglichkeit wäre es schlimmer.

(там же)²⁵

Итак, рассмотрение лжи и отказа от общения как нарушение принципов кооперативного общения не означает одновременно нарушения принципов функционирования общества. Это не умаляет значения кооперативного общения, оно – безусловное благо общества, но благо не единственное. В то же время и 'лингвистический либерализм' не безграничен. Свобода речевого манипулирования ограничивается со стороны лингвистического прагматизма, выражающего общественные потребности говорящего. Выбор между кооперативным общением и отказом от него совершается под давлением расстановки сил между личными приоритетами и общественными приоритетами и санкциями. В речи это приводит к возникновению разнообразных форм манипуляций, отличающихся по степени нарушения в зависимости от конкретной ситуации. О различных формах манипуляции в диалоге с КН см. VII.1.

²⁴ См. Heidegger 1957 (153).

²⁵ О коммуникативных регламентациях и свободе личности см. также в Винокур 1993б (96 и сл.).

6. О понятиях коммуникативная компетенция, коммуникативная манера и коммуникативное состояние

Использование понятия коммуникативной компетенции в ниже предлагаемом анализе коммуникативных неудач ориентируется на структуралистскую традицию, в ее противопоставлении к герменевтической трактовке:

Für die meisten Phänomene, die mir neu und fremd sind, verfüge ich nicht nur über ein Vorurteil, wie die Hermeneutik insinuiert, sondern über ein ganzes System gesetzmäßig abwandelbarer Vorlagen. Zur Identifikation eines neuen Phänomens überschiebe ich ihm diese faktisch ausgebildeten und beliebig vermehrbaren Vorlagen, bis alle seine Eigenheiten abgedeckt sind. Die Voraussetzung für eine geglückte Fremderfahrung ist die freie und kreative Fähigkeit zur Abwandlung meiner Erfahrungs- und Denkschemata. Wenn etwas den Titel 'kommunikative Kompetenz' verdient, dann ist es diese Fähigkeit.

(Grewendorf 1979, 191)

Помимо указания на общую коммуникативную компетенцию при анализе конкретных КН важно учитывать коммуникативную манеру говорящего как одну из предпосылок возникновения КН.

При возникновении КН играют роль и определенные психологические и иные свойства собеседников – склонность к лидерству или кооперативности, желание/нежелание общаться, разница во внутренней картине мира, склонность к разной речевой манере.

(Ермакова/Земская 1993, 31).

К коммуникативной манере (далее: КМ) относят, например,

эксплицитность/имплицитность, внимательность к форме выражения и полное к ней равнодушие, любовь к языковой игре и "языковое занудство".

(там же)

КМ как и коммуникативная компетенция (далее: КК) связана с общим уровнем культуры, профессией, возрастом, социальным положением говорящего, но не совпадает с ней. Речь двух говорящих, обладающих паритетной КК, может значительно отличаться по количеству КН в зависимости от их различных КМ. Связь между КМ и КК можно охарактеризовать следующим образом: КМ – это мера использования КК в речи. Индивидуально-коммуникативная цепочка КК – КМ может быть продолжена третьим звеном. Это звено – коммуникативное состояние (КС). КС – это модификация КМ в соответствии с ситуативными параметрам конкретной интеракции. Разница между

КК, КМ, и КС, относительно возникновения КН состоит в том, что первые две представляют собой величины, скорее, постоянные, а КС – величину переменную. Будучи постоянно используемыми, приобретенные КК и КМ не претерпевают существенных изменений от разговора к разговору (КК не может уменьшаться, но только расти, чаще всего – незначительно, например, когда говорящий узнает новое значение слова, КМ также складывается в течение больших промежутков времени). Переменность же КС заключается в способности соответствовать сиюминутному психологическому и физическому состоянию говорящего. Разграничение объемов трех понятий проводимо в любой речевой ситуации. Например, если говорящий в каком-то типе диалога не дефинирует значение используемых в речи слов, не входящих в общий лексический фонд, это следует относить и к недостаточной коммуникативной компетенции и к небрежной коммуникативной манере, если же говорящий не допускает этого явления в деловой речи, одновременно допуская его в разговорной речи, то это говорит о его достаточной коммуникативной компетенции, включающей способность ориентироваться на тип общения, то есть гибко изменять коммуникативную манеру, в первом случае – тщательную (стремление максимально использовать коммуникативную компетенцию), во втором – небрежную (имеющаяся коммуникативная компетенция используется далеко не полностью). Итак, понятие коммуникативной манеры более индивидуализировано по отношению к понятию коммуникативной компетенции. С другой стороны, люди, обладающие разным уровнем КК, могут характеризоваться одинаковой КМ. Относительно КН целесообразно разделять, по крайней мере, схематически, два полюса коммуникативной манеры, отражающие стратегические поведенческие цели говорящих: взвешенная, щепетильная, рефлексивная и небрежная, безответственная (соответственно общей культуре говорящего). Между ними находится, условно говоря, нейтральная речевая манера. Конечно, амплитуда колебаний коммуникативной манеры относительно нейтральной различна у разных говорящих, одни из них более ровны в речи, другие – менее. Однако, видимо, для каждого пользователя языка, существенна корреляция КН с КС, отражающим общее физическое и психическое состояние. Можно предположить, например, что КН скорее возможны в тех случаях, когда говорящий взволнован, устал, недостаточно внимателен, раздражен или находится в конфронтации с собеседником. С другой стороны, коммуникативная удача скорее возможна, если говорящий уравновешен, не ограничен во времени, находится в комфортных для общения условиях.

III. ДИАЛОГ С КН

1. Основные свойства диалога в перспективе КН

Понятие диалога в лингвистике сосуществует с понятием разговора и интеракции (о дефинирующих признаках терминов и различиях между ними см., напр., Brinker 1989, 9 и сл.; Freidhof 1991, 21 и сл.). Для диалога, содержащего КН, первостепенное значение имеют ниже перечисляемые свойства. На многие же другие, релевантные для КН, свойства диалогической организации речи внимание будет обращено в главах, посвященных анализу эмпирического материала.

Смысловая завершенность высказывания

Для того чтобы говорить о понимании высказывания, необходимо, прежде всего, установить его четкие границы (ср. Федосюк 1997, 102). Границы высказывания в 'правильном' диалоге определяются смысловой завершенностью высказывания.

Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного контракта – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или наконец, ответное действие, основанное на таком понимании).
(Бахтин 1986, 263)

Смена ролей говорящего/слушающего

Границы высказывания сигнализируются сменой речевых субъектов, или сменой ролей (turn-talking). Даже если речь идет об информативном жанре, в котором говорящий располагает информационным перевесом, а слушающий испытывает информационный дефицит, выполнение этого принципа предполагает периодическое подтверждение не только наличия фатического контакта, но и наличия понимания со стороны обоих говорящих.

До тех пор, пока понимание есть, и говорящий не закончил свое высказывание, настоящая смена ролей не происходит. Не инициированные

первым говорящим реплики подтверждения понимания второго говорящего (*да-да, точно, понял*) не означают полной смены ролей. Настоящая смена происходит в ходе реакции на страхующие понимание сигналы (*понял?/понятно?*) как выявления КН (*нет/не понял и т.д.*).

Линейная организация диалога

Линейная организация дискурса обуславливает

перспективно-ретроспективную, или векторную, упорядоченность его содержания. В соответствии с этим принципом начальные фрагменты текста ориентированы перспективно, а конечные – ретроспективно. (Герд 1996, 271)

В диалоге с КН перспективно ориентирована реплика, открывающая последовательность с КН. Следующая за ней реплика-выявление ориентирована как ретроспективно (на инициальную реплику), так и перспективно (на реплику-устранение КН). Замыкающая последовательность реплика-устранение ориентирована ретроспективно дважды (на инициальную реплику и на реплику-выявление).

Учет принципа линейной организации способствует отличению диалогов с КН от диалогов с идентичной структурой, но без КН.

Диалогический принцип опережающей реакции

Принцип опережающей реакции конкурирует со свойством завершенности высказывания. Для многих неудач можно предположить, что если бы адресат не поторопился со своей репликой, КН не наступила бы. В условиях увеличивающегося цейтнота во многих типах диалогических жанров этот принцип приобретает все большую значимость для современной речи. Она характеризуется перебивками, наложениями и другими агрессивными перехватами речевой инициативы.

Диалогический принцип квантитивности речи

Смысловая завершенность высказывания имеет относительный характер (Федосюк 1997, 104). Эта относительность в диалоге проявляется, в том числе, при квантитивной подаче информации. Как и при опережающей реакции, но на этот раз не по 'вине' нетерпеливого адресата, а по 'вине' самого говорящего, разбивающего смысл на кванты, возникают КН. С этим принципом взаимодействует психолингвистический принцип 'лени':

Эквифинальность разных речевых высказываний "работает" на говорящего в том смысле, что представляет реестр альтернатив, протяженный по шкале оптимальности. Эта возможность реализовать коммуникативное задание (сообщить о чем-либо) "малой кровью", с наименьшим ущербом собственным интересам. Она задает нижний полюс коммуникации, в

котором дает о себе знать "принцип лени". Говорящий вполне удовлетворяется тривиальной достаточностью приложенных усилий и стремится к их минимизации.

Верхний предел устанавливается, напротив, актуализованным стремлением к максимальному воздействию на адресата. Успешность хода в разговоре зависит от характера изменения исходного положения дел. Установка на результат предопределяет ненейтральный тип поведения. Субъектом руководит обостренное чувство прагматической ситуации, выражающееся во внимании не только к самому содержанию, но и способу действия; причем акцент падает на этот последний. (Переверзев 1998, 263 и сл.)

2. Три диалогических типа КН: непонимание, неправильное понимание, гипотетическое понимание

2.1. Типологические различия ходов последовательности с КН

Анализ примеров ориентируется на типологию диалогического развития КН. За основу берутся речевые действия адресата, произведенные в качестве реакции на реплику-источник КН и манифестирующие его оценку понимания, а также последующие действия говорящего, соотносящего эту оценку с собственным коммуникативным намерением.

Еще раз оговорю употребление понятия *понимание*. Во-первых, речь идет о понимании речевых высказываний, достигнутом между собеседниками, а не об объективном понимании их речевых действий исследователем. Во-вторых, как уже сказано, заключение о понимании выводится из самих речевых действий, единственной материальной реальности, которая может быть подвергнута анализу. Предположения о том, что сами собеседники *post factum* могли бы отнести свое понимание не к тому, а к иному типу, могут быть только оговорены, но не могут влиять на типологическую идентификацию.

В I.3.5 были гипотетически выведены четыре формы понимания в диалоге: понимание, неправильное понимание, непонимание и 'неправильное непонимание'. Коммуникативной неудаче соответствуют *непонимание* и *неправильное понимание*. Для рассмотрения КН в диалоге, являющего собой по весьма важному замечанию в Weigand 1999 (766) – 'coming to an understanding', целесообразно выделить еще один тип КН – *гипотетическое понимание* (приводящее, в конце концов, либо к правильному пониманию, либо к неправильному). Этот тип конституируется интеррогативным модусом оценки адресата своего понимания.

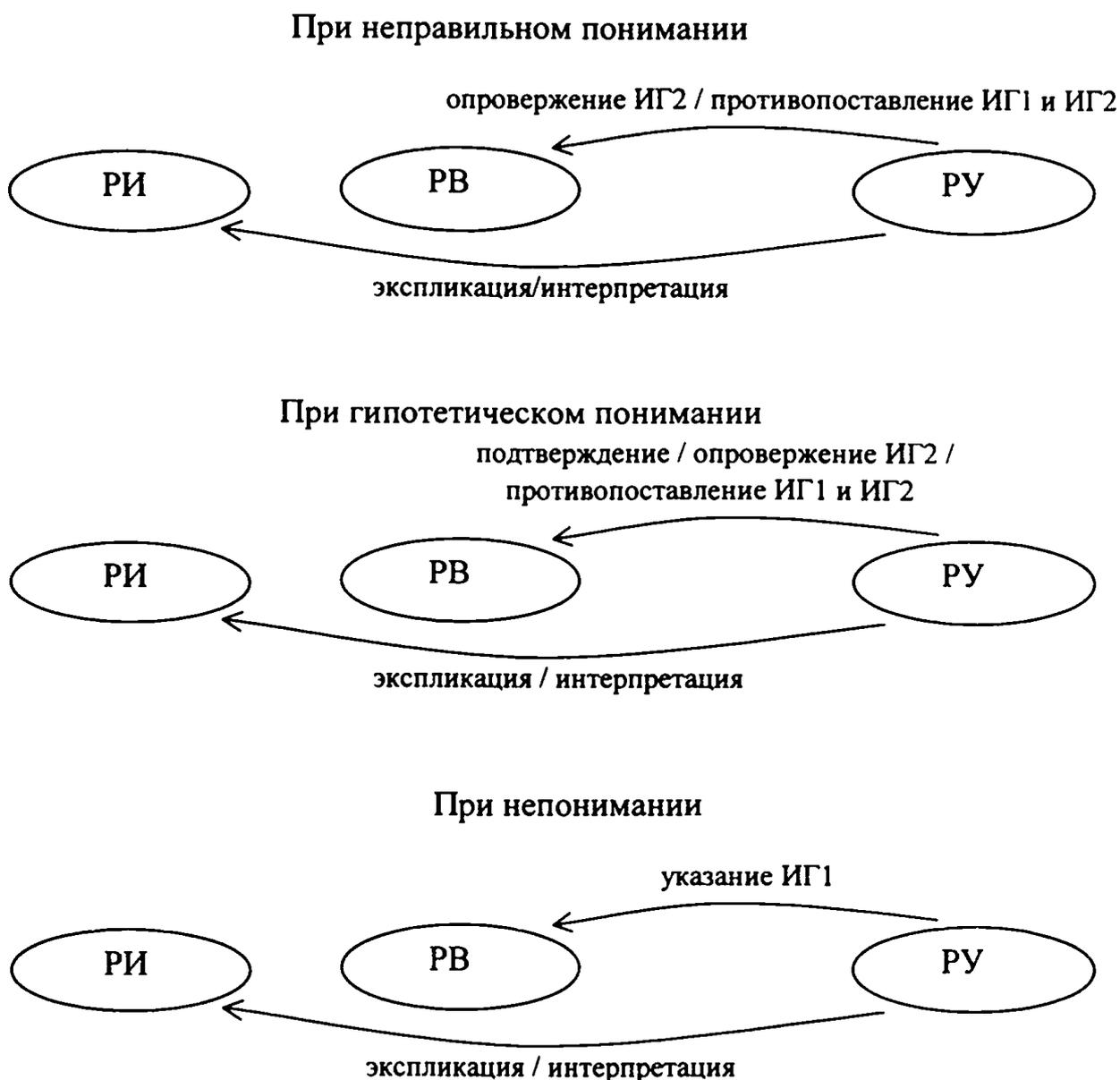
Для того чтобы сформулировать различия между указанными типами, необходимо предварительно назвать три альтернирующих хода последовательности, которым в структурном аспекте соответствуют три принципиальных

элемента последовательности с КН (подробный анализ структуры последовательности см. в III.4). Это:

- ход 1: инициальная реплика, содержащая источник КН (реплика-источник, далее: РИ),
- ход 2: реплика, имплицитно или эксплицитно выявляющая произошедшую или возможную КН (реплика-выявление, далее: РВ) и
- ход 3: реплика, устраняющая КН (реплика-устранение, далее: РУ).

Три диалогических типа КН предопределяются комбинацией трех ходов разрешающей последовательности с КН (см. схему 3):

Схема 3: Семантические отношения РУ к РИ и РВ

Ход 1 общий для всех трех типов: реплика-источник КН.

1) Неправильное понимание. Ход 2: невыявление КН. Г2 уверен, что он понимает Г1. Г1 с помощью конверсационных импликатур выводит некогерентность хода 2 своему ходу 1. Ход 3: выявление + устранение КН. Г1 восстанавливает правильное понимание

2) Непонимание. Ход 2: выявление КН. Г2 эксплицитно или имплицитно демонстрирует непонимание. Ход 3: Устранение КН. Г1 восстанавливает непонимание.

3) Гипотетическое понимание. Ход 2: выявление КН. Г2 не уверен, что он правильно понимает Г1 и, выдвигая гипотезу (или несколько), запрашивает об этом Г1. Ход 3: устранение КН. Г2 восстанавливает понимание. Подтип 1: в случае правильности гипотезы ход 3 подтверждает ее. Подтип 2: в случае неправильности гипотезы ход 3 опровергает ее.

Важно подчеркнуть, что различия трех выделенных типов отражены схематически. Поэтому типология не охватывает весь проанализированный материал. Примеры, оказавшиеся за бортом типологии, можно разделить на две группы.

Первая группа примеров находится вне типологии, потому что это диалогии вне сферы действия кооперативных принципов. Наступление КН даже в случае ее осознания адресатом порой не влечет за собой ее выявления: отсутствуют ходы 2 и 3 (см. VII.2.1). А уже выявленная КН не всегда исправляется: отсутствует ход 3. Формальное наличие всех трех ходов также не гарантирует выполнение принципа сотрудничества. Существуют реплики-ответы на выявление КН, которые не являются их исправлением (см. VII.2.3).

Вторая группа поддается классификации лишь схематически. Такие диалоги содержат все три хода, но не укладываются в 3 реплики, что характерно для спонтанной речи. Эти примеры будут, однако, рассмотрены в рамках типологии. Многоходовые последовательности, представляющие особый интерес с точки зрения диалогической организации, анализируются в III.4.

Наконец, как и при каждой классификации, существуют промежуточные примеры.

2.2. Гипотетическая цепочка диалогических типов КН на примере референциальной КН

Для иллюстрации всех выделенных типов приведу цепочку вымышленных КН. Сконструированным примерам здесь отдается предпочтение, потому что они – взятые в одной и той же ситуации – нагляднее, по сравнению с аутентическими неудачами, демонстрируют разницу между выделенными типами. Реплика-источник КН (ход 1): *Ты ее видел*. КН наступает в силу непонимания (или гипотетического понимания) референции местоимения *ее*. В скобках указываются возможные метакоммуникативные единицы, увеличивающие вариативность типов.

Условная ситуация: бытовой разговор между родственниками. Г1 = сын; Г2 = мать.

Удачная коммуникация:

правильное понимание

- Отец сказал, что Анна купила книгу, которую долго искала.
- Ты ее видел?
- Да, видел, старинная, но в хорошем состоянии.

'неправильное непонимание'

- Отец сказал, что Анна купила книгу, которую долго искала.
- Ты ее видел?
- Не понял – ты про кого? Анну видел сегодня, когда она на работу заходила. Если ты книгу имеешь в виду, то книгу видел вчера вечером. Старинная, но в хорошем состоянии.
- Да-да, меня книга интересует.

Неудачная коммуникация

неправильное понимание

- Отец сказал, что Анна купила книгу, которую долго искала.
- ход 1 – Ты ее видел?
- ход 2 – Да, видел. Она по дороге на работу заходила, говорит, что ей помог знакомый букинист.
- ход 3 – Нет, книгу. (Нет, я о книге (говорю); Нет, я книгу имею в виду.)
- А-а/ты о книге (спрашиваешь/говоришь). Да, видел, старинная, но в хорошем состоянии.

непонимание

- Отец сказал, что Анна купила книгу, которую долго искала.
- ход 1 – Ты ее видел?
- ход 2 – Кого? (Ты кого/что имеешь в виду?; Ты о ком/чем (говоришь)?)
- ход 3 – Книгу. (Я о книге (говорю); Я книгу имею в виду.)
- Да, видел, старинная, но в хорошем состоянии.

гипотетическое понимание (с последующим подтверждением гипотезы, т.е. правильное понимание)

- Отец сказал, что Анна купила книгу.
- ход 1 – Ты ее видел?
- ход 2 – (Кого ее), книгу? (Ты о книге (говоришь)/Ты книгу имеешь в виду?)
- ход 3 – Да.
- Да, видел, старинная, но в хорошем состоянии.

гипотетическое понимание (с последующим опровержением гипотезы, т.е. неправильное понимание)

– Отец сказал, что Анна купила книгу.

ход 1 – Ты ее видел?

ход 2 – (Кого) Анну? (Ты об Анне (спрашиваешь); Ты Анну имеешь в виду?)

ход 3 – Нет, я о книге (спрашиваю/говорю).

– Да, видел, старинная, но в хорошем состоянии.

Данная цепочка иллюстрирует также условность границ между типами, возможность их перехода один в другой.

Во-первых, ставится под вопрос выделение *непонимания* в отдельный тип. Сомнительно, что Г1 переспросом *кого?*, выявляет абсолютную неспособность определить референцию местоимение *ее*. Предикация инициальной реплики содержит только два актанта женского рода – *Анну* и *книгу*. Это значит, что на самом деле он не может склониться ни к одному из вариантов гипотетического понимания и не прилагает усилий для речевой реализации этой альтернативы. Это возражение, однако, снимается, если взять иной пример с переспросом, где горизонт ожидания несравненно шире, и у адресата действительно не возникает никакой гипотезы. Аутентических примеров в категории референциальной КН – множество (см. IV.4.3.1). Поэтому выделение непонимания в отдельный тип является проблематичным только для некоторых референциальных КН.

Еще одну возможность сводимости типов предоставляет вариативность хода 3 в типе *гипотетическое понимание*. Подтверждение в ходе 3 приближает этот тип к пониманию, а опровержение – к типу *неправильное понимание*.

Наибольшие сомнения может вызвать выделение типа '*неправильное непонимание*'. Проблематичность его выделения определяется оценочным дуализмом: говорящий сначала эксплицирует непонимание, однако потом его шаг содержит гипотезу, имплицитную правильному пониманию, то есть приближается к гипотетическому пониманию. Такие реплики говорят о перманентности интерпретационного процесса. Примеры с ними многочисленны. Они причисляются к гипотетическому пониманию, так как реплики-реакции на эти выявления когерентны именно с конечной их частью – гипотетической, то есть в диалоге действует закон 'последнего слова'. Таким образом, выделение этого типа оправдано только как иллюстрация теоретического квадрата в I.3.5.

3. Первичные vs вторичные значения реплик в диалоге с КН

Как уже отмечалось, основное внимание в настоящей работе направлено на анализ форм реализации первичных значений или функций реплик-реакций на РИ, под которой понимается функция выявления КН и функция устранения КН.

Однако, прагматическое значение высказываний в этих репликах не исчерпывается только этими функциями. Рассматриваемые высказывания в естественной речи зачастую содержат значения, нерелевантные с точки зрения

выявления и преодоления КН, которые, однако, не могут быть игнорированы полностью, потому что являются важной особенностью человеческой речи. Эти значения я называю вторичными. Первичные значения входят в диктум реплик выявления и устранения КН. В то время как вторичным значениям соответствуют выражения отношения, оценки, направленной на субъективные категории понятности и понятливости в предыдущей реплике собеседника. Эти оценки входят в модальность высказывания. К ним относятся, например, метакоммуникативная критика, недовольство, раздражение и т.д.

Итак, в основе выделения первичных и вторичных значений лежит категория оценки.

Оценка выбрана как наиболее яркий представитель прагматического значения. Прагматическим принято называть то значение, которое слово (или высказывание) приобретает в ситуации речи.
(Арутюнова 1988, 5)

Общеоценочные предикаты *хорошо/плохо* в рамках прагматического подхода и в применении к теме исследования прилагаются к процессу общения между партнерами и распределяются следующим образом: понимание – это хорошо, непонимание – это плохо.

О речевых действиях принято говорить в категориях прагматики цели (их успешность/неуспех связаны с достижимостью/недостижимостью целей). Не случайно говорить *хорошо* – значит искусно использовать в разговоре единицы языка и фигуры речи. *Хорошая* речь не может быть по всем статьям нейтральной.
(там же)

Любой интерпретационный процесс связан с оцениванием ряда возможных гипотез. Поэтому уже сам по себе концепт удачи/неудачи является оценочным. В этом смысле акт идентификации непонимания – это акт оценки высказывания как неудачного. Оценка может относиться как к собственному высказыванию, так и к высказыванию собеседника. Рассматриваемый объект оценки – это не пропозиция оцениваемого высказывания (напр., *Хорошо, что ты купил молоко*, если только они не содержат предикацию понимания *Я не понимаю*. – *Плохо, что ты не понимаешь*). Специфическая оценочность реплик в диалоге с КН – это соответствие оцениваемой реплики принципу понимания. В этом смысле реакции типа *я не понимаю*, *непонятно* равносильны предикату *плохо*. И наоборот *Я понял/а* или *Все понятно* – *Хорошо, продолжай*. Этот тип оценки я считаю в той или иной мере присущим всем репликам в диалоге с КН. Кроме того, существует еще и оценка, направленная не только на адекватность конкретной формы речевой реализации пониманию намерения говорящего, но и на ее выразительность, уместность и т.д. Такая оценка встречается и в диалогах без КН. Как первичные, так и вторичные значения реплик в диалоге с КН могут

выражаться эксплицитно и имплицитно. Разграничение двух типов, однако, не абсолютно, поскольку оцениваемые объекты – категория понятности и категории эстетичности, этичности речи могут взаимодействовать (ср. развитие аксиологического значения предикативов от сенсорной оценки к рациональной в Арутюнова 1985, 18). Рациональная оценка опирается на принципы (здесь – принцип взаимопонимания), гедонистическая происходит из ощущений (поэтичность, образность, плавность, благозвучность, гармоничность речи и т.д., хотя и для их исчисления существуют рациональные критерии). Здесь приятное может быть утилитарно. Их соединение в известном *Красота спасет мир* относительно речи можно развить в *Он так красиво/приятно говорит, что все становится понятно*, и – наоборот – *Меня так раздражает его манера выражаться, что я ничего не понимаю*. Именно поэтому в рамках прагматического подхода представляется ментальным извращением *Мы так славно пообщались, при этом друг друга совсем не поняв*.

Подавляющее большинство встретившихся оценочных предикатов относительно удачности/неудачности используются для выражения негативной оценки. Понимание, воспринимаемое как норма, не нуждается в оценивании (если только адресат сам не запрашивает оценку своего понимания, как это бывает, напр., при гипотетических интерпретациях). Правильное, адекватное коммуникативному намерению кодирование, как и правильное декодирование в большинстве случаев тоже не оцениваются. Видимо, осознание неудачи естественным образом актуализирует негативные предикаты. Значение оценки (это всегда оценка частная) содержат в себе различные лингвистические и паралингвистические средства. К наиболее эксплицитным языковым средствам относятся метакоммуникативные глаголы оценочной семантики (в отличие от нейтральных *сказать, говорить* и т.д.) и оценочные прилагательные и наречия в разных степенях сравнения: *правильно/неправильно, ясно, точнее, подробней, отличный*, а также частицы, междометия, коммуникемы, речевые рефлексы, синтаксические редуPLICATIONИ, интонация и др.

3.1. Негативная оценка

Негативная оценка – это критика коммуникативной компетенции и манеры говорящего, избранной им формы речевой реализации своего намерения.

3.1

Г1: Неподобство, – сурово сказав панич до Гаркуші. – Що, в нас води в колодязях забракло?

Г2: Зараз то ще вистачає, – не злякався на цей раз Гаркуша, – а ось туди далі то так, що й не вистачатиме... Відомо ж бо: в середині літа зсякають наші колодязі...

Г1: "Зсякають", "зсякають", – перекривив прикажчика панич, викликавши дружний сміх серед дівчат – *ти поменше розп'якуй, Гаркушо... Я питаю: чому сюди гнули возите?*

(Гончар, 454)

Реплика-реакция приказчика Гаркуши выявляет КН. Хозяин поставил свой вопрос относительно причины привоза именно гнилой воды. Ответ приказчика объясняет нехватку в деревне воды вообще. Имея более высокий социальный статус, хозяин в грубой, насмешливой форме критикует коммуникативную инициативу и непонятливость Г2, осмелившегося дать объяснение положению дел и даже указать на его общеизвестность, что не может не задевать гордость Г1. Негативная оценка выражается разными способами: синтаксически – редупликация *зсякають*, лексически – уничижительное *розп'ятякувати*, прагматически – Master-Speech-Act (см. Fotion 1971) *поменше розп'ятякуй*. Значит, оценочный акт произведен не только с целью устранения КН, но и в соответствии с интенцией сохранения социальной субординации. Функции оценки и устранения здесь совмещены в одном речевом шаге, но они выполняются разными единицами. Оценка (модальная составляющая) предшествует более важному в коммуникативном отношении элементу – выявлению КН (диктумной составляющей).

3.2. Позитивная оценка

Позитивная оценка осуществляется с помощью РА комплиментов. Но, как правило, и эти акты являются косвенными речевыми актами и используются для реализации других иллокуций (поддержать, польстить, вселить уверенность). Таким образом, и позитивная оценка в диалогах с КН может осуществляться в независимости от наличия понимания, то есть регулироваться другими коммуникативными принципами. Так, например, похвала за удачное выражение воплощает не столько принцип понимания, сколько принцип вежливости или же принцип Поллианы.

3.2

Г1 = политолог; Г2 = журналистка.

Г1: Всерьез давать обещания можно, только говоря правду, а говорить правду можно, только сознательно вынося на публичное обсуждение то, что прежде обсуждать было принято. Это всегда трудно делать, но особенно в переходный период. Когда-то один из крупных деятелей Великой французской революции сказал: "Переход от плохого к хорошему часто бывает хуже, чем само плохое".

Г2: *Отличный парадокс*, но хотелось бы четче раскрыть его суть.
(ЛГ 32/1997, 5)

Этот пример позитивной оценки – коммуникативный комплимент. Комплимент вуалирует КН. Для восстановления понимания необходимы дальнейшие речевые усилия. Можно считать, что в данном примере иллокутивные силы двух частей реплики Г2 относительно фактора понимания разнонаправлены. Иллокуция первой смягчает иллокутивную силу второй части, и наоборот. Гипотетически возможна, однако, и другая последовательность, например: *я не совсем поняла суть, хотя парадокс отличный*. Значение оценки в этом случае оформляется придаточным уступки. Более характерной (см. также пр. 3.1) является линейная последовательность, когда более значи-

мая иллокуция реализуется в конце, а не в начале реплики (ср. с тематическим делением высказывания).

Безоговорочное преобладание негативных предикатов над позитивными помимо культурно-социологического и психолингвистического значения имеет отношение к действию прагматического закона оптимизации речевых усилий в ответ на критику. Критика, хотя и сама по себе отнюдь не достаточна для выявления КН, но эффективно выполняет вспомогательную роль в решении задачи 'устранить КН' (чрезмерная критика может, однако, способствовать коммуникативному конфликту, см. пр. в III.4.3, III.4.4). Критика обостряет, мобилизует, похвала же, напротив, 'усыпляет' метакоммуникативный контроль за речью.

Что касается эксплицитных предикатов степени понимания (*недопонять, не совсем понять, совсем не понять, как-то не понять, не так понять*), нужно отметить, что они не отражают реальной степени понимания, их выбор предопределяется не столько 'объективной' оценкой понимания с позиции говорящего, сколько эмоциональным состоянием, статусной дистанцией между партнерами, принципом вежливости и под. (см. об этом также в V.2.1.2).

3.3. Оценка как профилактика КН

Значение оценки в профилактических репликах двойственно. С одной стороны, говорящий осуществляет гипотетическую оценку понимания: профилактика КН сама по себе – уже оценка-прогноз коммуникативной компетенции адресата. С другой стороны, предвосхищая 'неправильную' интерпретацию своего акта, оценивает конкретное речевое действие как потенциально неудачное относительно своего намерения. В любом случае, оценка в репликах-антиципациях КН, – это оценка еще не состоявшегося, оценка вероятного.

3.3

Из интервью с актрисой.

Хотя сейчас я действительно снимаюсь у Константина Худякова в телевизионном проекте Л. Парфенова "Что делать?". Эта история из современности, *не надо путать* с одноименным романом Чернышевского.
(Ог 16/1999)

Профилактика осуществляется с помощью метакоммуникативного императива *не надо путать*. Первая часть высказывания оценивается самой говорящей как потенциально неудачная на прагматическом уровне. Вторая часть – предвосхищение КН – предполагает знакомство адресата с указанным романом. Тем самым, говорящая оценивает уровень фоновых знаний адресата: они, по ее мнению, включают информацию о существовании романа, но исключают актуальные сведения об упомянутом проекте.

3.4. *Оценка в РВ*

Для РВ характерными являются как первичные оценки, так и вторичные. Специфическая оценочность абсолютно преобладает: основная функция этих реплик – индикация непонимания, говорящий сигнализирует о своих трудностях в поиске правильной интерпретации. А акт оценки предполагает наличие у оценивающего определенной ясности в коммуникативной картине.

Когда люди выражают свою оценку происходящего, они предполагают, что фактическая сторона дела им хорошо известна.
(Дмитровская 1985, 105)

Акт оценки свидетельствует о состоявшемся акте восприятия даже в тех случаях, когда адресат вербально отказывается от восприятия. Наиболее эксплицитно оценка проявляется как метакоммуникативный вопрос, альтернирующий несколько интерпретаций иллокутивного акта.

3.4

Г1: Є тут тимчасовий оргкомітет, я його очолюю. Вся кібернетика в моїх руках, всі корисні люди на замітці. Так що ти не турбуйся і, коли тобі запропонують, бери все в свої руки! А спитають мене – відрекомендую як належить!

Г2: *Нічого не розумію*, – зітхнув Карналь, – *ти пропонуєш чи прийшов повідомити*, що можуть запропонувати? І що це за комітет у тебе в руках?

(Загребельний, 189)

Констатация непонимания Г2 – это косвенная оценка первого высказывания Г1 как непонятного. Оценочность содержит и вопрос об иллокутивной роли ИР. Адресат предлагает на выбор говорящему ряд допустимых иллокутивных значений, тем самым оценивая все их как допустимые.

3.5. *Оценка в РУ*

Реплики, устраняющие КН особенно богаты оценочностью. Она заложена уже в самой функции коррекции: оценка интерпретации собеседника как верной или ошибочной или же оценка собственного высказывания, породившего КН, как правильного или неправильного.

Эта оценка не имеет отношения к логической правильности понимания. Для оценивающего говорящего правильным является не истинное значение его реплики, а то, которое он имел в виду. Помимо субъективной правильности определенное влияние оказывает и принцип вежливости. Вежливое устранение КН требует от говорящего признавать ошибку за собой, а не собеседником. В таких репликах имеет место коммуникативная самокритика.

3.5

Г1: Ми не можемо ждати. Поки проект, поки збудують спеціальне приміщення. Не місяці, а роки... Ви могли б ждати свого щастя цілі роки?

Г2: Готова ждати ціле життя!

Г1: *Я неправильно поставил запитання. Власною долею ми справді вільні розпоряджатися як завгодно, та коли йдеться про прогрес...*
(Загребельний 1979, 95)

Неадекватный учет принципа вежливости открывает дорогу коммуникативной критике. Количество и семантика негативных предикатов здесь гораздо обширнее, чем при коммуникативной самокритике. Такое неравновесие свидетельствует, по-видимому, о том, что человеческой речи присущ коммуникативный эгоцентризм, и требует отдельного психологического анализа. Негативно может оцениваться любая, отличная от собственной, коммуникативная черта собеседника. В литературе неоднократно отмечались случаи КН, возникающих вследствие использования косвенных речевых актов, а также тот факт, что такие КН вызывают критику адресатов (см., напр., Ермакова/Земская 1993, 48; Tannen 1991). Критике и, соответственно, негативной оценке способствуют и сиюминутное коммуникативное состояние, например, нерасположенность к коммуникации.

3.6

Г1 = мать сообщает дочери (= Г2) о том, что отказалась от намерения готовить, как было оговорено раньше.

Г1: Знаешь, мне не хочется сегодня варить борщ, весь дом на ночь пропахнет. Я завтра сварю.

Г2: Хорошо. Все ясно. Не вари.

Г1: Ты что, хочешь? Обиделась?

Г2: *Нет, просто хватит уже об этом. Весь день об этом несчастном борще. Будто проблем других нет.*

(из ЛК)

КН вызвана крайней, необычной для бытового диалога краткостью реплики Г2. Г1 воспринимает такую коммуникативную скупость как сигнал обиды Г2 на односторонне принятое изменение в планах. Г2 устраняет неудачу и негативно оценивает обсуждение темы как не относящееся к сфере коммуникативных интересов Г2. Эксплицитная оценка: метакоммуникативный усеченный директив *хватит об этом (говорить)*. Имплицитная эмоциональная оценка: приписывание объекту негативного и несвойственного (семантически несочетаемого) ему признака (*борщ – несчастный*).

3.6. Оценка как рефлексия на КН

Оценка характерна и для реплик-рефлексий. Собственно, эти реплики производятся зачастую с целью произвести оценку. Подавляющее большинство примеров свидетельствует о том, что заключающая диалогическую последовательность с КН оценка – это критика КМ и/или КК партнера (делегитимизирующая его интерпретацию) и, одновременно, объяснение собственной интерпретации, т.е. оправдание ее.²⁶

²⁶ Речевые действия "объяснять почему", "обосновывать", "оправдывать" и "делегитимизировать" находятся в тесной таксономической связи, как показано в Klein 1987.

3.7

Г1 = философ; Г2 = журналист.

Г1: В виртуальной реальности возможное, потенциальное обладает своей актуальностью, которая не сводится в актуализации этого возможного. *Понимаете?*

Г2: Нет.

Г1: Ну, возьмите, например, систему кредитов, страховки. Вы платите не за лечение, а за возможность лечения. Но ведь эта возможность является очень реальной вещью, правда?

Г2: К сожалению! *Теперь понятно. Любовь как виртуальная реальность не столь наглядный пример...*

(ЛГ 41/1998, 6)

4. Структура диалогической последовательности с КН

Интенсивные исследования в области разговорного языка и анализа диалога последних десятилетий привели к выводу, "daß es nicht nur e i n e sequentielle Organisation gibt, sondern eine Vielzahl interaktiv organisierter Sequenztypen" (Heinemann/Viehweiger 1991, 206).

Тип диалогической последовательности с КН исследуется под разными названиями. Русскоязычное *разрешающая последовательность* (см., например, Гребенюк 1996) является, видимо, калькой английского *resolving sequence* и может вызывать, по меньшей мере два возражения. Первое – в силу своей неточности, так как не все диалогические последовательности с КН являются в самом деле разрешающими, то есть, не во всех из них КН действительно разрешается или устраняется. Второе возражение касается неоднозначности русского глагола *разрешать*, имеющего вторым значением *позволять*. Впрочем, неоднозначность узкоспециальных терминов, вызываемая наличием общеупотребительных значений, в научном языке неизбежна.

В аналогичном значении используются также англоязычные термины других авторов – *side sequence* (см. Kenworthy 1992; ср. *Seitensequenz* в нем.) и *misapprehension sequence* (см. Coulthard 1985).

Структуру диалогической последовательности, содержащей КН, можно считать межъязыковой универсалией. Категории, выделяемые в исследованиях различных языков, совпадают (Это утверждение основывается на сопоставлении имеющихся исследований, проведенных на материалах английского, русского, немецкого, французского и итальянского языков. Собранный материал позволяет включить в этот список также украинский язык. В конечном счете, количество языков, исследовавшихся в этом – формально-структурном аспекте – не имеет значения, так как речь идет об универсально-языковой закономерности диалогических структур). Различия между разными типологиями проявляются, прежде всего, в использовании терминологии. Вводимые исследователями термины будут приводиться в ходе предлагаемой ниже типологии.

Рассмотрение диалогической организации КН с формальной точки зрения позволяет выделить инвариантную последовательность с базовой структурой. На основе этой базовой структуры строится общая структурная типология диалогической последовательности с КН.

4.1. Базовая структура

Базовой считается такая диалогическая последовательность, которая включает три элемента: источник, выявление и устранение²⁷.

Тройное членение исследуемой последовательности не случайно. Как показывают исследования, именно триада лежит в основе многих видов коммуникативной деятельности.²⁸ Трем структурным элементам в базовой последовательности с КН соответствуют три реплики собеседников, выполняющие соответствующие функции: инициальная реплика, содержащая источник КН (реплика-источник или РИ), реплика, имплицитно или эксплицитно выявляющая произошедшую или возможную КН (реплика-выявление или РВ) и реплика, устраняющая КН (реплика-устранение или РУ). Те же структурные элементы выделяют и Trognon/Saint-Dizier 1999 (787 и сл.) в исследовании неправильного понимания на материале французского языка:

[...] l'organisation conversationnelle du malentendu repose sur une structure articulant trois éléments: T1, le contenu du tour de parole qui supporte le malentendu, T2, le contenu du tour de parole révélant le malentendu, et T3, le contenu du tour de parole résolvant le malentendu.

Аналогичное структурирование неправильного понимания предлагается в Humphreys-Jones 1987 (28):

A misunderstanding consists of primary and secondary components. The primary components, those which are essential to a misunderstanding, are as follows:

- (i) the utterance by S, x, which is misunderstood by H, termed the *origin*;
- (ii) the utterance by H which is based on or derives from his misunderstanding of the origin, termed the *manifestation*; and
- (iii) the awareness which S, H and any other participant [...] have of whether or not the misunderstanding has occurred, termed their *state of realization*.²⁹

²⁷ В Голетиани 1996а наряду с термином *выявление* встречается термин *индикация*, в настоящей работе используется только термин *выявление*, а *индикацией* считается один из видов выявления, а именно – эксплицитный).

²⁸ См., напр., модель коммуникативной триады на материале русского языка, предлагаемую в Гафт 1985. В терминологии автора, трем элементам базовой последовательности с КН соответствуют следующие три элемента общей коммуникативной триады: *стимул*, *промежуточная реакция*, *закрывающая реакция*. Сама последовательность с КН в общей модели коммуникативной триады рассматривается как *промежуточная*. См., напр., Диненберг 1985.

²⁹ Автор использует следующие обозначения: speaker – S, hearer – H, proposition – p, utterance – x.

Естественно, что речевые шаги в реальной интеракции не исчерпываются данными функциями, которые в данном аспекте исследования рассматриваются в качестве доминантных или первичных значений. В анализируемых репликах, как уже говорилось выше (см. III.3), можно выделить и сопутствующие, или вторичные значения.³⁰

Несколько иначе выглядит триада-"разрешение неоднозначности высказывания в диалогической речи", предлагаемая в Гребенюк 1996 вслед за Coulthard 1985. Эти авторы, хотя и выделяют те же категории, не включают, однако, в собственно структуру разрешающей последовательности элемент *источник*. В то же время вводится элемент *завершение* (в скобках указываются приводимые Гребенюк 1996 английские термины из Coulthard 1985):

Подобные "разрешающие последовательности" [...] могут иметь следующую структуру:

(неоднозначное высказывание)

1. запрос (*misapprehension*);

2. пояснение (*clarification*);

3. завершение (*termination*);

(продолжение беседы).

(Гребенюк 1996, 76)

Этот же элемент Goffman 1981 выделяет как четвертый и завершающий в последовательность с неправильным пониманием, называя его *ратификация Г1 автокоррекции Г2*. В настоящей работе элементу *завершение* или *ратификация* соответствует элемент *рефлексия на КН*, как наиболее общий и, следовательно, подходящий для последовательностей всех типов диалогов с КН³¹. Как уже указывалось, этот элемент – не постоянный, а факультативный. Этот структурный элемент не обуславливает типологического различия. Поэтому в предлагаемой структурной типологии наличие рефлексии не образует новый тип, а может рассматриваться в качестве варианта в выделяемом типе.

Базовая последовательность, выступая в качестве модели, является характерной для большинства примеров анализируемого материала. Однако большая их часть может отклоняться от нее, обнаруживая модификации (ср. Humphreys-Jones 1987, 31).

Принципиально не могут воплощать базовую последовательность те интеракции, в которых нарушаются максимы манифестации КН и преодоления

³⁰ Humphreys-Jones 1987 (31) также говорит о вторичных значениях в структуре диалога с КН: "The secondary components, those which are optional to a misunderstanding, are paralinguistic and extralinguistic features and utterances other than the *manifestation* which occur between the *origin* and the *close*. The secondary components constitute the various ways in which participants develop, resolve, or fail to resolve a misunderstanding and are termed *devices*." Такое использование термина 'вторичные компоненты' представляется не совсем корректным, поскольку речь идет о подвидах или способах выражения первичных значений, то есть о субкатегории, а не новой категории компонентов.

³¹ Ведь реплика-рефлексия на КН, во-первых не всегда вступает в семантическое отношение ратификации к коррекции, во-вторых, может относиться и к другим предыдущим репликам последовательности.

КН. Такие интеракции считаются неполными и рассматриваются в VII.2. Однако и там, где оба собеседника стремятся к пониманию, интеракция может протекать иначе, нежели в базовой последовательности. Как указывается в Trognon/Saint-Dizier 1999 (787), три выделяемых элемента "ne se succèdent pas directement mais s'agencent dans une structure hiérarchique complexe".

4.2. Структурная типология

Проанализированный материал позволяет предложить следующую структурную типологию интеракции с КН.

Разделение на типы производится иерархично, на разных уровнях действуют разные принципы классифицирования. Типоразличительных принципов несколько:

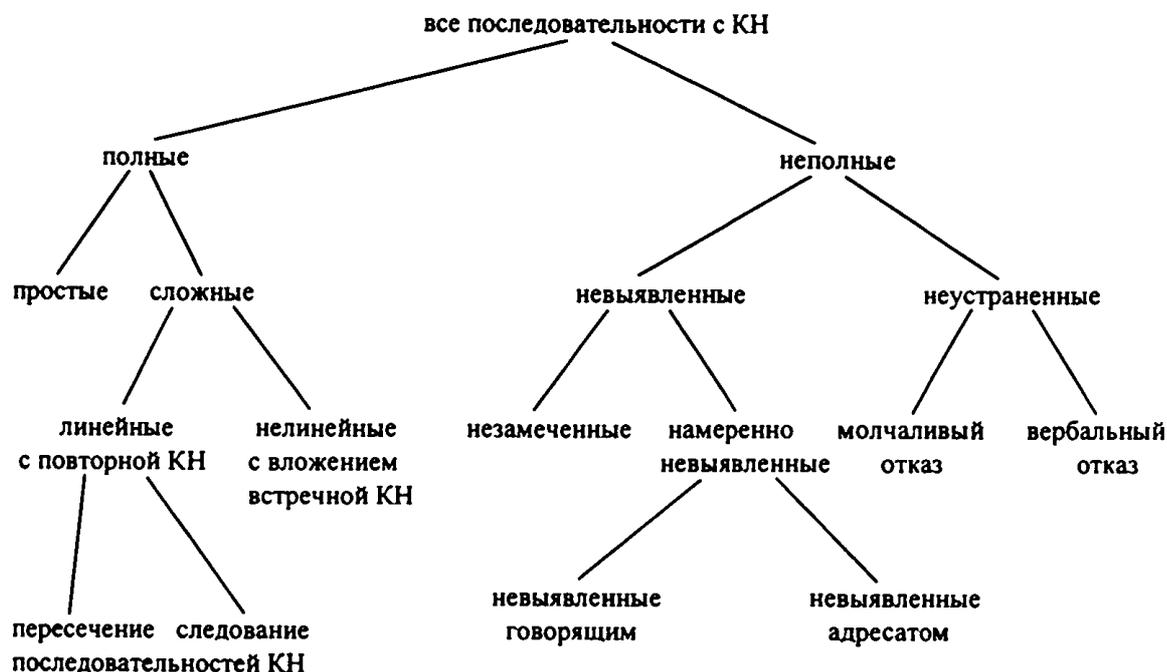
- 1) наличие в интеракции с КН всех структурных элементов: *источника, выявления и устранения*. С помощью этого критерия все последовательности с КН разделяются на полные и неполные;
- 2) соотношение между базовыми структурными элементами *выявление и устранение*, с одной стороны, и количеством соответствующих им реплик в конкретной диалогической последовательности. Этот критерий позволяет разграничить в составе полных последовательностей простые последовательности, в которых соотношение характеризуется как 'один к одному', и сложные последовательности, в которых функции выявления и/или устранения выполняются более чем одной репликой;
- 3) принадлежность реплик-источников к одному или обоим интерактантам. Этот критерий релевантен для сложных последовательностей и позволяет различать линейные последовательности с подчиненной повторной КН и нелинейные последовательности с подчиненной встречной КН;
- 4) отсутствие РВ или РУ в неполных последовательностях позволяет выделить в их составе соответственно невыявленные и неустраненные КН (см. схему 4).

Само собой разумеется, что внутри подчиненных последовательностей, в свою очередь, также возможно разделение на полные и неполные, простые и сложные, линейные и нелинейные, т.е. подчинение второго уровня и т.д. Однако такое деление не внесло бы новых категорий в список предлагаемых типов. Нанизывание одной последовательности на другую и их многократное подчинение приводит к возникновению многоходовых сложных последовательностей.

Примерами иллюстрируются следующие структурные типы:

- 1) полная простая последовательность с КН непонимания, неправильного понимания, гипотетического понимания (см. III.4.2.1.1);
- 2) полная сложная линейная последовательность с повторными КН, вступающими либо в отношении пересечения, либо в отношении следования с инициальной КН (см. III.4.2.1.2.1);
- 3) полная сложная нелинейная последовательность со встречной КН, вступающей в отношении вложенности с инициальной КН (см. III.4.2.1.2.2.);

Схема 4: Структурные типы последовательности с КН

- 4) сложная многоходовая последовательность (см. III.4.3 и III.4.4);
- 5) неполная последовательность с КН, не замеченной обоими коммуникантами, а также с КН, которая была замечена, но не выявлена либо говорящим, либо слушающим (см. VII.2.1);
- 6) неполная последовательность с КН, не устраненной посредством замалчивания или вербализированного отказа от устранения (см. VII.2.2).

Предлагаемое выделение типов целесообразно не только как исследование диалогической структуры. Оно может использоваться в дальнейших исследованиях для выработки и проверки гипотез по трем вопросам.

Первый вопрос – частнопрагматический – в полной мере может быть отнесен только к отдельно взятому языку. Этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: каким образом, решается задача эффективного выявления и устранения КН средствами конкретного языка? Компаративные исследования могли бы ответить на вопрос о том, существуют ли 'универсальные' способы выявления и устранения.

Второй вопрос можно считать общепрагматическим. Это проблема причин не выявления и не устранения КН, имеющая прагматическую и психологическую подоплеку. В рамках лингвистического исследования эта проблема может рассматриваться как нарушение прагматических принципов (см. иллюстрацию этой проблематики в III.4.3, III.4.4, VII.2.1 и VII.2.2).

Помимо этих 'прагматических' вопросов не лишен интереса и вопрос, который лежит в герменевтической плоскости. Он формулируется так: суще-

ствуют ли закономерности развития между тремя типами КН (непонимание, неправильное понимание и гипотетическое понимание), т.е. закономерности перехода от одного типа к другому?

4.2.1. Полная последовательность

С точки зрения структуры полными последовательностями можно считать только те, в которых представлены все элементы базовой структуры. В речи полные последовательности безоговорочно преобладают над неполными и обнаруживают чрезвычайное структурное разнообразие. Все полные последовательности разделяются на два типа: простые и сложные.

4.2.1.1. Простая последовательность

Простая последовательность 'идеально' воплощает базовую структуру, то есть трем принципиальным элементам структуры-модели соответствуют три реплики анализируемой интеракции. Простая минимальная последовательность с КН – наиболее распространенный структурный тип вне зависимости от формы понимания – непонимания (пр. 3.8), неправильного понимания (пр. 3.9) или гипотетического понимания (пр. 3.10).

3.8

Г1 = автор детективных романов; Г2 = журналист.

Г1: Я всегда говорю, что мои соавторы – это мои собаки.

Г2: Кстати, почему вы не в Сибири? (= РИ)

Г1: В каком смысле? (= РВ)

Г2: На сайте вашего издательства я прочел, что именно в эти дни там должна проходить рекламная акция – встреча с поклонниками вашего таланта. (= РУ)
(Ог 32/2001)

3.9

Г1 (= Валенс), отправляет в командировку Г2 (= Юрий Крайнев), стремившегося к поездке, замечает, что Г2 грустит, оставляя дома свою возлюбленную.

Г1: Ну чого не вистачає?

Г2: Та нічого, все на місці, – спробував одкрутитися Юрій, але Валенса одурити було неможливо. Він хитро подивився на Крайневу і лукаво примружив ліве око. Потім показав пальцем на свої очі і спитав:

Г1: Зелені? (= РИ)

Г2: Ні, у вас очі сірі, (= РВ) – не зрозумів Юрій.

Г1: В неї очі зелені, (= РУ) – ніби розсердившись, махнув рукою Валенс.
(Собко 1963, 45)

3.10

Пожилая женщина (= Г1) рассказывает молодой девушке (= Г2) историю своей давней любви.

Г1: І як поїхав мій злотий шукати долі до Аргентини, та так і пропав там навіки. (= РИ)

Г2: Умер він за морем? (= РВ)

Г1: Та ні, кажуть... Живе. (= РУ)

(Козланюк 1965, 461-462)

4.2.1.2. Сложная последовательность

Сложной последовательностью считается такая последовательность, в состав которой входят две и более простые последовательности. Сложные последовательности не укладываются в три реплики. Причина умножения речевых шагов состоит в том, что помимо первой последовательности, открывающейся инициальной РИ, возникает новая последовательность. Если источник этой второй последовательности (далее: РИ2) содержится в РУ первой последовательности (далее РУ1), то вся сложная последовательность является линейной. Если же РИ2 содержится в РВ первой последовательности (далее: РВ1), то вся сложная последовательность является нелинейной. Таким образом, структура сложной последовательности иерархична и неоднородна. Между структурами простых последовательностей в рамках сложной могут возникнуть три типа отношений: отношение следования, пересечения и вложенности³² (см. схему 5).

4.2.1.2.1. Линейная сложная последовательность с повторной КН

Сложные последовательности с повторной КН возникают, когда РУ1 не выполняет 'предписываемую' ей базовой структурой функцию. Эта реплика не устраняет или же недостаточно устраняет КН, она сама, в свою очередь, неудачна. Последующие реплики выявления направлены уже на РИ2, даже если в ней речь идет о том же положении дел, что и в РИ1. Структура такой последовательности представляет собой сложение двух последовательностей, связываемых речевым шагом, который является одновременно окончанием первой КН (РУ1) и началом второй КН (РИ2).

В зависимости от расположения РУ1 и РИ2 внутри соединяющего их речевого шага (РШ) между двумя последовательностями возникает либо отношение пересечения (наложение РУ1 и РИ1), либо отношение следования (контактное или же дистантное расположение РУ1 и РИ2).

а) пересечение простых последовательностей в линейной сложной последовательности.

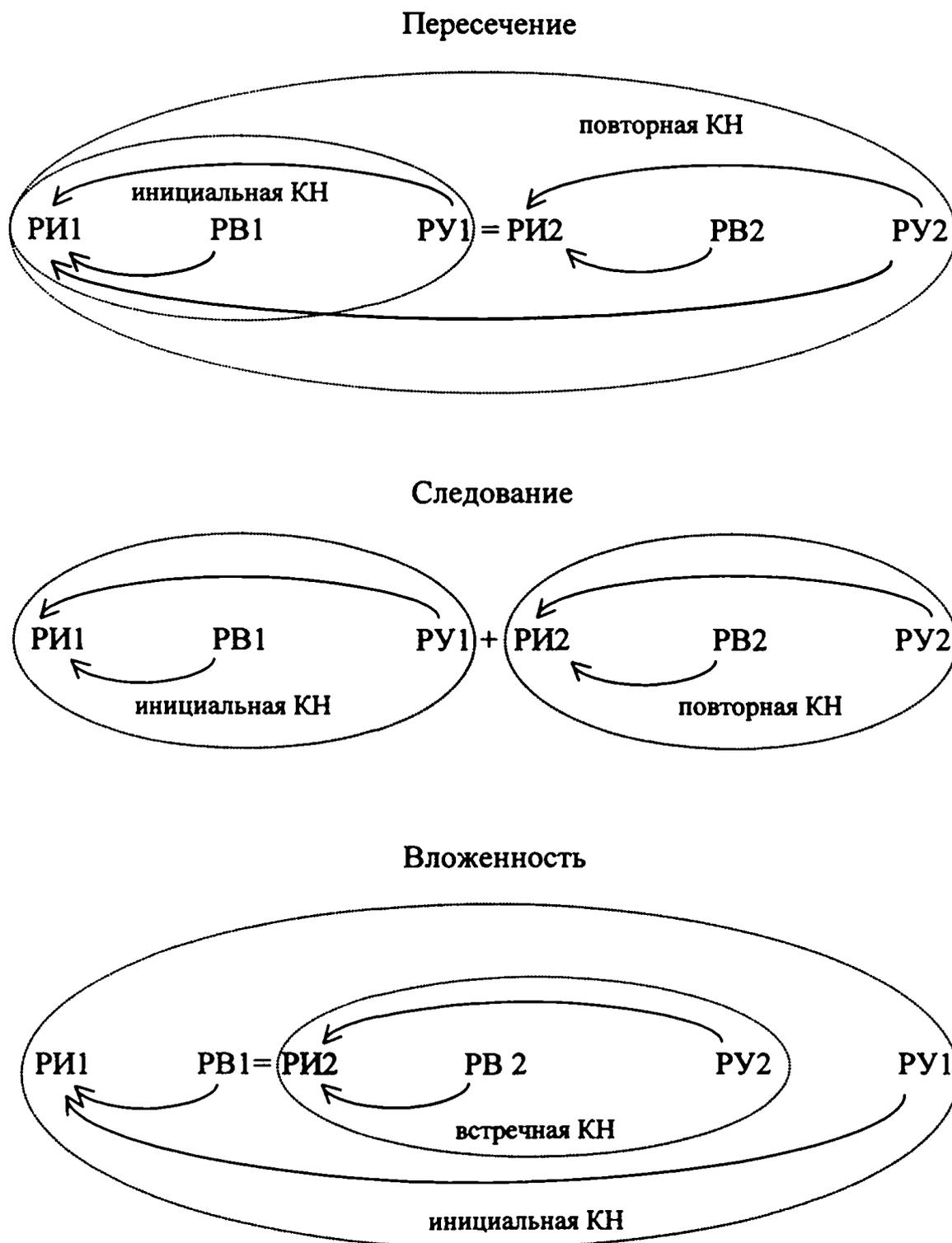
О пересечении следует говорить, когда РУ1 и РИ2 реализуются одними и теми же единицами этого реактивно-иницирующего РШ. В силу того, что РУ1 не удалась, РВ2 относится не только к РИ2, но и к РИ1, а РУ2, реагирующая на РВ2, выполняет, соответственно, и функцию РУ1. Таким образом, структурные элементы двух последовательностей накладываются, или пересекаются.

Схема сложной линейной последовательности с повторной КН, вступающей в отношение пересечения с инициальной последовательностью выглядит следующим образом:

- (1) = РИ1
- (2) = РВ2
- (3) = РУ1 = РИ2
- (4) = РВ2 (= РВ1)
- (5) = РУ2 (= РУ1)

³² Ср. Диненберг 1985, 104.

Схема 5: Структурные типы отношений между простыми последовательностями с КН в рамках сложной

Пересечение

3.11

Г1 = невеста, Г2 = жених; Г1 более заинтересована в развитии партнерских отношений, чем Г2; разговор происходит в доме Г2 накануне Нового года, который Г1 и Г2 по предварительной договоренности должны встречать с друзьями Г2 (семьей Катанян).

Г1: Ну, давай встречать Новый год вместе, а? (1)

Г2: Да, конечно, вместе, господи. (2) Мы и собираемся вместе. (3)

Г1: Нет, ты не понял. (4) Давай совсем вместе, а? (5)

Г2: Это как совсем. (6) Я не понимаю. (7)

Г1: Ну не пойдем к Катаньянам. (8)

(кинофильм "Ирония судьбы, или с легким паром!")

Структурный анализ:

(1) = РИ1, КН-фактор: неоднозначность *вместе*, ИГ1 – *вдвоем*, ИГ2 – *не порознь*.

(2), (3) = РВ1: неправильного понимания.

(4) = РВ1: констатация КН как ввод РУ1

(5) = РУ1 = РИ2, источник КН: неясность, вызванная кванторным местоименным наречием *совсем*; ЗН Г1 *вместе* остается нераскрытым;

(6) = РВ2: вопрос + повторение элемента с непонятным значением

(7) = редупликация РВ2: констатация КН

(8) = РУ2 = РУ1

б) Отношение следования

Об отношении следования между простыми последовательностями в структуре сложной линейной следует говорить в том случае, когда повторная КН удалена от первой. Такое отношение наблюдается в диалогах, где соединяющий РУ1 и РИ2 речевой шаг состоит из нескольких актов, и акт устранения первой КН не совпадает с актом, вызывающим вторую КН.

Схема сложной линейной последовательности с повторной КН, вступающей в отношение следования с инициальной последовательностью выглядит следующим образом:

(1) = РИ1

(2) = РВ2

(3) = РУ1 + РИ2

(4) = РВ2

(5) = РУ2

Следование

3.12

Г1 = инженер-архитектор; Г2 = журналист

Г1: Якщо при "повітряному" варіанті досить 5-6 сантиметрової ширини пустоти, то для керамзиту – не менше 12.

Г2: *Тобто на півцеглини.*

Г1: Так. Крім названих методів, можна також використати керамзитоблоки.

Г2: *Спільно з цеглою?*

Г1: Звичайно. Всередині та ззовні – цегла. Між нею – керамзитоблоки.

(СГ 24/2000, 7)

3.13

Г1 = тракторист, Г2 = электрик; разговор ранее незнакомых мужчин происходит в больнице, куда оба попали с алкогольным отравлением; тема разговора – причина принудительного, в сопровождении правоохранительных органов, помещения в больницу.

Г1: Вспомнил! (1) – сказал тракторист. И сел. – Никакой свиньи не было: я выехал трактором на асфальт. (2)

Г2: Ну? И что? (3) – не понял электрик.

Г1: Что... (4) Не положено, что. (5) Я вижу: приближаются на коляске... (6) А у меня с собой бутылка была, я домой ехал, в баню торопился, поэтому на асфальт выехал – угол срезать... (7)

Г2: Ничего не понимаю: какой угол? (8)

Г1: Чтоб сократить маленько. (9) Если от Игренева на Окладиху идти проселком – это семь километров, а если маленько асфальта прихватить... (10)

Г2: Ну, ну? (11)

Г1: Ну, думаю, все равно они ее сейчас найдут... (12) Пока они приближались, я ее всю осадил. (13)

Г2: Бутылку? (14)

Г1: Ну. (15)

(Шукшин, 206)

Структурный анализ:

(2) = РИ1, источник КН – невыведенная импликатура: "совершил правонарушение"

(3) = РВ2, обнаруживающая, что Г2 не выводит импликатуру из (2);

(4), (5) = критика непонятливости Г2 со стороны Г1 посредством редупликации *что*;

(5) = РУ1, экспликация имплицатуры из (2);

(6), (7) = экстралингвистическое объяснение (указание мотива) положения дел в (2);

(7) = РИ2; источник КН – неясная референция;

(8) = РВ2, констатация референциальной КН;

(9), (10) = РУ3, идентификация референта путем добавления информации.

3.14

Служебный разговор; Г1 = Карналь, директор института; Г2 = Олексій Кирилович, секретарь Г2; разговор происходит после трудного рабочего дня.

Г1: Олексію Кириловичу, сказав тихо Карналь, (1) – а вам навіщо сьогодні тут бути?

(2) Вам же стільки дісталось за ці дні. (3)

Г2: Дісталось? (4) Мені? (5) – Олексій Кирилович аж зупинився від несподіванки і виставив навпроти грудей папку з листуванням, так ніби оборонявся. – Петре Андрійовичу, ну що це ви таке? (6) Про що? (7)

Г1: Вже коли ми обидва тут, то обійдемося сьогодні без листів, навіть негайних. (8)

Г2: Я тільки телеграми. Найважливіші. (9) Тут від Пронченка службова. (10) Також від його родини. (11) З Москви. (12) Академія наук, Міністерство... (13)

Карналь зазнав майже відчутного болю від самого переліку. Слова мовби роз'ятрували рану його спогадів. Не треба, сьогодні вже нічого не треба!

Г1: Дякую, Олексію Кириловичу, залиште тут телеграми. (14) Не треба перелікувати.

(15) Я хотів сказати: мабуть, не треба слів сьогодні. (16)

(Загребельний, 458)

Метакоммунікативні конструкції в (6) и (7) – не тавтологічні, у них різні прагматичні значення. Беспредложная еллиптична конструкція в (6) виражає значення удивлення, укора, она направлена на проявлення заботы Г1 о Г2, т.е. на вежливость в (3). Предложная еллиптична конструкція в (7) виконує власне ви-

явительную функцию и направлена на референциальный акт в (3), неудачно реализуемый кванторным местоименным словом *столько*.

3.15

Г1: Послушай, (1) – говорю, – назови сына Лембитом (2).

Г2: Почему же Лембитом? (3) – удивился Кузин. – Мы хотим Володей. (4) *Что это такое Лембит?* (5)

Г1: Лембит – это имя. (6)

Г2: А Володя что, не имя? (7)

Г1: Лембит – из фольклора. (8)

Г2: *Что значит – фольклор?* (9)

Г1: Народное творчество. (10)

Г2: *При чем тут народное творчество?!* (11) Личного моего сына хочу назвать Володей... (12)

(Довлатов 2000а, 264)

КН неясности, вызванной неизвестностью имени для Г2. Вопрос в (5) – выявление денотативной КН. Разница в общих знаниях, а также коммуникативной компетенции, усугубляющаяся в ходе всей диалогической последовательности с повторной КН (9) – (11), придает диалогу комический характер.

Не всегда отношение, связывающее простые последовательности в рамках сложной, можно определить однозначно. Встречаются случаи, где отношения пересечения и следования нерасторжимы. Затруднения вызваны тем обстоятельством, что исследователь по реакции адресата в РВ2 не может с уверенностью установить, на какой именно фрагмент соединяющего РШ она направлена.

Пересечение + Следование

3.16

Г1: Знаю я, какой он. Он пришел к тебе по наводке. Его навели.

Г2: *Как?*

Г1: Старушатник. Это сейчас бизнес такой. Одни торгуют в ларьках, а другие пасут богатых старух.

Г2: *Что значит: пасут?*

Г1: Женятся. И ждут, когда помрут. Чтобы после твоей смерти все забрать себе.

(Ог 23/1997, 44)

4.2.1.2.2. *Нелинейная сложная последовательность со встречной КН*

Сложной последовательностью со встречной КН считается такая последовательность, в которой реплика выявления, направленная на инициальную реплику, сама является источником новой КН. Базовая структура первой КН оказывается разорванной: "внутри разрешающей последовательности мы получаем еще одну последовательность, подчиненную" (Гребенюк 1996, 37). Между двумя простыми последовательностями возникает отношение вложенности.

Принципиальная схема сложной нелинейной последовательности со встречной КН, вступающей в отношение вложенности с инициальной последовательностью выглядит следующим образом:

- (1) = РИ1
 (2) = РВ1 = РИ2
 (3) = РВ2
 (4) = РУ2
 (5) = РУ1

Вложенность

3.17

Разговор между родственниками на кухне.

Г1: Можно яблочко взять?

Г2: *Что ты такое говоришь. Аж обидно.*

Г1: Что обидно?

Г2: Можно подумать, я тебе есть не даю.

Г1: Не в этом дело. *Ты не поняла. Я ж не в том смысле, что ты запрещаешь или что, просто спрашиваю, успею ли его скушать. Ты ж, кажется, ужин почти сготовила?*

(СМ)

3.18

Г1: ...Представь себе: победило добро. (1) Победил Христос... (2) Но тогда – зачем он нужен? (3) Надобность в нем отпадает. (4) Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. (5) Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет. (6)

Г2: В коммунизм, что ли? (7)

Г1: Что коммунизм? (8)

Г2: В коммунизм веришь? (9)

Г1: Мне не положено. (10) *Опять перебиваешь!* (11)

Г2: *Все. (12) Больше не буду. (13) Только ты это... понятней говори. (14) И не торопись. (15)*

Г1: *Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. (16) Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. (17) Иначе – для чего все? (18) А? (19) Где такая сила? (20) – Поп вопросительно посмотрел на Максима. – Есть она? (21)*

(Шукшин, 366)

Речевой жанр: проздоречевой / интеллектуальный с целью выяснения истины.

Функционально-структурный анализ:

(6) = РИ1, референциальная КН: объем понятия референта выражен неопределенно, абстрактно (*вечность, вечная огромная сила, вечный огромный порядок*), сопутствующий источник: контекст, актуализирующий политические понятия (*диктатура пролетариата*);

(7) = РВ1 = РИ2: гипотетическое понимание, выявляемое уточнением референта, понимаемого адресатом в политическом аспекте (*коммунизм*); источник КН 2 – эллипсис, КН 2 проявляет различия в мировоззрении Г1 и Г2;

(8) = РВ2: непонимание, выявляемое переспросом-повтором;

(9) = РУ2 (= РВ1): восстановление эллипсиса;

(10) = РУ1: имплицатурное устранение, имплицатура: "Не верю".

3.19

Служебный разговор; Г1 и Г2 = преподавательницы института.

Г1: Марь Иванна! Я хотела с вами посоветоваться // Я сейчас собираюсь на консультацию // Г2: Я думаю / Вам давно пора это сделать // Г1: (с раздражением) Что это вы мне указания даете? Я что / опаздываю или не хожу? Г2: О чем Вы? Я думаю / вам надо пойти к юристу // Г1: Да я о студентах говорю // Иду на консультацию и хотела спросить / не дать ли им вопросы к экзамену // (из Ермакова/Земская 1993, 36)

4.3. *Пример многоходовой последовательности с КН как взаимодействие лингвистического и экстралингвистического понимания*

Ситуация: разговор на телевидении; жанр: обмен мнениями интеллектуалов с целью выяснения истины; Г1 = ученый-физик; Г2 = ведущая телепередачи, искусствовед; тема: авторитет в науке.

3.20

Г1 (ИР1): [...] Раньше были термины "табу", "грех". (1) Они основывались на представлениях неэмпирического и немеханического характера – о мире и о законах, которые в нем господствуют. (2) Если же свести все к эмпирике-механике, тогда придется заняться геноцидом. (3)

Г2 (РВ1): И. В., вы, в конце концов, сами человек науки. (4) То, что вы говорите о не вполне положительном влиянии авторитетов науки на текущую культурную жизнь, на современную цивилизацию, для вас наверняка должно иметь некоторые альтернативы. (5) Может ли наука, с вашей точки зрения, при некоторых других условиях утратить негативную функцию своей авторитетности? (6)

Г1 (РУ1 = ИР2): Конечно, речь идет не об особенностях науки, а об особенностях нашей цивилизации, в которой наука оказалась столь сильно связанной с техникой, с идеологией, что их нельзя друг от друга оторвать. (7) Пожалуйста – пример другой ситуации. (8) В Античности, в Древней Греции, чем была наша наука математика? (9) Ее концепция, концепция строгих доказательств, основных постулатов, на которых все основывается, включала самодовлеющее понятие красоты, нетривиального хода мысли. (10) И поэтому она оставалась праздником для немногих понимающих. (11) Она имела хождение в узких философских, математических кругах. (12) А уже поэтому она не подминала под себя человеческую жизнь. (13)

Г2 (РВ2): А может быть, дело не в науке все-таки, а в средствах массовой информации, которые любое содержание транслируют, приспособливая его к не совсем тонкому восприятию публики и извлекая из него потребные на сегодня мифы? (14) Может быть, не наука, грубо говоря, виновата? (15)

Г1 (РУ2 = ИР3): Я и сказал, что дело не в науке и не в авторитетах науки. (16) Это очевидно, на этом не стоило и заострять внимания. (17) Я хотел обратить внимание на сторону менее очевидную. (18) Конечно, дело не в науке, а в нашем обществе и, конечно, в средствах массовой информации начиная с открытия Гутенберга, с открытия книгопечатания. (19)

Г2 (РВ3): Все-таки в мое сознание, несмотря даже на спасительно-объяснительную соломинку в виде СМИ, не может уложиться ваша мысль об использовании науки в роли псевдаавторитета. (20) Наука же такая точная вещь. (21) (Чередниченко 2001, 202)

Фрагмент диалога представляет собой сложную многоходовую КН. Выделяются три простые КН. ИГ1 в ИР1: с развитием науки в отрыве от сдерживающих идеальных авторитетов увеличивается риск саморазрушения цивилизации. КН-фактор: имплицитное выражение каузального смысла (причина – отсутствие высших моральных авторитетов). ИГ2 в РВ1: причина саморазрушения – наука; выведение следствия – авторитет науки негативен. РУ1: Отношение ИГ2 к ИГ1 – неправильное понимание. РУ1 = РА утверждения: наука не несет ответственности. Реализация РУ1: эксплицитное метакоммуникативное опровержение (*речь идет не о*) + автоинтерпретация посредством экземплификации (пример Древней Греции). КН-фактор: приведенный пример имплицитно, излишне усложненно (максима количества и релевантности) иллюстрирует смысл Г1, поэтому РУ-экземплификация оказывается неудачной (РУ1 = ИР2).

РВ2 = РА сомнения подобно РВ1 (15 = 6). Отношение ИГ2 к ИГ1 – неправильное понимание. Реализация РУ2: эксплицитная метакоммуникативная критика непонятливости: указание на неправомерность РА сомнения (16, 17); автоинтерпретация: метакоммуникативная экспликация инициального коммуникативного намерения (18) + опровержение: смещение каузального отношения с науки на общество + уточнение (общество – средства массовой информации в обществе). РВ3: полипредикативная структура: смысл главной предикации = перифразная констатация непонимания (в мое сознание не может уложиться мысль = не понимаю); смысл подчиненной предикации: критика (косвенная – посредством негативной оценки *спасительно-объяснительная*) точки зрения Г1. Контрперсуасив в (21).

КН1 и КН2 поддаются анализу как лингвистические. КН1 – как пропозициональная (неудача при имплицитном выражении каузального отношения), а КН2 – как иллокутивная (неудача РА объяснения). Однако в КН3 непонимание выражает уже несогласие (повторная неудача РА объяснения). Ретроспективный анализ всего фрагмента позволяет рассматривать весь комплекс многоходовой КН не как КН в собственном смысле слова, а как дискуссию, обусловленную различием мнений и профессиональной сверхзадачей Г2 – тематизация наиболее проблемных аспектов. С этой точки зрения речевое поведение Г2 демонстрирует не недостаточную коммуникативную компетенцию (как могло бы результировать из РВ2 и подверглось критике в РУ3), а, наоборот, – как компетенцию, превышающую компетенцию Г1.

4.4. *Пример многоходовой последовательности с КН как развитие личного конфликта*

Ниже приводится многоходовая последовательность с КН, иллюстрирующая развитие личного конфликта, т.е. возникновение и углубление экстралингвистического непонимания между собеседниками по мере углубления лингвистического непонимания.

Речевой жанр: праздноречевой / интеллектуальный диалог с целью выяснения истины. Параметры интеракции: Г1 = старик; Г2 = Князев; Г3 = Сильченко. Ситуация: разговор происходит в выходной день на берегу реки. Г1 проживает в деревне; Г2 и Г3 приехали на отдых из города.

Конфликт между Г2 и Г3 развивается по следующему ряду прагматических показателей.

Мышление как способ изложения:

Г2: абстрактное, образное (речевые фигуры, переосмысления);

Г3: конкретное, логическое, сухое.

Самооценка:

Г2: самолюбование, самодовольство;

Г3: нейтральная.

Взаимная оценка партнеров по интеракции в начале разговора:

Г2: снисходительная;

Г3: нейтральная.

Взаимная оценка партнеров по интеракции в конце разговора:

Г2: крайне негативная;

Г3: крайне негативная.

Доминирующая коммуникативная манера изложения:

Г2: терпеливая, педантичная, стабильная;

Г3: импульсивная, ускоряющаяся, нетерпеливая.

Личностные приоритеты относительно темы разговора:

Г2: государственные интересы;

Г3: собственные интересы.

Пример анализируется, прежде всего, как взаимодействие категорий вежливости и коммуникативной неудачности. Невежливые реплики чередуются с имплицитными и эксплицитными выявлениями КН. Отношение между КН и конфликтом на примере этого диалога проявляется как двухстороннее отношение причина – следствие. Взаимодействие двух категорий прослеживается как динамика прямой пропорциональности: с увеличением КН все больше нарушается принцип вежливости в действиях, направленных на восстановление понимания, и все больше манифестируется сознательное отклонение от принципа понимания. Диалог начинается с готовности обоих собеседников к речевому контакту, с заинтересованности в кооперативном общении, а заканчивается резким обрывом и взаимными оскорблениями. Показателен также переход от обращения на *Вы* в начале диалога к обращению на *ты* в конце.³³

³³ Подобным образом отношение между лингвистическим недоразумением и личным конфликтом характеризуется в Mizzau 2002, хотя автор и не приводит примеров с КН. К этому заключению она приходит, подступая к проблеме с другой стороны – изучая не коммуникативные неудачи, а конфликты в ежедневной коммуникации: "Il rapporto tra malinteso e conflitto può configurarsi in più direzioni. Un malinteso, in quanto fraintendimento di ciò che uno di due ha detto, può essere causa di conflitto [...] Il clima conflittuale può essere causa del sorgere di malintesi, e nello stesso tempo il malinteso può favorire il conflitto in atto e in qualche modo essere sfruttato ai fini conflittuali stessi" (Mizzau 2002, 59-60).

3.21

Г1: А-а! (1) – весело сказал старик. – Поудить нету желанья? (2) А мы вот налаживаемся с Юрьем Викторовичем. (3)

Г2: Не люблю, (4) – сказал Князев. – Но посижу с вами на берегу. (5)

Г3: Рыбалку не любите? (6) – спросил Сильченко, худощавый мужчина таких же примерно лет, что и Князев, – около сорока. – Чего так? (7)

Г2: Трата времени. (8)

Сильченко посмотрел на Князева, отметил его нездешний облик – галстук, запонки с желтыми кружочками... Сказал снисходительно:

Г3: Отдых есть отдых, не все ли равно, как тратить время. (9)

Г2: Существует активный отдых, – отбил Князев эту нелепую попытку учить его, – и пассивный. (10) Активный предполагает вместе с отдыхом какое-нибудь целесообразное мероприятие. (11)

Г3: От этих мероприятий и так голова кругом идет, (12) – посмеялся Сильченко.

Г2: *Я говорю не об "этих мероприятиях", а о целесообразных*, (13) – подчеркнул Князев. И посмотрел на Сильченко твердо и спокойно. – *Улавливаете разницу?* (14)

Сильченко тоже не понравилось, что с ним поучительно разговаривают... Он тоже был человек с мыслями.

Г3: *Нет, не улавливаю, объяснитесь, сделайте милость.* (15)

Г2: Вы кто по профессии? (16)

Г3: Какое это имеет значение? (17)

Г2: Ну все же... (18)

Г3: Художник-гример. (19)

Тут Князев вовсе осмелел; синие глаза его загорелись веселым насмешливым огнем; он стал нахально-снисходителен.

Г2: Вы в курсе дела, как насыпаются могильные курганы? (20) – спросил он.

Чувствовалось удовольствие, с каким он подступает к изложению своих мыслей.

Сильченко никак не ждал этих курганов, он недоумевал.

Г3: *При чем здесь курганы?* (21)

Г2: Вы видели когда-нибудь, как их насыпают? (22)

Г3: А вы видели? (23)

Г2: Ну, в кино-то видели же! (24)

Г3: Ну... допустим. (25)

Г2: Представление имеете. (26) Я хочу, чтобы вы вызвали умственным взглядом эту картину: как насыпают курган. (27) Идут люди, один за одним, каждый берет горсть земли и бросает. Сперва засыпается яма, потом начинает расти холм... (28)

Представили? (29)

Г3: Допустим. (30)

Князев все больше воодушевлялся – это были дорогие минуты в его жизни: есть перед глазами слушатель, который хоть ерепенится, но внимает.

Г2: Обрати тогда внимание вот на что: на несоответствие величины холма и горстки земли. (31) Что же случилось? (32) Ведь вот – горсть земли, – Князев показал ладонь, сложенную горстью, – а с другой стороны – холм. (33) Что же случилось? (34) Чудо? (35) Никаких чудес: накопление количества. (36) Так создавались государства – от Урарту до современных суперсов. (37) *Понятно?* (38) Что может сделать слабая человеческая рука?.. (39) – Князев огляделся, ему на глаза попалась удочка, он взял ее из

рук старика и показал обоим. – Удочка. (40) Вот тоже произведение рук человеческих – удочка. (41) Верно? (42) – Он вернул удочку старику. – Это – когда один человек. (43) Но когда они непрерывно идут друг за другом и бросают по горстке земли – образуется холм. (44) Удочка – и холм. (45) – Князев победно смотрел на Сильченко и на старика тоже, но больше на Сильченко. – *Улавливаете?* (46)

Г3: *Не улавливаю*, (47) – сказал Сильченко вызывающе. Его эта победность Князева раздражала. – *При чем здесь одно и при чем другое?* (48) *Мы заговорили*, как провести свободное время... (49) *Я высказал мысль*, что чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо. (50)

Г2: *Бред, галиматья*, (51) – сурово и весело сказал Князев. – *Рассуждение на уровне каменного века*. (52) Как только вы начинаете так рассуждать, вы тем самым автоматически выходите из той непрерывной цепи человечества, которая идет и накапливает количество. (53) Я же дал очень наглядный пример: как насыпается холм! (54) – Князев хоть был возбужден, но был и терпелив. – *Вот представьте себе*: все прошли и бросили по горстке земли... (55) А вы – не бросили! (56) *Тогда я вас спрашиваю*: в чем смысл вашей жизни? (57)

Г3: *Чепуха какая-то*. (58) *Вот уж действительно галиматья-то*. (59) *Какой холм?* (60) *Я вам говорю*: вот я приехал отдохнуть... (61) На природу. (62) Мне нравится рыбачить... вот я и буду рыбачить. (63) *В чем дело?* (64)

Г2: И я тоже приехал отдохнуть. (65)

Г3: *Ну?..* (66)

Г2: *Что?* (67)

Г3: Ну и что, холм, что ли будете насыпать здесь? (68)

Князев посмеялся снисходительно, но уже и не очень терпеливо, зло.

Г2: *То нам непонятно, когда мыслят категориями, то не устраивает...* (69) Такой уж наглядный пример! (70) – Самому Князеву этот пример с холмом, как видно, очень нравился, он наскочил на него случайно и радовался ему, его простоте и разительной наглядности. – В чем смысл нашей жизни вообще? (71) – спросил он прямо.

Г3: Это – кому как, (72) – уклонился Сильченко.

Г2: *Нет, нет, вы ответьте*: в чем всеобщий смысл жизни? (73) – Князев подождал ответа, но нетерпение уже целиком овладело им. – Во всеобщей же государственности. (74) Процветает государство – процветаем и мы. (75) Так? (76) Так или не так? (77) Сильченко пожал плечами... Но согласился – пока, в ожидании, куда затем стрельнет мысль Князева.

Г3: Ну, так... (78)

Г2: Так. (79) Образно говоря опять же, мы все несем на своих плечах известный груз... (80) *Вот представьте себе*, (81) – еще больше заволновался Князев от нового наглядного примера, – мы втроем – я, вы, дедушка – несем бревно. (82) Несем – нам его нужно пронести сто метров. (83) Мы пронесли пятьдесят метров, вдруг вы бросаете нести и отходите в сторону. (84) И говорите: "Уменя отпуск, я отдыхаю". (85)

Г3: *Так что же, отпусков не нужно, что ли?* (86) – заволновался Сильченко. – *Это же тоже бред сивой кобылы*. (87)

Г2: В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревнышко пронесем положенных сто метров и сбросим – тогда отдыхайте. (88)

Г3: *Не понимаю, чего вы хотите сказать*, (89) – сердито заговорил Сильченко. – *То холм, то бревно какое-то..* (90). Вы приехали отдыхать? (91)

Г2: Приехал отдыхать. (92)

Г3: *Что же, значит, бросил бревно по дороге?* (93) *Или как... по вашему-то?* (94)

Князев некоторое время смотрел на Сильченко проникновенно и строго.

Г2: *Вы что, нарочно, что ли не понимаете?* (95)

Г3: *Да я серьезно не понимаю!* (96) *Глупость какая-то, бред!* (97) *Бестолочь какая-то!* (98) – Сильченко чего-то нервничал и потому говорил много лишнего. – *Ну полная же бестолочь!..* (99) *Ну, честное слово, ничего же понять нельзя.* (100) *Ты понимаешь что-нибудь, дед?* (101)

Старик с интересом слушал эту умную перепалку. С вопросом его застали врасплох.

Г2: А? (102) – встрепенулся он.

Г3: Ты понимаешь хоть что-нибудь, что этот... товарищ молотит здесь? (103)

Г2: Я слушаю, (104) – сказал дед неопределенно.

Г3: А я ничего не понимаю. (105) Ни-чего не понимаю! (106)

Г2: Да вы спокойней, спокойней, (107) – снисходительно и недобро посоветовал Князев. – Успокойтесь. (108) Зачем же нервничать-то? (109)

Г3: А зачем тут чепуху-то пороть?! (110)

Г2: Да ведь вы даже не вошли в суть дела, а уже – чепуха. (111) Да почему же... (112) Когда же мы научимся рассуждать-то логически! (113)

Г3: Да вы сами-то... (114)

Г2: Раз не понял, значит, чепуха, бред. (115) Ве-ли-ко-леп-ная логика! (116) Сколько же мы так отмахиваться-то будем! (117)

Г3: Хорошо, (118) – взял себя в руки Сильченко. И даже присел на дедов верстак. Ну-ка, ясно, просто, точно – что вы хотите сказать? (119) Нормальным русским языком. (120) Так? (121)

Г2: Вы где живете? (122) – спросил Князев.

Г3: В Томске. (123)

Г2: Нет, шире... (124) В целом. (125) – Князев широко показал руками.

Г3: Не понимаю. (126) Ну не понимаю! (127) – стал опять нервничать Сильченко. – В каком "в целом"? (128) В чем это? (129) Где? (130)

Г2: В государстве живете, (131) – продолжал Князев. – В чем лежат ваши главные интересы? (132) С чем они совпадают? (133)

Г3: Не знаю. (134)

Г2: С государственными интересами. (135) Ваши интересы совпадают с государственными интересами. (136) Сейчас я понятно говорю? (137)

Г3: Ну, ну, ну? (138)

Г2: В чем же тогда ваш смысл жизни? (139)

Г3: Ну, ну, ну? (140)

Г2: Да не "ну", а уже нужна черта: (141) в чем смысл жизни каждого гражданина? (142)

Г3: Ну, в чем?.. (143) Чтобы работать, быть честным, – стал перечислять Сильченко, – защищать Родину, когда потребуется... (144)

Князев согласно кивал головой. Но ждал чего-то еще, а чего, Сильченко никак не мог опять уловить.

Г2: Это все правильно, (145) – сказал Князев. – Но это все – отвлечения. (146) В чем главный смысл? (147) Где главный, так сказать, ствол? (143)

Г3: В чем? (144)

Г2: Я вас спрашиваю. (145)

Г3: А я не знаю. (146) Ну, не знаю, что хошь делай! (146) Ты просто дурак! (147)

Долбо... (148) – И Сильченко матерно выругался. И вскочил с верстака. – Чего тебе от меня надо?! (149) – закричал он. – Чего?! (150) Ты можешь прямо сказать? (151) Или я тебя попру отсюда поленом!.. (152) Дурак ты! (153) Дубина!.. (154)

Князеву уже приходилось попадать на таких вот нервных. Он не испугался самого этого психопата, но испугался, что сейчас сбегутся люди, будут тарашить глаза, будут... Тьфу!

Г2: Тихо, тихо, тихо, (155) – сказал он, отступая назад. И грустно, и безнадежно смотрел на неврастеника примера. – Зачем же так? (156) Зачем кричать-то? (157)

Г3: Чего вам от меня надо?! (158) – все кричал Сильченко. – Чего? (159)

Из дома на крыльцо вышли люди...

Князев повернулся и пошел вон из ограды.

Сильченко еще что-то кричал вслед ему.

Князев не оглядывался, шел скорым шагом, и в глазах его была грусть и боль.

Г2: Хамло, – сказал он негромко. – Ну и хамло же... разинул пасть. – Помолчал и еще проговорил горько: – Мы не пойдем – нам не треба. Мы лучше орать будем. Вот же хамло!

(Шукшин, 651-655)

Последовательность речевых действий, направленных на понимание и их отношение к принципу вежливости (ПВ)

Действия Г2:

Метакоммуникативная коррекция КН

– Я говорю не об "этих мероприятиях", а о целесообразных [...] (13)

Метакоммуникативная антиципация КН / косвенное нарушение скромности и такта (возможная импликатура: адресат глупее говорящего)

– Улавливаете разницу/ (14)

– Понятно? (38)

– Улавливаете? (46)

Master Speech Act и антиципация КН как косвенное нарушение такта (возможная импликатура: адресат нуждается в направляющих действиях говорящего)

– Вот представьте себе: все прошли и бросили по горстке земли... (55)

– Тогда я вас спрашиваю: в чем смысл вашей жизни? (57)

– Сейчас я понятно говорю? (137)

– Я вас спрашиваю. (145)

Прямая негативная оценка высказываний партнера как резкое нарушение ПВ

– Бред, галиматья [...] (51)

– Рассуждение на уровне каменного века. (52)

Негативная оценка КК и понятливости партнера, нарушающая ПВ

– То нам непонятно, когда мыслят категориями, то не устраивает... (69)

– Нет, нет, вы ответьте: в чем всеобщий смысл жизни? (73)

– Вы что, нарочно, что ли не понимаете? (95)

– Да вы спокойней, спокойней, (107)

– Успокойтесь. (108) Зачем же нервничать-то? (109)

– Да ведь вы даже не вошли в суть дела, а уже – чепуха. (111)

– Когда же мы научимся рассуждать-то логически! (113)

– Раз не понял, значит, чепуха, бред. (115)

– Ве-ли-ко-леп-ная логика! (116) Сколько же мы так отмахиваться-то будем! (117)

– Нет, шире... (124) В целом. (125)

– Да не "ну", а уже нужна черта [...] (141)

– Это все правильно, но [...] (145)

Действия Г3:

Выявления КН, содержащие косвенную негативную оценку непонятности (метакоммуникативная критика, ирония, указания на невыполнение максим релевантности и ясности, и др. средства)

– Нет, не улавливаю, объяснитесь, сделайте милость. (15)

- При чем здесь курганы? (21)
- Не улавливаю, сказал [...] вызывающе (47)
- При чем здесь одно и при чем другое? (48)
- Какой холм? (60)
- В чем дело? (64)
- Ну? (66)
- Так что же, отпусков не нужно, что ли? (86)
- Не понимаю, чего вы хотите сказать [...] (89)
- То холм, то бревно какое-то... (90)
- Что же, значит, бросил бревно по дороге? (93) Или как... по вашему-то? (94)
- А я ничего не понимаю. (105) Ни-чего не понимаю! (106)
- Хорошо, (118) – Ну-ка, ясно, просто, точно – что вы хотите сказать? (119) Нормальным русским языком. (120)
- Не понимаю. (126) Ну не понимаю! (127) В каком "в целом"? (128) В чем это? (129) Где? (130)
- Ну, ну, ну? (140)
- В чем? (144)
- Чего тебе от меня надо?! (149) – закричал он. – Чего?! (150) Ты можешь прямо сказать? (151)

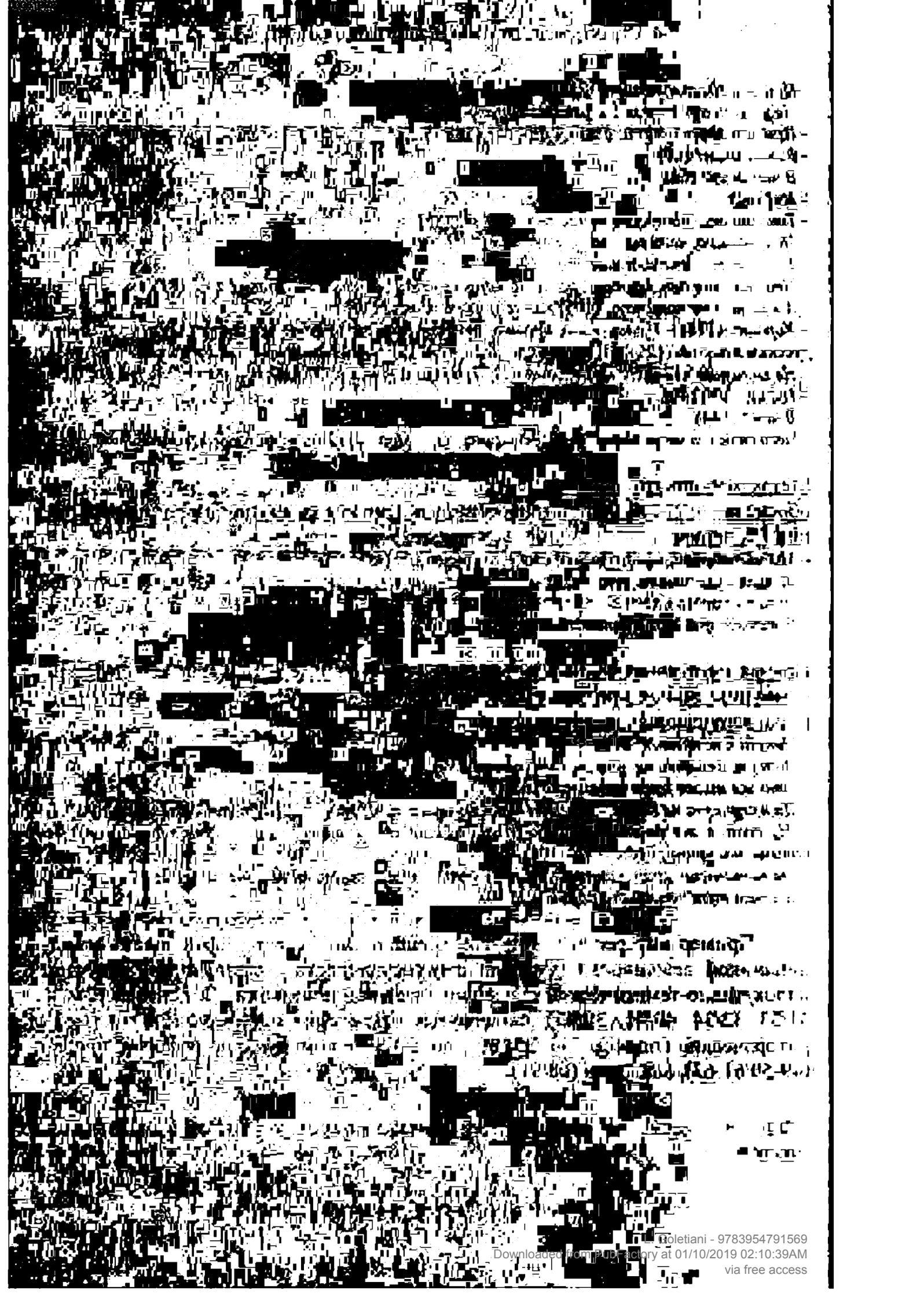
Метакоммуникативное комментирование (резюмирование и настаивание) как обоснование своей непонятливости и как критика коммуникативной компетенции Г2, нарушающее принцип вежливости:

- Мы заговорили, как провести свободное время... (49)
- Я высказал мысль, что чем бы ты ни занимался, но если тебе это нравится, значит, ты отдохнул хорошо. (50)
- Я вам говорю: вот я приехал отдохнуть... (61)

Прямая негативная оценка речевых действий партнера (оскорбительная метакоммуникативная критика его коммуникативной компетенции и понятности), резко нарушающая принцип вежливости

- Чепуха какая-то. (58)
- Вот уж действительно галиматья-то. (59)
- Это же тоже бред сивой кобылы. (87)
- Да я серьезно не понимаю! (96) Глупость какая-то, бред! (97) Бестолочь какая-то! (98)
- Ну полная же бестолочь!.. (99) Ну, честное слово, ничего же понять нельзя. (100) Ты понимаешь что-нибудь, дед? (101)
- Ты понимаешь хоть что-нибудь, что этот... товарищ молотит здесь? (103)
- А зачем тут чепуху-то пороть?! (110)

Пример интересен и в другом аспекте. Он касается соотношения между динамикой вежливости (уменьшением)/неудачности (увеличением) и ростом иллокутивно-тематической стагнации в речевом поведении Г2: повторы (28/44, 31/33, 32/34, 40/41, 39/43), развернутые отклонения-метафоры (28/31, 81/83), риторические вопросы (34; 35; 39), так и Г3: резюмирующие реформулировки (49-50/61-63), аналогии (68/91).

IV. ИНИЦИАЛЬНЫЕ РЕПЛИКИ (РЕПЛИКИ-ИСТОЧНИКИ)

Инициальные реплики в диалогах с КН – наиболее изученные. Интерес исследователей к ним объясняется уже тем, что именно они содержат текстуальный источник КН. Практически все работы, посвященные КН (если только они не обращаются исключительно к структурному или герменевтико-философскому аспекту феномена) в той или иной мере затрагивают вопрос о лингвистических источниках КН.

Возможность построения единой типологии источников или причин КН признается исследователями еще более спорной, нежели возможность строгого и однозначного дефинирования феномена КН³⁴, а само построение – нецелесообразным. Комплексность коммуникативного речевого действия, неудачного в том числе, обуславливает необходимость многомерного подхода к изучению КН: "Множество возможных КН можно представить себе как многомерное пространство" (Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 68). Для более глубокого наблюдения над самыми разными прагмалингвистическими проблемами и диалогическими явлениями необходимо разделение феномена на аспекты, или углы зрения.

Auch wenn taxonomische Klassifikationen im Rahmen einer solchen Thematik keinen Wert an sich darstellen, vielleicht sogar im strukturalistischen Sinne scheitern müssen, ist es dennoch nötig, sich über Interdependenzen, Überschneidungen und subklassifikatorische Merkmale der einzelnen Kategorien eine größere Einsicht zu verschaffen.
(Freidhof 1998, 297)

На современном этапе исследования КН можно выделить два наиболее применяемых принципа классификации причин КН. Первый принцип исходит из многокомпонентной структуры коммуникативного акта. С помощью этого принципа могут быть охвачены все факторы, так или иначе связанные с КН (далее: КН-факторы), и входящие в компетенцию прагмалингвистики.

³⁴ Ср. Bazzanella/Damiano 1997, 373: "Se definire il fraintendimento ha già richiesto una drastica semplificazione rispetto ad un fenomeno complesso, che si manifesta sotto forme molto diverse, e secondo un diverso grado di 'gravità' rispetto alla comunicazione (dal superamento per irrilevanza al completo *break-down*), classificarlo pone ancora maggiori difficoltà" (выделено авторами).

Попытку интегративной разноуровневой типологии возможных источников неправильного понимания делает Galatolo 1999. Автор объединяет категории, выделенные в известных ей исследованиях на материале английского и итальянского языков, но, учитывая немногочисленность заимствованных и собственных примеров, не претендует на полноту.

Le possibili fonti di malinteso

1. Malinteso sul senso di un termine [...].
2. Malinteso sul riferimento:
 - a) testuale (anafora) [...];
 - b) contestuale (deissi) [...];
 - c) generico vs specifico [...].
3. Malinteso sul footing:
 - a) discorso proprio vs riportato [...];
 - b) letteralità vs ironia [...].
4. Malinteso sul tropo:
 - a) uso letterale vs uso sineddotico [...];
 - b) uso letterale vs uso idiomatico [...].
5. Malinteso sul topic: casi di repliche non pertinenti per lo scivolamento o cambiamento di topic che mettono o non mettono in atto [...].
6. Malinteso sul tipo di azione compiuta [...].
7. Malinteso sul quadro partecipativo (chi parla a chi, nei casi di interazione a più di due interlocutori [...]).
8. Malinteso sulla funzione sequenziale di stringhe variabili di parlato: non riconoscimento delle pre-sequenze come tali e loro trattazione successiva come mosse sostanziali [...].

(Galatolo 1999, 244)

Сюда же относятся классификации, использующие в качестве типологизирующих критериев концепты теории речевых актов. Эти классификации группирует КН-факторы не как причины КН, а по их положению в структуре речевого акта, соответственно, – на пропозициональном и иллокутивном уровне, а также на уровне модификаторов. Наиболее последовательно этот типологический критерий воплощен в Falkner 1997. Фрагментарное использование этого критерия характерно, однако, для очень многих исследований. Так, концепты референциальной неудачи и иллокутивной неудачи, несомненно, весьма эффективно описывают многие продуктивные системно-языковые КН-факторы.³⁵ В данной работе выделение КН-факторов согласно категориям речевого акта будет интегрировано в общую типологию.

Второй принцип классифицирования предполагает отнесение текстуальных КН-факторов в РИ к выделяемым в лингвистике теоретическим уровням.

³⁵ См., напр., Падучева 1982а, Ермакова/Земская 1993; Bazzanella/Damiano 1997; Bazzanella/Damiano 1999.

Ни к одной из типологий не может быть предъявлено требование строгого и последовательного классифицирования (о классификационных требованиях в прагмалингвистике см. Ballmer 1979, 253 и сл.). Принцип классификации выбирается с учетом вышестоящих исследовательских целей. Исходя из того, что задача данной работы – описание КН в перспективе диалогического развития, а оно проявляется в текстовой связности и сцеплении реплик, уровневый подход к классификации текстуальных КН-факторов РИ оказался здесь наиболее подходящим.

1. Типология КН как отражение структуры коммуникативного действия

Как известно, в прагматике принято выделять проблематику, связанную с субъектом речи (говорящим), с адресатом, с ситуацией общения (ср. ЛЭС, 389-390). Эти компоненты спектрализуют само речевое событие, стоящее в центре коммуникативного акта – высказывание, открывающее диалогическую последовательность с КН. Исследователи предлагают различные возможности группирования причин КН в соответствии с разделением коммуникативного акта на аспекты. В результате сравнения и обобщения предложенных типологий и исследовательских направлений вырисовывается следующая картина.

1.1. *КН в перспективе прагматических параметров ситуации*

Сюда относят КН, при возникновении которых можно отметить нарушение условий успешного производства РА в том виде, как они были сформулированы Серлем (Searle 1969), в частности, условие нормального входа и выхода (ср. также "disturbances along the communicative channel" в Bazzanella/Damiano 1999, 821). Во избежание неудач этого типа между говорящими должен быть хороший слуховой контакт, они должны быть физически и психически в состоянии совершать и воспринимать осмысленные речевые действия (ср. Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 71).

Гораздо шире дефинируются КН, связанные с вводом, в Ringle/Bruce 1980 (цитируется по Reilly 1987a, 5): "An input failure occurs when the participant is unable to obtain a complete, or at least a coherent, interpretation for an utterance". Авторы относят к этим КН как перцепционные (perceptual failures), так и лексические (lexical) и синтаксические (syntactic) неудачи.

1.2. *КН в перспективе субъекта речи*

КН могут быть связаны с речевой манерой говорящего, его установкой и намерениями, степенью его лингвистической и коммуникативной компетенции, готовностью к кооперативному сотрудничеству, проявляющемуся в следовании

максимум Грайса.³⁶ Даже если сам говорящий обладает достаточной лингвистической и коммуникативной компетенцией, он может иметь ошибочные прагматические пресуппозиции относительно фонда знаний, интересов и коммуникативной компетенции адресата.³⁷

Bazzanella/Damiano 1997 (388) и 1999 (821) предлагают разделять все 'возбудители'³⁸ КН, соотносимые с говорящим, на две группы:

- 1) *fenomeni 'locali'* come malapropismi, difetti di pronuncia, 'slips', credenze errate del parlante stesso, uso di espressioni ambigue,
 - 2) problemi più *ampi relativi alla strutturazione dell'informazione*.
- (Bazzanella/Damiano 1997, 388; выделено авторами)

Последние обуславливают структурирование информации на прагматическом и синтаксическом уровне:

Sul piano pragmatico potrebbero agire occasioni delle regole di cortesia [...], che porterebbero all'indeterminatezza, fonte frequente di fraintendimento nelle interazioni quotidiane [...]. Sul piano sintattico, tutti i fenomeni tipici della micropianificazione del parlato (v. ellissi, paratassi, anacoluti, ecc.), dettati dalla necessità di 'economia', e dai tempi caratteristici del parlato [...], possono creare ambiguità e scatenare il fraintendimento.

(Bazzanella/Damiano 1997, 388-389)

В русском языке когнитивный аспект неудачного структурирования информации субъектом речи наиболее полно рассмотрен на примерах из письменной речи в Кукушкина 1998. Многие заключения ее анализа можно, видимо, распространить и на устную речь. Автор исходит из того, что процесс порождения речевого текста можно разделить на следующие операции:

осмысление объекта и порождение смысла; подбор языковых единиц для данного смысла (языковая номинация); передача, реализация языковых единиц (их произнесение и запись)".

(там же, 16; выделено автором)

³⁶ Ср. первую из трех причин КН, выделяемых в Humphreys-Jones 1987 (25): "the speaker communicates from an individual perspective and his use of language is influenced by this perspective".

³⁷ Ср. вторую причину КН, выделяемую в Humphreys-Jones 1987 (25): "the speaker knows what he wants to communicate and is often unable to appreciate that his hearer does not share this knowledge".

³⁸ Авторы используют в итальянском языке термин *scatenatori*, в английском языке – *triggers*; ср. в немецком – *Auslöser*. Перевод на русский язык термином *возбудители* мне представляется более подходящим, нежели такие буквальные эквиваленты как *пусковой механизм*, *размыкатель* и т.д., использующиеся в русском языке, преимущественно, в более узком техническом значении.

Полная классификация письменных КН, рассмотренных в когнитивном аспекте, предложенная в Кукушкина 1998 выглядит следующим образом (там же, 64):

- I) неудачное структурирование информации;
- II) неудачная классификация общего типа логических отношений, связывающих основные элементы пропозиции ("предмет" и "признак");
- III) неудачная квалификация положения дел, описываемого пропозитивной структурой;
- IV) неудачная категориальная квалификация отдельных элементов положения дел, описываемого пропозицией;
- V) неудачная актуализация категорий, использованных для описания элементов положения дел;
- VI) неудачный выбор означаемого;
- VII) неудачная запись означаемого.

1.3. Предпосылки КН в перспективе адресата

Наиболее широкий список типов КН, ответственность за которые возлагается на адресата предложен в Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985. Адресат виноват в КН в следующих случаях (там же, 77):

- 1) когда нарушены условия "нормального входа", среди которых одним из важнейших является "настроенность" К2 на восприятие сообщения К1 [...] ³⁹;
- 2) когда К2 неправильно оценивает ситуацию общения [...];
- 3) когда К2 неправильно информирован о действительном положении вещей в мире дискурса [...];
- 4) когда К2 не учитывает или неправильно определяет стратегическую практическую цель К2 (например, когда на вопрос К1, держащего в руках газовой баллон: *Где находится пункт по обмену газовых баллонов?* – К2, зная что пункт закрыт, отвечает: *За углом*);
- 5) когда К2 имеет не соответствующую общепринятой картину мира.

Итак, на говорящего не возлагается вся ответственность за КН. Принцип кооперации, защищающий права адресата, может быть повернут против него. Как говорящий должен стремиться к оптимальному кодированию смысла относительно прагматических параметров, так и адресат должен стремиться к оптимальной интерпретации смысла. В этом смысле сама постановка вопроса об ответственности за КН представляется спорной.

³⁹ К1, К2 = первый и второй коммуниканты, Л. Г.

В самом деле, о чьей "вине" можно говорить в тех многочисленных случаях, когда КН порождается всякого рода неоднозначностью языковых единиц: говорящий не учел возможностей полисемии, омонимии и т.п., но и слушающий тоже этого не учитывает.

(Ермакова/Земская 1993, 32)

В таких случаях вступает в силу 'презумпция невиновности' адресата, и только тогда, когда возможно доказать его сознательное нестремление к пониманию, вина за КН перекладывается на него. Для такого доказательства и применяются максимы кооперативного принципа:

Явная вина одного из коммуникантов обнаруживается лишь в тех немногих случаях, когда нарочито нарушаются конвенциональные законы общения.

(там же, 33)

Однако в таких случаях речь не может идти о КН в собственном смысле слова, так как интерпретация адресата соответствует стремлению говорящего. Поэтому КН этого типа рассматриваются как манипуляционные.

Не зависят от речевого сознания адресата КН, связанные с проблемами слуха. Они, как и артикуляционные проблемы говорящего относятся к КН канала связи, и рассматриваются на фонетическом уровне.

Еще один тип КН, связанных только с адресатом и не зависящих от его коммуникативной воли, составляют те случаи непонимания, которые обусловлены когнитивными особенностями адресата, предопределяющими, процесс интерпретации коммуникативного акта.⁴⁰

Il tipo di disturbi prodotti dal carico cognitivo (cali di attenzione, problemi di memoria), benché non riguardino direttamente il processo di interpretazione, interferiscono con le abilità necessarie per portarlo a termine in maniera corretta.

(Bazzanella/Damiano 1997, 388)

Остальные предпосылки возникновения КН, которые обнаруживаются в перспективе адресата, не должны быть отнесены только на его счет. Они отражают, скорее, отличия в фоновых знаниях, лингвистической и коммуникативной компетенции между говорящим и адресатом.

Le credenze errate e le incompetenze lessicali dell'interlocutore introducono delle disparità nella conoscenza del mondo e nella conoscenza lessicale dei

⁴⁰ Ср. также классификацию когнитивных проблем понимания в Grimshaw 1980. Автор анализирует интерпретационную активность адресата, исходя из двух уровней – "hearing" и "understanding".

partecipanti [...], contribuendo a generare un fraintendimento. [...] *Le lacune nella conoscenza enciclopedica*, parimenti, creano un disallineamento nelle credenze condivise tra i partecipanti, aprendo in certi casi la strada a un fraintendimento.

(Bazzanella/Damiano 1997, 386)

С особенностями организации диалогической речи связаны те КН, когда "при резкой (без предупреждения) смене темы (предметной области) слушающий не успевает перестроиться" (Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 75). Их относят также к прагматическому фактору несоответствия между топиками:

Одной из причин этого может быть то, что он [слушающий, Л. Г.] безуспешно пытается связать новую тему с предыдущей.

(там же; ср. Bazzanella/Damiano 1997, 386)

1.4. Причины КН в перспективе системы языка

Этот тип объединяет 'чисто' лингвистические причины КН. В отличие от всех предыдущих, эти причины каталогизируются только на основе данного конкретного языка. Это значит, что теоретические категории могут относиться к межъязыковым универсалиям (напр., полисемия, дейксис, фигуры речи), однако, их эмпирическое наполнение будет в подавляющем числе примеров специфически-языковым.

Среди всех упомянутых исследований, посвященным языковым причинам КН, следует выделить два, в которых списки этих причин наиболее полны. Первое – это типология причин КН, порождаемых свойствами языка, предлагаемая в Ермакова/Земская 1993. Это исследование представляет для данной работы наибольший интерес, так как оно выполнено на материалах естественной русской речи.

Авторы выделяют (там же, 36 и сл.):

1. КН, порождаемые неоднозначностью языковых единиц
 - 1.1. Лексическая неоднозначность
 - 1.2. Неоднозначность словоформ и конструкций
 - 1.2.1. Местоимения в разных падежных и падежно-предложных словоформах
 - 1.2.2. Формы глагола
 - 1.2.3. Некоторые виды синтаксических конструкций
2. Неточная референция
 - 2.1. Дейктические слова
 - 2.2. Эллиптические конструкции
3. Неточное знание денотативной отнесенности и лексической семантики слов
 - 3.1. Конкретная лексика
 - 3.2. Признаковые слова

4. КН, порождаемые разным пониманием эксплицитно не выраженных категорий единичности/общности, определенности/неопределенности
5. КН, порождаемые различиями в коде говорящего и слушающего

Другая классификация языковых причин была разработана в Weischedel/Sondheimer 1987 (99-120) на основе данных компьютерного диалога и представляет собой 'meta-rules as a basis for processing ill-formed input'. Авторы выделяют:

a handful of primitives for syntactic and semantic problems [...] These phenomena include the following:

- failed grammatical tests,
- word confusions,
- spelling errors,
- unknown words,
- restarted sentences,
- resumptive pronouns and noun phrases,
- contextual ellipses,
- selection restriction violation,
- metonymy,
- personification and
- presupposition failure.

(там же, 103)

В предлагаемой работе, вслед за Bazzanella/Damiano 1997 и Bazzanella/Damiano 1999, делается попытка представить причины КН, связанные с языковым кодом в виде уровневой типологии.

2. Уровневая типология

Преимущества уровневого группирования

Уровневый подход давно занял свое место в структурном языкознании (см., напр., Булыгина/Климов 1972). Свое применение в лингвистике он находит прежде всего там, где исследуемые элементы "находятся друг с другом в прозрачных иерархических отношениях" (Блох 2000, 56).

Уровневый подход позволяет акцентировать внимание на каком-то одном языковом/речевом аспекте, не отказываясь от учета характеристик феномена, выходящих за пределы уровня. Сами же границы между уровнями условны, благодаря чему факторы, выделяемые на одном уровне, не привязываются к нему, а сквозным образом могут перемещаться на другие уровни. Таким образом, рассматриваемый феномен предстает в его комплексности, так как его отнесение к одному из уровней не отрицает проявления в 'новом' – преломленном – виде на других уровнях. Например, неудачное употребление личных

местоимений берет свое начало на лексикологическом уровне (лексема со значением указания/отсылки), может рассматриваться на синтаксическом уровне (как конструкция с анафорой), и проявляться на референциальном уровне (неудачи идентификационной референции).⁴¹

В данной работе уровневое представление КН-факторов позволяет отказаться от вряд ли достижимой цели создания единой и стройной структурной модели коммуникации, способной интегрировать все факторы без их пересечения между собой. Выделение уровней не претендует на полноту: оно диктуется только задачей этой работы, а именно – необходимостью охвата всех релевантных для КН факторов, обнаруживаемых в тексте РИ.

Об использовании понятий однозначность, точность, ясность и полнота
Неоднозначность речевого высказывания, как и сопредельные с ней явления неопределенности, неясности и неточности – вопросы, которым в лингвистике уделяется много внимания.⁴² Ведется давняя и развернутая дискуссия по проблеме концептуального разделения этих понятий.⁴³

Общее обсуждение несколько затрудняется межъязыковой интерференцией в терминологии. Вот несколько примеров англо-русских и немецко-русских несоответствий. Английские *vagueness*, так и *fuzziness* в лексикологических справочниках (см., напр., РАС) переводятся на русский язык как *неясность*, *смутность*, тогда как речь идет в первом случае, скорее, о *неопределенности*, а во втором – о *неясности*. Буквальный перевод на русский язык англ. *ambiguity* или нем. *Ambiguität* как *двузначность* неудачен в силу негативной коннотации, а как *двузначность* – более употребителен в математическом подязыке, нежели в лингвистическом. В качестве нейтрального русского эквивалента предпочтительнее использовать (и традиционно используется в соответствующей литературе) понятие-гипероним *неоднозначность*, *многозначность*, для которого, однако, в немецкоязычном употреблении имеется и собственный аналог *Mehrdeutigkeit*, *Vieldeutigkeit*. Ср., например, иерархичное разрешение терминологической дилеммы в Fries 1980 (4), согласно которому гипероним *Mehrdeutigkeit* подразделяется на два гипонима – *Ambiguität* и *Vagheit*.

В этой дискуссии нужно отметить обилие предлагаемых дефиций и дифференциаций, которые могут входить в противоречие друг с другом, что обусловлено, опять-таки, комплексностью феномена, принципиальной невозможностью проведения четких границ между семантическим и прагматическим значением (ср. Grimm 1999, 362). Наиболее яркое выражение этот аспект находит в дефинициях, предлагаемых Zhang 1998. Ясным (*vagueness*) он называет выражение, которое имеет "more than one possible interpretation", соот-

⁴¹ Ср. также Galatolo 1999 (243): "una stessa fonte può essere ricondotta a più livelli contemporaneamente".

⁴² См., прежде всего: Wolski 1980; Wichter 1988; Fries 1980; Channell 1994; Kooij 1971.

⁴³ См. обзор этой проблемы в Grimm 1999 (359) и приводимую ею цепочку квази-синонимов в немецком языке: *Vagheit*, *Unbestimmtheit*, *Ungenauigkeit*, *Mehrdeutigkeit*, *Ambiguität*.

ветственно неоднозначным (*ambiguous*) – то, которое имеет "more than one semantically unrelated meaning" (там же, 16-17). Согласно такому подходу однозначность предпочтительнее рассматривать как категорию системноязыковую, а ясность – как категорию речи.

Понятие *точность* как семантическая характеристика приобретает значимость, прежде всего, по отношению к научной речи, так как наука "представляется сферой наиболее прозрачного и осмысленного употребления языка" (КСпЛ, 208; ср. также Grimm 1999, 364 и цитируемые ею определения других авторов). Учитывая, что абсолютная прозрачность смысла не свойственна естественной речи, и вряд ли полностью достижима в научной речи, логика рассматривает однозначность, ясность и точность, в первую очередь, как требования, предъявляемые к научным терминам.

В логике под *ясностью* понимается:

характеристика термина (понятия) с точки зрения определенности, отчетливости его смысла. Понимание термина, успешная его интерпретация предполагают знание его смысла и его денотации, т.е. класса тех объектов, к которым он отсылает. Если этот класс является четко очерченным и слагается из хорошо специфицированных объектов, о термине говорят, что он *точен*. Если смысл термина определен отчетливо и *однозначно*, термин называется [...] *ясным*.
(КСпЛ, 207; курсив мой, Л. Г.)

Не углубляясь далее в терминологическую проблематику рассматриваемых категорий, постараюсь очертить тот объем каждого из понятий, которого я буду придерживаться далее, при характеристике КН. В основе разграничения данных понятий лежит разделение значение-смысл, первое – как системно-языковая категория семантики, второе – как прагматическая категория речевого высказывания.

Под *многозначностью/неоднозначностью* в узком смысле слова понимается свойство языковой единицы принимать более одного системно-языкового значения. В этом случае речь идет, прежде всего, о лексической категории, закрепленной узусом и независимой от конкретного говорящего и слушающего (ср. проблемы полисемии). При КН неоднозначности собеседники актуализируют различные системно-языковые значения. В широком смысле слова можно говорить и о ситуационной однозначности. Под ситуационной однозначностью понимается свойство единицы-высказывания получать в данной ситуации один смысл, или описывать одно положение вещей. Этот смысл может быть выражен более или менее точно.

Точностью называется такое свойство единицы, которое позволяет ей указывать на то, какие именно вещи из класса допустимых данным (однозначным!) положением вещей, имеются в виду.

Неясным признается использование говорящим единиц, системно-языковое значение неизвестно адресату, или собеседники имеют различное представление о системно-языковом значении единицы.

Кроме того, для возможно более всестороннего анализа всего имеющегося материала используется понятие *неполноты*. *Неполнота* имеет место при недостаточном выражении смысла. Как и при неясности адресат испытывает трудности понимания значения, не позволяющие ему приступить к интерпретации, однако, эти трудности связаны не с системно-языковыми знаниями, а с ситуационными (максима информативности). Неполнота смысла, отражается в структурной (синтаксической) неполноте, которую, однако, нужно отличать от синтаксической неправильности. При первой речь может идти, например, о незаполнении факультативных валентностей, при второй – облигаторных. В следующем примере смысл выражается неполно, хотя и грамматически правильно.

4.1

Г1: Найди ему издателя, – сказала Тася.

Г2: Что он написал?

Г1: Книгу.

Г2: Я понимаю. О чем?

Г1: Про бездну.

Г2: Не понял?

Г1: Книга про бездну. Про бездну как таковую. Что тут непонятного?! Поговори с издателями. А нет, так я сама поговорю.

(Довлатов 2000г, 103)

Наконец, при обсуждении КН может использоваться понятие *неправильности*. Под *неправильностью* понимается несоответствие грамматическим, семантическим и синтаксическим нормам современного узуса. В силу того, что проявления языковой некомпетентности не относятся к предмету данной работы, речь идет лишь о спорадическом и/или пограничном установлении *неправильности*.

Как бы ни была сложна взаимосвязь между рассматриваемыми понятиями, ориентация на их разделение, пускай приблизительное и спорное, необходима для разъяснения связей между репликами в диалогической последовательности с КН, а также отличия манипулятивных КН от истинных (см. VII.1.1).

Выскажу предположение, что неясность, неоднозначность, неточность и неполнота по-разному представлены на выделяемых уровнях. Категория, выявленная на одном уровне, не исчезает на другом, а, скорее всего, трансформируется. Лексическая неоднозначность может проявиться, например, в неправильном понимании пропозиционального содержания. Семантическая неточность (напр., использование гиперонима вместо гипонима) – в неудачной референции. Семантическая неясность (незнание сигнификата) может привести к нулевой прагматической интерпретации.

Само же выделение уровней требует большой степени абстрагирования и является не целью классифицирования, а формой или способом представления возможно большего числа лингвистических категорий, играющих роль при возникновении КН.

Даже несмотря на то, что такое группирование не может быть строгим и исключаящим (см. приведенное выше предостережение Фрайдхофа о том, что таксономия КН в структурно-лингвистическом смысле, скорей всего, обречена на провал), невозможно отказаться от попыток производить его. Имеется только одно достоинство таких дальнейших попыток – охват по возможности максимального количества факторов, способных вызывать КН в данном конкретном языке.

Кроме того, уровневое представление позволяет выделить целый ряд категорий, которые проявляются на многих уровнях, и не всегда возможно их строгое разграничение. Например, однозначность может быть зачастую хорошо выделена на лексическом уровне, иногда – на синтаксическом, иногда одновременно на нескольких.⁴⁴

3. Фонетический уровень

Рассмотрение неудач, вызванных источниками этого уровня, требует аудиозаписи. Поэтому источники этого уровня не могут быть систематически описаны на основе имеющихся примеров. Ограничусь несколькими типическими случаями. Первый фактор фонетических неудач понимания – физические особенности произношения говорящего. Они могут быть временными (в Falkner 1997, 100 приводится пример невнятности речи говорящего во время приема пищи), или постоянными, обусловленными анатомическими аномалиями артикуляционного аппарата говорящего. В качестве другого фактора выступают, соответственно, нарушения слуха адресата. Кроме того, ослышки возникают и у адресатов с нормальным слухом при фонетическом сходстве действительно произнесенного и услышанного, когда имеются фоновые помехи в слуховом канале между собеседниками, в том числе, в диалогах по телефону (Bazzanella/Damiano 1997, 375 и 384). На прагматическом уровне ослышки, как никакой другой вид КН (за исключением полисемии) объясняются принципом интереса. Когнитивно они обусловлены предварительным знанием адресата, 'ослепляющим', или, точнее, в данном случае, 'оглушающим' его.

La similarità fonetica, se accompagnata da uguaglianza sul piano paradigmatico, può essere anche parziale, favorendo l'insorgere del fraintendimento sulla

⁴⁴ См. мнение Падучевой 1982а (109) о том, что есть неоднозначность, не поддающаяся "отнесению к какой-либо из существующих рубрик".

base di processi di assimilazione dell'ignoto al noto, che sono molto frequenti e possono agire anche ad altri livelli.

(Bazzanella/Damiano 1997, 384-385)

Вот два примера.⁴⁵

4.2

Г1, Г2 = родные сестры, проживающие в родительском доме, у каждой – свой круг домашних обязанностей. Так, Г1 обычно наводит порядок в доме и на кухне, а Г2 готовит, в том числе, регулярно приготавливает свежий фруктовый сок. На ужин было приготовлено блюдо из риса, однако не съедено полностью. Разговор происходит вечером, перед включенным телевизором.

Г1: Надо будет еще раз на кухню заглянуть, я кажется, забыла *рисок* в холодильник поставить.

Г2: *Сок?* Так я же не делала сегодня.

Г1: Нет. Рис, говорю, на плите остался.

(из ЛК)

4.3

Разговор колхозников с заезжим писателем; Г1 = Верещака, писатель; Г2 = Демид, старик, отец председателя колхоза; Г3 = Тихий, член правления колхоза; тема разговора: писатели и литература в прошлом и настоящем.

Г1: Эпоха! Час такой! Доба! І потім, всі вони, оті письменники, були *продуктом*...

Г2: А, так! Були *продукти*, а де вони?

Г3: Да не про те йде мова. Вони ж були пани? Робить їм нічого, от гуляючи собі, й писали. Вірно я кажу?

(Довженко 1964а, 268)

Как видно из примеров, КН происходит уже в фазе восприятия, неизбежным образом приводя к неверной интерпретации.

A word or phrase is not clearly perceived and no interpretation results, or a word or phrase is misperceived and an inconsistent interpretation results.

(Ringle/Bruce 1980, цитируется по Reilly 1987а, 5)

Необходимо отметить еще один важный фактор этого уровня, странным образом, обойденный вниманием исследователей КН. Речь идет о неправильности и/или неоднозначности интонации, акцента и других средствах просодии. Их значимость для выведения коммуникативного значения особенно подчеркивается при совпадении лексико-синтаксических структур и различии линейно-акцентных структур многозначных высказываний (см., напр., Янко 1994, 49; Янко 1999, 49 и сл.).

⁴⁵ Ср. также пример, описываемый в Bazzanella/Damiano 1997 (385): "una signora (CVCCV) telefona in una ditta, e viene scambiata per la moglie del principale stesso, il cui nome inizia nello stesso modo, ma ha un gruppo consonantico in più (CVCCV + CV), informazione che viene totalmente trascurata dall'impiegato".

Интонация служит средством донесения до слушателя различных оттенков мысли при одном и том же лексическом составе и синтаксическом строе предложения.

(Артемов 1960, 4)

Принципиально важно значение интонации для определения иллюквативной силы высказывания, когда оно входит в противоречие с буквальным значением высказывания, что наблюдается при использовании иронии и в шутках.

4.4

Г1 = журналист; Г2 = писательница, автор детективов; ситуация: интервью для журнала.

Г1: Постойте, а ежедневные пятнадцать страниц вы уже написали?

Г2: Еще нет. *Вы помешали!* – интонацией хозяйка дает понять: пошутила. – Буду писать вечером.

(Ог 32/2001, 45)

Этот фактор способен вызвать КН только в соединении с факторами других уровней (напр., в сочетании с использованием небуквальных значений, см. пример выше, или в сочетании с неоднозначностью тема-рематического деления, см. III.4.2.5).

4. Семантический уровень

Возможность понимания в общении посредством языка предполагает существование значений языковых единиц (знаков), действительных для данного сообщества пользователей языка. Поэтому теория успешной коммуникативной деятельности не может не опираться на теорию о значении или семантику.

К семантическому уровню КН-факторов относятся такие языковые единицы, в значении которых потенциал КН наблюдается еще до момента их использования в конкретной речевой ситуации – в рамках так называемого семантического треугольника, а именно, в отношениях означающее – денотат – означаемое. То есть это такие единицы, системно-языковое значение которых характеризуется неоднозначностью, неточностью, неясностью.

Соответственно разделению языковых единиц на слова, словосочетания и предложение целесообразно выделять на семантическом уровне три подуровня: подуровень лексической семантики, подуровень семантики синтаксиса и подуровень высказывания.

4.1. Лексическая семантика

На этом уровне выделяются лексические разряды слов, использование которых в речи регулярно приводит к возникновению проблем понимания разного рода.

В Ringle/Bruce 1980 к лексическим неудачам относятся следующие случаи:

A word or phrase is clearly perceived but the participant either fails to produce the correct semantic interpretation or is unable to produce any interpretation at all.

(Ringle/Bruce 1980, цитируется по Reilly 1987a, 5)

С этой точки зрения факторы КН поддаются группированию в лексико-логические категории.

4.1.1. Лексическая многозначность

Лексическая многозначность, проявляющаяся в языке как полисемия (порой граничащая с омонимией), признается классическим типом неоднозначности (см., напр., Zhang 1998, 26; Bazzanella/Damiano 1997, 376, а также их ссылки на других авторов).

В исследованиях, посвященных КН и проблемам понимания, фактор неоднозначности – самый упоминаемый (см. Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 74 и сл.; Ермакова/Земская 1993, 36 и сл.; Падучева 1982a, 105; Bazzanella/Damiano 1997, 385 и сл.; последние используют термин *ambiguità*).

Решающая роль в разрешении неоднозначности речевых единиц традиционно отводится контексту: "The elimination of ambiguity can be carried out if an ambiguous word occurs in a given context" (Zhang 1998, 27). По наблюдениям, сделанным в Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985 (74) лексическая неоднозначность в "естественном диалоге редко приводит к КН, так как обычно разрешается благодаря контексту". Оба исследования отражают, скорей, обобщенный теоретический подход к вопросу. Те авторы, в распоряжении которых имеется более широкий эмпирический материал, подчеркивают, что контекст часто может отсутствовать или оказываться недостаточным (см. Ермакова/Земская 1993, 36; Bazzanella/Damiano 1997, 385). Анализируемый материал содержит достаточно случаев неоднозначности лексем в РИ. Это, прежде всего неоднозначность, выступающая как полисемия.

4.5

Г1 и Г2 – жена и муж, Г3 – подруга жены; Г1 разбирает пакет с продуктами, купленными Г2 и Г3, рядом находится разложенная гладильная доска.

Г1: Виноград чего-то в *дождике*.

Г2: А я тут гладила рядом, брызгала.

Г1: Не, в елочном, вот, смотри.

Г3: Да, точно, там был, в магазине, витрину украсили. Наверное, зацепился, и мы вместе с продуктами домой принесли.

(из ЛК)

КН-фактор: лексема дождь становится многозначной в уменьшительной форме. Г1 актуализирует значение *новогоднее украшение для елки*, Г2 – *капли воды*.

4.6

Разговор между девушкой (Г1 = Маруся) и юношей (Г2 = Бурятинский); Г2 пытается ухаживать за Г1.

Г1: Це ти, Андрийку, вже залицяешся до мене?

Г2: А що! Залицяюсь!

Г1: (насмішкувато дивиться на нього зверху вниз). А чи не *малий* ще ти для цього виріс, хлопче?

Г2: Що ти маєш на увазі? *Моє ластовиння чи мої сто сорок сантиметрів росту?*

Г1: *І те, й інше.*

Г2: Даремно. Ти не дивись, що я оце такий... Знаєш прислів'я: "Солом'яний парубок золоту дівку бере!"

(Гончар 19786, 201)

Вопрос лексической многозначности относится к интердисциплинарным, так как играет существенную роль при интерпретации художественных текстов (на материале русского языка см., напр., Перцов 2000). Следующий случай не является диалогической КН, речь идет о понимании художественного текста – стихотворения Б. Окуджавы. Интерес представляет собой развернутый комментарий интерпретации одного из адресатов.

4.7

Зачем мы перешли на ты?

За это нам и *перепало*

На грош любви и простоты.

А что-то важное пропало.

"Вдруг, к нашему с Лидой удивлению выяснилось, что все остальные понимают слово "перепало" не так, как мы с ней. Мы понимали так: ну, перешли на "ты" и что получили? Малость какая-то перепала, как крошки со стола: а именно, на грош любви и простоты. А что-то важное пропало. Остальные понимали слово "перепало" как синоним слова "попало" в смысле "ему за это и попало, его наказали". Получалось так: перешли на "ты" и были за это наказаны. А именно: что они теперь имеют? На грош любви и простоты. И все. А что-то важное пропало. Чувствуете разницу?"

(Раскина 1994, 247)

Использование лексической многозначности – излюбленный прием языковой игры, ее можно часто встретить в каламбурах, анекдотах и под. Намеренное использование многозначности в диалоге входит в речевую манипуляцию.

4.8

Г1: Так это вы написали "Неделю"? – и добавила: – А мы вас в школе *прорабатывали...*

Г2: Кто меня только не *прорабатывал...* – с грустной усмешкой сказал Юрий Николаевич, явно вкладывая в это слово иной смысл, который тогда был мне непонятен.

(ЛГ 51/1998, 12)

Данная КН, должна быть отнесена к манипулятивным, точнее – симулятивным. Судя по комментарию Г-го1, Г-ий2, вероятно, намеренно использует полисемию глагола *прорабатывать* (*изучить что-л., ознакомиться с чем-л. vs подвергнуть критике*) для введения нового топика (принцип интереса).

Развитие полисемии связано с метафорическими и фразеологическими процессами (переносное значение в тропах и идиомах). Однако, эти источники

КН целесообразно рассматривать не на лексическом или семантическом уровне, а на прагматическом, так как неудачное употребление метафоры зависит не столько от языковой, сколько от коммуникативной компетенции.

4.1.2. Необщепотребительная лексика

Использование в высказывании лексем, не входящих в общий лексический состав языка, также является одним из самых продуктивных лексических КН-факторов.

При общении на русском языке это может быть несовпадение набора единиц и их семантики в литературном языке и просторечии, а также в диалекте, жаргоне и других некодифицированных сферах языка.
(Ермакова/Земская 1993, 43)

КН, вызванные употреблением этих лексем, как никакие другие отображают социальные (профессиональные, возрастные, диалектные и др.) различия между говорящими. Более 'виноватым' в такой КН, оказывается, как правило, говорящий, нежели адресат: именно говорящий имеет неверные прагматические пресуппозиции относительно лингвистической компетенции адресата. Соответственно со сферой употребления выделяются профессионализмы, жаргонизмы, арготизмы, заимствования, диалектизмы и др. Особенно часто они приводят к КН в диалогах информативного жанра, требующего повышенной ясности и точности.

Обобщая, можно выделить следующие закономерности распределения классов между диалогическими формами:

- в официальном и публичном диалоге, характеризующихся повышенной информативностью, преобладают профессионализмы;
- в бытовом диалоге регулярно встречаются все указанные разряды;
- жаргонизмы встречаются – против ожидания – во всех диалогических формах. Об экспансии жаргонизмов в современной речи свидетельствуют исследования последних лет (см., напр., Нечаева 1996).

Необщепотребительная лексика может быть связана с полисемией в том случае, если необщепотребительное значение лексемы существует параллельно с общим значением, но они относятся к разным стилистическим пластам. Такая лексема вызывает КН, когда один собеседник актуализирует ее общее, а другой – узко-специальное значение. Эти КН сводятся к неоднозначности.

4.9

Жанр: информативный; Г1 = известный политик отвечает на вопрос журналиста (= Г2) о личном имуществе.

Г1: У меня есть квартира четырехкомнатная, у меня есть 10 соток земли в Нижегородской области и четыре бычка.

Г2: Бычки это – грузовики?

Г1: Нет, бычки, это бычки.

(из интервью в телевизионной программе "Время", 24.05.1997, канал ОРТ)

Не связаны с неоднозначностью КН, вызванные лексемами, общее значение которых адресату известно, но он понимает, что в данном контексте оно не может быть актуализировано, а узко-специальное значение ему неизвестно. Такие КН вызваны уже не полисемией, а денотативной непрозрачностью. Это КН неясности.

КН-фактор – профессионализм

4.10

Г1: Там нас посадили на эсминец, командующий сказал, что с нами сделают "коробочку"...

Г2: Что это?

Г3: У них есть такой термин – ход по "квадрату".

(ЛГ 23/1999, 6)

4.11

Г1 = журналист; Г2 = голубевод; разговор о голубеводстве.

Г1: Але ж бачу – птиця у вас різномаста...

Г2: Так порода не завжди від масті залежить. Миколаївський голуб одномастий – червоний, сірий, сизий, з білим хвостом, іноді у нього в хвості симетрично розташовані рульові пір'їни іншого кольору. Хоча є в мене и багато *перебитої* птиці...

Г1: Перебитої?

Г2: Так голуб'ятники називають птицю нечистопорідну.

(СГ 37/2000, 2)

КН-фактор – неологизм иноязычного происхождения

4.12

Г1: То, виходить, що те пісьмо від язикатих писане вже не тільки про мене і мого чоловіка, а вже й про весь *руксостав*.

Г2: Що? – перепитала Соломія. – Який *руксостав*?

Г1: Ну, *руксостав*, – пояснила Уляна, це – Колода, Перегуда, Шугалія, ну ще там бригадири. Словом, усе правління колгоспу та голова сільради і є той самий *руксостав*.

(Кучер 1971, 189)

КН-фактор – жаргонизм

4.13

Г2 и Г3 = студенты, откомандированные университетом для работы на овощном комбинате.

Г1 = бригадир комбината.

Г1: Этому аксакалу не хватает шестнадцать тонн. Придется их *нарисовать*, ребята. Мужик пока что жметса, хотя фактически он на крючке. Шестнадцать тонн – это *вилы*... [...]

Г2: Что значит – *нарисовать*? [...]

Г1: Нарисовать – это сделать фокус.

Г3: А что значит – *вилы*? – поинтересовался Лебедев.

Г1: Вилы, – сказал бригадир, – это тюрьма.

(Довлатов 2000в, 413)

КН-фактор – окказионализм

4.14

Г1 = женщина, организатор похорон телевизионного начальника, Г2 = журналист, отказывается произносить на похоронах заранее приготовленный Г-ей1 текст.

Г1: Отсебятины быть не должно.

Г2: Знаете, уж лучше отсебятина, чем *отъеготина*.

Г1: Как? – спросила женщина.

Г2: Ладно, – говорю, – все будет нормально.

(Довлатов 2000а, 369)

Необщепотребительная лексема является источником КН и в том случае, если Г2 неправильно определяет объем ее значения, приписывая ей значение другого понятия.

4.15

Г1: Денег у Минатом пока нет, но мы можем заработать и больше, перерабатывая отработавшее *ядерное топливо* других стран.

Г2: То есть придется ввозить в страну *ядерный мусор*?

Г1: Это не так. Венская конвенция 1998 года различает отработавшее ядерное топливо (ОЯТ) и радиоактивные отходы, как вы говорите, мусор.

(МН 27/1999, 13)

Проблема необщепотребительной лексики, как и проблема многозначности выходит за рамки лексического уровня и относится к прагматике, когда речь идет об использовании переносного значения языковых единиц.

4.1.3. *Местоимения и местоименные слова как лексемы с ситуативно зависимым значением*

Помимо омонимов и полисемичных слов, неоднозначных уже по своему системно-языковому значению, проблемы понимания регулярно возникают при употреблении местоимений и местоименных слов, денотат которых выявляется только в определенном контексте. Они входят в общепотребительную лексику, в большинстве своем однозначны в их системном значении, и это системное значение известно всем носителям языка. Но в речи они далеко не всегда однозначно, точно или ясно выполняют свое предназначение – указания или отсылки, порождая при этом КН. На материале русского языка эта проблематика изучается прежде всего как неоднозначность дейксиса и анафоры (см. Апресян 1986; Падучева 1982а; Падучева 1985). Наблюдения показывают, что КН возможны и при участии в РИ кванторных местоимений. Поэтому дальнейшее подразделение РИ в КН, вызванных этим фактором, целесообразно проводить соответственно этим трем логико-семантическим разрядам. Отдельно выделяются КН, возникающие при употреблении местоименных наречий.

4.1.3.1. Дейксис

Непонятность дейктических слов обусловлена их смысловой зависимостью от конкретной речевой ситуации. Среди дейктических местоимений только личные местоимения первого и второго лица ед. ч., т.е. отсылающие к говорящему или слушающему, не вызывают КН в интеракции 'лицом к лицу' (что не исключено в диалоге по телефону или Интернету).

Использование множественного числа первого лица в диалоге может вызывать КН групповой идентификации (о неудачах идентифицирующей референции см. IV.4.3.1.1).

4.16

Жанр: прескриптивный диалог; Г1 = обвиняемый; Г2 = государственный обвинитель на показательном судебном процессе.

Г1: Вот теперь, например, возникает антагонизм между Англией и Японией в китайском вопросе, а *нам* приходится иметь связь и с английской, и с японской разведкой...

Г2: Кому это – нам.

Г1: Трoцкистам.

(СО, 266)

4.17

Разговор на рынке о разных сортах огурцов; Г1 = журналистка; Г2 = Наталя, овощевод.

Г1: Що за сорт, Наталю [...]

Г2: Це Біанка, – охоче пояснює продавець. – Уже три роки *ми* вирощуємо цей сорт.

Г1: Ми – це господарство чи теплиця?

Г2: Та ні, – білозубо всміхається вона, – я представляю не сільгоспфірму, а наше з чоловіком підсобне господарство.

(СГ 33/2000, 2)

От КН идентификации следует отличать КН, связанные не с логико-семантической принадлежностью личных местоимений, а с их полисемией. В русском и украинском языках это полисемия местоимения *вы/ви* (= 1. второе лицо мн. числа; = 2. уважительная форма).

4.18

А в день Рождения он забавно так пробурчал: "Вы знаете, я свой день рождения буду справлять *у вас*". Мы стояли вместе в Наташей Ульяновой, моей подругой со школы и хореографом, я говорю: "У кого из нас? У меня?"

(Ог 22/1999, 54)

Указательные местоимения в дейктической функции также регулярно вызывают КН.

4.19

Г1: Мене звать Віра Михайлівна Соколова

Г2: *Та сама?*

Г1: Тобто яка?

Г2: Що оголошення про неї розліплено?

Г1: Так, та сама.

(Собко 1963, 404)

4.20

Г1: Де ти купив *це*?

Г2: Що купив?

Г1: Ну, оцю машинерію.

Г2: А, оце... – байдуже, ніби, сховав мерщій Збишко книгу в торбину.

(Козланюк 1965, 125-126)

Помимо референциальных КН указательные местоимения в дейктической функции способны вызывать и предикационные КН. Речь идет о признаковом дейксисе.

Признаковый дейксис (отсылка к носителю некоторой совокупности признаков) представляет собой один из основных механизмов прагматической семантики, ресурс, которым компенсируются семантические лакуны в области предикатных слов и в то же время достигается существенное сжатие текста (описание заменяется указанием). Дейктическая замена предикатного (признакового) слова распространена в детской речи: Я хочу такую куклу [...]
(Арутюнова 1988, 64)

Использование признакового дейксиса встречается и в речи взрослых. Кукушкина 1998 (119) говорит о ненормативной, просторечной, функции местоимений *тот, такой* – "указание на признак без его названия [...], недоосмысление признака, не позволяющее дать его дескрипцию" (там же). Это явление особенно распространено в разговорной речи, характеризующейся неподготовленностью, спонтанностью. Следующие два примера с местоимением *такой* иллюстрируют рассматриваемое употребление. Прежде, чем назвать признак, Г указывает на него, выигрывая время для его осмысления:

4.21

Г (= женщина) говорит о своем сыне.

Но я его понимаю: ему интересней с друзьями, с девочками, он *такой*, кокетничает направо и налево. Ужас.

(Ог 39/2000, 17)

4.22

Г (= женщина) рассказывает о бывшем сотруднике, видном политике и государственном чиновнике.

Сейчас, узнав его в разных ситуациях достаточно хорошо, я по-прежнему им восхищаюсь. Но он *такой*... – борец, понимаете? А мы все-таки живем в сложной стране...

(Ог 39/2000, 14)

О неясности номинации и трудностях формулирования свидетельствует не только признаковый дейксис (*такой*), но и метакоммуникативный глагол *понимаете*, используемый страховочно – для антиципации КН.

Само по себе использование признакового дейксиса в разговорной речи вряд ли следует относить к КН. Оно только замедляет коммуникацию. О КН

можно вести речь в том случае, если признак так и остался не назван, и это сказалоь на результате интерпретации (см. пр. 4.33 и 4.34).

4.1.3.2. Анафорические местоимения

Неудачное употребление личных местоимений 3 лица, возвратных *себя*, *свой* и притяжательных местоимений *его*, *ее*, *их* в анафорической функции – одна из самых распространенных причин как КН непонимания, так и КН неправильного понимания. Здесь можно разграничивать два источника КН:

1) неноминация антецедента

4.23

Г1 внезапно видит девушку, в которую он тайно влюблен; контекст: собеседники обсуждают жену Г2 (= Маргариту Николаевну).

Г1: *Она!*

Г2: Маргарита Николаевна?

(телефильм "Покровские ворота")

4.24

Г1: Не дорожите ви тут водою, – зауважив Савка, відпирхуючись. – А в нас у степу... щоночі крадуть. Відбою від *них* нема.

Г2: Від кого нема відбою? – зацікавившись, підступає ближче до гостя старий Кобашний.

Г1: Воду, кажу, крадуть селяни з економіських колодязів...

(Гончар 1978, 286)

2) неправильное расположение местоимения относительно антецедента (оптимальное расположение – максимально контактная постпозиция). Если дистантное расположение усугубляется появлением конкурентного имени, способного выполнять роль антецедента: возникает "референционный конфликт" (ср. Кукушкина 1998, 11):

В подавляющем большинстве случаев конфликт вызван тем, что "хозяин" отделен от заместителя другим возможным претендентом. Так как при первом восприятии связь устанавливается между двумя ближайшими компонентами, читателю приходится менять исходную интерпретацию. (там же)

4.25

Г1: Там главная героиня приехала в отпуск в санаторий, а в санатории произошло убийство, и вот героиня, а она в милиции работает, предлагает местной милиции свою помощь, а они от нее отказались, и *она* обиделась.

Г2: Кто обиделась, милиция или помощь? – поддел я, подумав, что надо будет в свободное время потренировать Лиллю в части изложения прочитанного, чтобы не забывала об именах собственных и существительных и не пользовалась бесконечными "она", "он", "этот".

Г1: Героиня обиделась, – деловито пояснила Лиля, не замечая моего сарказма. – А тут ее мафия собралась нанять, а дальше я еще не прочитала.
(Маринина 1997, 45)

4.26

Г1: Мне разборки с твоим начальником ни к чему, *своих* хватает.
Г2: Чего, начальников?
Г1: И разборок тоже.
(Маринина 1997, 55)

Тем не менее, даже при выполнении двух выше названных условий, как замещение, так и указание на хозяина часто вызывает КН. Особенно – если в контексте фигурирует (фигурировало) конкурирующее имя, к которому может отсылать данное местоимение.

4.27

Б. шарлатан // В частности / вот твой брат Коля //
А. Ну / Коля больше это делает для-а... для позы / но основная концепция *его* правильная //
Б. Чья?
А. Колина //
(PPP, 169)

4.1.3.3. Кванторные местоимения

Некоторые классы кванторных местоимений содержат в своем семантическом значении неопределенность, которая может стать причиной КН. Непонимание или неправильное понимание могут вызывать неопределенные, интродуктивные и обобщающие местоимения. Они, как и дейксис, облегчают задачу говорящему по осмыслению и кодированию, но затрудняют декодирование адресату.

4.28

Г1: У тебя что, *что-то* есть.
Г2: В смысле?
Г1: Занятия.
Г2: Нет, в библиотеку пришла.
(СМ)

4.29

Муж (= Г1) и жена (= Г2) обсуждают предложение об ангажементе, сделанное жене-балерине столичным театром
Г1: Вони *щось* обіцяють?
Г2: Танцювати в "Марусі-Богуславці".
Г1: Та ні... звання, квартиру, ставку...
(Загребельний 1979, 154-155)

4.30

Г1: [...] а то й справді такі апарати, що і в Франції могли б усе крізь них почути?
Г2: Що-все?
Г1: Як Марійка заспівала "Широка".
(Гончар 1978, 93)

Не раз отмечалась широкая распространенность для русской и украинской речи неопределенных местоимений и наречий: ср. достаточно широкий спектр словообразовательных средств с этим значением (напр., для местоимения *кто*: *некто, кое-кто, кто-либо, кто-то, кто-нибудь*).

Общее семантическое значение неопределенности дифференцируемо при переходе на прагматический уровень. Так, приставки *не-* и *кое-* и суффикс *-то*, а также *один/одни* в значении *некоторый/некоторые* указывают на то, что говорящий знает (по крайней мере, в общих чертах) то, о чем он говорит, может быть, для себя его даже номинирует, но считает по какой-либо причине необходимым не давать точное выражение.

4.31

Г1 и Г2 = участники подпольного движения. Речь конспиративна.

Г1: А коли так, то завтра поїдеш зі мною в одне місце. Там *одні* люди хочуть тебе бачити.

Г2: Які люди? Може...

Г1: Там побачиш.

(Гончар 1978, 83)

Диалог не является КН. Неопределенность запрограммирована Г1. Поэтому устранения КН не следует.

В то время как суффиксы *-нибудь* и *-либо* могут указывать как на то, что говорящий знает то, о чем говорит, но считает спецификацию не обязательной и не важной, так и на то, что говорящий сам для себя еще не до конца уточнил смысл, и, опять-таки, считает это не важным. О КН можно вести речь только в том случае, когда говорящий считает определенность выражения не важной: то ли говорящий ошибочно предполагает, что слушающий не заинтересован в уточнении, то ли он, опять-таки ошибочно, предполагает, что адресату известно то, о чем идет речь. Последнее употребление приближается к дейктическому и анафорическому.

4.1.3.4. Местоименные наречия

Указанным, но не названным может оставаться не только признак имени, но и разнообразные признаки действия. Признаки действия могут выражаться неопределенно при употреблении местоименных наречий образа действия *как, так, иначе, как-нибудь, по-разному*, темпоральных – *тогда, потом*, локальных – *там, здесь*, меры – *совсем* и производных от них.

4.32

Г1: Как приехали-то? – спросил Фонякин.

Г2: В смысле – на чем, что ли? – не поняла Ольга. – На поезде.

Г1: Насовсем или в гости?

Ольга посмотрела на мужа, сказала твердо:

Г2: Насовсем.

(Шукшин 1999, 39-40)

4.33

Г1 = жена, вернувшаяся к мужу (= Г2) после тюремного заключения.

Г1: Я все время хотела бы вот *так* жить, а не получается, – сказала Ольга.

Г2: Как? – не понял Иван.

Г1: Вот в такой уютной комнатке, одна, на краю города [...]

(Шукшин 1999, 36)

4.34

Г1: Та хіба ж *так* можна робити, сину? – підійшла до нього Докія.

Г2: Про що ви говорите? – не розуміючи, підвів броси вгору, а коса затріпотіла в стеблі, мов блискавиця поміж хмарами.

Г1: Підвередишся. І скотина відпочинок повинна мати.

Г2: Он ви про що! Не перервуся – ви мене двожилиним родили, понуро усміхнувся, і знову затріщало поле...

(Стельмах 1972б, 442-443)

4.35

Г1: Да на кой он мне... нужен-то? И "Фиат" тоже не нужен. Понял? А если ты мне всякие замечания будешь делать, то я *иначе* могу поступить...

Г2: Как?

Г1: Так. Узнаешь.

Г2: Нет, как? Мм?

Г1: Перелобаню разок, и все.

(Шукшин 1999, 272)

4.36

Г1: [...] человек, который уверен, что его полюбят, и который уверен, что не полюбят, объясняются *по-разному*.

Г2: Как по-разному?

Г1: Ну как... По-разному! Тот, которого любят, и он уверен в любви, вот он чаще обещает каторгу и бедность.... Тот, которого не любят, он может и золотые горы посулить...

(Ог 22/1999, 37)

4.37

Г1: Натє вам, вуйку, – сказав він із докором. – Їжте собі.

Г2: А ти? – здивувався старий. – Сам не їв і не хочеш?

Г1: Мені їх не треба...

Г2: Не хочеш тепер, то з'їси *потім*.

Г1: Де потім? – сумно подивився на нього Юрко. – У ваших жандармів, у криміналі?

Г2: А-а, – засміявся старий. Ти про це.

(Казланюк 1965, 219-220)

4.38

Г1: Иван, – заговорила Яга, – а ты как дурак-то – *совсем*, что ли, дурак?

Г2: Как это? – не понял Иван.

Г1: Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили?

(Шукшин 1999, 157)

4.39

Г1: А ти, Павлушо, надовго до нас?

Г2: *Назовсім*, – сказав Павло.

Кавун швидко закліпав повіками, якось дивно розставив руки і весь наче застиг у несподіванці.

Г1: Як то назовсім? – перепитав він.

Г2: Отак. Демобілізувався, – пояснив Павло.

(Кучер 1971, 35)

4.1.4. *Абстрактная лексика и лексика с непостоянным объемом значения*

В Кобозева 2000 (314) выделяется "тип слов, которые обыденный язык трактует как имеющие много разных смыслов". Эти слова относятся к абстрактной лексике. Вслед за Падучева 1992 автор называет их лексикой вторичной номинации (о номинальных конструкциях см. в 4.2.1).

Все они информационно недостаточны, так как открывают слишком большой простор для интерпретатора в выборе, так сказать, первичных номинаций конкретных ситуаций, лежащих в основе данного обобщающего наименования.

(Кобозева 2000, 314)

Абстрактная лексика действительно является одним из продуктивных КН-факторов семантического уровня.

4.40

Г1: Вообще же большинство разводов происходит по *недоразумению*.

Г2: То есть?

Г1: Ты пришел домой поздно. Я сижу с твоей женой. Предположим, у нас с ней общая работа...

(Ог 36/1999, 27)

Семантической неясностью можно объяснить и КН, которые возникают в результате употребления лексем с нечетким смыслом. Эти лексемы имеют не жесткие, а подвижные денотативные границы, они выражают субъективную оценку говорящего. Существует целый разряд слов (понятий), объем значения которых варьируется от говорящего к говорящему. При чем нельзя утверждать, что один говорящий правильно использует данное слово, а другой не знает его узувального значения. Этот фактор выделяется и в Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985 (75): "Особенно частый источник КН этого типа – нечеткость семантики параметрических и оценочных прилагательных." (См. также о денотативной отнесенности признаков слов у Ермакова/Земская 1993, 41).

4.41

Г1: То як же виділяти тебе?

Г2: *По-божому*, тату, *по-божому*, – прокидається вдячність до батька, що несподівано все так легко йде. Гнат хреститься на образи, підходить ближче, але не сідає за стіл.

Г1: По-божому, кажеш? То що це значить? Є нас троє в родині, то й будемо все паювати на три частки?

Г2: Е, не так, батьку... – заперечує Гнат

(Стельмах 1972б, 344-345)

4.42

Г1 = известный театральный деятель; Г2 = журналист.

Г1: По-моему, я хороший завлит и *замечательный* редактор.

Г2: Замечательный – значит, не вредный?

Г1: Нет. У меня хороший глаз, в смысле – профессиональный глаз на редактуру драматургических произведений.

(ЛГ 36/1999, 11)

Рассмотрение многочисленных примеров с КН, вызванными оценочными лексемами, позволяет сделать следующее уточнение. Их КН-потенциал предопределяется комплексностью оцениваемого объекта. Чем больше характеристик объекта могут быть подвергнуты оценке, тем больше у говорящего риска быть непонятым. Таким образом, в глубине денотативной неудачности оценочной лексики лежит непрозрачность их ситуативной референции. Вероятно, возможность КН возрастает с увеличением семантической сочетаемости оценочного слова (см. универсальные оценочные предикаты *хорошо/плохо*). Так, высказывание *Я купила дорогое платье* вряд ли вызовет КН, а вот высказывание *Я купила хорошее платье* может спровоцировать у адресата уточняющие вопросы: *Что значит хорошее? Модное? Красивое? Недорогое? Качественно изготовленное?* и т.д.

4.43

Разговор между случайными попутчиками; тема разговора – расценки на индивидуальный пошив кожаного пальто.

Г1: Я хотел рублей за сто шестьдесят. Если *хорошее* – дороже. – Веня вроде и не слышал вопросов, а отвечал верно.

Г2: Что значит – хорошее?

Г1: Ну, кожа другая, выделка другая... Разная бывает выделка.

(Шукшин 1999, 489)

Сюда относятся и неудачи, вызванные использованием ясных оценочных лексем, которые не закреплены узусом за данным объектом оценки: возникают окказиональные оценки, окказиональные определения. Если оценочная лексема выступает в роли предиката, источник КН может рассматриваться на предикационном уровне.

4.44

Беседа для газеты; Г1 = политик и государственный чиновник; Г2 = журналистка; тема – социально-политические воззрения Г1.

Г1: А сегодня у нас странный государственный уклад: считается, что жить без головы не просто нормально, но еще и удобно. И все потому, что в основе всего – *фальшивый патриотизм*.

Г2: Впервые слышу подобное определение!

Г1: Если все вокруг замарать грязью, то "свое" автоматически станет отличным. И так на всех уровнях... У меня другой принцип: все вокруг достойно права на существование. Но я приложу максимум усилий, мобилизую единомышленников, чтобы свое сделать лучше.

(ЛГ 24/1999, 13)

Субъективный характер оценочности создает предпосылку для коммуникативного манипулирования: выявление КН может быть не искренним, а демагогическим, нарочито тематизирующим. Последнее характерно для публичных дискуссий, интеллектуальных и духовных бесед (речевой жанр: диалог с целью выяснения истины).

4.45

Г1: Москва – это не поднимающийся, а опускающийся на дно невидимый град.

Истинная Москва у нас на глазах становится невидимым градом. А то, что идет ей на смену, – это может быть, тоже Москва, но это град далеко не святой.

Г2: Что вы имеете в виду под истинной Москвой?

Г1: Истинная Москва – это все-таки столица православной Руси. Можем ли мы сказать, что современная Москва – столица православной Руси?

(ЛГ 11/1998, 3)

4.1.5. Лексемы в обобщенном значении

КН неопределенности может вызываться и конкретными существительными, когда они неоправданно употребляются в обобщенном, собирательном значении. Адресата может не удовлетворить такая – чересчур общая – номинация смысла.

4.46

Г1: Недарма поети колись плутали вино й море. Як там у поетів, Веріко?

Г2: Та маєш на увазі Гомера, який називав море винно-чорним?

(Загребельний 1979, 114)

4.2. Семантика синтаксиса РИ

В Ringle/Bruce 1980 синтаксическим неудачам дается следующее определение:

Syntactic failures: Individual words and phrases are correctly perceived and interpreted, but the participant's intended meaning is misconstrued.

(цитируется по Reilly 1987a, 5)

Неудачные конструкции характеризуются теми же семантическими признаками, что и неудачные лексемы – неоднозначностью, неточностью, неясностью. В качестве сугубо синтаксической характеристики на этом уровне проявляется категория неполноты.

Неоднозначность на синтаксическом уровне – другая, наиболее признанная форма неоднозначности, которая может вызывать проблемы понимания (Pinkal 1980, 11; Ермакова/Земская 1993, 37; Bazzanella/Damiano 1997, 376; Падучева 1982a, 105).

Un fraintendimento a questo livello può prodursi a causa di frasi la cui struttura sintattica è inerentemente ambigua, come nel classico esempio "Una vecchia porta la sbarra".

(Bazzanella/Damiano 1997, 376)⁴⁶

Собранный материал насчитывает относительно малое количество КН, вызванных синтаксической неоднозначностью. Синтаксическая неоднозначность, сама по себе, редко вызывает КН, гораздо чаще приходится констатировать переплетение множества КН-факторов. И здесь интонация наряду с контекстом играют большую роль в разрешении неоднозначности. Поэтому в письменной речи можно ожидать большее количество синтаксически неудачных высказываний, нежели в устной речи.

4.47

На валютном рынке сейчас много импортеров, которые в общем-то не пекутся об импорте товаров по приемлемым ценам в интересах российских потребителей, а в основном заводят валютную позицию. *Я считаю это безобразие.*

(ЛГ 9/1999, 2)

КН-факторы:

1) многозначная лексема *считать*:

1. *определять количество*;
2. *признавать, полагать*.

2) грамматическая неоднозначность словоформы *безобразие*:

1. именительный падеж ед.ч.;
2. винительный падеж ед.ч.

3) семантико-синтаксическая неоднозначность *это*:

1. дейксис (в роли определения при дополнении);
2. анафора (в роли подлежащего).

4) синтаксическая неоднозначность, возникшая на основе характерной для устной речи конденсации союза *что*. Значения конструкции:

1. монопредикативная конструкция: подлежащее + глагол-предикат в первом лексич. знач. + прямое дополнение в вин. пад. с дейктическим определением (= *я определяю количество этого безобразия*);
2. полипредикативная конструкция, соответствующая гипотаксису: подлежащее главной пропозиции + глагол-предикат главной пропозиции во втором лексич. знач. + (редуцированный союз *что*) + подлежащее зависимой пропозиции (*это*) + (опущенный глагол-связка зависимой пропозиции *есть*) + именной предикат зависимой пропозиции в именит. пад. (= *я полагаю, что это – безобразие*).

В озвученном виде высказывание могло бы вызвать КН только при условии неверной интонации. При верной интонации *это* должно быть проакцентировано, а выпадение глагола-связки *есть* должно быть передано на письме тире, которое, однако, отсутствует. Подтасовка журналиста манипулятивна: курьезность неоднозначного высказывания усиливается, если учесть, что автор фразы – председатель Центрального банка. Таким образом, указание на должностной статус говорящего провоцирует выведение неудачной имплицатуры – *банкир считает* (в первом лексич. знач.).

⁴⁶ Конструкция, приводимая авторами в качестве примера, имеет следующие значения в итальянском языке:
Старуха несет перекладину и Старая дверь преграждает ее.

Ряд форм синтаксической неоднозначности, способной вызвать КН, уже описывался на материале русского языка (см. Кукушкина 1998 и Ермакова/Земская 1993). Ниже обсуждаются все отмеченные в литературе виды, даже если многие из них не нашли подтверждения в исследуемых материалах, но приводятся в вышеназванных работах (при перечислении приводятся примеры этих авторов).

4.2.1. Номинальные и номинализованные конструкции

Преобладание номинальных структур над глагольными в речи может негативно сказываться на ее удачности, так как смысл высказывания уплотняется: "dadurch wird die zu übermittelnde Information kondensiert und komprimiert" (Grimm 1999, 472). Так, Groeben/Christman 1989 (171) включают отсутствие номинализаций (Nominalisierungen) в ряд тех стилистических качеств текста, которые способствуют его понятности.⁴⁷ С точки зрения КН внутри номинальных конструкций целесообразно выделять номинализованные (структуры с именами второго, третьего и т.д. порядка). Конечно, и номинальные структуры с именами первого порядка обладают высоким потенциалом неудачности: проблемы определенности-неопределенности, конкретности-абстрактности и мн. др.⁴⁸; отчасти эта проблематика будет представлена при выделении источников КН референциального уровня (см IV.4.3.1). На синтаксическом же уровне особый интерес представляют те номинальные конструкции, которые являются результатом номинализации. Под номинализованными конструкциями понимаются:

выражения, которые синтаксически подобны имени – и в том смысле, что в предложении играют роль подлежащего или дополнения, но – соотносимы по своей внутренней структуре с предложением или предикатом.
(Падучева 1974, 193)

Процесс номинализации привлекает внимание исследователей прежде всего как синтаксическая

трансформация, которая применяется в паре предложений, превращает одно из них в именную группу и подставляет во второе предложение (там же, см. также приводимые там же дефиниции из Хомский 1962, Dubois 1969; Vendler 1968 и др.)

⁴⁷ Авторы выдвигают четыре измерения понятности текста: 1) простота стиля; 2) семантическая избыточность; 3) когнитивное структурирование; 4) концептуальный конфликт (Groeben/Christman 1989, 170 и сл.). Стилистическая простота согласно авторам слагается из следующих признаков: "kurze Satzteile, aktive Verben, aktiv-positive Formulierungen, keine Satzschachtelungen" (там же).

⁴⁸ О зависимости между неопределенными/определенными номинальными конструкциями и их неясным контекстом и семантической неоднозначностью см. в Lavric 1990.

Можно предположить, что интерпретируя высказывание с номинализованной контрукцией, адресат проделывает операцию, обратную номинализации, т.е. восстанавливает глубинную структуру предложения в РИ. В случае, если эта операция ему не удастся, или он не утруждает себя подобным интерпретационным усилием, следует РВ непонимания. В анализируемых материалах немного примеров с РИ, содержащих номинализированные конструкции, они встречаются прежде всего в публицистических диалогах, где один из коммуникантов пользуется своим профессиональным подъязыком. Поэтому, в таких примерах затруднительно однозначно выделять источник КН: почти всегда синтаксический уровень взаимодействует с лексическим (источник КН = номинализованная конструкция + необщепотребительная лексика).

4.48

Г1: [...] главная цель которой – *информатизация высшей школы*.

Г2: Что понимается под информатизацией?

Г1: Речь идет о компьютеризации процесса обучения в университетах
(ЛГ 11/2000, 7)

4.49

Г1: Плюс система мер по разумному *привлечению в школу внебюджетных средств* и их легализации.

Г2: Что вы имеете в виду?

Г1: То, что к нормативному бюджетному финансированию могут прибавляться внебюджетные деньги, в частности взносы родителей, которые расходуются под контролем попечительских или иных общественных советов школ.

(МН 27/200, 16)

4.50

Жанр: информативный диалог; ситуация: интервью для газеты; Г1 = директор школы; Г2 = журналистка.

Г1: В зарплате учителей одна треть из бюджета, две трети – *из внебюджетных доходов*.

Г2: Что это значит?

Г1: Это деньги, которые школа получает от родителей за оказание детям дополнительных платных услуг. У нас основной комплекс этих услуг – второй иностранный язык, занятия по музыке, живописи...

(МН 27/200, 16)

КН-фактор – профессиональная номинация. В ней можно видеть и эвфемистический перифраз, предназначенный для более 'лояльного' (манипулятивного?) по отношению к закону обозначения формы взимания с родителей платы за обучение, не признаваемой законодательством (об эвфемизмах см. IV.5.2.1).

В Норман 1998 (5) на примере конструкции "прилагательное + существительное" показывается, каким образом может быть осуществлен анализ номинаций, семантические сложности которых "уходят своими корнями в формирование синтаксической структуры фразы". Автором рассмотрен ряд типических для современной русскоязычной прессы словосочетаний. Вот некоторые из них (там же, 2; курсив автора):

– мирный нобель в: [Овечкин] только на родину нобелевского лауреата (Михаил Сергеевич – единственный из живых русских мирных нобелей) так приезжал пять раз
(Известия, 21.01.97)

– квартирные миллионы в Квартиры в них продаются по 470 долларов за кв. метр (при себестоимости порядка 400 долларов), что гораздо дешевле московского постпятэтажного "квадрата"
(Огонек, 1996, № 36)

– жесткая бумага в Жилищный сертификат представляет собой "жесткую" бумагу, – говорит председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг Дмитрий Васильев. – Он жестко регулируется государством, жестко защищает инвестора
(Известия, 29.01.97)

Анализируя подобные примеры, автор приходит к заключению, что

именно преобразования, происходящие с единицами синтаксического уровня (и описываемые соответственно в терминах синтаксиса), подготавливают понимание читателем слов в их окказиональных, часто трудно-объяснимых значениях.

(там же, 5)

Автор выделяет следующие стандартные процессы синтаксических преобразований (там же, 9 и сл.):

- 1) "эллипсис, то есть опущение какой-либо словоформы": ценная бумага → бумага;
- 2) "синтаксическое смещение, то есть перенос слова в иную 'чужую' синтаксическую позицию": жесткая защита → жесткая бумага; московская жилплощадь → московский квадрат;
- 3) "частеречная трансформация – конверсия, при которой слово (а, точнее, семема – поскольку дело касается внутренней речи) меняет свое морфологическое 'обличье', синтаксическая же его функция может и не меняться": жестко (регулировать) → жесткая (бумага);
- 4) "стяжение (конденсация, компрессия), то есть такое синтаксическое смещение, при котором часть синтаксической структуры высказывания сокращается, усекается [...]": лауреат Нобелевской премии → нобелевский лауреат;
- 5) "синтаксическая деривация, то есть словообразовательные процессы, включающие в себя какие-либо из перечисленных выше синтаксических преобразований": нобелевский лауреат → нобель.

4.2.2. Временные конструкции

Временные конструкции нередко воспринимаются как причинно-следственные.

Здесь срабатывает ложное обобщение: в некоторых высказываниях указание на время действия может быть указанием на причину.
(Ермакова/Земская 1993, 39)

4.51

А. После твоего ухода все развеселились. Б. (обиженно): Что я / всем мешала, что ли?
А. Господи / да не потому что ты ушла // Просто наверное выпили еще или не знаю почему // Разве ты не знаешь латинскую поговорку... Б. (перебивая) Знаю / но знаю и другое // "После вас мы серебряных ложек не досчитались" //
(из Ермакова/Земская 1993, 39)

Приведенный диалог мог бы состояться на многих языках, что позволяет считать прием 'ложного обобщения' межъязыковой универсалией. Для совершения подобной КН большую роль играют такие прагматические факторы, как различия между коммуникантами в манере общения (один менее чувствителен к имплицитным смыслам, другой – более), коммуникативном состоянии и настроении (один настроен более миролюбиво, другой – менее).

4.52

Г1: Дети когда сегодня встали?
Г2: Да вот когда ты на работу уходил, дверью хлопнул.
Г1: Опять упреки! Я ведь так тихонько старался!
Г2: Да кто тебя упрекает? Я просто времени точного не помню, помню только, что дверь закрылась и С. вскоре заплакал, а потом и К. поднялась.
Г1: А говоришь, что я шумлю, когда ухожу.
(СМ)

Сложноподчиненные предложения с временным придаточным, вводимым русск. союзом *когда* и укр. *коли*, в обоих языках представляют также специфический тип неоднозначности. Союз может иметь как временное, так и условное значение. Кроме того, во временном значении как в русском, так и в украинском языке не различается значение одноразовости/повторяемости (ср. нем. *als/wenn*). В Перцов 2000 дается исчерпывающий анализ шести вариантов интерпретации начальных строк пушкинского "Евгения Онегина"⁴⁹:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог

⁴⁹ Автор выделяет пять классов лингвистической неоднозначности поэтического текста: лексическую, синтаксическую, морфологическую, граммемную и анафорическую (см. Перцов 2000, 56 и сл.).

Три варианта интерпретации исходят из временного значения союза, остальные три – из условного (Перцов 2000, 63 и сл.). В исследуемых материалах не встретилось примеров этого вида. Это можно объяснить, в том числе, тем, что значение одноразовости/повторяемости во многих случаях выражается глагольным видом. Однако КН как следствие неразличимости условности и темпоральности, видимо, вполне возможны.

4.2.3. Конструкции с анафорой

Как уже указывалось в IV.1.1.1.2, неудачность анафоры обычно возникает на фоне синтаксического строения фразы, при дистантности антецедента.

4.53

Г1: Дивно, что вы пришли, – сказала Фаина, – взгляните на это *облако*. Что оно вам напоминает?

Г2: Вас, – ответил писатель.

Г1: Что вы? Я куда полнее, хотя кушаю, в принципе, мало... *Оно* напоминает сон.

Г2: Не понял?

Г1: Я говорю, что *облако* напоминает сон.

Г2: Действительно.

(Довлатов 2000в, 453)

4.2.4. Неопределенно-личные конструкции и страдательные конструкции

Отдельным видом синтаксической неоднозначности (неопределенности) можно считать глагольные конструкции, в которых предикат грамматически допускает/требует оставить незаполненной семантическую роль субъекта действия, хотя указывает на субъект неопределенно. Но указание субъекта входит в интересы адресата, не всегда способного правильно представить себе его самостоятельно. К таким конструкциям в русском и украинском языках относятся неопределенно-личные и пассивные. Казалось бы, сюда можно было бы причислить и безличные конструкции, однако, это не находит подтверждения в материалах. Действительно, ученые уже обратили внимание на неточность общепринятого термина *безличные* (см. Степанов 1981; Золотова 2000). На самом деле, в так называемых безличных предложениях субъект есть, но остается неназванным, семантическая же роль агенса данных предложений прочитывается однозначно благодаря дейктическим координатам *я-здесь-сейчас*, см. примеры в Золотова 2000 (105): *не поется (мне не поется): шумно (во дворе шумно); сорвало крышу (ветром сорвало крышу)* и др.

В случае же неопределенно-личных конструкций КН неопределенной референции представляется более возможной.

4.54

Я зашел [...] за пивом, которое возле моего дома Смелковы уже не продают. И тут же начал чихать и кашлять.

Г1: Это газом ночью *траванули*, – объяснила продавщица.

Г2: Бандиты? – догадался я.

Г1: Нет, милиция.

(ЛГ 37/1999, 6)

4.55

Г1 = муж, слушает последние известия по радио, Г2 = жена, собирается на рынок.

Г1: Никак не могут уняться! – сказал он сердито.

Г2: Кого ты опять? – спросила жена Филиппа, высокая старуха с мужскими руками и мужским басовитым голосом.

Г1: *Бомбят!* – Филипп кивнул на репродуктор.

Г2: Кого бомбят?

Г1: Вьетнамцев-то.

(Шукшин 1999, 633)

Субъект действия в РИ – *военные силы США* не номинируется Г-им1. Во-первых, односоставные предложения в определенных ситуациях характерны для экспрессии (ср. *Горит!*, *Идут!* и т.д.), во-вторых, номинация субъекта и объекта могла показаться Г-му1 избыточной: по радио как раз передают о военных действиях, ведущихся США во Вьетнаме. Из контекста ясно также, что Г1 постоянно наблюдает за описываемой ситуацией, крайне недоволен ею, расценивая действия США как военную агрессию, и ожидает быстрого окончания войны. Для Г2, не интересующейся политикой, и не вслушивающейся в сообщения радио, субъект и объект далеко не очевидны.

Приведенные примеры говорят также о связи между грамматической многозначностью глагольной формы 3-го лица мн. числа и ситуативным эллипсисом (см. IV.4.2.9). Многозначность этой глагольной формы специфична для русского и украинского языков (ср. выражение категории неопределенности личности местоимением *man* в нем. яз).

Референциальную многозначность могут вызывать также глагольные конструкции:

– (*ты*) + глагол во 2 лице ед. ч.;

– оценочная конструкция с инфинитивом.

Конкурентные референциальные значения этих конструкций:

- 1) личное значение, соотносимое с адресатом;
- 2) личное значение, соотносимое с говорящим;
- 3) обобщенно-личное собирательное значение.

Следующий пример содержит обе эти конструкции, в результате возникает референциальная КН: адресат приписывает ее действие не обобщенному субъекту, а себе.

4.56

Г1 и Г2 (родные братья) имеют различное социальное положение. Г1, занимающий ответственный пост, защищает номенклатурные привилегии. Г2 считает, что некомпетентные руководители не должны оставаться на своих постах, но выступает лично против брата. Г1 в разговоре продолжает внутреннюю полемику со своими конкурентами.

Г1: [...] *Ты* в субботу-то купаться пошел, а я сижу в кабинете, звонка жду: то ли позвонит, то ли не позвонит. А и позвонит, да что скажет? *Это ведь легче всего: в чужом кармане деньги считать. Их заработать труднее...*

Г2: Я не считаю твои деньги. Что ты?

Г1: Я не про тебя. Есть... любители

(Шукшин 1999, 564)

Помимо неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкций, которые могут вызвать у адресата необходимость в уточнении субъекта действия, КН может возникнуть и при использовании страдательной конструкции.⁵⁰ Неназывание субъекта в страдательной конструкции, в которой для него существует факультативная синтаксическая позиция, может привести к проблеме понимания у адресата.

4.57

Г1: Чтой-то бог даст нам на весну в саду: прививочки, кажись, все целы, ни одного, почитай, морозом не тронуло.

Г2: Тронуло, да не морозом, – отрывисто сказал Павел Антоныч и шевельнул бровями.

Г1: А как же?

Г2: *Объедены*.

Г1: Зайцы-то? Правда, провалиться им, объели кое-где.

Г2: Не зайцы объели.

Егор робко оглянулся.

Г1: А кто ж?

Г2: Я объел.

(Бунин 1965, 16)

Страдательная конструкция выбрана говорящим по той причине, что значение результативности с ее помощью может быть передано с опущением агенса в твор. пад., тогда как в активной конструкции неназывание субъекта компенсируется категорией личности у глагола, ср. *объедены/объел*.⁵¹

4.2.5. *Неоднозначность как отражение тема-рематического деления высказывания*

Ермакова/Земская 1993 (39) в качестве отдельного источника выделяют "неоднозначность синтаксического построения, создаваемую порядком слов".

4.58

А. Я пришла к разгадке моих головных болей в Ленинграде // Б. Почему именно там?

А. Да нет / я поняла здесь // Помнишь / у меня голова болела в Ленинграде?

(из Ермакова/Земская 1993, 39)

Для анализа подобных случаев может быть применено также понятие тема-рематического деления высказывания. В Кукушкина 1998 подчеркивается необходимость различения тема-рематического деления высказывания в письменной и устной речи (там же, 102):

⁵⁰ Связь между категорией неопределенности личности и категорией пассива особенно ярко проявляется при переходе объекта активного предложения в субъект пассивного, например, в лат. яз.: *Vitam vivitur* 'Живут (свою) жизнь' → *Vita vivitur* 'Жизнь проживается' (см. ЛЭС, 273).

⁵¹ Данные конструкции могут служить также подтверждением того, что причастия способствуют возникновению многозначности. Ср. также мнение Fici Giusti 1994 (46) о том, что "il participio può dar luogo a significati diversi".

Как известно, в языке есть специальные средства, маркирующие наиболее информативно важный компонент высказывания – рему, а также позволяющие выделить в самой реме важнейший ее смысл. Игнорирование и неправильное расположение этих средств могут привести к тому, что в фокус внимания адресата попадет не тот элемент, который наиболее важен для субъекта речи. К числу нарушений этого типа в первую очередь следует отнести регулярное помещение ремы в позицию начала предложения. Эта позиция закреплена в письменной речи за темой. Во внутренней речи и близкой к ней устной речи именно компоненты ремы оречевляются в первую очередь. Поэтому подобные нарушения можно объяснить непосредственным воспроизведением наиболее естественного для субъекта речи порядка номинации смыслов, неучетом интересов адресата.

Будучи рассмотренным с этой точки зрения, предыдущий пример свидетельствует о том, что рема в устной речи не обязательно ожидается в начальной позиции.⁵² Говорящий Б воспринимает конструкцию *в Ленинграде* именно как рему, хотя конструкция находится в конце высказывания. Вообще, сама по себе перемена местами ремы и темы далеко не всегда приводит к КН.

Чаще всего вынос ремы в позицию темы просто затрудняет интерпретацию слушателю, заставляя его отменять первоначальное "понимание", и вносит избыточную разговорно-эмоциональную окраску.

Посудите: молодой человек с барышней мог ли в этом году приобщаться к фестивальному кино.

(Кукушкина 1998, 103)

Для того чтобы действительно произошла КН необходимо 'содействие' прагматических факторов: 'благоприятный' контекст и предвзятость или тенденциозность адресата, чувствительно реагирующего на неоднозначность. Кстати, этот тип неоднозначности определяется в Кукушкина 1998 (102) как неточность. Автор приводит следующий пример неточности в письменной речи:

Иногда вынос ремы в начало приводит к грубым нарушениям принципа точности.

Мировую культуру обогатили русские писатели.

Трудно предположить, что автор считает, что только русские писатели обогатили культуру. Скорее всего, он просто "забежал вперед" при переводе внутренней речи во внешнюю.

(там же, 103)

⁵² О предложениях с препозицией глагола и о создании двойной концентрации смысла в одном РА с помощью начальной позиции ремы см. Янко 1999 (48).

Итак, известно, что начальная позиция ремы характерна для устной речи. Но отнюдь не всегда она объясняется ее неподготовленностью и небрежностью говорящего при тема-рематической организации высказывания, проявляющейся в линейном развертывании. Препозиция ремы может быть осмысленной, то есть служить разнообразным коммуникативным намерениям говорящего. На материалах русского языка это явление описано в литературе как *суперпозиция ремы* (Янко 1994, 49), *дислокация темы* (Ковтунова 1976, 121), *контрастная дислокация сложной ремы* (Падучева 1985, 120).

Наконец, нужно заметить, что, каково бы ни было расположение темы и ремы относительно друг друга, проблема их разграничения, равно как и проблема неоднозначности порядка слов в спонтанной устной речи, снимается благодаря интонации (на рему, как правило, падает фразовое, или логическое, ударение). При правильной интонации в примере 4.58 фразовое ударение должно падать на глагол (*пришла*), вместо этого был, видимо, выделен локатив (*в Ленинграде*). В пользу такого предположения говорит тот факт, что в РВ, содержащей повтор из РИ, локатив выделен лексически (*именно*). При повторе этот блок автоматически входит в тему, т.е. то, что известно адресату (= Б) из предыдущей фразы А. Значит, именно этот блок был акцентно выделен в РИ. Поэтому можно утверждать, что данная КН произошла не столько из-за указанной авторами синтаксической неоднозначности, сколько по причине нестандартного (или нечеткого) фразового ударения. Поэтому КН этого синтаксического типа характерны для письменной, но никак не для устной речи.

4.2.6. *Неоднозначность как нарушение проективности порядка слов*

Еще один вид синтаксической неоднозначности представляет собой случай, возникающий при нарушении проективности, т.е. при образовании 'разрывных' структур, в которых, по крайней мере, одна из составляющих не является отрезком в линейном порядке слов (ср. Буторов 1996, 146). Воспользуюсь примером пушкинской фразы из Буторов 1996 (146 и 157): *Он из Германии туманной привез учености плоды*. Для этой фразы признается неправильным представление смысла с помощью дерева составляющих А (см. схему б):

[...] внимательный анализ содержания фразы заставляет сомневаться в правильности этой структуры как несоответствующей смыслу предложения, который, видимо, точнее выражается высказыванием *Он привез из Германии плоды туманной учености*.
(там же, 146)

Автор отмечает когнитивно обусловленную неизбежность неправильного понимания в таких случаях:

Проективность как закономерность синтаксиса естественного языка, которая регулирует отношения линейного порядка и структурные связи между словоформами в предложении, оказывается иногда настолько

сильной, что носители языка предпочитают проективную синтаксическую структуру непроективной в ущерб правильной смысловой интерпретации предложения.

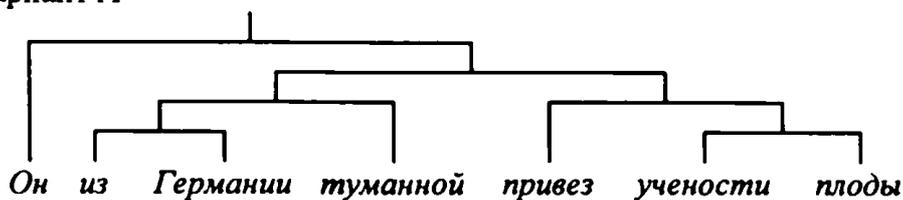
(там же, 157)

Правильное понимание данного предложения иллюстрируется двойкой разрывной структурой зависимостей Б и В (см. схему 6).

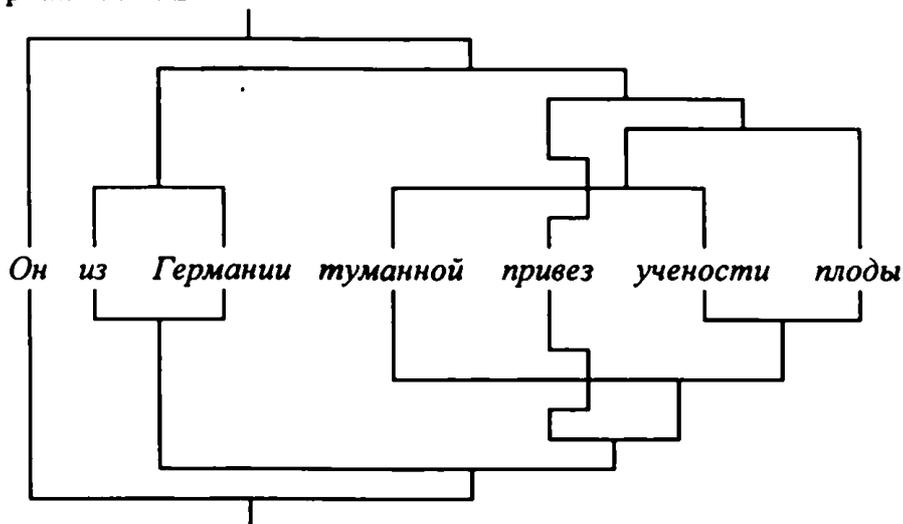
В материалах не обнаружено примеров КН в диалоге, вызванных нарушениями проективности. Видимо этот фактор более характерен для понимания русской и украинской художественной речи, в которой постпозиция определения используется для достижения стилистического эффекта (ср. там же, 157). В устной же речи она возможна как проявление спонтанности, речевой инерции или коммуникативно обусловленного опережения. Однако потенциальная синтаксическая неоднозначность легко снимается интонацией, контекстом, и структура декодируется согласно 'здоровому смыслу'.

Схема 6: Структура составляющих примера из Буторов 1996

Вариант А

Варианты Б и В

Например, критикуя СМИ за нарушение этических норм в погоне за сенсацией во время теракта на Дубровке в 2002 г., президент России Владимир Путин произнес: "Но не на крови же делать деньги наших граждан!". Не вызывает сомнения, что составляющая *делать деньги*, коммуникативно более значимая, опережает менее значимую составляющую *наших граждан*, относящуюся к *крови*. Возникла непроективная синтаксическая структура, правильная стереотипно-смысловая интерпретация которой звучит: "Но не на крови же наших граждан делать деньги!".

4.2.7. *Неоднозначность конструкций с однородными членами, связываемыми сочинительной связью*

Сочинительное сокращение представляет большой интерес, особенно с учетом того важного свойства, "что они [сочинение и эллипсис, Л. Г.] почти полностью независимы от грамматической природы составляющих" (Падучева 1974, 192). Кукушкина 1998 подходит к неоднозначности сочинения однородных членов с точки зрения восприятия адресата:

Точного определения смысловых связей самим говорящим часто бывает недостаточно. Автор должен уметь обозначить эти связи *однозначным и удобным* для адресата способом. Нарушение этого требования приводит к нежелательным последствиям двух типов – полной *неопределенности*, невозможности однозначно установить "хозяина" (состояние неопределенности) и необходимости пересмотреть ту интерпретацию связи, которая возникла при первом восприятии (состояние противоречия). При первом типе состояния адресата страдает *точность* высказывания, при втором – *ясность*.

(Кукушкина 1998, 110; курсив мой, Л. Г.)

Согласно автору, есть особые "зоны, где такое недоопределение возникает регулярно, где оно – порождение самих нормативных языковых моделей." (там же).

Одну из этих зон и представляют собой

конструкции с однородными членами, допускающие двойную интерпретацию, так как в них может действовать правило сочинительного сокращения: (1) "согласованное определение + предмет1 + и + предмет2"; (2) "предмет + несогласованное определение 1 + и + несогласованное определение 2"; (3) "предмет1 + и + предмет2 + несогласованное определение"
 (1) ...*зарегистрированные некоммерческие (бесприбыльные) объединения (союзы) и организации любых форм собственности при условии их аккредитации соответствующим федеральным органом исполнительной власти.* / Статья 8 закона "О сертификации" / (= 1. некоммерческие объединения и некоммерческие организации?; = 2. некоммерческие объединения и любые организации?)

(2) ...умело отразивший дух своего времени и людей, живущих в эту эпоху. (= 1. отразивший дух времени и дух людей?; = 2. отразивший людей и дух времени?)

(3) Едва ли не каждый человек знает смысл и причину нарицательности этого имени. (= 1. смысл нарицательности и причину нарицательности?; = 2. причину нарицательности и смысл?).

(там же)

Этот тип синтаксической неоднозначности, присущий многим языкам (ср. русский, украинский, английский, немецкий, итальянский) может быть успешно описан с помощью дерева составляющих посредством выделения синтагматических индикаторов.

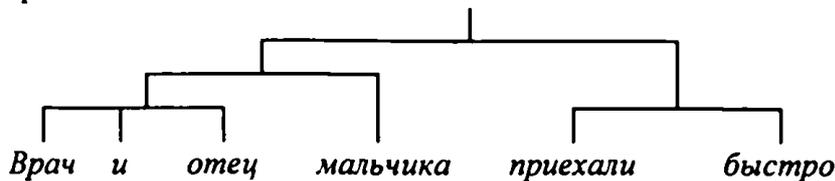
In a theory of syntax using phrase markers to represent syntactic structure, the explanation of the phenomenon of structural ambiguity is straightforward: whereas an unambiguous sentence is associated with just one basic phrase marker, we can say that ambiguous sentences are associated with more than one basic phrase marker.

(Акмаян/Демерс/Харниш 1981, 152)

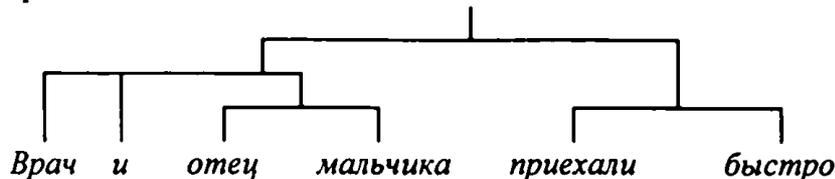
Воспользуюсь примером из Акмаян/Демерс/Фармер/Харниш 1996 (144), поддающимся адекватному переводу на русский язык: *Врач и отец мальчика приехали раньше*. Для высказывания возможно построить два дерева составляющих А и Б, которым соответствуют два варианта интерпретации (см. схему 7).

Схема 7: Структура составляющих примера из Акмаян и др. 1996

Вариант А

Вариант Б

Как отмечает Кукушкина 1998 (110), "этот тип нарушений очень характерен для разного рода нормативных документов, а также патентов и т.п." В анализируемых материалах устной речи не встречаются неудачи этого типа. Прежде чем попытаться объяснить этот факт, приведу обсуждение отчасти аналогичного примера, предлагаемое в Падучева 1974 (9):

способность человека понять, что в предложении *Такие ножи ковал и дед отца, и прадед* слово *прадед* имеет смысл 'прадед отца говорящего', а не 'прадед говорящего', проистекает из знания о том, что сочетание *дед отца* означает то же, что *прадед*, и о том, что сочетание *прадед* и *прадед* семантически аномально.

Не всегда ясно, однако, какова природа этой аномальности, т.е. идет ли речь о нарушениях семантических закономерностей, описание которых входит в компетенцию лингвистики, или же просто о том, что предложение противоречит знаниям человека о внешнем мире.

Приведенный автором пример содержит рассматриваемый вид неоднозначности, снимаемый, однако, семантической аномальностью. В то время как в предложении *Врач и отец мальчика...* неоднозначность не может быть элиминирована на том же основании: обе интерпретации семантически правомерны. Тот факт, что эта продуктивная конструкция в письменной речи вызывает КН, а в устной – нет, позволяет подтвердить предположение, что именно знания об окружающем мире и речевой ситуации, то есть контекст, играют решающую роль в разрешении неоднозначности. Ведь письменная конструкция (см. цитируемые выше из Кукушкина 1998 примеры) интерпретируется в разных ситуациях использования нормативов, а устное высказывание привязано к конкретной ситуации.

4.2.8. Неоднозначность конструкции "с + творительный падеж"

Большую опасность с точки зрения неопределенности представляют и конструкция "с + творительный падеж". По мнению Кукушкиной 1998 (111) эта конструкция представляет собой вторую зону, где возникает "неоднозначность границ объема связи":

Данная конструкция также омонимична. Она может иметь значение соединения ("и"), а может обозначать приписывание "предмету" признака. Неудачное использование ее приводит к нежелательной интерпретации связей слушателем. Ср.:

Это и сказочный персонаж птички пюльки со скатертью-самобранкой, и песня [...] (= 1. персонаж "птичка" и персонаж "скатерть-самобранка"?; = 2. персонаж "птичка, которая имеет скатерть...")

(там же)

Как правило, и здесь контекст снимает неоднозначность конструкции. Для возникновения действительно двойкой интерпретации необходимо, чтобы имя, употребленное в творительном падеже могло выполнять роль как субъекта, так и объекта действия. В диалоге КН, вызванные только этим фактором, чрезвычайно редки. Конструкция чаще вызывает комический эффект, нежели неправильное понимание.

4.59

Я бы просил вместе с коллегами исключить статью №...
(из трансляции по телевидению заседания в Государственной Думе РФ):

Интерпретация 1 ('правильная'): Я (= субъект 1) и мои коллеги (= субъект 2) просим исключить статью... (= объект).

Интерпретация 2 ('неправильная'): Я (= субъект) прошу исключить моих коллег (= объект 1) и статью... (= объект 2).

Однако в сочетании с другими КН-факторами данная конструкция может вызвать неправильное понимание в естественном диалоге. См. пр. в IV.4.2.10.

4.2.9. *Неполные конструкции*

Неполные, а также незаконченные и оборванные конструкции – одна из наиболее характерных черт синтаксиса устной разговорной речи обоих рассматриваемых языков.⁵³ О синтаксически неполных конструкциях речь идет, когда остается нереализованной какая-либо синтаксически заданная позиция. В диалогической речи неполные конструкции возникают вследствие различных процессов. Во-первых, принято различать речевую недостаточность как ошибку и разные виды синтаксической редукции.

Случайный пропуск слова, или речевая недостаточность, – результат небрежности. Подобные ошибки часто возникают в устной речи, когда говорящий торопится и не следит за правильностью выражения мысли. Речевая недостаточность наносит серьезный ущерб не только стилистической, но и смысловой стороне речи: в предложении нарушаются грамматические и логические связи слов, затемняется смысл.

Пропуск слова может совершенно исказить мысль и привести к абсурдности высказывания [...]
(Розенталь 1998, 22)

Конечно, недостаточность может объясняться не только небрежностью, но и трудностями формулирования, которые манифестируются особенно отчетливо, когда говорящий обладает недостаточной языковой/коммуникативной компетенцией и/или испытывает влияние конвенций, ограничивающих его вербальный выбор. Так, в следующем примере в незаконченной конструкции

⁵³ См. об этом, напр. в Шведова 1960 и Білодід/Гріщенко 1967.

отсутствует сказуемое, так как говорящий не номинирует его, боясь показаться невежливым.

4.60

Г1 = журналист беседует с топ-менеджером (= Г2), который после головокружительной карьеры неожиданно был снят с работы.

Г1: Вы, наверное, могли стать гендиректором КамАЗа?

Г2: Мог. Но не стал.

Г1: *Как же вас... после запуска, после такого подвига оттуда...*

Г2: Выгнали? Все банально [...]

(Ог 34/2001, 12)

Еще один вид неноминативности, ведущий к синтаксической неполноте, возможен в тех случаях, когда говорящий намеренно отказывается от экспликации смысла:

О недостаточной вербализации (номинативности), а не о случайном пропуске слова (этап реализации) можно уверенно говорить, если имеет место отсутствие эксплицитного его выражения [...]

(Кукушкина 1998, 79)

В Білодід/Гріщенко 1967 отмечается, что неполные конструкции особенно широко распространены среди вопросно-ответных диалогических единств. Большинство из приводимых авторами примеров является КН (см. цитату ниже). Основными характерными чертами вопросительных неполных конструкций называются:

[...] фрагментарність, емоційність, повнота семантичного навантаження. Серед них найповніше виявлені такі граматично неповні конструкції, що складаються з одного члена речення, вираженого займенником або займенником у поєднанні з прийменником, а також прислівником, напр.: «*Приходив?*» – «*Хто?*» – «*Хто! Сашко!*»; «*Чув?*» – «*Що?*» – «*По радіо*» – «*Що саме?*» – «*Убили Кеннеді*»; «*Чи всі такі дівчата, як ви?*» – «*Які?*» – «*Язикати*»; [...] «*Завтра ідемо?*» – «*Куди?*» – «*Та на базар*».

(Білодід/Гріщенко 1967, 115; выделено авторами, Л. Г.)

Существуют чисто диалогические разновидности отказа. Это отказ, возможный в интеракции 'лицом к лицу'. Таковы примеры с незаполнением валентностей предиката (см. также пр. из приведенной выше цитаты).

4.61

Г1: Глянь ось на лампу. *Бачиш?*

Г2: Що? – не второпав юнак.

Г1: Бачиш, скільки комашок б'ється до світла?

(Козланюк 1965, 449)

Как известно, различаются облигаторная и потенциальная, или факультативная, валентность предиката (глаголов и предикативных имен).⁵⁴ Незаполнение обеих может привести к КН.

Психологическая потребность в заполнении валентностей может быть связана с тем, что самостоятельное восстановление валентности адресатом затрудняет процесс восприятия, замедляет его. Если даже значение легко восстановимо, необходимо затратить усилия на его извлечение. Фиксируя отсутствие номинации значения ожидаемого типа, адресат сам "вычисляет" его и производит его номинацию (переводит смысл в знак). Это существенно замедляет и осложняет процесс интерпретации (перевода знаков в смысл). Номинация – это "святая обязанность" говорящего. Номинация смысла сразу позволяет ввести его в окно сознания адресата. (Кукушкина 1998, 80)

Отказ от заполнения факультативной валентности, хотя и может привести к КН, не является речевой ошибкой: у говорящего есть основания полагать, что заполнение факультативной валентности глагола-предиката, как и указание факультативной семантической роли в данной ситуации избыточно.

Отказ от самостоятельной номинации смысла может быть объяснен тем, что автор считает этот смысл очевидным, уже достаточно обозначенным и не нуждающимся в дополнительной экспликации. (там же, 79)

4.62

Г1 (= барон Мюнхгаузен) показывает гостю (= Г2) папирус Софокла.

Г1: Это его лучший труд с *дарственной надписью*

Г2: Кому?

Г1: Ну, мне, конечно. Вот, дорогому Карлу на добрую память.

(телефильм "Тот самый Мюнхгаузен")

Незаполнение же облигаторной валентности не только может привести к КН, но и в определенных ситуациях считается ошибкой, так как нарушает нормы речевого употребления языковой единицы, обусловленные ее семантикой.

4.63

Помню, нарядчик сказал одному заключенному:

Г1: Бери лопату и *копай!*

⁵⁴ Разница между которыми согласно Загнітко 1994 (52) состоит в том, что "перша становить визначальний компонент структурної схеми речення (облігаторні члени речення не можна випустити, без них незрозумілим стає зміст: схильний до хвороб; сподіватися на успіх [...]), друга є суттєвим компонентом об'єктивного смислу речення, але в певному контексті може бути нереалізованою, пор.: Хлопець приїхав до батьків (нереалізована валентність → звідки? чим?)."

Г2: Чего копать-то?

Г1: Тебе сказал русским языком – бери лопату и копай!

Г2: Да что копать-то? Что копать?

Г1: Не понимаешь? В крытку захотел? Бери лопату и копай!..

(Довлатов 2000г, 69)

Неудачный директив в предыдущем примере допустим и правомерен (т.е. не являлся бы ошибкой) только в том случае, если бы представлял собой ситуативный эллипсис, например, если бы рядом с лопатой лежало дерево, нуждающееся в пересадке или стояла неустановленная скамья. В описываемой же автором ситуации не имеется никакого указания на что-либо, для чего было бы необходимо копать. Бессмысленный приказ призван отобразить абсурдность ситуации и армейской службы в целом. Речь идет не об эллипсисе, а о нарушении нормы.

[...] речевую недостаточность как распространенную ошибку следует отличать от эллипсиса – стилистической фигуры, основанной на сознательном пропуске того или иного члена предложения для создания особой выразительности.

(Розенталь 1998, 23)

Кроме ситуативного эллипсиса (см. выше пр. 4.61) причиной смысловой неполноты, ведущей к неоднозначности высказывания, часто становится контекстуальный эллипсис.

4.64

Г1 (= мужчина) и Г2 (= женщина) – приятели. Г2 попросила Г1 прийти к ней домой и одолжить ей деньги, в которых она, безработная, постоянно нуждается.

Г1: Что-нибудь случилось?

Г2: Ничего особенного. У меня синяк под глазом. На улицу стесняюсь выйти. Деньги сразу же верну.

Г1: Откуда?

Г2: Тебе какое дело? Шубу продала.

Г1: Я не про деньги говорю. Синяк откуда?

Г2: С Рафкой поругалась.

(Довлатов 2000в, 230)

Контекст обуславливает двоякую интерпретация эллипсиса *Откуда?*: ИГ1 = *Откуда у тебя синяк под глазом?*; ИГ2 = *Откуда у тебя деньги?*.

Можно предположить, что в конкуренции этих двух видов эллипсисов ситуативный побеждает: он чаще вызывает КН. Для восстановления конструкции контекстуального эллипсиса говорящему достаточно обратиться к оперативной памяти и вспомнить ближайшие предыдущие реплики диалога. В то время как реконструкция ситуативного эллипсиса согласно исследованиям представляется более сложным процессом.

Damit nun, wie es die mit der illokutiven Absicht verknüpfte Verstehensbedingung fordert, der Hörer verstehen kann, worin das fundamentale Ziel der jeweiligen situativen Ellipse besteht, muß er den in der Ellipse nur minimal gekennzeichneten Sachverhalt rekonstruieren. Das heißt: er muß die in der semantischen Form der Ellipse enthaltenen und kaum semantisch charakterisierten Variablen mit Einheiten des konzeptuellen so zu instantiieren, daß sich auf der Ebene der Äußerungsbedeutung ein sinnvoller Sachverhalt ergibt. (Schwabe 1995, 136)

Интересны те случаи, когда неоднозначность предопределена тем, что один говорящий интерпретирует реплику как контекстуальный эллипсис, а другой – как ситуативный.

4.65

Разговор по телефону двух подруг. Позвонила Г1, она имеет два места жительства – в городе где она учится, и в городе, где проживает ее семья.

Г1: Я больная совсем.

Г2: *Это ты где?*

Г1: Я дома.

Г2: В смысле: где ты подхватила?

Г1: Я не знаю, думаю, что меня А. заразил.

(СМ)

В *Это ты где?* опущен предикат. Г1 интерпретирует реплику как контекстуальный эллипсис: *Это ты где больная находишься?* Правильная интерпретация Г2: *Это ты где заболела?* может рассматриваться, скорее, как ситуативный эллипсис, гораздо менее стереотипный, и, следовательно, 'обреченный' на КН.

Особый случай редукции представляет собой изолированное употребление частиц *да* и *нет* в репликах-ответах на вопрос содержащий отрицание. Тот факт, что как в русском, так и украинском языках отсутствует специальная частица для отрицания отрицания (как, например, частица *doch* в немецком языке), обуславливает необходимость указывать в ответе, к чему именно относится подтверждение/отрицание – ко всей реплике собеседника или только к отрицаемому в ней элементу.

4.66

Г1: [...] Он уходить не собирается?

Г2: Да.

Г1: Что – да? Да – собирается? Или да – не собирается?

Г2: Я думаю – нет.

Г1: Значит, не собирается?

Г2: Нет.

(Довлатов 2000а, 194)

4.2.10. Синтаксическая неоднозначность в соединении с другими факторами

О том, что неоднозначность на синтаксическом уровне в устной речи, сама по себе, вряд ли может привести к КН, уже говорилось. В Падучева 1982а (107) говорится о "смешанной омонимии – лексической и синтаксической одновременно". Действительно, соединение синтаксической неоднозначности с другими факторами, часто становится причиной КН. Вот некоторые комбинации (см. также пр. в IV.1.1.5).

Синтаксическая неоднозначность (конструкция "с + творительный") + лексическая неоднозначность

4.67

Мать (= Г1) встречает сына (= Г2) после занятий в университете; Г2 страдает аллергией на шерсть животных и должен избегать контакта с ними.

Г1: Сильно голоден?

Г2: Вообще-то, нет, я по дороге бутерброд с "собакой" съел.

Г1: У тебя же на них аллергия.

Г2: Что? А-а, нет. Я говорю, в Макдоналдсе хот-дог взял.

(СМ)

Синтаксическая омонимия (конструкция "с + творительный падеж", см. IV.1.1.8) взаимодействует с полисемией лексемы "собака" (= 1. животное; общеупотребимое значение; = 2. сокращенный перевод с англ. hot-dog, неузуальное заимствованное значение).

Интерпретация Г1: "Г2 (= С1) и собака (= С2) съели бутерброд".

Интерпретация Г2: "С съел бутерброд (= О1) и "собаку" (= О2)".

4.68

Две подруги собираются на пробежку в лес.

Г1: Возьмешь собаку побегать?

Г2: Куда ей с ее салом!

Г1: Ты что, ей жирное даешь?!

Г2: Что ты, боже упаси, она и так разжирела, потому и бегать не может.

(СМ)

Синтаксическая омонимия (конструкция "с + творительный падеж", см. IV.1.1.8) накладывается на неоднозначность притяжательного местоимения "ее" (= 1. отношение принадлежности, предназначенности; = 2. отношение составной части и целого).

Интерпретация Г1: Собака не может участвовать в прогулке, потому что, в данный момент ест сало, которая ей дала хозяйка. С = собака + сало.

Интерпретация Г2: Собака не может участвовать в прогулке, потому что из-за собственного лишнего веса не справится с физической нагрузкой. С = собака.

Синтаксическая неоднозначность (неточное расположение отрицания) + усечение + грамматическая омонимия

В Кукушкина 1998 (110) описываются некоторые случаи неточного выделения элемента, вызванного неправильным расположением выделительных средств. В

естественной речи часто неправильно располагаются и отрицательные частицы, что также может спровоцировать неправильное понимание. Следующий пример иллюстрирует манипулятивное использование данного явления для достижения комического эффекта:

4.69

Больше пить я не буду, наверно, (1)
 Но и меньше, конечно, не буду. (2)
 (из концерта поэта-юмориста Игоря Губермана)

Пуант состоит в столкновении интерпретаций (1) и (2). Стереотипная интерпретация *больше* в (1) = *в будущем*, что звучит как 'классическое обещание раскаявшегося алкоголика'. Эта интерпретация опровергается после (2) (в устных выступлениях автор в этом месте делает паузу). (2) содержит компаратив-антоним *меньше*, что – в целях восстановления когерентности – вынуждает адресата переинтерпретировать *больше* в (1) тоже как компаратив, указывающий на количество спиртного. Сам объект потребления (алкогольные напитки) при правильной интерпретации опускается: (1) представляет собой эллипсис. Весь акт обещания, имеющий пресуппозицией 'улучшение' поведения обещающего, при такой интерпретации теряет смысл, вызывая комический эффект.

Итак, неправильное расположение отрицания приводит к КН в соединении с другими факторами естественной речи. Таким другим фактором может явиться усечение или конденсация конструкций, широко распространенные в разговорной речи, и выражающие одну из ее общих тенденций – синкретизм (см. Земская 1973, 31). Одним из элементов, регулярно опускающихся в конденсированных конструкциях, являются союзы и союзные слова (пр. 4.47).

4.70

А. (= Г1) уехал на учиться в Москву и написал письмо, где делится своим первым впечатлением о жизни в городе; Б., тетя А., (= Г2) прочла письмо, которое ей дала В., мама А. (= Г3).

Г2: (зачитывает вслух фразу из письма Г1) "Мне так в Москве не нравится, как в Харькове". (1) (пауза, далее – от себя, неодобрительно, иронично) Видите ли ему и Москва не нравится, и Харьков! Прямо Париж подавай! (2)

Г3: Ты его не поняла. Он пишет, что ему Москва не так нравится, как Харьков, т.е. ему Харьков больше нравится, чем Москва. Странно, правда? Всегда – наоборот. Может, потому, что у него в Харькове девушка осталась.

(СМ)

В (1) неправильно расположенное (неточное) отрицание элемента, приводит к возможности двойственной интерпретации: в ней можно видеть как противопоставительное сравнение, так и сочинительное. Г1 имеет в виду первое значение, а Г2 актуализирует второе значение, мысленно опуская как частицу *же*, так и союз *и*.

Интерпретация Г1: сравнительная конструкция используется для противопоставления (совпадает с интерпретацией Г3) – "Мне в Москве не так (сильно) нравится, как в Харькове".

Интерпретация Г2: сравнительная конструкция используется для сочинительной связи – "Мне в Москве так же не нравится, как и в Харькове".

4.3. Семантика высказывания как речевого акта

Рассмотрение КН с точки зрения аспектов речевого акта не предполагает выделение 'новых' текстуальных КН-факторов, отличных от тех, которые составляют грамматические, семантические и синтаксические особенности конкретного языка. Цель нижеследующего группирования – выявить тенденции распределения уже выделенных лексических и синтаксических факторов между симультанными актами высказывания: пропозициональным и иллокутивным.

Согласно Falkner 1997 (123) необходимо отличать неправильное понимание на пропозициональном уровне от неправильного понимания иллокуции, последнее всегда включает в себя первое:

Als Mißverständnisse auf propositionaler Ebene bezeichne ich Fälle, bei denen sich F_s und F_h **nur** hinsichtlich der Proposition unterscheiden und nicht auch auf einer anderen Ebene. Dieser Hinweis ist wichtig, weil [...] eine Differenz zwischen Illokutionen stets auch verschiedene Propositionen impliziert.⁵⁵

4.3.1. КН референции

Референциальные неудачи отмечаются большинством исследователей как наиболее продуктивные (Падучева 1982а; Городецкий/Кобозева/Сабурова 1985, 74; Ермакова/Земская 1993, 39; Bazzanella/Damiano 1997, 377; 86; Falkner 1997, 123). Проблематика неудачной референции не раз становилась предметом специального исследования (см. Богуславская 1985, Емельянова 1992, Freidhof 2000).

Согласно Падучева 1982а (82) речевой акт референции регулируется особыми аксиомами. Это аксиомы существования ("то, что обозначено референтным выражением, должно существовать"), идентификации ("если говорящий упоминает какой-то объект [...], он должен быть в состоянии идентифицировать этот объект для слушателя") и тождества ("тождество объекта не меняется во время речевого акта") (там же). В естественной диалогической речи, как правило, соответствующей постулатам нормального общения, КН, вызванные выключением аксиомы существования и тождества, практически не встречаются (в отличие от диалогов в художественных произведениях, написанных в ирреалистических жанрах сказки, нонсенса, абсурда). Поэтому большинство референциальных неудач здесь – это неудачи идентификации.

4.3.1.1. Неудача идентифицирующей референции

Как известно, существуют разные способы осуществления идентифицирующей референции: название, указание, дескрипция, или обозначение (ЛЭС, 411). Каждый из этих способов может оказаться недостаточным для того, чтобы

⁵⁵ F_s , F_h = "Funktion aus Sicht von S / von H"; S = "SprecherIn"; H = "HörerIn" (см. Falkner 1997, X).

адресат мог однозначно соотнести выражающие их языковые единицы с объектами действительности.

Неудачное название

Называние с помощью нарицательных имен может оказаться неточным в силу неопределенности. В русском и украинском языках, как языках безартиклёвых, различение специфической и неспецифической неопределенности затруднено.

4.71

Г1 и Г2 – члены семьи. В семье есть годовалый ребенок, который охотно играет с журналами и книгами.

Г1: Ти диви, як дитина *книжку* розірвала!

Г2: Що?! Навіщо ж ти дала?!

Г1: Та ти ж сама дала, ось оцю, гратися. Ти ж казала, це рекламна, викинути треба.

(СМ)

Референт Г1 в ИР – конкретная книга, предназначенная для выбрасывания. Референт Г2 в ИР – какая-то книга из нужных, подлежащих бережному обращению и хранению. На логико-семантическом уровне определенной книге противопоставлена любая книга. На прагматическом уровне идентифицирующая референция осуществляется денотативно (обобщенное обозначение).

4.72

Г1: Я показывал пастору *папирус*.

Г2: Тот, который тебе подарил Софокл?

Г1: Тот самый.

(телефильм "Тот самый Мюнхгаузен")

Другой фактор неудачного названия, приводящий к неточной референции – это использование кванторных местоимений.

4.73

Г1: Я не глузую. Скажи, Серьожко, це ти серйозно: "Повний зневаги до всього..."? Невже ти вирішив зректися... *всього*?

Г2: Чого "всього"? – не зрозумів спочатку Серьожка.

Г1: Всього, що було. Про що співалось...

(Гончар 1978, 52)

4.74

Муж (= Г1) и жена (= Г2) обсуждают предложение об ангажементе, сделанное жене-балерине столичным театром

Г1: Вони *щось* обіцяють?

Г2: Танцювати в "Марусі-Богуславці".

Г1: Та ні... звання, квартиру, ставку...

(Загребельний 1979, 155)

Условие удачности названия с помощью собственных имен заключается в том, чтобы они входили в общий фонд знаний.

Das für Namenverständnis gemeinsame Wissen ist nicht so selbstverständlich vorauszusetzen wie bei normalen Wörtern. Bei Eigennamen ist, ähnlich wie bei Fachtermini, die Sprachgemeinschaft partikularisiert in für jeden Namen spezielle Namenkenner-Gruppen.

(von Polenz 1988, 122)

4.75

Муж и жена (= Г1 и Г2) собираются в гости. Контекст: Г2 нагревает воду для бритья Г1 и спрашивает, насколько горячей должна быть вода.

Г1: Ну, так, чтоб терпеть можно. Ты помнишь *Михеева*?

Г2: Какого Михеева?

Г1: Из потребсоюза Михеев... Я ему еще обсадных труб тридцать пять метров доставал. С шампанским как-то приходил, ты еще шампанским-то подавилась, мы хохотали долго.

Г1: А-а, Михеев, лысый такой?

Г2: Ну. [...]

(Шукшин 1999, 401)

В особый вид выделяются референциальные неудачи, вызванные незнанием говорящего правильного названия. В справочных диалогах это проявляется в том, что "eine sehr genaue Vorstellung von dem Referenten besteht [...], die Zuordnung der Bezeichnung des Referenten aber mißlingt" (Freidhof 2000, 39).

4.76

Г1: Скажите, пожалуйста, мне нужен экспериментальный цех мебели, значит, на Лихоборской улице, там в Лихоборах. Телефончик.

Г2: Не понимаю, что за цех.

Г1: Ну, комбинат по заказу, экспериментальному заказу мебели. Экспериментальный комбинат экспериментальных заказов мебели.

Г2: Лихоборская набережная?

Г1: Ну, там на Лихоборской улице.

Г2: Ну, вот у нас там Мосгорленбытмебель, производственное объединение.

(из Freidhof 2000, 40)

В Богуславская 1985 (25) к этому же примеру (ср. незначительные расхождения в распечатке текста) дается следующий комментарий:

Попытки пользователя [= Г1; Л. Г.] построить удовлетворительную номинацию интересующего его объекта α заведомо неудачны, но тем не менее оператору [= Г2; Л. Г.] удастся извлечь необходимые индивидуализирующие признаки объекта из описания, и коммуникация в целом оказывается успешной.

Неудачное указание

Неудача идентифицирующей референции, осуществленной с помощью указания, происходит при использовании в указательной функции дейктических и

личных местоимений (см. также IV.4.1.3.1 и IV.4.1.3.2). Анафорическое замещение признается одной из наиболее обширных зон неоднозначности:

Противоречие между двумя возможными интерпретациями связи наиболее регулярно возникает при замещении компонента другой пропозиции.

(Кукушкина 1998, 111)

4.77

Г1: *Мы* вообще не умеем заниматься собой.

Г2: Кто *мы*?

Г1: Русские люди. Мы продолжаем жить по Достоевскому.

(Ог 36/1999, 27)

4.78

Дядя (= Г1) спрашивает племянницу Ганну (= Г2) о реакции хозяина на ее просьбу о временном освобождении от работы по нездоровью. Контекст: ранее девушку осмотрел фельдшер.

Г1: Ну як? Ну що? – накинулись вони с обох боків на плимінницю. – Що *він* тобі сказав?

Г2: Нічого страшного... скоро заживе, – стримано відповіла Ганна, маючи на увазі фельдшера.

Г1: Та ні... це, звісно, заживе... а панич, що сказав?

(Гончар 1978, 465-466)

Неудачная дескрипция (обозначение)

В качестве универсально-языкового фактора здесь можно назвать "reducing the specificity of parts of the description" (Reilly 1987a, 19).

Исследования показывают, что удачное осуществление референции посредством дескрипции дифференцируемо:

[...] different linguistic structures are used to convey different elements of description. Relative clauses are used to provide complex information, prepositional phrases are used to express simpler information, and adjectives are used to express simple perceptual features. He has found that participant in a dialogue tend to relax their description (when a problem has arisen) in the following order: adjectives, then prepositional phrases, and finally relative clauses and predicate complements.

The perceptual features of an object are used in a description to provide a means for distinguishing one from another. Goodman has observed that the features most likely to be relaxed are those that require the least active consideration, for example the colour or shape of an object. Features that require more active consideration on the part of the listener (such as relative size, distance, or weight) are usually the last features to be relaxed. People tend to be causal with less active features and more careful with active ones. As a result,

the main cause of reference failure is found to be the inaccurate use of less active features.

(Reilly 1987a, 19)

Материалы не позволяют включиться в эту дискуссию. Однако, немногочисленные примеры иллюстрируют использование в качестве дескрипций самых разных признаков.

4.79

Г1: (в комнате) Дай мне вон ту, *красную* (показывает нечетко, думая, что это видно).

Г2: Что? Что вам дать?

Г1: Да вон книжку.

(из Ермакова/Земская 1993, 40)

КН-факторы: неноминация референта и недостаточность дейктического указания и первоначальной дескрипции.

4.80

Г1: Помнишь полицейского, *что оштрафовал меня за поворот не из того ряда?* Я ему только что опять попала, и он отобрал удостоверение. Может, стоит вернуться и поговорить?

Г2: Полицейского не помню, но уговаривать бесполезно. Надо было сразу не отдавать. [...]

Г1: Неужели не помнишь? Ты еще сказал, что он похож на Жана Габена, доброе лицо такое.

Г2: А, вспомнил! Ну, к этому съезди, может получится.

(из Богуславская 1985, 23 и 25)

КН-фактор: недостаточность называния нарицательным именем при неизвестности собственного и недостаточность первоначальной дескрипции.

4.81

Г1: П. вот этот, у которого собака все родить-то должна...

Г2: Кулик, что ли?

Г1: Кулик. Глаза б мои его не видели.

(Ог 39/2000, 39)

4.82

Г1: Даже какие-то личные вещи, которые тебе необходимы, неудобно покупать, когда у тебя за спиной *кто-то* стоит. Причем *люди, которые вокруг меня*, чудесные, доброжелательные. Я считаю, что мне повезло...

Г2: Вы о тех, кто вас охраняет?

Г1: Да.

(Ог 39/2000, 17)

КН факторы – называние неопределенным местоимением 'кто-то' и дескрипция 'люди, которые вокруг меня'; видимо, Г1 считает неуместной (нетактичной) прямую номинацию 'охранники', 'телохранители', которая могла бы войти в противоречие с вежливостью всего высказывания – акта позитивной оценки.

В тех случаях, когда говорящий в состоянии назвать предмет, однако вместо прямого названия прибегает к косвенному указанию, то есть указанию признаков предмета (см. также о перифразе в IV.5.2.3), и дескрипция говорящего вызывает при этом неудачу, следует говорить не столько о референциальной неудаче, сколько о предикационной. Эти референции всегда модально окрашены. Вместо того, чтобы использовать нейтральную номинацию, говорящий пользуется удобным случаем (то есть конвенциональной необходимостью осуществить референцию) для выражения своей оценки. Однако адресат может несогласиться с ней. В Ермакова/Земская 1993 (60-61) предлагается выделять несогласие адресата с дескрипцией говорящего в отдельный тип КН.

4.83

Мать (= Г1) – сыну (= Г2)

Г1: Ты можешь объяснить *этой своей девице*/ как принято разговаривать по телефону?

Г2: (раздраженно) Она не девица / не называй ее так // Ты ведь знаешь/как ее зовут // (из Ермакова/Земская 1993, 60)

4.3.1.2. Неясная референция

О неясной референции можно говорить в том случае, когда в именную группу, осуществляющую референцию, входит абстрактная лексема или лексема, системно-языковое значение которой неизвестно адресату.

4.84

Муж и жена (= Г1 и Г2) обсуждают приглашение на работу, сделанное жене, балерине, из столичного театра.

Г1: Ти поцікавилась *умовами* в Києві?

Г2: Умовами? А що це таке?

(Загребельний 1979, 154-155)

4.3.2. КН предикации

Если референциальные неудачи выделяются всеми исследователями, использующими в качестве типологизирующих критериев уровни речевого акта, то категория предикационной неудачи как таковая нигде не упоминается. Действительно, кажется проблематичным установление неудачи самого акта создания пропозиции, т.е. акта приписывания свойств референту. Мне представляется, однако, возможным считать предикационными неудачами те случаи, когда в предикатную группу входят языковые единицы, относящиеся к КН-факторам. В этом смысле, предикационная неудача состоит не в том, что адресат не понимает, что референт (с точки зрения говорящего) обладает определенными свойствами, а в том, что адресат не понимает, каковы именно свойства, приписываемые референту. Например, предикацию можно считать неоднозначной, если в группу предиката входит неоднозначная лексема.

4.85

Вот, говорят, будто бы Маргарита Терехова готова уйти в "Женский МХАТ". Готова – это значит, она уже встретила с Т. В. Дорониной или еще только *готова*?
(Ог 30/1995, 66)

Русская конструкция '*готовый (готов)*' + неопределенная форма глагола имеет по меньшей мере два, связанных между собой, значения (=1. сделавший все приготовления и =2. такой, который может что-то предпринять), ср. нем. *bereit/fertig*. Данный пример можно объяснить конкуренцией этих двух значений в роли предиката.

4.86

Пожилая женщина (= Г1) рассказывает молодой девушке (= Г2) историю своей давней любви.

Г1: І як поїхав мій злотий шукати долі до Аргентіни, та так і *пропав* там навіки.

Г2: Умер він за морем?

Г1: Та ні, кажуть... Живе.

(Козланюк 1965, 461-462)

Значение Г1: перестать быть видимым или слышимым, иметь контакт.

Значение Г2: погибнуть.

4.87

Г1: Жаль, что ты не пришла. Мы с А. столько всего приготовили. Сложились пополам. Они с Л. поехали закупились.

Г2: А че вы *делали*.

Г1: Что мы приготовили?

Г2: Не, как время провели.

(СМ)

Вторым, весьма распространенным в устной речи источником предикационной неполноты и возникающей на ее основе неоднозначности может стать такой фактор, как незаполнение валентностей глагола-предиката в контекстных эллипсисах (см. 4.2.9). Отказ от самостоятельной номинации смысла может быть объяснен тем, что автор считает этот смысл очевидным, уже достаточно обозначенным и не нуждающимся в дополнительной экспликации (ср. Кукушкина 1998, 79).

Существуют чисто диалогические разновидности отказа. Это отказ, возможный в интеракции 'лицом к лицу' (пр. 4.61). Часты примеры неэкспликации актанта объектного типа при предикате (ср. там же, 83).

4.88

Г1: Доводилось. Але, Петре Андрійовичу, як ви можете *допускати*?..

Г2: Що саме? Вас на сорокову суботу?

Г1: Це ж не ви. Але те, як з вас там унизу... на першому поверсі... Всі ці жартики...

(Загребельний 1979, 538)

4.89

Юрій = Г1; Марфа = Г2.

Г1: Завтра.

Г2: А *підготуватися* встигнете?

Г1: Мені здається, що ми з Галею готувалися до цього дня все своє життя.

Г2: Я не про це, Юрію, я про господарські справи. Як, Маріє?

Г1: Та я, не при наречених кажучи, зарані...

(Левада 1967, 302)

Ср. юмористическое использование этой неоднозначности в следующем примере: в аналогичной ситуации актуализируется противоположное значение.

4.90

Молодые приходят в загс расписываться. Регистратор спрашивает:

Г1: А вы хорошо подготовились к столь важному жизненному шагу?

Г2: Конечно. – отвечает жених. – Купили 10 литров водки, 30 бутылок вина и 5 литров спирта.

(Анекдот)

4.3.3. КН иллокуции

Вторым, после референциального, наиболее часто выделяемым типом КН с точки зрения структуры речевого акта, является иллокутивный тип.

В естественном диалоге широко распространен вид КН, вызываемый неправильным пониманием иллокутивного намерения говорящего.

(Ермакова/Земская 1993, 49)

В самом общем виде можно выделить две причины неоднозначности иллокутивной силы высказывания.

Первая касается различения прямого и косвенного речевого акта в том виде, как оно было предложено в Searle 1973. Этот фактор хорошо описан в литературе о КН (см., напр., Falkner 1997, 130 и сл.; Bazzanella/Damiano 1997, 380 и сл.; Падучева 1982а, 108 и сл.). Изучение косвенных речевых актов позволило Tannen 1997 (174) прийти к следующему выводу.

Es wurde deutlich, daß bestimmte Verständigungsarten besonders zu falscher Auslegung führten – Bitten, Entschuldigungen, Eklärungen: kurz, Verbalisierungen, bei denen es darum geht, daß man durchsetzt, was man möchte.

Русская и украинская речь подтверждает эту тенденцию.

4.91

Г1: (видя, что отец собирается работать с пилой во дворе) Пап, закрой, пожалуйста, дверь и окна, чтобы везде пыль не зашла.

Г2: (с обидой) Да я не успел еще, хотел сначала инструменты разложить.

Г1: А я и говорю, когда работать начнешь, я ж тебя не ругаю.

(СМ)

Просьба интерпретируется как упрек.

4.92

Г1: Вот теперь отобрали права, и я влетел минимум на пять лимонов.

Г2: Ничем не могу помочь...

Г1: Миленький, да я к тебе не за той помощью.

(Ог 50/1996, 38)

Сообщение интерпретируется как просьба.

Наиболее полный список проявлений этой категории в русском языке предложен в Ермакова/Земская 1993 (49 и сл.) Авторы приводят примеры того, как прямые вопросы воспринимаются как просьбы, нейтральные ассертивы – как просьбы и упреки, искреннее удивление – как неодобрение и так далее. Прямые вопросы с *почему* и *зачем* воспринимаются в бытовом диалоге как косвенное выражение протеста (см. Ермакова/Земская 1993, 59-60).

4.93

Г1: Ты зачем рыбу намочила?

Г2: (обиженно) Не хочешь / не мочи // Можно вынуть //

Г1: Я просто никогда не видела / чтобы соленую рыбу отмачивали // Хотела узнать / для чего //

(из Ермакова/Земская 1993, 59)

Вопросы с *почему*, обращенные к модусу, воспринимаются как вопросы, обращенные к диктуму, и наоборот.

4.94

Г1: Он всегда возражает или обижается / даже не дослушивает до конца //

Г2: Я не знаю почему / такой уж характер //

Г1: Я хотела спросить / почему ты так думаешь // Совсем не всегда он не дослушивает //

(из Ермакова/Земская 1993, 50)

Иллокутивную КН можно видеть также в случаях, когда косвенность связана с переносным – ироническим – значением. Прямое одобрение, восхищение или искренний комплимент воспринимаются как ирония. Однако, как правило, адресат правильно 'расшифровывает' косвенные иллокуции этого типа, тонко улавливая неискренность или ироничность говорящего.

4.95

Г1: [...] То есть вопрос о предопределенности всего, что с вами случается. (1) О мере вашей свободы. (2) [...]

Г2: Кажется у меня есть ответ на ваш вопрос. (3)

Г1: Да неужели? (4) *Дмитрий, да вы чудо!* (5) *У Пелагия не было, у спорившего с ним Блаженного Августина не было, а вы уже разобрались!* (6)

Г2: Хорош издеваться, Саша. (7)

Г1: Я не издеваюсь, я искренне восхищаюсь. (8)

(Ог 39/2000, 29)

Представляется, что в данном диалоге речь идет о манипулятивной КН: Г2 на самом деле верно проинтерпретировал (5-6) как ироничную. Настаивание на искренности в (8) лживо.

Иллокутивные КН вписываются в общую тенденцию интерпретации неоднозначности. Ее можно сформулировать следующим образом: актуализируется не нейтральное значение (в том числе, косвенное, переносное или факультативное), а то, которое более задевает личные интересы адресата, накладывает больше ограничений на его свободу деятельности. Принцип вежливости требует от адресата соблюдать 'презумпцию невинности' говорящего. Согласно ей адресат должен предполагать в неоднозначной конструкции 'лучшее' значение, то есть просьбу, а не упрек, вопрос а не просьбу, удивление, а не неодобрение, восхищение, а не насмешку и т.д. На основании количественного распределения иллокутивных КН в разных ситуативных формах диалога можно заключить, что в бытовом диалоге между близкими эта презумпция нарушается чаще, чем в официальном.

Вторая причина иллокутивных неудач связана с неправильной интерпретацией прагматических параметров ситуации. Ср. Падучева 1982а (82):

Правильное понимание иллокутивной силы высказывания иногда почти неуловимым образом определяется ситуацией. Ср. следующий диалог.

4.96

Ребенок звонит на работу матери:

Г1: Позовите, пожалуйста, Надежду Митрофановну!

Г2: Она вышла, позвоните попозже.

Г1: Ладно!

Ребенок ответил на высказывание *Позвоните попозже!*, приняв его за просьбу, в то время как ситуация требовала понять его как совет и ответить не *Ладно!*, а *Спасибо!* (из Падучева 1982а, 82)

Речь может идти о социальной иерархии собеседников. Г2 выводит иллокутивную силу высказывания Г1, исходя из его статуса.

4.97

Г1 – милиционер; Г2 – два приятеля, студенты-филологи, отличающиеся нелояльным отношением к общественной системе государства.

Шли мы с приятелем из бани. Останавливает нас милиционер. Мы насторожились, спрашиваем:

Г2: В чем дело?

А он говорит:

Г1: Вы не помните, когда были изданы "Четки" Ахматовой?

Г2: В тысяча девятьсот четырнадцатом году. Издательство "Гиперборей", Санкт-Петербург.

Г1: Спасибо. *Можете идти.*

Г2: Куда? – спрашиваем.

Г1: Куда хотите, – отвечает. – Вы свободны...

Меня поразила смесь обыденности и безумия.

(Довлатов 2000б, 364)

Разрешение понято как указание.

См. также пример из Ferrari/Prodanof 1987 (283), приводимый в II.3.1, где учащийся правильно интерпретирует иллокутивную силу вопроса, но игнорирует его легитимность, приняв нового преподавателя за нового учащегося. В Tannen 1991 и 1994 приводятся многочисленные примеры иллокутивных КН между начальником и подчиненными, вызванных косвенно выраженными поручениями. Их неоднозначность (просьба/совет – указание/приказ) предопределяется именно служебной иерархией.

Иллокутивным неудачам косвенных речевых актов противодействует их конвенционализация. Конвенциональный смысл выводится с помощью постулатов ПК.

4.98

(в магазине)

Г1: *Вы не покажите мне эту рубашку?*

Г2: Почему не покажу, я что, на вас обиделась?

(из Одесского юмора)

Эта КН воспринимается анекдотично именно в силу полной конвенциональности реплики клиента. В данных условиях вопрос должен интерпретироваться как вежливая просьба, интерпретация же вопроса как прямого запроса об информации противоречила бы постулату релевантности (по аналогии с такими классическими примерами косвенных речевых актов как *Вы не могли бы передать мне соль?*, *Вы не могли бы сказать, который час?* и т.д., ср. также Булыгина 1981, 338).

Названные причины иллокутивной неудачи взаимосвязаны: конвенциональность косвенных речевых актов зависит не от специфики языка, а от условий употребления языка в конкретной речевой культуре.

В подобных случаях мы имеем дело не конвенциями языка, а скорее с конвенциями употребления, имеющими отношение к коммуникативной, но не к собственно языковой компетенции.

(Булыгина 1981, 338)

Поэтому эквивалентный перевод косвенных высказываний с одного языка на другой отнюдь не всегда представляет собой также косвенные высказывания.

Mißverständnisse, die auf den unterschiedlichen Gebrauch der Indirektheit zurückzuführen sind, sind unter Angehörigen scheinbar derselben Kultur (die jedoch nicht zwangsläufig dieselbe sein muß) ganz alltäglich. Allerdings sind derartige Mißverständnisse besonders für die interkulturelle Kommunikation kennzeichnend. Es gibt sowohl individuelle als auch soziale Unterschiede in Bezug darauf, was für angemessen gehalten wird hinsichtlich dessen, was gesagt wird und wie es gesagt wird.

(Tannen 1997, 171)

Разные иллокутивные типы требуют дифференцированного действия кооперативных максим. Так, чрезмерная профессиональная детализация (максима количества + максима релевантности) допускается для реализации иллокуции комплимента, но может негативно повлиять на удачность порицания.

4.99

Ольга Форш перелистывала в санатории жалобную книгу. Обнаружила такую запись: "В каше то и дело попадаются лесные насекомые. Недавно встретился мне за ужином жук-короед".

Как вы думаете, – спросила Форш, – это жалоба или благодарность?

(Довлатов 2000г, 175-176)

КН-фактор: нарушена максима релевантности. Указание на вид насекомого существенно для успеха комплимента, но не жалобы.

5. Прагматический уровень – прагматические признаки высказывания

Как уже говорилось, семантическое значение трудно отделимо от прагматического. Выделение прагматического уровня оправдано только в том случае, когда прагматическое значение проявляется в гораздо большей степени.

Соотношение собственно семантического и прагматически обусловленного содержания различно для разных типов слов и высказываний.

(Арутюнова 1988, 61)

К прагматическому уровню относятся те КН-факторы, "где перевешивает прагматическое содержание", где "необходимо не только понимание значения полученного сообщения, но и его интерпретация, расшифровка." (Арутюнова 1988, 61-62). На этом уровне объединяются две группы КН-факторов: неэксплицитные смыслы и косвенные речевые тактики.

5.1. Неэксплицитные смыслы

Первая группа факторов объединяет неэксплицитные смыслы высказывания. В тексте самого высказывания не имеется какой-либо единицы, определяющей сложный прагматический смысл. КН-фактором является именно отсутствие какого-либо специального выражения смысла. Смысл этот, однако, имплицитно передается, и говорящему важно понимание этого смысла адресатом. Выделение этих факторов во многом опирается на понятие имплицатуры, разработанное в теории речевых актов. Эти факторы можно считать сугубо прагматическими.

Исследования, проведенные в рамках теории речевых актов, показали, что значительная часть понимания связана не с языковыми правилами, приписывающими предложению определенное значение на основе значе-

ния его компонентов, но с нашей способностью делать заключения о действительном намерении говорящего, не совпадающем с тем, что буквально им "говорится". Можно согласиться с тем, что в этом случае понимание связано не с собственно языковой способностью и объяснение понимания такого рода не является задачей лингвистики, оно скорее является частичным описанием тех, кто пользуется языком и, таким образом, заслуживает названия "прагматика".

(Булыгина 1981, 340)

5.1.1. *Эксплуатация конвенциональных импликатур (нарушение семантических пресуппозиций)*

Прагматическим пресуппозициям в Harper 1987 дается такое определение:

Such presuppositions are those regarding non-natural world knowledge, such as knowledge of social conventions, e.g., one does not spit in a policeman's face when he questions one. Also included among these presupposition is knowledge concerning institutional roles and conventional linguistic practices. This type of knowledge provides, for example, the discrimination between what one tells one's spouse and says to one's lover.

(Harper 1987, 53)

Прагматические пресуппозиции вытекают из знания семантических. Под последними понимается

компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте.

(ЛЭС, 396)

Анализируя коммуникацию в сказках Льюиса Кэрролла, Падучева 1982а (110) определяет нарушения презумпций в значении слов и конструкций как один из "основных источников КН." В качестве одной из их прагматических характеристик называется нарушение принципа вежливости (см. там же). Исследуемый материал не подтверждает значимость 'пресуппозиционного' фактора для естественной речи. Не упоминается он и другими исследователями КН. Названное произведение Кэрролла в этом смысле уникально и ценно уже потому, что позволило выделить данный фактор. Несмотря на то, что нарушения этого типа мало характерны для естественного диалога, он, безусловно, заслуживает того, чтобы быть отграниченным от 'соседних' источников КН. К таким относятся, например, импликатуры дискурса, и семантическая неправильность. Семантическая неправильность свидетельствует о лингвистической некомпетентности говорящего. В приводимых ниже примерах говорящий как раз хорошо знает значение используемой единицы и

нарушает пресуппозицию намеренно, пытаясь таким образом интенсифицировать интерпретационную работу адресата. Последнему это удастся не всегда. Вот некоторые из немногих встретившихся примеров.

4.100

Г1 = гостя, журналистка; Г2 = хозяин квартиры; почти правильно угадывает профессию Г1.

Г1: Цікаво, як ви вгадали?

Г2: Не вгадав, а згадав.

Г1: Не розумію.

Г2: Бачив вас у журналі мод.

(Загребельний 1979, 93)

Не соблюдается семантическая пресуппозиция глагола *згадати* (= *вспомнить*): 'Мы уже знакомы'. Г1 и Г2 только что познакомились. Глагол, видимо, 'подсказан' Г-у 2 паронимией *згадати/вгадавати*. Г2 использует эту 'подсказку' отчасти спонтанно, отчасти провокативно, с целью дальнейшего развития диалога, будучи уверен, что противоречие не может не быть обнаружено со стороны Г-ей 1 и та не сможет не заинтересоваться им. Что и происходит.

4.101

Г1 просыпается в своей квартире в обществе незнакомой женщины (= Г2), накануне вечером в квартире Г1 были гости и обильное алкогольное угощение.

Г1: Каков ваш статус, Лена? Проще говоря, каков ваш социум эр актум?

Наступила пауза. Затем спокойный женский голос произнес:

Г2: *Меня забыл Гуревич...*

Гуревич был моим знакомым по книжному рынку. Года два спустя его посадили.

Г1: Как это забыл?

Г2: Гуревич напился и вызвал такси...

(Довлатов 2000б, 363)

Нарушается семантическая пресуппозиция глагола *забыть*, в данном значении употребляемого только по отношению к неодушевленным существительным.

4.102

Г1: Я долго думал, как можно сформулировать мою национальную принадлежность, и решил, что я *русский по профессии*.

Г2: А что это значит – русский по профессии?

Г1: Ну, я пишу по-русски. Моя профессия – быть русским автором.

(Довлатов 2000г, 388)

В подобных примерах, как и в соответствующих диалогах сказки Кэрролла, действия говорящего могут расцениваться как провокативные. Поэтому намеренное нарушение пресуппозиций, когда оно преследует порождение КН, следует расценивать как манипуляции (см. гл. VII).

5.1.2. Импликатура дискурса как источник КН

Импликатуры дискурса – это

компоненты содержания высказывания, не входящие в собственно смысл предложения и в то же время передаваемые с достаточной надежностью от говорящего к слушающему.

(Падучева 1982а, 83)

Они выводятся из прямого смысла высказывания на основании коммуникативных постулатов Грайса (Grice 1975). О том, что передача смысла посредством импликатур, может быть весьма эффективным способом для достижения успеха перлокутивного акта, свидетельствуют рекламные слоганы и политические лозунги.

4.103

У кандидата в президенты должен быть один краткий, как выстрел, твердый, как доллар, и запоминающийся, как заповедь, лозунг. У Ельцина он был. "Я не коммунист", – повторял он. И из этого страха народа перед реставрацией тоталитаризма следовало окончание призыва: "Коммунизм хуже, чем я".

(МН 27/1996, 4)

Однако завышенная степень имплицитности может привести к обратному эффекту – адресат бывает не в силах вывести импликатуру. Это может быть связано с тем, что необходимая для выведения импликатуры экстралингвистическая информация у него отсутствует, или собеседники имеют разные убеждения, но говорящий не учитывает этого.

Импликатура обеспечивает связность диалога через неязыковое знание собеседника. Это знание активизируется в тот момент, когда слушающий обнаруживает нарушение основных правил диалога, но одновременно убеждается в том, что это нарушение допущено собеседником не сознательно.

(Фрайдхоф 1995б, 86)

4.104

Г1 = владелец палатки, круглосуточно торгующей продуктами питания; Г2 = журналист, интересующийся особенностями работы.

Г1: В основном ночью приходят люди, которые не навеселились за день, чаще – молодежь. У них, как правило, денег не хватает – рубль, два, – выручаешь. *А что мне больше всего не нравится – когда приходит солидный мужик с солидной собакой и покупает собаке голубцы.*

Г2: Не понял.

Г1: Он берет человеческую еду и отдает собаке! Он может позволить себе хорошую собачью еду купить, но это рядом, в соседней палатке, но ему лень идти.

(Ог 31/2000, 22)

Г2 не выполнил следующую процедуру выведения импликатуры: 1) Г1 продает продукты питания для людей; 2) голубцы – продукт питания людей; 3) Г1 отрицательно оценивает покупку голубцов для собаки; 4) кормить собаку продуктами питания, предназначенными для людей – предосудительно.

4.105

Г1: Такие соображения, я считаю, звучат просто-таки унижительно для десятков миллионов зрителей, которые регулярно смотрят "Сегоднячко".

Г2: То есть?

Г1: То есть выходит, что все поклонники "Сегоднячка" – сплошь тупые, необразованные люди.

(ЛГ 13/2000, 14)

5.1.3. Невыведение следствий

С невыведением импликатур граничит невыведение следствий. Сюда относятся интеракции, в которых пропозиция ИР содержит неэмплицитный компонент, лежащий в сфере интересов Г2. Такие интеракции могут считаться КН лишь условно. Обычно выведение следствий входит в нормальное количественное развитие диалога.

4.106

Г1 = цветовод-любитель; Г2 = журналист; тема разговора – выращивание хризантем

Г1: [...] Всі ці сорти ростуть у відкритому ґрунті.

Г2: Виходить, усі ваші хризантеми морозостійкі?

Г1: Так, 75 відсотків із них добре зимують практично без будь-яких затрат на укритий матеріал.

Г2: Присипаєте кущі землю?

Г1: Тільки не це. Щоб уберегти хризантеми навіть від низьких температур, досить спорудити не надто товсту "ковдру" з опалого листя – і рослини взимку у безпеці.

(СГ 50/2000, 7)

4.107

Г1: Мы сделаем 53 передачи и 31 декабря 1999 устроим прощальный вечер...

Я молчал

Г1: Вам что, не нравится?

Г2: Нет, очень нравится. Все, о чем вы говорите, вполне совпадает с моими пристрастиями, но... у меня большие все-таки сомнения...

Тогда Малкин посмотрел на меня строго:

Г1: Виктор, вы ничего не понимаете. Повторяю, мы снимаем 53 серии и через пять лет программу заканчиваем.

Г2: Ну и что?

Г1: Как что? Это же Государственная премия 2000 года.

(Ог 29/2000, 53)

4.108

Разговор о достоинствах пишущих машинок.

Г1: Предпочитаю "Оливетти", – высказался Клейн.

Г2: У "Оливетти" горизонтальная тяга.

Г1: Это еще что такое?

Г2: А то, что ее в починку не берут...

(Довлатов 2000г, 62)

5.2. *Косвенные речевые тактики*

Исследование текстуальных источников КН в ряде случаев не может обойтись без выделения категории косвенности (см. также иллокутивные неудачи в косвенных речевых актах). Взаимосвязь неудачности и косвенности подчеркивалась лингвистами неоднократно.

Um Vorgänge von Indirektheit zu untersuchen, ist es jedoch zweckmäßig, sich auf Interaktionen zu konzentrieren, in welchen die Verständigung nicht erfolgreich verläuft.

(Tannen 1997, 174)

Косвенные речевые тактики объединяют факторы, которые можно было бы рассматривать и в семантическом измерении (или в традиционно их изучающей стилистике), если бы не одно обстоятельство. Конечно, с одной стороны, любой семантический фактор (включая синтаксическую семантику), способный породить КН, может быть рассмотрен в прагматической перспективе, как только он будет взят с точки зрения его использования говорящим. В этом смысле, казалось бы, нет основания отличать какой-либо фактор, относимый к лексическому уровню (например, многозначные слова) от фактора, относимого к стилистическому уровню (например, метафоры). С точки зрения семантики они 'равноправны'. С другой стороны, именно на прагматическом уровне проявляется их отличие. Оно состоит в следующем. Используя многозначное слово, говорящий не имеет никакой 'лексикологически' осмысленной интенции, он идет по пути наименьшей затраты речевых усилий – буквально использует наиболее близкую и 'удобную' для выражения смысла единицу, невольно переключая на адресата повышенную интерпретационную нагрузку. Иначе обстоит дело с метафорой. Для ее использования говорящим предельно сложная работа по кодированию, это не всегда – самый быстрый и удобный способ осмысления (исключая, конечно, те случаи, когда переносное значение вытесняет прямое). Говорящий в той или иной мере сознает необходимость 'повышенных' интерпретационных усилий со стороны адресата. Однако, у него на это есть особые, прагматически обусловленные, причины. Поэтому факторы, подобные метафоре, группируются отдельно на прагматическом уровне как небуквальные (косвенные) способы речевого употребления.

Сознательный выбор говорящим косвенных способов выражения смысла может быть предопределен двумя их преимуществами перед прямыми способами. Эти преимущества – условно обозначаемые как 'защита' и 'солидарность' – обусловлены действием принципа вежливости.

Defensivität verweist darauf, daß der/die Sprecher/in es vorzieht, nicht zu einer Meinung zu stehen, um sie dann von sich weisen, widerrufen und ändern zu können, wenn sie keine positive Reaktion auslöst. Der Vorteil von Gemeinsamkeit durch Indirektheit ergibt sich aus der angenehmen Erfahrung, zu bekom-

мен, was man will, nicht weil man es gefordert hat (Macht), sondern weil die andere Person dasselbe wollte (*Solidarität*).

(Tannen 1997, 39; курсив мой, Л. Г.)

Кроме того, небуквальное выражение смысла, видимо, предопределяется когнитивными (креативными) процессами при номинации и на равных правах входит в парадигму способов речевого употребления.

Zu großen Teilen besteht unsere Alltagskommunikation gerade darin, Intentionen doppeldeutig und verschleiert auszudrücken, d. h. wechselseitig das implizite soziale Handeln als adäquate Umgangsform zu akzeptieren.

(Müller 1984, 69)

В этом аспекте наибольшим вниманием исследователей отмечено косвенное выражение иллюквативной силы речевого действия (см. IV.4.3.3). Наряду с иллюквативными к КН, возникшим в результате косвенных способов речевого употребления, относятся неудачи, вызванные использованием эвфемизмов, цитат и аллитераций, перифразов, тропов, фразеологизмов (последние, впрочем, с равным правом могут быть отнесены к семантическому уровню).

5.2.1. Эвфемизмы

Анализируя способы образования эвфемизмов Москвин 2001 указывает:

эвфемистическая зашифровка возникает на основе [...] нарочито двусмысленной речи, [...] нарочито неясной речи, [...] нарочито неточной речи.
(Москвин 2001, 64-65)

Неудивительно, что эвфемизмы представляют собой один из регулярных источников возникновения КН. Значение неопределенности используется здесь небуквально: говорящий стремится избежать прямого названия смысла, неприятного для него по каким-либо причинам или неприличного (об этих и других функциях эвфемизмов см. Москвин 2001, 62). Одним из наиболее продуктивных КН-факторов здесь можно считать такой прием эвфемизации как прономинализация.

4.109

Г1 = Надія Григорівна, мати; Г2 = Ляля, дочка; контекст: мати підозрює дочку в участі в підпольному русі і тривожиться за її долю.

Г1: Доню, – несподівано змінивши, урочистим голосом промовила Надія Григорівна, – а ти знаєш про те, що, коли б з тобою *що-небудь* трапилось, я не перенесла б цього... Я наклала б на себе руки...

Г2: Ти про що, мати? – вжахнулась Ляля. – Про що, скажи?

Г1: Про твоїх друзів, Лялю. Вони приходять завжди ділові такі, задумливі...

(Гончар 1978, 72)

Эвфемистическое *що-небудь* вместо прямых – *арест, гибель* и т.п.

4.110

Г1 = Владимир Семеныч, бывший алкоголик, пытающийся начать 'новую жизнь'; Г2 = Валя, новая знакомая Г1, не знающая о его проблеме; ситуация: Г1 и Г2 прогуливаются в районе жительства Г1, где у Г1 много друзей, разделяющих его склонность.

Г1: Меня тут некоторые знают, – предупредил Владимир Семеныч, – могут окликнуть... позвать куда-нибудь...

Г2: Куда позвать? – не поняла Валя.

Г1: В пивную. Не надо обращать внимания.

(Шукшин 1999, 685)

Сюда же относится использование дейксиса. Приведу символический, с точки зрения современного русского речевого употребления, пример. Одно из первых (после многих десятилетий подцензурного советского телевидения) телевизионных ток-шоу, в которых открыто обсуждаются проблемы секса, носит псевдо-стыдливое название "Про это". Псевдо-стыдливым его можно считать потому, что в течение дискуссии участники часто демонстрируют отсутствие каких-либо этических табу, публично говоря об интимном, 'не стесняясь в выражениях', 'называя вещи своими именами'. Название же передачи передает ее специализацию косвенно, однако чрезвычайно удачно именно благодаря знаковой конвенциональности синтагмы.⁵⁶

4.111

Лена помолчала и говорит:

Г1: Если надо уйти – скажите.

И затем, слегка потупив узкие монгольские глаза:

Г1: Если вам нужно ЭТО – пожалуйста.

Г2: Что значит – ЭТО?

Ресницы были опущены еще ниже. Голос звучал еще спокойнее. Я услышал:

Г1: В смысле – интимная близость.

(Довлатов 2000б, 368)

Эвфемистическое значение могут принимать и профессионализмы (см., напр., комментарий к пр. 4.50). В силу того, что эвфемистичность значения – величина переменная, то есть обусловленная большей частью ситуативно, эвфемистическая тактика не всегда может быть установлена с уверенностью. Кроме того, 'эвфемистическое' намерение говорящего может оставаться латентным (частично или полностью неосознанным) и для него самого.

⁵⁶ Ср. комментарий культуролога: "Символично и название программы. Вместо четкого тематического девиза («Итоги», «Национальный интерес», и т.п.) «это» – обиняк из стыдливого обихода младших школьников и их благопристойных родителей, а также местоимение, заменяющее любое существительное в пустой или склеротизированной речи. «Это» – речевая универсалия стыда и бессмыслицы" (Чередниченко 1999, 79). Ср. также мнение Падучевой 1982в (76) о функционировании слова *это*: "его функционирование в одних конструкциях как бы отбрасывает тень на другие, так что в результате слово имеет не только уникальный набор синтаксических функций, не повторяемый больше ни в каком слове, но и некоторые уникальные функции, не выполняемые никаким другим словом".

5.2.2. Аллюзии и цитаты

Под аллюзией понимается

одна из стилистических фигур художественной, ораторской и разговорной речи: намек на реальный, политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным.

(Демина 2000, 67)

В Демина 2000 среди вербальных аллюзий выделяет следующие:

- 1) аллюзии, основанные на названиях фильмов, песен, а также на популярных мелодиях (в телевизионной рекламе);
- 2) аллюзии, основанные на использовании имен известных личностей;
- 3) аллюзии, построенные на высказываниях известных людей; приводимых в виде цитат;
- 4) аллюзии, основанные на трансформации фразеологических единиц, известных высказываний, устойчивых сочетаний (там же, 67 и сл.).

При цитате речь идет о буквальном воспроизведении чужого текста. Успех цитаты основывается на авторитете цитируемого автора, который, как правило, превышает авторитет непосредственных участников диалога. Таким образом, цитирующий говорящий повышает аргументативность своего высказывания. Неслучайно, существует мнение, что корректный спор в некоторых речевых жанрах предполагает отказ от цитирования. В этом случае цитата – показатель не общей культуры цитирующего, а, скорее, его коммуникативного бессилия, неспособности доказать свою мысль самостоятельными речевыми действиями и логическими выкладками. Чем выше авторитет автора цитаты у ее адресата, тем больше перлокутивный успех РА, ее содержащего.

4.112

Г1 и Г2 = два друга на поминках общего друга; Г2 (= известный писатель) прибыл с опозданием.

Г1: Как звезда появляешься – последним? *Быть знаменитым – некрасиво, не это поднимает ввысь...*

Г2: Мы с другом ехали с дачи, Гриша, не сердись, не кори Пастернаком.
(Семенов 1984, 450-451)

Цитируются начальные строки одного из стихотворений последней книги стихов Бориса Пастернака "Когда разгуляется". Пунктуация автора:

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива [...]

Успешное использование аллюзий и цитат предполагает их знание адресатом (авторство, референт, условия применения, для аллюзии – также значение стилистической фигуры). Если говорящий не уверен в таком знании адресата,

он должен ввести данную информацию. В противном случае, его высказывание терпит КН.

4.113

Г1: Там никто никого не трогает, к примеру скины – ну, нацисты, они если где реперов увидят, избыют. А там только глянут – и иди дальше.

Г2: *Водяное перемирие?* – уточняю я, вспоминая "Маугли". Помните, самые разные звери консолидировались в момент, когда возникала угроза выживанию из-за великой суши.

Г3: Почему водяное? – хмурит брови рослый парень, которого называют Вайт. – Вещевое. Туда люди приезжают за прикидом, там специальная точка, можно найти вещи, которые не продаются больше нигде.

(Ог 25/1996, 40)

КН-фактор – аллюзия-перевод *Water Truce* из "Второй книги джунглей" Р. Кипплинга (J. R. Kipling, "The Second Jungle Book").

4.114

Г1: А где же наш диссертант-то?

Г2: За руководителем поехал.

Г1: *За генералом, так сказать?*

Не поняли.

Г2: За каким генералом?

Г1: Ну, за руководителем-то... Я имею в виду Чехова.

(Шукшин 1999, 685)

КН-фактор – аллюзия с героем рассказа А. Чехова "Свадьба с генералом", имеющая значение 'авторитетный гость как символ социального престижа приглашающих'. Метакоммуникативный индикатор стилистической фигуры – *так сказать*.

4.115

Г1: Ну, а остальные старухи, вроде меня, стоят насмерть: такую красоту губить! (1)
Состричь не долго – и станет, как эти... *"прокладки с крылышками"*. (2)

Г2: Кто-кто? (3)

Г1: Да, эти, из телевизора, все на одно лицо. Видеть их уже не могу с их вечными *"критическими днями"*. (4)

(Катерли 1999, 30)

Аллюзия с героинями телевизионного видеоролика, рекламирующими женские гигиенические прокладки.

Если в непосредственном диалоге цитирующий имеет возможность устранить КН, вызванную нераспознанной цитатой, то публицистический текст полностью 'отдан на откуп' читателю-адресату.

Тем не менее, подобное цитирование получило распространение в современной публицистике. В Сиротинина 1999 (10) отмечается, что в русскоязычных средствах массовой информации последних лет прием цитирования все чаще "используют без оглядки на возможности понимания этих аллюзий и цитат массовым адресатом". Такое цитирование нарушает максимум манеры

речи. Тот же автор приводит пример, который хорошо иллюстрирует нарушение максимы уместности при использовании цитаты.

Часто используется в качестве заголовка Булгаковское "Аннушка уже пролила масло", но вряд ли, например, это удачный заголовок к информационной заметке об аварии вертолета из-за его перегрузки.
(там же, 10)

Неуместность цитаты, точнее, несоответствие ее первоначального смысла конкретной ситуации, восходящее, возможно, к незнанию этого смысла говорящим, также приводит к КН.

4.116

Г2: Я сам люблю комедии...

Г1: *В здоровом теле – здоровый дух*, – согласился Отец Невесты. Чем больше наглед Жених, тем активнее заискивали перед ним Невеста, Отец Невесты, Мать [...]

Г2: А при чем тут тело? – строго спросил Жених.

Г1: Я в том смысле, что я тоже кино уважаю.

Г2: Надо бы выбирать выражения.

(Шукшин 1999, 72)

Переведенная на русский язык цитата из латинского *Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano* древнеримского поэта-сатирика Ювенала (Сатиры, сатира 10, 356). Г1 не знаком в первоисточнике выражения и использует высказывание как крылатые слова, а не цитату. Г-му2, вероятно, неизвестно значение цитаты: ему не только не удастся ее интерпретация, но он даже считает, что нарушена максима уместности и такта. В результате КН между говорящими усиливается коммуникативный конфликт. Судя по комментарию автора, между коммуникативным поведением Г1 и Г2 увеличивается асимметрия: Г2 нарушает максиму доброго отношения.

Вместе с тем, можно считать КН и те случаи, когда автор, цитируя известные адресату строки, указывает источник. Избыточное указание на источник не только входит в противоречие с максимальной информативности (впустую расходуются речевые усилия говорящего и интерпретационные усилия адресата), но может нарушить и принцип вежливости (адресат может обидеться на заниженную оценку его литературных или общих знаний). Максиму информативности и принцип вежливости нельзя, однако, считать нарушенными, если речь идет о публичном диалоге, в котором говорящие ориентируются не столько на понятливость непосредственного собеседника, сколько именно на понятливость массового адресата.

4.117

Жанр: беседа для газеты; Г1 = журналист; Г2 = известный ученый-философ; тема беседы – современное моральное и психологическое состояние украинского общества

Г1: *Висока мета звеличує людину.* (1) Так сказав Шіллер. (2) Але де знайти таку середньому українцю. (3) Від чого залежить здатність перейматися маленькою метою? (4)

Г2: Як ви окреслите таку високу мету, яка була б спільною і для твердого традиціоналіста, і для людини з підвищеною чутливістю до чужих страждань та загостреною потребою до реформування суспільства? (5) [...] Щоб читати ту спадщину, яку ми називаємо словом "батьківщина", треба дуже багато знати, розуміти і відчувати, і в цьому розумінні я б приймав сьогодні великого романтика зорі ХІХ століття Шіллера. (6) В цьому сенсі вічним закликком залишиться його "Обніміться, мільйони", бо досягнення духу минулого можливе тільки через істину, добро и красу. (7)
(УК 244/1998, 4-5)

Указание на Шиллера в (2) избыточно, если принимать во внимание уровень компетенции непосредственного адресата цитаты – профессора философии, демонстрирующего в течение всей беседы диалога глубокие знания как отечественной, так и зарубежной литературы и философии. Его знание творчества Шиллера подтверждается далее (6) и (7). Поэтому (2) нужно интерпретировать как реплику, адресованную массовому читателю-неспециалисту. И в этом смысле она не только не избыточна, но и необходима.

В публичном диалоге правило указания на источник и авторство в интересах опосредованного адресата действует иногда так сильно, что непосредственные говорящие следуют этому правилу даже в тех случаях когда непосредственный адресат не испытывает в этом никакой необходимости.

4.118

Г1: Появилось новое стремление к авторитету, которое превратилось в стремление к авторитарности. В итоге авторитет из моральной величины превратился в просто величину.

Г2: По аналогии с названием известного романа: в *"величину без свойств"*.

Г1: Роберт Музиль в *"Человеке без свойств"* (неоконченный роман создавался в 1930-1940-х годах) думал прежде всего о человеке из толпы.

(Чередниченко 1999, 198-199)

Очевидно, что указание и автора и произведения, производится не столько в интересах компетентных участников диалога, и, тем более не Г2, использующего аллюзию, но в интересах культуры публичной речи.

5.2.3. Перифразы

Особенность перифразов как косвенного способа состоит в том, что в них для номинации явления используется не непосредственно относящееся к нему слово, а совокупность слов, описывающая свойства данного явления. КН как результат использования перифраза в Кукушкина 1998 объясняются как косвенная квалификация компонента. Перифраз, также как и метафора, используется говорящим из-за его характеризующей функции, ведь перифраз не столько называет явление, сколько, описывая, указывает на его характеристики. От метафоры и других тропов перифраз отличается тем, что при описании используются прямые значения. Прибегая к перифразу, т.е. актуализируя только некоторые характеристики явления, говорящий определяет свое отношение к нему. Таким образом, перифраз может служить для осуществления оценочного акта. Характерно, что использованием перифразов характеризуется не столько

повседневная устная речь (см. пр. 7.45), сколько публицистические жанры письменной речи. Вот характерный пример.

4.119

В контексте интервью бывших высокопоставленных чиновников (1) (известных высокими цифрами гонораров за писания для зарубежных издательств о приватизации в России (2)) – чиновников, которые, не успев освободить высокий кабинет (3), провозглашают, что "Россия никому не нужна", что мировое хозяйство сложилось без нее и без нее обойдется (4) (цитируются суждения бывшего главы Госкомимущества А. Коха (5), вызвавшие в конце ноября 1998 года скоротечный скандал (6), который заслонило убийство Галины Старовойтовой (7)), бедный Леня Голубков (8), помеченный и знаком МММ, и знаком ГКО (9), обманутый и предпринимателями, и государственными деятелями (10), становится символом российской державы (11). (Чередниченко 1999, 279)

Высказывание имеет синтаксически многосложную, полипредикативную, перенасыщенную смысловыми ответвлениями структуру. Можно выделить, по меньшей мере, 11 смысловых единиц. Части (1) – (7) – перифраз, он может быть сведен к эксплицитному в условиях безответственности и некомпетентности государственных органов.

Государственные органы персонифицируются в лице конкретного госчиновника А. Коха, однако персонификация референтно не идентифицируется. Остановлюсь только на КН-факторах возможной референциальной неудачи (неудачи, впрочем, провизорной, см. пункт 4):

1. Обобщение нарицательным существительным во множественном числе единичного лица в (1) – денотативная реализация референции вместо названия (ср. пр. 4.46);
2. Первая актуализация неназванного референта посредством реального исторического факта (2), не поддающаяся интерпретации без знания этого факта адресатом (фоновые знания); указание факта содержит, кроме того, многократную негативную оценку, выраженную, опять-таки, косвенно:

- 1) уничижительное *писание*, вместо нейтрального *написание*, *создание* – намек на невысокие литературские способности референта;
- 2) коннотация *высокими цифрами гонораров* – намек на меркантильность референта;
- 3) коннотация *для зарубежных издательств* – намек на непатриотичность референта;

3. Вторая актуализация неназванного референта посредством других исторических фактов в (3) и (4); соположение фактов в (3) и (4) в форме паратаксиса с деепричастным оборотом релевантно только для выражения негативной оценки описываемого поведения:

- 1) прагматически пресуппонируемое качество *государственного чиновника* – ответственность за положение дел в стране,
- 2) фоновые знания: эта страна – Россия,
- 3) вывод: государственный чиновник, еще вчера ответственный за состояние дел в России в силу своей должности, произнося фразы *Россия никому не нужна* и *мировое хозяйство без нее обойдется*, совершает акт саморазоблачения в собственной безответственности и некомпетентности, граничащими с преступным невыполнением своих прямых служебных обязанностей, как раз и заключающихся в том, чтобы интегрировать Россию в мировое хозяйство.

Необходимо отметить также, что в (1-4) негативная оценка усиливается: от личных моральных недостатков референта (меркантильность и непатриотичность) – к профессиональной и должностной непригодности, наносящей вред интересам государства.⁵⁷

4. Идентификация референта собственным именем происходит только в конце, после 'предсказывающих' референций в (1-3). При этом важно подчеркнуть, что идентифицирующая референция реализуется не как самооценный, необходимый для создания пропозиции акт, а косвенно – как выполнение правил цитирования (5).

Данный пример ярко иллюстрирует оценочную (в смысле аксиологической оценки), предикативную природу перифраза, когда перефразируется референт высказывания. Такой перифраз не может не вызывать трудности интерпретации референциального акта.

5.2.4. *Небуквальные значения*

В качестве следующего косвенного способа выражения выделяется использование небуквальных значений. Процесс интерпретации этих значений адресатом уподобляется поиску.

Not only the interpretation of irony, but also the interpretation of any type of "non-literal" language is said to follow the UNDERSTANDING IS SEARCH metaphor. The interpretation of metaphors also follows the search idea. Accordingly, hearers analyze new and unfamiliar metaphors by comparing the concepts they think hidden in the metaphor to the situation at hand. [...] there is no safeguard against the presence of several different understandings [...] sometimes, we don't "get it" right away or even at all. A nagging feeling may persist that something just did not fit. This perhaps happens when we do not know our interlocutors. In these cases, then, we try to reconstruct by looking for other meanings and may even follow the UNDERSTANDING IS SEARCH metaphor.
(Barbe 1995, 84-85)

В качестве факторов возникновения КН рассматриваются разные виды речевых фигур и примыкающая к ним ирония.

5.2.4.1. *Фигуры речи*

К фигурам речи, или тропам, относят: сравнение, эпитет, метонимию, синекдоху, иронию, эвфемизм, гиперболу, литоту, метафору, аллегория, а также их модификации – оксюморон, прозопопею, антономазию.⁵⁸ Понимание этих фигур в речи согласно Cater 1987 (60) проходит несколько стадий:

⁵⁷ Возрастание негатива, нагнетание разоблачительных фактов – это эффектный прием, в полной мере присущий современной публицистической речи в России.

⁵⁸ О различении и родстве разных видов тропов см., напр.: Телия 1977; Fraser 1979; Lakoff/Johnson 1980; Lyons 1977.

comprehension of figurative language can be conceived as proceeding in stages: recognition, classification, reconstruction, and interpretation. The first stage involves recognising that an utterance is figurative, that is, is not intended literally. It is variously suggested that semantic anomaly or pragmatic infelicity will serve for this purpose. Classification of the utterance as one or other of the figures is then required, because the appropriate strategy for reconstruction of intended meaning differs. Reconstruction then occurs, in which the literal meaning is transformed to a new, presumably felicitous, meaning; and finally this transformed meaning is comprehended as though it were the content of a literal utterance.

Эти четыре стадии автор выделяет применительно к диалогу с компьютером. Данные анализируемого материала не позволяют говорить о значимости первых двух фаз в понимании тропов. Узнавание тропов (recognition), как правило, не составляет проблемы в интеракции, участники которой обладают приблизительно равной языковой (установление семантической аномальности) и коммуникативной компетенцией (постулат релевантности). Классификация тропов в процессе речевосприятия, даже если и имеет место (это может происходить, если адресат – филолог), то носит латентный характер. Большой интерес для человеческого общения представляет фаза реконструкции и интерпретации тропов, ведущая к окончательному пониманию.

Как известно, смысловая структура тропов состоит из прямого (или буквального) и переносного (или фигурального) плана. Однако объяснение неудачного использования тропов, видимо, не следует искать в их двучленности. По мнению Есо 1995 (206) в процессе создания метафоры прямое значение не исчезает:

vielmehr wird der zweite Sinn gerade deshalb verstanden, weil man im Hintergrund die Bedeutung der ersten Zeichen-Funktion oder zumindest einen Aspekt von ihr präsent ist.

Вместе с тем, это не означает, что процесс понимания метафоры всегда стартует с регистрации прямого значения:

Die Feststellung, daß die konnotierte Bedeutung die wörtliche Bedeutung "voraussetzt", besagt nicht unbedingt, daß der Benutzer einer Metapher sich der wörtlichen Bedeutung bewußt sein muß, um die metaphorische zu erkennen, insbesondere, wenn es sich um bereits in den Alltagsgebrauch übergegangene Metaphers handelt.

(там же, 207)

Еще более категорично, ссылаясь на Davidson 1978, высказывается Barbe 1995 (85):

The idea that metaphors embodies duality seems to have such explanatory power: a metaphor has a literal and a figurative meaning. First, we check the literal meaning. If this meaning does not seem to fit, then we look for the figurative. But I am wary now of the validity of this explanation. Certainly, metaphors are powerful in eliciting interpretations. But is their power based on this duality? When readers or hearers encounter nonce metaphors, do they not immediately identify them as such? They do not first check the "literal" meaning and then the "figurative" meaning? They only check one meaning.

Barbe 1995 (87) считает спорным признание буквального смысла речевых фигур первичным или базовым, а переносного, соответственно, вторичным:

Explanations and descriptions of metaphors as well as irony evoke the dichotomy "literal" and "figurative". That is, metaphors as well as instances of irony are said to have an immediate, basic, or literal meaning, which is easily accessible and a remote or figurative meaning, which can be reconstructed. The figurative meaning is only accessible to a limited number of participants, while the literal meaning can be understood by all participants. But neither the ironic nor the literal meaning need any different (longer) processing time for comprehension.

Удачная интерпретация тропов, которые не входят в общий фонд, зависит, прежде всего, от фазы реконструкции: удастся ли адресату установить основание переноса, и/или подобрать второй член к уже имеющемуся (номинированному в РИ). На этой фазе, как будет показано на примерах, адресат может испытывать негативное влияние контекста.

Источником КН могут стать как разные виды тропов, так и их модификации. Можно предположить, что метафора становится источником КН чаще других видов. Это предположение основывается на том, что в метафоре, основанной на переносе по сходству или по контрасту, член тропа прямого плана полностью вытесняется членом плана переносного, тогда как в других тропах в той или форме присутствуют оба (а в сравнении даже оба названы). Адресату метафоры иногда бывает трудно, даже невозможно, установить связь между ее двумя членами для реконструкции глубинного смысла, так как эта связь не реальна, как, например, при метонимии, основанной на реальном сходстве. В метафоре связь существует только в сознании говорящего. Именно степень реальной связи между членами тропа, ее прозрачность предопределяет потенциальную неудачность метафоры.

В Арутюнова 1988 метафора и образное сравнение определяются как "мостик от дейктического к эксплицитному обозначению свойств" (64). Тот факт, что метафора передает значение "через отсылку к объектам действительности, рассматриваемым со стороны из свойств", сближает метафору с таким КН-фактором как признаковый дейксис. Метафора

в одно и то же время служит выделению некоторого общего для разных классов объектов свойства (часто комплексного) и целостной характеристике индивида, достигаемой дейксисом, указанием на модель другого класса.

(Арутюнова 1988, 64)

Метафора

4.120

Г1 = следователь; Г2 = молодой парень Юрко; ситуация – допрос; тема допроса – участие Г2 в подпольной революционной деятельности.

Г1: Ти що, лайдаку такий, ще з молоком на губах і вже граєшся з *вогнем*? (1)

Г2: З яким вогнем? (2) – спитав хлопець.

Г1: Ти мені не крути. (3) Знаєш, за віщо сидиш в тюрмі? (4)

Г2: Ні. (5)

(Козланюк 1965, 421)

Значение высказывания (1) – обвинение в противозаконной деятельности, реализованное с помощью фразеологизма. Но КН вызвана не использованием фразеологизма, а именно метафорой *вогень*. Это – узуальная метафора и вызывает КН не потому, что Г2 не понимает, по какому признаку осуществлен перенос, а потому что не находит (или, в случае симулятивной КН, – делает вид, что не находит) в своих действиях референт метафоры – член тропа прямого плана. Таким образом, Г2 дает понять, что он не совершил ничего, что могло бы быть противозаконным (= опасным как огонь).

Метонимия

4.121

Г1 – известный режиссер; Г2 – журналист; разговор происходит после киносъемки, в которой Г1 принимает участие как актер. Тема разговора: причина участия Г1 в съемке. Фоновая информация: Г1, один из немногих в России обладателей кинематографической премии "ОСКАР" и владелец киностудии. На момент разговора его часто критикуют в средствах массовой информации за заносчивость и использование в своих фильмах больших финансовых средств, в том числе госбюджетных, в то время как большинство государственных киностудий находятся в финансовом кризисе.

Г1: Просто проект интересный и компания хорошая. (1)

Г2: *Деньги* тоже хорошие? (2)

Г1: Что деньги? (3) А!.. (4) Вы контракт имеете в виду. (5) Не. (6) Без денег. (7)

(Ог 17/1996, 78)

Название перенесено с формы выражения оплаты за труд (*деньги*) на саму оплату. Данный перенос названия не только прозрачен, но и регулярен. Действительно, уже следующая реплика Г2 (5) правильно интерпретирует (2). Поэтому, представляется маловероятным, что Г2 совершенно искренен в своем первоначальном непонимании в РВ (3). Причину возможной симуляции (если исключить, что Г2 недослышал) можно объяснить некоторой тенденциозностью (см. фоновую информацию) и/или неуместностью вопроса о зарплате, нарушающего максимум такта.

Прозопопея (персонификация)

4.122

Г1 и Г2 – подруги, обсуждают красивые длинные волосы общей знакомой, которые та собирает стричь.

Г1: Ну, а остальные старухи, вроде меня, стоят насмерть: такую красоту губить! (1)

Состричь не долго – и станет, как эти... "прокладки с крылышками". (2)

Г2: Кто-кто? (3)

Г1: Да, эти, из телевизора, все на одно лицо. Видеть их уже не могу с их вечными "критическими днями". (4)

(Катерли 1999, 30)

Источником КН можно считать переплетение сразу трех текстуальных факторов, рассматривающихся в этой главе: 1) троп сравнение: героиня повести сравнивается с девушками из рекламных роликов; 2) троп прозопопея: название предмета (женских гигиенических прокладок) используется как название лиц (девушек, снятых в рекламных роликах); 3) цитата из рекламного ролика, см. комментарий к этому примеру в IV.5.2.2.

Использование некоторых тропов в нормальной речи имеет ограничения, пренебрежение которыми приводит к КН. Одним из таких ограничений является требование к однородности стиля, особенно значимое для некоторых ситуативных форм информативного диалога, напр., в официальном интервью или в кратком бытовом диалоге менее уместны тропы, характерные для интеллектуальной беседы, 'душевного' разговора (исключая, конечно, те из них, что вошли в ежедневное общение, конкурируя с прямым значением). Вследствие нарушения этого требования возникает, по мнению Кукушкиной 1998 (184), стилистическое "противоречие, которое вносит перенос в контекст":

выбранный прототип может достаточно точно актуализировать в сознании слушателя нужные признаки, но при этом вносить в текст повышенную эмоциональность, плохо совмещающуюся с задачами речевого жанра.

Поэтому источник таких КН следует искать не в самом переносе значения, а в его экспрессии. С этим связано еще одно требование, предъявляемое к использованию тропов, и облегчающее удачу на первой стадии – стадии узнавания. Квалификация компонентов с помощью тропов "должна быть подготовлена контекстом так, чтобы адресат сразу понял, что речь идет не о прямом значении" (там же, 185). Следующий пример иллюстрирует нарушения обоих требований.

Литота

4.123

Жанр диалога: беседа для газеты; Г1 – российская журналистка, Г2 – американский политолог; тема беседы – политическая и экономическая ситуация в России.

Г1: – А Кох ему дал такой вот "отпор": (1) "Это ваше дело – ловить и сажать жуликов. А раз вы их не поймали, мы будем продавать им собственность. (2) Они ведь дают наибольшую цену". (3) Хотя на самом-то деле распродавали Россию за *бесценок*. (4)

Г2: – ??? (5)

Г1: – Ну, я имею в виду, что в казну поступали гроши, а сколько там осело в карманах и в чьих именно, это только наши внуки, наверное, узнают. (5)

(ЛГ 9/2000, 4)

Можно предположить, что КН возникла уже на стадии узнавания. Непонимание последовало за использованием тропа преуменьшения *бесценок* в (4). Видимо, Г2 был неподготовлен к восприятию этой литоты, экспрессивность которой входит в противоречие с информативным жанром диалога. Реплика-устранение (5) также содержит литоту, хотя и с меньшей степенью преуменьшения – *гроши*. Стилистический контраст (4) проявляется несколько раз: 1) указанные литоты *бесценок* и *гроши*; 2) метонимия и пафос (вместо на самом деле подлежащего приватизации *государственного имущества* используется номинация *Россия*, имеющая коннотацию *огромные богатства*); 3) разговорное *жулики* вместо *преступники*. Стилистическое разнообразие текста прослеживается и на другом лексикологическом уровне: в одной из неприведенных во фрагменте реплик Г1 используются узко-специальный термин *дефолт* и жаргонизм *кинуть*.

Следующий пример иллюстрирует нарушение ограничений на использование в разговорной речи прозопопеи. Источник КН опять-таки состоит не в переносе значения, а в нарушении действующего для этого тропа требования оговоренности ирреальности, если олицетворяется нечто реально несуществующее, воображаемое. Ирреальность референта прозопопеи должна оговариваться в тексте частицей "бы" (ср. Кукушкина 1998, 213).

При описании воображаемого положения дел отсутствие указания на его вымышленность приводит к тому, что оно воспринимается адресатом как реальное.

(Кукушкина 1998, 214)

4.124

Г1: ...а из огня на тебя... какое-нибудь мурло смотрит. "Господи, – думаешь, да отстанете вы от меня когда-нибудь!"

Г2: Как это – смотрит? – не понял другой, усталый собеседник. – Мысленно, что ли?

Г1: Ну, насмотришься на них за день-то... Они и кажутся где попало...

(Шукшин 1999, 430)

Источником КН можно считать отсутствие указания на сравнение реальной ситуации с ирреальным миром *как бы*.

5.2.4.2. Ирония

Под иронией понимается выражение какого-либо смысла посредством значения, обратного подразумеваемому, использующееся зачастую для вежливой критики. В иронии говорящий намеренно нарушает максимум качества – говорит не то, что думает на самом деле. Рассмотрение иронии, как и других факторов,

в диалоге с КН должно быть расширено со стороны восприятия адресата. Вслед за Fish 1989 (181) за такое расширение высказывается Barbe 1995:

Even though irony is usually approached solely in terms of speaker intentions, I have tried to avoid this perspective. This is particularly so because 'irony is a risky business because one cannot at all be certain that readers [or hearers] will be directed to the ironic meaning one intends.

(Barbe 1995, 70)

Для восприятия иронии характерна задержка вербальной реакции адресата. Исследователи не едины в объяснении этой задержки.

In linguistic as well as in critical writings in literature, there is at least the tacit assumption that understanding of irony is a process which takes more time than the understanding of non-irony [...]. Gibbs (1986) calls this approach the *Standard Pragmatic Model*. This extra time, that is, an often noticeable pause, is usually explained in the following way: Hearers or readers notice that "something is not quite right in the context." Their attempt to reconstruct to reach the "correct" interpretation requires extra processing time.

(Barbe 1995, 82)

Сама Barbe 1995 (82-83) придерживается мнения, что указанная пауза используется адресатом не для декодировки ироничного высказывания, а для соответствующей перенастройки своего следующего речевого хода, зачастую также содержащего остроту, колкость.

The delayed response to ironic utterances is not due to hearers' longer processing time of the irony but is rather connected to the attempt to take his or her turn in the conversation. [...] irony can prevent or at least interrupt the turn-taking procedures. Hearers often think of the best retort to an ironic utterance long after the utterance has passed. [...] In contrast to nonce ironies, common ironies usually receive fast responses. This is obviously so because common ironies have been well-used, perhaps even abused.

(там же)

В интересах адресата нарушение максимы качества должно быть настолько явным и однозначным, чтобы у адресата не оставалось никакого сомнения в том, что имеется в виду прямо противоположное положение вещей. Именно в этой явности, прозрачности заключается условие удачности иронии. Эта явность достигается, в том числе, интонацией и мимикой: для того, чтобы быть распознанными, они должны быть неадекватными по серьезности – либо несерьезными, игривыми, либо чересчур серьезными.

Unfortunately, irony possesses no easily identifiable independent criteria. As much as we would like to find them, there are no signals that can be considered purely signals of irony. Admittedly, some utterances are understood as mildly ironic by a majority of hearers, in particular the common irony of *You're a fine friend!* or *You must be kidding!* Nevertheless, the search for unambiguous irony-criteria will ultimately fail, which is very unsatisfactory if not ironic in itself (Rorty 1989).

(Barbe 1995, 71)

4.125

Г1 = Князев; Г2 = молодой человек; Г1 и Г2 не знакомы; разговор происходит в общественном парке, где Г2, убежденный трезвенник, с неприязнью наблюдает как Г1 пьет алкогольный напиток.

Г1: *Вот и решена проблема свободного времени, – не без иронии сказал Князев, имея в виду бутылку.*

Г2: М-м? – не понял молодой человек.

Г1: *Все, оказывается, просто?*

Г2: Чего просто?

Г1: Ну, с проблемой свободного времени-то.

Молодой человек жевал, но внимательно слушал Князева.

Г2: Какого свободного времени?

Г1: Ну, шумят, спорят... А тут, – Князев показал глазами на оттопыренную полу пиджака, – *полная ясность.*

Молодой человек был приветлив и на редкость терпелив. Он не понимал, о чем говорит Князев, но нетерпения или раздражения какого-нибудь не выказал. Он с удовольствием ел и смотрел на Князева. Больше того, ему было приятно, что с ним говорят, – хотелось тоже поддержать разговор.

Г2: Кто спорит? – терпеливо и вежливо спросил он.

Князев жалел уже, что заговорил.

Г1: Ну, спорят: как проводить свободное время. А вам вот... все совершенно ясно.

Молодой человек и теперь не понял, но согласно кивнул головой. И сказал:

Г2: Да, да.

(Шукшин 1999, 659)

4.126

Г1 = российский журналист; Г2 = популярный украинский рокер.

Г1: Вы сами из Львова. Там, я слышал, очень страшно жить тем, кто говорит на русском, и все благодаря националисту Ющенко...

Г2: *Да, там убивают русских...*

Г1: То есть... Прямо по-настоящему?

Г2: То есть если ты десять минут говоришь по-русски, это терпимо, а если полчаса... Начинаются проблемы...

Г1: Шутите?

Г2: Ну так по крайней мере у вас на ОРТ говорят. А на самом деле...

(Ог 22/2001, 30)

4.127

В обед зазвонил телефон:

Г1: Это Алла. Митю не видели?

Г2: А, – говорю, – здравствуйте. Ну как?

Г1: *Гемоглобин – 200.*

Г2: Не понял.

Г1: Что за странные вопросы: "Ну как?"... Паршиво, как же еще...

(Довлатов 2000а, 241)

Ирония часто сочетается с другими прагматическими КН-факторами. Следующий пример – из газетной рецензии на книгу.

Ирония + цитата

4.128

История семьи на фоне. Главные персонажи Татьяны (*хорошее имя, а главное – редкое*), родные сестры, о чем не ведают ни они сами, ни окружающие. (ЛГ 8/1999, 12)

КН возможна в силу двух факторов: цитаты и иронии. Цитируется кинофильм "Ирония судьбы, или с легким паром!". Героиня фильма данной репликой оценивает имена избранниц своего сына – Галя и Надя, 'вышедшие из моды' в 70-е годы, когда создавался фильм. Имя Татьяна, редкое для девушки-дворянки во времена Пушкина, нельзя считать редким сегодня; более того – благодаря пушкинской героине оно стало символическим в русской культуре. По этой причине название главной героини романа этим именем – аллюзивно и претенциозно. Видимо, именно это вызывает иронию критика. Но если предположить, что читатель не знаком с упомянутым фильмом и/или русской литературой, он может не до конца вычислить имплицитный иронический смысл, и такая оценка распространенного имени *Татьяна* покажется ему неуместной.

Неудачными можно считать и те ироничные намеки, которые разоблачены адресатом. Разоблачение происходит, как правило, там, где речевое действие адресата не санкционировано: для того чтобы произвести его, он не обладает необходимым статусом.

Наконец, нужно заметить, что уместность иронии, как и других речевых тактик, относится к культурно-имманентным категориям. Естественно, что ироническое высказывание (даже стереотипное) из одного языка не всегда может быть буквально переведено на другой с тем же прагматическим эффектом, не всегда понято в нем как ирония. Показателен следующий пример немецко-французского несоответствия.

Ich habe einmal bei schlechtem Wetter ein kleines Experiment durchgeführt, indem ich in Frankreich gewissen Leuten sagte «Il fait beau aujourd'hui» und in Deutschland "Schönes Wetter heute". Die Franzosen haben immer gelächelt und gesagt: «Oui, magnifique», aber die Deutschen erwidern meistens "Nennen Sie das schön? Es ist doch Sauwetter!" Dies läßt sich m.E. so erklären, daß die Franzosen allgemein den Regeln freier gegenüberstehen als Deutsche. Ein Deutscher jedoch geht davon aus, daß man nicht gegen Regeln oder Gesetze, seien es auch nur Gesprächsregeln, verstößt: Ordnung muß sein. So kommt

man aber nicht so leicht auf den Gedanken, daß ein Grundsatz absichtlich durchbrochen wurde, um auf ironische Weise ein «Sous-entendu» mitzuteilen.
(de Pater 1983, 188-189)

Вряд ли можно согласиться с автором в части объяснения. Пример, скорее, доказывает не то, что на одном языке (здесь – немецком) иронизируют меньше, а на другом (французском) больше (для такого вывода необходимы обширные статистические данные), а только то, что ситуации иронизирования в разных языковых культурах могут не совпадать. Соответственно, одно и то же ироническое высказывание (даже стереотипное) имеет в разных языковых сообществах различные шансы на удачу.

5.2.5. Фразеологизмы

Обсуждая понятие внутренней формы в поэтической речи, Потебня 19976 (55-56) указывает на ее способность "возбуждать самое разнообразное содержание". Приводится пример загадки, иллюстрирующий понятие прагматической интерпретации фразеологизма:

Скромная загадка: "одно каже: світай боже", друге каже: "не дай боже", третє каже: "мені все одно" (окно, двери и сволок) – может вызвать мысль об отношении разных слоев народа к рассвету политической, нравственной научной идеи, и такое толкование будет ложно только в том случае, когда мы выдадим его за объективное значение загадки, а не за наше личное состояние, возбужденное загадкой.
(Потебня 19976, 56)

Удачный, с точки зрения поэтической и эстетической функции речи, фразеологизм может быть неудачным с точки зрения информативной функции. Неудачи, вызванные фразеологизмом, в диалоге дифференцируемы по степени связанности между компонентами фразеологизма. Так, для устойчивых фразеологических выражений и сочетаний велик риск быть неузнанными или неидентифицированными как таковые. Это КН неоднозначности – фразеологическому значению противостоит прямое буквальное значение. В этом смысле интерпретация фразеологизмов приближается, с одной стороны, к интерпретации тропов, с другой стороны – к интерпретации полисемичной лексики, то есть относится уже не к прагматическим, а к семантическим факторам.

4.129

Г1: Ну, ладно, раз уж ты такая идиотка, я делаю тебе предложение.

Г2: Какое предложение?

Г3: Ну, что значит "какое". Ты что, издеваешься? Я делаю тебе предложение. Выходи за меня замуж.

(кинофильм "Экипаж")

Для фразеологических сращений или идиом риск неузнавания практически не существует, однако их значение может быть неизвестно адресату. В этом случае речь идет о КН неясности.

4.130

Разговор за игрой в карты.

Г1: Тебе, Натусик, остается только *"горбатого"* влепить.

Г2: А что это значит?

Г1: Это значит засунуть в середку так, чтобы никто не заметил.

(Ог 31/2000, 61)

4.131

Летчик (= Г1) проходит комиссию, возглавляемую профессором медицины (= Г2).

Г1: Ну и как, товарищ профессор? *Не пора еще подковы сдирать?*

Г2: То есть?

Г1: Ну, это когда коняка старая отработает свое, пора на живодерку, с нее сначала подковы сдирают.

(кинофильм "Экипаж")

Именно потому, что интерпретация идиом и фразеологических единств в буквальном значении исключается, эта тактика используется для достижения комического эффекта.

4.132

Гусь (= Г1) пришел в магазин, продавец – свинья (= Г2).

Г1: Насыпьте мне грамм триста сахара.

Г2: У нас весов нет, можно я вам *на глаз насыплю?*

Г1: Себе на рыло насыпь, свинья паршивая!

(Анекдот)

V. РЕПЛИКИ-ВЫЯВЛЕНИЯ

1. Первичное значение реплик, выявляющих КН. Типология

Реплики-выявления (РВ) КН по своим характеристикам чрезвычайно разнообразны.⁵⁹ Кроме оговоренного в III.2 разделения на РВ непонимания и РВ гипотетического понимания, их можно характеризовать, исходя из иллокутивного типа. На основании этих двух критериев выделяются следующие типы РВ:

1) выявление КН неправильного понимания на основании некогерентности РИ и РВ. Естественно, что некогерентность устанавливается благодаря информации о ЗН Г1 и ЗН Г2. Так как при неправильном понимании ЗН Г1 и ЗН Г2 не совпадают, то не совпадают и оценки когерентности с позиции Г1 и Г2, а, иногда, – и с позиции наблюдателя;

2) выявление КН непонимания/гипотетического понимания с помощью констатаций. Прямое выявление осуществляется с помощью концептуального метакоммуникативного глагола *понимать*, его синонимов и дериватов: *Я не понимаю/Это непонятно/Я правильно понимаю?* и т.д. Это акты первичной оценки, т.е. оценки собственного ментального состояния понимания как результата интерпретационного акта. Косвенное выявление КН реализуется с помощью речевых актов вторичной оценки, т.е. оценки коммуникативно значимых признаков ИР (так или иначе связанных с первичным признаком – понятностью);

3) выявление КН непонимания/гипотетического понимания с помощью вопросов различных типов *О чем ты говоришь?/Что Вы имеете в виду?/Ты говоришь о...?* и т.д.;

4) выявление КН непонимания с помощью прямых и косвенных директивов к пояснению *Объясни/Нельзя ли подробнее?/А вот это тебе придется уточнить* и т.п.

Первый тип реплик, будучи неспецифической реакцией на РИ, не представляет интереса с точки зрения средств реализации. Это – 'самые обычные реплики', они не направлены на выявление КН.

⁵⁹ Единственным, известным мне опытом анализа РВ, является краткое перечисление способов, связанных с манифестацией неправильного понимания, предложенное в Humphreys-Jones 1987 (29 и сл.): "devices which relate to the manifestation and which involve other utterances. The manifestation can be competed, repeated, emphasized, amplified, explained, queried or refuted".

Поэтому внимание этой главы направлено на анализ специфических средств выявления непонимания и гипотетического понимания, то есть на типы (2)-(4).

Иллокутивная разнородность интересующих РВ непонимания/гипотетического понимания не должна заслонять их общее первичное диалогическое значение – значение выявления КН, иллокутивно 'вынуждающее' РУ. В этом отношении необходимо отметить принципиальную прагматическую синонимию между значениями различных иллокутивных формул "Я не понимаю", "О чем ты говоришь?" и "Объясни!". Эта синонимия основывается на императиве понимания (из максимы манифестации *Я не понимаю* выводится максима понятливости *Я должен понять*), действительном для речевых действий в условиях телеологической речевой деятельности. Более того, принцип кооперации в условиях нормального рационального общения предопределяет выведение императива устранения *Ты должен мне объяснить* (в директивах выраженного эксплицитно), и именно действие этого механизма гарантирует преодоление КН.

Тот факт, что все три иллокутивных типа РВ прагматически синонимичны обуславливает их полную взаимозаменяемость в качестве реакций на РИ. Это значит, что на один и тот же тип РИ может последовать любой из трех иллокутивных типов РВ. Типологическое различие их иллокутивной силы не означает, таким образом, принципиального прагматического и семантического различия. Но можно говорить о ситуативно-прагматических различиях, или приоритетах употребления. Функционально-семантический анализ РВ в этой главе направлен на прояснение вопроса о том, существуют ли определенные прагматические условия для приоритетного употребления того или иного типа РВ. Другая задача анализа – это попытка вывести закономерности следования между факторами КН в ИР и выделяемыми типами РВ. Наконец, там, где это позволяют примеры, типы РВ будут характеризоваться с точки зрения их эффективности, то есть с учетом перлокутивного акта. Конечно, речь может идти только об аппроксимативном решении всех трех задач: на основе имеющегося материала подчеркиваются некоторые тенденции употребления.

В самом грубом обобщении можно говорить о том, что для информативных жанров формального, институционального, публичного диалога характерны констатации непонимания, директивы к пояснению и оценочные акты, в то время как РВ-вопросы широко используются в праздноречевых жанрах, в бытовом диалоге.

Метакоммуникация – в зависимости от типа РВ – играет различную роль, и сама по себе может служить типоразличительным критерием. Более точная дифференциация диалогических форм возможна только с учетом семантики используемых для выявления КН средств, в том числе, метакоммуникативных.

2. Констатации КН

К констатациям КН непонимания относятся такие РВ, в которых для предикации используются глаголы понимания в метакоммуникативном значении (о рассматриваемом значении глагола см. VIII.2.4). В качестве концептуального служит глагол *понимать/розуміти*, его синонимы и дериваты. РВ состоит из отрицания (прямого или косвенного) и глагола *понимать*, описывающего ментальное состояние адресата, оценивающего результат собственной интерпретации РИ.

2.1. Исходная формула

Исходная формула РВ, констатирующих непонимание, содержит личную форму глагола первого лица единственного числа в настоящем или – от совершенной формы глаголы – в прошедшем времени: *Я не понимаю / Я не понял(а)* и *Я не розумію / Я не зрозумів (зрозуміла)* (об употреблении глагола в личной форме второго лица в РУ *Ты не понял* см. VII.3.). Для обоих языков характерно как использование настоящего, так и прошедшего времени; форма прошедшего времени незначительно преобладает.

5.1

Г1: Мы ведь все деньги, вырученные от продаж, сразу направляем в городской бюджет. Комитет по управлению имуществом на свои счета их не получает.

Г2: *Не поняла.*

Г1: Да, мы организуем продажу, но покупатель вносит деньги на бюджетные счета, а не наши.

(ЛГ 3-4/1998, 4)

5.2

Г1: Цікаво, як ви вгадали?

Г2: Не вгадав а згадав.

Г1: *Не розумію.*

Г2: Бачив вас у журналі мод.

(Загребельний 1979, 93)

Констатации способны выявлять непонимание, вызванное большинством факторов. Приоритетным же источником КН для выявлений-констатаций являются факторы пропозиционального и прагматического уровня, а именно, КН, возникающие вследствие небуквальных способов речевого употребления и КН, возникающие из-за неэксплицитных смыслов высказывания. Констатации непонимания широко используются и при симуляции КН (см. VII.1.2).

При гипотетическом понимании собственная интерпретация подвергается сомнению, и ее оценка реализуется косвенно – в условно-вопросительном модусе. Метакоммуникативный глагол понимания выполняет при этом не собственно-выявительную, а сопроводительную метакоммуникативную функцию.

5.3

Г1: Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Так сказал один знаменитый безбожник, сказал очень верно. Несколько самонадеянно, правда, ибо при жизни никто его за бога и не почитал.

Г2: Значит, *если я тебя правильно понял*, Бога нет?

Г1: Я сказал – нет. Теперь я скажу – да, есть.

(Шукшин 1999, 367)

Под влиянием ситуативных параметров и общекоммуникативных принципов в констатациях непонимания могут происходить различные 'отклонения' от исходной формулы. В качестве регулярных 'отклонений' здесь рассматриваются: максимальное/минимальное заполнение актантной структуры глагола, лексическое усиление/смягчение, модификации глагольной формы и не прямые констатации (оценочные акты).

2.1.1. *Заполнение актантной структуры глагола*

На заполнение актантной структуры глагола понимания воздействуют различные прагматические принципы, что может приводить к появлению в РВ вторичных значений. Номинация субъекта (= Г1), адресата (= Г2) и объекта (= ИР) при предикате, выраженном глаголом понимания, может объясняться требованием более высокого уровня вежливости в официальной обстановке.

5.4

Заседание суда; Г1 = государственный обвинитель; Г2 = обвиняемый.

Г1: А имел ли он основание считать, что вы его не выдадите?

Г2: *Я вас не понял.*

Г1: Вы не опасались, что Л. может вас подвести?

(СО, 523-524)

Если же дистанция между коммуникантами не велика, номинация субъекта и адресата в диалоге двух персон 'лицом к лицу' избыточна, не соответствует принципу экономии речевых усилий и, как правило, отсутствует, см. пр. 5.1, 5.2 (проявление солидарной вежливости). Акцентированный ввод этих актантов в приватном диалоге может подтолкнуть Г-го2 к поиску усложненного прагматического значения, например, предположить в интенции Г-го1 желание дистанцироваться.

2.1.2. *Лексическое усиление/ослабление исходной формулы*

Исходная формула может подвергаться модификации, когда Г2 пытается словами максимально точно определить меру своего непонимания. Это происходит при помощи различных средств, выражающих градуальное значение: кванторных местоимения, наречий, частиц, глагольных приставок. Усиление реализуется с помощью лексем с обобщающим, 'тотальным' значением (пр. 5.6). Категоричность же отрицания и 'прямота' исходной формулы может

ослабляться с помощью лексем со значением частичности (пр. 5.7) и неопределенности (пр. 5.8), то есть со значением, противоположным тотальному.

5.5

Г1: Пьеса из колхозной жизни, бьет по... – Вася заглянул в аннотацию. – Бьет по частно-собственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню [...]

Г2: Как это – из гущи? [...] Он что, алкаш?

Г3: Вася, помолчи, ради Бога! – Вера гневно смотрит на Ваську.

Г2: Но я *недопонимаю*: как это – вышел из гущи? Гуща – это когда пива на доньшке остается...

(Шукшин, 255-256)

Но гораздо чаще, как при усилении, так и при ослаблении констатации непонимания, речь идет не о буквальном (градуальном) значении, а о вторичном значении, обусловленном влиянием прагматических факторов, о языковой экспрессии.

5.6

Г1: Є тут тимчасовий оргкомітет, я його очолюю. (1) Вся кібернетика в моїх руках, всі корисні люди на замітці. (2) Так що ти не турбуйся і, коли тобі запропонують, бери все в свої руки! (3) А спитають мене – відрекомендую як належить! (4)

Г2: *Нічого не розумію*, (5) – зітхнув Карналь, – ти пропонуєш чи прийшов повідомити, що можуть запропонувати? (6) І що це за комітет у тебе в руках? (7)

Г1: І те, й друге, і третє! (8) Вважай, що я висловив офіційну пропозицію. (9)

(Загребельний 1979, 189)

Усиление реализуется с помощью 'тотального' кванторного местоимения *нічого*.

Нічого в (5) выражает не абсолютное непонимание Г2 (на самом деле у него сложилось несколько вариантов интерпретации), а эмоциональное раздражение манерой речи Г1 в (1-4), намеренно допускающего неопределенность на референциальном и неоднозначность на иллокутивном уровне.

Аналогично средствам, усиливающим непонимание, средства ослабления отражают действие коммуникативных принципов. С наибольшей уверенностью можно говорить о влиянии вежливости: Г2 выявляет КН, руководствуясь максимой такта. В то время как категоричное выявление непонимания может расцениваться как критика непонятности в РИ, смягченное выявление, наоборот, вуалирует критику в адрес Г1.

5.7

Разговор в государственном учреждении по прописке, Г1 = служащая; Г2 = посетитель; ситуация: Г2 просит о выполнении важной формальности, для которой Г1 обязана найти в компьютерной картотеке данные о Г1.

Г1: Не найти вас, – наконец-то произнесла она.

Г2: Извиняюсь, тут я *не совсем понимаю*, я с бестолковым взглядом уставился на нее. – Меня не надо искать, я здесь.

Г1: Я не слепая, – ответила она, не отрывая взгляда от стола.

Г2: Я имею в виду ваши акты. Их здесь нет.

(Яшин 1996, 90)

Г2, крайне заинтересованный в успешном исходе своего дела, тактично смягчает РВ. Смягчение реализуется отрицанием 'тотального' местоименного наречия: *не совсем*.

5.8

Разговор между двумя женщинами: пожилая (= Г1), чувствуя симпатию к молодой девушке (= Г2), решает дать ей полезный совет.

Г1: Тобі, певно, часто говорять про твою красу. А чи подумала ти, що вона означає для тебе?

Г2: *Я якось не розумію вас...* Поясни мені, будь ласка. Як мати, поясни. (Левада 1967, 259)

Смягчение реализуется кванторным неопределенным местоимением *якось*.

2.1.3. Модификации личной формы в прямых и косвенных констатациях непонимания

Указанная личная форма глагола (1-ое лицо ед.ч.) в рассматриваемых РВ не обязательна. Наибольший интерес представляют реплики, содержащие глагол-предикат в неопределенной форме в так называемых безличных конструкциях: *Тебя не понять; Как нужно понимать? и т.д.* Эти конструкции прагматически полисемичны, они имеют, по меньшей мере, две интерпретации. Первая синонимична *Я тебя не понимаю* и может распространяться в *Мне тебя не понять; Как я должен тебя понимать*. Вторая – это эллипсис обобщающих *Тебя вообще никому не понять; Тебя всем трудно понимать*. В последних высказываниях налицо обобщение непонимания адресатом: собственную непонятливость он подает как следствие объективной непонятности РИ. Последнее, кроме выражения первичного значения (выявление КН), несет дополнительную прагматическую нагрузку. Например, может свидетельствовать о том, что адресат всю 'вину' за КН перекладывает на говорящего. Если личная форма глагола, по крайней мере, косвенно бросает тень на коммуникативную компетенцию адресата (признание в своей непонятности), то неопределенная – на коммуникативную компетенцию говорящего (нарушение понятности). Употребляя неопределенную форму, адресат претендует на совпадение собственного коммуникативного восприятия с общим. Он может быть уверен в этом, например, когда нарушаются семантические пресуппозиции, общепринятые конвенции, здравый смысл.

5.9

Сцена между женой-домохозяйкой (= Г1) и мужем, преуспевающим адвокатом (= Г2). Г2 всегда вежлив с Г1, но уделяет ее крайне мало времени, имеет увлечения на стороне.

Контекст: Г1 приглашает Г2 отправиться отдыхать. Г2 отвечает, что еще должен поработать с документами клиентки, один из которых – заключение врача об избивении жены мужем.

Г1: (тоскливо) Как бы я хотела, чтобы ты меня хотя бы избил.

Г2: (возмущенно) *Это как понять?*

Г1: Как эротическую фантазию. Спокойной ночи.
(телесериал "Другая жизнь")

В бытовом диалоге неопределенная форма встречается крайне редко. Некоторым объяснением может служить тот факт, что в современном речевом общении за констатацией непонимания с неопределенной формой глагола закреплена не метакоммуникативная функция выражения лингвистического непонимания, а функция выражения экстралингвистического непонимания, т.е. непонимания мотивов поведения и т.п.

В публичном диалоге замена исходной формулы *Я тебя не понимаю* на конструкцию с глаголом в неопределенной форме *Тебя не понять/Как тебя понимать?* распространена более широко, что объясняется фактором третьего слушающего в диалоге, например, телевизионной аудитории. Усиление принципа понимания, часто наблюдающееся в информативном жанре публичного диалога с параметрами полилога, способствует употреблению безличных форм. Происходит раздвоение коммуникативного сознания адресата относительно принципа понятливости. В отдельных случаях это явление может эксплицироваться метакоммуникативно.

5.10

Беседа для газеты; Г1 = журналистка; Г2 = известный театральный режиссер; тема разговора: Пушкин в творчестве Г2, разговор происходит в год юбилея Пушкина.

Г1: Кама, этот сезон какой-то необычный для тебя. Твой ритм – один спектакль в два года. (1) И вдруг одна за другой три театральные премьеры и вслед телефильм. (2) Кроме "Комнаты смеха", все или о Пушкине, или пушкинское. (3) Не мне подозревать тебя в конъюнктуре, тем более в юбилейном раже. (4) Так почему? (5)

Г2: Просто наступает пора отдавать долги. (6) Возраст такой. (7) Потом, может, поздно будет... (8)

Г1: У тебя долги Пушкину или перед Пушкиным? (9)

Г2: Думаю, что каждый порхающий и что-то бякающий в пространстве русской культуры в долгу перед А.С. (10) Что касается до меня, то тут серьезный личный человеческий долг. (11)

Г1: Я догадываюсь, но другие не поймут. (12) Объяснись (13).

Г2: Двадцать с лишним лет назад, будучи очередной раз безработным и безденежным, я, дипломированный и известный в узких ленинградских кругах режиссер, всерьез решил распрощаться с профессией... (14)

(ЛГ 22/1999, 12)

Отношения между интерактантами доверительные (обращение на *ты*). Оба обладают очень высоким уровнем профессиональной и коммуникативной компетенции. Между тем, принцип понятности/понятливости в их речевых действиях имеет резко различные показатели. Коммуникативная программа Г2 (в том числе относительно рассматриваемого принципа) строится с учетом одного конкретного, хорошо знакомого адресата. Поэтому его речевое поведение носит черты устной спонтанной речи: короткие, эллиптические конструкции (7, 8), окказиональное и самоуничижительное употребление *порхающий*, *бякающий* о лицах (10), ненормативная синтаксическая контаминация *что касается до меня = что до меня + что касается меня* (11), а также конфиденциально-имплицитной речи (референт выражения *личный долг* не эксплицируется). Исходя из общих фоновых знаний и высокого уровня личной и профессиональной осведомленности Г1, Г2 вправе рассчитывать на понимание. И тем не менее Г1 требует объяснений. Это обусловлено ее коммуникативной программой, учитывающей тематически неподготовленную широкую аудиторию газеты. Именно в соответствии с

принципом понимания, ориентированным на интересы читателей, происходит на редкость эксплицитное выявление КН. (12) содержит прямое указание на разницу в компетенции непосредственного и опосредованного адресатов, за которым следует метакоммуникативный императив (13). Определенной 'ошибкой' Г1, благоприятствовавшей КН, можно считать выбор формы обращения на 'ты'. С одной стороны, эта форма соответствует реальным отношениям между коммуникантами, а также стремлению журналистки задать наиболее доверительный, искренний тон беседе. Однако, чем меньше задана дистанция между собеседниками, тем больше у них прав рассчитывать на общность фоновых знаний и равенство коммуникативной компетенции, что приводит к большей имплицитности речи.

Гораздо чаще отказ от личной формы глагола встречается не в прямых констатациях непонимания, а в косвенных, каковыми являются вопросы. Действительно, использование личного *я не понимаю* соотносится с непонятливостью адресата и характерно прежде всего для диалогов. В публичных же диалогах, адресат, будучи убежденным, что РИ непонятна не только ему одному, но и третьим лицам, часто прибегает к другим формам, отражающим не столько индивидуальную понятливость Г2, сколько объективную непонятность РИ. Для этого используются пассив и инфинитив.

5.11

Жанр диалога – интервью для газеты; Г1 = ученый-математик; Г2 = журналист.

Г1: Заказные работы бывают в основном по информатике, например, мы участвовали в большой программе Министерства образования "Университеты России", главная цель которой – информатизация высшей школы.

Г2: Что *понимается* под информатизацией?

Г1: Речь идет о компьютеризации процесса обучения в университетах, создании в них сетей, подключении к глобальной всемирной сети.

(ЛГ 11/2000, 7)

5.12

Полилог; Г1, Г2 = члены редакции партийной газеты; тема – публикация спорного письма.

Г1: Інше питання – чи підводить під цим ризику [...]

Г2: Ви сказали – інше питання, чи підводить під цим ризику. *Як це розуміти?*

Г1: Я розумію це так. Лист обласного управління слід надрукувати, але до нього додати розгорнутий виступ від редакції.

(Левада 1967, 344)

5.13

Полилог; разговор в органах государственной безопасности; Г1 = разведчик-перебежчик; Г2 = служащий органов.

Г1: На зустріч, де Еней повинен був цього разу познайомити з Кужілем мене, мали йти на цвинтар Д-3. Потім там стояло: пугу-пугу... На другий день після Преображення. Резервна зустріч: кожен понеділок з 23-2...

Г2: Поясніть, будь ласка, *як розуміти* всі ті умовності?

Г1: Які саме?

Г2: От наприклад, чекатиме на цвинтарі Д-3?

Г1: Село наше велике, має кілька кутків. Один з них Дубівка. Там цвинтар, могилки...

(Сичевський 1991, 159)

Безличная форма предпочитаются личной также в том случае, когда говорящему, действующему в интересах третьего слушающего, необходимо завуалировать нарушение условия искренности (впрочем, нарушение 'узаконенное' в публицистическом жанре) относительно собственного непонимания. Импликатура этих выявлений относительно понимания может быть расшифрована следующим образом: *Лично я понял, но кому-то другому может быть непонятно* (ср. пр. 5.10).

5.14

Телевизионное шоу; Г1 = герой передачи; Г2 = ведущий передачи.

Г1: Я попал по соседству с камерой Ленина. (1)

Г2: *Это как понять?* (2)

Г1: Ну, там Ленин сидел когда-то. (3)

Г2: Ага. (4)

(Ток-шоу Владимира Познера "Человек в маске" 16.01.1997, канал ОРТ)

Ведущий (Г2) уже до встречи с героем передачи (Г1) в эфире РВ ознакамливается с его историей, что позволяет с уверенностью предположить, что лично у Г-го2 РИ в (1) не вызывает интерпретационной проблемы. Его РВ (= 2) ориентирована только на интересы третьих слушающих.

Подобное влияние принципа понимания можно предполагать в целом ряде случаев публичных диалогов (ср. интерпретационные речевые акты, рассчитанные на аудиторию в Кобозева/Лауфер 1994, 66).

2.2. *Ложные констатации непонимания*

В II.3.5 было высказано предположение, что традиционно выделяемые формы *понимание, непонимание и неправильное понимание* в комбинационном квадрате должны быть дополнены типом *неправильное непонимание*: Г2 считает, что он не понял высказывание Г-го1, но сам Г1 считает, что Г2 неправильно оценивает свое ментальное состояние, то есть, что Г2, на самом деле, правильно понял высказывание Г-го1. Данное предположение находит отчасти свое подтверждение в так называемых ложных констатациях непонимания. В них Г2 заявляет о своем непонимании, но не ограничивается этим утверждением. Продолжение его реплики имплицитно подразумевает понимание РИ. Его негативная оценка выражает не столько лингвистическое непонимание, сколько непонимание экстралингвистическое: личную неуверенность, несогласие, возмущение, протест против положения вещей в ИР. Характерно, что РУ в таких диалогах когерентна не первой части РВ, в которой констатируется непонимание, а именно второй – оценочной – части.

5.15

Г1: Например, считается, что правительства, в которых работали Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко, были правыми, что они являются либералами. На словах – да. В политике – может быть. Но в экономике – судя по их реальным делам – это были популистские правительства. А, напротив, правительство Примакова, которое называют то "розовым", то "красным", при проведении реальной экономической политики ока-

залось гораздо более либеральным. Точнее – более либерально-консервативным. То есть более правым.

Г1: *Ничего не понимаю. Прямо ужас какой-то.*

Г2: Почему же? Давайте вспомним: кто занимался усилением сбора налогов.

(Ог 24/2001, 14-15)

3. Вопросы как РВ КН

Вопросы значительно преобладают среди других РВ в количественном отношении. Они используются для выявления КН, вызванных всеми типами КН-факторов. Поэтому целесообразен отдельный функционально-семантический анализ разнообразных формальных типов, учитывающий их синтаксические и лексические, в том числе, метакоммуникативные, признаки.

В качестве наиболее регулярных выделяются следующие типы:

– Невербальный вопрос

Интерактивные действия, реализованные без участия речи, способны выполнять самые разные коммуникативные функции.⁶⁰ Этот тип РВ целесообразно рассматривать наряду с вербальными реакциями, которым он адекватен по своему коммуникативному значению.

Среди вербальных вопросов различаются:

– Цитационный вопрос

Цитационные вопросы изучаются как эхо-вопросы, или вопросы-повторения. Повторения представляют собой одну из конститутивных особенностей диалога. В диалоге они осуществляют сцепление реплик между собой и способствуют когерентности. Повторяемые в РВ фрагменты РИ могут входить в состав всех типов вербальных вопросов. Особенность же выделяемых цитационных вопросов состоит в том, что они содержат только повторяемый фрагмент.

Остальные вопросы выявляют КН с помощью новых речевых единиц. Новых в том смысле, что Г2 прилагает дополнительные речевые усилия, а не пользуется готовыми единицами, произведенными Г1 в РИ (цитационный вопрос) или же вообще экономит на речи (невербальный вопрос). Предлагается разделить остальные вопросы согласно логическому противопоставлению восполняющих и уточняющих вопросов. Соответственно выделяются:

– Восполняющий вопрос;

– Интерпретирующий вопрос.

Это противопоставление не всегда терминологически соблюдается в лингвистических работах. Например, Гафт 1985 (111), анализируя промежуточные диалогические реакции, причисляет оба вида вопросов к уточняющим реакциям. Согласно автору, уточняющая реакция

⁶⁰ См. Unrath-Scharpenack 1999.

представляет собой запрос информации, объясняющей или уточняющей значение составляющей С, входящей в ИП РА.Х. Пропозиция РА.У-Уточнение содержит указание на то, какая именно составляющая выражена непонятно или не вполне понятно для У-а [...]⁶¹.

(там же)

Соответственно, среди примеров, приводимых в Гафт 1985 встречаются как действительно уточняющие (см. (2), (3), (4) в серии примеров автора 5.16), так и восполняющие вопросы (см. (1) и (5) в серии примеров 5.16):

5.16

- (1) РА.У: А что такое "фитониды"?
- (2) РА.У: Вы обращаетесь ко мне?
- (3) РА.Х: Дела придется сдать.
РА.У: Это приказ?
- (4) РА.Х: Плохо будет, если вы не справитесь в срок.
РА.У: Вы, кажется, угрожаете нам?
- (5) РА.Х: Меня тревожит судьба нашего общего друга.
РА.У: Кого вы имеете в виду?

(там же, 119)

Смешение восполняющих вопросов, т.е. вопросов, запрашивающих у Г1 автоэкспликацию (в том числе и уточнение) и собственно уточняющих, то есть содержащих уточнение Г-го2, не только противоречит логической традиции, но и затрудняет предлагаемое здесь разграничение между нулевым пониманием, или непониманием, при котором используются восполняющие вопросы и пониманием гипотетическим, при котором используются вопросы уточняющие.

Кроме того, реальные РВ зачастую представляют собой разнообразные сочетания перечисленных типов вопросов.

3.1. *Невербальный (мимический) вопрос*

Невербальное поведение может как сопровождать речевое выявление непонимания, так и выявлять непонимание самостоятельно⁶². Последнее возможно только при речевом общении 'лицом к лицу'. Постоянный визуальный контакт партнеров по интеракции позволяет им 'экономить' на словах и выиграть во времени. Наблюдение, сделанное в Harris 1987 (96) для интеракции человек-машина, справедливо и для интеракции человек-человек:

visual signals to indicate failure can be initiated by the listener while the speaker is still delivering the very word which caused the failure or which brought it to light.

⁶¹ Автор использует следующие обозначения: РА – речевой акт; ИП – информационный пакет; Х – партнер Х; У – партнер У; С – произвольное высказывание из ИП РА.Х или единство таких высказываний, например, информационное содержание некоторой функции РА.Х (см. Гафт 1985, 111).

⁶² О соотношении вербальных и невербальных действий в диалоге с КН см. также Sheely 1987.

Функцию выражения непонимания выполняют мимика и жесты. В современном общении на анализируемых языках непонимание обычно мимически выражается внезапным пристальным взглядом (ср. eye-gaze в Sheely 1987, 333), округлением глаз, поднятием или нахмуриванием бровей. В данных мимических жестах можно видеть, с одной стороны, спонтанное выражение отрицательной эмоции, вызванной препятствием в коммуникации, а, с другой стороны, интенциональное символическое действие (ср. Sheely 1987, 325). Семантическое значение нахмуривания бровей анализируется в Крейдлин 2002:

Отмечая семантические свойства мимического жеста **нахмурить брови**, Ч. Дарвин рассматривал его как выражение затруднений или неудовольствия кем-либо или чем-либо в потоке мыслей или в ходе выполнения каких-то действий⁶³ [...] **нахмуренные брови** связаны не с конкретными чувствами рассерженности или неудовольствия, "но отражают ментальное состояние человека, обеспокоенного тем, что он не может из-за какого-то неожиданного препятствия достичь желанной цели"⁶⁴ [...] Данная интерпретация жеста вполне совместима с тем, что нахмуренные брови являются манифестантом многих психологических состояний, таких, как гнетущее напряжение, раздражение, концентрация интеллектуальных усилий и внимания перед какой-то проблемой, затруднение в выполнении задания и под.

(Крейдлин 2002, 350; здесь и далее выделено автором; сноски – мои, Л. Г.)

Ясно, что в диалоге с КН это затруднение, эта проблема – непонимание Г2.

Семантическая сторона данных мимических жестов проявляется в том, что их значения не всегда совпадают в разных языковых культурах, а также в разные периоды развития одной языковой культуры. Например, негативной европейской реакции на препятствия противостоит позитивная японская:

Жест нахмуренные брови семантически противопоставлен улыбке [...] Японцы, напротив, встречают препятствия улыбкой – у них вообще нет такого жеста **нахмуренные брови**.

(там же)

И для мимики существенна категория вежливости. Внезапно зафиксированный, подчеркнуто внимательный взгляд выражает проблему понимания/интерпретации более вежливо, нежели недовольное нетерпеливое нахмуривание. При передаче разговора на письме мимический вопрос обозначается вопросительным знаком или сочетанием вопросительного и восклицательного знаков на месте отсутствующего вербального текста.

⁶³ Здесь автор ссылается на Darwin 1934, Л. Г.

⁶⁴ Указывается источник цитаты: Orton/Turner 1990, Л. Г.

5.17

Разговор двух подруг – Г1 и Г2 – об общей знакомой Л. Все трое – родом из села, но проживают в городе. Упомянутая в (4) сестра Г2 живет по соседству с Л.

(1) Г1: А як там Л.?

(2) Г2: Не знаю. Може, ще в селі, а може вже й приїхала. Я з ними вже два місяці не балакаю.

(3) Г1: ?

(4) Г2: Той, я хочу сказати, не бачились вже два місяці.

(СМ)

КН порождена употреблением глагола *балакати* (= *говорить, разговаривать*) в настоящем времени (2), которое в данном контексте может иметь два значения, различающиеся относительно намеренности/нечаянности действия. Прямому значению с коннотацией 'непреднамеренное отсутствие контакта между Г2 и Л'. противостоит фразеологизированное значение с коннотацией 'нежелание контакта со стороны Г2', что свидетельствовало бы о конфликте или ссоре между ними. Г1 выразила свое непонимание подчеркнуто любопытным взглядом, округлением глаз и поднятием бровей. Однако, сами эти мимемы тоже не однозначны, они могут выражать и удивление. Удивление же относится к оценочным реакциям, т.е. основывается, по крайней мере, на предположительном понимании. В данном случае Г1 могла понять и неправильно: предположить, что Г2 и Л. поссорились. В этом случае ее мимический вопрос следовало бы интерпретировать как вопрос о причине.

Молчаливое выражение непонимания используется не только в бытовых, но и в публичных диалогах. Нужно отметить, что в последнее время журналисты все чаще прибегают к этому – ранее не свойственному публицистическому стилю – способу выражения непонимания в диалоге. В этом можно видеть проявление общей тенденции к 'раскрепощению' жанра, проявление уже отмечавшегося размывания границ между официальным и разговорным стилем ведения диалога.⁶⁵

5.18

Беседа для газеты на тему американских инвестиций в России; Г1 = российская журналистка, Г2 = видный американский политолог.

(1) Г1: А Кох ему дал такой вот "отпор": "Это ваше дело – ловить и сажать жуликов. А раз вы их не поймали, мы будем продавать им собственность. Они ведь дают наибольшую цену". Хотя на самом-то деле распродавали Россию за бесценок.

(2) Г2: ???

(3) Г1: Ну, я имею в виду, что в казну поступали гроши, а сколько там осело в карманах и в чьих именно, это только наши внуки, наверное, узнают.

(ЛГ 9/2000, 4)

Прагматическая успешность молчаливого выявления зависит, прежде всего, от установки коммуникантов на понимание. Если оба заинтересованы в успешной коммуникации, молчаливый вопрос – оправданный способ экономии речевых усилий. Говорящему, действительно заинтересованному в понимании,

⁶⁵ Некоторые признаки смешения стилей в современном русском языке отмечены, напр., в Сиротинина 1999, Нечаева 1996.

достаточно и такого минимального знака для осуществления дальнейших шагов по устранению КН (эти случаи, однако, необходимо отличать от спровоцированного непонимания).

Если Г1 не заинтересован в коммуникативном сотрудничестве, то Г2, озвучивая свой вопрос, рискует не добиться от собеседника адекватного устранения КН. То есть молчаливое выявление может быть удачно, но неуспешно. В таких случаях Г2 имеет возможность добиться успеха (= устранения КН) только с помощью однозначного и настойчивого вопроса, после которого говорящий-инициатор КН просто-таки вынужден ее устранить. В противном случае на него ложится ответственность за коммуникативный сбой, за обрыв интеракции.

5.19

Отец, журналист (= Г1) беседует с сыновьями 14 и 11 лет (Г2 и Г3) о политике; разговор ведется с целью магнитофонной записи и последующей публикации в журнале на тему о детской политизации

- (1) Г1: Вы смотрите политические новости?
 - (2) Г2: Я нет.
 - (3) Г3: Если жду спортивные новости, тогда смотрю.
 - (4) Г1: А почему неинтересно их смотреть?
 - (5) Г3: Потому что это *отстой*.
 - (6) Г1: ?
 - (7) Г3: Потому что это неинтересно.
 - (8) Г2: Я не интересуюсь политикой. Это... следствие моего возраста.
- (Ог 36/1999, 16)

Речевое поведение Г1, с одной стороны, и Г2 и Г3, с другой стороны, в данном диалоге относительно принципа кооперации в целом не симметрично. Г1 заинтересован в динамичном, информативном диалоге, его вопросы конкретны и однозначны. Заданная жанром роль Г2 и Г3 – отвечать на вопросы. Пассивность этой роли, а также не принадлежащая к интересам сыновей тема разговора обуславливает некоторую некооперативность их поведения. Это находит выражение в неохотных, кратких ответах. Один из них (5) содержит новую слэнговую лексику *отстой* (ср. вошедшее в широкое употребление в 80-е гг. *застойный период* → *застой*), которая вызывает непонимание у Г1. Его реакция-выявление, однако, не вербализирована, что отчасти приводит к негативному перлокутивному эффекту. Г3 хоть и дает ответ (7), но это ответ стагнирующий: он тавтологичен вопросу Г1 (4), и развития темы не происходит. Таким образом, избранный способ выявления (невербализация вопроса) явился определенной тактической ошибкой Г1. Можно предположить, что вопрос типа: *Что означает слово отстой?* имел бы больше шансов заставить Г3 ясно выразить свою позицию. Как уже отмечено, Г2 и Г3 отвечают неохотно, но вряд ли бы пошли на явный коммуникативный конфликт.

Невербальный мимический вопрос не может быть удачным, если говорящий не в силах определить, что именно вызвало непонимание адресата. Для локализации источника КН обязательна контактность источника КН в ИР и РВ в линейном развитии речевого отрезка: единица, вызвавшая трудности понимания, располагается в конце реплики говорящего, непосредственно за ней следует мимический вопрос.

Как показывают примеры, мимический вопрос используется при факторах лексического (слэнговое *отстой*) и прагматического уровня (литота *бесценюк*, метонимия *Россия*, фразеологизированное имплицитное *не балакаю*). В следующем примере молчаливый вопрос выявляет трудности интерпретации, возникшие вследствие крайне неэксплицитного выражения смысла.

5.20

Тема – коррупция власти в России; Г1 – российский журналист, Г2 – известный американский деятель.

Г1: Вы верите, что после этого скандала Россия прозреет? (1)

Г2: Не в течение моей жизни. (2)

Г1: ? (3)

Г2: Мне 72-й год. (4) То есть в течение ближайшего десятка лет я не ожидаю в России даже медленных улучшений. (5)

(ЛГ 41/1999, 8)

Причина непонимания комплексна. Иллокуция реплики (2) была предопределена репликой (1): это должен был быть прямой положительный или отрицательный ответ. Однако Г2 избегает прямой субъективной модальности (*да/нет*) и дает имплицитный ответ. Это высказывание может быть интерпретировано эксплицитным: а) ограничительно-положительным ответом (*Да, но не в течение ближайших десяти лет*), б) условно-положительным ответом (*Если и да, то не в течение ближайших десяти лет*) и в) модализированным уступительно-отрицательным ответом (*Возможно и нет, по крайней мере, не в течение ближайших десяти лет*). Во-вторых, ответ содержит импликацию, для выведения которой необходимы как сведения о личности Г2 (возраст), так и сведения из общего фонда знаний (средняя продолжительность человеческой жизни). Как видно, Г2 предпочитает выразить непонимание, нежели приложить усилия по интерпретации этого прагматически сложного высказывания. Устранение КН в (4) и (5) – это экспликация реплики (2).

Как видно, выявление непонимания в форме невербального мимического вопроса возможно в любых видах диалога, но – по крайней мере в русской и украинской речевой культуре – все еще более характерно для неофициального. Предпосылки использования молчаливого вопроса – визуальный контакт и возможность говорящего самостоятельно установить причину неудачи. Такая возможность очевидна при неудачной номинации и чрезмерной имплицитности. Успех молчаливого вопроса во многом зависит от готовности коммуникантов к кооперации.

3.2. Цитационный вопрос

Кроме уже упомянутой организационно-структурной функции когерентности цитационные вопросы выполняют разнообразные коммуникативные функции. Цитационным вопросам и эхо-повторам в вопросах наиболее часто приписываются риторические функции и функцию страховки понимания (см. обзор проблематики в Freidhof 1994, 41 и сл.). Bazzanella 1992 дает краткую, но достаточно полную типологию функций реагирующих реплик, содержащих

повторы. Среди наиболее типичных называется функция вопроса при непонимании:

Repetition is used to "reverse" the direction of the question or the utterance, which has not been understood:

'What about the war?' (...) 'The war? Which war?'

(Bazzanella 1992, 288)

Эффективность вопрошающих повторов во многом определена величиной и семантикой повторяемого фрагмента. В случаях, когда повторение – единственное средство выявления, его эффективность достаточно ограничена и обусловлена следующим противоречием. С одной стороны, повтор максимально локализует проблему адресата, точно высвечивая элемент, нуждающийся в толковании, разъяснении, уточнении, дополнении. С другой стороны, повторение не эксплицирует, чем именно повторяемая единица вызвала трудности интерпретации или понимания. То есть сама РВ-повтор, будучи полифункциональной, может оказаться неоднозначной. Как правило, функция выявления непонимания пересекается с функцией выражения удивления или непонимания экстралингвистического. Проиллюстрирую различие этих двух функций на примере неудачи референциального акта.

5.21

Ситуация: показательный судебный процесс, Г1 – государственный обвинитель (Вышинский), Г2 – один из обвиняемых (Казakov), тема – покушения на советских деятелей.

(1) Г1: Скажите, пожалуйста, вашу формулу № 2, при помощи которой вы погубили Менжинского.

(2) Г2: *Формулу № 2?*

(3) Г1: Вот этот лизат печени.

(4) Г2: Лизат печени, необходимый при бронхиальной астме, при грудной жабе [...]

(СО, 531)

5.22

Ситуация: разговор за приготовлением завтрака; Г1 и Г2 – две подруги; Г1 насыпает в свою пиалу кукурузные и пшеничные хлопья, чтобы – как обычно – залить молоком, но, вспомнив, что забыла заварить чай, отставляет пиалу и берет чайник.

(1) Г1: Почему ты себе пшеничных не кладешь?

(2) Г2: Я их не люблю.

(3) Г1: Так, наливаю воды.

(4) Г2: *Воды?*

(5) Г1: Воды, на чай.

(СМ)

Сравнительный комментарий: значения реплики (2) в примере 5.21 и реплики (4) в примере 5.22 как выявления КН нетождественны. Реплика (2) из пр. 5.21 указывает на трудности адресата в соотнесении повторяемой единицы, т.е. интерпретируется однозначно как выявление адресатом референциальной неудачи и может быть метакоммуникативно распространена следующим образом: "Что Вы называете формулой № 2?". Реплика (4) из пр. 5.22 указывает на ошибку соотнесения между неречевым действием

(= приготовлением молочных хлопьев) и сопровождаемым его речевым действием (3), и может быть уточнена следующим образом: "Почему воды в хлопья?". (Эта неудача могла бы быть сведена в экстралингвистической, если бы Г1 действительно заливала хлопья водой.) Таким образом, значение этого повторения заключается не столько в непонимании, сколько в удивлении, вызванном неправильным пониманием. Разница между значениями сравниваемых реплик-повторений верифицируется и их различной референтностью. Можно утверждать, что повторение единицы, имеющей референт, однозначно интерпретируется как референциальная неудача только в том случае, если эта единица обладает непрозрачной референтностью. В данных контекстах референт выражения *формула № 2* не прозрачен, а референт выражения *вода* абсолютно прозрачен, следовательно, повторение *воды* нельзя интерпретировать как референциальную неудачу. Здесь проходит граница между повторениями-непониманиями и повторениями-удивлениями, возмущениями и т.п.

Другая особенность РВ-повторов связана с членением высказывания на тему и рему. В материале не встретилось примеров, где повторение самостоятельно используется для выявления непонимания, вызванного тематическим блоком высказывания. Повторяется, как правило, рематический блок.

5.23

Г1 = журналист; Г2 = голубевод; разговор о голубеводстве.

Г1: Але ж бачу – птиця у вас різномаста...

Г2: Так порода не завжди від масті залежить. Миколаївський голуб одномастий – червоний, сірий, сизий, з білим хвостом, іноді у нього в хвості симетрично розташовані рульові пір'їни іншого кольору. Хоча є в мене и багато перебитої птиці...

Г1: *Перебитої?*

Г2: Так голуб'ятники називають птицю нечистопорідну.

(СГ 37/2000, 2)

Источник КН – использование профессионального наименования.

Тот факт, что повторению более легко подвергается рема, а не тема высказывания, кажется естественным, так как говорящий исходит из того, что тема – это уже известная обоим информация.⁶⁶ Если же данная гипотеза говорящего ошибочна, и адресату не удастся понимание/интерпретация темы, то он для выявления КН на этом участке использует повторение в сочетании с различными вопросительными словами (пр. 5.24 и 5.25). Сочетание повторения с вопросительным словом уточняет функцию повторения, снимает неоднозначность (ср., с одной стороны, пр. 5.21 и 5.22 и, с другой стороны, пр. 5.24).

5.24

Г1: Я хотів довідатися, чи немає розбіжностей між публікацією и *вашою дисертацією*, яку ви надіслали Рему Івановічу?

Г2: *Дисертацією? Якою дисертацією?*

Г1: Це ж ви надіслали Рему Івановичу своє розв'язання теореми Ферма для ряду значень?

(Загребельний 1979, 157)

⁶⁶ Ср. мнение Москальской 1981 (49) о том, что "каждая новая тема должна быть названа полностью".

Источник КН – конкретная идентифицирующая референция *ваша дисертація* вместо необходимой, с точки зрения фонда знаний Г2, интродуктивной референции.

5.25

Г1 и Г2 = журналисты, беседа о книге, написанной Г1 на тему о психологии семейных отношений.

Г1: То есть заняться в первую очередь собой, своей жизнью, а не своими комплексами, не канючить: простите меня! *Мы* вообще не умеем заниматься собой.

Г2: *Кто мы?*

Г1: Русские люди. Мы продолжаем жить по Достоевскому. Продолжаем не любить себя.

(Ог 36/1999, 27)

Источник КН – неудача групповой идентифицирующей референции, осущетвленной с помощью личного местоимения.

Как показывают примеры, прерогатива 'эхо'-вопросов – это, прежде всего, выявление КН двух факторов: референциальной недоопределенности (см. пр. 5.21 и 5.24) и лексической неясности, точнее, неспособности Г2 вывести актуальное значение (узко-специальное или индивидуальное) определенной лексемы из известного ему общеупотребительного значения (см. пр. 5.23, 5.26, 5.30).

5.26

(1) Г1: Він там налагоднує роботу АСУ на металургійному.

(2) Г2: Наладнає, той наладнає! Академік обіцяв йому *щось*?

(3) Г1: *Обіцяв?* Не могу сказати.

(4) Г2: Ну, запрошував назад? Повернутися сюди просив? Кликав?

(Загребельний 1979, 170)

Повторение является достаточно нейтральной формой выявления КН, так как само по себе не проявляет отношение к категории вежливости. Для улучшения или ухудшения значения вежливости требуются дополнительные просодические (эмфаза), модальные, метакоммуникативные средства.

3.3. *Восполняющие вопросы*

С помощью восполняющих вопросов Г2 запрашивает информацию о компонентах РИ, недостающих ему для того, чтобы проинтерпретировать ИР. Восполняющим вопросам логически противопоставлены вопросы уточняющие, т.е. содержащие уточнение или осуществляющие выбор актуального значения из нескольких допустимых. В зависимости от уровня источника КН в ИР дальнейший анализ восполняющих вопросов предполагает разделение на три подвиды:

- денотативный запрос, нацеленный на восполнение лексической лакуны в коде Г2;
- пропозиционно-восполняющий вопрос;
- прагматико-интерпретационный запрос.

3.3.1. Денотативный запрос

Денотативный запрос следует за РИ, содержащими неясность на уровне лексической семантики (жаргонизмы, профессионализмы и т.д.). Проблема понимания возникает у слушающего потому, что он не знает узуального (прямого или переносного) значения определенной языковой единицы, то есть ему неизвестен денотат.

5.27

Г1: Одни торгуют в ларьках, а другие пасут богатых старух.

Г2: *Что значит: пасут?*

Г1: Женятся. И ждут, когда помрут.

(Ог 23/1997, 44)

Денотативные запросы метакоммуникативны по своей сути, независимо от того, участвуют в их оформлении метакоммуникативные единицы или нет. В глубинной структуре неметакоммуникативно оформленного вопроса возможна подстановка глагола *значит*. В этом смысле вопросы *Что за...?*; *Что (есть) это?* и *Что значит это?* – прагматически синонимичны, они все – денотативные. Денотативный запрос используется во всех диалогических жанрах.

Для того, чтобы денотативное разъяснение неясного компонента из РИ было удачно, вопрос должен содержать либо дейктическое *такое/таке* + повтор (пр. 5.28), либо его анафорическую замену местоимением *это/це* в контактной позиции с ИР (пр. 5.29), либо их комбинацию (пр. 5.30, 5.31). Если же неясность не будет недостаточно локализована, может возникнуть встречная КН (см. III.4.2.1.2.2), или же – в некоторых случаях – вопрос может быть истолкован как омонимичный ему общий переспрос-удивление *Что такое?!*

5.28

Г1: Уважаемые попутчицы по жизни! Извините, что беспокою вас. Вашему вниманию предлагаются колготы "Стрейч". У этого товара столько достоинств, плюсов, что обо всех нет ни времени, ни сил... А, зайньки?

Г2: А скажите, *что такое "Стрейч"?*

Г1: Ну как? Обтягивающие, наверное.

Г2: Ну, – вмешивается кавалер покупательницы. Можно подумать, есть еще колготки-галифе и колготки-клеш.

(ЛГ 4/2000, 5)

5.29

Г1: Там нас посадили на эсминец, командующий сказал, что с нами сделают "коробочку"...

Г2: *Что это?*

Г1: У них есть такой термин – ход по "квадрату".

(ЛГ 13/1999, 6)

5.30

Г1: Между прочим, статистические данные показывают, что никто из тех, кто имел высокий IQ, не достиг вершин в жизни. Даже тривиальный тест на зефир дает большую надежность в предсказании будущего успеха ребенка – в 90% случаев.

Г2: *Что за тест на зефир?*

Г1: Есть такой в психологии. Его проводили среди детей старшей группы детского сада. Перед ребенком ставят тарелку с одной зефиринкой и говорят: если ты не съешь зефир, пока тетя отлучится минут на десять, то получишь еще одни зефир...

(Ог 25/2001, 21)

5.31

Г1 и Г2 – муж и жена; контекст: Г2, балерина, сообщает Г-у 1 о том, что ее пригласили на работу в столичный театр.

Г1: *Ти поцікавилася умовами в Києві?*

Г2: *Умовами? А що це таке?*

(Загребельний 1979, 154-155)

Об оформлении косвенных денотативных запросов см. V.3.3.4.

3.3.2. *Пропозиционно-восполняющий вопрос*

Пропозиционно-восполняющие вопросы – это вопросы с вопросительными словами, поставленные к актантам глагола-предиката. Они следуют за ИР, которые с точки зрения адресата неполно осуществляют пропозициональный акт.

Восполняющие вопросы, оформляющиеся без метакоммуникации, представляют собой реплики, тесно связанные с инициальными репликами на структурно-синтаксическом уровне. Эта связность обуславливается прежде всего тем, что основу для своей структуры реплика-выявление заимствует у реплики-источника. При этом иногда реплика-выявление представляет собой комбинацию из вопросительного слова и повтора фрагмента реплики-источника, иногда эта комбинация дополняется новым компонентом, вписывающимся в эту структуру, в крайних случаях выявление состоит только из вопросительного слова. Этот последний вид является наиболее краткой разновидностью ситуативных эллипсисов и возникает в результате редуцирования элементов, нерелевантных для коммуникативной функции выявления. Усеченные конструкции вообще характерны для реплик-реакций, они могут быть осмыслены только в рамках всего диалогического единства. Максимальное усечение позволяет, с одной стороны, сэкономить речевые усилия, а, с другой стороны, сфокусировать внимание собеседника на наиболее важном.

Коммуникативная удачность самих реплик-выявлений, представленных только вопросительными словами зависит от их однозначности, а она основывается на полном синтаксическом согласовании вопросительного слова с единицей, вызвавшей трудности понимания/интерпретации. Вопросительные слова употребляются синтаксически симметрично.

3.3.2.1. *Вопросы к референции*

В качестве референциального запроса наиболее продуктивны вопросы: *Какой?/Який?; Кто?/Что?; Что/Какой ты имеешь в виду?/Що?/Який ти маєш на увазі?*. Они выявляют неудачное осуществление референциального акта и наце-

лены на идентификацию референта (предмета или лица). Восполняющие вопросы к референции *Какой?/Який?* нужно отличать от восполняющих вопросов, поставленных к признаку предмета или лица, то есть запрашивающих уточнение предикации *Каков/а он/она?*. В рассматриваемых здесь вопросах можно предполагать эллипсис метакоммуникативного вопроса *Какой/какого/какую... имеете/имеешь в виду?* и *Який/якого/яку маєте/маєш на увазі?*. Вопросительные местоименные прилагательные употребляются в этом значении как самостоятельно, так и в сочетании с повторением непонятого фрагмента РИ. Такие вопросы характерны для неудач номинационной референции. Зачастую одна лишь номинация оказывается недостаточной для удачной референциальной акции, возникает необходимость в других – уточняющих – средствах, выполняющих функции указания и/или обозначения.

Вопросы с вопросительными местоименными прилагательными *Какой?/Який?* используются для выявления КН номинационной референции, связанной как с употреблением нарицательного имени (см. пр. 5.32), так и собственного имени (см. пр. 5.33).

5.32

Г1 = Галя, Г2 = Трохименко; Г1 ожидает гостя по фамилии Трохименко, сообщившего о своем прибытии телеграммой. Г2 – однофамилец ожидаемого гостя, не подозревающий о существовании телеграммы.

Г1: Почекайте, але же ви товариш Трохименко? (1)

Г2: Трохименко. (2)

Г1: І телеграму ми одержали про вас? (3)

Г2: Яку телеграму? (3)

Г1: Ось цю! (Показує телеграму) (4)

(Левада 1967, 250-251)

Идентификация неудачна, так как номинация предмета, не введенного в круг референции Г2, оказывается недостаточной. Устранение КН (сужение области референта) обеспечивается указанием на находящийся в поле зрения интерактантов предмет.

5.33

Г1: Погорячей сделать? (1)

Г2: Ну, так, чтоб терпеть можно. Ты помнишь Михеева? (2)

Г1: Какого Михеева? (3)

Г2: Из потребсоюза Михеева... (4)

(Шукшин 1999, 401)

Идентифицирующая референция терпит неудачу в силу разного фонда знаний коммуникантов. Собственное имя не выполняет свойственную ему и планируемую Г-им2 номинативную функцию. Вопрос (3) сигнализирует о неспособности Г1 к соотношению имени. При этом маловероятно, что Г2 знает нескольких лиц, к которым приложима данная номинация. Вопрос *какой?* не означает, что Г1 знает несколько Михеевых. В таком случае употребляется гипотетический вопрос (*Михеева из потребсоюза?*) или альтернативный вопрос (*Михеева из потребсоюза или из...?*). Вопрос в (3) свидетельствует о том, что в оперативной памяти Г1 нет никого по имени Михеев (Г2 резко сменил тему разговора). КН устраняется, когда для уточнения референции к собственному имени добавляется актуализирующее указание.

Вопросы с *Какой/Який?* прагматически эквивалентны вопросам-цитатам неудачных фрагментов. В случаях такой эквивалентности первые более характерны для разговорной речи, а вторые – для официальной.

5.34

Г1 = "кандидат", филолог, приехавший с женой в родное село из города; Г2 = Глеб, житель села. Г2 известен в селе своей манерой задавать каверзные вопросы бывшим односельчанам, по его мнению, загордившимся горожанам-выскачкам. Контекст: Г2 интересуется местом работы Г1 и его жены, преподавателей университета.

(1) Г1: На филфаке.

(2) Г2: Философия?

(3) Г1: Не совсем... Ну, можно и так сказать.

(4) Г2: Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была философия. Он оживился.

(5) Г2: Ну и как насчет *первичности*?

(6) Г1: *Какой первичности?* – опять не понял кандидат.

(7) Г2: Первичности духа и материи.

(Шукшин 1999, 374)

КН референции связана с недостаточной актуализацией денотата – при имени *первичность* не заполнена валентность. Вопрос в (6) эквивалентен вопросу *Первичности чего?* Именно на него дается актуализирующий ответ-устранение КН (7).

Достаточно распространены вопросительные местоименные прилагательные и в выявлениях КН, вызванных употреблением тропов и фразеологизмов. Вопрос ставится к метафоризованному имени, когда адресату не удается установить связь между переносным и прямым значением.

5.35

Г1 = шофер академика (Мастроянні), Г2 = журналистка (Анастасія), получившая задание взять интервью у академика. Контекст: Г1 подвез Г2 и предупредил ее о возможной неудаче с интервью по причине большой занятости академика. Г2 крайне раздосадована неудачей

Г1: Я ж казав, (1) – зітхнув Мастроянні. – У нього на півроку наперед розписано кожну хвилину. (2) Куди вас тепер підвезти? (3)

Г2: Можете возити своє *повітря*! (4) – кидає йому обізлено Анастасія.

Г1: *Повітря?* (5) *Яке повітря?* (6)

Г2: Академика не возите – возить повітря. (7) Я люблю ходити пішки. (8)

(Загребельний 1979, 26)

5.36

Г1 = покупатель из села, Г2 = продавец в магазине районного центра.

Сергей долго любовался на сапожки, потом пощёлкал ногтем по стеклу прилавка, спросил весело:

Г1: Это сколько же такие *пипеточки* стоят? (1)

Г2: *Какие пипеточки?* (2)

(Шукшин 1999, 403)

Непонимание Г2 в (2) вызвано окказиональной метафорой в (1). Перенос значения, осуществленный между парой сапог и медицинским предметом – *пипеткой* (в уменьшительной форме), основывается, видимо, на признаке утонченности, имплицитующей красоты.

Другой продуктивный тип референциальных запросов представляют собой вопросы *кто?, что?* в значении местоимений-существительных. Их прерогативой является выявление референциальных КН, вызванных дейктическими и личными местоимениями.

5.37

Г1: А теперь *его* жалко.Г2: *Кого?* – не понял сосед.

Г1: Да вон его... в шляпе.

(Шукшин 1999, 422)

5.38

Г1: Праворуч, сказав до Фурмана Байда. – Паняй просто до входу в готель! Дивися, скільки їх понаїхало!

Г2: *Кого?* – перепитав Фурман.

Г1: Журналістів, кореспондентів, репортерів, хай їм біс...

(Сичевський 1991, 148)

Неудача идентифицирующей референции, осуществленной посредством необщепотребительных лексем также может быть выявлена вопросительным словом. В этом случае запрос референта это одновременно и денотативный запрос.

5.39

Г1: Ну, а че рассказывать-то. Ну, увидела объявление в газете, ну прочла. Сейчас таких объявлений тонны, ну, в смысле тысячи.

Г2: Угу.

Г1: Ну, так же прямо никто не скажет, что шляха нужна, а все – вежливо, красиво: мол, требуется эффектная молодая девушка для работы в странах ближнего и дальнего зарубежья, без знания языка. Тут даже *мурзилке* понятно.Г2: *Кому?*

Г1: Мурзилке. Мы так школьниц называем.

(кинофильм "Игра на чужом поле")

С помощью таких вопросов референциальные КН выявляются и тогда, когда акт референции не осуществляется вербально или осуществляется не полностью, например, в случае неноминативности. Вопросы ставятся к вообще не названным именам, что происходит, когда в интеракции 'лицом к лицу' функцию указательной референции перенимают жесты. Для этих вопросов возможно сочетание вопросительного местоимения с повторением фрагмента ИР, выражающим предикат.

5.40

(в комнате)

Г1: *Дай мне* вон ту красную (показывает нечетко, думая, что это очевидно)Г2: *Что? Что вам дать?*

Г1: Да вон книжку //

(из Ермакова/Земская 1993, 40)

5.41

Г1: Глянь ось на лампу. Бачиш?

Г2: *Що?* – не второпав юнак.

Г1: Бачиш, скільки комашок б'ється до світла?

(Козланюк 1965, 449)

Эти вопросы ставятся также к неноминированным актантам в предикативной структуре, подвергшейся эллиптическому сокращению. Направленность такого вопроса определяется тем, что он реализует синтаксическую валентность той единицы, которая, с точки зрения адресата, оказалась недостаточной для осуществления предикации.

5.42

Г1: А жена, думаешь, не причастна?

Г2: Нет, уверен. Просто прятали у нее, она не знала.

Г1: Н-да-а. – Начальник долго смотрел в окно. – Ну ладно. Спасибо. Не боишься?

Г2: *Чего?*

Г1: Ну... могут ведь прийти за этим. – Начальник показал глазами на товар. – Такими кусками не бросаются.

(Шукшин 1999, 27)

5.43

Артист А. Вертинский (= Г2) во время гражданской войны исполнил для белоармейского генерала Слащева (= Г1) свою песню "О мальчиках", в которой выразились пацифистские настроения. Начальная строфа: "Я не знаю зачем и кому это нужно, Кто послал их на смерть недрожавшей рукой..."

Г1: Вам не страшно? – неожиданно спросил он.

Г2: *Чего?*

Г1: Да вот, что все эти молодые жизни... псу под хвост! Для какой-то сволочи, которая на чемоданах сидит!

(Вертинский 1989, 12)

5.44

Г1: Скільки тобі? – несподівано спитала Анастасія.

Г2: *Чого?* – не зрозумів Іван.

Г1: Років.

Г2: Двадцять сімь.

(Загребельний 1979, 477)

5.45

Г1: Это его лучший труд с дарственной надписью.

Г2: *Кому?*

Г1: Ну, мне, конечно. Вот. Дорогому Карлу на добрую память.

(кинофильм "Тот самый Мюнхгаузен")

Данные вопросы относительно нейтральны по отношению к вежливости и без ограничения используются во всех диалогических жанрах.

Иногда Г1 фокусирует референт в ИР, но по какой-то причине не называет прямо, то есть осуществляется только ввод референта, но сам референциальный акт оказывается неполным. В силу того, что русский и украинский

языки – безартиклевые, эта тактика осуществляется и посредством кванторных лексем: *один, другой, некоторый, определенный* и др. В таких случаях в РВ, запрашивающих указание референта, продуктивно используется метакоммуникация, например, полный метакоммуникативный вопрос с конструкцией *иметь в виду*, запрос экземплификации *например* и др.

Неудача может объясняться недоосмысленностью конструкции самим говорящим, которому приходится доосмысливать и называть референт только после требования партнера в РВ.

5.46

Г1: И в то же время у нас нет общественно-правовых каналов, то есть каналов, которые бы были не под давлением власти, и издавались на общие деньги... скажем платили бы мы все определенный налог, а государство обеспечивало бы независимость такого телеканала *определенными способами*.

Г2: *Например, какими?*

Г1: Ну, назначили бы какую-то общественную комиссию, например, как у французов. (Ог 22/2001, 25)

5.47

Г1: У меня был такой опыт, да... если человек прожил в каком-то городе с перерывами 26 лет и не вынес оттуда ничего, – то это, наверное, просто пустой человек. А из Череповца между тем можно извлечь *хороший урок*.

Г2: *Например?*

Г1: Например! Череповец – как собственно и подобные ему индустриальные города, коих в нашей стране очень много, – в чем-то честный.... (Ог 23/2001, 56)

Иногда, однако, такая тактика граничит с манипулятивностью: говорящий провоцирует дальнейшее развитие диалога, а адресат не подозревает этого и производит искреннее выявление КН.

5.48

Г1 = экскурсовод в Пушкинском заповеднике в селе Михайловском; Г2 = один из экскурсантов.

Г1: Пушкин очень любил свою няню, – начал Довлатов. – Она рассказывала ему сказки и пела песни, а он сочинял для нее стихи. *Среди них есть всем известные*, Вы их наверное знаете наизусть. (1)

Г2: *Что вы имеете в виду?* – спросил кто-то робко. (2)

Г1: Ну, вот, например, это... "Ты жива еще, моя старушка?" (3) (Рейн 1995, 69)

Г1 подшутил над Г2 в (3), продекламировав стихотворение С. Есенина после того, как спровоцировал в (1) искренний вопрос (2) о стихах А. Пушкина.

3.3.2.2. Вопросы к предикации

Вопросительные местоименные наречия *Как?/Як?, Куда?/Куди?, Где?/Де?*, и др. выявляют различные семантические виды неполной предикации. КН в собственном смысле слова их можно считать лишь в том случае, когда в интенцию ИР Г1 входит желание 'окончательного' или исчерпывающего совер-

шения акта предикации, т.е. Г1 не допускает возможности возникновения КН на этом участке пропозиции. В противном случае нужно говорить о формирующейся интенции и провизорном акте предикации, и, следовательно, не о КН, а об обычном для 'нормального' диалога квантитивном развертывании речи. Как бесспорные КН идентифицируются те реплики, которые содержат кванторные местоимения и местоименные наречия.

5.49

Г1: Я все время хотела бы вот так жить, а не получается, – сказала Ольга.

Г2: *Как?* – не понял Петр.

Г1: Вот в такой уютной комнатке, одна, на краю города. Зимой, наверно, ветер за окном...

(Шукшин 1999, 36)

5.50

Г1: Меня тут некоторые знают, – предупредил Владимир Семеныч, – могут окликнуть... позвать куда-нибудь

Г2: *Куда позвать* – не поняла Валя.

Г1: В пивную. Не надо обращать внимания. Ноль внимания.

(Шукшин 1999, 685)

Источник КН – неопределенное местоимение *куда-нибудь*, использованное как эвфемизм.

Эти вопросы также ставятся к ситуативным эллипсисам при неэкспликации смысла, очевидного для Г1. И здесь вопрос также ставится к нереализованным синтаксическим валентностям единицы, оказавшейся недостаточной. Опять-таки, РВ может содержать не только вопросительное слово, но и фрагмент-повтор из ИР, осуществляющий сцепление реплик и фокусирующий проблему интерпретации.

5.51

Г1: Она лишила для вас приглашения.

Г2: *Приглашения? Куда?*

Г1: А на концерт. Сьогодні ж у театрі випускний концерт. Хіба не знаєте?

(Загребельний 1979, 142)

3.3.3. *Запрос интерпретации*

В интерпретационном вопросе речь идет о смысле "на данный случай" (Арутюнова 1988, 62).

Интерпретация должна ответить на вопросы: Что ты имеешь в виду? Что ты подразумеваешь? К чему ты это говоришь? и т.п.

(там же)

В интерпретационном запросе используются метакоммуникативные конструкции, их эллипсисы и синтагмы: *Что это значит?*, *То есть?*, *В смысле?*, *Как?*, *Что?*.

В целом, интерпретационные метакоммуникативные вопросы менее всех других восполняющих вопросов соотносятся с источником КН. У Г2 всегда может найтись повод сделать интерпретационный запрос с помощью универсальных метакоммуникативных синтагм и конструкций (см. VIII), именно поэтому такие вопросы очень часто используются фатически, для продолжения разговора, как ответный сигнал слушателя.

3.3.3.1. Вопросы: "Что это значит?", "В смысле?", "То есть?"

Сфера вопроса *Что это значит?* расширяется от выявления незнания значения отдельной лексической единицы (см. денотативный вопрос в V.3.3.1) до выявления интерпретационной проблемы, когда в состав группы предиката входит, например, оценочная или абстрактная лексема.

5.52

Г1: То як же виділяти тебе?

Г2: По-божому, тату, по-божому, – прокидається вдячність до батька, що несподівано все так легко йде. Гнат хреститься на образи, підходить ближче, але не сідає за стіл.

Г1: По-божому, кажеш? То що це значить? Є нас троє в родині, то й будемо все паювати на три частки?

Г2: Е, не так, батьку... – заперечує Гнат.

(Стельмах 19726, 344-345)

Фактор-источник КН – оценочная лексема *по-божому*. Однако речь идет не о ее системном семантическом значении, а о значении актуальном, прагматическом (у Г1 и Г2 разные эпистемологические представления).

5.53

Беседа для газеты; Г1 = скрипичный мастер; Г2 = журналистка; тема разговора – производство скрипок.

Г1: Именно Горохов научил меня делать скрипки. Он научил меня правильно к этому относиться – *реально*.

Г2: *И что это значит?*

Г1: Современная школа скрипичных мастеров предусматривает прежде всего изделие – качественное, добротное, из прекрасного материала...

(ЛГ 44/1998, 9)

Непонимание, вызванное оценочными лексемами также продуктивно выявляется с помощью метакоммуникативной синтагмы *В смысле?*:

5.54

Г1: [...] два абсолютно не пересекающихся мира: один внутри тебя, другой *реальный*.

Г2: *В каком смысле?*

Г1: То, как ты осмысливаешь каждодневные события жизни, то как ты о них думаешь, их переживаешь – не имеет ничего общего с тем, что происходит на самом деле.

(Ог 18/1999, 33)

5.55

Г1: Всякий уважающий себя канал считает своим долгом определиться с имиджем.

НТВ – информационный, ТВ-6 – молодежный, РТР – народный. ТВ-Центр-?..

Г2: Если нам удастся, мы хотим сделать *добрый* канал.

Г1: *В каком смысле?*

Г2: Сейчас, если посмотреть, очень много негатива в эфире. Люди от этого устали. Мы постараемся, чтобы позитива у нас было больше, чем на других каналах.
(МН 22/1997, 8)

Интерпретационные запросы *В смысле?* продуктивны и для выявления КН, вызванных лексико-синтаксической многозначностью.

5.56

Г1 = директриса ведомственного учреждения, одинокая, интересующаяся исключительно службой женщина; Г2 = секретарь Г1, внимательно следящая за модой.

Г1: Что теперь носят?

Г2: *В каком смысле?*

Г1: В смысле одежды.

(кинофильм "Служебный роман")

5.57

Г1 и Г2 = две подруги студентки, встретились в здании университета; Г1 интересуется целью прихода Г2.

Г1: У тебя что, что-то есть?

Г2: *В смысле?*

Г1: Занятия.

Г2: Нет, в библиотеку надо.

(СМ)

Источник КН – неопределенное местоимение *что-то* и многозначная конструкция *у тебя... есть*, которая в данной ситуации может интерпретироваться как: "Ты идешь на лекцию?", "У тебя встреча с преподавателем?", "У тебя ко мне дело" и т.д. и т.п.

Кроме оценочных лексем 'индивидуальная' семантика присуща перифразам, которые включают собственные имена, подразумевающие групповое, но не общее знание. Метакоммуникативный вопрос в таких случаях недостаточен. Для локализации источника КН используется сочетание с повтором. Сочетание характерно, в первую очередь, для публичных и официальных диалогов.

5.58

Заседание суда; Г1 = обвиняемый; Г2 = государственный обвинитель.

Г1: В одном из писем, полученных в 1 четверти 1937 г. *по линии Аркадия Павловича*.

Г2: *Что значит по линии Аркадия Павловича?*

Г1: Через его заграничную связь.

Г2: Через Розенгольца?

Г1: Да...

(СО, 228)

Интерпретационным запросом выявляется также КН, вызванная использованием небуквальных смыслов (фразеологизмов, метафор и т.д.).

5.59

Г1: Ну и как, товарищ профессор? Не пора еще *подковы сдирать?*

Г2: *То есть?*

Г1: Ну, это когда коньяка старая отработает свое, пора на живодерку, с нее сначала подковы сдирают.
(кинофильм "Экипаж")

5.60

Г1: Ну, Віро Михайлівно, – сказав він, легенько відстороняючись від обіймів Соколової, – давайте ми з вами зараз звідсіля підемо, а то ви такий *маяк над будинком засвітили*, що весь виселок может переполошиться.

Г2: *Про що ви говорите?* – стурбувалась Соколова.

Г1: Про дим в печі. Ходімо, поговоримо у мене вдома, а тут нам залишатися не можна.

(Собко 1963, 393)

5.61

Г1: Вы давно сидите, гражданка? – любезно обратился Аристарх к Вере Сергеевне.

Г2: Нет, я недавно. А вот вам... не знаю, *сколько сидеть придется*, – как-то значительно сказала Вера Сергеевна.

"Пассажиры" переглянулись.

Г1: *То есть?* – не понял Аристарх.

Г2: Я эти... путешествия с выпивками пресеку раз и навсегда, – опять зло и непонятно сказала Вера Сергеевна.

(Шукшин 1999, 111)

Источник непонимания – косвенная тактика намека, реализованная метафорически.

3.3.3.2. Вопрос "Как?" – метакоммуникативный эллипсис?

Наряду с РВ *Как?*, в которых *как* принято считать частицей (см. Шведова 1989, 261), широко распространены их варианты, включающие в состав интерпретационную частицу *то есть* и усиливающую частицу *это/то/це* (там же, 910), а также повтор фрагмента из ИР. В этих сочетаниях частица *то есть* возможна только в препозиции, а частица *это*, как и повтор, возможны и в постпозиции и в препозиции, однако постпозиция более характерна.

Рассматриваются варианты:

– *Как?/Як?* (см. пр. 5.64);

– *Как/як + это/то/це?* (см. пр. 5.66, 5.71);

– *Как/як + (это/то/це) + фрагмент из ИР?* (см. пр. 5.65, 5.67, 5.68, 5.69, 5.70).

Данные реплики нужно отличать от восполняющих вопросов о способе действия РВ с *как* – вопросительным наречием, в которых возможна замена *как* на *каким образом* (см. пр. 5.49 как восполняющий вопрос). В метакоммуникативных репликах такая замена невозможна. Вместо этого возможна замена на развернутую метакоммуникативную конструкцию *Как это понимать?/Як це розуміти?*

5.62

Г1: Я попал по соседству с камерой Ленина.

Г2: *Это как понять?*

Г1: Ну, там Ленин сидел когда-то.

Г2: Ага.

(телевизионное ток-шоу "Человек в маске" 16.01.1997, канал ОРТ)

Конструкция с глаголом может быть заменена без изменения выявительной функции реплики на *Это как (с камерой Ленина)?*

5.63

Г1: Інше питання – чи підводити під цим ризику [...]

Г2: Ви сказали – інше питання, чи підводити під цим ризику. *Як це розуміти?*

Г1: Я розумію це так. Лист обласного управління слід надрукувати [...]

(Левада 1967, 344)

Конструкция с глаголом может быть заменена без изменения выявительного значения реплики на *Це як – чи підводити під цим ризику?*

Возможность подстановки позволяет предположить в данных РВ – эллипсис полной конструкции с метакоммуникативным глаголом. В таком случае статус *как* смещается от частицы к вопросительному местоименному наречию, а статус *это* от усилительной частицы – к анафорическому местоимению.

Однако, разделение двух значений в рассматриваемых репликах не всегда возможно. Факторы, вызывающие непонимание, которое может быть выявлено репликами с *как*, относятся, как правило, к двум уровням – лексическому и предикационному: адресату не известно узуальное значение лексемы (денотативная неудача), вследствие чего ему не удастся интерпретация предикационного акта высказывания. В этом заложена двойственность значения *как* в РВ, которую можно эксплицировать следующей формулой: "Мне непонятно, какое свойство приписывается данному референту". Примеры множественны. Во всех из них РВ с *как* можно расщепить на два вопроса. Первый ставится к лексическому значению, и эксплицирует проблему интерпретации о причине семантического незнания. Второй вопрос ставится к предикации и эксплицирует проблему интерпретации по причине экстралингвистического незнания ситуации, описываемой в ИР.

5.64

Г1: [...] Его навели

Г2: *Как?* – не поняла Люся.

Г1: Старушатник. [...]

(Ог 23/1997, 44)

Метакоммуникативный денотативный вопрос – *Что значит жаргонизм (= как понимать слово) "навести"?*

Вопрос к предикации – *Каким образом наводят?* или *В чем заключается действие "навести"?*

5.65

Г1: Як тільки зниму, – Ляоня говорив про кулемет, який надіявся зняти з підбитого танка, – одразу тобі свисну чибісом...

Г2: *Як це чибісом?*

Г1: Ех ти, друг. Теж мені поет... Ну, просто свисну!

(Гончар 1978, 34)

Метакоммуникативный вопрос – *Что это значит?* Вопрос к предикации – *Каким образом свистят чибисы?*

5.66

Г1: Спорим.

Г2: Хи-хи-хи... Спорим. На что?

Хмырь секунду, две, три думал... И завернул:

Г1: На американку.

Г2: *Как это?*

Г1: Кто проиграет, тот... В общем, если я выпорю, я что хочу, то и делаю, если вы, то вы. – Тут хмырь, несколько ошалел от собственной дерзости...

(Шукшин 1999, 419)

Метакоммуникативный вопрос – *Что значит "на американку"?* Вопрос к предикации – *Каким образом играют на американку?*

5.67

Г1: А у меня никаких знакомств не было, я долго мучилась, пока в 1982 г. не прошл на конкурс оперных певцов в Тулузе. Однако, меня сняли прямо с трапа самолета.

Г2: *Как это, прямо с трапа?*

Г1: Ну, так говорится, а на деле утром мне надо было вылетать, а накануне вечером сказали, что я не еду...

(МН 38/1996, 24)

Метакоммуникативный вопрос: *Что значит фразеологизм "Снимать с трапа самолета"?* Вопрос к предикации – *Каким образом снимают "прямо с трапа"?*

5.68

Г1: Ти знаєш: мене запрошують до Києва.

Г2: *Як то – запрошують?*

Г1: Ну, до театру.

(Загребельний 1979, 154)

5.69

Г1: У него сразу 3 внуков появилось. Его дочка пошла на троих детей.

Г2: *Как это – пошла на троих детей?*

Г1: Вышла замуж. Муж – вдовец, трое детей.

(СМ)

Еще более сложно отличить *как*-непонимание от *как*-удивления. В вопросах – удивлениях *как/як* принято рассматривать в качестве усилительной частицы. В этом случае частица

уживається для вираження здивування, обурення тощо з приводу якоїсь якості, властивості, дії т.ін.

(СУМ2, т. 11, 632, ср. также Шведова 1989, 261)

Но удивление может быть вызвано именно непонятностью высказывания, обусловленной непониманием (= незнанием) причин положения дел, которое описывается пропозицией реплики-источника, а, точнее, – неспособностью

совместить положение дел, уже известное адресату с тем, которое описывается пропозицией в непонятной ИР. То есть и в этом непонимании можно видеть сочетание лингвистического и экстралингвистического.

Думаю, однако, что несмотря на всегда присутствующее в той или иной мере значение удивления в вопросах с *как*, можно достаточно уверенно говорить о неудаче, если выполняются два условия. Первое – перлокутивный эффект удивления не сознательно спровоцирован говорящим. Второе, реплика с *как* может быть распространена – без изменения выявительной функции – в реплики типа *Как (это) понимать?/Что(это) значит?*. Ясно, что последние реплики тоже могут выражать экстралингвистическое непонимание.

5.70

Г1: Ви щодня запізнюєтесь до свого академіка, – ошасливліює його розмовою Анастасія.

Г2: Так він же не їздить машиною.

Г1: *Як то – не їздить?*

Г2: Уже давно. Тільки пішки.

(Загребельний 1979, 25)

5.71

Г1: Иван, – заговорила Яга, – а ты как дурак-то – совсем, что ли, дурак?

Г2: *Как это?* – не понял Иван.

Г1: Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили?

(Шукшин 1999, 157)

Вопросы с *как?* достаточно эффективны, лишь изредка они могут вызвать встречную КН. Их использование незначительно зависит от ситуации, статусов говорящих, темы диалогов: они чаще встречаются в бытовых, непринужденных диалогах, но не исключаются и в официальных диалогах. Их употребление более предпочтительно между коммуникантами приблизительно одного статуса. Можно предположить, что их использование говорящим с более низким статусом, вызовет нежелательную коннотацию о его необоснованной претензии на фамильярность, т.е. произойдет нарушение принципа вежливости. Направленность вопроса достигается присоединением повтора-фрагмента из РИ. Функция такого дублирования отличается от функций повторений без вопросительного слова и без метакоммуникации. Она состоит только в сопровождении вопросительного слова, указании его соотнесенности (ср. с собственно выявительной функцией в цитационных вопросах в V.3.3.2).

3.3.3.3. Вопрос "Что?" как общий переспрос

Переспрос *что?/что?* относится ко всей ИР и выражает полную неспособность адресата проинтерпретировать ИР. Вопрос распространяется в метакоммуникативную конструкцию: русск. – *Что вы/ты сказали/сказал/сказала?* или *Что вы/ты говорите/говоришь?*, укр. – *Що ви/ти сказали/сказав/сказала, Що ви/ти кажете/говорите/кажеш/говориш?*. Область использования данных вопросов – неудачи на фонетическом уровне, а также неудачи пропозиционального уров-

ня, возникающие, как правило, как следствие контекстных и ситуативных эллипсисов, утрачивающих – в восприятии адресата – когерентность с контекстом и конситуацией.

Вопрос встречается во всех диалогических жанрах. Для официальных диалогов более вежливым следует считать полный метакоммуникативный вопрос с глагольной конструкцией. Краткий вопрос устанавливает более короткую дистанцию между собеседниками.

5.72

Г1: Его ожидает лагерь строгого режима. Я беседовал с адвокатом. Уже и подписку взяли...

Теппе говорил спокойно и просто. Как будто речь шла о заурядном положительном явлении. Я понизил голос, спросил доверительно и конспиративно.

Г2: Дело Солдатова?

Г1: *Что?* – не понял доктор.

Г2: Ваш сын – деятель эстонского возрождения?

Г1: Мой сын, – отчеканил Теппе, – фарцовщик и пьяница.

(Довлатов 2000а, 255)

5.73

Ольга вошла тихонько... Дверь на улицу была открыта. Петр не слышал, как она вошла. Она кашлянула. Петр вздрогнул, оглянулся... С минуту, наверно, смотрели друг на друга.

Г1: Ну? – спросил Петр.

Г2: *Что?*

Г1: Нагулялась?

(Шукшин 1999, 23)

Вопрос может подвергаться дубликации: *Что-что?*, *Що-що?*. Такой вопрос, однако, более регулярно используется для выражения вторичных значений. Повторы, как известно "являются следствием устного синтаксиса высокой экспрессивной нагруженности" (Винокур 1993б, 134). Благодаря этому они могут выполнять разнообразные экспрессивные функции (см., напр., Israeli 1997). В РВ повторяются чаще всего либо вопрос (*что-что, кому-кому*) к тому фрагменту из РИ, который, по мнению Г2, нарушает какой-либо из постулатов ПК, либо сам этот фрагмент (вследствие чего и можно говорить о *редупликации*).

В разговорной речи вопросы *Что?/Що?* замещаются просторечными диалектными вариантами. Напр., в русском языке – *Чего?*, *Че?*, в укр. – *Шо?* .

5.74

Г1: Да старику-то, если разобраться, на кой он, оркестр-то? – сказал рассказчик, хозяин бани.

Г2: А тебе?

Г1: *Чего?*

Г2: Тебе нужен?

Г1: И мне не нужен.

(Шукшин 1999, 426)

3.3.4. Косвенные восполняющие вопросы

Косвенные восполняющие запросы, а именно запросы в форме 'лексикологической оценки' в буквальном, а не ироническом смысле, больше характерны для публичного диалога. Они оформляются с помощью метакоммуникативных существительных (см. пр. 5.75). Такие оценки направлены, как правило, на разъяснение денотата необщепотребительных лексем.

5.75

Беседа для газеты; Г1 = специалист по геологии; Г2 = обозревательница газеты; тема: нефтяные ресурсы России.

Г1: Есть и второй отрицательный фактор, связанный с тем, что месторождения находятся на поздней стадии разработки, – падает его дебит.

Г2: *Термин*, похожий на бухгалтерский.

Г1: Дебит – показатель того, сколько нефти на одну скважину извлекают в сутки.

(ЛГ 11/2000, 5)

5.76

Беседа для газеты; Г1 = политик и государственный чиновник; Г2 = журналистка.

Г1: А сегодня у нас странный государственный уклад: считается, что жить без головы не просто нормально, но еще и удобно. И все потому, что в основе всего – фальшивый патриотизм.

Г2: Впервые слышу подобное *определение!*

Г1: Если все вокруг замарать грязью, то "свое" автоматически станет отличным. И так на всех уровнях... У меня другой принцип: все вокруг достойно права на существование. Но я приложу максимум усилий, мобилизую единомышленников, чтобы свое сделать лучше.

(ЛГ 24/1999, 13)

3.4. Интерпретирующие вопросы как выявление гипотетического понимания

Выявления гипотетического понимания реализуются с помощью интерпретирующих вопросов, страхующих понимание. Интерпретирующие вопросы относятся к модальным.⁶⁷ В логике интерпретирующим вопросам соответствуют уточняющие вопросы, которые, как известно, вводятся аксиологическими модальными операторами правильности типа *верно ли?*. В РВ оператор относится к самооценке понимания, т.е. его можно распространить в метакоммуникативную конструкцию с глаголом понимания *Верно ли я тебя понял, что...*, вводящую интерпретацию Г2. Полный уточняющий вопрос, то есть вопрос, содержащий модальный оператор правильности, в бытовом диалоге встречается редко, в официальном, публицистическом диалоге – чаще. Другие показатели интерпретации также могут отсутствовать. Большинство РВ гипотетического понимания – это усеченные уточняющие вопросы, содержащие только интерпретирующую часть. Для обозначения этих высказываний Кобозева/Лауфер 1994 пользуются термином интерпретирующие речевые акты

⁶⁷ О разделении вопросов на диктумные и модальные см., напр., в Балли 1955, 47-48.

(далее ИРА), под которыми понимают "реактивные реплики, выражающие понимание (интерпретацию) пропозиционального содержания предшествующей реплики собеседника" (там же, 64). В центре их внимания стоят модификации некоторых компонентов смысла, цель которых – "сделать смысл исходной реплики более ясным путем элиминирования «вуалирующих» слов [...], замен выражений с абстрактным значением [...]" (там же).

Метакоммуникативные единицы, индицирующие интерпретацию, общие для всех видов РВ, в уточняющих вопросах выполняют сопроводительную метакоммуникативную функцию – они вводят интерпретацию.

В Кобозева/Лауфер 1994 (65) выделяются следующие семантические типы "формальных показателей (дискурсивных маркеров)" интерпретации в русском языке:

- 1) показатели причинно-следственной связи реплики с контекстом: *значит, выходит, стало быть, итак, следовательно, таким образом, получается, что* и т.п.;
- 2) показатели тождества содержаний: *то есть, иначе говоря, иными словами;*
- 3) показатели резюмирования: *(одним) словом, короче говоря, воистину и т.п.;*
- 4) экспликация модуса интерпретируемого: *по-вашему, вы хотите сказать, вы считаете/предполагаете/думаете* и т.п.;
- 5) экспликация модуса интерпретатора: *если я вас правильно понял; из всего услышанного делаю вывод (см. выше);*
- 6) экспликация семиотического отношения между интерпретируемой репликой и ее смыслом: *это означает.*⁶⁸

Материалы позволяют дополнить это ряд следующими индикаторами РВ:

- *(а) именно/саме* как показатель тождества содержания (пр. 4.88);
- *правильно ли я понял* (пр. 6.29), *можно ли понимать/трактовать* (пр. 8.73) как экспликатор модуса Г2;
- *вы подразумеваете* как экспликатор модуса Г1 (пр. 8.74).

3.4.1. Состав уточняющих вопросов

Формально уточняющие вопросы можно разделять на простые и сложные. Простые вопросы представляют собой РВ, содержащие только одну гипотезу-интерпретацию, сложные – несколько допускаемых Г-им2 вариантов интерпретации. В зависимости от того, в какие логические отношения вступают между собой пропозиции гипотез, сложный уточняющий вопрос подразделяется на сложный объединительный вопрос (одновременно возможны все варианты интерпретации) и сложный разделительный вопрос (варианты интерпретации находятся во взаимоисключающих отношениях). Сложный вопрос не может

⁶⁸ Ср. дифференцированный семантико-синтаксический анализ метакоммуникативных индикаторов реформулировки в научных текстах на русском языке в Grimm 1999, 157-212.

быть рассмотрен вне прагматического аспекта: у Г1 и Г2 могут быть разные представления о том, в каких отношениях (строгой или нестрогой дизъюнкции) находятся гипотезы.

3.4.1.1. Простой уточняющий вопрос

Простой уточняющий вопрос представляет собой реформулировку, следствие или экспликацию импликатуры ИР, реализуемые в интеррогативном модусе.

В случае реформулировочного простого уточняющего вопроса речь идет о парафразе.

Die Sprechhandlungssequenz X des Sprechers A wird vom Sprecher B zunächst paraphrasiert, also dem Inhalt nach wiedergegeben. B bittet um die Bestätigung dafür, daß seine Paraphrase dem von A Gemeinten entspricht. Nach der Bestätigung beginnt er mit seiner eigenen Stellungnahme zur Äußerung A's: einer weiterführenden Frage, einer Argumentation usw.
(Pawłowski 1980, 72)

Как и в выявлениях непонимания, в РВ гипотетического понимания широко используются повторы. В числе основных интерактивных функций повторов Bazzanella 1992 (288) называет интерпретирующий вопрос с повтором: "Repetition is used as a request for clarification: 'I would like to watch', 'Watch? You mean, watch me?'".

Повтор может входить в состав уточняющего вопроса (5.77) или предварять его (5.78).

5.77

Г1: Какими чертами должен обладать Ваш избранник.

Г2: *Чертами* лица?

Г1: Не. Качествами личными – характера я имею в виду.

(телевизионное ток-шоу "Любовь с первого взгляда" 11.08.1996, канал ОРТ)

5.78

Г1 = овощевод; Г2 = журналист.

Г1: Сьогодні вода дорожча, ніж земля.

Г2: Ви поливаєте овочеві площі привозною водою?

Г1: Ні, вода сама тече на наші грядки, але за неї треба платити і немало.

Г2: *Як сама тече? У вас що – зрошувальні установки?* Це справді дуже дорого.

Г1: Не установки, а арики: через кожних два рядки посівів у нас на плантації прориті канавки, які, коли треба, наповнюються водою. Вода подається на поле трубопроводом, на що витрачається багато електроенергії, за яку потрібно платити.

(СГ 50/2000, 2)

Особый случай представляют собой РВ, включающие два модифицирующих оператора: оператор отрицания (*не*) и оператор модальности (*хотеть сказать*). Такая тактика, используется не только для функции выявления сомнений в правильности собственного понимания, но и для выражения вторичного оценочного значения этих РВ.

5.79

Г1 = ученый, доктор физико-математических наук; Г2 = ведущая телебеседы, доктор искусствования.

Г1: Тогда мы должны прийти к выводу, что тайна никогда не кончится, мы ее не можем познать в принципе. Она будет менять форму, но избавиться от нее мы не можем, потому что подойдя к решению какой-то загадки, вроде раскрыв то, что было тайным, мы тут же убеждаемся, что возникла новая, не менее интересная загадка, мы беремся за нее и т.д., и т.д. И поэтому тайна – это в принципе недостижимое знание.

Г2: *Не хотите ли вы сказать, что наука никогда не решит своих фундаментальных задач.*

Г1: Именно это я и хочу сказать.

(Чередниченко 1999, 168)

5.80

Жанр: беседа для газеты; Г1 = министр внутренних дел страны; Г2 = журналистка; тема беседы – работа органов внутренних дел страны.

Г1: У тому ж митному комітеті я отримував до 50 дзвінків щодня з проханням звільнити від податків, мита тощо. У зв'язку з цим виникало безліч конфліктів з тими, хто звик розпоряджатися грошима по телефону. Сьогодні кажуть, що такої ситуації там уже немає.

Г2: Що стосується "телефонного права", то я не настільки оптимістична. *Ви ж не хочете сказати, що і в МВС ви з ним не стискаєтесь?*

Г1: Саме це я і хочу сказати! Інколи, правда, депутати роблять спроби допомогти мені розставити кадри.

(УК 244/1998, 8)

3.4.1.2. Сложный уточняющий вопрос

Сложные уточняющие вопросы не однородны. В зависимости от типа отношений между частями сложного вопроса можно различать, по меньшей мере, три вида сложных уточняющих вопросов: объединительный, объединительно-разделительный и разделительный.

Объединительным считается вопрос, когда предлагаемые гипотезы дополняют друг друга, и могут быть подтверждены или опровержены только одновременно. Индикатор объединительного вопроса в репликах – перечисление.

5.81

Г1: [...] в стране есть 30 процентов населения, по целому ряду существенных признаков относящихся к среднему классу. Они имеют гораздо меньшие возможности, чем мидл-класс на Западе, зато удовлетворяют другим требованиям. Живут, повторю, главным образом за счет заработной платы, хотя доходы от предпринимательства тоже есть. Часто неучтенные.

Г2: Вы имеете в виду *врача*, занимающегося частной практикой в целях дополнительного заработка, *учителя* средней школы, имеющего частные уроки?..

Г1: Да-да. Все это так называемые "серые" деньги. (Я не говорю о "черных" деньгах, которые связаны с прямым нарушением закона.)

(ЛГ 17-18/1999, 6)

Источник КН – референциальная недоопределенность, вызванная номинальной группой с обобщающим значением *30 процентов населения*.

Объединительно-разделительным считается уточняющий вопрос, если гипотезы могут как дополнять, так и исключать друг друга.

5.82

G1: Эти движения будут всячески поддерживаться.

G2: Как – *материально, морально?*

G1: Это будет поддержка, я бы сказал, политико-технологическая.

(ЛГ 14/1999, 7)

Разделительный вопрос реализует альтернативный выбор. Строго говоря, альтернатива заложена уже и в простом уточняющем вопросе, так как и предлагаемой гипотезе противостоит возможность ее опровержения. Однако в сложном разделительном вопросе выбор эксплицируется в тексте реплики. Адресат не может произвести выбор и осуществляет выявление КН, перечисляя все (или наиболее) вероятные, с его точки зрения, возможности понимания/интерпретации. Тем самым, выбор, предоставляемый говорящему, расширяется: это уже не дилемма – подтверждение/опровержение гипотезы, а тройной выбор: 1) опровержение первого/подтверждение второго члена гипотетической альтернативы; 2) опровержение второго/подтверждение первого члена гипотетической альтернативы; 3) опровержение всей гипотетической альтернативы адресата.

Регулярным специфическим индикатором альтернативной гипотезы выступает союз *или* в русском языке и союзы *або, чи* – в украинском. В разговорной речи союз может быть опущен. Ведущаяся в лингвистике дискуссия о значении союза подтверждает необходимость разграничения семантического и прагматического компонентов в значении этого союза (ее подробное изложение см. в Kuße 1998, 223 и сл., 288 и сл., 450 и сл.). Падучева 1982а со ссылкой на Тарский 1918 отмечает,

что *или*, в отличие от логической дизъюнкции, означает не только то, что одна из возможностей имеет место, но и то, что говорящий не знает, какая именно. Однако этот компонент смысла легко выводится из коммуникативных постулатов. В самом деле, если бы говорящий знал, какая из альтернатив реализуется в действительности, он бы так и сказал... Если исходить из искренности намерений говорящего, остается допустить, что он этого не знает. Таким образом, компонент 'незнание' можно исключить из собственно смысла союза *или*.

(Падучева 1982а, 85-86)

К подобному заключению приходит и Kuße 1998: "Die Indizierung des Nicht-Wissens ist pragmatisch, am ehesten eine konversationelle Implikatur im Sinne von Grice" (Kuße 1998, 224). Итак, неизменное семантическое значение союза заключается в выборе (ср. Kuße, там же). Прагматическая же нагрузка союза может меняться.

В уточняющих вопросах, выявляющих гипотетическое понимание, союз *или/або/чи* имеет следующее иллокутивно-прагматическое значение 'искренняя неуверенность адресата ни в одной из альтернатив понимания/интерпретации + запрос к говорящему о восстановлении понимания'. Пресуппозиция 'искреннее незнание говорящего' имеет при этом важное значение, так как отношение к условию искренности является определяющим при интерпретации реплики как искреннего выявления или как симуляции КН (о симуляции КН см. VII.1.2.3).

Сложный вопрос выявляет неудачи самых разных уровней: лексического (системно-языковая полисемия – см. пр. 5.83, местоименная референция – см. пр. 5.84), синтаксического (эллипсис – см. пр. 5.86, 5.87), прагматического (импликатура – см. пр. 5.85).

5.83

Вот, говорят, будто бы Маргарита Терехова готова уйти в "женский МХАТ". Готова – это значит, она уже встретилась с Т. В. Дорониной *или* еще только готова?
(Ог 30/1995, 66)

5.84

Разговор на рынке; Г1 = журналистка; Г2 = Наталя, продавщица овощей; тема: сорт огурцов.

Г1: Що за сорт, Наталю [...]

Г2: Це Біанка, – охоче пояснює продавець. – Уже три роки ми вирощуємо цей сорт.

Г1: Ми – це *господарство чи теплиця?*

Г2: Та ні, – білозубо всміхається вона, – я представляю не сільгоспфірму, а наше з чоловіком підсобне господарство.

(СГ 33/2000, 2)

5.85

Г1: Можно я тебе что-то подарю?

Г2: Первый раз слышу, чтобы на подарок спрашивали разрешения.

Г1: Это необычный подарок. Так я не поняла – *дарить или не дарить.*

(СМ)

5.86

Г1 и Г2 = сестры; для химической завивки Г1 нужен специальный химический раствор.

Г1: Мне надо 'химию' купить. Помнится мне, правда, что оставалось у меня еще.

Г2: Нет.

Г1: Вроде оставалось еще.

Г2: Нет-нет.

Г1: Что нет? *Нет у меня или не будем 'химию' делать, а то – нет-нет.*

(СМ)

5.87

Г1 (= Шариков) отвечает на вопрос Г-го2 (= профессор, Филипп Филиппович) о том, что он читает.

Г1: Эту... как ее... Переписку Энгельса с этим... Как его – дьявола – с Каутским.

[...]Филипп Филиппович локти положил на стол, взгляделся в Шарикова и спросил:

Г2: Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного.

Шариков пожал плечами

Г1: Да не согласен я.

Г2: С кем? *С Энгельсом или с Каутским?*

Г1: С обоими, – ответил Шариков.
(Булгаков 2001, 160)

3.4.2. Частицы "что ли"/"чи що" в уточняющих вопросах – переход от простого уточняющего вопроса к сложному?

В уточняющих вопросах регулярно встречается составная нерасчлененная частица *что ли/чи що*.

5.88

Г1: А жена где сейчас?
Г2: Где работает, *что ли?* Там же в сельпе.
Г1: На работе сейчас?
Г2: На работе.
(Шукшин 1999, 530)

5.89

Г1: Как приехали-то? – спросил Фонякин.
Г2: В смысле – на чем, *что ли?* – не поняла Ольга. – На поезде.
Г1: Насовсем или в гости?
(Шукшин 1999, 39-40)

5.90

Г1 и Г2 = дедушка и бабушка девочки-подростка, собирающейся в гости.

Г1: Діду, піди сюди!
Г2: (неохотно, отрываясь от телевизора) Шо там таке?
Г1: Ти подивись, яку вона спідницю наділа!
Г2: Брудна, *чи що*.
Г1: Коли б тільки брудна! Коротка ж дуже. Люди засміють.
(СМ)

Составная частица сочетает два значения: вопроса и модальности (см РГ, т. 1, 726-727). Можно высказать предположение о рудиментарном оттенке союза в значении частицы, которое привносит часть *ли/чи*. Этимология *ли* – союза и частицы окончательно не разъяснена (ср., напр. ИЭССРЯ, 479). ТСЖВЯ 1914 (645) еще определяет *ли* только как союз с вопросительным значением или значением выбора. Современное же языкознание проводит четкую границу в статусе союза и частицы. РГ (т. 1, 730) не относит, например, частицу *ли* к разряду частиц-союзов, совмещающих в себе модальные значения со значениями связывающих слов. Использование союза *ли* (и сложения: *и + ли = или*; см. ЭСРЯ, т. 2, 127) и *чи* в альтернативных уточняющих вопросах обуславливает возможность его сопоставления с простой частицей *ли*. Сближение усиливается при использовании составной нерасчленяемой частицы *что ли*.

Вот некоторые модификации реплики выявления КН, произведенные над сконструированными примерами с идентичным текстом, аналогичными приведенным выше аутентичным примерам.

Русский язык

5.91

Г1: Холодает. Если пойдешь на прогулку, одевайся потеплее.

Г2: Нет.

- (а) Г1: Не пойдешь?
- (б) Г1: Не пойдешь, что ли?
- (в) Г1: Не пойдешь, или что?
- (г) Г1: Что нет – не пойдешь или думаешь, что тепло?

С одной стороны, не подлежит сомнению статус 'модальная частица' в реплике (б) и статус 'союз + вопросительное слово' в реплике (в). С другой стороны, этот ряд реплик с прагматическим значением вопроса, градуируется по оси от одночленной гипотезы к альтернативной (а-г).

Украинский язык

5.92

Г1: Холодніє. Коли підеш на прогулянку, одягайся тепліше.

Г2: Ні.

- (а) Г1: Не підеш?
- (б) Г1: Не підеш, чи що?
- (в) Г1: Не підеш чи гадаєш, що тепло?

Синтаксическая специфика и омонимия частицы и союза украинского *чи* укорачивает цепочку (а-в). Затрудняется сама идентификация как части речи – частица/союз.

Приведенные примеры позволяют, на мой взгляд, рассматривать уточняющие вопросы с частицами *что ли/чи що* как переходные от единичных гипотез к гипотезам альтернативным (особенно это касается украинского языка), не забывая, конечно, об их модальном значении.

3.4.3. Семантика интерпретирующих вопросов относительно ИР

Пропозициональное содержание РВ гипотетического понимания, в отличие от РВ непонимания, может быть подвергнуто семантическому анализу относительно ИР.

Единственный, известный мне, опыт такого анализа, выполненный на материале русского диалога, представляет собой семантическая классификация интерпретирующих речевых актов, предложенная в Кобозева/Лауфер 1994. Новизна предложенной авторами таксономии состоит в том, что семантические классы описываются с помощью прагматического концептуального аппарата (в терминах теории речевых актов): для каждого семантического типа формулируются прагматические условия успешности. В результате трех- и четырехступенчатого деления классификация ИРА принимает следующий вид (подтип пронумерован в скобках):

1. Меняющие смысл:
 - 1.1. Горизонтальные:
 - Договаривание (1);
 - Идентификация (2);
 - 1.2. Вертикальные:
 - Обобщение (3);
 - Конкретизация (4);
 2. Сохраняющие смысл:
 - 2.1. Синонимы:
 - Переименование (5);
 - Переструктурирование (6);
 - 2.2. Квазисинонимы:
 - 2.2.1. Информационный аспект:
 - Развертывание (7);
 - Сокращение (8);
 - 2.2.2. Мировоззренческий аспект:
 - Переосмысление (9);
 - 2.3. Переключатели оценки:
 - Сглаживание (10);
 - Заострение (11).
- (Кобозева/Лауфер 1994, 66)

Вследствие того, что для разделения на разных ступенях авторами используются различные семантические критерии, к тому же – с привлечением синтаксических признаков (каковые учитываются, например, в типах сокращение и развертывание), классификация не может удовлетворять требованиям строгости и последовательности. Один и тот же ИРА имеет несколько признаков, и, таким образом, может быть отнесен к нескольким типам. Предложенная авторами типология не может быть безоговорочно приложена к исследуемому материалу. В нем не встречаются или встречаются крайне редко такие категории, как сглаживание, развертывание. Непродуктивны в жанре бытового диалога обобщение, переосмысление. Кроме того, представляется спорным включение в семантическую типологию таких типов как переструктурирование и переименование. Первый отражает не семантический, а синтаксический признак ИРА⁶⁹, а второй соответствует, скорее, способу осуществления ИРА. Тем не менее, выделенные авторами признаки релевантны и для семантического анализа РВ гипотетического понимания, так как некоторые из них представляют собой универсальные категории интерпретации в речи.

Ниже представлены некоторые наиболее продуктивные типы ИРА в их зависимости от КН-фактора в ИР. В силу того, что они выделяются на основании различных признаков, выделенные типы не находятся между собой в

⁶⁹ Ср. вывод Grimm 1999 (276 и сл.) о том, что классификация парафраз должна производиться по трем признакам: семантико-лексическому, синтаксическому и функциональному.

иерархических отношениях. Кроме того, как это постоянно подчеркивается в классификациях подобного типа, "большинство реальных ИРА [...] – это комбинированные типы" (Кобозева/Лауфер 1994, 67)⁷⁰.

3.4.3.1. Договаривание

В отличие от трактовки в Кобозева/Лауфер 1994 (68) под договариванием здесь понимается реплика, не меняющая смысл ИРА, а эксплицирующая те его элементы, которые в ИРА остались неноминированными. РВ-уточняющее договаривание – это реакция на эллипсис в ИР. Договаривание добавляет смысловую информацию, подвергшуюся конденсации в ИР. Такая РВ – это вербализация со стороны Г2 того, что, с точки зрения Г1, представлялось очевидным (ср. восполняющие вопросы при непонимании в V.3.3).

5.93

Г1: Это газом ночью траванули, – объяснила продавщица.

Г2: *Бандиты?* – догадался я.

Г1: Нет, милиция.

(ЛГ 37/1999, 6)

5.94

Г1: Доводилось. Але, Петре Андрійовичу, як ви можете допускати?..

Г2: *Що саме? Вас на сорокову суботу?*

Г1: Це ж не ви. Але те, як з вас там унизу... на першому поверсі... Всі ці жартики...

(Загребельний 1979, 538)

5.95

Г1 = овощевод; Г2 = журналист.

Г1: Командую всім я, а чоловік мені допомагає.

Г2: *Механізацію?*

Г1: Ні. Не встигли ми вчасно зорієнтуватися і трактор придбати, а тепер усе доводиться вручну робити: саджати, полоти, підгортати, копати...

(СГ 27/2000, 8)

3.4.3.2. Выведение следствий

Выведение следствия в РВ встречается как реакция на неэксплицитный смысл и косвенные стратегии в ИР. Типологический индикатор следования – *значит, выходит, получается*.

5.96

Г2: Хай буде... по вашій волі, сер.

Г1: *Значить – підпишете?*

Г2: (похитав заперечливо головою). Ви не так зрозуміли мене, сер. Хай краще я, по вашій волі, умру. Мені буде легше з ганьбою вмерти, ніж з ганьбой жити.

(Галич 1977, 409)

⁷⁰ Ср. также Grimm 1999, 276.

5.97

Г1: На что будем фотографироваться?

Г2: На рубли.

Г1: *Значит, в профиль? Как?*

(ЛГ 4/1999, 15)

5.98

Г1: Имидж как внешность, манера поведения, одежда – это фактор авангарда. Но авангард умер. Сейчас имидж работает не на внешних уровнях.

Г2: Но в XIX веке имидж работал на внешних уровнях. *Выходит*, там был авангард.Г1: *Выходит*, был.

(Чередниченко 1999, 251)

5.99

Г1: Эти трюковые структуры хорошо запечатлены в народных сказках. Знаменитая сказка о лисе, которая повытаскала у мужика с воза всю рыбу. Что делает лиса? Она притворяется мертвой, а тем самым – объектом, который интересен для мужика. Мужик берет ее, кладет на воз, чтобы порадовать жену шубой. Лиса получает доступ к рыбе. Таким образом побеждает она, потому что у нее двойной взгляд: она видит и свой интерес, и интерес своего контрагента, ее ранг рефлексии выше. Обман в данном случае выступает как высший уровень ума.

Г2: Простите за неуместную в разговоре о мифах моральную окраску этой реплики, *но получается, что ложь более умна.*

Г1: В архаике ум выступает как хитроумие, потому часто проявляется через обман.

(Чередниченко 1999, 284)

РВ = следствие + переосмысление + обобщение

5.100

Г1: Но, погодите, вы же безусловно для себя отличаете подлинные авторитеты от мнимых?

Г2: Конечно, я различаю, как и любой человек. Но если вы любого человека спросите, как он делает соответствующие выводы, он вам просто ответит: "Я это знаю". [...]

Если бы были доказательства, человеческая свобода потеряла бы всякий смысл. У нас есть право быть дураками. И это право у нас никто не отберет.

Г2: *Ваша апология свободе сопряжена с отстаиванием права на жизнь для мнимых авторитетов, так получается.*

Г1: Безусловно.

(Чередниченко 1999, 207)

3.4.3.3. Переименование

Переименование как способ интерпретации используется для устранения неоднозначности и разъяснения смысла на лексическом уровне. Многозначные, абстрактные, оценочные, необщепотребительные лексемы, лексемы с переносным значением, перифразы, окказионализмы и слова иностранного происхождения заменяются в РВ на синонимичные им лексемы общего кода, используемые в прямом, конкретном, общепотребительном значении. Это могут быть как закрепленные узусом стилистические, так и окказиональные синонимы, а также межъязыковые соответствия.

5.101

Г1: Странный парень, – сказала жена после некоторого молчания.

Г2: *Красивый*, ты хотела сказать?

Г1: Красивый, да.

(Шукшин 1999, 288)

5.102

Г1: В какой области выявляете себя? – спросил он.

Г2: Где *работаю*, что ли? – не понял кандидат.

(Шукшин 1999, 373)

5.103

Г1: ...мол, каждый, кто держит в руках "Огонек", держит могоендовид...

Г2: ..."*Могоендовид*" – звезда Давида. То есть шестиконечная звезда...

(из Кобозева/Лауфер 1994, 69)

5.104

Г1: По телевидению говорят, в праздники чаще всего белочка случается у алкоголиков хронических.

Г2: *Что это белочка – белая горячка?*

Г1: Да, точно, белая горячка, это профессиональные словечки у них такие.

(СМ)

5.105

Г1: А с другой стороны, самобытный артист, близкий отечественному художественному сознанию, если таковое еще существует. По-видимому, там, в Канаде или Дании, его легче сохранить.

Г2: Вы имеете в виду *менталитет*?

Г1: Я имею в виду живую фантазию, отсутствие почти всегда холодных абстракций и умозрительных схем, увлекательную театральность.

(ЛГ 52/1998, 9)

3.4.3.4. Резюмирование

Уточняющий вопрос с помощью резюмирования на синтаксическом уровне объединяет черты сокращения и переструктурирования: РВ структурирует смысл более кратко и однозначно. То есть, резюмированию подвергаются реплики, выражающие смысл многословно, косвенно, посредством экземплификации (с нерелевантными отклонениями от основного смысла). Резюмирование сочетается с переименованием. Оно характерно, прежде всего, для публичного диалога.

5.106

Г1 = животновод; Г2 = журналист; тема разговора: содержание коз

Г1: (рассуждает о факторах, повышающих продуктивность молока у коз) А взагалі найважливішою ознакою продуктивності тварин є те, як розвинене вим'я. На це в першу чергу і треба звертати увагу.

Г2: *Тобто, чим більше вим'я, тим коза молочніша?*

Г1: Ні, не обов'язково розміри мають значення. Навпаки, відвисле вим'я, котре гойдається при ходінні, а також розділене борозною на дві половинки не свідчить про високоудійність кози.

(СГ 37/2000, 2)

3.4.3.5. Обобщение

Обобщение следует за ИР, в которой положение вещей выражается чересчур конкретизированно, с углублением деталей смысла, например, посредством экземплификации.

5.107

Г1: Зато что происходит в эпоху Высокого Возрождения? Личность художника выдвигается на самый первый план, она начинает доминировать. Самый типичный пример – Рембрандт. Он оставил более ста только живописных автопортретов. Причем на всех он на себя не похож – он всегда играет какую-то роль в собственном автопортрете.

Г2: *То есть художник портретирует себя, а внутри портрета размещает еще и собственный имидж?*

Г1: Да, еще и имидж.

(Чередниченко 1999, 246)

Интерпретация посредством обобщения не всегда безоговорочно может быть идентифицирована как КН-гипотетическое понимание, так как индуктивно-дедуктивные отношения вообще свойственны 'абстрактному' дискурсу. Кроме того, в публичном диалоге обобщение служит стратегической задаче говорящего-ведущего, профессионально ответственного за понятное публике (= третьему слушающему) течение диалога. Обобщение, как и резюмирование, характерно, в первую очередь, именно для публичного диалога.

5.108

Интеллектуальная беседа на телевидении; Г1 = ведущая; Г2 = ученый; тема: авторитет в науке.

Г1: Последний век, век материалистического и механистического созерцания, в значительной мере построен на авторитете науки и на влиянии отдельных научных авторитетов, а они нередко выступают как мифотворцы. (1)

Г2: Однако есть же области научного знания, которые как-то трудно заподозрить в мифотворчестве. (2) Есть технологии, которые на их основе возникли. (3) Есть, в конце концов, математика, которой вы занимаетесь. (4) Неужели же и эта наука может стать источником манипуляторного обращения с общественным сознанием? (5)

Г1: Математику (науку абстрактную) скорее в этом заподозришь, чем биологию. (6) Так уж возьмем лучше биологию. (7) Это естественная наука с определенными и очень большими достижениями. (8) Но именно биология внушает нам начиная со школы, что загадок нет, что материалистический взгляд на природу дает возможность объяснить то, что люди всегда считали загадками. (9) [...] нам внушают (в этом заключаются дарвинизм, генетика), что все это можно объяснить естественным отбором, законами генетики и т.д. (10) Сам Дарвин в этом сомневался. (11) В последнем прижизненном издании "Происхождение видов" он писал: "Я только объясняю, как распространяются изменения, а не то, как они возникают". (12) Да и большинство ученых времени Дарвина были против его теории как универсального объяснения этой загадки (Карл фон Берг, например). (13) И наш историк Н.Я. Данилевский кроме известного сочинения "Россия и Европа" написал два тома критики дарвинизма. (14) Это страшно интересно. (15) И я не видел ни одного биолога нашего времени, который взял бы эти два тома Данилевского и показал бы, в чем он ошибается и какие современные факты показывают, что Данилевский был не прав. (16)

Г2: *Правильно ли я поняла: вы считаете, что у авторитетности самого точного фундаментального знания, при всей его объективности, все равно есть, темная, оборотная сторона из-за того, что оно отрицает тайну?* (17) И это тоже соблазн? (18)

Г1: Да, ведь что значит "нет тайны"? (19)

(Чередниченко 1999, 201)

В приведенном отрывке интеракции обсуждение темы развивается по схеме "общее – частное – общее", ср.: "наука" в (1) → "области научного знания" (2,3) → "математика" (4-6) / "биология" (7-9) → дарвинизм (10-16) → "фундаментальное знание" (17). Переход от общего к частному осуществляется уже в (2-5). ИР содержит аргументацию, углубляющую частное посредством экземплификации (биология-дарвинизм). РВ на новом концептуальном уровне обобщает аргументацию (17).

3.4.3.6. Уточнение

Семантическое уточнение следует за ИР, в которых важная для интерпретации информация передается единицей-гиперонимом (ср. с конкретизацией в Кобозева/Лауфер 1994).

Для уточнения используются самые различные способы. Наиболее распространенными следует признать:

1) Парафразирование посредством ситуативных синонимов-гипонимов.

5.109

Г1: *І як поїхав мій злотий шукати долі до Аргентини, та так і пропав там навіки.*

Г2: *Умер він за морем?*

Г1: *Та ні, кажуть... живе.*

(Козланюк 1965, 461-462)

5.110

Разговор двух подруг о том, как они провели праздник.

Г1: *А мы с М. столько всего приготовили. Сложилось пополам. Они с А. поехали закупились.*

Г2: *А что вы делали.*

Г1: *Что мы приготовили?*

Г2: *Не, как время провели.*

(СМ)

5.111

Г1: *А вы сами пишете пьесы?*

Г2: *Я соучаствую в их создании. Я не пишу сам пьес. По-моему, я хороший завлит и замечательный редактор.*

Г1: *Замечательный – значит, не вредный?*

Г2: *Нет. У меня хороший глаз, в смысле – профессиональный глаз на редактуру [...]*

(ЛГ 36/1999, 11)

5.112

Г1: *Вам легко простить слабости, пороки людские?*

Г2: *У меня к этому женский подход. Если человек очаровательный, смешной и красивый – да.*

Г1: *Вы сейчас говорите о мужчинах?*

Г2: *О женщинах тоже.*

(ЛГ 4/1999, 12)

2) Контекстуализация. Этот способ сочетается с договариванием. Неточная единица в РИ не отменяется, а распространяется другими, сужающими ее значение. Зачастую речь идет о восстановлении конструкции, подвергшейся эллиптическому сокращению.

5.113

Г1: Какими чертами должен обладать Ваш избранник?

Г2: *Чертами лица?*

Г1: Не, качествами личными, характера я имею в виду.

(телевизионное ток-шоу "Любовь с первого взгляда" 11.08.1996, канал ОРТ)

5.114

Г1: Ольга Павлівна – моя дружина і повинна ходити на роботу в колгосп...

Г2: *На поле?* – звів брови Кочубей.

Г1: Не просто на поле, а в ланку.

(Кучер 1971, 364)

5.115

Г1: Сейчас немножко попробую.

Г2: *Попробуешь из кастрюли?*

Г1: Попробую на огонь поставить – вдруг и это свернется.

(СМ)

3) Идентификация.

Под идентификацией понимается уточняющий вопрос, вызванный референциальной недоопределенностью в ИР (см. IV.4.3.1.1).

Как и восполняющие вопросы с вопросительными словами *кто/что*, уточняющие вопросы идентификации встречаются в КН, вызванных такими факторами как перифраз, использование местоимений, собственных имен, нарицательных имен и т.п. Идентификация пересекается с другими семантическими и диалогическими категориями. На семантическом уровне идентификация это, как правило, – сужение объема значения. В случаях, когда референциальная неудача возникает по причине недостаточной номинации референта, идентификация референта происходит посредством договаривания (обозначения, или дейктического указания). В случаях, когда референт выражен необщепотребительной лексемой, идентификация осуществляется посредством переименования (новой номинации).

5.116

Г1: А что, никого больше нет?

Г2: *Прислуги-то?* Полно! Я люблю сам!

(Шукшин 1999, 430)

5.117

Г1: Недарма поети колись плутали вино й море. Як там у поетів, Веріко?

Г2: *Та маси на увазі Гомера*, який називав море винно-чорним?

(Загребельний 1979, 114)

5.118

Г1: Замуж выхожу. За Медведенка.

Г2: *Это за учителя?*

Г1: Да.

(Чехов 1986, 33)

5.119

Г1: Синаш Архипа Коломійцева

Г2: *Той, що лоторейні квитки розповсюджував?*

Г1: Той самий.

(Гончар 1978, 37)

5.120

Г1: Я показывал пастору папирус.

Г2: *Тот, который тебе подарил Софокл?*

Г1: Тот самый.

(телефильм "Тот самый Мюнхгаузен")

4) Экземплификация. Уточнение обобщенно выраженного смысла посредством приведения конкретных примеров. Индикаторы – *например*, сравнительная частица *как*. Эти примеры могут быть множественны, т.е. РВ может содержать перечисление уточнений (см. пр. также пр. 5.81).

5.121

Г1: Для государственного террора, когда террористы у власти, нужна массовая истерия "солидарности с правительством". Когда правительство мыслится как единственная гарантия существования народа.

Г2: *Это как со Сталиным или Саддамом?*

Г1: Примерно так.

(Ог 38/2001, 12)

3.4.3.7. Переосмысление

Переосмысление следует за использованием в ИР оценочной, концептуальной, абстрактной лексики. Кобозева/Лауфер 1994 (70) формулируют следующие условия успешности переосмыслений:

Для И [= интерпретатора, Л. Г.] очевидно, что ситуация, лежащая в основе высказывания А [= автора, Л. Г.] истолкована в терминах неадекватной концептуальной системы. [...] И полагает, что концептуальная система, которую он использует в своем высказывании, более адекватна ситуации.

Переосмысление, как правило, сочетается с обобщением и переименованием.

5.122

Г1: Человек вообще слаб. И может часто ошибаться.

Г2: *То есть, путь к праведности лежит через грех?*

Г1: Это не для моего ума [...]

(Ог 9/1999, 39)

5.123

Г1: Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

Г2: *В коммунизм, что ли?*

(Шукшин 1999, 366)

5.124

Г1: А с другой стороны, самобытный артист, близкий отечественному художественному сознанию, если таковое еще существует. По-видимому, там, в Канаде или Дании, его легче сохранить.

Г2: *Вы имеете в виду менталитет?*

Г1: Я имею в виду живую фантазию, отсутствие почти всегда холодных абстракций и умозрительных схем, увлекательную театральность.

(ЛГ 52/1998, 9)

3.4.3.8. Завышение

Завышение – это использование в РВ парафразы с более высоким стилистическим значением, нежели парафразируемая РИ. Завышение используется, в т.ч., как способ реализации РА комплимента.

5.125

Г1: По характеру движений понял: это Гагарин. Он спросил: "Как моя дорожка?" Конечно, даже если бы дорожка была и плохая, я все равно сказал бы, как и тогда: "Все нормально!" Ну а Юрий ответил: "Понял! Привет Блондину, я пошел!" Узнал меня! Вообще тогда никто из нас не мог предположить, что этот полет вызовет такой всплеск восторга во всем мире.

Г2: *Хотите сказать, вы не понимали, что делаете историю?*

Г1: Нет. Для нас это было продолжением испытаний, лишь в реальных условиях.

(Ог 21/2001, 24)

3.4.3.9. Занижение

Занижение противоположно завышению: используется уточняющий синоним со стилистически более низким статусом. Занижению часто предшествует РИ, содержащая ситуативный эвфемизм.

5.126

Г1: Надо бы куда-то зайти, побеседовать.

Г2: В смысле – *поддать?* – оживился Кузин.

(Довлатов 2000а, 264)

3.4.3.10. Заострение

Заострение – это реакция на неэксплицитный смысл, либо задевающий интересы адресата в ИР, либо каким-то другим образом нарушающий постулаты ПВ. Поэтому семантическое отношение заострения отражает прагматический признак высказывания и характерно для КН, predeterminedных особыми личными отношениями между собеседниками. Часто сочетается с занижением.

5.127

Г1: Найдет, где жить.

Г2: Где?

Г1: *А тебя что, не устраивает идея пьесы?*

Г2: *Идея-то меня устраивает. Я спрашиваю, где он жить будет?*

Г1: *А по-моему, тебя сама идея не устраивает.*

Г2: *Ты мне политику не шей. Я спрашиваю, где он жить будет?*

(Шукшин 1999, 259)

5.128

Г1: *И тогда редакция премирует вас скромным костюмом.*

Г2: *Что значит – скромным? Дешевым?*

Г1: *Не дешевым, а черным.*

(Довлатов 2000в, 320)

В силу того, что заострения выявляют не столько неудачи, произошедшие в результате нарушения максим ПК, сколько неудачи-нарушения постулатов ПВ, то есть указывают на сугубо прагматический смысл РИ, они приближаются к симулятивным выявлениям, и могут рассматриваться как манипуляции с КН (см. об этом VII.1.2).

5.129

Г1 = популярный актер, руководитель известного столичного театра; Г2 = журналист.

Г1: *Настоящая публика – не дура. Постоянная, воспитанная театром и сама себя воспитавшая. Успех – самый верный критерий. Хотя и не абсолютный: я видел спектакли, которые имели успех, а мне не нравились. (РИ)*

Г2: *То есть абсолютный критерий успеха – это понравиться вам, Константин Аркадьевич? (РВ)*

Г1: *Да ну вас! Я хочу сказать, что всегда найдется воспитанный театром опытный зритель, которому может не понравиться нечто, или специалист. (РУ)*

(Известия, 1.10.2002)

РВ нарочито заостряет несколько авторитарный смысл РИ. Г1, правильно интерпретируя иронию в РВ, категорично опровергает его в РУ.

В публицистической диалогической речи часто встречаются заострения смысла, выраженного имплицитно под действием принципа политкорректности. К заострению смысла, как правило, стремится собеседник-журналист.

5.130

Интервью для журнала; тема: ситуация в Чечне.

Г1: *Там люди пока что не собираются налаживать жизнь и вряд ли смогут мирно жить в обозримом будущем. (1) У них другой род занятий. (2)*

Г2: *У всех? (3)*

Г1: *У значительной части. (4)*

Г2: *Другими словами, по вашему, все чечены – бандиты?.. (5)*

Г1: *Скажем так, там особая горская культура, которая считает допустимыми такие виды деятельности, которые недопустимы в остальном мире. (6)*

Г2: *Скажите уж прямо... (7)*

Г1: *Нет, я не собираюсь оскорблять чеченский народ. (8) У них и так тяжелая судьба.*

(9) И говорить про чеченцев правду, зачастую означает оскорблять. (10)

(Ог, 45/2002)

Все КН-факторы в репликах Г1 можно рассматривать как вуалирующие смысл тактики: обобщение *люди* в (1), эвфемизм *другой* в (2), оценочное *особая* в и перифраз *которые недопустимы...* в (6). Действия Г2, наоборот, направлены на заострение: тотализация *у всех* (3) и *все* (5), снятие эвфемизма *другой род занятий в бандиты* (5), метакоммуникативный директив (7).

4. Директивы пояснения

Выявления-директивы выявляют непонимание, вызванное РИ, содержащими неясность на семантическом и прагматическом уровне (профессионализмы, слова иностранного происхождения, обобщения, окказиональные названия, перифразы и др.). Употребление неясных номинаций вызывает РВ в форме директива прежде всего в информативном типе диалога. Именно осознание собственной информативной макроинтенции дает Г2 'право' на директив. Выявления-директивы всегда метакоммуникативны. Функция выявления КН в этих Master-Speech-Acts (см. Fotion 1971) сочетается с функцией управления диалога, координации действий интерактантов. Расположение метакоммуникативной единицы фокусирует интерпретационную проблему Г2, тем самым, максимально облегчая задачу устранения КН для Г1.

5.131

(1) Г1: З підготовкою та засиланням агентури багато мороки. Все це коштує грошей... Перед зацікавленими колами західних держав еміграція та, власне, й уся ОУН виступають розрізнено. Кожна група або опозиційна гілка пропонує свої послуги, бо хоче мати від того зиск...

(2) Г2: *Прошу, висловлюйтеся точніше. Називайте речі своїми іменами. Щото за такі "зацікавлені кола"? Це розвідки? Які саме?*

(3) Г1: Лебедь одним з перших встановив контакти з Новаком. Бандера – з Білем у Франкфурті-на-Майні. Коли політична розвідка відхилила його намагання, Бандера подався до англійців. Але тепер... Думаю що ті фальшиві фунти, які так вправно підсунув йому Лебедь і якими він випосаджує своїх агентів, тепер остаточно посвять його з "Інтелідженссервіс".

(Сичевський 1991, 140)

5.132

Г1 = домохозяйка, Г2 = журналист; тема разговора: рецепты.

Г1: Цього сезону закрила багато консервів *асорті*: помідори з огірочками, трохи цвітної капусти... Смакота!

Г2: *Розкажіть детальніше.*

Г1: На дно банки кладу "парасольки" кропу, потім помідори – і жовті, і червоні, далі знову кріп, а зверху невеликі огірки, кілька суцвіть капусти, солодку перчину...

(СГ 50/2000, 8)

Метакоммуникативные выражения выявлений-директивов в большой степени оценочны. Таким образом, диктумный план этих диалогоуправляющих реплик тесно переплетается с модальным планом. Оценка в этих РВ направлена, в первую очередь, на понятность РИ. Так как оценка в РВ КН

негативна априори (критика непонятности или намеренной имплицитности как в пр. 5.130), то именно от оценочного значения зависит степень вежливости. Чтобы компенсировать отрицательную оценку и повысить уровень вежливости, нужны дополнительные (этикетные) усилия. Естественно, что директивы-требования менее вежливы чем директивы-просьбы (ср. пр. 5.133 и 5.134, а также 4.109). Вежливость косвенного директива, выраженного в форме вопроса, зависит в конечном счете от интонации: просительной, раздраженной и т.д. (пр. 5.135).

5.133

Г1: Авжеж. Так думаю не я один... Бандерівський провід заплямував себе відвертим колабораціонізмом.

Г2: *Говори по-людськи.*

Г1: Ну, абвер, гестапо, багаторічні зв'язки... Давайте відмежуємось від того, очистимо наші ряди від тих, хто...

(Сичевський 1991, 107)

5.134

Г1: Так вот, если мы имеем слабое государство...

Г2: А мы его имеем...

Г1: ...то на приведение его в более или менее нормальный вид уйдет какое-то количество лет. И пока это не достигнуто, надо понимать, что все, ему поручаемое, оно будет делать плохо. В том числе и перераспределять средства.

Г2: *А теперь объясните, пожалуйста, что вы вкладываете в понятия "нормальный вид" и "укрепление государства"?*

Г1: Прежде всего это укрепление контроля государства над своими деньгами...

(ЛГ 32/1997, 5)

5.135

(1) Г1: Чем же тут можно помочь?

(2) Г2: Мы вели работу по двум направлениям: а) оказывали психологическую поддержку и б) обучали способам, которые позволяют переносить психологические перегрузки.

(3) Г1: *Нельзя ли поконкретнее?*

(4) Г2: Речь об элементарных навыках релаксации (расслабления). Мы учили людей тому, как сосуществовать с катастрофой.

(ЛГ 47/1999, 7)

Если прагматический источник непонимания в РИ относится к небуквальным способам выражения смысла, заведомо неясным, а, значит, и неприемлемым для информативного жанра диалогов, к каким относится интервью, директив пояснения также может реализовываться прагматически осложненно: таким образом Г2 подхватывает коммуникативный тон, заданный Г1.

5.136

Г1 = ученый, научный консультант по ветряным электростанциям; Г2 = журналист.

Г1: Я думаю, за ветростанциями будущее, – первым делом сказал профессор Гулиа, когда мы встретились, чтобы по чисто русской привычке покалякать о судьбах родины, – пришла пора делать деньги из воздуха!

Г2: *Извольте объясниться!*

Г1: В России вечно приходится объяснять то, что в других странах давно уже поняли. Германия уже объявила о постепенном снижении доли АЭС в энергетике вплоть до полного их закрытия. Потому что в 1993 году там была принята правительственная программа с характерным названием "Эльдорадо – ветер". [...] Предусмотрены льготы даже для потребителей ветроэлектроэнергии.
(Ог 23/2001, 26)

За языковой игрой (двойная предикация: *деньги из воздуха* в прямом и переносном смысле) в РИ следует также игровое использование устаревшей коммуникативной формулы *извольте объяснить* в РВ.

VI. РЕПЛИКИ-УСТРАНЕНИЯ

Первичное значение (коммуникативная функция) реплики-устранения (далее, РУ) состоит в преодолении КН, вызванной РИ. РУ находится в тесной иллокутивной связи с РВ-вопросом (включительно косвенно выражающие вопрос констатации непонимания), с которым она составляет диалогическое единство 'вопрос-ответ', а также и с РВ-директивом, с которым она составляет единство 'просьба-удовлетворение просьбы', образуя речевые действия-пары (ср. нем. Handlungspaare). Итак, РУ иллокутивно 'вынуждается' репликой-выявлением, а регулируется прагматическими правилами кооперации. Однако, это не относится к диалогам, находящимся вне сферы действия кооперативных принципов. В этих диалогах реплика, занимающая место РУ, не устраняет КН, но только – как и РУ – закрывает диалогическую последовательность. Об отказах Г1 от принципа понимания см. VII.2.3.

Но и в рамках действия кооперативного принципа единое и полное описание РУ проблематично. Это объясняется большим количеством релевантных критериев, относящихся к разным аспектам и потому не поддающихся иерархизации. РУ можно рассматривать с точки зрения их семантики, особенностей структурной реализации, отношения к интерпретируемой РИ, а также отношения к непосредственно предшествующей РВ.

Первое разделение всех РУ производится на основании тактики устранения. Здесь различаются имплицатурные и эксплицитные КН. РУ с эксплицитным устранением варьируются в зависимости от типа КН – непонимания, неправильного и гипотетического понимания. Эксплицитное устранение непонимания это – указание правильной интерпретации. При неправильном непонимании (включая неправильное гипотетическое понимание) значение РУ может усложняться. Прежде чем перейти к автоинтерпретации, говорящий констатирует наступление КН (в диалогах с КН непонимания эту функцию выполняет уже РВ). Поэтому РУ неправильного понимания состоит из опровержения говорящим интерпретации адресата и указания правильной интерпретации. При гипотетическом понимании говорящий обязан занять позицию к выдвигаемой в РВ гипотезе: подтвердить или опровергнуть ее. Кроме того, правильная и неправильная интерпретации могут вступать в отношения противопоставления. Итак парадигма реактивных действий, устраняющих КН:

- 1) опровержение неправильной интерпретации (или гипотезы) адресата (далее: опровержение) или же подтверждение правильной гипотезы (далее: подтверждение);
- 2) указание на собственную правильную интерпретацию (далее: автоинтерпретация);
- 3) противопоставление правильной и неправильной интерпретаций (далее: противопоставление).

Все эти действия – специфически устраняющие КН. Их роль в том, чтобы РУ выполнила свое устраняющее КН назначение, не одинакова. Указание, как и подтверждение правильной интерпретации, является необходимым и достаточным для успеха РУ, в то время как противопоставление – факультативным и сверхдостаточным, а опровержение – факультативным и недостаточным.

В силу того, что опровержения и противопоставления факультативны, им в большей мере, нежели интерпретациям-указаниям, присущи не только первичные значения (устранение КН), но и различные вторичные значения. Опровержения и противопоставления отличаются от простой автоинтерпретации и в отношении к РВ. В то время как интерпретация когерирует с РИ, вступая с ней в различные семантические экспликативно-интерпретирующие отношения, опровержение, подтверждение и противопоставление вступает, прежде всего, в отношении оценки с РВ. Схема 3 иллюстрирует распределение данных речевых действий в рассматриваемых РУ (см. в III.2.1).

В эксплицитных РУ по меньшей мере одно из перечисленных устраняющих КН действий – опровержение/подтверждение, интерпретация и противопоставление – выражено эксплицитно: с использованием специальных служебных средств. В качестве таковых здесь анализируются метакоммуникация, союзы и частицы.

1. Импликатурные устранения

Импликатурные устранения встречаются в КН неправильного понимания и непонимания. При импликатурном устранении, как и при отказе от устранения, говорящий, несмотря на выявленную адресатом КН, намеренно не производит дополнительных действий относительно высказанного в РИ положения вещей. Принципиальное отличие между импликатурным устранением и отказом от устранения проявляется в действии принципа понимания. При отказе этот принцип сознательно выключается, нарушается, при импликатурном устранении – нет. Напротив, говорящий ищет понимания, но добивается его косвенным путем – с помощью конверсационных импликатур. Намерение говорящего состоит в том, чтобы исправить КН без совершения собственно корректирующих действий: без добавления информации, без реформулировки, без семантической экспликации. Он прилагает речевые усилия, но они направлены лишь на то, чтобы адресат пересмотрел уже совершенный им процесс декодирования и осуществил правильную интерпретацию исходя уже из первого, инициального

высказывания говорящего. Такое действие может вступать в противоречие с принципом вежливости, ведь говорящий намеренно увеличивает 'интерпретационную работу' адресата. Поэтому при импликатурном устранении, как правило, требуются особые прагматические условия. Собеседники должны быть в близких, доверительных отношениях и/или иметь равный статус. Кроме того, говорящий должен исходить из определенного уровня коммуникативной компетенции адресата, то есть считать его достаточным для выведения импликатуры.

Наиболее типичной формой импликатурного устранения является метакоммуникативный призыв к самостоятельному выведению импликатур. Индикатором таких устранений является глагол *понимать* и его дериваты, относимые к действиям Г2.

6.1

Разговор по телефону; Г1 = Александр Керенский, глава Временного правительства России, пришедшего к власти после Февральской революции 1917 года, Г2 = журналист советской газеты; после революции прошло более полувека, Г1 и Г2 договариваются о встрече для интервью в Америке, где проживает Г1.

Г1: [Я намекнул, что февраль не за горами и мне хотелось бы встретиться с ним как минимум не позже ноября.]

Г1: Февраль? – удивился он. – Какой февраль?

Г2: Ну как же... Февраль... Так сказать... *ну вы же понимаете...*

Г1: Февраль? Понимаю... Конечно, февраль... – Пауза – Ну и что?

(СС 2/1997, 5)

6.2

Г1 = главный редактор газеты; Г2 = журналист; служебный разговор о 'политической благонадежности' Г2, которая предполагает, в том числе, неучастие в манифестациях и подписании обращений против существующей власти.

Г1: В каких-нибудь манифестациях участвовали?

Г2: Боже упаси.

Г1: Бумаги подписывали?

Г2: Какие бумаги?

Г1: *Вы меня понимаете.* Разные.

Г2: Разные – никогда.

(Довлатов 2000в, 58)

Диалог комичен: уж разные-то бумаги Г2, конечно же, подписывал. *Разные* в реплике Г1 - это конспиративный эвфемизм, означает "направленные против власти" и - прямо - не добавляет новой информации, но Г2 правильно понимает, в каком значении оно употреблено. *Вы меня понимаете* как раз и призвано активировать у Г2 выведение импликатуры.

6.3

Г1: Отбросьте инерцию мышления. Фултон изобрел не пароход, а водовоз с паровым двигателем.

Г2: Не понял.

Г1: *Вам предоставляется минута для понимания.*

(Ог 37/1995, 78)

Другой вид имплицатурных устраниений реализуется с помощью повторов. Однако, его не следует рассматривать как проявление коммуникативной 'лени' говорящего. Во-первых, говорящий исходит из уверенности в коммуникативной самодостаточности своей первой реплики. Во-вторых, у него имеются существенные мотивы не говорить больше того, что сказано. Эти мотивы могут быть разной природы, в зависимости от того, какой из регулятивов (в соответствии с типом общения) преобладает в данный момент. Например, пр. 6.1 иллюстрирует действие принципа политкорректности. Повторения в силу их стагнации часто рассматриваются как характерная черта праздноречевых жанров: подчеркивается квазиинформативность, плеонастичность повторений (ср. Винокур 1993, 14). В информативных же диалогах повторение имеет принципиально иной характер.

In diesen Fällen wird reformuliert, um mittels der Reformulierungen (im wahren Sinne des Wortes) Relevanz und Bedeutung des Dargestellten zu betonen. Der thematisierte Sachverhalt wird als wichtig eingestuft und soll R [Rezipienten, Л. Г.] durch die Mehrfachformulierung in seiner Bedeutung vor Augen geführt werden.
(Grimm 1999, 289)

Реформулировка несет экспрессивную смысловую нагрузку. На фонетическом уровне это проявляется в эмфазе, выделении того компонента высказывания, на который падает смысловая нагрузка. Говорящий использует буквальный или реформулированный повтор для призыва вслушаться, задуматься, приложить дополнительные интерпретационные усилия для понимания. Таким образом, внимание адресата фокусируется на принципиальном для говорящего моменте в обсуждаемом положении вещей. Тогда как при обычном устраниении, в котором дается автоинтерпретация, собеседник может 'расслабиться' и легко 'пройти мимо' важного – с точки зрения говорящего – компонента смысла.

Имплицатурное устраниение с помощью повторения может оказаться неуспешным, если сама РУ терпит неудачу, т.е. адресату не удастся вывести имплицатуру (см. также пр. 6.1).

6.4

Г1 = Смородин, художник, Г2 = жена Г1; контекст: начальник требует от мужа не творческой, а грубой, оформительской работы. Жена мечтает об успехе мужа, который тайно, в свободное время, работает над 'гениальным' произведением.

Г1: ...Пусть кушают примитив. (1) Я теперь пришел к выводу: чем хуже, тем для них лучше. (2) – И Смородин гордо посмотрел на жену. (3) Жена тоже посмотрела на него и кивнула головой. (4) И в глазах ее темных померцал слабый свет ласки. (5)

Г2: Ты таких слов не говорил, (6) – сказала она.

Г1: Я их говорю! (7)

Г2: Ты их не говорил, (8) – упрямо повторила смуглая жена.

Г1: Не понял, (9) – признался Смородин. И вынул изо рта мундштук.

Г2: Твой начальник никогда не слышал от тебя таких слов. (10) И соседи не слышали. (11) И никто. (12) Иначе ты ничего не успеешь сделать. (13)

Г1: А-а! (14) – дошло наконец до Смородина. – Ну, это само собой. (15) Это я секу. (16) (Шукшин 1999, 598)

Реплика (6) неоднозначна в силу синтаксически неполного выражения смысла – отсутствует показатель ирреальности *как будто бы*. (7) выявляет неправильное понимание Г1. Импликатурное устранение в (8) неудачно и не устраняет КН. Только после эксплицитного выявления непонимания в (9), Г2 эксплицитирует смысл в (10-13). (14-16) – рефлексия, сигнализирующая о состоявшемся преодолении КН.

Такая речевая тактика повтора достаточно продуктивна несмотря на низкую эффективность: говорящий сознательно идет на многоходовую процедуру преодоления КН, он заинтересован в тематизации, дополнительное обсуждение привлечет внимание к важному для него смыслу.

2. Подтверждения правильной гипотезы

Прямыми средствами позитивной оценки интерпретационной гипотезы Г2 считаются утвердительные частицы *да/так* (пр. 6.5, 6.6, 6.8) и модальные слова (пр. 6.6, 6.7). Модальные слова в прагматическом аспекте интересны тем, что они утрачивают присущую утвердительным частицам нейтральность по отношению к понятливости адресата. Их использование может восприниматься как невежливость, так как модальная окрашенность несмотря на положительную оценку понимания может выражать негативную оценку понятливости адресата: ставится под сомнение сама правомерность гипотетичности. Таким образом, РУ приобретает вторичное значение.

6.5

Г1: Как к вам отнеслись местные жители, когда вы появились в качестве владельца усадьбы?

Г2: Сначала, конечно, настороженно. Был элемент экзотики: вот явился князь. А потом, когда увидели, что я стекла ставлю, окна привинчиваю, залез на крышу, начал трубу делать...

Г1: То есть не барин?

Г2: Да. И самое, когда из трубы пошел дым, они начали приходить.

(ЛГ 49/1999, 7)

6.6

Г1: ...повноваження представляти інтереси воюючої України перед зацікавленими колами західних держав закордонному представництву УГВР.

Г2: Тобто Лебедю?

Г1: Ну, певне, що так...

(Сичевський 1991, 141)

6.7

Г1: Поэтому самая дорогая поддержка – тех, кто вкладывает собственные.

Г2: То есть за вами стояли именно такие люди?

Г1: *Безусловно.* Я же ничего им не мог возвращать – они действительно вкладывали деньги в победу.
(МН 38/1997, 6)

6.8

Г1: Путь соблазна вымошен, в частности, научными авторитетами. Это связано со всем строением нашей жизни, тут нельзя пенять на кого-то персонально. Ведь каждый день мы видим, что солнце встает на востоке, садится на западе, а наука нам говорит: ничего подобного, это Земля кружится. Мы все время должны отказываться от очевидности и принимать вещи, о которых нам авторитетно говорит наука.

Г2: Вы хотите сказать, что цивилизация воспитала в нас недоверие к собственному здравому смыслу? И с этим связан тот кризис, который человечество переживает?

Г1: *Да, в целом, именно так.*

(Чередниченко 1999, 200)

К косвенным тактикам подтверждения относятся подтверждения, требующие от Г2 дальнейшей, пускай и самой незначительной, интерпретационной работы. Они рассчитаны на выведение импликатур (пр. 6.10, 6.12) и следствий (6.11). Так и РУ выражают различные вторичные значения: нежелание Г1 ограничиваться интерпретацией Г2 в РВ (см. пр. 6.9), косвенную критику понятливости Г2 (см. пр. 6.10), вынужденность признания действительным положение дел в РВ (пр. 6.11, 6.12).

6.9

Г1 = отец, журналист; Г2 и Г3 = сыновья-подростки. Сравниваются бывшие президенты США: Рейган, Буш-старший с действующим на момент разговора Клинтонем.

Г1: А какой политик не отстой?

Г2: Степашин.

Г3: Буш.

Г2: Кто такой Буш?

Г3: Рейган тоже был ничего политик.

Г1: Ты же о них ничего не знаешь. Зачем ты про них говоришь, если не знаешь?

Г3: Ну как не знаю... На Буша никто так не наезжал, как на Клинтона, по-моему. (РИ)

Г1: То есть у них репутация была лучше? (РВ)

Г3: *Tuna того.* (РУ)

(Ог 36/1999, 16)

6.10

Г1: Замовте два СВ до Придніпровська на ту п'ятницю.

Г2: Для академіка і для вас?

Г1: *Як завжди.*

(Загребельний 1979, 70)

6.11

Г1 = сын, подросток; Г2 = отец-журналист; контекст: разговор о мэре Москвы Лужкове, выдвинувшем свою кандидатуру на президентских выборах.

Г1: Ну и хорошо, тогда он президентом не будет...

Г2: То есть как мэр он тебя вполне устраивает?

Г1: *Просто я никого другого не знаю...*

(Ог 36/1999, 17)

6.12

Г1: Хорошо сказала Таня Догилева о Меньшикове: "Он счастливый человек, может общаться с тем, с кем ему нравится". Я еще не могу себе этого позволить.

Г2: Значит, вокруг вас в основном только люди нужные?

Г1: *Общаться приходится со всеми. Работа такая.*

(Ог 21/2001, 51)

3. Опровержения неправильного понимания и неправильных гипотез

Опровержения, как и подтверждения, реализуются как с помощью прямых, так и косвенных тактик.

3.1. Прямые опровержения

Прямые опровержения интерпретации адресата оформляются с помощью эксплицитного отрицания. Для отрицания используются частица-реплика *нет/ні* и отрицательная частица *не/не* (см. РГ, т. 2, 402-409; УГ, 337-338). Отрицание может усиливаться с помощью частицы *да/та* образуя сочетание *да нет/та ні*. Так как опровержение – как уже сказано выше – для успешности устранения само по себе недостаточно, отрицательные средства комбинируются с интерпретацией, которая, в свою очередь, может вводиться другими служебными средствами.

3.1.1. Опровержения с частицей-репликой "нет"/"ні"

Нет характеризуется как модальная частица, способная "функционировать в диалоге как реплика, выражающая отрицание." (см. РГ, т. 1, 726 и 729). УГ характеризует *ні* как отрицательную частицу, входящую в список "отрицательных слов-предложений", выступающих "в процессах общения как ответы на вопросы" (УГ, 337). Конечно, отрицание выступает не только в ответах на вопросы. Реплики, выражающие отрицание могут выполнять самые различные коммуникативные намерения. Одно из них – метакоммуникативное отрицание, используемое говорящим для исправления неправильного понимания. При таком использовании частица *нет* относится ко всему высказыванию Г2, но выступает оператором не к пропозиции РВ⁷¹, а к пониманию Г2, то есть обнаруживает для него, что он понял неправильно. Частица может предварять любую реплику-устранение КН.

⁷¹ См. критику Падучевой 1974 (144) мнения о том, что "отрицание не только синтаксически, но и по смыслу связано со словом... Между тем в действительности по смыслу отрицание должно быть оператором, сферой действия которого является предложение, поскольку отрицается всегда некоторое высказывание...". Ср. также мнение Сёрен 2001 (138) о том, что "основная семантическая функция отрицания состоит не в изменении истинностного значения пропозиции в ее сфере действия, а в исключении ее из "общих знаний" говорящего и слушающего, используемых для контекстной привязки".

6.13

Г1: Где вы познакомились?

Г2: В училище.

Г3: И как только познакомились, сразу соединились.

Г2: Да.

Г3: *Нет*, соединились мы гораздо позже.

Г2: Наши курсы слились.

(телепередача "Пока все дома" 27.09.1997, канал ОРТ)

6.14

Г1: Ви знаєте: я чомусь думала, що ви страшенно серйозний чоловік, Петре Андрійовичу. (1)

Г2: Хіба я видався вам несерйозний? (2) Хоча справді... (3) Цей вибрик... (4) Ви можете подумати про мене будь-що и матимете цілковите право для цього... (5)

Г1: *Ні, ні*... (6) Я розумію ваш стан... (7) Хіба тут до моральних категорій, до того, що і хто там про тебе скаже?.. (8) Я про інше. (9) Чомусь коли вперше побачила вас, то склалося враження: цей чоловік може думати і говорити тільки серйозне... (10) І... ну, не знаю, – піднесе, чи що... (11)

(Загребельний 1979, 552)

Опровержение понимания адресата *ні, ні* (6) комбинируется с метакоммуникативным (эллиптическая конструкция глагола речи *я [говорю] про інше*) указанием 'правильной' интерпретации (9-10). После прямого опровержения (= первое корректирующее действие) в (6) следует ответ говорящего на пропозицию РВ (7-8), возвращающий диалог в русло иллокутивного развития на языке-объекте, развития 'нормального', если бы интерпретация адресата оказалась верной. С точки зрения принципа понимания эта рефлексия говорящего избыточна, она только задерживает восстановление понимания, вклиниваясь между корректирующими действиями. Но этот возврат 'улучшает' вежливость реплики: Г1 'утруждает' себя ответом по существу на нерелевантную для него пропозицию РВ. После этой рефлексии следует второе корректирующее действие – метакоммуникативная вставка, осуществляющая лексически (*інше = другое*, а не то, что было понято Г-им2) противопоставление 'неправильной' и 'правильной' интерпретаций (9).

Опровержения с частицей не в значении нет: редуцированное *не* в значении *нет* характерно для разговорной речи. Можно предположить, что говорящими на 'суржике' она воспринимается как эквивалент украинского *ні*. Она часто встречается в речи лиц, говорящих преимущественно на русском языке, но испытывающих влияние украинского, и наоборот. Наблюдения показали, что употребление этого *не* ситуационно обусловлено: будучи характерным для разговорной речи, оно редко допускается в официальной и публичной речи.

6.15

Г1: (Уходя, берет зонт) С погодой непонятно что творится, вон как ветер воет.

Г2: Я когда шла, парило ужасно, уже дождь пошел.

Г1: Ты смотри, и ветер и дождь.

Г2: Ну, ветер не страшно, он теплый.

Г1: *Не*, я говорю, обычно, если ветер, дождя не бывает, ветер тучи уносит.

(СМ)

3.1.2. Опровержения с отрицательной частицей "не"/"не"

Частица служит для общего и частного отрицания (см. РГ, т. 1, 726). В общем отрицании частица используется в конструкции *это не так* и ставится перед сказуемым (выпадающим глаголом-связкой *есть*). Конструкция относится ко всей реплике, выявляющей КН, то есть как и частица *нет*, выступает оператором отрицания.

6.16

Г1: Ну виривай, вчися на такому ділі, – Супрун сідає за стіл. – То як же виділяти тебе?

Г2: По-божому, тату, по-божому, – прокидається вдячність до батька, що несподівано все так легко йде. Гнат хреститься на образи, підходить ближче, але не сідає за стіл.

Г1: По-божому, кажеш? То що це значить? Є нас троє в родині, той будемо все паювати на три частки?

Г2: Е, *не так*, батьку [...] – заперечує Гнат.

(Стельмах 19726, 344-345)

6.17

Г1: Денег у Минатом пока нет, но мы можем заработать и больше, перерабатывая отработавшее ядерное топливо других стран.

Г2: То есть придется ввозить в страну ядерный мусор?

Г1: *Это не так*. Венская конвенция 1998 г. различает [...]

(МН 27/1999, 13)

Общим отрицанием следует считать и использование частицы для устранения иллокутивных неудач, в эти случаях она ставится перед иллокутивным глаголом.

6.18

Г1: Н. не поїде на базар в неділю.

Г2: Не знаю про це. Коли зателефоную, скажу тобі.

Г1: *Так я ж не запитую*. Я вже все знаю. Вона вже дзвонила і казала, що дитину ні з ким залишити. Наступного піде.

(СМ)

При частном отрицании *не* относится к части реплики, локализуя 'ошибку' адресата. Частному отрицанию подвергаются, чаще всего, референциальные КН. Частица легко вводится в метакоммуникативные конструкции: конструкции с глаголами говорения, их эллипсисами и синтагмами, в конструкции с глаголами понимания и обозначения.

6.19

Г1 = цветовод-любитель; Г2 = журналист; тема разговора – выращивание хризантем.

Г1: ...Всі ці сорти ростуть у відкритому ґрунті.

Г2: Виходить, усі ваші хризантеми морозостійкі?

Г1: Так, 75 відсотків із них добре зимують практично без будь-яких затрат на укритий матеріал.

Г2: Присипаєте куші землю?

Г1: Тільки *не* це. Щоб уберегти хризантеми навіть від низьких температур...

(СГ 50/2000, 7)

6.20

Г1: Вот теперь отобрали права, и я влетел минимум на пять лимонов.

Г2: Ничем не могу помочь...

Г1: Миленький, да я к тебе *не* за той помощью. Извини, я сейчас не совсем трезв. Но вот уже 15 лет моей неразделенной любви...

(Ог 50/1996, 38)

Г2 воспринимает жалобу на финансовые неудачи говорящего как косвенную просьбу о материальной помощи и реагирует на эту просьбу отказом. В то время как Г1 испытывает, по-видимому, потребность высказаться, поделиться несчастьем именно с этой собеседницей, то есть осуществляет, скорее, фатический акт речи. Впрочем, можно говорить и об определенной манипулятивности действий Г2 и рассматривать ее реплику как отказ в какой-либо помощи не столько как искреннюю КН, сколько как попытку закончить бесполезный разговор с досаждающим собеседником. В любом случае, говорящий реагирует на реплику адресата как на истинную КН. Коррекция состоит из прямого – отрицание с *не* – опровержения интерпретации адресата и имплицитного указания 'правильной интерпретации' (содержание референта *не той* – 'другой' – помощи выводится из признания Г-го1 в чувствах).

6.21

Г1: І це всі ваші речі?

Г2: Хіба мало? – спитав Сагайдак.

Г1: Та ні, я *не* про те, – відмахунвся Павло. Значить, ви справді зовсім переїздите в Новоселецю? І будете там жити?

(Кучер 1971, 177)

Коррекция референциальной неудачи производится посредством опровержения неправильного понимания (отрицание в эллипсисе метакоммуникативной конструкции с глаголом говорения *я не про те [говорю]*) и указания правильного понимания, вводимом метакоммуникативным *значить*.

3.1.3. Усиление/ослабление опровержения

Как и подтверждение правильной интерпретации, опровержение неправильной интерпретации очень часто модально окрашено (о модальных значениях в подтверждениях правильных гипотез см. IV.2). В бытовом, неформальном диалоге наиболее продуктивным средством усиления/ослабления выступает модальная частица *да/та* в сочетании с отрицательными частицами *нет/ні*. Полное описание значений (функций) этой оттеночной частицы предполагает дифференцированное рассмотрение ее употребления в высказываниях разных коммуникативных типов. Такое описание предложено в Rathmayr 1989. В оттеночной функции частицы она различает использование:

1. В утвердительных и вопросительных предложениях с пропозициональными и эмоциональными коннотациями:

- "анафорическое отношение к контексту, ввод дополнения";
- "анафорическое отношение к контексту, ослабление отрицания в реактивных репликах";
- "настаивание на согласии в ответе адресата как замыкание реплики";

2. В повелительных предложениях с пропозициональной и эмоциональной коннотацией "анафорическое отношение к контексту, выражение раздражения, нетерпения" (там же, 22).

Значение сложной частицы *да нет* (укр. – *та ні*) характеризуется как выражение отклонения и негативной позиции/оценки в ответах на вопрос (там же, 35).

Весьма продуктивное использование частицы в РУ-опровержениях позволяет дополнить ее значения в утвердительных предложениях следующими:

– *усиление/ослабление метакоммуникативного опровержения,*

– *выражение нетерпения и раздражения непонятливостью собеседника в реактивных опровержениях неправильной интерпретации.*

Вопрос о том, о каком именно значении частицы идет речь – усиливающим или, наоборот, ослабляющим отрицание, может быть однозначно решен только на основании интонации.

6.22

Г1: Вони щось обіцяють?

Г2: Танцювати в "Марусі Богославці".

Г1: *Та ні...* звання, квартиру, ставку...

(Загребельний 1979, 155)

Многочисленные примеры выделенного оттеночного значения частицы в РУ см. в Ермакова/Земская 1993 (пр. на стр. 39, 45, 46, 50, 51, 56, 62).

6.23

Г1: Я пришла в разгадке моих головных болей в Ленинграде //

Г2: Почему именно там?

Г1: *Да нет* / я поняла здесь // Помнишь / у меня голова болела в Ленинграде?

(из Ермакова/Земская 1993, 39)

3.1.4. Опровержения отрицания в РВ

Особый случай прямых опровержений неправильных гипотез представляют собой РУ в диалогах, где отрицание предвосхищается. Квантор отрицания содержится уже в РВ (см. V.3.4.1.1). Поэтому РУ с опровержением в таких диалогах содержит уже не отрицательную частицу, а выделительные слова *именно*, *как раз/саме це* (см. также пр. 5.79)

6.24

Разговор в кафе; Г1, Г2, Г3 = подруги, все интересуются кино; Г3 пришла позже других.

Г1: И он там сам себя, то есть режиссера играет. И другие тоже. Я читала интервью с Мелани Гриффитс, так до нее только после съемок дошло, что она там сама себя спародировала... И как ему удается! А в предыдущем фильме он всех петь заставил, даже самых безголосых.

Г2: Да-да, я помню, у Джулии Робертс там такой голосок жиденский.

Г1: Он мне сейчас больше всех других нравится.

Г3: Ты, надеюсь, не последним фильмом Вуди Аллена восторгаешься? Дрянь такая.

Г1: *Как раз* им. Ты что, его не любишь?

(СМ)

6.25

Беседа для газеты; Г1 = министр внутренних дел страны; Г2 = журналистка; тема беседы – работа органов внутренних дел страны.

Г1: У тому ж митному комітеті я отримував до 50 дзвінків щодня з проханням звільнити від податків, мита тощо. У зв'язку з цим виникало безліч конфліктів з тими, хто звик розпоряджатися грошима по телефону. Сьогодні кажуть, що такої ситуації там уже немає.

Г2: Що стосується "телефонного права", то я не настільки оптимістична. Ви ж не хочете сказати, що і в МВС ви з ним не стискаєтесь?

Г1: *Саме це* я і хочу сказати! Інколи, правда, депутати роблять спроби допомогти мені розставити кадри.

(УК 244/1998, 8)

3.2. *Косвенные опровержения*

Если прямые опровержения представляют собой ассертивы с отрицанием, то косвенные реализуются с помощью речевых актов других типов. Косвенными опровержениями, безусловно, могут быть утвердительные автоинтерпретации (см., напр., пр. 4.9). В прагматическом аспекте, однако, более интересны косвенные опровержения в форме квеситивов, в которых вопросу подвергается то, что в прямых опровержениях подверглось бы отрицанию. Для адресата, как правило, не представляет трудности трансформировать такие косвенные опровержения в прямые (см. в пр. 6.26: *Разве я возражаю?* → *Я не возражаю*; в пр. 6.27: *Что я спрашиваю?* → *Я не спрашиваю*; в пр. 6.28: *При чем здесь убивать?* → *Убивать здесь не при чем*; в пр. 6.29: *Почему только в российской?* → *Не только в российской*; в пр. 6.30: *При чем тут вес?* → *Вес тут ни при чем* = *Я не про вес*). Косвенные опровержения регулярно встречаются для устранения КН неправильного понимания иллокутивного (см. пр. 6.26, 6.27) и пропозиционального (обычно – референциального, см. пр. 6.28, 6.30) актов. Обилие соответствующих примеров позволяет их считать конвенциональным средством возражения русского языка для этих видов КН.⁷²

6.26

Г1 и Г2 = муж и жена; отношения в семье напряженные; Г2 ищет ссоры

Г1: А ты уходишь? – спросил он, не удивляясь.

Г2: Должна же я выйти в магазин!

Г1: *Разве я возражаю?* – сказал он тихо.

(Окуджава 1970, 346)

6.27

А. Ты знаешь / что Димка ударил И.П.? Б. Как? А. Я не знаю как / знаю / что ударил //

Б. Тьфу! *Что я спрашиваю* / каким способом? Я просто поверить не могу // А. А говоришь / "как" //

(из Ермакова/Земская 1993, 38)

⁷² Ср. установление функции возражения у *почему*-реплик в Ни 1999 (79): "Причинный вопрос служит интродукцией для отрицательного ответа, за которым следует более эксплицитный ответ-уточнение".

6.28

Г1: Деньги забирают и уезжают там на дачу в бассейне плавать...

Г2: В трамвае знаешь, как говорят, когда я в школу утром еду? Что всех богатых надо убивать.

Г3: Вы же не считаете, что богатых надо убивать?

Г1: *При чем здесь убивать?.. Я про другое.*

(Ог 36/1999, 18)

6.29

Г1: Но одно это, на мой взгляд, должно заставить задуматься, верно ли противопоставление поэта и практического деятеля. Противопоставление держится на легенде о поэтах советской эпохи [...]. Неполитизированный поэт для меня вообще загадка.

Г2: Именно в российской ситуации?

Г1: *Почему только в российской?* Достаточно прочесть "Божественную комедию" Данте, чтобы понять, что это не только российская ситуация.

(Чередниченко 1999, 204)

6.30

Учительница, только что обсуждавшая с коллегами вопрос о соотношении роста и веса у женщин разного возраста, на вопрос директора (не присутствовавшего при обсуждении): Лидия Васильевна / что вы думаете о своем росте? – отвечает: Рост у меня / я считаю / ничего // А вот вес мог бы быть и поменьше // Директор (удивленно, после паузы): *При чем тут вес?* я хотел спросить / не пора ли вам быть завучем? (из Ермакова/Земская 1993, 36)

3.3. Опровержение 'логики' альтернативной гипотезы

В силу того, что логические понятия строгой/нестрогой дизъюнкции не приложимы безоговорочно к естественному языку, в диалоге возможен конфликт между 'логиками' собеседников: объемы многих понятий говорящими оцениваются различно. Например, для Г1 два понятия могут не пересекаться, а для Г2 – полностью совпадать. В этих случаях в ответ на альтернативную гипотезу адресата в РВ говорящий опровергает не одну из выдвигаемых гипотез, а саму возможность двойственной интерпретации.

6.31

Г1 (= писатель) спрашивает у Г2 (= сотрудницы издательства), почему органами безопасности приостановлено издание его книги.

Г1: Объясните мне, что происходит?

Г2: Не могу. И более того, не знаю. Просто намекнули, что книга запрещена.

Г1: *Намекнули или дали соответствующее указание?*

Г2: Это одно и то же.

(Довлатов 2000в, 66)

6.32

Г1: Та я ось тільки курча зжарила.

Г2: Як зжарила? Ти ж казала, що спечеш.

Г1: Хіба є різниця, і то і то – зжарила, то – на плиті, а то – у плиті.

Г2: Та ні, печене смачніше.

(СМ)

4. Противопоставления при неправильном понимании

Интерпретации/пониманию адресата противопоставляется интерпретация/понимание самого говорящего. Как уже говорилось, противопоставление более чем достаточно для устранения КН: оно содержит и опровержение 'неправильной' интерпретации и указание 'правильной'. Эксплицитное противопоставление двух интерпретаций предполагает использование специальных служебных средств: союзов и частиц, сочетающихся с метакоммуникацией.

4.1. Союзы

Специфическим средством оформления корректирующего противопоставления выступает в русском языке конструкция с союзом *не..., а...*, а в украинском языке соответственно *не..., а...* (анализ коррекционного значения этой конструкции см. Кузе 1998, 218 сл.).

союз не..., а.../ні..., а...

Союз может включаться как в предикацию, осуществляемую на языке-объекте (пр. 6.33), так и в предикацию, реализуемую на метакоммуникативном уровне (пр. 6.34). Соединяемые части могут быть как однородными членами простого предложения (пр. 6.33, 6.36), так и двумя простыми предложениями в составе сложносочиненного предложения (пр. 6.35).

Союз продуктивен при устранении КН, возникших из-за незаполнения валентностей, использования абстрактных и оценочных лексем, вторичной номинации. Первый союз отрицает 'неправильную' интерпретацию Г2, второй, исправляя КН, указывает 'правильную' интерпретацию Г1.

6.33

Г1 = Терентій., Г2 = Будьонкін, Г3 = Візник

Г1: Вигадка, більш нічого...

Г2: Вся пошта гуде...

Г3: Кажуть, власноручно сам цар...

Г1: Цар?.. Брехня... Не може бути, щоб цар та знав, що є місто Козлов. Немає таких царів.

Г2: *Не* про місто знає, *а* про Івана Володимировича.

(Довженко 1964а, 318)

6.34

Г1: У нас страна тусовочно-пожарная...

Г2: Да не всегда на пожары-то успеваем...

Г1: Пожарная *не в том смысле*, что все тушат пожар, *а в смысле*, что все – пожарники. Все скопом бегают, а места у пожара кому-то не хвататет, да к тому же надо сообразить, где пожар большой, где маленький.

(ЛГ 24/1999, 13)

6.35

Г1: Кто же в России посмел дать разрешение на прослушивание телефонных разговоров ельцинского штаба? Какой суд отважился на это?

Г2: Вы неверно меня поняли. *Не* о телефонах речь, а прослушивались и записывались лишь разговоры в помещении. В стол был вмонтирован "жучок", с него то, о чем секретничали активисты выборной кампании
(Ог 14/1997, 7)

6.36

Г1: Будете у мене чаї ганяти і зрання, і ввечері. І розважати вашу Ольгу Павлівну... Згодні?

Г2: Згодитися – то я згоден, але що на це люди скажуть? Раз ми до людей з відкритим серцем ідемо, то треба буди послідовним до кінця. Треба, щоб у людей навіть найменшого сумниву про нас не закралося.

Г1: Я вас не розумію, – здивовано сказав Кочубей.

Г2: А що тут розуміти? Ольга Павлівна – моя дружина і повинна ходити на роботу в колгосп.

Г1: На поле? – Звів брови Кочубей.

Г2: *Не просто* на поле, а в ланку.

(Кучер 1971, 364)

В коррекциях иллокутивных неудач союз противопоставляет выведенную адресатом иллокуцию той, что программировалась самим говорящим.

6.37

А. Неужели ты любишь гречневую кашу с молоком? Б. Не понимаю/что ты так возмущаешься // А. Я не возмущаюсь / а удивляюсь //
(из Ермакова/Земская 1993, 50)

Союз *а* второй части конструкции в устной речи может подвергаться конденсации. При выпадении *а* противопоставительное значение несколько ослабляется, однако, не снимается полностью. Установлению противопоставительного значения способствуют интонация (передающаяся на письме с помощью тире – пр. 6.38), симметричность синтаксической структуры (повторение субъекта речевого действия: *я* – пр. 6.39), использование в обеих частях одной и той же метакоммуникативной конструкции, синтагмы (пр. 6.40) и частицы с противительным значением союзных слов (см. VI.4.2).

6.38

Журналист (= Г1) спрашивает режиссера (= Г2) о значении личных вещей в жизни.

Г1: Какие вещи того времени у вас остались?

Г2: Папаха осталась.

Г1: Из какого фильма?

Г2: *Это не из фильма, это – из жизни: уши сильно мерзли.*

(Ог 2/1997, 60)

6.39

Разговор дома между родственниками.

А. Молоко вам шлет привет! Б. Что? Убежало? А. Да // Б. (через некоторое время) Я бы никогда не стала тебе так говорить // Чему ты радуешься? Я всегда сочувствую в таких случаях // А. *Да я и не радуюсь! Я просто пошутил* //

(из Ермакова/Земская 1993, 51)

6.40

Г1: Юрій; Г2: Марфа.

Г1: Завтра.

Г2: А підготуватися встигнете?

Г1: Мені здається, що ми з Галею готувалися до цього дня все своє життя.

Г2: *Я не про це, Юрію, я про господарські справи. Як, Маріє?*

Г1: Та я, не при наречених кажучи, зарані...

(Левада 1967, 302)

Конверсія союзу ...*a ne*... меняет местами опровергаемое и утверждаемое в линейной последовательности. Примеров с такой последовательностью – немного, что объясняется, видимо, действием оппозиции: известное/менее значимое – в препозиции, а новое, более значимое – в постпозиции.

6.41

Г1 = Мічурін; Г2 = Лісницький.

Г1: Панове, умовимось: природа не жорстока і не добра. Закони її безособові! Для неї, змії, цареві красуні, холерні бацили – одна ціна. Тому наївно і безглуздо чекати милостей від природи. Взяти їх у неї – ось завдання.

Г2: Подолати закони!

Г1: Зрозуміти, *a ne* подолати. Думати треба.

(Довженко 1964а, 324-325)

Противопоставление, выраженное с помощью этого союза, с одной стороны, эффективнее - за счет контраста - решает задачу устранения КН, с другой стороны, может восприниматься как прагматически избыточное. Это происходит в силу того, что союз привносит в РУ вторичное значение конфронтации между собеседниками. Их роли четко распределяются: "исправляющий" (= Г1) – "ошибающийся" (= Г2). Поэтому без ущерба для вежливости данное вторичное значение наблюдается только в тех диалогах, где доминирует солидарная вежливость, где собеседники находятся в паритетных отношениях. В противном случае оно подчеркивает социальную иерархию, или, наоборот, противоречит ей. РУ с этим значением могут восприниматься как не совсем вежливые (пр. 6.41, 6.49).

Союз *но*

Менее распространенным, но также регулярным средством противопоставления правильного понимания неправильному в РУ выступает союз *но*.

Союз *но/але* характерен для устранения референциальных КН. Он всегда входит в состав метакоммуникативной вставки с глаголом говорения.

6.42

Г1: Дай, пожалуйста, мне шоколадика.

Г2: Ты его уже сегодня получила.

Г1: Нет.

Г2: Как нет? Я же тебе его утром давала.

Г1: *Но я прошу* шоколад в плитке, тот, с орехами.

Г2: А, хорошо.

(СМ)

6.43

Г1: Гляди ж, Галко, – в останнє нагадувала Ляля Корольковій, – не дуже відхиляйся від основного маршруту. Десь, звичайно, доведеться обходити пости, але великих кругів не накидай. Ти ж знаєш, з яким нетерпінням ми будемо чекати...

Г2: Красноград все-таки доведеться обійти, – серйозно зауважила Королькова. – І Сахновщину теж.

Г1: Можливо, дивись там уже сама. *Але я говорю про основний маршрут.*

Г2: За це не хвилюйся...

(Гончар 1978, 122-123)

4.2. Частицы

Примеры свидетельствует о регулярном использовании в коррекциях неправильного понимания следующих частиц: *же, только, просто*. Подобно союзам они служат для оформления связи между высказываниями, осуществляющими корректирующие действия, и "по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко... союзам...", т.е. могут выполнять "функции связующих слов при противопоставлении" (см. РГ, т. 1, 730). Собранные данные позволяют расширить список частиц со значением противительных союзов словом *вообще*. Значение противопоставления в этих частицах сочетается с другими – вторичными значениями, модифицирующими пропозицию РУ.

4.2.1. Частица "же"

В русском языке частица *же* широко используется в противопоставлениях. Это проявляется и на ее применении для коррекции КН в РУ, где *же* служит для выражения контраста, выполняя функцию противопоставления подобно союзам *а, однако, в то время как* (о выделении противительного значения частицы см., напр., РГ, т. 1, 730). Тот факт, что частица перенимает здесь значение союза доказывается невозможностью ее сочетания с этими союзами в рассматриваемых конструкциях с сохранением ею этого противительного значения. Употребление *же* после этих союзов было бы возможно только с неизбежным изменением значения контраста на значение его усиления (*же* = *ведь*). При этом само значение контраста выражалось бы союзами.

6.44

Г1: Других кандидатов на роль первого балетмейстера в нашей стране что-то не видно.

Г2: А как же Борис Эйфман? Или Евгений Памфилов.

Г1: Это совсем другое искусство. Я *же* имею в виду балетмейстера, способного повести за собой классическую труппу и академический балет.

(ЛГ 52/1998, 9)

Модификация:

Это совсем другое искусство. А я *же* имею в виду балетмейстера...

же (контраст) ≠ *же* (усиление)

Союзная функция *же* в украинском языке расценивается как спорная. Сравнивая функционирование частицы в двух языках, Антоненко-Давидович 1994 (174) считает противительное значение частицы для украинской литературной речи не совсем нормативным:

Бувають випадки, коли в українській фразі краще поставити сполучника *а*, хоч в відповідній російській фразі стоїть частка *же*: "Братья работали, я *же* сидел" – "Брати працювали, *а* я сидів".

В литературе по этому вопросу единого мнения нет. Одни авторы не упоминают *же* в списке союзов (см., напр., ГУМ1; УГ). Другие включают *же* в ряд противительных союзов (укр. = *протиставних сполучників*) (см., напр., Горпинич/Горяний 1993). При установлении противительного значения *же*, эти авторы обращаются к классике:

Сполучник *же* (ж) стоїть завжди не між предикативними частинами, а після першого слова другої частини: *Радісно в квітня тріпоче серденько, з грудей же могутніх пісня ілється* (Коцюбинський); *Гине безславно Самсон в самотині, серцем же рветься свій люд визволять* (Леся Українка).

(там же, 117-118)

Русско-украинский словарь разделяет два слова *же(ж)*: союз и частицу, именно ей – судя по примерам – приписывается противительное значение. В статье "*же* – союз" украинский перевод содержит два варианта: "*я остался, он же ушел* = *я залишився, а він (він же) пішов*" (РУС, 174). Среди украинских примеров не встретилось ни одного случая использования частицы *же* в коррекциях-противопоставлениях.

4.2.2. Частицы "только"/"тільки" ("лише"), "просто"

Общее значение модальной частицы *только/тільки* состоит в "ограничении, выделении" (см. РГ, т. 1, 728). Rathmayr 1989 (28) говорит об оценочной частице со значением "*Bewertung der Quantität/Handlung als im gegebenen Zusammenhang gering/geringfügig*" в утвердительных предложениях. Обе дефиниции увязывают модальность с градационностью. Значение противительного союза выделяет РТС (708) и ТСрЯ (82). Противительным является значение *только/тільки* в парном союзе *не только..., а и.../не тільки (лише)... а й (але й)...*,

при помощи которого формируется предложение со специфическим распределением функций двух составных частей: 1) в первой части, как правило, подчеркивается отрицание соответствующего предикативного признака; 2) во второй части сообщается о фактах, превышающих по своей

значимости или компенсирующих получившее отрицательную оценку в первой.
(УГ, 314)

Наблюдения за *только* в РУ позволяют говорить об одновременном проявлении противительного и градационного значения. Возможно следующее использование *только* в противопоставлениях:

- 1) после отрицания в опровержении неправильной интерпретации с доминирующим градационным значением (пр. 6.45);
- 2) после/вместо *а* в указаниях 'правильной' интерпретации с доминирующим противительным значением (пр. 6.46).

Нужно отметить, что второй вариант значительно преобладает.

6.45

Разговор двух подруг (= Г1 и Г2), приехавших провести несколько дней за городом для работы на дачном участке

Г1: М., коли город поливатимемо?

Г2: Та ось повечеряємо и можна буде полити.

Г1: Та я взагалі кажу, не *тільки* сьогодні.

Г2: Так щовечора, як сонце зайде.

(СМ)

6.46

(Две подруги приехали с дачи. Оказалось, что в доме меняют трубы)

А. Сегодня весь день придется быть дома // Б. Не жалуйся // Еще хорошо / что приехали в этот день // А. Я не жалуясь / *только* констатирую // Б. Если говоришь "придется" / значит жалуешься

(из Ермакова/Земская 1993, 56)

В аналогичном противительно-градационном значении используется и оценочная частица *просто*, чрезвычайно продуктивная в РУ. Согласно Rathmayr 1989 (26) значение *просто* в утвердительных высказываниях состоит в "Darstellung der Proposition als in der konkreten Situation einfachste Variante/Lösung/Begründung". РТС (542) выделяет усилительное и ограничительное значение частицы. БТСРЯ, различая наречие, частицу и союз, указывает о последнем: "соединяет предложения или члены предложения. Выражает противопоставление, сопоставление (часто с уступительным оттенком)". Для использования частицы в РУ представляется наиболее точной следующая характеристика:

Главная семантическая задача, решаемая *просто* состоит в маркировке противоречия между предполагаемым положением вещей и действительным.

(Чернцова 1992, 250)

Предполагаемое положение вещей соотносится с пониманием/интерпретацией адресата, а действительное – с пониманием/интерпретацией говорящего.

Особенно многочисленны случаи употребления *просто* в коррекциях с противительно-градационным значением для указания 'правильной' интерпретации после/вместо *а* (см. также примеры из Ермакова/Земская 1993, 43-45).

6.47

Г1 = директриса ведомственного института; Г2 = подчиненный; Г2 ухаживает за Г1.

Г1: (Разочарованно, безучастно) Хочу Вас поздравить, товарищ Новосельцев. Я долго подбирала кандидатуру и пришла к выводу, что лучшей мне не найти. (Иронично) Вы – решительный, знающий, энергичный, предприимчивый. (С обидой) Еще какой предприимчивый. Короче говоря, я уже подписала приказ о вашем назначении начальником отдела.

Г2: За что? Что я Вам такого сделал плохого?

Г1: Вы отказываетесь?

Г2: Нет, я *просто* не хочу, чтобы меня назначали таким тоном.

(кинофильм "Служебный роман")

6.48

Г1: Ты что пить будешь?

Г2: Молоко, если есть.

Г1: Вот, как раз свежее.

Г2: Покажи. (Смотрит на процент жирности). Нет, спасибо, я только обезжиренное пью.

Г1: Есть у нас (Берет из холодильника новый пакет)

Г2: Так его распечатывать надо. Может, ты попридержаться хотела.

Г1: Что ты такое говоришь?! (обиженно-недоуменно) Никогда у нас нет такого. Все – на стол.

Г2: Я *не* к тому, что ты – сэкономить, *просто* не хочу чтоб осталось, у меня когда больше одного пакета открыто, никогда не выпиваем, не успеваем – портится и выливаем потом. Жалко ведь.

(СМ)

Как и для *только*, возможно использование *просто* в опровергаемой части корректирующих противопоставлений (см. также пр. 3.17, 4.52, 5.114).

6.49

В диалоге о сочинительстве.

Это совершенно особый дар. Поэтому он так уникален. А пишут пьесы миллионы. Но это *не* драматургия. *Просто* графоманы заваливают пьесами. И не только меня.

(ЛГ 39/1999, 11)

4.2.3. Частица "вообще"

Относительно частеречевого статуса слова *вообще*, как и во многих других случаях, в современной русистике нет единогласия. РГ не включает его в состав частиц современного русского языка, относя его к наречиям. Только как наречие идентифицируется и украинское *взагалі* (см., напр., СУМ2, т. 1, 345). Глоссарий Rathmaur 1989 (21), однако, характеризует *вообще* как градационную частицу со значением "Hinweis auf generelle Gültigkeit" и как оценочную частицу со значением "Ausdruck von Unzufriedenheit". БТСРЯ (149) различает наречие, вводное слово и союз. Союз обычно "употребляется с союзами *а, но*"

(там же). Наречие и противопоставительную частицу различают РТС (542) и ТСрЯ (96). Указывается, что в разговорной речи частица "употребляется при противопоставлении чего-нибудь одного, более существенного и бесспорного, другому, сопутствующему" (ТСрЯ, 96). Что нового в обсуждение функциональной семантики *вообще* может добавить наблюдение за ним в РУ КН? Несколько примеров.

6.50

(разговор за обедом матери и сына)

М. Ты делаешь зарядку? Б. Сегодня не делал // М. Я не про сегодня/вообще-то делаешь? С. Время от времени // (из Ермакова/Земская 1993, 43)

6.51

(разговор дома двух родственников)

А. Я мясо приготовила // А гарнира нет // Может ты картошку сварить? Б. (возмущенно): Сейчас только 20 минут второго // В. А я и не говорю сейчас // Я говорю вообще // (из Ермакова/Земская 1993, 42)

6.52

Г1: На деда становишься похож.

Г2: Старость – не радость.

Г1: На деда своего, *не вообще* на старика, а на дедушку своего.

(СМ)

КН порождена омонимией существительного *дед*: Г1 актуализирует его в значении *родственник*, а Г2 – в значении *старик*.

6.53

Г1: Что все-таки с вами такое? – опять не выдержала Анна Афанасьевна. Ей чисто по-женски интересно было узнать, отчего молодые люди могут за одну ночь так измениться. – Серьезная любовь?

Солодовников в свою очередь с любопытством посмотрел на главврача:

Г2: Вы ничего не замечаете? Что происходит на земле...

Анна Афанасьевна даже выглянула в окно.

Г1: Что происходит? Не понимаю...

Г2: *Не* во дворе у нас, *вообще* на земле.

Г1: Война во Вьетнаме...

Г2: Нет, я не про то. Лады, Анна Афанасьевна, иду добывать железо! Куда надо идти? (Шукшин 1999, 390)

В пользу идентификации *вообще* как наречия говорит возможность постановки вопроса к нему как к члену предложения. В приведенных примерах такой традиционный тест проблематичен. Постановка вопроса возможна только после замены *вообще* другими, синонимичными, словами. В пр. 6.50: замена – *всегда*, *обычно*, вопрос – *когда?*; пр. 6.51: замена – *сегодня*, *в течение дня*, вопрос – *когда?*; пр. 6.52: замена – *любого (старика)*, вопрос – *какого?*; пр. 6.53: замена – *езде*, вопрос – *где?*. Общим для всех замен является

значение подчеркнутой неопределенности, обобщенности. Именно поэтому *вообще* встречается наиболее часто в коррекциях на неудачи,

порождаемые разным пониманием эксплицитно не выраженных категорий единичности/общности, определенности/неопределенности.
(Ермакова/Земская 1993, 42)

Все это характеризует *вообще* как полнозначное слово. Однако нельзя не заметить, что в рассмотренных примерах *вообще* проявляет себя аналогично частице *только*. Семантическая оппозиция *вообще-только* предопределяет их использование в разных частях противопоставительной конструкции.

В корректирующих противопоставлениях частица *вообще* встречается в:

- 1) в опровержении 'неправильной интерпретации' после *не* (см. пр. 6.53),
- 2) в указании правильной интерпретации после/вместо *а* (см. пр. 6.54).

В обоих случаях в другой составной части противопоставительной конструкции возможна подстановка *только* (см. пр. 6.45). Использование частиц в обеих частях усиливает противопоставление, фокусирует контраст.

Поэтому можно сказать, что функционирование *вообще* в коррекциях на неправильное понимание сближает его с частицами, осуществляющими противопоставительную связь.

5. Интерпретации

Интерпретации в РУ – это автоинтерпретации, в большей или меньшей степени эксплицирующие или разъясняющие тот уровень коммуникативного акта РИ, на котором возникла КН.

РУ-интерпретации могут выполнять различные коммуникативные функции (точнее – подфункции, если исходить из того, что первичная функция – это устранение КН).⁷³ Выделение различных функций может производиться на основе семантического отношения между пропозицией РИ и РУ.⁷⁴ В самом грубом обобщении 'идеальная' логическая зависимость между РИ и РУ выглядит следующим образом:

- неоднозначность в РИ – толкование в РУ;
- неточность в РИ – уточнение в РУ;
- неясность в РИ – дефиниции в РУ;
- имплицитный смысл – экспликация пресуппозиций, коннотаций, имплицатур и следствий;
- неполнота в РИ – первичная вербализация в РУ.

⁷³ Ср. использование понятие "kommunikative Funktion" в Grimm 1999, а также ее указание на используемое другими авторами понятие "kommunikative Verfahren" (там же, 287).

⁷⁴ Попытки классифицировать семантические значения интерпретации с точки зрения реформулировок не принимались неоднократно. На материале русского языка см. Girke 1977, Grimm 1999.

Однако, как обычно, реальный диалог далек от 'идеальных' логических построений. Проблематично не только выделение 'чистых' функционально-семантических типов (существуют многочисленные примеры разнообразных комбинаций типов), но и далеко не всегда подтверждается указанная межтипная зависимость.

Помимо того, список базовых функций должен быть дополнен следующими, также весьма распространенными, типами, которые представляют собой не столько семантические виды интерпретации, сколько различные ее способы: реформулировки, повторы, пояснение примером, перечисление, приведение синонимов, межязыковые и стилистические переводы. Семантические виды и способы интерпретации вступают в разнообразные иерархические отношения между собой. Поэтому предлагаемый ниже анализ РУ не может претендовать на строгость и последовательность их классифицирования, однако достаточно полно отражает эмпирическую картину.

Экспликативность и удачность автоинтерпретаций может быть весьма различной, что не зависит, однако, от их вида.

Наиболее частотным разговорным сигналом РУ-интерпретаций, встречающимся практически во всех их видах в бытовом, неформальном диалоге, следует назвать частицу *ну*, причисляемую большинством исследователей к наиболее распространенным русским частицам (см., напр., Николаева 1985). Ср. выделенное значение частицы в Rathmayr 1989 (25): "Eröffnung von Präzisierungen und Korrekturen". Кроме того, частица может сигнализировать о том, что говорящий испытывает затруднения в поиске оптимальной формулировки (ср. выделение значения 'поиск' в Баранов/Кобозева 1988, свойственного частице в ответах на вопросы, и общего вводного значения в Кодзасов 1996).

5.1. Повторы

Экспликативная сила повторов и модифицированных повторов крайне мала. В отношении тематического развития эти реплики стагнационны. Их информативность близится к нулю и зависит от количества нововведенных в РУ сем. Эти устрания на семантическом уровне близки к имплицатурным устраниям (ср. пр. 6.4), но отличаются от них на уровне прагматики. Отличие заключается в том, что повторы должны быть поняты в буквальном смысле, в то время как имплицатурный повтор должен вызвать понимание неэксплицитного, т.е. буквально не номинированного компонента.

В зависимости от степени модификации различаются: повторы-настаивания и модифицированные повторы-синонимы.

5.1.1. Повторы-настаивания

Повторы-настаивания являются повторами в буквальном смысле слова. Они могут лишь незначительно модифицировать структуру РИ на синтаксическом уровне, в большинстве случаев – сокращать. Неизменность пропозиции

сочетается с изменением иллокуции. Иллокутивная сила таких РУ – убеждение, Г1 настаивает на достаточности своего высказывания.

Reine Überzeugungsparaphrasen liegen bei Variationen vor, die auf semantischer Ebene keine markante Differenz zwischen BA (= Bezugsausdruck) und RA (= Reformulierungsausdruck) [здесь: соответственно между РИ и РУ, Л. Г.] erkennen lassen (z. B. Wiederholungen, aber auch andere). (Grimm 1999, 289)

Буквальный повтор в РУ характерен для тех КН, в которых непонимание граничит с удивлением. Г2 в принципе понял, но не решается поверить в это. Таким образом, РУ-повторы выполняют также функцию подтверждения и имеют иллокутивную силу настаивания. Для усиления настаивания в РУ широко используется утвердительная частица *да* и метакоммуникация.

6.54

Г1: Это он прощался со мной

Г2: Не понял. Повторите.

Г1: *Прощался со мной. Да.*

Г2: Он что же, всегда так с вами прощается?

(из Гафт 1985, 124)

6.55

Г1: Да вы были там?! На точке-то?

У меня заныл кончик позвоночника, копчик. Гришка тоже растерялся... Хлоп-хлоп глазами.

Г2: Как это "были"?

Г1: *Ну да, были вы там?*

(Шукшин 1999, 442)

6.56

Г1: Идем, я тебе одного Рембрандта покажу, вот это художник. Там у него голая баба нарисована до такой степени железно, что даже не стоит... Факт из религии подобран...

Г2: Обнаженная? – с натугой и сомнением переспросил Рябов.

Г1: *Да голая, я тебе говорю.* Пошли.

(Довлатов 2000а, 139)

Другая функция повторов – ограничение тенденциозного понимания – проявляется особенно ярко, когда они сочетаются с опровержениями неправильного понимания и неправильных гипотез. Такими повторами Г1 указывает Г-му2 на неправомерность выводить из его реплики больше ее буквального смысла.

6.57

Г1: Ну так что про Лужкова, какие у нас мнения?

Г2: Заказная статья, что ли, про Лужкова?

Г3: Лужков много о себе печется. (РИ)

Г1: Что ты хочешь сказать? Что у него слишком много своих материальных интересов? (РВ)

Г3: – Нет. ТАК я не хочу сказать. *Я сказал: он много о себе печется.* (РУ)
(Ог 36/1999, 16)

5.1.2. Модифицированные повторы

Лексическое наполнение РИ-модифицированных повторов или реструктурируется (пр. 6.59) или заменяется в РУ на синонимичное (пр. 6.58, 6.60, 6.61), однако совершенно новая толковательная информация все-таки не добавляется.

6.58

Г1 = цветовод-любитель; Г2 = журналист; тема разговора – выращивание хризантем

Г1 (РИ): ...Всі ці сорти ростуть у відкритому ґрунті.

Г2 (РВ): Виходить, усі ваші хризантеми морозостійкі?

Г1 (РУ): Так, *75 відсотків із них добре зимують практично без будь-яких затрат на укритий матеріал.*

Г2: Присипаєте кущі землю?

Г1: Тільки не це. Щоб уберегти хризантеми навіть від низьких температур, досить спорудити не надто товсту "ковдру" з опалого листя – і рослини взимку у безпеці.
(СГ 50/2000, 7)

6.59

Г1: Мы ведь все деньги, вырученные от продаж, сразу направляем в городской бюджет. Комитет по управлению имуществом на свои счета их не получает.

Г2: Не поняла.

Г1: Да, *мы организуем продажу, но покупатель вносит деньги на бюджетные счета, а не наши.*

(ЛГ 3-4/1998, 4)

6.60

Г1: Иван, – заговорила Яга, – а ты как дурак-то – совсем, что ли, дурак?

Г2: Как это? – не понял Иван.

Г1: Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? Бывает, досада возьмет – крикнешь: у, дурак! Я вот на дочь иной раз как заору: у, дура такая! А какая же она дура? Она у меня вон какая умная. Может, и с тобой такая история; привыкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный. А?

Г1: Не пойму, ты куда клонишь-то?

Г2: Да я же по глазам вижу: *никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный.*
(Шукшин 1999, 157)

6.61

Г1: Так він же не їздить машиною.

Г2: Як то – не їздить

Г1: *Уже давно. Тільки пішки.*

(Загребельний 1999, 20)

5.2. Договаривание

Как и при интерпретирующем договаривании в РВ, так и при договаривании в РУ речь идет о первичной номинации или первичной вербализации смысла (см. V.3.4.3.1). Зачастую такие РУ являются следствием неполноты в РИ. Г1 восста-

навливает (точнее, озвучивает) единицу, подвергшуюся сокращению в РИ. Как правило, это КН, вызванные эллиптическими конструкциями (обычно речь идет о ситуативном эллипсисе). В РУ Г1, поставленный перед фактом КН репликой Г2, заполняет пропущенные валентности (см. также пр. 4.55, 4.65, 7.32).

6.62

Г1 – тесть, Г2 – зять; Г2 появляется на траурной церемонии в соответствующем костюме, хотя Г1 и не успел предупредить его.

Г1: Тобі хтось порадив? Підказав? – мимоволі поспитав Карналь Юрія.

Г2: Що? – не зрозумів той.

Г1: Ну, *про костюм...*

(Загребельний 1979, 425)

6.63

Г1 – журналистка; Г2 – потомок князей Мещерских о первом посещении усыпальницы и дворца своих предков.

Г1: Вы пришли одним человеком, а ушли другим?

Г2: Я почувствовал прилив энергии, сил, уверенности, что смогу.

Г1: А что "смогу"?

Г1: *Вот восстановить, вернуть для россиян, для своих детей этот памятник.*

Многое сделать для России.

(ЛГ 49/1999, 7)

6.64

Г1 – проситель; Г2 – коррумпированный чиновник; тема – обсуждение условий взятки, даваемой в долларах (= "зеленые").

Г1: (смущенно): Я хотел бы в рассрочку. И сумма!

Г2: (не очень любезно): Что в рассрочку?

Г1: *Зеленые.*

(Ог 36/1996, 30)

5.3. Уточнение

Необходимость уточнения, как правило, обусловлена чересчур обобщенным выражением смысла в ИР (ср. недостаточность смысловой структуры в Кукушкина 1998, 69 и сл.). Общее значение уточнения, отмечаемое рядом исследователей – это отношение общего-частного, большего-меньшего (ср. Grimm 1999, 324; Кирпичникова 1970, 97). Поскольку, РУ-уточнения реализуются посредством парафраз, воспользуюсь определением уточнения приводимым в Grimm 1999 при обсуждении уточняющей функции реформулировок.

Mit "Die Formulierung U ist eine Präzisierung der Formulierung T" soll in dem folgenden dasselbe gemeint sein wie "Es gibt mindestens eine angemessene Interpretation von T, die keine angemessene Interpretation von U ist, aber es gibt keine angemessene Interpretation von U, die nicht auch eine angemessene Interpretation von T ist."

(Naess 1975, 22; цитируется по Grimm 1999, 324)

Уточнению соответствует логическая операция ограничения объема понятия. Отношение между двумя объемами понятия – это отношение подчинения. Уточняющая конструкция состоит из двух компонентов: уточняемого (или ограничиваемого, подчиняющего в логике) и уточняющего (соответственно – ограничивающего, подчиняемого).

Для возникновения конструкции со значением уточнения существенно лишь взаимное соотношение уточняемого и уточняющего компонентов, важно только, чтобы уточняемый компонент представлял собой более широкое по объему понятие, чем уточняющий.

(Кирпичникова 1970, 109)

В монологической речи компоненты конструкции образуют сплошную линейную последовательность (ср. Grimm 1999, 324). В диалоге же они разорваны репликой-выявлением КН. Именно эта РВ инициирует РУ, содержащую уточняющее.

Диалогическое высказывание, содержащее уточняемый компонент (= РИ) отличается от уточняемого монологического высказывания (вернее, фрагмента высказывания), прежде всего, по признаку законченности, цельности. Первое – закончено и цельно, второе – оборвано. О том, что некий фрагмент РИ уточняется в РУ можно говорить только после завершения всей уточнительной конструкции (т.е. всей диалогической последовательности с КН), так как до момента реализации адресатом РВ говорящий не намеревался ничего уточнять, попросту не видел в этом необходимости (но не возможности). В случае большей понятливости адресата КН могла и не наступить, уточняющая конструкция могла и не состояться. В то время как в монологических уточняющих конструкциях, необходимость в уточнении осознается говорящим сразу же после или даже во время производства первого компонента. Если же Г1 намеренно неточно выражает смысл в РИ, провоцируя, тем самым, непонимание Г-го 2, такие неудачи следует относить к провокационным (см. VII.1.3). Провизорно-провокационную интенцию часто можно заподозрить у Г1, уверенного в (профессиональной) заинтересованности Г2 в точности. В этом случае Г1 преднамеренно количественно подает информацию (пр. 6.66, 6.68). Другой вид намеренной неточности – это эвфемизация смысла (возможно, пр. 6.65). Оба вида провокационной неточности характерны для информативных диалогов, напр., интервью. В то время как неточность в бытовых диалогах представляет собой, скорее, их конститутивное свойство (пр. 6.67).

6.65

Г1 = директор школы, Г2 = журналист.

Г1: Плюс система мер по разумному привлечению в школу внебюджетных средств и их легализации.

Г2: Что вы имеете в виду?

Г1: То, что к нормативному бюджетному финансированию могут прибавляться внебюджетные деньги, в частности взносы родителей, которые расходуются под контролем попечительских или иных общественных советов школ.

(МН 27/2000, 16)

6.66

Г1 = журналист, приглашенный в театр иностранным коллегой; Г2 = майор, сотрудник органов безопасности; тема разговора: знакомство с иностранцем, подозреваемым в шпионаже.

Г1: [...] Он пригласил нас с женой в Кировский театр. Думаю позвонить ему, извиниться, сказать, что заболел.

Г2: Ни в коем случае, – привстал майор, – идите. Непременно идите. И все до мелочей запоминайте. Мы вам завтра утром позвоним. [...]

Г1: Не могу, – говорю, – есть объективные причины. (РИ)

Г2: То есть? (РВ)

Г1: У меня нет костюма. Для театра нужна соответствующая одежда. Там, между прочим, бывают иностранцы. (РУ)

(Довлатов 2000в, 331)

6.67

Г1: Я еще тут должен выяснить насчет собаки, – говорю.

Г2: То есть?

Г1: В связи с ее транспортировкой... Должны быть какие-то правила.

(Довлатов 2000г, 117)

6.68

Г1: Но есть целый спектр сил которые, на наш взгляд, сейчас, за девять месяцев до выборов, отвечают названным президентом требованиям.

Г2: Каким именно?

Г1: Я имею в виду патриотически настроенных профессионалов, которые не свернут с пути демократических реформ.

(ЛГ 14/1999, 7)

Г2, по-видимому, ожидал номинативного уточнения (см. РВ *Каким именно?* → *Назовите поименно*). Прибегнув к денотативному уточнению, Г1, вероятно намеренно, уходит от конкретного ответа. Говоря языком логики, произошло ограничение объема понятия от большего класса к меньшему, но не к индивиду.

5.4. Обобщение

Обобщение противопоставлено уточнению. Необходимость обобщения, вызывается неудачным, а именно – избыточно конкретным выражением смысла (ср. избыточность смысловой структуры в Кукушкина 1998, 86 и сл.). Первый компонент обобщающей конструкции – обобщаемое – содержится в РИ, а второй – обобщающее – в РУ. Роль РВ для возникновения обобщающей конструкции в диалоге с КН также принципиальна, как и при возникновении уточняющей конструкции: без РВ конструкция бы не состоялась. В Grimm 1999 (332) указывается на высокую продуктивность этого вида реформулирующих функций в научных текстах. В диалоге же эти неудачи почти никогда не вызывают непонимание адресата, по крайней мере, оно почти никогда не выяв-

ляется. Лишь изредка обобщения встречаются в публицистическом диалоге при гипотетическом понимании.⁷⁵ Гипотеза Г2 в таких случаях выявляет его более узкую по сравнению с интендированной в РИ интерпретацию. РУ предназначена 'расширить' объем, обобщая смысл. В качестве специфических средств РУ-обобщения используются метакоммуникативные конструкции, содержащие градационные частицы. При этом конструкции с *только*, *просто* опровергают интерпретацию Г2 в РВ, а конструкции с *вообще* вводят обобщение.

6.69

Г1: Европейская культура тем и отличается от восточной, что устремлена к трансцендентному, к Иным мирам, к освобождению в поюстороннем мире ради потусторонних ценностей. Но эта свобода оказалась саморазрушительной. Как и связь авторитета и автора.

Г2: Правильно ли я поняла: если авторитеты можно искусственно создавать (то есть быть их автором), то сам авторитет тогда (в отличие от его автора, технологического создателя) ничтожная величина?

Г1: *Не только в этом смысле. Вообще*, ведь что такое авторство? Это способность к творчеству. Автор – это творец. В высшем смысле автором является Господь Бог, сотворивший мир из ничего. Высшее авторство – творение из ничего. Кстати, представление о творении из ничего характерно тоже только для европейской цивилизации. Высший авторитет – авторитет автора, именно потому, что авторство приближает к Богу. Такие представления сохранялись до конца XIX века – века рационализма, который, как известно, завершился провозглашенной Ницше "смертью Бога". На месте понятия "авторитет" возник некий вакуум. Такие мыслители, как Фихте или Ницше, сформулировали антитезу "авторитет или свобода". И выбрана была свобода. Отсюда особая любовь XX века к сокрушению всех и всяческих авторитетов. (Чередниченко 1999, 197)

5.5. Идентификация

Идентификация представляет собой особый вид референциального уточнения, а именно такой, при котором ограничение объема уточняемого смысла производится до минимума. Собственно говоря, уже и в РИ объем выражаемого смысла, с точки зрения Г1, очерчен точно. Однако Г-му2 не хватает информации для его правильного соотнесения с действительностью.

В зависимости от того, какое из средств идентификации оказалось недостаточным, РУ могут содержать указание, номинацию или обозначение. Вот некоторые закономерности соотнесения РИ – РУ, между которыми устанавливается отношение референциальной идентификации.

1. Фактор референциальной КН в ИР: обозначение нарицательным именем, прилагаемым Г-им1 и Г-им2 к разным объектам.

РУ-идентификация: дейктическое указание (пр. 6.70) или указание с помощью актуализирующего притяжательного местоимения (пр. 6.71).

⁷⁵ Это обстоятельство, а также тот факт, что обобщения характерны для РВ гипотетического понимания в личном диалоге, позволяет рассматривать обобщение не как эвристический прием, присущий вообще интерпретационному дискурсу, а как тактику ведения беседы, обусловленную профессиональной сверхзадачей говорящего. Этим говорящим является журналист/ведущий, направляющий интеракцию.

6.70

Г1 и Г2 – члены семьи. В семье имеется годовалый ребенок, который охотно играет журналами и книгами.

Г1: Ти диви, як дитина *книжку* розірвала!

Г2: Що?! Навіщо ж ти дала?!

Г1: Та ти ж сама дала, *ось оцю*, гратися. Ти ж казала, це реклама, викинути треба. (СМ)

КН идентифицирующей референции, осуществленной денотативно (обобщенное обозначение). РУ идентифицирует референта посредством дейксиса *ось цю*.

6.71

А. Малыша держат в городе / потому что родители не хотят ехать на дачу // Б. (смотрит непонимающе) *Какие родители?* А. Его // Вы думали мои? Нет / его // (из Ермакова/Земская 1993, 37)

2. Фактор референциальной КН в РИ: употребление неопределенных местоимений. Они призваны осуществлять, как правило, неопределенную референцию и терпят неудачу при выполнении денотативной функции. РУ-идентификация: именное обозначение объекта (пр. 6.72, 6.73).

6.72

Г1: У тебя что, *что-то* есть?

Г2: В смысле?

Г1: *Занятия*.

Г2: Нет, в библиотеку надо.

(СМ)

РИ могла предполагать и назначенную встречу с кем-либо, и консультацию у преподавателя, и вообще любую цель прихода Г2 в университет.

6.73

Г1: Доню, – несподівано зміненім, урочистим голосом промовила Надія Григорівна, – а ти знаєш про те, що, коли б з тобою *що-небудь* трапилось, я не перенесла б цього... Я наклала б на себе руки...

Г2: Ти про що, мамо? – вжахнулась Ляля. – Про що, скажи?

Г1: *Про твоїх друзів*, Лялю. Вони приходять завжди ділові такі, задумливі...

(Гончар 1978, 72)

3. Фактор референциальной КН в ИР: использование личных и указательных местоимений при недостаточной актуализации объекта контекстом. Наиболее удачный способ идентификации в таких случаях – номинативный. Если Г1, однако не в состоянии осуществить номинативное устранение (не знает собственное имя референта), он может прибегнуть к денотативному уточнению (пр. 6.74, 6.75).

6.74

Г1: Черт возьми!.. с досадой, тихонько сказал старичок-ревматик огромному соседу. – А Теперь *его* жалко.

Г2: Кого? – не понял сосед.

Г1: *Да вон его... в шляпе.*

(Шукшин 1999, 482)

6.75

Г1: Петя!.. – Лялька опять в окне. – Ты помнишь, как *эта...* вокруг тебя увивалась-то? "Петя, давайте я вам холодцу положу! Петя, вы летку-енку танцуете?" Лярва... Петя, возможно, забыл, когда и кто вокруг него увивался, но ему приятно, что – увивались.

Г1: Она сегодня опять будет. Смотри, не сули ее ничего! Ей шиферу надо, лярве. Петя провел толстой, короткой ладонью по волосам. (РИ)

Г2: Ты про кого? (РВ)

Г1: А эта... не знаю, как ее фамилия, *знакомая Колмаковых. Все летку-енку-то танцует...* (РУ)

Г2: А-а, – вспомнил Петя. – А чего она хочет?

(Шукшин 1999, 399)

Устранение денотативным уточнением может оказаться повторно неудачным, если уточняющее в РУ недостаточно суживает объем уточняемого из ИР. Г2 продолжает настаивать на дальнейшем сужении. Наиболее приспособленным средством к этому являются собственные имена (пр. 6.76, 6.77).

6.76

Заседание на показательном судебном процессе; Г1 = обвиняемый; Г2 = государственный обвинитель.

Г1: В одном из писем, полученных в 1 четверти 1937 г. по линии Аркадия Павловича... (РИ)

Г2: Что значит по линии А.П.? (РВ1)

Г1: Через его заграничную связь. (РУ1)

Г2: Через *Розенгольца*? (РВ2)

Г1: Да... (РУ2)

(СО, 228)

6.77

Г1: А ви як сюди потрапили?

Г2: Навкільним шляхом.

Г1: Я вас не розумію.

Г2: Німці підбрали мене під *Севастополем*.

(Галич 1977, 351)

5.6. *Приведение примеров (экземплификация)*

Приведение примеров близко к уточнению. Как и уточнение, оно конкретизирует то значение, которое в РИ выражено обобщенно. Поэтому приведение примеров часто устраняет КН, вызванные РИ, в которых используются неопределенные, тотальные местоимения (6.82), лексемы с обобщенным количественным значением (6.79), а также обобщенное использование множественного числа (6.78). В отличие от уточнения, пояснение примером выражает не весь тот смысл, что подразумевался в РИ, а только его часть. Оставшаяся часть, однако, не исключается, как это происходит при уточнении, а только остается неноминируемой. Можно предположить, что при настаивании собеседника,

может последовать вторая РУ, где будут приведены другие примеры. Категория 'приведение примером' представлена в функции устранения непонимания не столь широко, как в функции страховки понимания (ср. Grimm 1999, 300). Функция метакоммуникации в этих РУ – ввод примера. Как и при страховке понимания (ср. там же), наиболее употребимый индикатор РУ-экземплификации – *например* (пр. 6.78, 6.82). Возможны его функциональные синонимы: *приведу пример* (пр. 6.81), *предположим* (пр. 6.79). Экземплификация может и не индцироваться (пр. 6.80).

6.78

Г1: А дальше надо всесторонне, неангажированно взвесить все доводы, сопоставить и проанализировать *все* материалы, в том числе новые, и потом принять окончательное решение в суде.

Г2: Что вы имеете в виду, говоря о новых материалах?

Г1: На наш сайт в Интернете поступают весьма интересные документы – *например в Австралии обнаружилась часть копий, которых нет в Гарварде...*

Г2: Если я правильно поняла, вы не исключаете в будущем сенсаций?

Г1: Не исключаю.

(ЛГ 1/2000, 8)

6.79

Г1: Вообще же большинство разводов происходит по недоразумению.

Г2: То есть?

Г1: *Ты пришел домой поздно. Я сижу с твоей женой. Предположим, у нас с ней общая работа...*

(Ог 36/1999, 27)

6.80

Помню, Иосиф Бродский высказался следующим образом:

Г1: Ирония есть нисходящая метафора.

Я удивился:

Г2: Что это значит – нисходящая метафора?

Г1: Объясняю, – сказал Иосиф, – вот послушайте. "*Ее глаза как бирюза*" – это *восходящая метафора*. А "*ее глаза как тормоза*" – это *нисходящая метафора*.

(Довлатов 2000г, 222)

6.81

Г1: Но самым лучшим физиком все равно бы не стал. И тогда я понял, что в душе я художник, и ушел в музыку. Так вот, даже с точки зрения физики мир необъясним.

Г2: Как так?

Г1: *Я тебе приведу один пример*. Есть такая наука, которая называется квантовой механикой, на ней держится все современное познание мира, туда входят учение об атомах и прочее. И вот законы, по которым эта квантовая механика работает, такие, что человеческая логика в принципе не может, отказывается даже их понимать.

Конкретно. Электрон (микрочастица) ведет себя так. Если есть десять подъездов в доме, то в каждый подъезд один электрон может зайти одновременно [...]

(Ог 22/2001, 31)

6.82

Г1: На зустріч, де Еней повинен був цього разу познайомити з Кужілем мене, мали йти на цвинтар Д-3. Потім там стояло: пугу-пугу... На другий день після Преображення. Резервна зустріч: кожен понеділок з 23-2...

Г2: Поясніть, будь ласка, як розуміти всі ті умовності?

Г1: Які саме?

Г2: *От, наприклад*, чекатиме на цвинтарі Д-3?

Г1: Село наше велике, має кілька кутків. Один з них Дубівка. Там цвинтар, могилки... (Сичевський 1991, 159)

Экземплификацией Г1 устраняет КН не только, когда он недостаточно точно или ясно выразил смысл, но и когда он сам для себя недостаточно осознал смысл. Кукушкина различает в связи с этим КН этапа осмысления и КН этапа кодирования (ср. Кукушкина 1998, 17 и сл.). В такой экземплификации доосмысление производится непосредственно во время говорения, то есть озвучивается внутренняя речь.

6.83

Г1: Поедем куда-нибудь.

Г2: В смысле?

Г1: *Я не знаю... В Канаду... Или в Бразилию...*

(Довлатов 2000а, 196)

5.7. Перечисление

Перечисление – прием приведения множественных примеров. Как и экземплификация, может использоваться для установления разных семантических отношений РУ к ИР. Объемы значения членов цепочки перечисления могут находиться друг к другу в синонимических отношениях, или иметь общий признак. Это перечисление гипонимов вместо указания одного гиперонима (напр., в пр. 6.84 – *пресса*, в пр. 6.85 – *материальные блага*, в пр. 6.87 – *сотрудничество*) свидетельствует о трудностях говорящего, который пытается таким образом выиграть время для поиска оптимального выражения смысла. Когда оно бывает найдено, перечисление предшествует собственно уточнению (пр. 6.86 – *літературні твори*), определению-переводу (пр. 6.88 – *правління колгоспу*).

Перечисление при идентификации

6.84

Г1: Праворуч, сказав до Фурмана Байда. – Паняй просто до входу в готель! Дивися, скільки їх понаїхало!

Г2: Кого? – перепитав Фурман.

Г1: *Журналістів, кореспондентів, репортерів, хай їм біс...*

(Сичевський 1991, 148)

КН-фактор – использование для идентифицирующей референции дейктического іх.

6.85

Муж (= Г1) и жена (= Г2) обговорюють пропозицію об ангажементі, зроблену женою-балериною столичним театром.

Г1: Ти ж бачиш, ми досі не маємо квартири, наш економічний рівень теж... Звичайно, це моя вина перед усім, але вже коли вони тебе запрошують... Хто ж тебе запрошує?

Г2: Театр.

Г1: Особисто.

Г2: А я не знаю... Не пам'ятаю. Був учора якийсь чоловік... Солідний такий дядько... Там десь є лист... Не в мене... Я лишила його в дирекції...

Г1: Вони щось обіцяють?

Г2: Танцювати в "Марусі Богославці".

Г1: *Та ні... Звання, квартиру, ставку...* Про це ти не говорила?
(Загребельний 1979, 154-155)

Перечисление при уточнении

6.86

Телефонний розговор; Г1 = читач газети, Г2 = співробітник газети.

Г1: Чи не могла б редакція один номер "Селянки" на рік віддавати виключно для публікації матеріалів своїх читачів?

Г2: З радістю. Але які саме матеріали ви маєте на увазі?

Г1: *Вірші, оповідання – літературні твори.*

(СГ 51/2000, 1)

КН-фактор – використання вторичної номінації з обобщеним значенням *матеріали* для ідентифікуючої референції.

Перечисление при определении

6.87

Г1: ...Бандерівський провід заплямував себе видвертим колабораціонізмом.

Г2: Говори по-людськи.

Г1: *Ну, абвер, гестапо, багаторічні зв'язки.*

(Сичевський 1991, 107)

КН-фактор – використання слова іноземного походження *колабораціонізм*.

6.88

Г1: То, виходить, що те письмо від язикатих писане вже не тільки про мене і мого чоловіка, а вже й про весь руксостав.

Г2: Що? – перепитала Соломія. – Який руксостав?

Г1: Ну, руксостав, – пояснила Уляна, це – *Колода, Перегуда, Шугалія, ну ще там бригадири. Словом, усе правління колгоспу та голова сільради і є той самий руксостав*
(Кучер 1971, 189)

КН-фактор – використання скорочення-неологізма *руксостав* = *руководящий состав*, заїмствованного з російського мови.

5.8. Толкование

Под толкованиями в широком смысле слова понимаются выражения на семантическом языке, или переводы на семантический язык:

[...] для признания двух слов (или синтаксически неразложимых фразеологических единиц) А и Б лексическими синонимами необходимо и достаточно, [...] чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т.е. переводились в одно и то же выражение семантического языка...
(Апресян 1974, 223)

При толковании между толкуемым смыслом в ИР и толкующей РУ устанавливается отношение тождества. В зависимости от того, на каком уровне устанавливается тождество, различаются системные толкования и ситуативные. Системные толкования представляют собой определения (дефиниции).

5.8.1. Определения (системные дефиниции)

Под определениями или дефинициями понимаются разъяснения семантического значения, которые устанавливают системно-языковое тождество.

Определения устраняют КН, вызванные нарушением кода. Объемы фоновых, точнее, лингвистических знаний коммуникантов не совпадают, но говорящий упускает это из виду. К качеству определяемого, содержащегося в РИ, выступают иностранные слова, неологизмы, узко-специальные термины, жаргонизмы, диалектизмы и т.д. Это должны быть единицы необщеупотребительные, но регулярно используемые некоторой, пусть даже самой немногочисленной общностью носителей языка, и их значение должно быть закреплено (в том числе, в лексикологических справочниках)⁷⁶. Именно кодификация лексического значения дает говорящему основание пресуппонировать знание этого значения адресатом. К ним не относятся окказионализмы или индивидуальные тропы, т.е. единицы, знание значения которых говорящий не вправе пресуппонировать (устранения КН, вызванными ними, относятся к ситуативным толкованиям, см. VI.5.8.2).

Определения встречаются при КН непонимания, неправильного (в том числе гипотетического) понимания. КН непонимания: либо употребляемая единица в лексическом запасе адресата отсутствует, либо он сознает (исходя из контекста), что известное ему значение не соответствует тому, которое актуализирует говорящий. В случае совпадения контекстов употребления двух разных значений может возникнуть КН неправильного понимания.

Разделение определений на предикативные и аппозитивные (= реформулировочные)⁷⁷ в РУ КН прослеживается в их структуре. Как известно, структура определения состоит из двух элементов: определяемого и определяющего

⁷⁶ Ср. понятие *feststellende Definition* в Pawłowski 1980 (18).

⁷⁷ См. Freidhof 1996 (52): "Prädikativische Definitionen definieren das definiendum, appositivische reformulieren es".

(ср. Grimm 1999, 295 и сл.). Определяемый элемент – это фрагмент РИ, вызвавший КН. Он может дублироваться в РУ. Определяющий элемент конституирует РУ. Оба принадлежат к речи Г1. Для РУ-определений в диалоге с КН существенно выделить еще один структурный элемент предикативных дефиниций. Речь идет о глаголе-связке *есть/е* (выпадающем, как правило, в русском языке и – реже – в украинском языке и передающемся с помощью интонации в речи или с помощью тире на письме) или метакоммуникативных глаголах *значить, называть, называться*, осуществляющих предикацию. Это – обязательный элемент предикативной дефиниции, ее полная структура выглядит следующим образом: определяемое + глагол-предикат + определяющее. Для реформулировочных определений метакоммуникативный индикатор является факультативным элементом структуры, она описывается: определяемое + (метакоммуникативный индикатор) + определяющее.

Интактную структуру имеют чаще всего предикативные определения: все элементы находятся в РУ в контактной позиции.

Интактная структура в предикативном определении (РУ = определяемое + определяющее)

6.89

Разговор о молодежных группировках.

Г1: ...Ясное дело: если репер видит металлиста, сразу драка. Я? Я, например, тоже *репер*.

Г2: Это что такое? – беспомощно и обреченно спрашивает Кирилл Сергеевич.

Г1: *Ну, реп – это такая музыка*, – снисходительно и в тоже время охотно поясняет репер...

(Ог 25/1996, 40)

Определяемое в РУ – это не всегда буквальный повтор неясной единицы из ИР, она может быть представлена анафорически: *так, это, такой* и.д.

6.90

Г1 = ученый, специалист по ракетостроению, Г2 = журналист, тема: воспоминания Г1 о командировке на Северное море.

Г1: Итак, собралась группа конструкторов, и мы отправились в Североморск. Там нас посадили на эсминец, командующий сказал, что с нами сделают "*коробочку*"...

Г2: Что *это*?

Г1: У них есть *такой термин – ход по "квадрату"*. В общем, наш поход был рассчитан на сутки...

(ЛГ13/1999, 4)

Разорванная структура предикативного определения возможна только в том случае, когда РВ реализована денотативным запросом: *Что это такое?*, *Что это значит?* и т.д. (см. V.3.3.3). Можно сказать, что дефиниция осуществляется совместными усилиями интерактантов. Определяемое и определяющее относится к речи Г1, а глагол-предикат – к речи Г2. Именно то обстоятельство, что глагол-предикат только что прозвучал в РВ, дает Г1 возможность

не номинировать его в РУ, которая в таких случаях представляет собой контекстуальный эллипсис.

Разорванная структура в предикативном определении (ИР = определяемое; РВ = глагол-предикат; РУ = определяющее)

6.91

Г1: Ну ладно, довели на "уазике". Через *зимник*.

Г2: *Это* что такое?

Г1: *Дорога через лес, тропинка такая, можно проехать только зимой.*

(Ог 16/2001, 30)

РУ с реформулировочным определением содержит, как правило, только определяющую часть.

Разорванная структура в реформулировочном определении (ИР = определяемое; РУ = определяющее)

6.92

Г1: Так я и знал. У нас в баллансе излишек выскочил. 37 рублей. А мой главбух этот излишек *накол*.

Г2: Куда *накол*?

Г1: Ну, *обнаружил*. Необразованность.

(кинофильм "Ночной патруль")

Полная структура реформулировочного определения может свидетельствовать о недостаточной коммуникативной компетенции Г2. Дублирование неясной единицы легитимно для предикативного определения дефиниции, но не для реформулировки: настаивание на формулировке, вызвавшей КН, сигнализирует о нарушении принципа вежливости и нарушении максимы понятности.

6.93

Г1: У нас вчера товарищ *откинулся*. Надо помочь. Рубашка там, костюм, туда-сюда.

Г2: Я думаю, мы поможем. Какой размер?

Г1: Нормальный размер. Вон как у Сереги. (Размер у Сереги был не такой уж и нормальный. Большой размер.)

Г2: Вот смотрите, очень хорошая черная рубашка, как раз подойдет.

Г1: Ты что, дура? Веселенькую надо.

Г2: Может быть, не надо на похороны веселенькую? – рискнула посоветовать Катя.

Г1: Ты что сказала? Какие похороны? Товарищ, тебе сказали *откинулся*. С зоны *вышел*. Рубашку давай!

(МН 38/1996, 26)

КН вызвана незнанием адресата жаргонного значения глагола *откинуться*. Адресат актуализирует значение фразеологизма *откинуть концы, копыта = умереть*. Переход от специального языка (здесь, тюремный жаргон: *откинуться = освободиться из места заключения*) к общеупотребительному языку произошел не полностью (*зона = место заключения*).

Сама разница между предикативным и реформулировочным определением в РУ может быть очень тонкой и выводиться из значения вводящего определяющую часть метакоммуникативного индикатора.

6.94

Г1: А если я не волоку? (1)

Г2: (реагирует раздраженно) Не понимаю, что вы хотите сказать. (2)

Г1: Ну, значит, не разбираюсь. (3)

(из Нещименко 2001, 110)

Знаки препинания, расставленные автором в (3), обуславливают интерпретацию *значит* как вводного слова (см. VII.2.3). В этом случае РУ следует отнести к реформулировочному определению. Если предположить, однако, что после *значит* стоит тире или двоеточие, то определение подпадает под вид предикативных. Разговорная частица *ну*, сигнализирующая о трудностях формулировки, сама по себе, не может быть привлечена для таксономического анализа: она встречается как в предикативных (пр. 6.89), так в реформулировочных определениях (пр. 6.92).

Если РУ состоит только из определяющей части и следует за РВ – денотативным вопросом, классифицирование еще более проблематично.

6.95

Г1: ...Он пришел к тебе по наводке. Его навели.

Г2: Как?

Г1: Старушатник. Это сейчас бизнес такой. Одни торгуют в ларьках, а другие пасут богатых старух.

Г2: Что значит: пасут?

Г1: Женятся. И ждут, когда помрут. Чтобы после твоей смерти все забрать себе. (Ог 23/1997, 44)

Возможные варианты-интерпретации РУ:

И1: *Значит "женятся". И ждут, когда помрут.* (= предикативное определение);И2: *Ну, женятся. И ждут, когда помрут.* (= реформулировочное определение).

В разговорной речи встречается также еще один вид предикативных определений – определения-дескрипции. Такие описательные толкования 'на случай' указывают лишь один признак, при этом, часто, далеко не главный.

6.96

Г1: Та привіз картоплі, так тільки померзла.

Г2: І дуже померзла?

Г1: Зовсім. Котяхи одні привіз.

Г2: А що це таке котяхи?

Г1: Та що по дорозі валяються.

(из Білодід/Грищенко 1967, 113)

В РУ-дескрипции манифестируется не только расчлененность, но и синкретизм разговорной речи: выпадает субъект, он мог бы быть выражен или 1) повтором *котяхи*, или 2) анафорой с коррелятом *это – то, что...*

Итак, определения характерны как реакция на реплики-выявления непонимания, реализованные как РВ-денотативный запрос. Кроме того, определения возможны после констатаций непонимания (пр. 6.94) и других типов вопросов, использующихся в качестве денотативного: восполняющего вопроса (пр. 6.97), вопроса-повторения (пр. 6.98), молчаливого вопроса (пр. 6.99).

6.97

Г1: Ну, так же прямо никто не скажет, что шлюха нужна, а все – вежливо, красиво: мол, требуется эффектная молодая девушка для работы в странах ближнего и дальнего зарубежья, без знания языка. Тут даже мурзилке понятно.

Г2: Кому?

Г1: *Мурзилке. Мы так школьниц называем.*

(кинофильм "Игра на чужом поле")

6.98

Г1 = журналист; Г2 = голубевод; разговор о голубеводстве.

Г1: Але ж бачу – птиця у вас різномаста...

Г2: Так порода не завжди від масті залежить. Миколаївський голуб одномастий – червоний, сірий, сизий, з білим хвостом, іноді у нього в хвості симетрично розташовані рульові пір'їни іншого кольору. Хоча є в мене и багато перебитої птиці...

Г1: Перебитої?

Г2: *Так голуб'ятники називають птицю нечистопорідну.*

(СГ 37/2000, 2)

6.99

(1) Г1: Вы смотрите политические новости?

(2) Г2: Я нет.

(3) Г3: Если жду спортивные новости, тогда смотрю.

(4) Г1: А почему неинтересно их смотреть?

(5) Г3: Потому что это *отстой*.

(6) Г1: ?

(7) Г3: Потому что это *неинтересно*.

(8) Г2: Я не интересуюсь политикой. Это... следствие моего возраста.

(Ог 36/1999, 16)

В качестве индикаторов дефиниционных устраниений выступают метакоммуникативные единицы: глаголы обозначения *значить* (см. пр. 6.100), *называть* (см. пр. 6.101), *называться* (см. пр. в Ермакова/Земская 1993, 45). Эти единицы используются в том числе в ссылках на определенный код: *у нас так говорят* (см. пр. в Ермакова/Земская 1993, 43), *сейчас называют* (пр. 6.101), *мы так называем* (пр. 6.97), *голубятники так называют* (пр. 6.98), *так говорится* (пр. 6.102). Кроме того, широко встречаются и метакоммуникативно неиндцированные дефиниционные устраниения (пр. 6.93).

6.100

Г1: В этот магазин надо зайти, здесь уже идет распродажа.

Г2: Можно подумать, что в других даром дают, а не распродают.

Г1: *Распродажа – это значит продают по сниженным ценам, ясно?*

Г2: Теперь ясно.

(СМ)

КН возникла из-за использования слова *распродажа* в относительно новом для русского языка значении, распространившимся после начала экономических реформ. Адресату было известно, по-видимому, только значение, синонимичное *продажа*.

6.101

А. Вы знаете / передавали / что в Ташкенте будет съезд *афганцев* // Б. А почему в Ташкенте? Что они / у себя не могут? А. Где у себя? Б. В Афганистане // А. В каком Афганистане? Вы разве не знаете / что *афганцами* сейчас называют тех / кто воевал в Афганистане.

(из Ермакова/Земская 1993, 36)

6.102

Г1 = оперная певица; Г2 = журналистка.

Г1: А у меня никаких знакомств не было, я долго мучилась, пока в 1982 г. не прошла на конкурс оперных певцов в Тулузе. Однако меня сняли прямо с трапа самолета.

Г2: Как это, прямо с трапа?

Г1: Ну *так говорится*, а на деле утром мне надо было вылетать, а накануне вечером сказали, что я никуда не еду...

(МН 38/1997, 24)

Основные способы дефинирования – перевод на литературный язык (общий код) с подязыков (субкодов): жаргона (пр. 6.93, 6.94), иностранной (пр. 6.87, 6.88), профессиональной лексики (пр. 6.90, 6.98) и указание на небуквальность смысла (пр. 6.101, 6.102). Синонимичный перевод может сочетаться с переходом на другой уровень понятийной иерархии (пр. 6.89: *вид музыки – реп*, пр. 6.91: *вид дороги – зимник*, пр. 6.100: *вид продажи – распродажа*).

Отдельную группу определений составляют толкования, элиминирующие многозначность. В этих КН адресату изначально известны все системные значения многозначной единицы в ИР. Однако, ни одно из них не актуализируется контекстом в достаточной степени для однозначной интерпретации. Характерно, что в РУ этих КН не содержится метакоммуникация, свойственная для кодовых дефиниций. Эти РУ реализуются посредством контекстуализации, которая – наряду с парафразированием – входит в коммуникативную компетенцию говорящего:

К числу способностей говорящего, которые несводимы к умению перефразировать, относится способность к разрешению неоднозначности слова и синтаксической конструкции в контексте предложения и текста. (Падучева 1974, 9)

Этот способ сближает данные толкования с ситуативными, однако тот факт, что толкуемое значение входит в состав системно-языковых, позволяет относить элиминирования многозначности к системным дефинициям.

6.103

Г1 и Г2 – друзья, Г2 = журналист, ищет героя для очерка, Г1 предлагает в качестве кандидата своего знакомого.

Г1: Он тебе понравится, – сказал мой друг. – Мужик культурный, начитанный, с юмором. Недавно освободился.

Г2: Что значит – освободился?

Г1: *Кончился срок, вот его и освободили.*

(Довлатов 2000в, 322)

6.104

Г1: Как приехали-то? – спросил Фонякин.

Г2: В смысле – на чем, что ли? – не поняла Ольга. – На поезде.

Г1: *Насовсем или в гости?*

Ольга посмотрела на мужа, сказала твердо:

Г2: Насовсем.

(Шукшин 1999, 39-40)

Успех РУ-определений во многом зависит от выполнений правил дефинирования. В эти правила входит запрет на отношение тавтологии между определяемым и определяющими. В противном случае устранение может оказаться недостаточным (ср. также пр. 6.99).

6.105

Г1: Уважаемые попутчицы по жизни! Извините, что беспокою вас. Вашему вниманию предлагаются колготы "Стрейч". У этого товара столько достоинств, плюсов, что обо всех нет ни времени, ни сил... А, зайньки?

Г2: А скажите, что такое "Стрейч"?

Г1: Ну как? *Обтягивающие*, наверное.

Г2: Ну, – вмешивается кавалер покупательницы. Можно подумать, есть еще колготки-галифе и колготки-клеш.

(ЛГ 4/2000, 5)

Определяющая часть, перевод на русский, оказывается неудачной.

Тавтологичное определение может быть успешным устранением КН лишь как реакция на РВ гипотетического понимания, вызванного многозначностью. Определяющая часть в форме тавтологии оказывается достаточной, так как имплицитно содержит опровержение неправильной интерпретационной гипотезы, исключая, таким образом, одно из двух возможных значений многозначной единицы.

6.106

Г1: У меня есть квартира четырехкомнатная, у меня есть 10 соток земли в Нижегородской области и *четыре бычка*.

Г2: Бычки это грузовики?

Г1: Нет, *бычки, это бычки*.

(из интервью по ТВ в информационной программе "Время" 24.05.1997, канал ОРТ)

Незнание или неточное знание значения употребляемой единицы приводит к пустым определениям. РУ не выполняет своего предназначения. Говорящий стремится следовать принципу понимания, но оказывается не в состоянии сделать это. Пустые устранения распознаются в незаконченных фор-

мулировках. Последние манифестируют трудности формулирования, недостаточную языковую компетенцию и/или недостаточные общие знания говорящего. Сами по себе, оборванные формулировки, как и реформулировки вообще – характерная черта речи, особенно речи спонтанной. Пустыми, а, следовательно, неуспешными эти высказывания оказываются тогда, когда их предназначение уже было запрограммировано, предопределено предыдущими речевыми действиями. Устранения денотативного непонимания – это всегда специфическая реакция, специфика которой задается типом выявления КН – денотативным вопросом. Любой другой тип реакции кроме ожидаемого дефиниционного будет пустым устранением.

6.107

Г1: Сам відставний офіцер, ще до тієї війни мав десь масток... Чекай, де ж це... Ага, в Африці! Там, каже, мав.

Г2: В Африці? – наїжився Серьожка. – Так це він був плантатором?

Г1: А що це воно таке – "плантатор"? Де воно росте?

Г2: *Плантатор, тьотю Дашо... це таке... це таке... що ніколи його в нас не буде!* – обурено вигукнув хлопець.

(Гончар 1978, 75)

Наконец, как для системного, так и для ситуативного определения может использоваться толкование временными (пр. 6.108, а также пр. 8.12), и условными конструкциями (пр. 6.110, 6.111).

6.108

Г1: Ну как, товарищ профессор? Не пора еще подковы сдирать?

Г2: *То есть?*

Г1: Ну, это когда коньяка старая отработает свое, пора на живодерку, с нее сначала подковы сдирают.

(кинофильм "Экипаж")

5.8.2. Ситуативные толкования

РУ-ситуативные толкования устанавливают тождество между ИР и РУ, действительное только в данной конкретной речевой ситуации. Основное требование, предъявляемое к толкованиям, состоит в том,

что смыслы слов, используемых в толкованиях, должны быть в каком-то отношении проще, чем смысл толкуемого слов. [...] Толкование слов оказывается тем самым процессом последовательного сведения слов со сложными смыслами к выражениям, в которых тот же смысл выражен более эксплицитно.

(Падучева 1974, 10-11)

Ситуативные толкования – это устранения КН, вызванных факторами, проявляющимися, прежде всего, на прагматическом уровне высказывания в ИР. Наиболее часто ситуативному толкованию подвергаются небуквальные и имплицитные смыслы. КН-факторы, относимые обычно к семантическому уровню,

также могут устраняться ситуативным толкованием, если они прагматизированы, то есть, если соответствующие единицы употребляются в прагматически усложненном значении. Таково, например, использование оценочной лексики и неустоявшихся или окказиональных профессиональных номинаций, являющихся, по сути, 'псевдотерминами'. Ситуативные толкования, являющиеся толкованиями 'на случай' могут индицироваться лексически: *в данном случае, в данной ситуации* и т.п.

6.109

Г1: *Слабое государство* своими силами со всем этим просто не справится.

Г2: Что вы вкладываете в понятие "слабое государство"?

Г1: *В данном случае я имею в виду, что слабое государство – это не жестко управляема бюрократическая структура, когда приказ начальника – закон для подчиненного, а сословие вольных чиновников, когда каждый делает, что хочет.*
(ЛГ 32/1997, 5)

КН-фактор – индивидуальный термин с оценочной лексемой.

6.110

Г1: А сегодня у нас странный государственный уклад: считается, что жить без головы не просто нормально, но еще и удобно. И все потому, что в основе всего – *фальшивый патриотизм.*

Г2: Впервые слышу подобное определение!

Г1: *Если все вокруг замарать грязью, то "свое" автоматически станет отличным. И так на всех уровнях... У меня другой принцип: все вокруг достойно права на существование. Но я приложу максимум усилий, мобилизую единомышленников, чтобы свое сделать лучше.*

(ЛГ 24/1999, 13)

6.111

Г1: Всякий уважающий себя канал считает своим долгом определиться с имиджем. НТВ – информационный, ТВ-6 – молодежный, РТР – народный. ТВ-Центр-?..

Г2: Если нам удастся, мы хотим сделать *добрый* канал.

Г1: В каком смысле?

Г2: *Сейчас, если посмотреть, очень много негатива в эфире. Люди от этого устали. Мы стараемся, чтобы позитива у нас было больше, чем на других каналах.*

(МН 22/1997, 8)

5.9. Экспликация имплицитных смыслов высказывания

КН, вызванные неэксплицитным смыслом, переданным неконвенциональными способами, в большинстве своем могут быть устранены только посредством экспликации этого смысла. Говорящий, можно сказать, сам 'обрекает' себя на интерпретационную доработку, так как предвидит непонимание адресата. Если он это делает сознательно, программируя трудности интерпретации адресата, такие КН следует относить к провокативным (см. VII.1.3). В противном случае речь идет о недостаточном учитывании прагматической сложности высказывания говорящим. В любом случае, кооперативно настроенный говорящий, чтобы устранить КН должен эксплицировать неконвенционально выраженный

имплицитный смысл РИ. Экспликация в РУ имеет место после РИ, которые содержат непрозрачные тропы, нарушение пресуппозиций, невыведенные следствия.

6.112

Разговор знакомых о двух мужчинах – отце и сыне.

Г1: Папа, должен вам заметить, объявился час назад.

Г2: То есть?

Г1: *Это их первая встреча. Папа зачал Абрикосова и сбежал.* Всю жизнь колесил по стране. А за ним всюду следовал исполнительный лист. Вернее, несколько листов от разных женщин. Наконец папа эмигрировал в Израиль. Вздыхнул спокойно. Но к этому времени Абрикосов стал диссидентом. Через месяц его выдворили из Союза. Так они и встретились.

(Довлатов 2000г, 72)

КН-фактор – нарушение прагматической пресуппозиции *объявиться* ('внезапное появление') об отце.

6.113

Г1: Как-то раз я спросил Бахчаняна: Ты армянин?

Г2: Армянин.

Г1: На сто процентов?

Г2: Даже на сто пятьдесят.

Г1: Как это?

Г2: *Даже мачеха у нас была армянка...*

(Довлатов 2000г, 227)

КН-фактор – гипербола.

6.114

Г1: Мене не цікавить ваша газета.

Г2: Але не навпаки.

Г1: Що не навпаки?

Г2: Газету цікавите ви.

(Загребельний 1979, 130)

КН-фактор – невыведенное следствие.

6.115

Г2: ...не подменяется ли там задекларированный интерес в "мелочам жизни" копанием в "мусоре жизни"?

Г1: Такие соображения, я считаю, звучат просто-таки унижительно для десятка миллионов зрителей, которые регулярно смотрят "Сегоднячко".

Г2: То есть?

Г1: То есть, *выходит*, что все поклонники "Сегоднячка" – сплошь тупые, необразованные люди.

(ЛГ 13/2000, 14)

VII. КН ВНЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ПРИНЦИПОВ

Знак – это все то, что может быть использовано для обмана.
УМБЕРТО ЭКО

КН как нарушение нескольких коммуникативных принципов

Рассмотренные в предыдущих главах КН характеризовались в большинстве своем как истинные, т.е. как КН, возникшие в результате ненамеренного нарушения максим кооперации. В этой главе будет рассмотрена та часть диалогов, в которых помимо нарушения максим кооперации (охватывающих все выделенные в гл. IV факторы), ведущего к КН, наблюдается нарушение, по меньшей мере, еще одного коммуникативного принципа. При этом, это последнее нарушение так сказывается на протекании диалога, что он не может более описываться в функционально-структурных категориях базовой последовательности. Даже если формальная структура базовой последовательности остается неизменной, сама последовательность внутренне перерождается, наполняется новым содержанием, что проявляется, прежде всего, в возникновении новых отношений между действиями партнеров по интеракции.

Систематически рассматриваются следующие речевые явления (в скобках указывается комбинация нарушенных максим):

- 1) провокации КН (нарушение максимы манеры речи со стороны Г1 в РИ + нарушение максимы качества относительно максимы манеры речи со стороны Г1 в РИ, то есть преднамеренное нарушение максимы манеры речи);
- 2) симуляции КН (нарушение максимы манеры речи со стороны Г1 в РИ + нарушение максимы качества относительно оценки речевого понимания ИР со стороны Г2 в РВ);
- 3) демагогическое устранение КН: двойная предикация (нарушение максимы манеры речи со стороны Г1 в РИ + нарушение максимы качества относительно максимы манеры речи со стороны Г1 в РУ);
- 4) вербальный/молчаливый отказ от выявления/устранения КН (нарушение максимы манеры речи в РИ + нарушение максимы манифестации КН в РВ/нарушение принципа понимания в РУ).

Кроме того, при комментировании примеров будет указываться взаимодействие с другими коммуникативными принципами, прежде всего, с принципом Поллианны и принципом интереса.

Представленная типология отражает распределение выделенных типов в совокупном материале исследования.

Первые три вида действий входят в область языковой манипуляции и – еще шире – лжи. Теоретические основы предлагаемого эмпирического анализа обсуждаются в II.1.2.

1. Манипуляции с КН

1.1. Определение манипулятивной КН

Под манипулятивными КН понимаются речевые действия, в которых говорящий для достижения своих целей и в ущерб собеседнику создает искусственное непонимание в коммуникации. При этом он (эксплицитно или имплицитно) осуществляет неправдивую оценку понимания предцизируемого положения вещей относительно действительного⁷⁸:

- либо оценивает удачную на самом деле коммуникацию как неудачную (т.е., утверждает несоответствие в понимании положения вещей, будучи уверенным в его совпадении);
- либо сам вызывает КН, т.е. такое понимание положения вещей адресатом, которое отличается от его (= манипулирующего говорящего) собственного;
- либо демагогически устраняет КН, приписывая одной пропозиции более одной предикации *post factum*.

В первом случае непонимание или неправильное понимание симулируется. Во втором провоцируется непонимание или неправильное понимание. В третьем случае непонимание устраняется умышленно некооперативно.

Манипуляция с пониманием – это тактика, подчиненная вышестоящей стратегической задаче, которая может иметь самые разнообразные мотивы. Например, стратегическая задача *рассмешить* имеет место в каламбуре или анекдоте, построенных на непонимании.⁷⁹

Для дефиниции манипулятивной КН существенна проблема разграничения манипуляций и смежных с ними речевых действий. Определения манипулятивных действий основываются на критерии преимущества как проявления перлокутивного эффекта. Эти преимущества или выгоды извлекает манипулирующий из реактивного поведения адресата:

Das [...] Ziel solcher Manipulationen sind Handlungen oder zumindest Verhaltenspositionen des Adressaten, die für den Manipulierenden von Vorteil sind. (Kuße 1998, 78)

⁷⁸ Ср. Kuße 1998 (78): "'Manipulation' bedeutet, daß Adressaten zu Meinungen gebracht werden, die nicht (oder nur teilweise) mit den Meinungen dessen, der manipuliert, übereinstimmen."

⁷⁹ См. об этом в Ulrich 1978; Ulrich 1979; Wenzel 1989; Голетиани 1996б.

Однако, критерий преимущества не может быть признан достаточным для идентификации манипуляции. В противном случае манипулятивными следовало бы считать все косвенные персуасивы, директивы, да и вообще все косвенные речевые тактики, уж коль речевая деятельность признается целенаправленной.⁸⁰

Для определения манипулятивных действий весьма важен фактор ущерба, вызванного манипуляцией, установление ее вредных последствий для адресата. Необходимо учитывать распределение ролей как бенефицианта, так и 'жертвы' манипуляции, т.е., участника коммуникации, получающего преимущества от манипуляции и участника, на долю которого выпадает ее вред, ущерб. Именно причинение адресату вреда, при чем причинение, полностью сознаваемое говорящим, то есть преднамеренное, но скрываемое, непризнаваемое вербально, и является принципиальным критерием манипуляции.

Последствия истинной манипуляции распределяются следующим образом: позитивные для говорящего и негативные для адресата. При смежных с манипуляциями действиях эта картина выглядит несколько иначе. С одной стороны, нарушение понимания, вызванное говорящим – вред для адресата. С другой стороны, говорящий убежден в том, что понимание нанесет адресату еще больший вред. Выражаясь математическим языком, двойной минус (вред сокрытия правды и вред ее обнажения) дает плюс (конечную выгоду адресата). Возникает так называемая 'святая ложь'. Именно это происходит при нарочитых КН; эти действия говорящего представляют для адресата скорее благо, нежели вред. Само собой разумеется, что оценка блага и вреда производится самим говорящим.⁸¹ Верификация этой оценки реальностью, то есть то, чем окажутся эти действия для адресата на самом деле, при этом не имеет значения. Важно только то, в чем убежден на момент говорения говорящий. Только исходя из его видения, высказывание, намеренно игнорирующее принцип понимания, признается либо истинно манипулятивной КН, либо смежным с ней типом.

Второе отличие истинных манипулятивных КН от смежных с ними действий состоит в том, что последние принципиально не нарушают условие искренности и доброжелательного отношения говорящего к адресату. Это отличие связано с первым: будучи убежден, что он не делает адресату ничего плохого, говорящий в случае необходимости может правдиво объяснить причины использованной им речевой стратегии. Это не составляет для него этической проблемы. В то время как при истинной манипуляции, такое объяснение равносильно саморазоблачению и, с точки зрения господствующей в обществе этики, должно быть сопряжено с чувством стыда.

⁸⁰ Родственность персуасивных речевых актов с манипулятивными обуславливает их совместное изучение, см. напр., Nagé 1985.

⁸¹ Это отличие исчезает при переходе от сознаваемых целей говорящего к несознаваемым, так как желание сделать благо собеседнику в эгоцентристской модели может рассматриваться как благо самого говорящего, даже если он сам не осознает его как собственное благо. Исключения составляют только вынужденные действия во имя блага другого, они могут быть и во вред говорящему. Последние здесь не рассматриваются.

Исходя из этих двух отличий, при анализе будут различаться собственно манипулятивные и нарочитые КН. В собственно манипулятивных КН игнорируется принцип понимания и максима качества. Такие действия вплотную приближаются ко лжи. Собственно манипулятивные неудачи имеют своей интенцией сохранение ложного положения дел, status quo лжи. Манипуляция с КН – тактика ухода от правды, от разъяснения истинного положения дел относительно взаимопонимания, от совместного поиска общего взгляда говорящих на окружающую действительность.

Нарочитые КН можно поставить между собственно манипулятивными КН и истинными КН. В нарочитых КН речевые последовательности, характерные для диалогов с КН, являются косвенными тактиками для достижения актуальных, диалогически обусловленных задач. Это уже не манипуляции, намеренно создающие ложное представление о действительности. Своей конечной целью они имеют достижение правды. Но это еще и не истинные КН. В нарочитой КН говорящий сознательно программирует непонимание в качестве промежуточной цели. В конце диалога он предполагает добиться понимания. Но на определенном этапе ему выгодно непонимание, неполное понимание, или, по крайней мере, понимание не является приоритетной целью. Многие из таких действий являются конвенционализированными речевыми тактиками.⁸²

Итак, для того чтобы разграничить истинную манипуляцию и манипуляцию как косвенную речевую тактику нужно ответить на ряд вопросов:

- 1) Вопрос о распределении ролей бенефицианта и жертвы манипуляции: кому, согласно замыслу манипулянта, симуляция должна принести преимущества, а кому – вред?
- 2) Морально-этический вопрос: готов ли манипулянт искренне и не стыдясь признаться в причинах выбора манипулятивной тактики?
- 3) Вопрос о диалого-управляющей функции манипулятивного высказывания: Чего желает манипулянт – задержки в развитии диалога (временное отклонение от правды) или блокады/смены топика (статус-кво лжи), заданного в инициальной реплике?
- 4) Вопрос о стратегической интенции манипулянта относительно принципа понимания: стремится ли он в конце концов к пониманию (после временной задержки) или к непониманию (статус-кво лжи)?

Очевидно, что существует тесная взаимосвязь между первыми двумя факторами, с одной стороны, и между вторыми двумя факторами, с другой стороны: второй фактор подчинен первому, а четвертый – третьему.

Нечеткость границ манипуляции отмечается в Ермакова/Земская 1993:

⁸² Yokoyama 1988 (146) называет это явление "conventionalized type of manipulative utterance".

Явление манипуляции смыкается с другими видами косвенных речевых актов, в частности с вежливой (непрямой) просьбой [...] когда говорящий (обычно – женщина) использует свое высказывание как вежливую просьбу, тогда как слушающий (обычно – мужчина) видит в нем манипуляцию. (там же, 53)

Здесь авторы очень точно подметили еще один релевантный критерий манипуляции – субъективное восприятие слушающего. Особенности мировоззрения адресата, его речевой манеры и индивидуальной этической системы могут свести к нулю манипулирование говорящего, его попытки нанести вред адресату, а могут и, наоборот, заставить адресата увидеть 'вредность' там, где ее нет.

Указание на пол говорящего в приведенной выше цитате, как и многочисленные примеры в Tannen 1991, иллюстрирующие 'типичность' КН, возникающих из-за различий в 'женской' и 'мужской' манерах речи, показывают важность полового фактора, который, однако, было бы ошибочно преувеличивать.⁸³ Обусловленные полом различия, возникающие между говорящим и адресатом, однако, не отменяют существования самого феномена с точки зрения наблюдателя, вооруженного общими конвенциями общения. Но и он иногда оказывается бессилем перед многообразием прагматических факторов и латентной природой интенции.

...имеются случаи, оценить которые однозначно вряд ли возможно. Они также могут вызывать КН ввиду неясности коммуникативного намерения говорящего.

(Ермакова/Земская 1993, 53)

В зависимости от того, какая из трех реплик диалогической последовательности (РИ, РВ, РУ) является манипулятивной, различаются провокация КН (в РИ), симуляция КН (в РВ) и демагогическое устранение непонимания (в РУ).

Кроме этих трех видов действий интерес представляют также те источники, выявления и устранения, которые взаимодействуют с манипулятивными репликами в рамках диалогической последовательности. Они будут рассмотрены для того, чтобы показать, в каком окружении возникают, как развиваются манипуляции. Например, чтобы показать, что благоприятствует симуляции, к чему она приводит, нужно анализировать не только сами симулятивные реплики-выявления, но и, соответственно, РИ и РУ диалога.

⁸³ Фактор пола входит в ряд других социологических параметров (социальный статус, образование, возраст, профессия, этническая принадлежность и т.д.), определяющих поведенческие и речевые особенности говорящих, в силу которых возникают косвенные высказывания. Рассматривание различий пола как определяющих релевантно для социолингвистических исследований, посвященных гендерной проблематике, но не правомерно для изучения КН, где социологические параметры должны учитываться в комплексе. Ср. Falkner 1997 (11-20).

Поэтому цели нижеследующего анализа отличаются от целей в гл. III-V. Они определяются типом реплики. При рассмотрении самих манипулятивных реплик в центре внимания стоят два вопроса. Первый касается мотивов манипуляции, то есть, того блага, которое стремится достичь говорящий посредством манипуляции. Предполагается, что некоторые мотивы имеют если не стандартные, то, по крайней мере, приоритетные способы выражения (манипулирования). Поэтому второй вопрос относится к возможностям речевой реализации манипуляции. Так как манипуляция здесь – имитация искреннего понимания, то необходимо выяснить, какие же речевые механизмы чаще всего поддаются имитированию.

При рассмотрении реплик, предшествующих манипуляциям, главный интерес состоит в установлении условий, благоприятствующих появлению манипуляции. Реплики же, следующие за манипулятивными, интересны с иной точки зрения. Именно они определяют, имела ли манипуляция успех. Здесь необходимо сделать замечание о характере анализируемого материала. Он состоит большей частью из разоблаченных в ходе интеракции манипуляций. Незаоблаченные манипуляции анализируются только на основании однозначного контекста или комментария автора произведения в примерах из художественной литературы. Естественно, что при таком подходе с достаточной степенью объективности можно говорить, скорее, о разоблаченных, чем о нераспознанных КН. Впрочем, именно разоблачения и представляют больший интерес, так как для их реализации используются специальные (метакоммуникативные) средства.

Вопрос о степени манипулятивности не рассматривается специально. Эта степень во многом зависит от величины нанесенного адресату вреда, а ее измерение чревато спекулятивностью – с полным правом об этом могут судить только сами коммуниканты. Поэтому в некоторых случаях будут приниматься во внимание их собственные метакоммуникативные комментарии к протеканию интеракции.

Предлагаемый ниже анализ симуляции КН не охватывает всей проблематики рассматриваемых интеракций. В центре внимания стоят, прежде всего, следующие вопросы:

- Существуют ли особые прагматические условия, благоприятствующие возникновению манипуляции с пониманием?
- С помощью каких средств реализуется манипулятивная реплика?
- Насколько эффективна манипулятивная тактика? В чем проявляется ее перлокутивный эффект?
- Каковы закономерности развития (функционально-структурные типы) интеракции с манипулятивной КН?

Сразу же оговорюсь, что ответы на эти вопросы носят аппроксимативный характер не только по причине общей и неизбежной в прагмалингвистике субъективности, но и в силу малочисленности исследованного материала. Рассмотрено порядка 50 примеров, выбранных примерно из 100 подобных по критерию максимальной экспликации прагматических факторов интеракции.

Диалоги с симулятивными КН встречаются чаще других и обнаруживают больше релевантных категорий, поэтому в них анализируются не только сами симулятивные реплики, но и реплики окружения.

1.2. Диалог с симулятивной КН

К симулятивным КН относятся интеракции, в которых принципы кооперации преднамеренно нарушает реплика-выявление. Пропозиция симулятивных выявлений указывает на наступление КН, тогда как на самом деле КН не наступила, симулянт лишь хочет "создать видимость, впечатление непонимания" (Ермакова/Земская 1993, 52). Двойственность РВ проявляется в том, что формально они способствуют пониманию (максимы манифестации непонимания), а по существу являются манипулятивной тактикой (нарушение максимы качества).

Данные действия еще не становились предметом отдельного исследования, хотя интерес к ним в прагмалингвистике не вызывает сомнения.

[...] интересны тактики непонимания, в основе которых лежит нарушение разных постулатов ПК. Будем называть такие тактики "некооперативной интерпретацией". Суть этого приема заключается в том, что адресат, понимая интенцию говорящего, намеренно интерпретирует ее иначе. Это достигается при помощи подмены первоначального смысла высказывания своим собственным смыслом, буквального восприятия идиом, манипуляцией многозначными словами.

(Козимица 2000, 114)

Залог возникновения манипуляции – в неточности, неоднозначности, неясности или неполноте речевых действий в РИ. Так как абсолютная однозначность и экспликация всех компонентов смысла высказывания в естественной речи часто не достижимы, стремящийся к симуляции коммуникант, обладающий даже самой минимальной коммуникативной компетенцией, почти всегда в состоянии найти повод просимулировать непонимание или неправильное понимание. Общим для всех РИ этих диалогов с симуляцией является то, что максимы кооперации в них нарушаются неумышленно. Но тот факт, что Г1 недостаточно учитывает эти максимы, делает его 'сопричастным' к возникновению симуляции.

Как оказалось, для анализа симуляций весьма важно отношение инициальной реплики к вежливости. В качестве гипотезы можно высказать предположение, что нарушение вежливости способствует появлению манипуляций.

1.2.1. Симуляция в ретроспективе диалогической последовательности: РИ

РИ можно классифицировать по степени 'вины' говорящего, а она определяется опасностью неудачного высказывания (= РИ) для лица и интересов адресата. Выходит, что нарушение одного принципа коммуникации (принципа вежливо-

сти и/или принципа интереса) влечет за собой нарушение другого (принципа понимания). Отношение РИ симулятивной КН к принципу вежливости различно. Условно можно выделить три вида отношения:

- 1) ненарушение принципа вежливости/интересов Г-го2 в РИ;
- 2) неумышленное нарушение принципа вежливости/интересов Г-го2 в РИ;
- 3) умышленное нарушение принципа вежливости/интересов Г-го2 в РИ.

В зависимости от опасности РИ для интересов Г2-адресата (а, следовательно, в зависимости от нарушения указанных принципов) и рассматривается мотивированность, или, оправданность симуляции. Подчеркну, что оправданность симуляции с позиции симулянта необязательно совпадает с оправданностью симуляции с позиции наблюдателя – своеобразного третейского судьи, выносящего свои решения в интересах коммуникации.

В условиях заданной социально-культурной системы ценностей, во многом определяющейся религиозной (христианской) традицией, симулятивная тактика Г2 в ответ на обидную для него ИР противоречит культурно-этическим нормам общения, в том числе принципам кооперации. Согласно этим принципам Г2 должен был бы игнорировать обиду или пытаться найти ей рациональное объяснение с целью наибольшей минимизации этой обиды.

[...] quando l'equilibrio interazionale viene rotto in un dialogo, si cerca sempre di minimizzare l'offesa, si cerca sempre di ignorare l'offesa cercando una spiegazione razionale di tale offesa in maniera da minimizzarla; se ciò non è possibile, si mette in moto un meccanismo riparatorio che tende a diminuire gli effetti negativi dell'offesa.

(Capone 1997, 46-47)

Те случаи, когда этого не происходит, иллюстрируют подчиненность принципа вежливости и кооперации другим коммуникативным принципам.

- 1) Безобидная неоднозначность (принцип кооперации нарушается не умышленно; принцип вежливости не нарушается).

'Вина' говорящего приближается к нулю, если допущенная им неоднозначность 'безобидна' для адресата. Говорящий допускает небольшую коммуникативную небрежность в использовании речевых единиц. Адресат же пользуется представившимся случаем для решения своих задач. В этом заключается 'подлость' этих симуляций. Вред, наносимый адресату манипуляцией весьма незначителен: он имеет лингвистическую природу. РВ может вызвать у говорящего некоторый коммуникативный дискомфорт, косвенно указать на его недостаточную коммуникативную компетенцию.

7.1

Г1 (= Юрий) – хозяин дома; Г2 (= Анастасия) – гостя; разговор о висящей на стене картине, Люка – жена Г1.

Г1: Отже, ми с Люкою починаємо збирати картини... У нас с Люкою буде унікальна колекція. *Ми вирішили збирати тільки художників-катастрофістів.*

Г2: Не розумію, – сказала Анастасія не так з намагання справді зрозуміти Юрія, як для того, щоб заохотити його до подальшого розбалакування, як то кажуть, щоб не ви-сохло джерело.

Г1: Картини такі, як ця, – охоче й великодушно пояснив Юрій. Землетруси, виверження вулканів, цунамі, вибухи водневих бомб, страх, жах, кошмар, кінець світу! (Загребельний 1979, 229)

Согласно замыслу автора, Г2 выявляет КН, реализуя не столько информативную интенцию, сколько фатическую. Говорящему не наносится почти никакого вреда, напротив, он, скорее, рад возможности высказаться перед симпатичной ему гостьей. Таким образом, 'вред' симуляции компенсируется за счет принципа интереса.

7.2

Ситуация: молодежное развлекательное шоу "Любовь с первого взгляда"; Г1 – участница передачи, Г2 – ведущий; контекст: вопрос "На что должен быть способен ваш избранник?"

Г1: *Я бы хотела, чтобы, когда я приду с вечеринки, а дома меня ждал какой-нибудь сюрприз.*

Г2: Я бы на твоём месте не хотел, чтобы меня ожидал сюрприз.

Г1: Сюрприз приятный я имею в виду.

(ток-шоу "Любовь с первого взгляда" 7.07.96, канал ОРТ)

Г2 эксплуатирует переносное (эвфемическое) значение лексемы *сюрприз* для обозначения неприятных неожиданностей, в то время, как Г1 употребила его в прямом – 'приятном' значении. Интенция Г2 – вызвать комический эффект, успех у публики, что входит в его профессиональную сверхзадачу. Вред, нанесенный Г1, – относительно небольшой, и зависит от того, насколько Г1 чувствительна к смею окружающих в свой адрес. Кроме того, умышленная актуализация Г2 (= симулянт) негативного ('пессимистического') значения свидетельствует о нарушении симулянт принципа Поллианны, что можно расценивать как повышение вреда симуляции.

2) Обидная неоднозначность – шепетильная симуляция (неумышленное нарушение принципов кооперации и вежливости).

РИ неоднозначна, одно из допустимых значений нейтрально, другое – вредит имиджу Г2. Последний, будучи уверенным в нейтральной интенции Г1, симулирует, однако, актуализацию обидного значения.

В Йокояма 1998 (126 и сл.) на основании примеров из Ермакова/Земская 1993 отмечается "резкость реакций собеседника, столкнувшегося с кажущейся ему нелепостью" и указывается на легитимность такой резкости в случае нарушения вежливости:

В тех случаях, когда неправильно понятый смысл высказывания задевает личность коммуниканта (пусть даже и по недоразумению), обида представляется в некоторой степени оправданной.

(Йокояма 1998, 126)

Симулятивное выявление КН – одно из проявлений этой обиды, впрочем, необязательно проявление резкое.

Симуляции как реакции на бестактность действительно уже более 'оправданы', чем симуляции-реакции на абсолютно безобидную неоднозначность первого типа, но с точки зрения идеальной коммуникации все же нелегитимны. Даже при искреннем непонимании вежливая кооперация предписывает адресату исходить из 'презумпции невиновности' собеседника, не предполагать в нем 'злоумышленника'. Это значит, что адресат в первую очередь обязан прибегнуть к искренним (пусть и несколько наивным), прямым средствам для уточнения намерения говорящего в инициальной реплике. Если же Г2 уверен, что его собеседник, допустивший бестактность, не имел никакого 'злого умысла', то актуализация обидного значения с его стороны – это явное нарушение постулата доброжелательности. Симуляцией Г2 демонстрирует щепетильное отношение к своему имиджу и 'призывает' Г1 к тому же. Интересно, что такая симуляция часто производится Г-им2 именно тогда, когда его совесть не совсем чиста. Таким образом, Г2 сам себя выдает. "На воре и шапка горит", – гласит русская пословица.

7.3

Разговор в венецианской гостинице; Г1 = служащий гостиницы, Г2 = гостя; у Г2 роман с Антонио (= коллега Г1), что должно держаться в тайне, так как Г2 – замужем.

Г1: *Завтра с утра дежурит ваш приятель (1)*

Г2: Мой приятель? (2) – холодно переспросила она, хотя сразу поняла, кого он имел в виду. И рассердилась. Уж не подмигнул ли он? Нет, не посмел.

Г3: Простите, сеньора, мне показалось, что вы с Антонио давно знакомы... (3)

Г4: Вам показалось. (4)

(Рубина 2000, 115)

Г2 подозревает в (1) намек на ее отношения с Антонио и оценивает это как бестактность со стороны Г1. Выгода симулятивного непонимания Г2 в (2) (симулируется КН референции обозначения) – подчеркнуть, что она не находится с Антонио в приятельских отношениях и указать Г-му1 на недопустимость такого вербального поведения со стороны обслуживающего персонала. То есть ставится под вопрос коммуникативная и профессиональная компетенция Г1. Можно предположить, что Г2 не стала бы симулировать непонимание в подобной форме, не будь она с Антонио действительно в любовных отношениях.

7.4

Г1 (= Пат) тайно и безответно влюблена в Г2 (= Хорст, барон), в разговоре Г1 обращается к Юте (= возлюбленная Г2).

Г1: Я колись дуже хотіла подобатись баронові (1), – зізналася вона Юті.

Г2: Ви не зовсім точно висловлюєтесь, – у тон їй заперечив Хорст. – *Це я з п'яних очей почав було за вами...* (2)

Г1: Звичайно, до мене можна залицятися хіба що з п'яних очей, (3) – вдавано образилася Пат. Дзвінкий сміх мав засвідчити, що душа її безхмарно спокійна, проте він не зовсім вдався, і вона знову залишилась невдоволеною собою.

Г1: Даруйте, але я мав на увазі зовсім інше... (4)

Г2: Не варто вибачатися, бароне... (5)

(Сичевський 1991, 166)

Г1 в (1) признается в своих, якобы минувших, чувствах к Г2. Г2 стремясь 'спасти честь дамы', утверждает в (2) прямо противоположное. Фразеологизм *з п'яних очей* по намерению Г2 должен указать причину его 'нескромного поведения' – ухаживания за женщиной. В иной интерпретации этот фразеологизм мог бы указать причину не слишком удачного выбора именно этой женщины. Г1 эксплуатирует эту двусмысленность для симуляции обиды. Польза симуляции для Г1 – озвучить негативную оценку самой, лишив других участников разговора возможности сделать подобный вывод, тем самым 'обезоружить' их. Комментарий автора рисует истинное положение вещей. Вред симуляции для Г2 – его коммуникативная компетенция и 'мужская порядочность' предстают в невыгодном свете.

Важно отметить, что в обоих примерах адресат симулирует наиболее обидное для себя понимание. Согласно мнению Йокояма 1998 (128), сложившемуся в результате рассмотрения примеров в Ермакова/Земская 1993, такой выбор осуществляется и в русских диалогах с истинными КН. Йокояма предлагает объяснять этот выбор, исходя из

характеристики, данной русскому речевому поведению Бердяевым:
 "Русские очень легко задевают личность другого человека, говорят вещи обидные...". Если обидные вещи говорятся часто, то, естественно, прав будет и тот, кто выбирает более обидное толкование из числа допустимых в данном контексте.
 (Йокояма 1998, 128)

Однако в симулятивных КН в 'правоте' симулянта правомерно усомниться. По крайней мере, симулянт здесь прав не больше собеседника, допустившего бестактность непреднамеренно. Симуляция КН обиды, конечно же, специфическое явление не только русской речи. Здесь сказываются, скорее, различия в национально-культурных традициях. Категория вежливости для различных культур дифференцируется относительно выражения разных эмоциональных состояний. Выбор 'более обидного толкования из числа допустимых', даже если и свойственен русской речи, вообще богатой эмоциональными проявлениями, может восприниматься носителями языка двояко. Как позитивно, чтобы поддерживать уровень солидарной вежливости в диалоге, так и, во многих случаях, негативно – как нарушение вежливости, как конвенционально запрещенный прием. Отсюда – многочисленные устоявшиеся метакоммуникативные упреки невольного 'обидчика' в несоблюдении якобы 'обиженным' собеседником своеобразной презумпции невиновности: *Не цепляйся к словам!*, *Ну что ты к словам придираешься!*, *Каждый понимает в меру своей воспитанности (распущенности)!* и т.д.

7.5

Г1 = мужчина; Г2 = женщина; Г1 ухаживает за Г1 и собирается сделать ей предложение, но ревнует ее к другому мужчине, случайно появившемуся в доме Г-ей2; ситуация: Г1 возвращается в дом Г-ей2, чтобы попросить прощения за сцену ревности и обнаруживает Г-ю2 и своего соперника за праздничным столом.

Г1: (ревниво оценивая обстановку) Очень хорошо устроились. Поужинали.

Г2: (оправдываясь) Ну, не сидеть же голодными.

Г1: (иронично) Ну, конечно. (продолжая придирчиво осматриваться) Музыкачка. Очень хорошо, прямо прекрасно.

Г2: (приветливо) Присоединяйся к нам.

Г1: (оскорбленно, эмфатически) *К вам?* (иронически) Спасибо!

Г2: (примирительно) *Ну, не цепляйся к словам.*

(кинофильм "Ирония судьбы, или с легким паром!")

3) Неоднозначность в угрозе – симуляция-защита.

Сюда относятся 'агрессивные' РИ, преднамеренно наносящие вред имиджу и интересам адресата (речевые акты угрозы, упрека, оскорбления, порицания, насмешки, запрета и т.д.). Принцип вежливости в этих репликах нарушается сознательно, в целях регулирования социальных и личных отношений между участниками коммуникации. В свою очередь, в этих репликах можно выделить две категории: обоснованные угрозы и необоснованные угрозы. В обоснованных угрозах говорящий 'имеет право' (обусловленное соответствующим моральным и/или социальным преимуществом) предъявить какие-либо претензии адресату, и адресат признает это право за говорящим. В необоснованных угрозах Г1 такого права не имеет. Подтверждение обоснованности/необоснованности зачастую манифестируется и в РУ. Симуляции в ответ на агрессию – это реакции защиты. При обоснованной угрозе польза симуляции – в предотвращении, по меньшей мере, отдалении момента 'расплаты': таким образом симулянт пытается выиграть время. При необоснованных угрозах с помощью симуляции адресат протестует против несправедливости, 'ставит обидчика на место'. Соответственно, вред симуляции для ее адресата в первом случае состоит в игнорировании его социальных и личных прав, а во втором – в настаивании на ограничивающих его волю социальных и личных обязанностях.

В число РИ, содержащих тенденциозную неоднозначность, входят и намеренные провокации неудачи. В них осознанно нарушается не только принцип вежливости, но и постулат искренности. Провокации, вызвавшие искреннюю КН рассматриваются в VII.1.3.1 Диалоги с провокацией КН, на которую адресат реагирует симуляцией, относятся к двойным манипулятивным неудачам.

Обоснованная угроза

7.6

Г1 – главный редактор газеты, Г2 – журналистка Анастасия; Г2 вопреки распоряжению Г1 прервала отпуск и вышла на работу.

Г1: Що це таке? (1) – спитав хрипко і не зовсім доброзичливо.

Г2: Я, (2) – відповіла, граючи голосом, Анастасія. Вона знала, що за цю грайливість редактор був готовий убити її, але завжди покладалась на його інтелегентність.

Г1: *Яке ви мали право?* (3)

Г2: Увійти? Але ж там – нікого... (4)

Г1: Не придуройтесь, Анастасіє! Ви прекрасно знаете, про що я... – редактор відчасно смикнув галстука... – Я питаю, яке ви мали право перервати свою відпустку? Ви знаете, що таке відпочинок? (5)
(Загребельний 1979, 514-515)

Г1 выносит порицание (3) Г2 за служебную провинность. Г2 сознает свою провинность и пытается симулировать КН с помощью заведомо ошибочной гипотезы (4), тип РВ гипотетического понимания – договаривание как реакция на ситуативный эллипсис в ИР. Возможный мотив симуляции – выиграть время для подготовки ответа, заблокировать иллюкативное развитие диалога, разгрузить гнев Г1 (см. также пр. 7.13).

Необоснованная угроза

7.7

Г1 (= мужчина) – в гостях, Г2 (= женщина) – член семьи, принимающей гостей.

Г1: *Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика; если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет – потяни меня за палец.* (1)

Г2: Что вы этим хотите сказать, ужасно страшный человек? (2)

Г1: Ничего. Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. (3)

(Чехов 1986, 124-125)

'Антифеминистское' сравнение в (1) наносит оскорбление Г2 и другим присутствующим женщинам, вступая в противоречие с принципом вежливости (а также принципом политической корректности в отношениях полов). В (2) Г2 протестует против этого нарушения в форме вопроса-требования об экспликации интенции оценочного акта. Ретировка Г1 в (3) свидетельствует о том, что он сознает неправомерность своего речевого поведения.

Смешанный подтип угроз

Известно, что в прагматическом аспекте не всегда возможно однозначно установить величину того или иного параметра. Рассматриваемый параметр – обоснованность угрозы – не исключение. Основания говорящих могут не совпадать: каждый уверен, что его основания весомее. Вот один из пограничных примеров.

7.8

Г1 (= Кучмієнко) – заместитель директора, ответственный за идеологическую и кадровую работу в научно-исследовательском институте, Г2 – директор того же института; Г1 и Г2 – полудрузья-полувраги, связанные общим военным прошлым и семейными связями, ведут многолетнюю полемику, связанную с их различным мировоззрением.

Г1: *Ми не можемо дозволити тобі бути таким відірваним від життя,* (1) – пиховато заявив Кучмієнко.

Г2: – *Хто це "ми" і що означає бути відірваним чи прив'язаним? І взагалі, що ти вважаєш життям?* (2)

Г1: *Життя – це економіка, політика, закони господарчих потреб, вимоги держави, в якій ти живеш.* (3)

Г2: *Ти вважаєш так, а я вважаю [...]* (4)

(Загребельний 1979, 16)

(1) содержит ущемление личной и профессиональной свободы и социального статуса Г2 со стороны нижестоящего по службе и профессиональной компетенции. Г1, в свою очередь, считает себя в праве на эти действия, так как выполняет общественный долг. Можно предположить, что именно угроза, наносимая личной свободе Г2, побуждает его к протесту, выражаемому косвенно – посредством референциальной КН (эксплуатация затемняющего идентификацию *мы*) и демагогического непонимания абстрактных понятий (*бути відірваним від життя*). Определить степень обоснованности как самой угрозы, так и косвенного протеста довольно сложно в силу тесного переплетения прав и обязанностей личного, гражданского, служебного характера. Разногласия эксплицируются в реплике (4), противопоставляющей позиции собеседников.

1.2.2. Симулятивные и нарочитые выявления КН

Рассмотрение симуляций с точки зрения ответов на указанные в VI.2. вопросы-критерии позволило строго разделить симуляции на два типа. Первый тип можно считать собственно симулятивной КН. Второй тип предпочтительнее называть нарочитым тенденциозным выявлением КН.

Вот их сравнительная характеристика относительно факторов, обсуждаемых в VII.1.1:

1) Фактор 'бенефициант/жертва'

Симулятивное выявление производится симулянтom исключительно во имя собственных коммуникативных и прочих интересов в ущерб коммуникативным и прочим интересам адресата.

Нарочитое выявление, по мнению симулянта-Г-го2, не нанесет существенного вреда Г-му1, а иногда может пойти ему (или третьим лицам и высшим принципам) на пользу, даже если Г1 сначала ощутит некоторый коммуникативный дискомфорт от коммуникативной назойливости, педантичности симулянта-Г-го2.

2) Этический фактор (максима качества)

При симулятивном выявлении симулянт уверен, что он все правильно понял, но скрывает это, т.е. лжет и при этом понимает, что у него нет 'уважительной' причины для лжи, ведь на самом деле все понятно. Ложь вызвана сознанием неправоты, угрызениями совести симулянта-Г-го2, поэтому объяснение причин такой тактики может быть сопряжено с чувством стыда.

При нарочитом выявлении Г2 не всегда уверен, что он понял или проинтерпретировал РИ абсолютно верно. Но даже если Г2 все понял, он считает, что у него достаточно причин продемонстрировать непонятность высказывания, что это либо принесет преимущества Г-му1 (последний получает шанс 'исправиться', ретироваться), либо третьим лицам (чьи коммуникативные интересы представляет адресат), либо послужит высшим, социально установленным правилам (справедливости, уважения, социальной иерархии и т.д.). Объяснение причин выбранной тактики не должно вызывать у Г-го2 проблем этического характера.

3) Диалого-организующая интенция

С точки зрения динамики диалога все выявления КН, симулятивные в том числе, задерживают его, т.е., являются стагнирующими репликами. Поэтому

понятия блокады, задержки и развития применимы здесь только к интенции симулянта относительно топика РИ. Собственно-симулятивные КН нацелены на обрыв диалога, на блокаду, смену топика или преднамеренную задержку в иллокутивном развитии диалога.⁸⁴

Нарочитые же выявления – это дальнейшая тематизация топика, его развитие, углубление.

4) Стратегическая интенция

Симулянт в блокирующей симуляции стремится к непониманию, при развивающем же нарочитом выявлении коммуникант стремится к устранению неоднозначности, но не спонтанно, как при истинной КН, а рассчитанно количественно. Нарочитое непонимание используется как промежуточная стадия, т.е. как речевая тактика в решении стратегической задачи.

Таким образом, нарочитое выявление нельзя считать истинной симуляцией. Оно лишь косвенным образом (посредством имитации неудачи) реализует функцию выявления неудачи в собственном смысле слова. Эта собственная неудача заключается, зачастую, не в неоднозначности/неточности/неясности, а в неуместности, неожиданности, концептуальной спорности речевого высказывания. Но выявляется это, скорее, психологическое непонимание и/или концептуальное разногласие как непонимание лингвистическое.

Дальнейшее рассмотрение симуляций направлено на соотнесение их дихотомического разделения с типологией КН-факторов в РИ и средствами речевой реализации РВ. Комментируется, однако, не КН-фактор, как в главе III, а мотив симуляции.

1.2.2.1. Реализация собственно симулятивных реплик

Естественно предположить, что для реализации симуляции адресат прибегает к тем же средствам, что используются и в выявлении истинных КН.

Говорить о типических симулятивных выявлениях было бы не совсем корректно в виду немногочисленности соответствующего эмпирического материала. Ограничусь корреляцией обнаруженных в симуляциях реализующих средств (выделено курсивом) с указанием эксплуатируемого симулянт КН-фактора. Предполагаемый мотив действия указывается в комментарии после примера.

Референциальный вопрос с метакоммуникативными глаголами речи. Глагол говорить (здесь: в эллипсисе о чем ты?).

Симулируется референциальная неудача. Эксплуатируется дейктическая неоднозначность указательного местоимения *это*.

⁸⁴ В Фрайдхоф 1995в (ориг. в Freidhof 1992a) разрабатывается понятие *иллокутивной блокады* как одного из видов обрыва коммуникации.

7.9

Г1 (= Нора) догадывается о том, что Г2 (= Гриша) причастен каким-то образом к несчастному случаю, произошедшему в ее квартире 17 октября.

Г1: Ты бывал раньше в этом доме? – спросила Нора. – Если точно, семнадцатого октября?

Г2: Я? – Сказал Гриша. – Семнадцатого? Но ты же мне звонила в тот день, я был в Обнинске!

Нора засмеялась. "Так попадаютя малолетки, – подумала она. – Он не может знать, в какой день я звонила. Тем более, что это было не раз".

Г1: Гриша, расскажи, как это было!

Странное у нее лицо. Она все знает, тогда зачем ей его рассказ?

Г2: Нора, *о чем ты?* – смеется Гриша. – *О чем? Я уже бегу! Клянусь богом, я тут никогда не был, ничего не видел, ничего не знаю!* [...]

(Щербакова 1999, 67)

Симулянту якобы неизвестен предмет разговора. Мотив симуляции: нежелание быть вовлеченным уголовное разбирательство криминального происшествия, к которому симулянт, в действительности, имеет прямое отношение. За симулятивным выявлением следует явная ложь – фальшивый перформатив (клятва).

Аналогичный случай с использованием *иллокутивного глагола намекать*.

Эксплуатируется тактика намека.

7.10

Г2 (= сын) встречает Г1 (= мать) на вокзале.

Г1: Не правда ли, очень мила? – сказал графиня про Каренину. – Ее муж со мною посадил, и я очень рада была. Всю дорогу мы с ней проговорили. Ну, а ты, говорят... *vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux.*

Г2: Я не знаю, на что вы *намекаете*, татап, – отвечал сын холодно. – Что ж, татап, идем.

(Толстой 1988, 66)

Пример не может быть включен в общий состав, анализируемый здесь, так как речь персонажей устарела и РИ частично произведена на французском языке ("у тебя все еще тянется идеальная любовь. Тем лучше, мой милый, тем лучше"). Однако, представляющее прагматический интерес использование метакоммуникативного глагола вполне соответствует современному словоупотреблению и хорошо иллюстрирует ситуацию симулятивной КН: за мнимым непониманием не следует попыток его устранения, топик сменяется.

'Эхо'-вопрос + вопрос к актанту 'цитируемого' глагола.

Симулируется референциальная неудача, эксплуатируется синтаксическая неполнота и смысловая имплицитность.

7.11

Г1 = обманываемый муж; Г2 = неверная жена; Г1, имея основания подозревать жену в неверности, хочет выяснить отношения

Г1: Анна, мне нужно поговорить с тобой.

Г2: Со мной? – сказала она удивленно, вышла из двери и посмотрела на него. – Что же это такое? О чем это? – спросила она, садясь. – Ну давай переговорим, если это

нужно. А лучше бы спать. Анна говорила, что приходило ей на язык, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. [...]

Г1: Анна, я должен предостеречь тебя, – сказал он.

Г2: *Предостеречь?* – сказала она. – *В чем?* – Она смотрела так просто, так весело, что кто не знал ее, как знал муж, не мог бы заметить ничего неестественного ни в звуках, ни в смысле ее слов.

(Толстой 1988, 146)

Симулянтка не только не стремится к устранению непонимания, но и способствует возникновению КН-фактора 'неполнота' в ИР, не давая Г1 договорить начатую фразу. Цель – заблокировать интеракцию. Мотив – сознание вины и нежелание давать объяснения.

Восполняющий вопрос, направленный на уточнение референции.

Эксплуатируется неожиданная смена топика и недостаточность только экзистенциальной (без интродукции) референции.

7.12

Г1 = один из организаторов подполья на оккупированной в военное время территории;

Г2 = симпатизирующая подполью девушка, прячущая случайно оказавшееся у него полковое знамя регулярной армии.

Серьожка поглядав на дівчину, переступаючи з ноги на ногу.

Г1: А тепер скажіть мені одну річ, Марійко, – він підшукав слова. – Скажіть, де... прапор?

Марійка блиснула очима на Любу, і Люба залилася рум'янцем.

Г2: *Який прапор?* – запитала Марійка.

Г1: Прапор танкового полку.

Марійка помовчала.

Г2: Не знаю, – нарешті сказала вона.

Г1: Це неправда, – Серьожка подивився дівчині просто в вічі. – Ви ж десь його зберігаєте?

(Гончар 1978, 81)

За симуляцией референциальной КН после ее устранения следует явная ложь о незнании.

Восполняющий вопрос с вопросительным словом кто? и повтором.

Симулируется референциальная КН, эксплуатируется дейктическая неоднозначность личного местоимения.

7.13

Разговор мужа (= Г1) с женой (= Г2)

М. Ну что/это опять он тебе звонил? Ж. (невинно) *Кто он?* М. (раздраженно) Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю! Не притворяйся!

(из Ермакова/Земская 1993, 52)

Мотив симуляции: Г2, по всей вероятности, испытывает чувство вины из-за телефонных звонков третьего лица. Цель симуляции: изобразить, что третье лицо ее не интересуется.

Общий вопрос непонимания что?, экстралингвистический вопрос ты чего? (= почему ты думаешь...), переспрос к предикации какой?.

Симуляция референциальной КН: эксплуатируется имплицитность эллиптической реплики (1) и неопределенность признакового дейксиса *такой*.

7.14

Г1 (= Сашка) и Г2 (= Вера) – жена и муж; Г2 пытается скрыть от Г1 ссору с третьим лицом.

Сашка даже не смог от испуга крикнуть... Остановился. Вера сама увидела его, подбежала.

Г1: Ты что (1) – спросила она заполошно.

Г2: *Что?* (2)

Г1: Ты опять захотел?! Тебе опять нейдет?! Чего ты затеваешь, с кем поругался? (3)

Г2: *Ты чего?* (4)

Г1: Какие дяди. Мне Маша сказала какие-то дяди. Какие дяди? Ты откуда идешь-то?

Чего ты такой весь? (5)

Г2: *Какой?* (6)

Г1: Не притворяйся, Сашка, не притворяйся – я тебя знаю. Опять на тебе лица нету.

Что случилось-то? С кем поругался? (7)

Г2: Да ни с кем я не ругался!.. (8)

(Шукшин 1999, 483)

Цель симуляции – скрыть настоящее положение дел, а именно, конфликт между Г2 и третьим лицом. После того, как Г1 устраняет КН в (7), симуляция развивается в открытую ложь (8).

Гипотетическое понимание (правильная гипотеза)

Эксплуатируется неожиданная смена топики и недостаточность идентифицирующей референции, реализуемой собственным именем.

7.15

Г1 (= Совинский) влюблен в Людмилу – жену Г-го2 (= Юрия) и имеет основания думать, что она несчастлива в браке с Г2, который ее не любит.

Він глянув на Юрія такими очима, ніби вперше його побачив, і спитав несподівано:

Г1: Ты скажи: Людмилу... любиш? (1)

Юрій позадкував, округлив очі. Перехід від проблем якості до Людмили пригололешив навіть його.

Г2: *Тобто яку таку Людмилу? Так звану мою дружину?* (2)

Г1: Я серьезно, – сказал Иван. (3)

Г2: Але ж... у тебе наречена... Анастасія... (4)

Г1: Я питаю, – не відступався Сивинський. (5)

Юрій заметався по кімнаті, зазирнув на балкон, побіг до коридора, хотів навіть провратися до жінок, але його не впустили, він спробував перейти в наступ.

Г2: – Що? Вечір запитань і відповідей? Ну, люблю! А чом би й ні. Вона мене – я теж... *Взаєморозуміння, як між великими державами...* (6)

(Загребельний 1979, 234)

В поле зрения обоих говорящих имеется только одна Людмила, поэтому идентифицирующий переспрос Г2 неправомерен и симулятивен. Цель симуляции – выиграть время, сориентироваться, подготовить ответ на вопрос Г1, который – в нарушение принципа вежливости – касается личной жизни Г2. Очевидность симуляции зас-

твляет Г2 придать речи шутливый тон (2). Как переспрос, так и шутливость в таких случаях используются для того, чтобы скрыть истинное, неблагоприятное в глазах собеседника, положение вещей, т.е. солгать. Именно вынужденная (ну) явная ложь (6) следует за повторной настойчивостью Г1 в (5).

Гипотетическое понимание (неверная гипотеза)

Эксплуатируется неоднозначность дейксиса *она*.

7.16

Разговор бывших влюбленных Г1 (= Людмила) и Г2 (= Совинский). Г1 – замужем, Г2 пришел в гости в семью Г1 с новой знакомой (= Анастасия). Г1 продолжает любить Г2. Г1 и Г2 стоят на балконе, любуясь сиянием реки.

[...] обоє задивилися на ту недалеку воду, прислухалися до веселого гамору, що долинав звідти, мовчали, тоді Людмила сказала:

Г1: Яка вона красива!

Г2: *Протока? – вдав, що не розуміє, Соловинський.*

Г1: Я кажу про Анастасію.

(Загребельний 1979, 224)

Цель симуляции: показать незначительность нового знакомства в его личной жизни.

Констатация непонимания концептуальным глаголом понимать.

Эксплуатируется метафоричность *збунтувався* и косвенность иллокутивного акта 'упрек в форме вопроса'.

7.17

Г1 (= Олексій Кирилович) – личный секретарь, а Г2 – заместитель руководителя научного института. Г1 – в подчинении у Г2 не столько согласно служебной иерархии, сколько в силу негласно установившейся полной подконтрольности руководителя его заместителю. Г1 не выполнил свою неофициальную обязанность уведомлять Г2 о всех действиях руководителя.

Г1: Ти що ж це збунтувався? (1)

Г2: *Не розумію вас, (2) – якомога делікатніше сказав Олексій Кирилович.*

Г1: Їздили, каталися, і мовчиш. Чому не подзвонив, щоб я зустрів? (3)

Г2: Ми виїхали несподівано, не встиг. (4)

Г1: Бреши комусь іншому, завжди можна встигнути, зайти до начальника вокзалу й дзенькнути. Або с обкому. Були ж в обкомі. (5)

(Загребельний 1979, 23)

Г1 осознает, что провинился перед Г2. Цель симуляции КН: избежать обсуждения неприятной темы. И в этом примере после устранения КН в (3) симуляция развивается в ложь (4), которая подвергается метакоммуникативной критике в (5). См. также комментарий к пр. 4.120.

Рассмотрение приведенных примеров позволяет сделать следующий вывод. Истинные симуляции представлены, прежде всего, КН референции. Согласно намерению симулянта референциальная неудача должна показать отсутствие предмета разговора в его оперативной (и/или глубинной) памяти, и – шире – нерелевантность референта в жизни симулянта. Обратное могло бы поставить симулянта в сложное положение (обусловленное причинами морального или правового характера) перед собеседником. В симуляции

симулянт стремится продемонстрировать, что его совесть чиста. Нужно отметить, что в перспективе диалогического развития симуляции довольно наивны: как правило, они не могут полностью блокировать действия адресата симуляции, но только отдалить момент выяснения истины (в примере 7.9 коммуникация не блокируется, а прерывается: 'симулянт' уходит). Симулируя непонимание симулянт сам расставляет себе ловушку, потому что единственным действием, остающимся в его распоряжении после устранения КН, является ложь. Когда эти симуляции – реакции на обоснованную угрозу в РИ, своей лживостью они могут вызвать недовольство адресата симуляции (см., напр., разоблачение симуляции в 7.13 и 7.17). Можно предположить, что симулянт идет на этот риск, преследуя несколько целей. Во-первых, чтобы выиграть время для обдумывания ответа, во-вторых, чтобы отвлечь и 'разгрузить' гнев и негативные эмоции Г1, ставшие причиной угрожающего высказывания в инициальной реплике, в-третьих, чтобы узнать, что именно уже известно Г1, то есть, в чем нет смысла отпираться.

1.2.2.2. Реализация тенденциозного нарочитого выявления

Нарочитое выявление непонимания эксплуатирует императив к взаимопониманию в диалоге. Принцип понятливости при этом является не столько движущим мотивом и регулятивом общения, сколько средством для достижения других коммуникативных целей. Это значит, что выбираются речевые действия, прямая функция которых – выявление КН, но при нарочитом выявлении они косвенно реализуют иные РА. Подобное явление уже отмечалось в русистике:

Интересным для лингвистики сегодняшнего дня является выражение всего этого [имеется в виду "коммуникативный саботаж", Л. Г.] не прямым, "лобовым" способом, а теми средствами, основная функция которых – иная. (Николаева 1990, 226)

Итак, ниже рассматриваются РВ, которые идентифицируются как нарочитое выявление непонимания, косвенно реализующее другие установки. Некоторые из этих установок встречаются в примерах многократно, что позволяет говорить о конвенционализации этой тактики в современной речи. При перечислении наиболее характерных установок (выделено подчеркиванием), как и в предыдущем параграфе, перед примером указывается форма реализации РВ (выделено курсивом) и эксплуатируемый симулянтом КН-фактор в ИР. Мотив действия обсуждается в предлагаемом после примера комментарии.

Установка на косвенное выражение протеста, несогласия

*Констатация непонимания концептуальным глаголом **понимать***

Эксплуатируется неточность указания семантической роли локатива.

7.18

Г1 и Г2 – бывшие муж и жена; Г3 - соседка, приготовившая ужин; Г2 пришла к Г1, чтобы провести общую дочь, отдыхающую вместе с отцом на море. Разговор происходит в присутствии друзей Г1, среди которых находится и его новая подруга.

Г1: Кстати, я хотел тебе сказать: в понедельник мы все вместе уезжаем в круиз по Черному морю... (1)

Г3: Будете с нами ужинать? (2)

Г2: Спасибо, нет, – сухо ответила та. – Я недавно обедала, и потом, у меня мало времени. *Я что-то не поняла насчет круиза.* Куда это вы собрались? (3)

Г1: Я же сказал: в круиз по Черному морю. На теплоходе "Илья Глазунов". (4)

Г2: С какой это стати, интересно знать? (5)

Г1: Ни с какой. Захотелось – и поедem. (6)

(Маринина 1997, 250)

Нарочитое непонимание в (3) вместо искреннего вопроса о причине. Мотив: Г-2 недовольна 'хорошей жизнью' Г-го1. Нарушение максимы качества индицируется квантором неопределенности *что-то*, конвенционально выражающим модальное (здесь: недовольное) отношение говорящего к диктуму. Это отношение еще более эксплицитно выражается позже в также конвенционализированной формуле псевдо-вежливого интереса (5).

Вопрос с метакоммуникативным глаголом значения

Эксплуатируется лексема с социально-оценочным значением.

7.19

Из газетного интервью; Г1 = прокурор, его реплика содержится в высказывании Г2 в виде цитаты; Г2 = журналист.

Г2: В недавнем ответе мэру Лужкову прокурор Москвы Герасимов отметил, что "деятельность РНЕ *незаконна*". *Что это означает*, если организация зарегистрирована, газета выпускается совершенно легально, а ее публикации не имеют ничего общего с фашизмом и экстремизмом?

(ЛГ 5/1999, 2)

Истинная коммуникативная установка – не выявление непонимания, а косвенная критика должностного лица в некорректности (непоследовательности в действиях органов правопорядка и в правовой базе государства).

Симулятивная констатация непонимания

Эксплуатируется ритуальная имплицитность.

7.20

Г1 (= Чернявый) и Г2 (= Петр) – соперники. Оба добиваются внимания одной и той же девушки, которую Г2 хочет пригласить на танец.

Чернявый ловко оттер Петра в сторону, взял за локоть и, немножко рисуясь, проговорил:

Г1: Здесь вам делать нечего, молодой человек. (1) Вы меня поняли? (2)

Г2: *Нет.* (3)

Чернявый смело улыбнулся

Г1: Объяснить? (4)

Г2: Объясни. (5)

(Шукшин 1999, 11)

Цель симуляции: дальнейшее развитие разговора, предъявление собственных претензий. Речь идет о ритуале 'выяснение отношений' между соперниками в любви. В этом ритуале РИ (1) – косвенно выраженный директив "Я – победитель, ты должен отступить", реплика-профилактика понимания (2) означает "Ты принимаешь мои условия?", реплика-непонимание (3) – отказ: "Нет, я не согласен с ролью побежденного". Реплики объяснения (4 и 5) означают, соответственно, предложение Г-го1 померяться силами и принятие этого предложения Г-им2. Таким образом, симуляция непонимания здесь входит в речевую последовательность метакоммуникативного механизма, выявляющего КН и носит чисто символический характер. Ответ *да* в (3) означал бы, что угроза Г-го1 подействовала на Г-го2, и последний отступил.

Уточняющий вопрос с помощью метакоммуникативной конструкции имеет в виду

Эксплуатируется оценочная лексема с широкой семантической сочетаемостью.

7.21

Г1 = молодая девушка, Г2 = мать подруги Г1, К. = подруга дочери Г-ей2 и знакомая Г-ей1. Контекст: Г1 сообщила Г-ей2 новость – К. выходит замуж. Фоновые знания Г-ей2: Г1 считает К. недостаточно привлекательной, чтобы привередничать при выборе будущего супруга. Фоновые знания Г-ей1: Г2 осуждает такой – 'внешний' – подход в оценке человека, в том числе, и в вопросе о браке.

Г1: Я очень довольна за К. Высокий, спортивный, симпатичный. Можно сказать, что для нее он очень хорошая пара. (1)

Г2: *А что ты имеешь в виду: характером подходит?* (2)

Небольшая пауза.

Г1: Во всех отношениях. И характером тоже. (3)

(СМ)

Это пример телефонного разговора. Реплика (2) записана тотчас же после произнесения, реплики (1) и (3) воспроизводятся со слов Г2. В этом примере в распоряжении имеется комментарий Г-ей2 ее действий. Комментарий был дан спонтанно непосредственно после окончания разговора. Приведу его полностью:

"Я специально так сказала / как вроде про характер поняла // Я ж знаю / она [= Г1; Л. Г.] вечно К. обсуждает за глаза / мол растолстела / одевается немодно / и так далее // Если б она [= Г1; Л. Г.] мне сказала что-то / в этом смысле / [в ответ на вопрос (2); Л. Г.] я бы ей все высказала // Пусть не слишком нос задирает / красота – не главное // Да она знает меня / вот и выкрутилась //"

РИ (1) в качестве имплицатуры содержит отрицательную оценку жениха и невесты: 'Он не объективно – хорошая пара, а для данной невесты'. Г2 прочитывает эту имплицатуру правильно и в силу своих жизненных убеждений не соглашается с мнением Г-ей1. По собственному свидетельству Г-ей2, она симулировала гипотетическое понимание, чтобы заставить Г-ую1 эксплицировать имплицитную оценку. Это бы дало возможность Г2 открыто выразить свой протест. Предположение о том, что (1) относилась к внешности К., подтверждается топикальной связностью с предыдущей характеристикой внешности жениха. Г1 в (3) уклоняется от экспликации начальной интенции: она подтверждает гипотезу Г-ей2 (= характер), но и не отказывается от своего мнения. Таким образом, она избегает и явной лжи и конфликта с Г-ей2.

Референциальный вопрос

Эксплуатируется неоднозначность дейксиса *они*.

7.22

Г1 = молодая девушка, Г2 = журналист, приехавший по ее письму; тема разговора: экономический кризис в стране, утрата жизненных ориентиров, поиск виновных.

Г1: Как же мы раньше так жили? – спросила она. – Столько заводов этих оборонных, только и мечтали туда устроиться. По конкурсу набирали. Мама там всю жизнь. Я хотела в институт и тоже. Мне направление обещали. Ну разве можно так по живому? Они же целый город убили. (1)

Г2: Кто они, Валя? (2) – вздохнул я.

Г1: Они, (3) – убежденно и зло повторила она.

(ЛГ 44/1998, 10)

Речевое поведение (краткие односоставные предложения, эллипсис, риторические вопросы) отражает психологическое состояние Г-ей1 – взволнованность, озлобленность. Переспрос, симулирующий КН референции (2), избыточен с точки зрения понимания. Нарочитое выявление используется как тактика намек на неправоту говорящей. Истинная интенция – опровергнуть, показать нелогичность рассуждений, заставить задуматься, усомниться. Подтверждение симулятивности переспроса: имплицитно-оценочный глагол *вздохнуть* и обращение *Валя*, используемое в русской речи, кроме прочего, для стилистической экспрессии, убедительности, проникновенности высказывания.

Цитационный вопрос; референциальный вопрос

Эксплуатируется недостаточность идентифицирующей референции.

7.23

Интервью для газеты; Г1 = журналист; Г2 = член президентской администрации, ответственный за связи с общественностью.

Г1: И, конечно, очень хочется спросить про Семью. (1)

Г2: Про семью? Про какую? (2)

Г1: Конечно, президентскую. Что же еще о вас пишут? Вы – член Семьи, вы – посредник между Семьей и средствами массовой информации... Что у вас за отношения? (3)

Г2: Рабочие. А вообще это не некорректно говорить: семья – не семья. Это очень не корректно. (4)

Г1: Да, Борис Николаевич уже по этому поводу высказался. (5)

Г2: И по отношению к президенту некорректно. (6)

Г1: Но это уже просто штамп в языке образовался, такой же, как слово "олигархи". (7)
(МН 27/1999, 7)

Симуляция (2) эксплуатирует недостаточное обозначение референта *семья* в (1). На самом деле референт достаточно идентифицирован, так как в данном употреблении *семья* – это уникум (как странно было бы спрашивать после фразы *Тучи закрыли солнце – Какое солнце?*). Истинное непонимание интендируемого значения предположало бы актуализацию общеупотребительного значения: *собственная семья* адресата. Если же речь идет не о собственной семье, то актуализируется второе, наиболее распространенное значение. В данном случае это значение: *политическая группировка периода президентства Ельцина, состоящая из родственников и приближенных Президента*. Это значение, ставшее притчей во языцех в конце периода правления Президента Ельцина, Г-му2 (= один из ведущих 'пиарщиков' администрации Прези-

дента) известно, конечно, более чем кому-либо. Таким образом, симуляция неуспешна. Симуляция неправильного понимания (актуализация значения *собственная семья*) еще могла бы заронить какое-то сомнение, в то время как избранная тактика выдает истинную интенцию: непонимание косвенным образом выражает несогласие с обозначением. Чуть позже эта интенция реализуется прямо – посредством оценочного акта (4). Характерно, что оценка вводится частицей *вообще*, одна из функций которой – смена обсуждаемого топика на топик, соответствующий одновременно принципу интереса говорящего и принципу политкорректности.

Установка на тематизирование в выгодном для симулянта направлении

Неправильное понимание симулируется посредством некогерентной по смыслу реплики

Эксплуатируется лексическая неоднозначность.

7.24

Г1 и Г2 только что познакомились. Г2 – литератор, сначала получивший известность, а затем подвергшийся идеологической травле.

Г1: Так это вы написали "Неделю"? – и добавила: – А мы вас в школе *прорабатывали...*

Г2: Кто меня только не прорабатывал... – с грустной усмешкой сказал Юрий Николаевич, явно вкладывая в это слово иной смысл, который тогда был мне непонятен.

(ЛГ 51/1998, 12)

Нарочитое неправильное понимание меняет топик (диссидентство Г2), развивая диалог, углубляя степень откровенности между собеседниками.

Восполняющий вопрос

Эксплуатируется семантико-синтаксическая неполнота.

7.25

Г1 = офицер; Г2 = барон Мюнхгаузен; Г1 получил приказ арестовать Г2 за самовольное объявление войны против иностранного государства.

Г1: Вас приказано арестовать. В случае сопротивления *приказано применить силу*. (1)

Г2: *Кому*. (2)

Г1: Что "кому". (3)

Г2: *Кому применить силу. Вам или мне*. (4)

Г1: Не понял? (5)

Г2: *Может послать переспросить?* (6)

Г1: Это не возможно. (7)

(кинофильм "Тот самый Мюнхгаузен")

Цель нарочитого непонимания в (2) – демагогическое тематизирование неоднозначности в ИР (1), на самом деле однозначной в силу постулата релевантности.

Общий метакоммуникативный вопрос

Эксплуатируется косвенная тактика в РИ (намек-сравнение).

7.26

Г1 – молодой человек (= Крук); Г2 – опытный рабочий, член запрещенной партии; ситуация:

Г1 читает пропагандистскую листовку, полученную от Г2.

Г1: А мені можна бути в цій партії? Приймуть мене?

Машиніст... вийняв з коробочки сигарету, мовчки прикурив її над склом лампи, що звисала з-під стелі, потім сказав випустивши запашну хмарку диму:

Г2: Глянь ось на лампу. Бачиш?

Г1: Що? – не второпав юнак.

Г2: Бачиш, скільки комашок б'ється до світла? Глянь, як летять відчайдушно на лампу, б'ються, падають, осмалюють собі крильця на склі, знов б'ються до світла і знов гинуть у вогні вже замертво...

Г1: Ну й що? – спитав Крук, зрозумівши цей натяк.

Г2: А те, молодий друже, що компартія заборонена в нас у Польщі, знаєш?..

(Козланюк 1965, 449)

Мотив симулятивного непонимання – заінтересованність Г1 в розвитку теми, в отриманні інформації о забороненому політичному русі, якому він симпатизує.

Установка на третього слухаючого (Мультиадресованність)

Нарочитое выявление в интересах потенциального адресата наблюдается в диалогах, где один из коммуникантов (далее: коммуникант-репрезентант) представляет интересы большой аудитории, не имеющей, однако, непосредственного 'права голоса'. Другому коммуниканту отводится роль 'невольного производителя КН'. Это – по форме еще диалог, но по сути – уже полилог. Репрезентант пытается совместить в своем речевом сознании, по меньшей мере, две коммуникативные компетенции – свою и косвенного адресата. Именно в интересах потенциальных адресатов, а не в собственных он строит разговор, в том числе, и выявляет КН, предвосхищая их проблемы в понимании речи и 'озвучивая' их возможные внутренние вопросы. Наиболее яркие примеры интеракции с нарочитым выявлением КН – учебные семинары. Роль репрезентанта играет ведущий занятие преподаватель, производителя КН – опрашиваемый учащийся, потенциального адресата – другие учащиеся аудитории. Одной из типичных тактик преподавателей является просьба-переспрос дать дефиницию, уточнить наиболее принципиальные положения в ответах опрашиваемого. При этом преподаватель исходит из целей обучения остальных студентов.

Мультиадресованность (ср. Mehrfachadressierung в Holly 1992, 28 и его ссылки на литературу), связанная с инсценированностью (в том числе неявной) обуславливает необходимость многомерного подхода к интерпретации, сама же интерпретация становится разоблачающей.

Dies gilt natürlich besonders für Fälle von Manipulation im Zusammenhang mit Werbung oder politischer Propagande, wo die Doppelbödigkeit zum Schaden des Adressaten gezielt eingesetzt wird.

(Holly 1992, 28-29)

Мультиадресованность при нарочитом понимании отличается от мультиадресованности манипуляции: первая легитимна, оправдана интересами всех адресатов, вторая – нелегитимна, так как наносит ущерб интересам адресата. Особенно богат выявлениями нарочитого непонимания жанр публичных диалогов (см. пр. 5.10). В них, по меньшей мере, один из коммуникантов (как правило, профессионально обязанный) демонстрирует не диалогическое, а полилогическое речевое поведение. Это обстоятельство и является экстралингвистическим источником КН, вернее, нарочитого выявления со стороны говорящего, заботящегося о понимании публики.

Уточняющий вопрос

Эксплуатируется неоднозначность, создаваемая эллиптической конструкцией.

7.27

Телевизионное интервью журналиста Владислава Листьева = ВЛ и актера Александра Ширвиндта = АШ; коммуниканты обладают высоким уровнем профессиональной и коммуникативной компетенции, хорошо знакомы между собой и имеют большую популярность у зрителей; тема беседы – издание книги АШ.

ВЛ: Каким тиражом изданы книжки? Я еще раз покажу. (1)

АШ: Пока тридцать, обещают еще. (2)

ВЛ: *Тридцать тысяч экземпляров, да?* (3)

АШ: Ну не штук же... ну (4)

ВЛ: Ну нет, это понятно, конечно. Это был раритет тогда был бы. (5)

(из Chlebda/Lamprecht/Schubina 1998, транскрипт фрагмента 19)

Рассматриваемую интенцию 'заботы о третьем слушателе' отмечают и авторы работы в своем комментарии к примеру (там же):

Весьма любопытна реплика АШ (4), которая свидетельствует о том, что он не совсем точно понял интенцию ВЛ. Можно предположить, что АШ ожидал естественной реакции ВЛ на большой тираж книги ("не слишком ли большой тираж?"). Между тем реплика (3) обращена не к собеседнику, а к зрителям. Перед нами пример коммуникативного сбоя, вызванного несоответствием коммуникативно-прагматических программ собеседников.

Реплики (3) и (5) не когерентны именно относительно понятливости: (3) соотносится с понятливостью аудитории (предположительно, менее посвященной в тему разговора, менее понятливой), (5) – с понятливостью самого говорящего.

Установка на исправление коммуникативных ошибок адресата

Нарочитое выявление КН в целях совершенствования коммуникативной компетенции собеседника уже в силу своей дидактичности предполагает неравноправие статусов коммуникантов (один поучает другого) и чревато нарушением принципа вежливости (максима коммуникативной самокритики). Данная дидактическая установка может быть реализована и в 'мягкой' форме

нейтральными средствами, без эксплицитного указания на коммуникативные ошибки говорящего. Такими тактиками следует считать переспросы типа: *Извините/извини, я не понял/а; Вы/ты имеете/имеешь в виду; Вы/ты хотите/хочешь сказать* и т.п., однако успех такого косвенного выражения дидактической иллюстрации возможен только в случае весьма развитого речевого самосознания у адресата.

7.28

Лиля (= Г1), девочка одиннадцати лет, передает содержание детектива отцу (= Г2).

Г1: Там главная героиня приехала в отпуск в санаторий, а в санатории произошло убийство, и вот героиня, а она в милиции работает, предлагает местной милиции свою помощь, а они от нее отказались, и она обиделась.

Г2: *Кто обиделась, милиция или помощь?* – поддел я, подумав, что надо будет в свободное время потренировать Лилю в части изложения прочитанного, чтобы не забывала об именах собственных и существительных и не пользовалась бесконечными "она", "он", "этот".

Г1: Героиня обиделась, – деловито пояснила Лиля, не замечая моего сарказма. – А тут ее мафия собралась нанять, а дальше я еще не прочитала.

(Маринина 1997, 45)

Ирония с точки зрения понятливости не легитимна. Высказывание не благозвучно, но однозначно. Выявление КН явно нарочито. Оно вызвано 'дидактическим' намерением адресата, стремящегося посредством иронии обратить внимание на невразумительную речевую манеру говорящего (см. комментарий автора). Такая тактика, не учитывающая common-sense (а также постулат релевантности), может быть воспринята с обидой.

Эксплицитная реализация дидактической тактики помимо устранения КН может иметь и другие глубинные интенции: унижить, оскорбить, подчеркнуть свое превосходство, заострить напряженность.

1.2.3. Симуляции в перспективе диалогической последовательности: РУ

Для ответа на вопрос об эффективности симуляции следует сопоставить запланированный перлокутивный акт с действительно наступившим – манифестирующимся в РУ. Эффективность тактики в РВ предполагает, что запланированный и наступивший перлокутивные акты совпадают, т.е. Г2 добивается цели, неэффективность – что акты не совпадают, т.е. цель Г2 не достигается. Если исходить из проводимого в VII.1.2.2 дихотомического разделения РВ, правомерно предположить, что РУ отражают это разделение, и категориальные наборы РУ на нарочитое выявление и на собственно симуляцию не совпадают. Соответственно, двухступенчатая типология будет выглядеть следующим образом:

1) реакции на собственно симулятивное выявление:

1а) реакции, манифестирующие эффективность РВ;

1б) реакции, манифестирующие неэффективность РВ;

2) реакции на нарочитое выявление:

2а) реакции, манифестирующие эффективность РВ;

2б) реакции, манифестирующие неэффективность РВ.

Как показали материалы, для анализа РУ релевантно ее отношение к максиме качества. Каждый из четырех выше перечисленных типов разделяется на правдивый и лживый подтип, что составило бы третью степень разделения. В результате этой третьей ступени разделения количество категорий удваивается. Не все категории одинаково представлены в материалах: одни из них являются достаточно продуктивными, для других же найти аутентичный пример весьма непросто. В силу того, что это глава ставит перед собой задачи анализа диалога с точки зрения универсальной прагматики, а не с точки зрения конкретного языка, проблема примеров не играет решающей роли для построения исследовательских гипотез.

Перечисленные категории 1а, 1б, 2а, 2б не исчерпывают всех зарегистрированных реакций на симуляцию КН. Их общая черта состоит в том, что все они каким-либо образом отражают симулятивность/нарочитость РВ. И в этом смысле их следует считать специфическими реакциями на симулятивное/нарочитое выявление КН. РУ в диалоге с симулятивной/нарочитой КН может представлять собой и неспецифическую реакцию, т.е. ничем не отличаться от аналогичной реплики в диалоге с истинной КН. Это значит, что симулятивность/нарочитость РВ никак не отражается в РУ.

Об отношении неспецифической реакции к искренности (сознательное/несознательное игнорирование симулятивности/нарочитости РВ) невозможно судить однозначно. Если адресат действительно никак не замечает симулятивности РВ (о чем нужно судить по его РУ), то его коммуникативная компетенция довольно низка, по крайней мере, ниже компетенции говорящего, и можно говорить о наступлении истинной КН. Он может, однако, и сознательно не замечать нарочитости/симулятивности РВ, игнорировать ее, показывая, тем самым, что считает несущественным 'снисходить' до нее. В обоих случаях, в отсутствие третьих слушающих, тактика нарочитости/симулятивности не срабатывает, оказывается своеобразным 'холостым выстрелом'.

РУ-специфические реакции каким-либо образом отражают симулятивность: Г1 распознает симулятивную тактику и выражает к ней свое отношение. Таким образом, по виду диалогической связности с РВ РУ можно разделить на реакции, направленные на пропозициональное содержание, и реакции, направленные на условия успешности речевого акта (ср. Падучева 1982б, 311).

Соответственно, выделенные категории 1а, 1б, 2а, 2б могут идентифицироваться как:

- а) РУ: отказы-подчинения;
- б) РУ: разоблачение симуляции;
- в) РУ: устранения-ретировки;
- г) РУ: критика непонятливости адресата.

В (б) и (г) речь идет о реакциях на условия исполнения РА, эти реплики стремятся 'обезвредить', заблокировать симуляцию и манифестируют неэффективность выбранной Г2 симулятивной тактики. Реакции (а) и (в) – это реакции на пропозицию РВ, они манифестируют эффективность симуляции.

1.2.3.1. Эффективность симуляции

Эффективность симуляции проявляется в том, что симулянту в результате примененной тактики удастся заставить Г1 отказаться от иллюзии инициальной РИ, нежелательной для симулянта. В материалах не встретилось примеров с эффективной симуляцией. Думаю, однако, что эффективная симуляция не только возможна, но и регулярна. Проблема поиска примеров состоит в том, что для исследователя чрезвычайно затруднена идентификация симуляции, уж коль она не была замечена ее адресатом (= Г1) или, если речь идет о беллетристике, не была прокомментирована автором. Поэтому для демонстрации данной категории воспользуюсь, в качестве исключения, диалогом из собственного речевого опыта.

7.29

Г1 – девочка двух лет, возрастные особенности произношения в примере нивелированы, Г2 – ее мама; ситуация: ребенок любит рисовать, и – к огорчению родителей – детским карандашам предпочитает чернильные ручки марки PILOT. Родители стараются не оставлять ручки в поле зрения ребенка.

Г1: (замечает на столе ручку) Мама, дай ручку. (1)

Г2: (делает вид, что не видит ручки на столе, и протягивает девочке свою руку) Вот, держись, только не трогай мои ногти, видишь я их прозрачным лаком покрасила. Вот как блестят теперь! Красивые? (2)

Г1: Красивые! Папа, смотри, мама ногти покрасила... (3)

(СМ)

Для Г2 не составило большого труда отвлечь внимание двухлетнего ребенка, конечно же, не заметившего КН. Пожалуй, симуляция была излишней: топик интеракции с тем же успехом мог быть сменен и без сохранения когеренции посредством манипуляции с омонимами. Данный пример иллюстрирует принципиальное правило успешности симуляции: реплика-симуляция КН (то есть актуализируемое симулянтом 'неправильное' значение) должна содержать такое положение вещей, которое представляет для Г1 значительно больший интерес, нежели пропозиция его инициальной РИ. Это условие можно распространить и на 'взрослую' коммуникацию, то есть коммуникацию с паритетной коммуникативной компетенцией участников. В приведенном примере Г2 знает, что у Г1 косметика вызывает еще большее любопытство, чем рисование и эксплуатирует принцип интереса.

Итак, чтобы заставить адресата симуляции пренебречь принципом понимания, симулянт должен в большой мере учесть принцип интереса, причем сделать это настолько искусно, чтобы у адресата не возникло подозрения в намеренном нарушении собеседником максимы качества. Выполнить это условие весьма непросто, и это – еще одна причина трудностей в поиске примеров. Вероятно, что возможны и случаи, когда Г1 замечает неискренность Г2, но не разоблачает его, а подыгрывает ему, становится 'сообщником' симулянта по нарушению максимы качества: каждый лжет, каждый знает что собеседник тоже лжет, каждый сознательно 'не замечает' лжи. У такого неискренного речевого поведения всегда есть мотивы, и они должны быть сильнее, чем заинтересованность в искреннем общении. Речь идет о феномене двойной взаимовыгодной лжи в угоду различным собственным интересам коммуни-

кантов (максима качества против принципа интереса). Принцип сотрудничества действует в извращенной форме. Г2 лжет, будучи уверенным, что не будет разоблачен, т.к. ложь выгодна Г-му1.

Следующий пример не содержит КН, но хорошо иллюстрирует этот феномен. Для такой двойной лжи характерно особое распределение социальных ролей: Г1 по социально установленному порядку или по должности обязан принять меры, применить санкции, если Г2 скажет правду. Однако, Г1 в силу каких-то причин не желает принимать мер и применять санкций, поэтому он заинтересован в том, чтобы Г2 солгал. Воспользуюсь русскоязычным переводом эпизода из иностранного кинофильма.

7.30

Г1 – управляющий гостиницы высшего класса, Г2 – уличная девушка, оказавшаяся в гостинице по приглашению одного из клиентов. Ситуация: Г1 обнаруживает незарегистрированную гостью. Г1, с одной стороны, для поддержания престижа обязан не допускать проживания в гостинице посторонних лиц, с другой стороны, он не хочет доставлять неприятности выгодному клиенту, пригласившему девушку.

Г1: То, что позволено в других отелях, у нас в отеле невозможно. Но мистер Эдвард Луис – наш особый клиент. Мы считаем, что о нам... как друг. Если бы он был просто клиентом, он должен был бы расписаться за приглашенного гостя, а раз он – друг, мы готовы закрыть глаза... Вы, очевидно, родственница? (1)

Г2: (поддерживая визуальный контакт-подсказку) Да. (2)

Г1: Я так и думал. Вы, очевидно, его... (3)

Г2: (неуверенно, пытаясь угадать нужный ответ) Племянница. (4)

Г1: Конечно. Естественно, когда мистер Луис выедет из отеля, мы вас больше не увидим. Я полагаю, что у вас других дядей здесь нет. Хорошо, значит, мы понимаем друг друга... (5)

(кинофильм "Красотка", в оригинале – "Pretty Woman")

Следующий пример взят из романа Л. Толстого "Анна Каренина".

7.31

Г1 = граф Вронский; Г2 = княгиня Бетси, известная в столичном свете интриганка; разговор о влюбленности Г1 в замужнюю женщину, Анну Каренину. Семейный статус Карениной и ее убеждения приводят в отчаяние Г1, надеющегося на взаимность.

Г1: ...Если я жалею, то на то только, что слишком мало пойман, если говорить правду. Я начинаю терять надежду.

Г2: *Какую ж вы можете иметь надежду?* – сказала Бетси, оскорбившись за своего друга, – *entendons nous... Но в глазах ее бежали огоньки, говорившие, что она очень хорошо, и точно так же, как и он, понимает, какую он мог иметь надежду.*

Г1: Никакой, – смеясь и выставляя свои сплошные зубы, сказал Вронский.

(Толстой 1988, 129)

Г2 симулирует непонимание, а Г1 соглашается с ней только для того, чтобы на словах соблюсти этикетные приличия.

1.2.3.2. Неэффективность симуляции (разоблачения симуляции)

Неэффективность собственно симуляции проявляется в репликах-разоблачениях и дальнейших попытках Г1 реализовать свою инициальную интенцию. В

этих репликах Г1 распознает и осуждает симуляцию, так как считает ее нелегитимной. Таким образом, сама симуляция здесь неуспешна. Разоблачение регулярно реализуется с помощью комбинации трех метакоммуникативно употребленных глаголов: 1) *знать*; 2) *притворяться* (и его стилистических синонимов, напр., *придуриваться*, *крутить*, *влиять*); 3) *говорить* (и эллиптических конструкций с ним). Комбинация трех глаголов не случайна – она описывает центральные концепты дискурса с симуляцией. Глагол *знать* относится к действительному положению вещей, глагол *говорить* – к вербализируемому положению вещей, а глагол *притворяться* характеризует отношение между *знать* и *говорить*.

7.32

Г1 = пожилая домработница; Г2 = хозяин дома; Г1 не знает, как ей реагировать на телефонные звонки-молчание, и относит их к сверхъестественному, чем вызывает иронию Г2.

Г1: А як задзвонить?

Г2: То послушайте.

Г1: Кажу: як оте задзвонить?

Г2: Хай підожде, поки вернуся.

Г1: Ох, Петрику, жартуєш, а таки ж якийсь дух у людині є.

Г2: Правильно, тьотю Галю, ні природи без духу, ні духу без природи не можна собі уявити.

Г1: Та не про той я дух, не про той! *Знаєш же, про який, а не хочеш слухати*. Коли ж ти вернишся?

(Загребельний 1979, 497)

7.33

Г1 = следователь; Г2 = молодой человек, подозреваемый в подпольной революционной деятельности.

Г1: Ти що, лайдаку такий, ще з молоком на губах і вже граєшся в вогнем?

Г2: З яким вогнем? – спитав хлопець.

Г1: *Ти мені не крути*. Знаєш, за віщо сидиш в тюрмі?

Г2: Ні.

(Козланюк 1965, 421)

См. также реплику *Не притворяйся, Сашка, не притворяйся – я тебя знаю* в уже приводившемся пр. 7.14.

Разоблачение может быть осуществлено не только метакоммуникативными средствами. Согласно Israeli 1997 (595) эту функцию в русском языке могут выполнять синтаксические повторения. Автор приводит следующий пример:

7.34

Г1: Забудь ее, слышишь? Забудь.

Г2: Кого?

Г1: "*Кого*", "*кого*". *Воображала*. Сестричку мою, говорю, выкинь из головы.

(из Israeli 1997, 595; выделено мной)

Негативная оценка выражается именно благодаря редупликации вопроса. Автор отмечает, что редупликация вопроса характерна для русского языка, и, среди прочего, отмечает рассматриваемую здесь функцию разоблачения симуляции непонимания:

The illocutionary message of such a question is two-fold: 'the answer is obvious and you know the answer' and 'I am making fun of you'.

(там же)

Приведу также аналогичные метакоммуникативные реплики из других примеров:

Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю! Не притворяйся! (см. пр. 7.13);

Не придурюйтесь, Анастасіє! Ви прекрасно знаете, про що я (см. пр. 7.6).

Многочисленность примеров этой категории может объясняться как доказательство значимости максимы качества для рассматриваемых диалогов. Из чего можно заключить, что подобная симуляция часто обречена. К сожалению, очень трудно ответить на вопрос, в каких случаях, говорящий предпочитает не выявить симуляцию, и насколько распространено это явление.

1.2.3.3. Эффективность нарочитого выявления (ретировки)

Эффективность нарочитого выявления проявляется в том, что Г1 вербально ретируется. Ретировки осуществляются с помощью эксплицитных или имплицитных просьб об извинении, то есть это акты, осуществленные в соответствии с вежливостью. Это – извинения конвенциональные, а по их месту в дискурсе – ретроспективные, они иллокутивно 'вынуждаются' предыдущей репликой-упреком (ср. Ратмайр 1998, 287).

В свою очередь, сами ретировки (извинения) могут вступать в различные отношения с максимой качества. Они могут быть искренними и ложными. Искренние ретировки реализуют инициальную интенцию Г1, неправильно декодированную Г2. В этих действиях принципы сотрудничества и вежливости не вступают в противоборство. См. уже приводившиеся примеры 7.3 и 7.4, в РУ которых собственно устраняющей части предшествует акт извинения (ср., соответственно – *Простите, сеньора, [...]* и *Даруйте, але я [...]*).

В ложных ретировках Г1 не настаивает на своей инициальной интенции, он 'берет свои слова назад'. Эти действия манифестируют 'победу' принципа вежливости над принципом сотрудничества. Впрочем, победу вынужденную, так как Г1 одержал ее над собственной совестью под давлением действий Г2. Без РВ нарочитого выявления, в которой Г2 косвенно реализует свой протест, Г1 не стал бы ретироваться. Ложность неискренних ретировок особенно очевидна в тех случаях, когда 'другого смысла', якобы имевшегося в виду, не существует. В этих случаях ложь заранее обречена: одно высказывание явно противоречит другому. Ментальное состояние коммуникантов здесь аналогично тому, которое наблюдается в категории ложных неразоблачений (см.

VII.1.2.3.1): оба предпочитают не вербализировать правду, она им не очень важна и совсем не удобна.

7.35

Г1 = один из трех братьев-близнецов рассказывает своей жене (= Г2) об 'удивительных' совпадениях между братьями.

Г1: У нас у всех слух абсолютный. У всех на левой ноге на одном месте шрам. И бабы у всех на одно лицо. (1)

Г2: (оскорбленно) Ты что несешь-то?! Я, че, по-твоему на эту американскую мымру похожа? (2)

Г1: (примирительно) Ну, я не в этом смысле. Че-ты? (3)
(кинофильм "Ширли-Мырли")

Комментарий: ретировка (3) фальшива до абсурдности (роль всех жен исполняется одной актрисой). Диалог вызывает комический эффект и выполняет стратегическую жанровую задачу фильма-комедии.

7.36

Телевизионная беседа; Г1 = популярный кинорежиссер, Г2 = президент государства; ситуация – предвыборная компания, в которой участвует и действующий президент; контекст: Г1 считает необходимым, чтобы президент прояснил свою позицию относительно конфронтации между общественным мнением и действиями исполнительной власти.

Г1: Чтобы общество знало (1)

Г2: Это Вы мне говорите? (2)

Г1: Это я себе говорю. (3)

Г2: Понятно. (4)

(ОРТ 9.06.95)

Комментарий: пример интересен имплицитностью сообщаемых иллокуций. Нарочитость выявления – в (2) и ложность – в (3). Доминантная интенция Г1 – убедить Г2 занять более четкую позицию в отношении определенных политических событий и издать соответствующие указы. Данная интенция не входит в противоречие с заданными условиями интеракции: гражданин-избиратель (популярный кинорежиссер, в большой степени представитель общественного мнения) вправе выражать пожелания относительно государственных вопросов в условиях свободы слова. Для аргументации своей иллокуции Г1 пользуется эллипсисом – нераспространенным придаточным цели (1). Такая реализация несколько фамильярна, более характерна для разговорной речи, чем публичных диалогов. Выводимая из реплики-рекомендации импликатура: Г1 лучше чем Г2 понимает, что нужно знать обществу. Граница допустимого этикетом речевого поведения предусматривает тщательное дозирование речевых средств согласно принципу вежливости. Реплика (1) в силу своей назидательности противоречит принципу вежливости: нарушена максима субординации. Как уже отмечалось в V.2.1.1, экспликация актантов глагола речи регулярно используется для транспонирования прагматического значения высказывания. Вопрос-уточнение (с фразовым ударением на *мне*) косвенным способом реализует протест Г2 против нарушения субординации. Его импликатура: Г1 не вправе давать подобные советы Г2. То есть запрограммированная Г1 импозиция (относительно социальной иерархии) не принимается Г2. Реплика (3) – ложная ретировка, автокоррекция КН на уровне адресования речевого действия. Буквальное значение реплики (3) в данных условиях абсурдно, гораздо важнее для понимания ее импликатура: "Согласен, я не смею давать указания". В коммуникативных действиях Г1 нарушено какое-либо важное правило

коммуникации – либо максима качества, либо максима релевантности, либо ПВ (даже если субординация была нарушена непреднамеренно, нужно извиниться). Г2 можно упрекнуть в несоблюдении презумпции невиновности и в излишней для данной ситуации субординационной щепетильности. Ретировка Г1 спасает положение лишь формально, Г1 'выкрутился', но его истинная интенция уже 'засветилась'. По сути, практически каждую реплику в этом отрывке можно считать в известной степени неудачной: (1) – в отношении вежливости, (2) – в отношении имиджа Г2, (3) – как в отношении речевой тактики (неудавшаяся симуляция), так и в отношении имиджа Г1.

1.2.3.4. Неэффективность нарочитого выявления (неспецифические реакции на нарочитое выявление)

Нарочитое выявление оказывается неэффективным, когда Г1 воспринимает его как истинное непонимание и подвергает непонятливость Г2 критике, реагируя, таким образом, на условия выполнения РА. Как и при эффективном нарочитом выявлении РУ может нарушать и может не нарушать максиму качества. Подобно ретировкам, критика может быть искренней и неискренней.

При искренней критике непонятливости Г1 действительно не распознает тактику Г2, реагирует на косвенный речевой акт как на прямой. Говорящий действительно не замечает симуляции, она в его восприятии – выявление истинной КН. Это не обязательно свидетельствует о его недостаточной коммуникативной компетенции, так как симуляции могут быть весьма изощренными. В этих интеракциях за первой, симулятивной КН (КН-нарочитое непонимание), следует вторая – истинная КН (КН-ошибочное понимание). При этом РУ второй КН – это одновременно РВ первой КН.

Для реализации критики служит широкий спектр речевых средств. Как и в репликах-разоблачениях здесь, прежде всего, используется метакоммуникация.

7.37

Г1 и Г2 = муж и жена, филологи; ситуация: Г1 и Г2 собираются на работу, слушая радио.

Г1: Кто это? Я не иду на лекцию! Я скажусь больной, опоздаю на полчаса! У меня был приступ, лопнул водопровод, застряло метро – что угодно! Я должна дослушать! (1)
Я, конечно, сразу узнал голос Татьяны Григорьевны Винокур, хотя по радио в тот день слышал его впервые.

Г2: Хочешь, – сказал я, *несколько хитря*, – я дождусь конца передачи вместо тебя, в конце они обычно снова объявляют... (2)

Г1: Не мешай! *Как ты не понимаешь! Дело не в том, чтобы дослушать содержание! Дело в том, чтобы дослушать голос! Тсс!..* (3)

(Степанов 1996, 281)

Комментарий: мотив симуляции – услышать от Г1 признание в том, что причина ее задержки не желание узнать имя диктора, а удовольствие от слушания. Симуляция не распознается, реплика (2) воспринимается как искренняя КН, и Г1 критикует Г1 за непонятливость (3).

7.38

Г1: Пьеса из колхозной жизни, бьет по... – Ваня заглянул в аннотацию. – Бьет по частно-собственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню [...] (1)

Г2: Как это – из гущи? [...] Он что, алкаш? (2)

Г3: *Вася, помолчи, ради Бога!* (3) – Вера гневно смотрит на Ваську.

Г2: Но я недопонимаю: как это – вышел из гущи? Гуща – это когда пива на доньшке остается... (4)

(Шукшин 1999, 255-256)

Нарочитое выявление КН в (2) используется для шутового обыгрывания метафоры в (1). Критика непонятливости (3) реализуется метакоммуникативным директивом. Альтернативный комментарий: запрет на коммуникацию в (3) мог бы развиваться и в реплику-разоблачение. То есть (3) может рассматриваться не только как критика непонятливости, но и как имплицитная критика нарочитого выявления КН, реализованного с целью пошутить. В этом случае пример должен быть отнесен к категории разоблачений.

Возможность более мягкой, имплицитной критики реализуется с помощью модальных частиц. См. частицу *ну* в уже приводившемся примере.

7.39

ВЛ: Каким тиражом изданы книжки? Я еще раз покажу.

АШ: Пока тридцать, обещают еще.

ВЛ: Тридцать тысяч экземпляров, да?

АШ: *Ну* не штук же... *ну*

ВЛ: Ну нет, это понятно, конечно. Это был раритет тогда был бы.

(из Chlebeda/Lamprecht/Schubina 1998, транскрипт фрагмента 19)

В РУ, содержащих ложную критику нарочитого непонимания, непонятливость критикуется именно за ее нарочитость. В следующем примере Г1 лжет, делая вид, будто не понимает, что Г2 прибегла к нарочитому непониманию как к косвенному способу выражения несогласия с нарушением кооперации и вежливости в РИ.

7.40

Сотрудник киностудии (= Г1) ищет исполнительницу кинороли, и в случайной прохожей (= Г2) находит требующиеся для персонажа внешние данные.

Г1: Девушка, можно вас на минутку? (1)

Г2: Я с незнакомыми мужчинами не разговариваю! (2)

Г1: Очень ты мне нужна! Вот тебе моя визитка, пойдешь на студию "Белгоскино" и скажешь режиссеру Коршу-Саблину, чтобы он тебя попробовал! (3)

Г2: К каком это смысле?! (4)

Г1: Не в том, в каком ты думаешь, – для этого у нас получше тебя дамы есть (5)

(Ог 43/1995, 92)

Комментарий 1: РИ – (3), РВ – (4), РУ – (5). Как видно, конфликт между собеседниками относительно вежливости начался уже до последовательности с нарочитой КН. Вполне нейтральную просьбу Г1 об установлении контакта в (1) (единственный возможный упрек – в том, что Г1 не представляется, как того требует речевой этикет в ситуации знакомства), Г2 интерпретирует неверно: как попытку личного знакомства мужчины с женщиной и дает тривиальный ответ-клише, задевающий гордость Г1. В первой части реплики (3) Г1 устраняет КН крайне невежливо (односторонний переход на *ты*, грубая манифестация своей личной незаинтересованности в Г2). Вторая часть

– это предложение работы, в котором Г2 не эксплицирует значение профессионального термина *попробовать* (= произвести пробные фотоснимки или кино съемку). Г1 в праве не знать этого значения, она актуализирует другое значение глагола, оскорбляющего ее достоинство (= иметь половую близость). Но в данном контексте (известная киностудия, режиссер) Г2 должна была бы совершить интерпретационное усилие и, исходя из предписанной ПВ презумпции о доброжелательности речевого поведения собеседника, исключить оскорбительное значение. Нарочитое же выявление непонимания в (4) выражает протест против бестактной двусмысленности в (3). Г1, однако, эскалирует нарушение в (5), не только грубо критикуя Г2 за непонятливость, но и давая унижительную оценку ее женским качествам. (5) содержит также намеренное непонимание истинной иллокуции (4).

Комментарий 2: Отсутствие данных, позволяющих судить о действительных интенциях говорящих обуславливает и возможность другой интерпретации примера. Можно предположить, что в (3) двусмысленность допускается умышленно и вопрос в (4) программируется. Г2 наивно попадает на уловку и произносит фразу, которую ожидает Г1 для того, чтобы подшутить над Г2 в (5). Таким образом, в этом случае реплика (3) должна быть отнесена к типу провокационных КН.

Независимо от того, какой именно из комментариев соответствует действительности, с полной уверенностью можно полагать, что в ложных критиках непонятливости Г1 'наказывает' Г2 за то, что он совершает выбор 'более обидного толкования'. Эти РУ, как и сами РВ, не свидетельствуют о доброжелательности говорящих. Если считать грехом нарушение кооперативных принципов, диалогическая последовательность замыкается в своеобразный 'дьявольский' круг: РИ непреднамеренно нарушает принципы вежливости и кооперации, РВ преднамеренно нарушает принципы кооперации, вежливости и Поллианны, а РУ снова, и на этот раз преднамеренно, нарушает принцип вежливости. Никто из говорящих не хочет первым сделать шаг назад и проявить великодушие, коммуникативная неудача перерастает в коммуникативный конфликт.

Вывод, который можно сделать из сравнения истинной и ложной критики нарочитого непонимания, звучит несколько банально: для сохранения добрых отношений и возвращения коммуникации в русло вежливой кооперации, а также для того, чтобы избежать обструкции, в ответ на нарочитое непонимание (как косвенный способ протеста против двусмысленности) идеальный говорящий должен извиниться.

1.3. Диалог с провокацией КН

Спровоцированными называются КН, возникшие в результате неоднозначности или имплицитности, допущенной говорящим намеренно, с целью вызвать у адресата трудности понимания или интерпретации. Нарушаются одновременно две максимы принципа кооперации: качества и манеры речи. Неудачами эти интеракции можно считать только условно, с точки зрения наблюдателя или адресата. С позиции говорящего же в случае непонимания следует говорить,

наоборот, об удаче, ведь он и не стремился к однозначному правильному пониманию.

Среди провокаций, как и среди симуляций, также различаются собственно манипулятивные провокации и нарочитое вызывание провизорной КН. Для их различения используются критерии, положенные в основу определения манипулятивных КН (см. VII.1.1).

1.3.1. Нарочитое вызывание провизорной КН

Нарочитое вызывание КН используется как косвенный способ достижения самых разных целей: привлечения внимания адресата к предмету, входящему в интересы говорящего-провокаатора; управления развитием интеракции в направлении, выгодном говорящему-провокаатору; вызывания комического эффекта⁸⁵. В результате этих тактик наступает провизорное нарушение понимания, однако они не преследуют его полный обрыв. В дальнейшем понимание достигается, КН устраняется.

Эта тактика задержки в линейном развитии диалога эксплуатирует квантитивность подачи информации: экспрессивная и эмоциональная функции речи реализуются прежде информативной. Эти реплики можно назвать образными увертюрами (открывающими *общение*) к собственно коммуникации (нацеленной на *сообщение*). Характерно, что среди средств, используемых для нарочитого вызывания КН, наиболее продуктивными нужно признать речевые фигуры. Кроме того, к регулярным тактикам реализации рассматриваемой стратегии относятся эксплуатация перифразов, нарушение пресуппозиции, заведомо невыводимые импликатуры, разнообразные нарушения идентифицирующей референции (уже упомянутое косвенное выражение референта метафорой и перифразом, а также дейктическое и др.).

Речевые фигуры

7.41

Г1: Из вашей девочки слова не вытянешь, если специально не спрашивать. Из нее вырастет превосходная "ямка".

Г2: Кто из нее вырастет? – не понял я.

Г1 Ямка, в которую можно пошептать про свои тайны, засыпать песочком и быть уверенным, что никто никогда ничего не узнает. Она умеет держать язык за зубами. (Маринина 1997, 173)

7.42

Г1: Налетят, як демони, тут смикнуть, там хапнуть – і чкурнули, немов з краденим... А вузол як був зв'язаний, так и залишається...

Г2: Який вузол, тьотю Дашо? – запитав Серьожка.

Г1: Радгосп наш, робочі, як вузол. Хотілося б їм розпустити його на нитки, всяко заходять до нього, і так, і сяк, і руками, і зубами, – а воно не бере...

(Гончар 1978, 76)

⁸⁵ См. языковая игра в каламбурах и анекдотах, Ulrich 1978; Ulrich 1979; Wenzel 1989; Голетиани 19966.

312 VII. КН ВНЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ПРИНЦИПОВ

7.43

Г1: Містер Шервуд, як ваше здоров'я? (1)
(допитливо вдивляється в Шервуда).

Пауза.

Г2: Не скаржуся. (2)

Г1: Слава богу! *Гора з плечей.* (3)

Г2: Не розумію. (4)

Г1: Справа в тому, що на тому катері... Ви знаєте на якому... Там з вами були два моряки. (5)

Г2: Були. Бідні хлопці!..

(Левада 1967, 514)

7.44

Г1: Вы никогда не были замужем?

Г2: Была. *Наполовину.*

Г1: Это как? На какую половину?

Г2: А так. Встречались два раза в неделю. В течение десяти лет. А по субботам и воскресеньям я оставалась одна. С той поры я не люблю ни суббот, ни воскресений, и вообще праздников я не люблю.

Г1: Он был женат?

Г2: Он и сейчас женат.

(кинофильм "Ирония судьбы, или с легким паром!")

Перифраз

7.45

Г1: Дай мені те, що скоро буде для неї, для моєї маленької Джой, найбільш потрібним. Єдине, що їй буде потрібно.

Г2: Про що ти?

Г1: Дай мені для неї отруту. Таку, щоб діяла швидко, і непомітно, і зовсім безболісно.
(Левада 1967, 501)

Нарушение пресуппозиций

7.46

Мы случайно встретились в Дегтярном переулке.

Г1: Мне нужны деньги, – сказал знаменитый спортивный комментатор Вадим Синявский. – Давай-ка я у тебя *выиграю* пять рублей.

Г2: Не понял.

Г1: Вот тебе бумага, – он протянул мне блокнот и ручку. – Напиши, пожалуйста: "Мао Цзе-дун". Правильно напишешь – пятерка твоя. Неправильно – моя.

(Ог 25/1996, 92)

Выиграть пресуппонирует 'предварительное знание об исходе игры', что не может не вызвать интереса адресата к игре.

Заведомо невыводимые импликатуры

7.47

Леонид Осипович Утесов, послушав мое брэнчание, сказал: "Андрюша, детка никого не слушай, *играй каждый день по два часа, доставь радость папе и маме*". Вот тогда,

извините, взмолился отец: "Леонид Осипович, а в чем радость?!". Утесов ответил: "Сашенька, радость – это когда он замолкнет".
(ЛГ 14/1997, 49)

7.48

Г1 и Г2 – два приятеля, случайно встретившиеся на вокзале в ожидании прибывающего поезда.

Г1: А ты кого встречаешь?

Г2: Я? Я хорошенькую женщину, – сказал Облонский.

Г1: Вот как!

Г2: Honni soit qui mal y pense! Сестру Анну.

(Толстой 1988, 62)

Провокация выведения неправильной импликатуры легко разоблачается с помощью постулата релевантности: в данной ситуации общепринятым является указание на родство прибывающего, а не на его внешние характеристики. Поэтому фраза из французского ("Стыдно тому, кто подумает дурно!") неправомерна.

Нарочито неопределенная идентификация

7.49

Г1: Пізно. А піді мною, знаєте, хто живе?

Г2: Хто ж!

Г1: *Марчелло Мastroянні*.

Г2: Хто-хто?

Г1: Так ми звемо шофера академіка Карналя.

(Загребельний 1979, 282)

7.50

Писатель Сергей Довлатов проводит экскурсию в Пушкинском заповеднике в селе Михайловском для группы учителей в присутствии своего друга поэта Евгения Рейна, пообещав ему перед этим разыграть шутку.

Перед домиком Арины Родионовны он остановился, экскурсанты окружили его.

"Пушкин очень любил свою няню, – начал Довлатов. – Она рассказывала ему сказки и пела песни, а он сочинял для нее стихи. *Среди них есть всем известные, Вы их наверное знаете наизусть*". "Что вы имеете в виду?" – спросил кто-то робко. "Ну, вот, например, это... "Ты жива еще, моя старушка?" И Сергей с выражением прочитал до конца стихотворение Есенина. Я с ужасом смотрел на него. Совсем незаметно, чуть опустив веко, он подмигнул мне. Экскурсанты безмолвствовали.

(Рейн 1995, 69)

1.3.2. Собственно манипулятивные провокации

Собственно провокативные реплики содержат неоднозначность. Два конкурирующих значения различаются по критерию безобидности/обидности, обсуждаемому в VII.1.2.1.

Для говорящего-провокаатора важно вызвать определенную интерпретацию РИ, задевающую интересы и личность адресата, однако, он сознает некооперативность и невежливость такого действия, поэтому подстраховывается вторым вариантом интерпретации, как бы заготавливает 'отходные пути': возможность ретироваться. В случае отпора со стороны адресата, говорящий-провокаатор не настаивает на более рискованном (обидном) варианте. Как правило, к

тактике подстрахованной провокации двойного понимания прибегает тот собеседник, который имеет основания опасаться санкций со стороны адресата провокации.

Для подстраховки провокации регулярно используются косвенные способы выражения смысла: косвенные иллокутивные акты, намеки и т.п.

Косвенная угроза

7.51

Г1: *Ну, раз решил, тогда оставайся.*

Г2: Ты что, мне угрожаешь?

Г1: Да нет, просто приветствую твое решение.

Г2: Да нет, ты мне определенно угрожаешь.

(кинофильм "Ночные забавы")

Угрожающий намек

7.52

Г1 – взрослая девушка, полагавшая, что между ее родителями царят искренние и добрые отношения, узнает о супружеской неверности матери; Г2 – мать, которая еще не знает о том, что ее тайна известна дочери.

Г1: *Кому-то смешно сейчас, а кому-то будет смешно потом.*

Г2: Что ты этим хочешь сказать?

Г1: А тебе непонятно? Только то, что сказала.

(кинофильм "Ночные забавы")

Вопрос *Что ты хочешь этим сказать?* регулярно используется как нарочитое непонимание, косвенно выражающее негативную оценку угрозы с ИР. Его импликатура: *я понимаю, что ты хочешь меня задеть, но не говоришь прямо, чтобы остаться 'безнаказанным'*. Интересно, что такому, в свою очередь, угрожающему выяснению подвергаются только намеки-оскорбления. Намеки-комплименты не нуждаются в выведении на 'чистую воду'. Видимо, здесь срабатывает фактор предвидения перлокутивного акта. Упрекнуть сразу, не разобравшись, в случае, если Г1 откажется от негативной интерпретации, означало бы для Г2 разоблачить себя самого как заслуживающего негативной интерпретации, тем самым – подтвердить ее. Такое развитие диалога сразу бы обострило отношения. Предусмотрительнее сначала уточнить. В случае же позитивного значения (напр., в косвенном комплименте) преждевременная интерпретация Г-им2 в РВ вряд ли вызовет протест Г1: неудобно отказаться от того, что кто-то усмотрел в твоих словах хорошее к себе отношение.

Косвенная угроза

7.53

Г1: *Щоправда, щиро кажучи, я почуваюся не зовсім добре, маючи одним із заступників близького родича. Ще коли б це виправдовувалося незамінимістю одного з нас... (1)*

Г2: *А чим же це виправдується?.. (2)*

Г1: Суто ситуаційне породження, – спокійно пояснив Карналь. – *І я, і ти – на цих постах тому, що так склалася ситуація. Але так вічно тривати не може.* (3)

Г2: Хочеш мене усунути? Договорюй до кінця, Петре Андрійовичу! Я товстошкурий, перенесу. Коли ж і висловитися, як не в хвилини, коли на душі особливо тяжко. Люди в такому стані відверті часом аж до жорстокості. (4)

Г1: Психологом ти ніколи не був. Якраз я мав на увазі не тебе, а себе самого. Очолити об'єднання може інший чоловік. (5)

(Загребельний 1979, 460)

Контекст не позволяет с уверенностью идентифицировать (1) и (3) как провокативные. Интерпретация Г2 указывает на неточность РИ. Но даже в случае, если Г1 искренне подразумевал себя, его речевую манеру в (1) и (3) следует рассматривать как провоцирующе неоднозначную. Включение имени адресата в тему высказывания неуместно и в большой мере оскорбительно. Если учесть иерархическое неравенство партнеров (глава института и заместитель), адресат закономерно воспринимает (1) и (3) как угрозу потерять рабочее место. В таком случае вежливое устранение КН должно было бы предваряться просьбой об извинении за допущенную многозначность. Г1, однако, этого не делает. Напротив, прежде чем устранить непонимание, он производит негативную оценку Г2. Только после этого следует ретировка.

7.54

Г1 = друг барона Мюнхгаузена; Г2 = жена барона Мюнхгаузена. Ситуация: Г2 ходатайствует перед властями о признании барона Мюнхгаузена душевнобольным, в доказательство она предъявляет на рассмотрение документ – распорядок дня на текущий день, составленный бароном, согласно которому барон планирует после завтрака установление хорошей погоды и удаление туч. Г1 пытается защитить барона. Контекст: разбирающий дело спрашивает, действительно ли сегодня установилась хорошая погода.

Г1: *То есть с утра был туман, но потом он улетучился.* (1)

Г2: Вы хотите сказать, что это его заслуга? (2)

Г1: Я ничего не хочу сказать, но только действительно. (3)

(кинофильм "Тот самый Мюнхгаузен")

После нарочитого уточняющего вопроса в (2) Г1 ретируется (3).

7.55

Г1 = учащийся вечерней школы; Г2 = учительница; Г2 строга с Г1: он плохо успевает в школе; Г1 влюблен в Г2, но не решается за ней ухаживать.

Г1: *А почему Вы так плохо относитесь?* (1)

Г2: К кому? (2)

Г1: К себе. Никуда не ходите, не отдыхаете. (3)

(кинофильм "Весна на Заречной улице")

Г1 ненормативно употребляет глагол *относиться* (норма предусматривает обязательное заполнение синтаксической валентности объекта действия). Конвенциональное употребление этого вопроса (стандартная тактика выяснения отношений) предполагает в качестве заполнения актанта объекта действия самого говорящего. Данное употребление манипулятивно: Г1 стремится к такой интерпретации, желая тематизировать отношения между собой и Г2, но не решается реализовать свое намерение прямо. Манипуляция ему не удастся. Г2 ставит встречный вопрос-выявление КН. Г1 ретируется, отказываясь от первоначального намерения и указывая на более 'безобидное' заполнение валентности.

1.4. Манипулятивные устранения КН

Манипулятивным устранением КН считается такой отказ от кооперативного устранения КН в РУ, при котором манипулирующий говорящий нарушает максимум манеры речи и максимум качества относительно максимы манеры речи.

Манипулятивные устранения подразделяются на два вида:

- двойные предикации *post factum*;
- лживые устранения.

1.4.1. Двойные предикации *post factum*

При двойной предикации *post factum* говорящий приписывает одной пропозиции одновременно две предикации, то есть намеренно стремится к неоднозначности своего инициального высказывания.

При информативном общении в отличие от фатического, несмотря на всю условность границ, намеренная многозначность существенно ущемляет права адресата, так как является семантически аномальной. Вина за это ущемление снимается с говорящего, когда он метакоммуникативно дает знать адресату о том, что вполне осознает многозначность собственного высказывания, и либо указывает на одно – правильное – значение, либо акцептирует все возможные варианты его интерпретации адресатом. В последнем случае в одном высказывании одновременно совмещаются несколько предикаций. Выражение, имеющее более одного актуального значения характеризуется как семантически аномальное (см., напр., Падучева 1982а, 92).

Действительно, одновременное сознательное употребление в более, чем одном значении (особенно, если речь идет о двух далеких значениях) в рамках 'нормального', нераздвоенного речевого сознания невозможно. Установив возможность двойного толкования, а, значит, предвидя двойное толкование и адресатом тоже, говорящий на метаречевом уровне обязан дать подсказку для профилактики КН: имеет ли он в виду первое значение, второе, или же оба соответствуют описываемому положению вещей (последний случай встречается крайне редко).

В устной речи неоднозначность может остаться незамечена самим говорящим. При письме он имеет больше возможностей (фактор времени) и обязательств перед адресатом (отсутствие ситуативного контекста и паралингвистических средств) проанализировать свое высказывание, в том числе, и в отношении однозначности.

Сознательный анализ средств выражения является основной психологической характеристикой письменной речи. Сознательному характеру отбора языковых средств в письменной речи противостоит автоматичность этого процесса в речи устной.

(Кукушкина 1998, 46)

Следующий пример метакоммуникативной авторефлексии относительно многозначности в письменной речи иллюстрирует двойную предикацию:

7.56

Преподавательский этикет в современной Америке требует, чтобы с кафедры как можно реже *раздавались* (в обоих смыслах этого глагола) оценки обсуждаемым текстам.

(Лосев/Вайль 1998, 47)

Приведенный пример относится к письменному речевому жанру эссе; тема: воспоминания друга и коллеги о поэте Иосифе Бродском). Как показывает комментарий автора, двусмысленность осознана и запланирована. Она порождена омонимией глагольных форм двух глаголов (гораздо чаще встречается полисемия одной языковой единицы, см. пр. ниже). Первый глагол – *раздаться*, возвратный, в значении *стать слышимым о звуках*, второй – *раздать*, употребленный в страдательном залоге, со значением *дать многим* (см. СРЯ, 644). Можно предположить, что начальной интенции автора соответствует предикация, реализуемая с помощью первого глагола. В пользу такого предположения свидетельствует стереотипность синтаксической конструкции (ср.: *с галерки раздался свист, с трибуны раздался звонок председателя* и т.д.). Относительно второй предикации нужно отметить, что с точки зрения семантической сочетаемости использование второго глагола менее узуально с данным пациенсом (*раздаются подарки, поручения, цветы, в то время как оценки даются*).

Вина говорящего, не учитывающего многозначность своего высказывания, существенно возрастает, когда он уже после выявления КН настаивает на множественной предикации, не оговорив ее предварительно подобно тому, как это сделал автор в предыдущем примере. В этом случае говорящий не только нарушает максимумы манеры речи в РИ (что свойственно спонтанной речи, и потому более 'простительно'), но и сознательно нарушает максимум качества в РУ. Речь идет о подтасовках *post factum*. Подобные речевые действия вплотную приближаются к лжи.

7.57

Г1: Є тут тимчасовий оргкомітет, я його очолюю. Вся кібернетика в моїх руках, всі корисні люди на замітці. Так що ти не турбуйся і, коли тобі запропонують, бери все в свої руки! А спитають мене – відрекомендую як належить! (1)

Г2: Нічого не розумію, – зітхнув Карналь, – ти пропонуєш чи прийшов повідомити, що можуть запропонувати? І що це за комітет у тебе в руках? (2)

Г1: *I te, й друге, і третє!* Вважай, що я висловив офіційну пропозицію. (3)

(Загребельний 1979, 189)

Пример интересен тем, что иллюстрирует манипулятивное несовпадение индивидуальных 'логик' Г1 и Г2. При интерпретации иллюкутивной силы инициального высказывания Г2 исходит из строгой дизъюнкции иллюкутивных актов 'предложение' и 'предупреждение о возможном предложении'. С точки зрения Г2 объемы понятий в уточняющих гипотезах не перекрещиваются, оба после выявления КН находятся в отношении соподчинения к уточняемому понятию – РИ. Тогда как Г1 осуществляет нестрогую дизъюнкцию: *і те, й друге*. Дизъюнкция Г1 не соответствует дизъюнкции Г2. Неоправданное присовокупление *і третє* вместо разъяснения на вопрос *що це за комітет у тебе в руках?* свидетельствует, однако, что вся реплика-устранение не соответствует принципу сотрудничества, и дело состоит не столько в несовпадении логик коммуникантов, сколько в нежелании Г1 дать правдивый ответ. Правда состоит в том, что Г1 обладает большими, но формально не установленными полномочиями,

превышающими его профессиональную компетентность. Зная о высокой порядочности собеседника, Г1 предпочитает держать его в неведении.

Еще один пример двойной предикации *post factum*:

7.58

Разговор между девушкой (Г1 = Маруся) и юношей (Г2 = Бурятинський); Г2 пытается ухаживать за Г1.

Г1: Це ти, Андрійку, вже залицяєшся до мене?

Г2: А що! Залицяюсь!

Г1: (насмішкувато дивиться на нього зверху вниз). А чи не малий ще ти для цього виріс, хлопче?

Г2: Що ти маєш на увазі? Моє ластовиння чи мої сто сорок сантиметрів росту?

Г1: *I те, й інше.*

Г2: Даремно. Ти не дивись, що я оце такий... Знаєш прислів'я: "Солом'яний парубок золоту дівку бере!"

(Гончар 19786, 201)

КН вызвана полисемией прилагательного *малий*, которое может относиться как к росту, так и к возрасту. РВ эксплицирует альтернативу. Г1 не делает выбор между интерпретациями, манипулятивно настаивая на обеих.

Как видно из примеров, противопоставление позиций говорящего в случаях с двойной предикацией *post factum* индицируется с помощью союзной связи. Адресат реализует гипотезу (как правило, альтернативную) в РВ с помощью разделения возможных предикаций посредством союза *или/чи*, а говорящий в РУ соединяет их посредством парного союза *и..., и.../і..., і...* Употребление парного союза необходимо перед каждым конъюнктом именно потому, что в РВ эти конъюнкты были разделены (ср. Куве 1998, 241-242). Эта необходимость отпадает, если РВ содержит не альтернативную, а одинарную гипотезу (см. пр. 7.59).

Соединение двух предикаций осуществляется не только с помощью союзов. В следующем примере эту функцию выполняет и наречие *тоже*.

7.59

Г1 (= Лисицын) – неопытный милиционер курортного города, Г2 – сыщик-профессионал, отдыхающий в этом городе; ситуация: в городе произошло преступление, Г2 негласно консультирует Г1, уполномоченного провести расследование.

Г1: Нереально, – вздохнул Лисицын. – Значит, вы отступаете?

Г2: Слушай, парень, рассердился я. – Ты меня не впутывай в этой дело. Мы как с тобой договорились? Если тебе нужен совет, ты приходишь ко мне и спрашиваешь, а я рассказываю тебе все, что знаю. А работать по делу с тобой не подписывался. Мне разборки с твоим начальником ни к чему, своих хватает.

Г1: Чего, начальников?

Г2: *И разборки тоже*. Повтори-ка мне еще раз, что делала Ольга вчера вечером.

(Маринина 1997, 55)

Двойная предикация не обязательно объясняется манипулятивностью. Видимо, существуют случаи, когда ее следует рассматривать, с одной стороны,

как проявление перманентности или динамичности формирования коммуникативного намерения, с другой стороны, как стремление к экономии речевых усилий.

1.4.2. Лживые устрания

Лживым устранием КН считается такое устрание, в котором манипулирующий говорящий восстанавливает понимание, сообщая собеседнику не тот смысл, который был вложен первоначально в инициальную реплику. Чаще всего это происходит, когда говорящий уже в инициальном высказывании не намеревался сообщить правду собеседнику, но по неосторожности проговорился, сказав чуть больше, нежели считает допустимым. В РУ ему приходится выбирать между несколькими возможностями:

- сменить топик;
- заблокировать интеракцию молчанием;
- сказать правду;
- объяснить причины невозможности сказать правду;
- солгать.

Последняя возможность имеет место в лживых устраниях КН. Ложь может быть менее или более явной. Неявная ложь проявляется, например, при намеренном выборе неадекватного модального квантора.

7.60

Газетное интервью; Г1 – ученая-социолог; Г2 – обозревательница газеты.

Г1: ...Но теперь их разорили, а тех чиновников, которые помогли олигархам, выгнали. Почти всех. (1)

Г2: Вы имеете в виду команду Чубайса? (2)

Г1: *Хотя бы*. Это был большой этап в жизни нашей страны. (3)

(ЛГ 45/1998, 7)

РУ в (3) можно считать лживой, если предположить, что недостаточная идентификация референта в (1) была преднамеренна, что во внутренней речи референт был осмыслен полностью. Поэтому модальность возможности (*хотя бы*) вместо подтверждения, т.е. ожидаемой модальности уверенности (*да, конечно, именно*) оказывается в данном случае лживой.

Следующий пример иллюстрируют прямую ложь в РУ.

7.61

Разговор между братьями; Г1 – рабочий-сталевар (работает у доменной печи) влюблен в учительницу и мечтает привлечь ее внимание успехами на работе, модернизируя производственный процесс выплавки стали в печи. Г2 – его брат, мальчик. С младшим братом Г1 делится, однако, только своими производственными планами.

Г1: Вот я и хочу, чтобы и наша фамилия зазвучала. И чтобы она почувствовала.

Г2: Кто она?

Г1: *Печь*.

(кинофильм "Весна на Заречной улице")

2. Другие виды отказа от кооперативной коммуникации

Здесь будут рассмотрены другие виды отказа от принципа понимания в РВ и РУ (см. схему 4 в III.4.2). Если в РВ этот отказ проявляется только в замалчивании, невыявлении, то в РУ, кроме того, возможен еще и вербальный отказ. Молчание (в том числе, молчание там, где ожидается РВ и РУ) как известно, может выполнять самые разные коммуникативные функции и предопределяться самыми различными мотивами. Таким образом, если при вербализованном отказе от РУ, мотивы отказа могут эксплицироваться, то при молчаливых отказах с их нулевой пропозицией приходится строить предположения, исходя из контекста и ситуационных параметров. Вместе с тем, установление мотивов и целей в категории отказов не менее интересно, чем в категории манипуляций с КН: оно обнаруживает общие прагматические (социокультурные) особенности развития КН в речи, а также, в случае вербализации, специфические средства их реализации.

2.1. *Отказ от выявления*

Невыявление КН посредством молчания в диалоге может быть двух видов. Первый – умолчание адресата о факте собственного непонимания инициального высказывания (отказ от выявления КН со стороны адресата), второй – умолчание говорящего о непонимании его инициального высказывания адресатом (отказ от выявления КН со стороны говорящего). Вот некоторые мотивы невыявления КН.

2.1.1. *Отказ от выявления КН со стороны адресата*

В фатических речевых жанрах невыявление КН может быть как результатом динамики коммуникативной программы (непреднамеренное замалчивание, замалчивание по забывчивости, небрежности), так и следствием нерелевантности понимания в иерархической системе коммуникативных принципов и экстралингвистических факторов (осознанное замалчивание) в данной ситуации. В информативных речевых жанрах (к ним здесь относятся публичные диалоги в средствах массовой информации), требующих большей эксплицитности и коммуникативной тщательности, следует ожидать, видимо, только замалчивание второго типа. Здесь мотивы молчания должны быть еще более обоснованы, исходить из приоритетов молчащего, обусловленных общественной жизнью. Эти мотивы регулируются соотношением между пользой выявления и вредом (санкциями) с точки зрения индивидуальных и социальных правил поведения. Наиболее явно можно выделить два мотива:

Замалчивание из вежливости

В Falkner 1997 (19) в качестве причины отказа от преодоления КН отмечается принцип вежливости, "wenn diese Reparatur das Korrigieren eines sprachlichen Defizits des nichtmuttersprachlichen Gegenübers erfordern würde". Выполнение

принципа вежливости может привести к отказу от выявления КН и между носителями одного языка.

7.62

Г1 (= Гриша) в гостях у Г2, старой знакомой своего отца (= Нора).

Г1: Я почти шпион, – говорил Гриша. – Взять, к примеру кобальт...

Г2: Я тебя умоляю, – смеялась Нора, – давай не будем его брать. Скажи лучше... Тебе нравится так жить?

Г1: Вполне, – ответил Гриша. – Во-первых, я свободен в выборе. Во-вторых...

На "вторых" он замолчал, и Нора поняла, что есть только "во-первых", а процесс саморекламы "своей методы" у Гриши не отработан.

Г2: Материально как? – спросила Нора.

Г1: Свою штуку в месяц имею...

"А сколько это – штука?" – подумала Нора. *Спросить было неловко. Теперь это не принято.* Вполне может быть, что они думают на разные штуки.

(Щербакова 1999, 113)

Принцип понимания (максима *Манифестируй свое непонимание!*) был принесен в жертву принципу вежливости (этический постулат скромности).

Следующий диалог содержит сразу два примера замалчивания.

7.63

Г1 = Леонид, один из самых известных телевизионных ведущих, а Г2 = Саша, начинающий журналист-практикант. Г2 в очерке об интервью иронизирует над своей робостью перед Г1.

Г1: Для вас школа – это последний самый важный опыт, который тянулся десять лет. Я школу окончил 24 года назад. После этого так много прошло слоев...

Г2: *Каких слоев – полушепотом спросил я сам себя.*

Г1: ...что сейчас выводить себя из дружного или недружного класса. [...]

Мы в этом месте немного помолчали с Леонидом, а потом Леонид сказал фразу, которую я не понял... *Он в течение интервью несколько подобных фраз говорил. Так как я не знаю, что она означает, но предполагаю, что ничего грубого в ней нет, то смело передаю расшифрованный с кассетной пленки текст:*

Г1: Саша, – сказал Леонид, – понимаете, какая штука... Из этого всего, что мы наговорили про детство, все равно ничего вывести невозможно, вы понимаете? Вы занимаетесь каким-то журналистским фрейдизмом. Вы пытаетесь понять какой-то первотолчок в сознании, который потом к чему-то там привел. Но я не полагаю ни последствий фрейдистскими (то, чем занимаюсь я сейчас), ни тем более предпосылки к ним. Поэтому вы напрасно занимаетесь этим психоанализом...

Г2: *А-а-а... – тупо сказал я.* Ну, я с вами тут по большей части согласен... А в Ленинграде каково было учиться?

(Ог 23/2001, 54)

Замалчивание из страха

Это – 'социально' обоснованное замалчивание.

7.64

Г1 = Джабраилов, известный московский предприниматель; Г2 = журналист; тема разговора: претензии Г1 к известному предпринимателю и политику Березовскому и признания "сотрудников ФСБ, которым якобы был отдан приказ о ликвидации Джабраилова, похищении его родного брата и убийстве самого Березовского". Отрывки разговора комментируются Г2.

Г1: Дело в том, – продолжает Джабраилов, – что действительно такая программа существовала.

Г2: Это достоверные сведения?

Г1: Еще какие. Но, видимо, они, зная об этом, решили использовать ситуацию в своих целях... Мол, и Березовского хотели убить. Врут они все... Кому он нужен вообще?..

Если бы нужен был, то с ним уже давно или те, или эти разобрались...

Я не понял, кто такие "те или эти", но переспрашивать не стал.

(ЛГ 41/1999, 3)

КН-фактор – дейктическое осуществление референции. Выявление и устранение этих КН – рутинный механизм, не требующий от коммуникантов больших речевых усилий. Можно только предполагать, из каких побуждений Г2 отказался выявить КН. Это могут быть мотивы: страх вступления в отношения с криминальной средой, опасение превысить журналистские полномочия, невмешательство в дела правоохранительных органов, нераспространение через газету непроверенных обвинений и т.д., то есть мотивы профессионального и гражданского характера. Выделенный курсивом эксплицитный комментарий призван легитимизировать замалчивание, его импликатура: молчащий имеет уважительный, общепризнанный мотив молчания. Невозможность идентификации мотива замалчивания КН не мешает, однако, и в этом примере установить бесспорную приоритетность для говорящего этого некоммунитивного фактора над коммуникативным принципом понимания.

2.1.2. Отказ от выявления КН со стороны говорящего

Умолчание говорящего о непонимании его инициального высказывания адресатом (нарушение принципа понятности) встречается, прежде всего, как проявление динамики коммуникативной программы говорящего.

7.65

Г1 (= Римма) со своим супругом в гостях у подруги; муж подруги – Г2 (= Тулумбаш), по литературному замыслу автора – не человек, а лошадь. Г2 рассказывает о том, что по своей работе (езде) он часто бывает зарубежом. Г1 удивляется экстравагантному поступку подруги – 'выйти замуж за лошадь' и в то же время завидует ей из-за зарубежных поездок мужа.

Г1: И долго вы еще будете ездить? – спросила она. Римма имела в виду "заграницу", но Тулумбаш не понял ее.

Г2: Пока резвость не потеряю, – ответил он, – или ногу не сломаю. В этом случае, меня, очевидно, лишат жизни...

Г1: *То есть как?! – ахнула Римма.*

Г2: Очень просто. Просто. Наше содержание обходится очень дорого. Дорого обходится. Дорого... Раз уж мы не можем ездить...

(Арканов 1979, 5)

Г1 отказывается от манифестации КН своей первой реплики: *ездить заграницу* вместо актуализированного адресатом *ездить как физическая работоспособность*. Вероятно, информация, содержащаяся в реакции Г2, оказывается гораздо более важной для Г1, нежели интенция первого вопроса. Г1 модифицирует свою коммуникативную программу. КН замалчивается, не выявляется.

7.66

Г1: Здорово, – говорю, тебя можно поздравить... (1)

Г2: Рано. Ответ будет в среду. (2)

Г1: Какой ответ? (3)

Г2: Поеду я в Швецию или не поеду. Говорят – нет опыта поездок в капстраны. А где взять опыт, если не пускают? Ты бывал в капстранах? (4)

Г1: Нет. Меня и в соц-то не пустили. Я в Болгарию подавал... (5)

Г2: А я даже в Югославии был. Югославия – почти что кап... (6)

Г1: Я звоню из клиники. У тебя сын родился. (7)

(Довлатов 2000а, 258)

Это пример двойной КН. (1) = ИР1, (2) = РВ1 + ИР2, (3) = РВ2. После устранения встречной КН в (4), Г1 в (5) должен был бы устранить первую КН. Однако этого не происходит, вместо этого в (5) поддерживается топикальная связь с (4) – *поездки за границу*. Вероятно, это тема заинтересовала Г1 настолько, что он предпочитает отложить свое инициальное коммуникативное намерение и возвращается к нему только в (7), когда тема *поездки за границу* уже закрыта.

2.2. Молчаливый отказ от устранения

Молчаливый отказ от устранения КН со стороны Г-го1 встречается как после выявленной КН-непонимания, так и тогда, когда КН-неправильное понимание не осознается адресатом, но говорящий устанавливает ее наступление из некогерентности ИР и РВ. В обоих случаях важным сопутствующим фактором в пользу невыявления представляется неравный социальный статус собеседников: говорящий с более высоким статусом чаще пренебрегает принципом понимания, не чувствует себя обязанным закрыть информационные лакуны адресата.

7.67

Г1 = милиционер; Г2 = жительница дома, в котором было совершено преступление.

Ситуация: Г1 уже реконструировал для себя картину происшествия и спешит описать ее Г2.

Г1: Он тогда от вас шел, – сказал Витек. – Я видел след. И я вас еще потом спрошу, кто он... (1)

Г2: Кто он? Кто? – Анна Сергеевна испугалась не слов – тона. Было в нем что-то пугающее, некая настырность (2) [...]

Стоя на стремянке и кочергой отодвигая ребристую штуковину вместе с тумбочкой, Витек сказал прямо в открытый рот Анны Сергеевны:

Г1: Кочерга служила зацепом в квартиру артистки. Но ограда была на соплях. (3)
(Щербакова 1999, 113)

КН-фактор – неопределенность идентифицирующей референции. РВ (2) игнорируется Г-им1 в потоке озвучивания внутренней речи

7.68

Г1 = Мигуев, слуга; Г2 = Семен Эрастыч, господин; ситуация: Г2 переживает семейный кризис: в дом был подкинут новорожденный ребенок; как сам Г2, так и его жена полагают, что ребенок – результат супружеской неверности Г-го2. Случайно Г2 узнает, что ребенок был оставлен на время женщиной, возлюбленной Г-го1, тайно посещающей последнего вопреки распоряжению хозяина не пускать в дом посторонних.

Г1: Вот история, скажи на милость, – пробормотал он, усмехаясь. – приходила сейчас, Семен Эрастыч, сюда баба, прачка Аксинья. Положила, дура, своего ребенка на крыльце, на улице, и покуда тут у меня сидела, кто-то взял да и унес ребенка... Вот оказия! (1)

Г2: Что? Что ты говоришь? (2) – крикнул во все горло Мигуев.

Ермолай, по-своему объяснивший гнев барина, почесал затылок и вздохнул.

Г1: Извините, Семен Эрастыч, сказал он, – но таперича время дачное... без этого нельзя... без бабы то есть... (3)

И, взглянув на выгаращенные, злобно удивленные глаза барина, он виновато крикнул и продолжал:

Г1: Оно, конечно, грех да ведь что поделаешь... Вы не приказывали во двор чужих баб пущать, оно точно, да ведь где ж своих-то взять. Прежде, когда жила Агнюшка, не пускал чужих, потому – своя была, а теперя, сами извольте видеть... без чужих не обойдешься... И при Агнюшке, это точно, беспорядков не было, потому... (4)

Г2: Пошел вон, мерзавец! – крикнул на него Мигуев, затопал ногами и пошел назад в комнаты. (5)

(Чехов 1978, 152)

КН вызвана (2). Г1 интерпретирует ее как выражение возмущения Г-го2 описанным в (1) положением вещей. На самом деле (2) – выражение крайней неожиданности и удивления, вызванными сообщением (1) и полностью изменившими ситуацию в пользу Г-го2. Г2, в ярости за напрасные переживания, не только не считает нужным выявить КН, но и наносит Г-му1 оскорбления в (5). Возможно, у Г2 имеется и другой мотив гнева – ревность. Из откровений Г-го1 он узнает, что его бывшая возлюбленная (= Агнюшка) была ему неверна.

2.3. *Вербальный отказ от кооперативного устранения КН*

– Ты с такой гордостью демонстрируешь, как по указке разума смог выследить меня. Но выходит, что указка была совершенно ошибочной. Что же ты хочешь сказать?

– Ничего. Тебе – ничего. Я немного забылся, вот и все. Но я здесь.
УМБЕРТО ЭКО

Отказ от устранения непонимания со стороны говорящего после выявления адресатом проблемы понимания – это всегда ущемление диалогических прав последнего, игнорирование коммуникативного принципа понимания. Сознательный отказ позволяет усомниться в том, что неоднозначность, некэсплицитность РИ была случайной. Понимание не было целью говорящего, поэтому произошедшее непонимание нельзя считать полной или настоящей КН. Если при этом говорящий намеренно провоцировал непонимание, то его действие следует рассматривать как манипулятивное (о провокации КН см. VII.1.3.).

Об истинной КН речь может идти только в том случае, если говорящий считает, что он ненамеренно – в процессе озвучивания внутренней речи – сказал более того, что хотел или должен был сказать. Это КН двояка и половинчата одновременно. Ее двойственная сущность определяется различными установками коммуникантов: говорящий не хочет быть понят, а адресат хочет понять. Говорящий не имеет интенции сказать что-то или сказать что-то в определенной форме, но делает это, попросту говоря, проговаривается. Его неудача состоит в том, что он сказал то, что хотел утаить. Так как адресат так и не понял того, что и не должен был понять, можно считать, что неудача говорящего произошла наполовину.

Нарушение коммуникативного принципа понимания может смягчаться, если у говорящего были 'уважительные' мотивы, предопределившие некооперативность его речевых действий.

Принцип политкорректности против максимы искренности в устранении

7.69

Беседа для журнала; Г1 = тележурналистка, дает интервью; Г2 = журналист, берет интервью.

Г1: Но в последнее время все чаще эта теория дает трещины, все чаще я вижу на ТВ гениальных журналистов, но при этом совершенных подлецов. (1) Вот на первом канале один такой работал, врал все про всех. (2)

Г2: На кого намекаете? (3)

Г1: *Ни на кого!* (4) Разве это так важно? (5) Я один раз не вытерпела, позвонила ему после эфира и так и сказала: вы подлец. (6)

(Ог 16/2001, 11)

Речь Г1 не только некооперативна, но и невежлива. Реплика (6) показывает, что в (2) Г1 проговорилась неслучайно: референт (2) ею полностью осмыслен, но вербально не идентифицирован из принципа политкорректности. Однако этот принцип выполняется только формально, так как намек в (2) совершенно прозрачен. Таким образом, (4) не только не устраняет КН, но и не следует постулату качества.

Мотив соблюдения культурно-этических норм

7.70

Г1 = девушка, Г2 = молодой человек; Г1 давно ухаживает за Г2; ситуация: канун нового года в доме Г1, где Г1 и Г2 договариваются встретить праздник вдвоем; разговор происходит у входной двери: Г2 собирается уходить, чтобы сделать последние приготовления к празднику. Г2 упрекает Г1 в нерешительности перейти к более серьезным отношениям: "Я боюсь, что ты так никогда и не осмелишься сделать мне предложение", после чего Г1 решается и делает Г2 предложение о браке, одновременно давая ей ключи от своей квартиры на тот случай, если Г2 вернется в дом раньше его. Ответ на предложение еще не последовал.

Г1: Так я не понял, ты согласна? (1)

Г2: Но я же взяла ключи. (2)

Г1: А что это значит? (3)

Г2: *А ничего это не значит.* (4)

(кинофильм "Ирония судьбы, или с легким паром!")

Мотивом Г2, 'отключающим' принцип понимания является желание соблюсти 'женскую' скромность, не ответить эксплицитным согласием сразу на предложение о браке. Принцип понимания в диалоге оказался подчиненным принципу сохранения определенной культурно-этической традиции в отношениях полов, согласно которой мужчина должен ухаживать за женщиной, а она – кокетничать и медлить с ответом. В пользу интерпретации реплики (4) как ритуальной свидетельствует предыстория отношений коммуникантов, из которой видно, что именно партнерша стремится к браку и открыто упрекает партнера в нерешительности. Смягчение отказа от РУ выражается и просодически: интонация может быть робкой, просительной (просьба об извинении за некооперативность в общении) или же шутливой, переводящей коммуникацию на другой уровень серьезности, на котором действуют иные 'правила игры'. В приведенном примере реплика (4) была произнесена игриво и сопровождалась соответствующими

щей кинетикой: Г2 улыбается и целует Г1, тем самым, паралингвистически отвечает согласием.

Мотив блага адресата

Видимо, носители языка сознают невежливость и некооперативность таких речевых действий. Отваживаясь на них, они вполне сознательно идут на коммуникативный конфликт и усложнение отношений. В диалоге-эпиграфе коммуниканты – открытые противники. Если полный обрыв коммуникации нежелателен говорящему, он может как-то мотивировать (компенсировать) свой отказ с помощью дополнительных действий, указывающих на влияние факторов, приоритетных для блага адресата. Эксплицитная формула таких действий: *Устранение КН причинит тебе большее зло, нежели отказ от устранения*. В приводимом ниже примере такой мотив имеет отец (= Г1), находя преждевременным сообщать дочери (= Г2) о своем неизлечимом заболевании.

7.71

Г1: Доки можеш, танцюй, дочко. На мене не зважай. Я тепер, знаєш, уже по той бік добра и зла...

Г2: Не розумію.

Г1: *І дуже добре, що не розумієш. Всьому свій час.*

(Левада 1967, 492)

Это явление можно было бы назвать *фигурой умолчания post factum*, отталкиваясь от понятия *фигура умолчания*, предложенного Эко 1999 (619) для обозначения в художественной литературе. Фигура умолчания возможна в любой форме коммуникации (разумеется, цели и условия ее использования различны и предопределяются жанром). В русском языке она, оформлена специальными устойчивыми речевыми конструкциями. Вот далеко не полный их ряд: *не хочу сказать, что..., но...; чтоб не сказать...; не то что..., а/но; не то чтобы..., а/но...; замнем для ясности и др*⁸⁶. Эти поиски формулирования отражают борьбу двух начал коммуникации: с одной стороны, интенциональность (интенция к самовыражению реализуется выражением, вводимым метакоммуникативной фигурой), с другой стороны, конвенциональность (ограничивающие конвенции манифестируются в предпочитаемом выражении). Речевые фигуры умолчания с прагматической точки зрения интересны своей субъективной оценочностью, они используются, когда говорящий хочет сказать что-либо не совсем позитивное в его представлении, т.е. отражают иерархию оценок говорящего, а через него – и культурно-речевые стереотипы сообщества говорящих.

7.72

Г1: Вообще, ко всем бизнесменам я очень настороженно отношусь, даже больше, чем к журналистам. Я их просто боюсь.

⁸⁶ Ср. синтаксический анализ конструкции "нерешительного отрицания" в *Колдун не колдун, а слово знает* и др. подобных конструкций *не скажу... но...; было бы грубостью утверждать...* в Мечковская 1993 (289-291).

Г2: Что же в них опасного?

Г1: Боюсь, что меня куда-то там, ну, *не то что втянут*, а как-то смогут использовать знакомство со мной.

(Ог 30/2000, 14)

7.73

Так и уцелел в собрании сочинений – и перепечатывается до сих пор – вполне, впрочем, недурной перевод Пеньковского, на таких соплях, *чтобы не сказать* нюансах, все и держится.

(Топоров 1999, 178)

Иерархия оценок может, однако, отличаться от общепринятой. Здесь она иронична: грубое просторечное выражение предпочитается эвфемизму.

Мотив – интеллектуальная некомпетентность

7.74

Г1: Человек вообще слаб. И может часто ошибаться.

Г2: То есть, путь к праведности лежит через грех?

Г1: Это не для моего ума, я вообще стараюсь об этом не думать. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы человек с возрастом делал меньше ошибок. Так, к счастью, обычно и происходит.

(Ог 9/1999, 39)

Г1 отказывается принять гипотезу-интерпретацию (переосмысление) к ИР из-за перехода с бытового на философско-религиозный концептуальный уровень.

Мотив – не тот адресат

7.75

Г1 = журналист; Г2 = следователь.

Г1: Нынешние обвиняемые тоже там были? (1)

Г2: Да, их всех туда услали. (2)

Г1: Рассчитывая, что погибнут – концы в воду? (3)

Г2: *Это не ко мне вопрос.* (4)

(ЛГ 1-2/1999, 7)

Г2 отказывается принять гипотезу-уточнение (3), потому что это бы означало распространение информации, превышающее его служебные полномочия.

Мотив – сохранение служебной тайны

7.76

Г1: Могу сказать лишь, что некоторые свидетели умолчали о коллективном счете одной из телекомпаний, работавших на 1-м канале телевидения, в одном из швейцарских банков. Отношение к этим деньгам имел и Влад Листьев.

Г2: Означает ли это, что на телеканале сложилась ситуация, которая могла привести к разборкам и даже гибели одного из их участников?

Г1: *Не стану отвечать и на этот вопрос, потому что люди, внимательно следящие за любой публикацией на этот счет, могут многое просчитать по лишнему слову.*

(ЛГ 5/1999, 7)

7.77

Г1 = пресс-секретарь известного политика и предпринимателя Березовского, Г2 – журналист. Тема интеракции – вопрос о том, выделит ли "ЛогоВАЗ" (Б. Березовский) средства для финансирования новой газеты И. Голембиовского "Новые известия".

Пресс-аташе Березовского сказал уклончиво: "Пока этот вопрос не комментируется". "Переговоров не ведется или они держатся в секрете?" – "Этого в моих словах не прозвучало". *Из смутных ответов стало ясно, что в принципе альянс Березовского с Голембиовским возможен.*

(Ог 34/1997, 18)

Комментарий журналиста подтверждает, что отказ комментировать воспринимается как положительный ответ. Молчание (здесь: *смутный ответ*, нарушающий максимум манеры речи) приравнивается к *да*, если не было сказано *точного нет*.

VIII. МЕТАКОММУНИКАЦИЯ В КН

Владение метакоммуникацией входит в коммуникативную компетенцию говорящего. В диалогической последовательности с КН метакоммуникация зачастую является основным организующим средством.

Самое краткое и самое общее определение метакоммуникации может быть сформулировано как *коммуникация о коммуникации*, и в нем можно заподозрить разновидность порочного круга.

"Metakommunikation" heißt: über Kommunikation kommunizieren, Kommunikationsprozesse zur Sprache bringen.
(Hannapel/Melenk 1990, 59)

Одним из коммуникационных процессов, стоящих в центре метакоммуникации, является процесс взаимопонимания, точнее, его поддержка, страховка и восстановление. Именно этот функциональный аспект лежит в основе более узкого толкования, согласно которому метакоммуникация это –

Kommunikation über den laufenden Kommunikationsvorgang mit dem Ziel der Stützung dieses Vorgangs.
(Techtmeier 2001, 1453)

1. Функции метакоммуникации в КН

Метакоммуникативные функции страхования, поддерживания и восстановления взаимопонимания в диалоге в данной работе рассматриваются как первичные.

Для диалогов с КН особенно важную роль играет свойство полифункциональности речевых единиц, способных выступить на метакоммуникативном уровне.

Metakommunikation kann zu denselben Zwecken eingesetzt werden wie andere Kommunikationsformen auch: zum Angriff, zur Verteidigung, zur Erpressung usw.

(Hannapel/Melenk, 60)

Функции метакоммуникативных средств, используемых в диалоге с КН, не направленные на понимание, считаются здесь вторичными. В качестве таковых рассматриваются диалогоуправляющая и модальная функции (выражение субъективной модальности относительно понятности/понятливости и других коммуникативных признаков).

Функциональный анализ метакоммуникации не возможен вне ситуативной отнесенности к объекту, т.е. конкретному отрезку коммуникации. Примером такого анализа является функциональная типология выражений, обозначающих речевые действия, предложенная в Hindelang 1983. Типология не представляет собой "einen Überblick über alle Aspekte der Redewiedergabe, oder gar über alle Spielarten der Metakommunikation...". Автор преследует цель

eine Reihe Vorkommensweisen von Sprechhandlungsbezeichnenden Ausdrücken darzustellen, und so die vielfältigen kommunikativen Funktionen vorzuführen, die sie erfüllen.

(там же, 37)

Прежде чем перейти к рассмотрению функций самой метакоммуникации, автор предлагает несколько этапов по выделению метакоммуникативного употребления среди других видов употребления выражений, обозначающих речевые действия. Отталкиваясь от *перформативного* употребления этих выражений (в понимании перформативных высказываний Остина) Hindelang противопоставляет им *реферирующее*⁸⁷ употребление.

Под реферирующим употреблением автор понимает такое, при котором "der Sprecher bezieht sich mit dem Sprechaktbezeichnenden Ausdruck auf eine vergangene oder zukünftige sprachliche Handlung" (там же, 34).

На следующей ступени реферирующее употребление разделяется на употребление для *передачи речи* (*Redewiedergabe, Redeerwähnung*) и *метакоммуникативное*. В первой функции выражения, обозначающие речевые действия относятся к прошедшей коммуникативной ситуации (напр., *Вчера Петр спросил у Эльфи: "Где ты была прошедшей ночью?"*), второе предполагает отнесенность к протекающей ситуации (напр., *Я не буду отвечать на вопросы, касающиеся моего финансового положения и личной жизни*).

Далее метакоммуникативные акты разделяются на предшествующие во времени обозначаемому акту и следующие за ним. К предшествующим относятся так называемые (вслед за Fotion 1971) *Master-Speech-Acts* (*Давайте о деле теперь поговорим!*) и обозначающие перехват речевой инициативы, смену говорящего (*Я бы хотел рассказать одну историю, что случилась со мной во время поездки в Россию*). Последующие могут быть реактивными (*Я поступлю так, как Вы мне посоветовали*), настаивающими (*Я просил тебя не курить в моем присутствии, так, пожалуйста, считайся с этим!*), страхующими пони-

⁸⁷ Перевод терминологии и примеров из Hindelang 1983 мой.

мание (*Это значит, что ответственность за снижение оборота во втором квартале Вы перекладываете на меня?*) и резюмирующими (*Я все это время говорил только о себе, а теперь расскажите-ка и вы о вашем отпуске*).

В качестве особенности типологии может быть отмечена разноразность разделяющих критериев. Так, например, диалогоорганизующий критерий пересекается с пропозициональным, и один пример может подпадать в несколько типов. Кроме того, резюмирующий акт может быть одновременно и актом передачи инициативы, а Master-Speech-Act может быть настаивающим и т.п.

1.1. *Облигаторное vs сопроводительное употребление метакоммуникации*

Критерий временной соотнесенности, используемый Хинделангом как классифицирующий, представляется проблематичным в следующем отношении. Согласно определению реферирующего употребления глаголы говорения в настоящем времени в момент речи не могут быть отнесены к метакоммуникативным. Однако не все глаголы говорения в настоящем времени используются перформативно.

8.1

Разговор между крестьянами: Г1 = Савка; Г2 = Кобашний; тема – проблема водоснабжения.

Г1: Не дорожите ви тут водою, – зауважив Савка, видпирхуючись. – А в нас у степу... щоночі крадуть. Відбою від них нема.

Г2: Від кого нема відбою? – зацікавившись, підступає ближче до гостя старий Кобашний.

Г1: Воду, кажу, крадуть селяни з економічних колодязів...

(Гончар 1978, 286)

8.2

Г1 = Жбанков, фотограф из столичной газеты, на задании в провинциальном городке;

Г2 = Лийвак, партийный руководитель городка. Г2 предлагает командировочным после выполнения задания экскурсию; Г1 предпочел бы алкогольное угощение.

Жбанков шагнул вперед, конспиративно понизил голос:

Г1: Вот бы на кир перевести!

Г2: То есть? – не понял Лийвак.

Г1: Вот бы, *говоря*, на кир перевести!

Лийвак растерянно поглядел на меня. Я потянул Жбанкова за рукав. Тот шагнул в сторону и продолжал:

Г2: В смысле – энное количество водяры заместо драмтеатра! Я, конечно, дико извиняюсь.

(Довлатов 2000а, 311)

В данных примерах глагол речи употреблен метакоммуникативно и в настоящем времени, но вряд ли можно говорить о перформативном речевом акте. Глагол вводит уже осуществленный речевой акт, подтверждает его, настаивает на нем.

Определенная сложность определения функции метакоммуникативных выражений может объясняться их семантикой. Так, Гловинская 1993 исключает глагол *говорить* из группы глаголов, обозначающих речевые акты, так как он

"не содержит специфицированной характеристики речевого намерения говорящего" (Гловинская 1993, 158). Фрайдхоф 1995б в подобных случаях говорит о метакоммуникативном употреблении в сопроводительной функции. Пожалуй, такое определение наиболее точно характеризует использование *говорить* в приведенных выше примерах.

Метаязыковые вставки могут осмысляться в качестве сопроводительных явлений по отношению к пропозициональному акту речи; в сущности говорящий обходится и без них, но он бы удивился, тем не менее, если бы эти знаки отсутствовали в диалогическом действе. Подобные метаязыковые средства служат как бы для поддержки и страховки того, что говорящий хочет сказать, как он собирается реагировать и т.п. Говоря обобщенно, эти средства используются говорящим для декларации речевого действия: сначала я как бы делаю заявление о речевом действии, а затем я осуществляю само действие (метаязыковое действие вступает при этом в некоторое отношение к пропозициональному действию).

(Фрайдхоф 1995б, 57; оригинал в Freidhof 1992b)

Изъятие метакоммуникативных элементов возможно, однако, не всегда. В диалогах с КН встречается много случаев, когда метакоммуникативная единица является не сопровождающей, а сама по себе репликообразующей, осуществляет акт предикации. Ее удаление возможно только условно – в результате эллиптического сокращения конструкции, но такая неноминация не означает действительного изъятия.

8.3

Г1: Вы есть жуки навозные, вы думаете: вот ваша навозная куча – это и весь мир. Воюете, деретесь, злитесь... А не знаете того, что вы все... все люди – под наблюдением.

Г2: Почему же я не знаю, что под наблюдением? У меня – семнадцать выговоров, у меня это наблюдение вот здесь сидит.

Г1: Не про то наблюдение я *говорю*. Это – ваше наблюдение, вы сами и разбирайтесь. Я *говорю* про высшее наблюдение, которое...

(Шукшин 1999, 585)

Еще нагляднее облигаторное употребление выступает в примерах с иллокутивными глаголами. Иллокутивные глаголы входят в парадигму средств реализации иллокутивного типа речевого действия. При облигаторном употреблении иллокутивный глагол осуществляет и индицирует иллокутивный акт – неотъемлемую часть совокупного речевого акта, без которой речевой акт не состоятелен.

Таким образом, в каждом конкретном случае можно по-разному объяснять функции метаязыковых средств в диалоге; объяснение заложено в иллокутивной части диалога.

(Фрайдхоф 1995б, 56; ориг. в Freidhof 1992b)

8.4

Г1: ...То есть вопрос о предопределенности всего, что с вами случается. (1) О мере вашей свободы. (2) [...]

Г2: Кажется у меня есть ответ на ваш вопрос. (3)

Г1: Да неужели? (4) Дмитрий, да вы чудо! (5) У Пелагия не было, у спорившего с ним Блаженного Августина не было, а вы уже разобрались! (6)

Г2: Хорош издеваться, Саша. (7)

Г1: Я не *издеваюсь*, я искренне *восхищаюсь*. (8)

(От 39/2000, 29)

Итак, профилактика (антиципация) КН в РИ, поддержание и восстановление понимания в РВ и РУ – вот основные первичные функции метакоммуникации в исследуемых диалогах. Всегда метакоммуникативны реплики-рефлексии на КН. Метакоммуникативные элементы, выполняющие эти функции могут употребляться как облигаторным, так и факультативным образом. Облигаторность метакоммуникации подтверждается невозможностью ее удаления из реплики. Факультативность подтверждается тем, что

заданное развитие диалога не претерпело бы никакого ущерба, если бы из текста оказались изъяты все метаязыковые вставки.

(там же, 57)

1.2. *Метакоммуникация в антиципации КН в РИ*

Профилактической можно назвать функцию, которую выполняют речевые единицы в РИ, направленные на предвосхищение, антиципацию КН. Когда говорящим осознается возможность неоднозначного восприятия его речевого действия, он – в интересах кооперации – должен попытаться предупредить, заблокировать возможную неудачу.

Люди с авторефлексивной установкой на свою речь (с развитым языковым самосознанием) отдают себе отчет в том, что отдельные звенья их высказываний неоднозначны. Желая избежать неверного истолкования своих слов, то есть облегчить правильное (адекватное своему замыслу) декодирование высказывания, говорящий пользуется приемом текстового дефинирования многозначных сегментов текста. В речь вплетаются создаваемые на ходу толкования, предупредительные вставки (типа будем так говорить, так сказать, в переносном смысле слова и т.п.), которые направляют внимание собеседника в желаемом направлении. (Chlebda/Lamprecht/Schubina 1998, комментарий к фрагменту 11)

Первичная функция подстраховки понимания может тесно переплетаться с модальной функцией. Это происходит тогда, когда с помощью металингвистических средств антиципации говорящий сигнализирует о трудностях кодирования, связанных, например, с его сомнениями в выборе номинации.

8.5

Беседа для газеты; Г1 = журналист; Г2 = балетмейстер

Г1: Разве "Леди Макбет" и "Светлый ручей" шли после разгрома?

Г2: Шли, *так сказать*, подпольно.

Г1: Что значит – "подпольно"?

Г2: Когда Сталин уезжал отдыхать, тогда давали.

(ЛГ 41/1998, 12)

Так сказать – метакоммуникативный индикатор речевой фигуры. Собственно профилактическое действие таких hedges, скорее, слабое, они не всегда предотвращают КН. В данном примере *так сказать* только указывает на то, что *подпольно* не следует понимать буквально, но адресат не довольствуется этим указанием, и в РУ дается ситуативное толкование.

Профилактическую функцию выполняют метакоммуникативные единицы, которые в прагмалингвистической литературе получили название *Implikaturkiller*⁸⁸. С их помощью говорящий предотвращает выведение ожидаемых, но нежелательных импликатур.

8.6

Беседа для журнала; жанр: информативный диалог; Г1 = известная актриса;

Г2 = журналистка; тема разговора – личная жизнь Г1.

Г1: ...я обхожусь своей самодостаточностью. Мой возраст хорош тем, что я еще молода, но многое уже понимаю. *Но это не значит*, что не смогу вляпаться в очередной раз.

Г2: Что вы имеете в виду?

Г1: Вляпаться – значит, влюбиться.

(Ог 16/1999, 37)

Как и в предыдущем примере, КН все же наступила. Но в этом случае не по вине самой метакоммуникативной формулы, а по вине метафорического выражения смысла. Данная метафора стереотипна, но, скорее, для характеристики негативного положения дел вообще. КН преодолевается с помощью перевода на стилистически нейтральный код в РУ.

Профилактическую функцию выполняют и задаваемые после РИ контрольные вопросы типа *Это ясно?*, *Это понятно?*, *Вы меня поняли?* и т.п. Так как в этом случае речь идет о первой части диалогического единства *вопрос-ответ*, то можно говорить о совмещении антиципационной и диалогоуправляющей функций. Вторая часть пары иллокутивно вынуждается: адресат обязан сообщить, удалась ли ему интерпретация РУ.

8.7

Г1 = философ; Г2 = журналист.

Г1: В виртуальной реальности возможное, потенциальное обладает своей актуальностью, которая не сводится в актуализации этого возможного. *Понимаете?*

Г2: Нет.

⁸⁸ См., напр., Techtmeier 2001, 1451; Hagemann 1997, 98.

Г1: Ну, возьмите, например, систему кредитов, страховки. Вы платите не за лечение, а за возможность лечения. Но ведь эта возможность является очень реальной вещью, правда?

Г2: К сожалению! Теперь понятно. Любовь как виртуальная реальность не столь наглядный пример...

(ЛГ 41/1998, 6)

Следующий пример иллюстрирует успешную антиципацию.

8.8

Говорящий дает спонтанный ответ на вопрос об отношении к расширению НАТО в Восточной Европе.

Вони завжди були проти нашої країни. (1) *Масться в виду* раніше Радянського Союзу, а зараз - України. (2)

(канал ИНТЕР, телепередача "Народна трибуна", декабрь 2002г.)

(1) могла бы потерпеть референциальную неудачу. Трудно определить, что говорящий подразумевает под *наша країна*, если учесть что это человек зрелого возраста, новейшая государственная история Украины насчитывает чуть более лет, а в отношении к общему с Россией советскому периоду истории современные граждане Украины не едины. По-видимому, сам говорящий догадывается о неоднозначности такой референции и предотвращает КН. Об интерференции *масться в виду* см. 8.2.6.

Антиципация КН неоднородна, ее функциональные подвиды предопределяются семантикой используемых единиц. В силу того, что реплики с антиципацией КН зачастую не вызывают КН (то есть предвосхищение КН успешно), а, значит, не входят в анализируемый материал, ниже они не будут представлены системно. Поэтому здесь приводятся некоторые примеры, иллюстрирующие наиболее типичное употребление метакоммуникативных единиц в антиципации:

1) Сопроводительное употребление в коррекциях предполагаемой КН неправильного понимания. Реализуется всеми видами метакоммуникативных средств и служебных средств. См. также пр. 8.5, 8.6, 8.8.

8.9

Г1: Он за телком, да сам хлебнул. Я кой старика-то выгаскивал, телка нашего на дресну оттащило. Из старика вода полилась, очухался он и маячит мне: телка, мол, спасай, я ничего...

Г2: Спасли? Телка-то?

(Шукшин 1999, 426)

Модальная частица *то* сопровождает (усиливает) предотвращение КН референции.

8.10

По тем же данным, пользуется успехом цикл передач "Старая квартира", где послевоенная история России (год за годом, начиная с 1948 г.) приватизирована, *то есть* дана через личные ощущения, через частные интересы.

(МН 1/1996, 24)

Союз *то есть* вводит толкование неузального употребления *приватизирована*.

8.11

Как автор Гаевский – частный человек (В том смысле частный, в каком Мандельштам прилагал это определение к Чаадаеву). (ЛГ 45/1998, 9)

Синтагма *в том смысле* как индикатор указания на денотат оценочной лексемы.

8.12

Представьте: английская леди со шпиром в одном халате. (1) *То есть, не шпир, а леди – в халате.* (2) Вышла в китайском халате со шпиром чао-чао выпить чаю в станционном буфете. (3)
(Зиник 1994, 12)

Союз *то есть* как индикатор коррекции, противопоставляющей правильную интерпретацию неправильной. Предотвращение избыточно, так как альтернативное понимание аномально, поэтому антиципация КН служит, скорее, для озвучивания комической интерпретации.

8.13

Известная в прошлом актриса вспоминает о поездке во Францию и знакомстве с французским актером Жераром.

Мы сидели рядом, и вдруг он мне на меню пишет посвящение, которое мне тут же перевели: "Со мной сидит очаровательная блондинка вся в голубом..." Дальше не помню. У меня этот листок до сих пор хранится. Кто-то тогда его из ревности проткнул вилкой. *Не Жерара, а листок.*
(Ог 1/1997, 51)

Корректирующая союзная конструкция для предвосхищения КН. Возможной неправильной интерпретации противопоставляется правильная. Может восприниматься как избыточная (см. комментарий к пр. 8.12).

2) Облигаторное использование для страховки понимания. Реализуется глаголами понимания в интеррогативном модусе, и поэтому в интеракции 'лицом к лицу' требует от адресата, как правило, ответного сигнала (в том числе, мимического). См. также пр. 8.7.

8.14

Редактор столичной газеты, поручает сотруднику написать письмо руководителю государства от имени колхозной доярки.

Поедете спецкором. Такое задание мы не можем доверить любому. Привычные газетные штампы здесь неуместны. Человечинка нужна, *вы понимаете?* В общем, надо действовать. Получите командировочные, и с богом [...]
(Довлатов 2000а, 292)

1.3. Метакоммуникация в РВ

Функция метакоммуникации в РВ служит для обнаружения интерпретационной проблемы адресата. Как показано в гл. V, констатации непонимания, ввод интерпретационных гипотез и директивы к пояснению оформляются исключительно метакоммуникативно. Метакоммуникация активно используется и во

всех перечисленных видах вопросов, хотя и не является исключительным средством их оформления (см. V.3). Однако, как показал анализ отдельных видов, даже вопросы, не имеющие в своем составе метакоммуникативных элементов, имеют метакоммуникативную природу (см. V.3.3).

Весь состав метакоммуникативных единиц в РВ относительно способа выявления КН можно разделить на:

- собственно выявительное (облигаторное) употребление в констатациях непонимания, директивах к пояснению, оценках;
- сопроводительное употребление при повторах, восполняющих и уточняющих вопросах.

Разделение функций основывается на семантике и грамматике используемых метакоммуникативных единиц. Так, собственно-выявительная метакоммуникация представлена в констатациях непонимания глаголом *понимать* и его дериватами (см. пр. в VIII.2.4.1 и V.2). РВ-директивы – это, как правило, конструкции с метакоммуникативными глаголами, употребленными в повелительном наклонении (см. пр. в V.4). В сопроводительной функции используется весь спектр метакоммуникативных единиц (см. примеры, приводимые при обсуждении отдельных категорий, выделяемых в VIII.2).

Выбор метакоммуникативной единицы предопределяется не только ее семантикой, но и типом КН-фактора, отношениями между собеседниками, самой ситуацией.

1.4. *Метакоммуникация в РУ*

Метакоммуникация в РУ выполняет первичную функцию восстановления понимания. В РУ метакоммуникация в подавляющем большинстве случаев употребляется сопроводительно – для индикации наступившей КН (вводит опровержение интерпретации адресата) и устранения КН (вводит правильную интерпретацию). РУ могут содержать все выделяемые типы метакоммуникации (см. примеры, приводимые при обсуждении отдельных категорий, выделяемых в VIII.2).

1.5. *Метакоммуникация в репликах-рефлексиях на КН*

В репликах-рефлексиях на КН также ярко проявляется полифункциональность метакоммуникации, способной одновременно выполнять как первичную функцию, так и вторичные функции, напр., служить не только для поддержания понимания, но и выразить субъективную модальность. Вторичные функции более характерны для реплик-рефлексий. Это можно объяснить тем обстоятельством, что для разрешения КН никакие, в том числе метакоммуникативные, действия на момент производства реплики-рефлексии уже не нужны: КН уже преодолена. Интерпретационная проблема уже разрешена, однако адресат часто испытывает потребность объяснить КН. Вторичные функции метакоммуникации часто предопределяются не лингвистическим пониманием, а именно психологическим.

Реплики-рефлексии, как и антиципации, не рассматриваются системно, в сводной характеристике отдельных метакоммуникативных категорий они будут учитываться лишь спорадически. Поэтому приведу здесь некоторые типические функции метакоммуникации в репликах-рефлексиях.:

1) управление развитием диалога. Реплика-рефлексия призвана закрыть, 'закруглить' диалогическую последовательность; реализуется сигналами адресата о том, что КН устранена и понимание восстановлено (пр. 8.12);

8.15

Г1: [...] Отдыхай, беседуй...

Г2: Что значит – беседуй?

Г1: Беседа – это когда разговаривают.

Г2: *А-а* – сказал Жбанков.

(Довлатов 2000а, 301)

2) индикация КН Г-им 2 после ее инволютивного или неосознанного устранения Г-им1 (пр. 8.13, см. также пр. о Ленинграде из Ермакова/Земская 1993, 46);

8.16

Г1 и Г2 = муж и жена, Г3 = подруга жены.

Г1: М., как у нас вода идет!

Г2: (смотрит на водопроводный кран, думает, что протекает) Да ты что!

Г1: Так быстро расходуется!

Г2: (убедившись, что кран в исправном состоянии, относит замечание Г1 к используемому для кухонных нужд количеству воды) Ну и пусть, нужно ведь.

Г1: Утром только внесла две бутылки, хоть опять иди в подвал.

Г3: Ну еще бы, жара такая.

Г2: *А-а! Вода идет – выпиваем! Я уже думал водопроводчика вызывать хотел.*

(СМ)

3) объяснение непонятливости в уже устраненной КН (см. также пр. 8.50);

8.17

Разговор на даче двух женщин.

А. А я думала вы уехали // Б. Почему? А. Миша сказал / "бабушка на работе" // Б. Это он фантазирует // Но я и правда работала // Но здесь / на даче // А. Да // Он видно сказал "*работает*" / а я уж сама решила / уехала //

(из Ермакова/Земская 1993, 59)

4) критика непонятности.

8.18

Г1: Пьеса из колхозной жизни, бьет по... – Ваня заглянул в аннотацию. – Бьет по частно-собственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню [...]

Г2: Как это – из гущи? [...] Он что, алкаш?

Г3: Вася, помолчи, ради Бога! – Вера гневно смотрит на Ваську.

Г2: Но я недопонимаю: как это – вышел из гущи? Гуща – это когда пива на доньшке остается [...]

Г4: Из гущи – значит, из низов, из простонародья.

Г1: Простонародья теперь нет. Из рядовых колхозников, – поправил Ваня.

Г2: *Так бы и писали*, – ворчит Васька.

(Шукшин 1999, 255-256)

2. Сводная функционально-семантическая характеристика наиболее употребительных метакоммуникативных единиц в диалоге с КН

Цель нижеследующей характеристики – представить закономерности метакоммуникативного употребления в современном диалоге с КН.

Для удобства описания выделяются следующие категории:

- конструкции с существительными речи (VIII.2.1);
- конструкции с глаголами речи (VIII.2.2);
- конструкции с глаголом/отглагольной частицей *значит* (VIII.2.3);
- конструкции с глаголом *понимать* (VIII.2.4);
- модализованные конструкции с глаголами речи (VIII.2.5);
- метакоммуникативный фразеологизм *иметь в виду* (VIII.2.6);
- автосемантизированные метакоммуникативные синтагмы: *то есть* (VIII.2.7) и *в смысле* (VIII.2.8).

Предлагаемый системный анализ охватывает не все, но самые продуктивные метакоммуникативные единицы рассматриваемых диалогов.

2.1. Конструкции с существительными речи

Конструкции с метакоммуникативными существительными речи встречаются намного реже, чем глагольные метакоммуникативные конструкции и синтагмы. Среди метакоммуникативных существительных можно выделять: иллокутивно неспецифицированные (напр., *речь, разговор*), иллокутивные (напр., *угроза, просьба*) и 'лексикологические' термины.

Универсальным метакоммуникативным существительным речи можно было бы считать иллокутивно неспецифицированное существительное *речь/мова* в составе сочетаний *речь идет о* (эллипсис *речь о*), *мова йде про* (= безличная конструкция *идеться про*). Эти сочетания способны включаться во все реплики рассматриваемой диалогической последовательности с КН. Однако их принципиальная полифункциональность не подтверждается материалами. Они используются регулярно только в репликах устранения КН. Нужно отметить при этом, что конструкция более часто встречается в украинском языке, чем в русском.

русский язык

8.19

Беседа для газеты; Г1 = врач-психотерапевт; Г2 = журналист; тема разговора: оказание экстренной психологической помощи свидетелям катастроф.

Г1: Мы вели работу по двум направлениям: а) оказывали психологическую поддержку и б) обучали способам, которые позволяют переносить психологические перегрузки.

Г2: Нельзя ли поконкретнее?

Г1: Речь об элементарных навыках релаксации (расслабления). Мы учили людей тому, как сосуществовать с катастрофой.

(ЛГ 47/1999, 7)

8.20

Беседа для журнала; Г1 = журналист; Г2 = госчиновник.

Г1: Кто же в России посмел дать разрешение на прослушивание телефонных разговоров ельцинского штаба? Какой суд отважился на это?

Г2: Вы неверно меня поняли. Не о телефонах речь, а прослушивались и записывались лишь разговоры в помещении. В стол был вмонтирован "жучок", с него то, о чем секретничали активисты выборной кампании [...]

(Ог 14/1997, 7)

украинский язык

8.21

Разговор между родственниками; Г1 = Карналь; Г2 = Юрий, муж Люды, дочери Г1.

Г1: Тобі не вдалося сховатися, – майже з жалем сказав Карналь.

Г2: Хіба я від вас коли-небудь ховався, Петре Андрійовичу?

Г1: Не про мене *їдеться*. Ти забув про Люду й про гостей. Ти подумав, де вони можуть бути?

(Загребельний 1979, 275)

8.22

Разговор колхозников с заезжим писателем; Г1 = Верещака, писатель; Г2 = Демид, отец председателя колхоза; Г3 = Тихий, член правления колхоза; тема разговора: писатели и литература.

Г1: Епоха! Час такий! Доба! І потім, всі вони, оті письменники, були продуктом...

Г2: А, так! Були продукти, а де вони?

Г3: Да не про те *їде мова*. Вони ж були пани? Робить їм нічого, от гуляючи собі, й писали. Вірно я кажу?

(Довженко 1964а, 268)

Почему рассматриваемая конструкция не встречается, вопреки ожиданиям, в РВ, можно попытаться объяснить ограничениями, налагаемыми на ее использование регулярными прагматическими, ситуативно предопределенными, значениями. К таковым относятся, напр.:

- выражение дистанционно-вежливого запроса об общей теме коммуникации в гипотезах (*Речь идет о ...?*);
- косвенное выражение согласия, позитивной оценки в солидарной вежливости (*О чем речь!*);
- вопрос, задаваемый новым собеседником, прибывшим, когда разговор уже начался.

Украинская конструкция более нейтральна, и может использоваться во всех диалогических жанрах.

Конструкции с иллокутивными существительными речи регулярно встречаются в профилактике неправильного понимания (в т.ч. демагогически) и выявлении гипотетического понимания.

8.23

Из интервью чеченского боевика

Передайте это москвичам, мы устроим последний день Помпеи, если нам не дадут возможность организовать свободные выборы под наблюдением международных организаций. Это не угроза, а предупреждение.

(МН 67/1995, 4)

Для выявления непонимания эти конструкции не могут использоваться, так как иллокутивное существительное содержит в себе прагматическую оценочность, а она возможна при наличии, по крайней мере, минимальной интерпретационной версии. Ср. употребление при гипотетическом понимании в *Это упрек?*, *Это приказ?*, *Это похвала?*. О последних нужно сказать, что они не типичны в истинных выявлениях, в то время как в тенденциозных выявлениях встречаются часто.

Другим типом выявления КН с помощью метакоммуникативных существительных является выявление непонимания значения языковой единицы в форме 'лексикологического' классифицирования. Такое выявление косвенно, оно выражает непонимание достаточно завуалированно и характерно, в первую очередь, для официального (публичного) диалога. Требуется повышенная коммуникативная компетенция и внимательность Г-го1 для 'расшифровки' подобного выявления. Иначе оно может оказаться, в свою очередь, неудачным: Г1 пройдет мимо замечания Г-го2 как попутного замечания, несущественного для дальнейшего протекания интеракции (см. также пр. 4.44).

8.24

Беседа для газеты; Г1 = директор научно-исследовательского геологического нефтяного института; Г2 = журналистка; тема – ситуация в нефтеперерабатывающей отрасли.

Г1: Есть и второй отрицательный фактор, связанный с тем, что месторождения находятся на поздней стадии разработки, – падает его дебит.

Г2: Термин, похожий на бухгалтерский.

Г1: Дебит – показатель того, сколько нефти на одну скважину извлекают в сутки.

(ЛГ 11/2000, 5)

2.2. Конструкции с глаголами речи

Равно как и существительные, глаголы речи выступают индикаторами КН, когда они употребляются не в собственно номинативном, а в метакоммуникативном значении с целью речевого взаимопонимания. В этом случае они

выступают как реакции на высказывание собеседника, на ситуацию, о которой идет речь, либо на собственную речевую интенцию

(Гак 1994, 6).

В РВ непонимания возможны только глаголы говорения с нейтральной семантикой. Любое же иллокутивно или оценочно специфицированное значение в РВ свидетельствует либо о гипотетическом понимании, либо о симулятивном выявлении. Таким нейтральным глаголом является *говорить/сказать*.

В РВ наблюдается только облигаторная, или собственно выявительная функция: глагол выполняет в этих репликах роль предиката. Метакоммуникативные конструкции с *говорить* применимы для выявления неудач большинства типов, так как такой запрос может отражать КН-факторы многих уровней.

2.2.1. Глагол "говорить"/"говорити"

Глагол *говорить/говорити* – наиболее употребительный метакоммуникативный глагол речи.⁸⁹ Его использование в диалоге с КН в русском и украинском языках не идентично. Поэтому его функции будут рассмотрены контрастивно.

2.2.1.1. "Говорить" в русском и украинском языке

В русском языке глагол *говорить/сказать* можно считать универсальным: в диалогах с КН он может использоваться во всех репликах-элементах КН: в антиципации, выявлении, коррекции и рефлексии КН. Возможно также использование в семиотическом значении (пр. 8.25).

Основной КН-фактор, вызывающий использование конструкций с этим глаголом в РВ – референциальные КН (см. пр. 8.26, 8.27). Конструкция с *говорить* используется также для переспроса в КН фонологического уровня (см. пр. 8.28), в качестве денотативного вопроса (пр. 8.41).

русский язык

говорить в антиципации КН

8.25

Телевизионная беседа; Г = популярный композитор и певец (= Юрий Антонов); тема – творческое партнерство.

Ну / я в основном работаю с Юрием Антоновым / Это не *говорит* / что я как бы пытаюсь как-то засесть в своей норе там и... / Но просто действительно / у меня такое количество материала незаписанного / огромного / и я хочу его реализовать...
(из заключительного концерта телеконкурса "Песня 1997")

8.26

Г1: Но подсознательно сериалы могут дать людям ощущение, что герой есть, что жизнь неоднозначна, что что-то все-таки в твоей власти. Что не только серый пейзаж за окном... Я не про утешительность сейчас *говорю*...

Г2: Я понимаю.

Г1: Вот эта новая русская мифология должна создаваться...

(Ог 22/2001, 43)

⁸⁹ Об уникальном положении глагола со значением 'говорить' в системе языка см. Зализняк 2000.

говорить в выявлении КН

8.27

Разговор для газеты; Г1 = журналистка; Г2 = известная писательница

Г1: Вам легко простить слабости, пороки людские?

Г2: У меня к этому женский подход. Если человек очаровательный, смешной и красивый – да.

Г1: Вы сейчас *говорите* о мужчинах?

Г2: О женщинах тоже.

(ЛГ 4/1999, 12)

говорить в устранении КН

8.28

Ситуация: сватовство; Г1 = присутствующий при сватовстве посторонний ("непонятно кто"); Г2 = старик, дед невесты.

Непонятно кто не обращал никакого внимания на сватовство. Он осмотрелся, подошел к старику, спросил:

[Г1:] Шифонер не сами делали?

Дед не расслышал.

[Г2:] А?

[Г1:] Шифонер, *говорю*, не сами делали?

Дед посмотрел на шифоньер.

[Г2:] Нет. Какого лешего я его сам буду делать?

(Шукшин 1999, 67-68)

говорить в рефлексии на КН

8.29

А. Я недавно где-то читал / что в Дону выловили два трупа / мужа и жену // Потом выловили и убийцу // Это был их сын // Б. Покончил с собой? А. Кто сказал? Поймали его // Б. Ты *говоришь* / "выловили" // Я думала / из воды //

(из Ермакова/Земская 1993, 36)

Между членами видовой глагольной пары *говорить/сказать* в русском языке существует прагматическая синонимия: они эквивалентны в функции коррекции (пр. 8.30).

говорить и сказать в устранении КН

8.30

А. Я не буду брать эту книгу // Тяжело везти // Б. А я бы тебе ее и не дала // Я ее еще не прочитала // (Через некоторое время). А. Не могу найти (эту книгу) // Б. (с обидой) Хорошо же ты ее читаешь! А. А я и не *говорила* / что читаю // Я *сказала* / что я ее не прочитала //

(из Ермакова/Земская 1993, 38)

Положение глагола *говорити* в украинском языке, однако, несколько иное. Его употребление значительно потеснено функционированием двух других глаголов несовершенного вида – *казати* и *мовити*.⁹⁰

украинский язык

казати в устраниении КН

8.31

Г1: Яка вона красива!

Г2: Протока? – вдав, що не розуміє, Соловинський.

Г1: Я кажу про Анастасію.

(Загребельний 1979, 224)

Два последних примера демонстрируют указанное различие в использовании русского *говорить* и украинского *говорити* в РУ. Антоненко-Давидович 1994 отмечает, что сфера употребления *говорити* – это, прежде всего, указание на способ или качество высказывания (см. Антоненко-Давидович 1994, 112). Материалы позволяют отметить тенденцию к употреблению *говорити* в выявлении, устраниении и рефлексии на КН, а *казати* – только в устраниении КН.

говорити в выявлении КН и рефлексии на КН

8.32

Разговор между родственниками; Г1 = Докия, мать; Г2 = сын; разговор на поле.

Г1: Та хіба ж так можна робити, сину? – підійшла до нього Докія.

Г2: *Про що ви говорите?* – не розуміючи, підвів брови вгору, а коса затріпотіла в стеблі, мов блискавиця поміж хмарами.

Г1: Підвередишся. І скотина відпочинок повинна мати.

Г2: *Он ви про що!* Не перервуся – ви мене двожилиним родили, понуро усміхнувся, і знову затріщало поле...

(Стельмах 19726, 442)

говорити в устраниении КН

8.33

Разговор между подругами, участницами подпольного движения; Г1 = Ляля; Г2 = Королькова; тема – маршрут перехода через линию фронта.

Г1: Гляди ж, Галко, – востанне нагадувала Ляля Корольковій, – не дуже відхиляйся від основного маршруту. Десь, звичайно, доведеться обходити пости, але великих кругів не кидай. Ти ж знаєш, з яким нетерпінням ми будемо чекати...

Г2: Красноград все-таки доведеться обійти, – серйозно зауважила Королькова. І Сахновщину теж.

Г1: Можливо, дивись там уже сама. Але я *говорю* про основний маршрут.

(Гончар 1978, 122)

⁹⁰ О развитии метакоммуникативного значения глаголов речи в восточнославянских языках см. Макеева 2000.

казати в устраниении

8.34

Бытовой разговор; Г1 = домработница; Г2 = хозяин квартиры; тема разговора – загадочные звонки по телефону.

Г1: А як задзвонить?

Г2: То послушайте.

Г1: Кажу: як оте подзвонить?

Г2: Хай подожде, поки вернуся...

(Загребельный 1979, 497)

Во всех приведенных примерах глагол речи применяется в личной форме – в первом лице ед. числа настоящего и прошедшего времени, когда глагол используется Г-им1, и во втором лице ед. числа настоящего времени (или уважительной форме), когда действие речи соотносится с Г-им2. Возможны также неопределенно-личная форма глагола (*так говорят* – см. пр. из Ермакова/Земская 1993, 43), и безличная форма (*так/как говорится* – см. пр. 6.102). Эти формы характерны для РУ, объясняющих конвенции речеупотребления – использование речевой единицы, явившейся источником КН мотивируется ее принадлежностью к особому коду.

Метакоммуникативная конструкция с глаголом в неопределенной форме *так сказать* встречается, как правило, в антиципации КН, выполняя роль индикатора небуквального, переносного значения последующей лексемы (см. VIII.1.2). Нужно отметить, однако, недостаточную эффективность такой антиципации: одно лишь метакоммуникативное указание на иной, небуквальный смысл, без его экспликации, не страхует от непонимания (см. также пр. 8.5).

8.35

Г1: А где же наш диссертант-то?

Г2: За руководителем поехал.

Г1: За генералом, *так сказать*?

Не поняли.

Г2: За каким генералом?

Г1: Ну, за руководителем-то... Я имею в виду Чехова.

(Шукшин 1999, 685)

Русским индикаторам антиципации *так сказать, как говорится* в украинском языке соответствуют *так би мовити* и *казав той*.

8.36

Г1: Глядіть, щоб побут вас не обдурив. Але він такий, і особливо у степах, де все не високо, *казав той*, і не низько.

Г2: Та ще й на вітрі

Г3: Себто?

Г2: Який тепер побут? Поїхав побут з куркулями. А тут в колгоспі веремія.

(Довженко 1964а, 261)

2.2.1.2. Заполнение актантной структуры глагола и способы его метакоммуникативного употребления

Итак, для глагола речи *говорить* возможны оба способа метакоммуникативного употребления. Первый способ употребления глагола *говорить/говорити* проявляется в РВ (оформление запроса) и в РУ (оформление ответа на запрос о референте ИР). В этом случае глагол осуществляет акт предикации в реплике, выполняющей функцию выявления и устранения КН. Вопросительное слово при этом глаголе в РВ, как правило, относится именно к референту, который является актантом объекта действия глагола речи.

Направленность вопроса осуществляется посредством вопросительного слова, синтаксически реализующего модель глагольного управления. В русском языке полная актантная структура имеет следующий вид: глагол + предлог *о* + предложный падеж (*говорить о ком-, чем-либо*), в украинском: глагол + предлог *про* + винительный падеж (*говорити про кого-, що-небудь*). Употребление в русском языке конструкции с предлогом *про* формально не соответствует литературной норме, но часто встречается как в разговорной, так и в публицистической диалогической речи (пр. 8.37, 8.54, ср. укр. пр. 8.52, 8.56).

8.37

Г1: Поэтому реальный курс рубля продолжает расти. А завышенный реальный курс рубля препятствует экономическому росту.

Г2: Как это завышен? Доллар уже один к тридцати почти что...

Г1: Я *говорю* не *про* официальный биржевой курс, который объявляется по итогам торгов. А *про* реальный курс рубля – соотношение между номинальным валютным курсом и темпами инфляции.

(Ог 24/2001, 15)

Наряду с типическими вопросительными существительными *что, кто* встречаются, хотя и гораздо реже, другие вопросительные слова. Интересный случай представляет собой использование вопроса *почему*. Эти вопросы могут сигнализировать не только о лингвистическом непонимании, но и о непонимании экстралингвистическом.

8.38

Беседа для журнала; Г1 = журналистка; Г2 = знакомая жены Иосифа Сталина; тема беседы – воспоминания Г2.

Г1: Значит, у вас со Сталиным было какое-то общение? (1)

Г2: До смерти Нади – да. (2) Я постоянно бывала на даче в Зуалове, это за Барвихой.

(3) Это еще была чудная дача. (4) По-моему, 1927 или 1926 год. (5) Первый этаж занимал Бухарин, тогда говорили Бухарчик, со своей первой женой. (6) Второй этаж – Иосиф с Надей. (7) Был общий стол и все прочее. (8)

Г1: А почему вы говорите, что это была еще "чудная дача"? (9)

Г2: Просто после смерти Нади дача была за двадцать семью заборами, с коммендантами, а тогда все было проще. (10)

(Ог 14/1997, 41)

Почему в (9) – это вопрос о причине самого речевого действия, то есть как вопрос о причине выбора номинации признака *чудная* в (4). Таким образом, метакоммуника-

тивное значение (9) = денотативный вопрос *Что значит...?*, направленный на оценочную лексему. Реализация выявления в форме каузального вопроса с глаголом речи в определенном смысле вуалирует КН: создается иллюзия иллюкутивной прогрессии диалога, в то время как происходит его стагнация. В случае экстралингвистического непонимания вопрос должен был бы интерпретироваться как *Что в даче было чудного?*

8.39

Г1: Пізно...

Г2: Для кого?

Г1: Для мене, містер Макаров. Я вийшов з гри...

Г2: *Не розумію. Стривайте... Шевруд, чому ви так сказали?*

Г1: Гляньте на мене. Ось я перед вами. Але мене вже немає.

Г2: Радіація!?

Г1: Так. Радіація. Я приречений.

(Левада 1967, 489)

Беспредложное употребление при глаголе *говорить* вопросительного существительного *что* не является типическим для РВ. Узуальное значение конструкций *Что вы говорите! Що ви говорите!/(кажете!)* – не выявление непонимания, а выражение удивления, возмущения, протеста.

8.40

Служебный разговор; Г1 = Карналь, директор института; Г2 = Олексій Кирилович, секретарь Г2; разговор происходит после трудного рабочего дня.

Г1: Олексію Кириловичу, сказав тихо Карналь, (1) – а вам навіщо сьогодні тут бути?

(2) Вам же стільки дісталось за ці дні. (3)

Г2: Дісталось? (4) Мені? (5) – Олексій Кирилович аж зупинився від несподіванки і виставив навпроти грудей папку з листуванням, так ніби оборонявся. – Петре Андрійовичу, ну що це ви таке? (6) Про що? (7)

(Загребельний 1979, 458)

Метакоммуникативные конструкции в (6) и (7) – не тавтологичны, у них различные иллюкутивные силы. Беспредложная эллиптическая конструкция в (6) выражает значение удивления, укора, она направлена на проявление заботы Г1 о Г2, т.е. на вежливость в (3). Предложная эллиптическая конструкция в (7) выполняет, кроме того, и собственно выявительную функцию и направлена на референциальный акт в (3), неудачно реализуемый кванторным местоименным наречием *столько*.

Однако в разговорной речи такая беспредложная конструкция с вопросительным местоимением *что* при глаголе вполне возможна и в значении выявления непонимания.

8.41

Б. Вот / у нас / видишь / какая резиночка получается? // В. А она будет резиниться? //

Б. И резиниться будет / и все будет... // А что ты говоришь / "резиниться"? //

В. – Ну / облегать / чтобы не болталось // Б. – А... скажите пожалуйста! // Конечно / все будет / как надо / для этого / тут резинкой //

(из Винокур 1993а, 14)

Ненормативное беспредложное использование сигнализирует об изменении метакоммуникативной функции: *говорить* употребляется здесь не в типичной для него в РВ функции референциального запроса, а в функции денотативного запроса, то есть равносильно вопросу *Что значит 'резиниться'?*, именно так его и интерпретирует Б.

Второй способ метакоммуникативного использования глагола – сопроводительное употребление – обнаружен только в устранимых КН. Глагол служит для введения буквального или модифицированного повтора полной РИ или же ее фрагмента. При этом глагол всегда используется без предлога, т.е. актант объекта действия речи – это все последующее высказывание.

8.42

Русский писатель (= Г2) беседует с попутчиком (= Г1) в поездке по железной дороге, разговор происходит в период инфляции 20-х гг. 20 века.

[Г1:] Ну, как червячки? – спросил меня толстый-претолстый сосед. Я удивленно смотрю на него. Он берет у меня из рук газету и, в мгновение окинув последнюю страницу и возвращая, говорит:

[Г1:] Прыгают, здорово прыгают!

[Г2:] Кто прыгает, что такое?

[Г1:] Я *говорю*, как червячки-то прыгают, подгребаются под две милашки.

Тут только я догадался, что червячки – значит, червонцы...

(ЛГ 11/1998, 12)

8.43

Г1: Я слышал, вы книжку пишете, дедушка?

Г2: Пишу, молодой человек, пишу.

Г1: "Воспоминания пожилого человека"?

Г2: Ась?

Г1: Я *говорю*, называться будет: "Воспоминания пожилого человека"?

(Шукшин 1999, 81)

Иллокутивное значение этих реплик – настаивание на своей предыдущей фразе, усиление, подтверждение ее. И для русского и для украинского диалога такое употребление *говорить* очень характерно. Максимальное заполнение актантной структуры глагола (субъект речевого действия / действие / адресат действия / объект действия), избыточное благодаря очевидности актантов субъекта и адресата в интеракции 'лицом к лицу', усиливает иллокутивную роль 'настаивание'. Сопроводительное употребление *говорить* в РУ наблюдается не только, когда Г2 не понимает пропозициональное содержание ИР (неудача), но и когда непонимание Г2 сочетается с неуверенностью в истинности пропозиции (неудача + неуспех). Поэтому РУ с *говорить* дублирует ИР только на пропозициональном уровне, на иллокутивном же уровне происходит значительное изменение: иллокуция 'сообщить что-либо' сочетается с иллокуцией 'убедить в чем-либо'.

8.44

Разговор двух военнослужащих во время посещения Эрмитажа; Г1 = Гаенко, Г2 = Рябов.

Г1: Идем, я тебе одного Рембрандта покажу, вот это художник. Там у него голая баба нарисована до такой степени железно, что даже не стоит... Факт из религии подобран...

Г2: Обнаженная? – с натугой и сомнением переспросил Рябов.

Г1: Да голая, я тебе говорю. Пошли.

(Довлатов 2000а, 139)

Для усиления данного иллокутивного значения в данных РУ продуктивны частицы *да, же (ж)*.

8.45

Разговор между приятелями; Г1 = Юрко, Г2 = Лько; Г2, вовлекая Г1 в подпольную революционную деятельность, принес ему листовки.

Г1: Що ж ти мені приніс, покажи...

Г2: Метелики, – сказав той, навіть не посміхнувшись.

Г1: Що, що?

Г2: Кажу ж тобі: метелики.

Г1: Які метелики?

Г2: Паперові.

(Козланюк 1965, 347)

2.2.2. *Другие verba dicendi*

Кроме иллокутивно не специфированного *говорить/говорити* достаточно регулярно, хотя и значительно реже, в диалогах с КН встречаются некоторые иллокутивные *verba dicendi*, прежде всего интеррогативные и директивные: русские – *просить, спрашивать, советовать* и др.; украинские – *питати, запитувати, рекомендувати* и др.

Для иллокутивных глаголов в РИ, как и для глагола *говорить*, характерна профилактическая функция. Как правило, в профилактическом употреблении иллокутивного глагола пропозиция содержит квантор отрицания: опровергается само речевое действие (= 'неправильная' иллокуция).

8.46

Я думаю, що коли б завтра крейсер не витримав випробування або, може, з ним щось би трапилося, то, мабуть, вам можна було б дуже скоро зайняти місце Крайнева і мати власні машини... Звичайно, я нічого *не пропоную*.

(Собко 1963, 293)

В РУ, как и для глагола *говорить*, можно различать два метакоммуникативных употребления иллокутивных *verba dicendi*: сопроводительное и облигаторное. Первому соответствует общее метакоммуникативное значение речи, синонимичное *говорить* в сопроводительной функции (пр. 8.47). Облигаторное же употребление, в роли предиката, может быть либо в значении, синонимичным *говорить* (напр., в референциальных КН, см. пр. 8.48), либо в – узко-иллокутивном значении (в иллокутивных КН, см. пр. 8.49).

В первом значении они могут быть опущены. Глагол дублирует иллокутивную силу высказывания, но не реализует ее. Значение *спрашивать* в пр. 8.47 – не выражение иллокуции вопроса, а усиление ее, настаивание на ней.

8.47

Разговор между участниками самодеятельного сельского театра; Г1 = Володька, актер; Г2 = Ваня, режиссер. Отношения между Г1 и Г2 – сопернические, обоим нравится одна девушка.

Г1: А где он жить будет? (1) – Это Володька.

Г2: Поживет пока у тестя... (2) – начал было Ваня, но спохватился: герой только что крыл тестя и тещу "подонками". – Найдет, где жить. (3)

Г1: Где? (4)

Г2: А тебя что, не устраивает идея пьесы? (5)

Г1: Идея-то меня устраивает. (6) *Я спрашиваю*, где он жить будет? (7)

Г2: А по-моему, тебя сама идея не устраивает. (8)

Г1: Ты мне политику не шей. (9) *Я спрашиваю*, где он жить будет? (10)

(Шукшин 1999, 259)

8.48

Разговор между запорожскими казаками; Г1 = Тарас Бульба; Г2 = казак, подчиненный Г1.

Г1: Що ж ти робив у місті? Бачив наших?

Г2: Аякже! Наших там багато: Іцько, Рахум, Самуйло, Хайволох.

Г1: Та пропади вони пропадом! Я тебе про наших запорожців *питаю*!

(Довженко 1964б, 212-213)

В собственно-корректирующем употреблении глагол осуществляет предикацию, без него высказывание не полно, его замена на глагол *говорить* невозможна. В этом случае глагол реализует и индицирует иллокутивный акт, корректируя тем самым иллокутивную неудачу. Как и в профилактической функции, здесь часто встречается квантор отрицания перед иллокутивным глаголом-предикатом (ср. пр. 8.46 и 8.49).

8.49

Разговор между родственниками.

А. Зови меня к телефону в крайнем случае // Б. (обиженно) Я могу совсем тебя не звать! А. Да я тебя не *упрекаю* / я *прошу* на будущее //

(из Ермакова/Земская 1993, 50)

8.50

Разговор между знакомыми; Г1 = Иван Сивинський; Г2 = Юрій; Г1 давно тайно влюблен в жену Г2 – Людмилу.

Г1: Ти скажи: Людмилу... любиш?

Юрій позадкував, округлив очі. Перехід від проблем якості до Людмили пригололешив навіть його.

Г2: Тобто яку таку Людмилу? Так звану мою дружину?

Г1: Я серйозно, – сказав Іван.

Г2: Але ж... у тебе наречена... Анастасія...

Г1: *Я питаю*, – не відступався Сивинський.

(Загребельний 1979, 234)

В *я питаю* можно установить одновременное выполнение двух функций – настаивания и иллокутивной коррекции (= *я спрашиваю серьезно, а не шучу*).

2.2.3. Эллиптические метакоммуникативные конструкции

Устойчивое употребление рассматриваемых метакоммуникативных конструкций предопределяет возможность их компрессии – явления, характерного, в первую очередь, для разговорной речи. Сам метакоммуникативный глагол речи, как очевидный, выпадает – образуется эллипсис. Легкость восстановления исходной конструкции обусловлена, в том числе, сохранением синтаксической формы оставшейся ее части: глагольное управление сохраняется. Такие эллипсисы как в русской, так и в украинской речи чрезвычайно распространены. Наиболее упрощено восстановление структуры, если эллипсису предшествует та же самая структура в развернутом виде, с номинацией глагола.

развернутая глагольная конструкция в устранении КН, эллиптическая – в рефлексии на КН

русский язык

8.51

Г1: (чистит берет новой щеткой) Очень хорошо чистит, все отчистила.

Г2: А ты что, еще ни разу не чистила.

Г1: Так я ж ее только сегодня купила.

Г2: *Я о берете говорю*, ты его что, еще ни разу чистила?

Г1: *А я о щетке*.

(СМ)

развернутая глагольная конструкция в выявлении КН, эллиптическая – в устранении КН

украинский язык

8.52

Г1: Ну, Віро Михайлівно, – сказав він, легенько відстороняючись від обіймів Соколової, – давайте ми з вами зараз звідсіля підемо, а то ви такий маяк над будинком засвітили, що весь виселок може переполошитись.

Г2: *Про що ви говорите?* – стурбувалася Соколова.

Г1: *Про дим в печі*. Ходімо, поговоримо у мене вдома, а тут нам залишатись не можна. (Собко 1963, 393)

Однако и в тех случаях, когда глагол не был номинирован в контексте, реконструкция полной структуры на основе эллипсиса не представляет трудностей. Вот несколько примеров с цепочками реконструкции:

в выявлении КН

русский язык:

О чем Вы? → *О чем Вы говорите?* (пр. 8.53);

Ты про кого? → *Ты про кого говоришь?* (пр. 8.54).

8.53

Разговор на работе; Г1 и Г2 = преподавательницы института.

А: Марь Иванна! Я хотела с вами посоветоваться // Я сейчас собираюсь на консультацию // Б. Я думаю / Вам давно пора это сделать // А. (с раздражением) Что это вы мне указания даете? Я что / опаздываю или не хожу? Б. *О чем Вы?* Я думаю / вам надо пойти к юристу // А. Да я о студентах говорю // Иду на консультацию и хотела спросить / не дать ли им вопросы к экзамену //

(из Ермакова/Земская 1993, 36)

8.54

Г1: Она сегодня опять будет. Смотри, не сули ее ничего! Ей шиферу надо, лярве. Петя провел толстой, короткой ладонью по волосам.

Г2: *Ты про кого?*

Г1: А эта... не знаю, как ее фамилия, знакомая Колмаковых. Все летку-енку-то танцует...

Г2: А-а, – вспомнил Петя. – А чего она хочет?

(Шукшин 1999, 399)

украинский язык:

Що це ви таке? → *Що це ви таке кажете?/говорите?* (пр. 3.14);

Про що Ви? → *Про що Ви говорите?* (пр. 3.14);

Ти про що? → *Ти про що говориш?* (пр. 8.55).

8.55

Г1: Доню, – несподівано змінилим, урочистим голосом промовила Надія Григорівна, – а ти знаєш про те, що, коли б з тобою що-небудь трапилось, я не перенесла б цього .. Я наклала б на себе руки...

Г2: *Ти про що, мамо?* – вжахнулась Ляля. – *Про що, скажи?*

Г1: Про твоїх друзів, Лялю. Вони приходять завжди ділові такі, задумливі...

(Гончар 1978, 72)

в устраниии КН

русский язык:

Я не об этом → *Я не об этом говорю* (пр. 8.56);

Нет. Не о... → *Нет. Не о... говорю* (пр. 8.57);

Я про другое → *Я про другое говорю* (пр. 8.58).

8.56

К больному приезжает врач.

В. Что с вами? Б. Грипп видимо / да я уж почти поправляюсь // (имея в виду, что заболел два дня назад). В. (считая, что это упрек ему по случаю позднего приезда по вызову): Я тут не при чем // Знаете/сколько у меня вызовов? Эпидемия // Б. Конечно / *я не об этом* //

(из Ермакова/Земская 1993, 50)

8.57

Г1: Веленевая бумага – веленевая литература.

Г2: Нравится она вам?

Г1: Бумага? Нет. Противная, гладкая.

Г2: Нет. *Не о бумаге. А литература?*

(Розанов 1994, 15)

8.58

Разговор между родственниками; Г1 = Саша, мальчик 9 лет, Г2 = Митя, мальчик 11 лет; Г3 = отец Г1 и Г2; тема разговора – социальные проблемы в стране.

Г1: Деньги забирают и уезжают там на дачу в бассейне плавать...

Г2: В трамвае знаешь, как говорят, когда я в школу утром еду? Что всех богатых надо убивать.

Г3: Вы же не считаете, что богатых надо убивать?

Г2: При чем здесь убивать?.. *Я про другое.*

(Ог 36/1999, 18)

украинский язык

Не про... → *Не про... говорю/кажу* (пр. 7.32);

Та ні, я не про те → *Та ні, я не про те говорю* (пр. 8.59).

8.59

Г1: І це всі ваші речі?

Г2: Хіба мало?

Г1: *Та ні, я не про те*, – відмахнувся Павло. – Значить, ви справді зовсім переїздите в Новоселецю? І будете там жити?

Г2: Справді, – якось твердо, але легко сказав Сагайдак.

(Кучер 1971, 177)

Кроме нейтрального глагола *говорить* можно предположить восстановление полной структуры и с помощью других глаголов речи. Например, в пр. 8.60 возможны глаголы *рассказать*, *объяснить*. Видимо, сам говорящий в момент говорения может не вполне четко представлять себе, каким именно глаголом он номинирует действие, и в своей внутренней речи может не выводить всю структуру.

8.60

Беседа для газеты; жанр: информативный диалог; Г1 = врач-психотерапевт; Г2 = журналист; тема разговора: оказание экстренной психологической помощи свидетелям катастроф.

Г1: Чем же тут можно помочь?

Г2: Мы вели работу по двум направлениям: а) оказывали психологическую поддержку и б) обучали способам, которые позволяют переносить психологические перегрузки.

Г1: *Нельзя ли поконкретнее?*

Г2: Речь об элементарных навыках релаксации (расслабления). Мы учили людей тому, как сосуществовать с катастрофой.

(ЛГ 47/1999, 7)

Усечению подвергается и метакоммуникативная глагольная конструкция *Почему + метакоммуникативный глагол (вы говорите/ты говоришь) + повтор?*. Факультативным, т.е. выпадающим, звеном снова оказывается глагол: *Почему + повтор?*

8.61

Г1: Там никто никого не трогает, к примеру скины – ну, нацисты, они если где реперов увидят, изобьют. А там только глянут – и иди дальше.

Г2: Водяное перемирие? – уточняю я, вспоминая "Маугли". Помните, самые разные звери консолидировались в момент, когда возникала угроза выживанию из-за великой суши.

Г1: *Почему водяное?* – хмурит брови рослый парень, которого называют Вайт. – Вещевое. Туда люди приезжают за прикидом, там специальная точка, можно найти вещи, которые не продаются больше нигде.

(Ог 25/1996, 40)

2.3. Конструкции с "значит"/"значить"

В соответствии со значением *значит* различаются следующие типы конструкции:

- 1) конструкции, в которых *значит* – это личная форма глагола *значить/значити* в его метакоммуникативном значении 'иметь какой-то смысл';
- 2) конструкции, в которых *значит* – это вводное слово (частица) со значением, синонимичным 'следовательно';
- 3) конструкции, в которых *значит* – это союз со значением 'поэтому'.

Эти конструкции целесообразно рассмотреть вместе по причине их прагматической синонимии. Употребленные в разных репликах, они осуществляют дискурсную связность на метакоммуникативном уровне. Конструкции (1) и (2) – эффективное средство выявления непонимания и побуждения говорящего к эксплицированию своего коммуникативного намерения.

Проблема частеречевого статуса *значит*, как и связи между тремя выделенными *значит* не могут стоять здесь в центре внимания. Предметом главного интереса в рамках рассматриваемой темы является метакоммуникативное употребление *значит* в диалоге с КН. В качестве метакоммуникативных могут рассматриваться конструкции первого и второго типа.

В составе первого типа конструкций или первого значения *значит* выделяется употребление *значит/значить* в значении связки в 'это есть', возможное только в 3 лице ед. числа, то есть без согласования с существительным в категории числа. Используемое в таком значении *значит* может рассматриваться как отглагольная частица (см. Freidhof 1995, 17). В этих конструкциях реализуется облигаторная метакоммуникативная функция *значит*. В той же личной форме, но гораздо реже, встречается синонимичный глагол *означать* – *означает*. Во втором типе *значит* выступает в сопроводительной функции. Сопроводительное употребление *значит* индицирует выведение из инициальной реплики имплицатуры, следствия, другого неэксплицитно или неоднозначно выраженного смысла.⁹¹

⁹¹ Избыточное сопроводительное использование *значит* свойственно разговорной речи и стилистическими справочниками характеризуется не только как несоответствующее литературной норме, но и понижающее понятность речи. Ср., напр.: "Это вводное слово (с собственным значением 'следовательно, стало быть') в

В обоих языках прослеживаются следующие закономерности использования *значит/значить* в диалоге с КН:

- первый тип – универсальный; используется: для антиципации КН, в денотативном запросе в РВ КН непонимания, в уточняющем вопросе в РВ КН гипотетического понимания, в РУ-толкованиях (как в системных дефинициях, так и в ситуативных толкованиях). *Значит* и *означает* выступает здесь как показатель "семиотического отношения между интерпретируемой репликой и ее смыслом" (Кобозева/Лауфер 1994, 65);
- второй тип используется в РВ гипотетического понимания и в РУ-интерпретациях. Это *значит* классифицируется с функциональной точки зрения как разделительная частица (вводная частица в начале реплики или в середине) (см. Rathmaur 1989, 23) и характеризуется в семантическом аспекте как показатель причинно-следственной связи между вводимой им РВ или РУ и предыдущей ИР (ср. также Кобозева/Лауфер 1994, 65);
- оба типа используются без ограничения как в разговорной, так и в публицистической диалогической речи. Употребление конструкции со *значит* во всех указанных метакоммуникативных значениях прагматически нейтрально, то есть первоначально заданный уровень кооперации и вежливости сохраняется.

значит в антиципации КН

Для использования *значит* в функции профилактики КН свойственно отрицание: *не значит* используется для того, чтобы не допустить КН неправильного понимания. Эта тактика очень широко распространена в современной речи. С помощью метакоммуникативной конструкции Г1 направляет (ограничивает) интерпретационный поиск Г2: неправильная интерпретация заранее опровергается. Если отрицательная конструкция с *не значит*, предшествует утвердительной конструкции с *значит* или другой, синонимичной *значит*, метакоммуникативной единицей, такая антиципация является градуальной, или постепенной.

русский язык

8.62

Мы говорим о правильном прочтении, правильном понимании. "Правильное" *не значит* "единственно верное", "правильное" *нужно понимать* как такое, которого хотел автор.

(Знамя 6/1997, 224)

устной монологической речи, в выступлениях ораторов, часто и без нужды повторяясь, обесмысливается и становится речевым паразитом. Слова-паразиты загромаждают речь говорящего, делают ее невнятной и затрудненной для понимания, например: 'Я, *значит*, от имени нашей бригады хочу, *значит*, заверить коллектив, что принятые на себя, *значит*, высокие обязательства мы, *значит*, выполним с честью' (запись выступления)" (ПРР, 84).

український язык

8.63

Одже "молодим і талановитим" харків'янам, які вже бачать себе популярними київськими журналістами, не зайве було б зважити власні сили. Ясна річ, це *не значить*, що усі мрії марні. Просто слід відрізнити саморекламу від реальних пропозицій.
(СК 110/2001, 4)

Если же после отрицательной конструкции утвердительная конструкция с *значит* или аналогичная ей вообще отсутствует, антиципация является аппроксимативной. Аппроксимативная антиципация может оказаться недостаточной: КН все-таки возникает и конструкция со *значит* используется уже в РУ (см. пр. 8.70).

значит в выявлении КН

Конструкции с метакоммуникативным глаголом *значит/значить* регулярно встречаются в 'денотативных запросах' выявляющих КН непонимания (о денотативном запросе и источниках КН в ИР, его вызывающих см. в V.1.1.1). См. также пр. 5.53.

русский язык

8.64

Г1: В зарплате учителей одна треть из бюджета, две трети – из внебюджетных доходов.

Г2: *Что это значит?*

Г1: Это деньги, которые школа получает от родителей за оказание детям дополнительных платных услуг. У нас основной комплекс этих услуг – второй иностранный язык, занятия по музыке, живописи...

(МН 27/2000, 16)

український язык

8.65

Г1 = журналист; Г2 = цветовод; тема разговора – выращивание растения вейгела.

Г1: А чи можна використовувати вейгелу в ролі живого паркану?

Г2: Можна, коли йдеться про високорослі сорти с міцними розгалуженими пагонами. Така огорожа не тільки непрохідна, а й має, на мою думку, магнетичні властивості.

Г1: *Що це значить?*

Г2: Те, що навіть людина, яка хоче потрапити на садибу з поганими намірами, не встоїть перед цею красою і задумується над доцільністю свого плану.

(СГ 42/2000, 7)

Вместо анафорического *это* вопросительная метакоммуникативная конструкция может содержать буквальный повтор единицы с неясным денотатом. Такое выявление наиболее эффективно, так как максимально локализует источник КН и страхует от встречной КН.

8.66

Г1: Этому аксакалу не хватает шестнадцать тонн. Придется их нарисовать, ребятки. Мужик пока что жметса, хотя фактически он на крючке. Шестнадцать тонн – это вилы... [...]

Г2: Что *значит* – нарисовать? [...]

Г1: Нарисовать – это сделать фокус.

Г3: А что *значит* – вилы? – поинтересовался Лебедев.

Г1: Вилы, – сказал биргадир, – это тюрьма.

(Довлатов 2000в, 413)

значит в выявлении КН гипотетического понимания

В выявлении гипотетического понимания *значит* используется в сопроводительной функции, точнее, для ввода интерпретационной гипотезы, для выведения следствий и импликатур. В Rathmayr 1989 (23) эта функция определяется как "Eröffnung klärender Rückfragen". Ср. приводимый автором пример уточняющего вопроса (пр. 8.67):

русский язык

8.67

Г1: На пляже вот так в два, в три ряда выстраивались будки.

Г2: *Значит*, у каждого была своя?

(из Rathmayr 1989, 23; жирный шрифт автора)

8.68

Разговор в фотоателье; Г1 = фотограф; Г2 = клиент; Г2 постепенно догадывается, что фотограф страдает алкоголизмом.

Г1: На что будем сниматься? – спросил фотограф.

Г2: На рубли, – ответил я, подумав, что здесь принято расплачиваться натуральным продуктом.

Г1: *Значит*, в профиль? – фотограф посмотрел на меня ужительно. – Как императора?

Несколько секунд я пытался уловить точку пересечения наших измерений.

Г2: Нет. Не мое изображение на рубли. Это рановато. Мне нужны фотографии на пропуск, два на три сантиметра.

(ЛГ 4/1999, 15)

украинский язык

8.69

Г1: З літератури знаю, що появою на нашому континенті ця рослина зобов'язана шведським ботанікам. Ще у XVIII сторіччі, побачивши дику вейгелу на островах Японії, вони не могли не завезти її до Європи.

Г2: *Значить*, вона має досить давню історію?

Г1: До того ж вона істинний довгожитель [...]

(СГ 42/2000, 7)

Выявление КН непонимания с помощью данных метакоммуникативных конструкций – одно из наиболее эффективных. Если Г1 сознательно допустил

неясность в инициальной реплике (см. VII.1.3), то после такого выявления ему остается только одна возможность остаться непонятым – открыто отказаться от устранения КН, рискуя, тем самым, пойти на конфликт, нарушив кооперативные принципы.

значит в устранении КН

Сопроводительная функция в РУ заключается в вводе реформулировочной автоинтерпретации (ср. "Ankündigung von Paraphrasen und Resümees", Rathmayr 1989, 23). Облигаторное употребление – в РУ-дефинициях и толкованиях.

8.70

Беседа для журнала; жанр: информативный диалог; Г1 = известная актриса;

Г2 = журналистка; тема разговора – личная жизнь Г1.

Г1: ...я обхожусь своей самодостаточностью. Мой возраст хорош тем, что я еще молода, но многое уже понимаю. Но это не значит, что не смогу вляпаться в очередной раз.

Г2: Что вы имеете в виду?

Г1: Вляпаться – *значит*, влюбиться.

(Ог 16/1999, 37)

Помимо рассмотренного использования *значит* в РВ в первичном значении, конструкция служит для выражения различных вторичных значений, общим для которых является значение субъективной негативной оценки, направленной на инициальную реплику. К таковым относятся: критика непонятности, демагогическое выявление КН, выражение возмущения, несогласия, обиды и т.д.

8.71

Пациент-художник так-таки отрезает себе ухо в подтверждение несуразного названия "Еще Ван Гог...". *Что означает это "еще"? Как надо продолжить фразу после отточия?"*

(ЛГ 3-4/1998, 9)

Негативно оценивается нарушение максимы манеры речи в названии спектакля.

8.72

В недавнем ответе мэру Лужкову прокурор Москвы Герасимов отметил, что "деятельность РНЕ незаконна". *Что это означает*, если организация зарегистрирована, газета выпускается совершенно легально, а ее публикации не имеют ничего общего с фашизмом и экстремизмом?

(ЛГ 5/1999, 2)

Негативно оценивается реплика, заключенная в кавычки. Значение негативной оценки (несогласие) возникает на фоне контрастного контекста, утверждающего обратное положения вещей.

8.73

Разговор знакомых; Г1 – санитарка медвытрезвителя; Г2 – пациент.

Г1: Опять жена привела?

Сухонький на это почему-то обиделся.

Г2: *Что значит, жена?* Что я, телок, что ли, бессловесный, что она каждый раз будет приводить меня к вам на веревочке? – Сухонький помолчал и сказал не без гордости: – Меня привезли.
(Шукшин 1999, 207)

Негативно оценивается нарушение максимы такта.

8.74

Жанр: эмоциональный бытовой разговор между родственниками; Г1 = муж; Г2 = жена;
контекст: Г1 принял решение не злоупотреблять алкогольными напитками.

Г1: ...я сейчас кружку пива выпил. А больше нет настроения.

Г2: *Что значит "нет настроения"?* У людей такое событие... – Это вступила жена электрика. – Сядьте и выпейте.

(Шукшин 1999, 221)

Негативная оценка направлена на отказ Г1 от участия в поднятии тоста: с точки зрения Г2 нарушено правило гостепреимства.

Употребление конструкции в выявлении неясности оценочной лексемы в качестве вторичного может носить демагогическое значение.

8.75

Г1: То як же виділяти тебе?

Г2: По-божому, тату, по-божому, – прокидається вдячність до батька, що несподівано все так легко йде. Гнат хреститься на образи, підходить ближче, але не сідає за стіл.

Г1: По-божому, кажеш? То що це значить? Є нас троє в родині, то й будемо все паювати на три частки?

Г2: Е, не так, батьку... – заперечує Гнат.

(Стельмах 19726, 344-345)

Источник – оценочная лексема *по-божому*. У Г1 и Г2 разные эпистемологические представления.

Вторичные значения конструкции также, как и первичные, характерны как для публицистической, так и для разговорной диалогической речи.

2.4. Конструкции с глаголами понимания

Глаголы понимания представлены концептуальным глаголом *понимать/розуміти*, его синонимами и дериватами. Глагол *понимать/розуміти* употребляется здесь в своем буквальном значении для обозначения ментального состояния, эксплицируя, тем самым, перлокутивный акт речевого действия (наступивший или предвидимый)⁹². Естественно, что данный глагол возможен

⁹² Десемантизированное 'паразитическое' употребление глагола для заполнения пауз выражения эмоций и т.п. здесь не рассматривается, хотя оно и характерно для современной устной речи (ср., напр., ставшее речевой 'визитной карточкой' первого президента России Б. Н. Ельцина *Понимаешь*, заключающее его реплики даже в разговоре на *Вы* или полилоге).

во всех элементарных репликах (в функции антиципации, выявления и устранения) диалога с КН, вызванными всеми выделяемыми факторами.

Замена глагола *понимать* на какой-либо его синоним в примерах встречается редко. Выбор стилистического синонима глагола *понимать* отражает жанр диалога. Вот несколько примеров с глаголами-синонимами.

8.76

Беседа на ТВ; жанр: обмен мнениями с целью выяснения истины/интеллектуальный;

Г1 = ученый-физик; Г2 = ведущая искусствовед; тема: авторитет в науке.

Г1: Проблема общепознавательного-человеческого: существует ли Бог и проявляется ли он в движении планет Солнечной системы. Бог и математическая физика оказываются связанными. В этой-то связи и следует искать авторитет науки.

Г2: Можно ли *трактовать* ваши слова таким образом, что пока наука оглядывалась на богословие, манипуляторного момента в воздействии науки на культурную жизнь не было?

Г1: Дело не только в богословии.

(Чередниченко 1999, 203)

Трактовать используется синонимично *понимать* для выявления гипотетического понимания.

8.77

Беседа на ТВ; жанр: обмен мнениями с целью выяснения истины/интеллектуальный;

Г1 = ученый-психолог; Г2 = ведущая-искусствовед; тема: обман в истории общества.

Г1: Свято место пусто не бывает, и, если уж мы разрушили мифологию, в которой люди жили, люди начали создавать мифы сами. Та, бывшая, мифология позволила достичь очень серьезных результатов.

Г2: Общество легко мобилизовывалось на решение труднейших задач – вы *подразумеваете* этот факт?

(Чередниченко 1999, 302)

Подразумевать используется синонимично *иметь в виду* для выявления референциальной КН.

8.78

Беседа на ТВ; жанр: обмен мнениями с целью выяснения истины/интеллектуальный;

Г1 = ученый-физик; Г2 = ведущая-искусствовед; тема – глупость в науке.

Г1: Я бы сказал, что глупость одного – это гениальное откровение для другого, и наоборот. Часто все зависит от установки личности, от того, как и кто это сделал. В науке, как, я думаю, и в искусстве, есть понятие подлинной ценности и есть понятие китча.

Г2: Что *подразумевается* под дурным вкусом в науке? Неужели о теории можно говорить как о принадлежащей "дурному вкусу" или "хорошему вкусу"?

Г1: Дело во вкусе, который проявляется в общем представлении о науке.

(Чередниченко 1999, 313)

Подразумевать используется синонимично *понимать* для выявления неясности оценочной лексемы.

8.79

Жанр: прескриптивный диалог; разговор двух мужчин-соперников, задержавшихся в доме после поминального угощения, чтобы остаться наедине с хозяйкой; Г1 = Журило; Г2 = Федь.

Г1: Сказано ж, що все. Не чув? (1)

Федь здивовано підвів продовгуватого стриженого черепа.

Г2: *Не усьок юмора?! (2) [...]*

Г1: Не треба, сказано, затримуватися. (3)

(Ілляш 1993, 72)

Усьок в (2) – заимствованное из русск. яз., нарушающее литературную норму укр. яз, устойчивое выражение непонимания со вторичным значением удивления, несогласия.

2.4.1. Глагол понимания в репликах диалога с КН

В отличие от других метакоммуникативных средств, глагол понимания в РИ не выполняет только функцию антиципации. Глагол не индицирует обычную для этих реплик переформулировку, а эксплицирует заботу говорящего об удаче высказывания, имеющего основания предполагать возможную КН и обращающего внимание партнера на эту 'опасность' (о диалогоуправляющей функции см. VIII.1.2 и пр. 8.7).

в антиципации КН

8.80

Г1 = студент-филолог, откомандированный университетом для работы на овощном комбинате; Г2 = бригадир комбината.

Г1: Вы что, университет кончали?

Г2: Имею диплом с отличием.

Г1: Так почему же вы здесь?

Г2: А где же мне быть? Где же мне работать, по-твоему? В школе? Что я буду там воровать, промокашки?! Устраиваясь на работу, ты должен прежде всего задуматься: что, где и как? Что я смогу украсть? Где я смогу украсть? И как я смогу украсть?.. Ты понял? Вот и хорошо. Все будет нормально. К вечеру бабки появятся.

(Довлатов 2000в, 415)

Производные от глагола причастия используются в сопроводительной функции и характерны, скорее, для научной речи и публицистики.

8.81

Человек слова, *понимаемого* как поступок, Гаевский, конечно, не может не чувствовать вопиющую девальвацию слов в современном мире.

(ЛГ 45/1998, 9)

Сопроводительное употребление глагола возможно при выявлении гипотетического понимания, то есть для ввода интерпретации: *если я вас правильно понял*. Такое употребление, эксплицирующее модус интерпретатора (ср. Кобозева/Лауфер 1994, 65), характерно для дискуссии, публицистического диалога, когда конструкция приводится полностью. В разговорной речи она

может редуцироваться до ситуационного эллипсиса, содержащего только интеррогативный квантор правильности (*верно?, правильно?, так?*).

в выявлении КН

8.82

Беседа на ТВ; жанр: обмен мнениями с целью выяснения истины/интеллектуальный; Г1 и Г2 = публицисты; Г3 = ведущая-искусствовед; тема: глупость в политике.

Г1: [...] такими действиями и заявлениями политики всегда добиваются одного – громкого общественного осуждения, после которого их уже заведомо считают дураками.

Г2: И при этом ни действия, ни заявления ни к чему практически не ведут. Живая жизнь гораздо менее в нынешние времена поддается конструированию с помощью таких волонтаристских глупостей.

Г3: *Если я правильно поняла*, то все, что стихийно, умнее всего, что делается по планам и расчетам.

Г1: Собственно говоря, живая экономика – это приспособление жизни к целенаправленной глупости начальства.

(Чередниченко 1999, 318)

В констатациях непонимания проявляется облигаторное употребление глагола. Здесь возможны личные формы глагола 1-го лица в настоящем и прошедшем времени, а также вопросы с неопределенной формой глагола (см. многочисленные примеры в IV.2.2).

не понял/не зрозумів/не понимаю/не розумію

8.83

Г1: Ви не турбуйтеся, Петре Андрійовичу, – довірливо мовив він академікові, – це не з органу...

Г2: *Не зрозумів*, – стріпнувся від своїх думок Карналь, – Хто, що? Звідки?

Г1: Ця кореспондентка, про яку я щойно... Не з партійної газети... Коли б центральний орган, то я... ви ж знаєте, Петре Андрійовичу, з пресою ми завжди в контакті...

(Загребельний 1979, 31)

8.84

Г1: Пятое сегодня, – намекнул артист.

Г2: Ну и что? – спросил главный режиссер.

Г1: Как – что? – обескураженно сказал артист.

Г2: *Не понимаю!* – пожал плечами главный режиссер.

Г1: Зарплата сегодня! – печально промолвил артист.

(Рязанов 1995, 108)

как понимать?/як розуміти?

Если личные формы глагола в РВ непонимания, как правило, самодостаточны, то конструкции с неопределенной формой глагола часто сочетаются с повтором фрагмента РИ, локализирующим проблему понимания.

8.85

Г1: Інше питання – чи підводить під цим ризику [...]

Г2: Ви сказали – інше питання, чи підводить під цим ризику. *Як це розуміти?*

Г1: Я розумію це так. Лист обласного управління слід надрукувати [...]

(Левада 1967, 344)

В РУ реплика с глаголом-предикатом *понимать*, соотносящимся с адресатом, констатирует КН, но сама по себе недостаточна – она только вводит собственно устраняющую КН автоинтерпретацию РИ.

в устранении КН

8.86

Г1 = Берг; Г2 = Марина; Г1, используя честолюбие Г2, участницы технического проекта, пытается спровоцировать ее на преступление.

Г1: Ну, може, не мріяти, а діяти, – роздумливо сказала Берг.

Г2: Діяти? – перепитала Марина. – В тім і біда, що без Крайнева я сама ще довго не зумію, мабуть, збудувати щось подібне. Це лише мрії...

Г1: *Ви мене не так зрозуміли...*

(Собко 1963, 293)

2.5. *Модализованные конструкции с метакоммуникативными глаголами*

Метакоммуникативные глаголы в диалоге с КН часто подвергаются модализации, то есть употребляются с квантором модального отношения к действию говорения в ИП или к процессу ее интерпретации адресатом. Такое употребление способствует возникновению различных вторичных прагматических значений реплик. Модальное отношение в РВ запрограммировано в ее функции: адресат оценивает интерпретацию как возможную (пр. 8.76 – *можно трактовать*) или должную (пр. 8.107 – *надо понимать*).

Наиболее продуктивная модализированная метакоммуникативная конструкция состоит из глагола намерения *хотеть*, эксплицирующего интенциональность речевого действия, и глагола речи. Прагматические конвенции употребления конструкции в русском и украинском языке совпадают. Конструкция встречается во всех жанрах диалога и характерна как для РВ, так и для РУ КН. Однако, если в РУ рассматриваемая конструкция употребляется только для реализации первичной функции, а именно, для восстановления понимания посредством экспликации инициальной интенции, модуса Г1 (пр. 8.87), то в РВ эта конструкция используется не только в первичной функции РВ (см., напр., пр. 6.8), но и – весьма регулярно – для выражения разнообразных вторичных значений (пр. 8.88).

корректирующее (первичное) значение в устранении

8.87

Г1: Вже коли ми обидва тут, то обійдемося сьогодні без листів, навіть негайних. (8)

Г2: Я тільки телеграми. Найважливіші. (9) Тут від Пронченка службова. (10) Також від його родини. (11) З Москви. (12) Академія наук, Міністерство...(13) Карналь зазнав майже відчутного болю від самого переліку. Слова мовби роз'ястрували рану його спогадів. Не треба, сьогодні вже нічого не треба!
Г1: Дякую, Олексію Кириловичу, залиште тут телеграми. (14) Не треба перелікувати. (15) *Я хотів сказати*: мабуть, не треба слів сьогодні. (16)
(Загребельний 1979, 458)

Прагматическая полисемия конструкции проявляется в ее отношении к искренности: о первичном или буквальном значении следует говорить при истинных КН (искреннем непонимании/неправильном понимании). В этом употреблении

сочетание с глаголом *хотеть* часто может выступать как перифрастический эквивалент перформатива там, где перформативное употребление для данного глагола почему-то невозможно [...].
(Падучева 1985, 137)

Вторичные значения возникают на фоне нарушения искренности в РВ. Адресат спрашивает об интенции говорящего, в то время как он имеет уже о ней некоторое мнение, может быть, не до конца осознанное. Наиболее распространенное вторичное значение конструкции – это *значение негативной оценки*. Эта косвенная негативная оценка направлена на различные коммуникативные максимы, нарушаемые – с точки зрения Г-го2 – Г-им1.

оценочное (вторичное) значение в выявлениях

8.88

Разговор двух только что познакомившихся отдыхающих у реки: Г1 = Князев; Г2 = Сильченко.
Г1: Вот представьте себе, (1) – еще больше заволновался Князев от нового наглядного примера, – мы втроем – я, вы, дедушка – несем бревно. (2) Несем – нам его нужно пронести сто метров. (3) Мы пронесли пятьдесят метров, вдруг вы бросаете нести и отходите в сторону. (4) И говорите: "У меня отпуск, я отдыхаю". (5)
Г2: Так что же, отпусков не нужно, что ли? (6) – заволновался Сильченко. – Это же тоже бред сивой кобылы. (7)
Г1: В данном конкретном случае отпуск возможен, когда мы это бревнышко пронесем положенных сто метров и сбросим – тогда отдыхайте. (8)
Г2: Не понимаю, *чего вы хотите сказать*, (9) – сердито заговорил Сильченко. – То холм, то бревно какое-то... (10). Вы приехали отдыхать? (11)
Г1: Приехал отдыхать. (12)
Г2: Что же, значит, бросил бревно по дороге? (13) Или как... по вашему-то? (14)
(Шукшин 1999, 653)

Оценка направлена на неясность манеры речи Г1, использующего развернутые фигуры сравнения в (1)-(5) и (8).

Спорадически глагол выступает в резюмирующих репликах.

8.89

Г1 = мама, русская заключенная в Австралии, беседует с дочерью (= Г2) по телефону.

Г1: Последний раз я видела тебя в мини-юбке. (1)

Г2: Да, но я не ношу ее сейчас, потому что это, ну, для похорон... (2)

Г1: ? (3)

Г2: Ну, просто для чего-то более важного, чем ходить по улице. (4)

Г1: Я понимаю, *ты хочешь сказать*, что это нарядная одежда. (5)

Г2: Да. (6) Давай поговорим о... (7)

(Ог 21/1999, 23)

Источник КН непонимания – перифраз в (2). В (4) непонимание реформулировочно устраняется, однако, снова в форме перифраза. *Я понимаю* в (5) индицирует, что устранение удалось, однако лишь на половину: вероятно, Г1 (= филолог по образованию), не довольна уровнем коммуникативной компетенции десятилетней дочери и считает необходимой подвести итог переформулировочной цепочке в *нарядная одежда*. Таким образом, модализованная метакоммуникативная конструкция используется для введения резюме с дидактической целью.

В случаях, когда вторичное значение негативной оценки полностью вытесняет первичное значение выявления гипотетического понимания, конструкция используется иронически. Такие РВ имеют косвенную иллюзию угрозы: они вынуждают адресата занять более четкую позицию.

8.90

Г1 = друг барона Мюнхгаузена; Г2 = жена барона Мюнхгаузена. Ситуация: Г2 ходатайствует перед властями о признании барона Мюнхгаузена душевнобольным, как доказательство она предъявляет на рассмотрение документ – распорядок дня на текущий день, составленный бароном, согласно которому барон планирует после завтрака установление хорошей погоды и удаление туч. Г1 пытается защитить барона. Контекст: разбирающий дело спрашивает, действительно ли сегодня установилась хорошая погода.

Г1: То есть с утра был туман, но потом он улетучился. (1)

Г2: *Вы хотите сказать*, что это его заслуга. (2)

Г1: Я ничего не хочу сказать, но только действительно. (3)

(кинофильм "Тот самый Мюнхгаузен")

В оценочном значении вообще, и в ироническом употреблении в частности, метакоммуникативная конструкция встречается в материалах значительно чаще, чем в буквальном, 'искреннем' употреблении. Поэтому можно говорить об устойчивой асимметрии планов формы и содержания: реплика выявления с *хотеть сказать* – это конвенциональная тактика для выражения упрека, обвинения, разоблачения, угрозы и т.д.

2.6. Метакоммуникативный фразеологизм "иметь в виду"/"мати на увази"

Конструкция продуктивна как в РВ непонимания, так и в РВ гипотетического понимания. Как и вопросы с глаголом говорения рассматриваемая метакоммуникативная конструкция используется, прежде всего, для выявления референ-

циальных КН. Требующий экспликации референт, заполняя обязательную валентность объекта действия, во фразеологизме номинируется.

Метакоммуникативное значение многозначного фразеологизма *иметь в виду кого-либо, что-либо* синонимично значению ментальных глаголов *думать о ком-либо, чем-либо, подразумевать* (см. СРЯ, 86; ФСРЯ, 184).

Значение эквивалентного украинского фразеологизма *мати на увазі кого, що-небудь* и синонимов *мати на думці, мати на оці* ФСУМ (473) дает более полно. Наряду со значением ментальных глаголов: *думати про кого-, що-небудь, не називаючи, не згадуючи у висловленні; припускати в думці що-небудь, не висловлюючись прямо* указывается также значение глагола речи: *говорити або хотіти сказати про що-небудь; натякати на щось*. Возможна русско-украинская интерференция (см. ненормативное для укр. яз. *мається в виду* пр. 8.8).

С точки зрения структуры речевого акта фразеологизм имеет значение *соотнести, иметь референтом*. Оба фразеологизма – как украинский, так и русский – в их метакоммуникативных значениях прагматически синонимичны конструкциям с другими метакоммуникативными глаголами:

- 1) с глаголом *говорить* в его облигаторном употреблении;
- 2) с глаголом *понимать* в значении *подразумевать*.

Фразеологизм употребляется в антиципации, выявлении и устранении КН. В РИ и РВ, направленных на текущую интеракцию, глагол употребляется только в настоящем времени (пр. 8.94, 8.95, 8.96). В то время, как в РУ возможно как настоящее (пр. 8.97, 8.98), так и прошедшее время (пр. 8.99, 8.100).

иметь в виду/мати на увазі в выявлении непонимания

русский язык

8.91

Разговор для газеты о политическом движении "Вся Россия"; Г1 = представитель конкурентного политического бока; Г2 = журналист.

Г1: Собрались под патронажем администрации, в "Президент-отеле", в присутствии Сысуева. На здоровье. Но это они внесли раскол. Который, кстати, сейчас уже преодолен. (1)

Г2: *Что вы имеете в виду?* (2)

Г1: Сегодня в общих чертах уже сформировались три силы, которые будут определять облик будущего парламента. (3) Все объединения, которые были созданы не по политическим, а по иным мотивам, переживают кризис.

(МН 29/1999, 7)

Пример может считаться КН только при условии, что Г1 уверен в том, что Г2 знает значение (1), в противном случае, (2) – не выявление КН, то есть стагнация диалога, а его дальнейшее развитие. Учитывая жанр диалога – информативный, для которого характерен нарочито заниженный уровень понятливости говорящего-журналиста и, соответственно, завышенная манифестация КН, можно предположить, что реплика (1) – провокация интереса с целью выразить свою оценку политической ситуации.

украинский язык

8.92

Г1 = известный ученый-ботаник; Г2 = переводчик; Г3 = иностранный гость.

Г1: Бачите, для дослідів, звичайно, цікаво мати весь світ. Але я тут чекатиму, поки не буде по-моєму.

Г2: Він хоче тут одержати деякі результати.

Г3: Ви що маєте на увазі?

Г2: Що ви маєте на увазі?

Г1: Найголовніше. Просунути плодоносний світ далеко на північ.
(Довженко 1964а, 323)КН-фактор: неопределенное местоименное прилагательное *деякі*.

Повтор фрагмента РИ в выявлении непонимания не характерен для конструкций с рассматриваемым фразеологизмом, так как ваканция объекта действия глагола уже занята вопросительным местоимением *что*. Синтаксически корректная локализация источника КН в РВ непонимания требует введения дополнительного метакоммуникативного глагола-предиката с открытой позицией объекта действия говорения. Громоздкость возникающей при этом двойной метакоммуникативной конструкции и является, видимо, причиной того, что говорящий отдает предпочтение другим средствам выявления.

8.93

Г1: А дальше надо всесторонне, неангажированно взвесить все доводы, сопоставить и проанализировать все материалы, в том числе новые, и потом принять окончательное решение в суде. (1)

Г2: *Что вы имеете в виду, говоря о новых материалах?* (2)

Г1: На наш сайт в Интернете поступают весьма интересные документы – например, в Австралии обнаружилась часть копий, которых нет в Гарварде... (3)

(ЛГ 1/2000, 8)

Данный диалог может рассматриваться как КН лишь условно. Скорее, нужно говорить о намеренном вызывании интереса (провокации). Реплика (2) иллюстрирует неспособность фразеологизма *иметь в виду* сочетаться с фрагментом-повтором из РИ для локализации источника КН при выявлении непонимания.

Попытка избежать двойной метакоммуникативной конструкции (включающей два предиката) может привести к возникновению усложненной актантажной структуры фразеологизма.

8.94

Г1: Москва – это не подымающийся, а опускающийся на дно невидимый град. (1)

Истинная Москва у нас на глазах становится невидимым градом. (2) А то, что идет ей на смену, – это, может быть, тоже Москва, но это град далеко не святой. (3)

Г2: *Что вы имеете в виду под истинной Москвой?* (4)

Г1: Истинная Москва – это все-таки столица православной Руси. (5) Можем ли мы сказать, что современная Москва – столица православной Руси? (6)

(ЛГ 11/1998, 3)

КН-фактор – оценочная лексема *истинная*. Фразеологическая метакоммуникативная конструкция в (4) не совсем соответствует литературной норме. Реплика (4) представляет собой контаминацию двух метакоммуникативных конструкций: 1) *иметь в виду + вин. пад.* и 2) *понимать под + твор. пад.*, что приводит к возникновению двухместной валентности глагола *иметь* – одной беспредложной и одной предложной, ему несвойственной. Более корректным выявлением КН в данном примере является: *Что вы понимаете под истинной Москвой?, Что вы называете истинной Москвой?, Что значит истинная?* и т.п.

иметь в виду в выявлении КН гипотетического понимания

Фразеологизм эффективно используется в РВ гипотетического понимания. В этом случае референт речевого акта занимает позицию объекта действия.

8.95

Г1: Недарма поети колись плутали вино й море. Як це там у поетів, Веріко?

Г2: *Ти маєш на увазі Гомера, який називав море винно-чорним?*

(Загребельний 1979, 114)

8.96

Г1: Живут, повторю, главным образом за счет заработной платы, хотя доходы от предпринимательства тоже есть. Часто неучтенные.

Г2: *Вы имеете в виду врача, занимающегося частной практикой в целях дополнительного заработка, учителя средней школы, имеющего частные уроки?...*

Г1: Да-да. Все это так называемые "серые" деньги. (Я не говорю о "черных" деньгах, которые связаны с прямым нарушением закона.)

(ЛГ 17-18/1999, 6)

иметь в виду в устранении КН непонимания

8.97

Г1: А Кох ему дал такой вот "отпор": (1) "Это ваше дело – ловить и сажать жуликов. А раз вы их не поймали, мы будем продавать им собственность. (2) Они ведь дают наибольшую цену". (3) Хотя на самом-то деле распродавали Россию за бесценок. (4)

Г2: ??? (5)

Г1: Ну, *я имею в виду*, что в казну поступали гроши, а сколько там осело в карманах и в чьих именно, это только наши внуки, наверное, узнают. (5)

(ЛГ 9/ 2000, 4)

иметь в виду/мати на увазі в устранении КН неправильного понимания

русский язык

8.98

Г1: А., ты не знаешь, у этого телефона идиотского, есть у него повтор или нет?

Г2: Повтор – это восьмерка по-моему.

Г1: Это восьмерка, да, хорошо.

Г2: *Я имею в виду знак такой, как восьмерка перевернутая (рисует в воздухе).*

Г1: А-а, этот знак я знаю, его здесь нет.

(СМ)

8.99

(две женщины собираются принять гостя, перед этим надо навести порядок в комнате и переодеться) А. Ну / я уже готова // Б. (с раздражением) Ты-то готова // А мне еще много чего надо сделать // А. А почему ты сердисься? Б. Ну / как же? Это же ясно // У тебя такой подтекст / вот я уже сделала / а ты нет // Поторопись / собирайся / одевайся! А. Ну и ну! *Я сроду этого не имела в виду* // (из Ермакова/Земская 1993, 50)

украинский язык

8.100

Г1: Суто ситуаційне породження, – спокійно пояснив Карналь. – І я, і ти – на цих постах тому, що так склалася ситуація. Але так вічно тривати не може.

Г2: Хочеш мене усунути? Договорюй до кінця, Петре Андрійовичу! Я товстошкурий, перенесу. Коли ж і висловитися, як не в хвилини, коли на душі особливо тяжко. Люди в такому стані відверті часом аж до жорстокості.

Г1: Психологом ти ніколи не був. *Якраз я мав на увазі* не тебе, а себе самого. Очолити об'єднання може інший чоловік.

(Загребельний 1979, 460)

В анализируемых материалах рассматриваемый фразеологизм не встречается во вторичных значениях (с целью симуляции КН, негативной оценки РИ и т.д.).

2.7. Союз-частица "то есть"/"тобто", "себто"

Значение, общее для союза и частицы *то есть* – это значение интерпретации. Принято различать союз, употребляющийся для введения пояснения, уточнения и поправки и частицу, употребляющуюся при переспросе для выражения удивления, непонимания, просьбы разъяснить сказанное (СРЯ, 797). Соответственно этому разделению, значение *то есть*, использующееся в антиципации (автоинтерпретация) и выявлении гипотетического понимания (интерпретация адресата) – это значение союза, а значение *то есть* в выявлении непонимания (запрос интерпретации) – это значение частицы.

Украинские эквиваленты *тобто* и *себто* (написание в начале века соответственно: *то б то*, *се б то*, см. СУМ1, т. 4, 269) имеют те же значения, что и русское *то есть*, поэтому функционирование в двух языках аналогично.

В Grimm 1999 (178) *то есть* характеризуется в ряду индикаторов переформулировки в письменных текстах как самый продуктивный и полифункциональный: "Er läßt sich – ohne jegliche Einschränkung – in wirklich allen syntaktischen und semantischen Formen und in allen Funktionen belegen." (там же, 179). Это наблюдение может быть распространено на использование *то есть*-союза в диалоге с КН только на реплики антиципации КН. Широко, но с некоторыми ограничениями частица *то есть* используется и в репликах-выявлениях. В репликах устранения КН союз *то есть* не встречается, так как он требует контактной постпозиции, в то время как интерпретирующая РУ удалена от интерпретируемой РИ, их разделяет РВ.

Метакоммуникативный вопрос *То есть?/Тобто?/Себто?* способен выявлять непонимание, вызванное факторами различных уровней. Прерогативой использования РВ с таким вопросом являются прагматические факторы (небуквальное речевое употребление и неэксплицитные смыслы).

Вопрос более распространен в бытовом диалоге, нежели в публичном. В официальном диалоге он может несколько понижать уровень вежливости, особенно если его задает собеседник, обладающий более низким статусом.

то есть/тобто/себто в выявлении непонимания (в восполняющих вопросах)

русский язык

8.101

Г1: Но молодость я провела очень весело, мы все были шумные, веселые, молодые актрисы и вели себя якобы богемно.

Г2: *То есть?*

Г1: На самом деле никто из нас не знал, что такое настоящая богема...

(Ог 9/1999, 38)

8.102

Г1: Ну как, товарищ профессор? Не пора еще подковы сдирать?

Г2: *То есть?*

Г1: Ну, это когда, коняка старая отработает свое, пора на живодерку, с нее сначала подковы сдирают.

(кинофильм "Экипаж")

украинский язык

8.103

Г1: Глядіть, щоб побут вас не обдунив. Але він такий, і особливо у степах, де все не високо, казав той, і не низько.

Г2: Та ще й на вітрі

Г3: *Себто?*

Г2: Який тепер побут? Поїхав побут з куркулями. А тут в колгоспі веремія.

(Довженко 1964а, 261)

то есть/тобто/себто в выявлении гипотетического понимания (в уточняющих вопросах)

Союз *то есть* в выявлении гипотетического понимания связывает пропозицию ИР (= интерпретируемое) и пропозицию РВ (= интерпретирующее). Можно выделить, по меньшей мере, два общих семантических отношения, возникающих между связываемыми репликами. Первое – отношение следствия, вытекания пропозиции РВ из пропозиции ИР. Союз *то есть* в этом значении может быть заменен на вводные слова *следовательно, выходит* и под. (пр. 8.104, 8.105). Второе – отношение тождества во всех его подвидах (уточнения, пояснения,

переосмысления и т.д.). Замена на *следовательно* в этих случаях невозможна (пр. 8.106).

русский язык

8.104

Г1: [...] Мы работаем с гарантией, – немного помолчав, добавляет инструктор.

Г2: *То есть* если любимый не вернется, вы возвращаете деньги? – радуюсь я за совестливых держателей салона.

Г1: Деньги в любом случае остаются у нас.

Г2: А где же здесь гарантия – недоумеваю я.

(ЛГ 4/1999, 9)

8.105

Г1: Человек вообще слаб. И может часто ошибаться.

Г2: *То есть*, путь к праведности лежит через грех?

Г1: Это не для моего ума [...]

(Ог 9/1999, 39)

украинский язык

8.106

Разговор между знакомыми; Г1 = Иван Сивинський; Г2 = Юрій; Г1 давно тайно влюблен в жену Г2 – Людмилу.

Г1: Ти скажи: Людмилу... любиш?

Юрій позадкував, округлив очі. Перехід від проблем якості до Людмили пригололешив навіть його.

Г2: *Тобто* яку таку Людмилу? Так звану мою дружину?

Г1: Я серйозно, – сказав Іван.

(Загребельний 1979, 234)

В последнем примере выявление КН симулятивно, что иллюстрирует использование *то есть* в манипуляции, расширяя рамки полифункциональности союза-частицы.

2.8. Метакоммуникативная синтагма "в смысле"

Помимо синтагмы *в смысле*, в диалоге – в зависимости от реплики – регулярно встречаются следующие ее варианты: *в каком смысле*, *(не) в том/этом смысле*, *в другом/ином смысле* (ср. также варианты, приводимые в Grimm 1999, 158-163 и в Кобозева 2000).

В перечисленных синтагмах можно предположить автосемантизированный эллипсис метакоммуникативных конструкций либо с глаголом понимания *понимать в смысле*, либо с глаголом речевого действия *говорить/сказать в смысле* (как в пр. 8.107, 8.108, 8.109). Синтагма возможна во всех позициях, и используется во всех функциях, которые способны выполнять эти глагольные конструкции.

в смысле в метакоммуникативной конструкции с глаголом понимания

8.107

Г1: Я еще не знаю, – сказала она потупясь. – Я еще подумаю. Вообще-то мне еще рано замуж. [...]

Г2: Да? – спросил Жених. – Может, нам лучше разойтись как в море корабли? Чтобы без трепа?.. [...]

Г2: Нет, я хочу понять – в каком смысле надо понимать: "Мне еще рано замуж"? – спросил Жених.

Г1: Да в таком самом... – Невеста поняла, что ужасно сглупила, растерялась.

Г2: В каком "в таком самом"?

Г1: Да в таком самом. И нечего ко мне приставать.

(Шукшин 1999, 69)

в смысле в метакоммуникативной конструкции с глаголом речи

8.108

Г1: Ваши фильмы с полным правом можно назвать такими по-настоящему нашими, советскими, совковыми.

Г2: Меня всегда обвиняли в том, что я снимаю антисоветские фильмы.

Г1: Но вы понимаете, какой смысл я вкладываю в это слово.

(телепередача "Час пик" 20.05.1997, канал ОРТ)

8.109

Г1: Я слышал, вы книжку пишете, дедушка?

Г2: Пишу, молодой человек, пишу.

Г1: "Воспоминания пожилого человека"?

Г2: Ась?

Г1: Я говорю, называться будет: "Воспоминания пожилого человека"?

Г2: Плохо вы о нас думаете, молодой человек! – обиделся Дед. – Какие же мы пожилые?! Разве годы могут старить человека?

Непонятно кто смутился.

Г1: Нет, я не в том смысле сказал... Я понимаю, что годы тут ни при чем.

(Шукшин 1999, 81)

Метакоммуникативная синтагма *в смысле*, широко используемая только в русском языке (об употреблении в укр. языке см. ниже), характеризуется полифункциональностью и универсальностью применения. Рассматривая использование *в смысле* в переформулировках письменной речи, Grimm 1999 (158) указывает на то, что синтагма "ist in hohem Maße polyfunktional und läßt sich in verschiedenen Funktionen (z.B. Exemplifikation, Präzisierung o.ä.) nachweisen". Анализируемые материалы позволяют распространить данную характеристику также и на функционирование синтагмы в диалоге с КН, при чем не только с точки зрения ее использования для профилактики КН. Данная синтагма используется в диалогах с КН, вызванных КН-факторами разных уровней, и используется во всех репликовых функциях: в выявлении непонимания, в выявлении гипотетического понимания, в устранении непонимания и в коррекции неправильного понимания.

в смысле в антиципации КН

8.110

Г1: Ну, а че рассказывать-то. Ну, увидела объявление в газете, ну прочла. Сейчас таких объявлений тонны, ну, *в смысле тысячи*.

Г2: Угу.

(кинофильм "Игра на чужом поле")

КН-фактор: речевая фигура *тонны*. Синтагма индицирует автокоррекцию-перевод.

8.111

Как автор Гаевский – частный человек. (*В том смысле частный*, в каком Мандельштам прилагал это определение к Чаадаеву.)

(ЛГ 45/1998, 9)

Синтагма индицирует уточнение.

Как и конструкция со *значит*, для антиципации КН синтагма *в смысле* часто употребляется с кванторам отрицания, чтобы не допустить КН неправильного понимания. Однако, в отличие от антиципации с помощью *значит*, антиципация с помощью *в смысле* не должна быть аппроксимативной и незаключенной. Она должна быть полной: после опровержения предвосхищаемой неправильной интерпретации следует указание правильной.

8.112

Г1: А люди те же самые, что помогали президенту?

Г2: Люди были разные. Разные *не в том смысле*, что иные, а разные: и иные, и те же, и всякие.

(МН 38/1997, 6)

В выявлении КН непонимания в состав синтагмы включается вопросительное прилагательное: *В каком смысле?*

в смысле в выявлении непонимания

8.113

Г1 = Попова, Г2 = следователь; тема – арест мужа Г1, алкоголика и дебошира; контекст – Г1 стремится с помощью правоохранительных органов избавиться от мужа.

Г1: Надо сажать, Георгий Константиныч, ничего не сделаешь. Пусть посидит.

Г2: А не жалко? – невольно вырвалось у Ваганова.

Попова насторожилась... Вопросительно посмотрела на молодого следователя, улыбнулась заискивающе.

Г1: *В каком смысле?* – спросила она.

Г2: Да я так, – уклонился Ваганов. – Идите.

(Шукшин 1999, 532)

КН-фактор: неожиданная смена топика (провинность мужа Г1/сочувствие к мужу Г1) и роли Г2 – вместо того чтобы обвинять мужа Г1, Г2 выражает сочувствие к нему (субъективно-модальное *жалко*), что выходит за рамки формальных отношений, предписываемых социальным статусом.

Синтагма легко сочетается (как в постпозиции – пр. 8.114, так и в препозиции – пр. 8.115) с повторением фрагмента РИ, содержащего КН-фактор, если этот фрагмент РИ дистанцирован от РВ настолько, что возможна встречная КН.

8.114

Г1: Гусев со мной разговаривал очень откровенно, очень цинично: "Если вы не примкнете к нам, то вам здесь делать нечего". Я говорю: "Я ни к кому примыкать не хочу. Я хочу, чтобы мне давали работу". – "Именно этого-то вы и не получите. Забудьте о том, что вы когда-нибудь ставили в Большом!"

Г2: "Примкнете к нам" – *в каком смысле?*

Г1: Я должен был защищать их интересы, превратиться в холуя.
(ЛГ 41/1998, 12)

8.115

Г1: Стоп! – сказал Максимыч. – Вы тут, конечно, все умные, а я дурак, я не учился двадцать семь лет в...

Г2: Кто тебе говорит, что ты...

Г1: Ти-ха! – рывкнул добрый Максимыч. – Я лапоть...

Г2: Я сам лапоть! – воскликнул профессор.

Г1: Что вы, сдурели, что ли? – спросил Пилипенко. – *В каком смысле лапоть?* В смысле происхождения, что ли? Тогда я тоже лапоть.

(Шукшин 1999, 754)

КН-фактор: речевая фигура *лапоть*.

В РВ гипотетического понимания синтагма всегда занимает препозицию по отношению к интерпретации Г2.

в смысле в выявлении гипотетического понимания

8.116

Г1: Как приехали-то? – спросил Фоякин.

Г2: *В смысле – на чем, что ли?* – не поняла Ольга. – На поезде.

Г1: Насовсем или в гости?

(Шукшин 1999, 39-40)

8.117

Г1: Надо бы куда-то зайти, побеседовать.

Г2: *В смысле – поддать?* – оживился Кузин.

(Довлатов 2000а, 261)

КН-фактор: интерпретация Г-им 2 буквального значения *побеседовать* как эвфемизма к *распить алкоголь* – в соответствии с принципом интереса Г2.

в смысле в устранении непонимания

Устранение непонимания содержит синтагму (*в смысле, в том смысле*) и указание правильной интерпретации.

8.118

Г1: У нас отпуск большой, мы же – льготники. [...] На особом положении.

Г2: На каком таком особом?

Г1: *В смысле* зарплаты и отпуска.

(Шукшин 1999, 269)

КН фактор: оценочная лексема *особое*.

8.119

Г1: Я сам люблю комедии...

Г2: В здоровом теле – здоровый дух, – согласился Отец Невесты. Чем больше наглед Жених, тем активнее заискивали перед ним Невеста, Отец Невесты, Мать [...]

Г1: А при чем тут тело? – строго спросил Жених.

Г2: *Я в том смысле*, что я тоже кино уважаю.

Г1: Надо бы выбирать выражения.

(Шукшин 1999, 72)

КН-фактор: отсутствует указание на цитату.

В устранении неправильного понимания возможны два варианта употребления синтагмы:

- синтагма + правильная интерпретация;
- опровержение неправильной интерпретации (отрицание) + синтагма + правильная интерпретация.

в смысле в устранении неправильного понимания

8.120

Г1: Я больная совсем. (1)

Г2: Ты это где? (2)

Г1: Я дома. (3)

Г2: *В смысле*: где ты подхватила? (4)

Г1: Я не знаю, думаю, что А. меня заразил. (5)

(СМ)

КН-фактор: эллипсис в (2).

8.121

Г1: Я сегодня даже не буду обедать. (1)

Г2: Так что, принести тебе еду туда. (2)

Г1: *Нет, я в том смысле*, что дома не буду, пообедаю на работе. (3)

(СМ)

КН-фактор: интерпретация Г-им 2 РА сообщения в (1) как косвенного РА просьбы.

Синтагма *в смысле* менее других метакоммуникативных средств чувствительна к тавтологии: дублирование в РВ и РУ допустимо и не вызывает негативного стилистического эффекта, обычного для других единиц (пр. 8.107, 8.122, 8.123, 8.124).

8.122

Г1: Да здравствует листовое железо! – тоже весело сказал Солодовников без всякого смущения, даже притворного. Он прямо смотрел Анне Афанасьевне в глаза.

Г2: *В смысле?* – спросила та.

Г1: *В смысле:* у нас будет самодельный холодильник.

(Шукшин 1999, 389)

8.123

Г1: Что теперь носят?

Г2: *В каком смысле?*

Г1: *В смысле* одежды.

(кинофильм "Служебный роман")

Полифункциональность синтагмы проявляется и в ее способности тенденциозного употребления: она регулярно используется для симуляции КН с вторичным значением негативной оценки.

8.124

Г1: Девушка, можно вас на минутку?

Г2: Я с незнакомыми мужчинами не разговариваю!

Г1: Очень ты мне нужна! Вот тебе моя визитка, пойдешь на студию "Белгоскино" и скажешь режиссеру Коршу-Саблину, чтобы он тебя попробовал!

Г2: *К каком это смысле?!*

Г1: Не в том, в каком ты думаешь, – для этого у нас получше тебя дамы есть.

(Ог 43/1995, 92)

Итак, в русском языке синтагма *в смысле* в силу своей продуктивности и абсолютной полифункциональности может характеризоваться как универсальная метакоммуникативная единица в диалоге с КН.

В украинском языке рассматриваемая синтагма не имеет полного функционального эквивалента. Приведу несколько словарных справок, иллюстрирующих различие значений русского *смысл* и украинского *смысл*. РУС дает следующий перевод русского *смысл*: 1. (содержание) *зміст, суть, сенс, смысл*; (значение – обычно) *значення*; (понимание – обычно) *розуміння*; 2. (основание) *рація, сенс*; 3. (способность понимать) *тмя, глузд*; (разум) *розум*. Устойчивое предложное сочетание *в смысле чего* переводится *щодо чого, у розумінні чого*. Соответствующие словарные переводы синтагмы – *в значенні/розумінні* – в составе метакоммуникативных фразеологизмов являются гораздо менее продуктивными в разговорной речи и характерны, прежде всего, для официального стиля. Однако для официального стиля украинский язык располагает и несколькими другими вариантами, соответствующими по значению русской синтагме *в смысле*. РУСДМ для русских фразеологических единств – вариантов базовой синтагмы *в буквальном смысле, в отрицательном смысле, в положительном смысле* дает перевод наречием, соответственно: *буквально, негативно, позитивно*; для *в тесном смысле* и *широком смысле* – деепричастными оборотами, соответственно: *вужько розуміючи* и *широко розуміючи*. И

только для *в смысле, в этом смысле, в точном смысле – в значенні, в цьому розумінні, в достотному розумінні*.

Выражения *у смислі того, в якому смислі* с точки зрения нормы литературного украинского языка оцениваются как недопустимые (ср. КУМ, 63). Их распространение объясняется, вероятно, интерференцией соответствующих русских выражений *в смысле того, в каком смысле*.

8.125

Разговор двух односельчан – Г1 и Г2; контекст: Г2 просит Г1 об оказании помощи по организации похорон родственницы.

Г1: Нічо була жінщина. Прийду. Через час. Розпакую свої чумайдани, ха-ха-ха, – махнув сіткою-авоською з кількома пакунками, – та й прийду. Хокей?

Г2: Який хокей?

Г1: *У смислі* – домовилися? От темнота, не тямиш ні бельмеса по-американськи... (Ілляш 1993, 66)

В примере неоднократно проявляется низкий уровень языковой компетенции говорящего. Он говорит на просторечии, его речь представляет собой смешение ('суржик') украинского и русского языков (см. рассматриваемое *у смислі*, а также русск. и искаженное русск. – *жінщина, час, чумайдани*, искаженное англ. *хокей*). Речевой портрет дополняет общий образ героя, вернувшегося в родное село после длительного отсутствия и претендующего на особое положение в силу богатого опыта 'заграничной жизни':

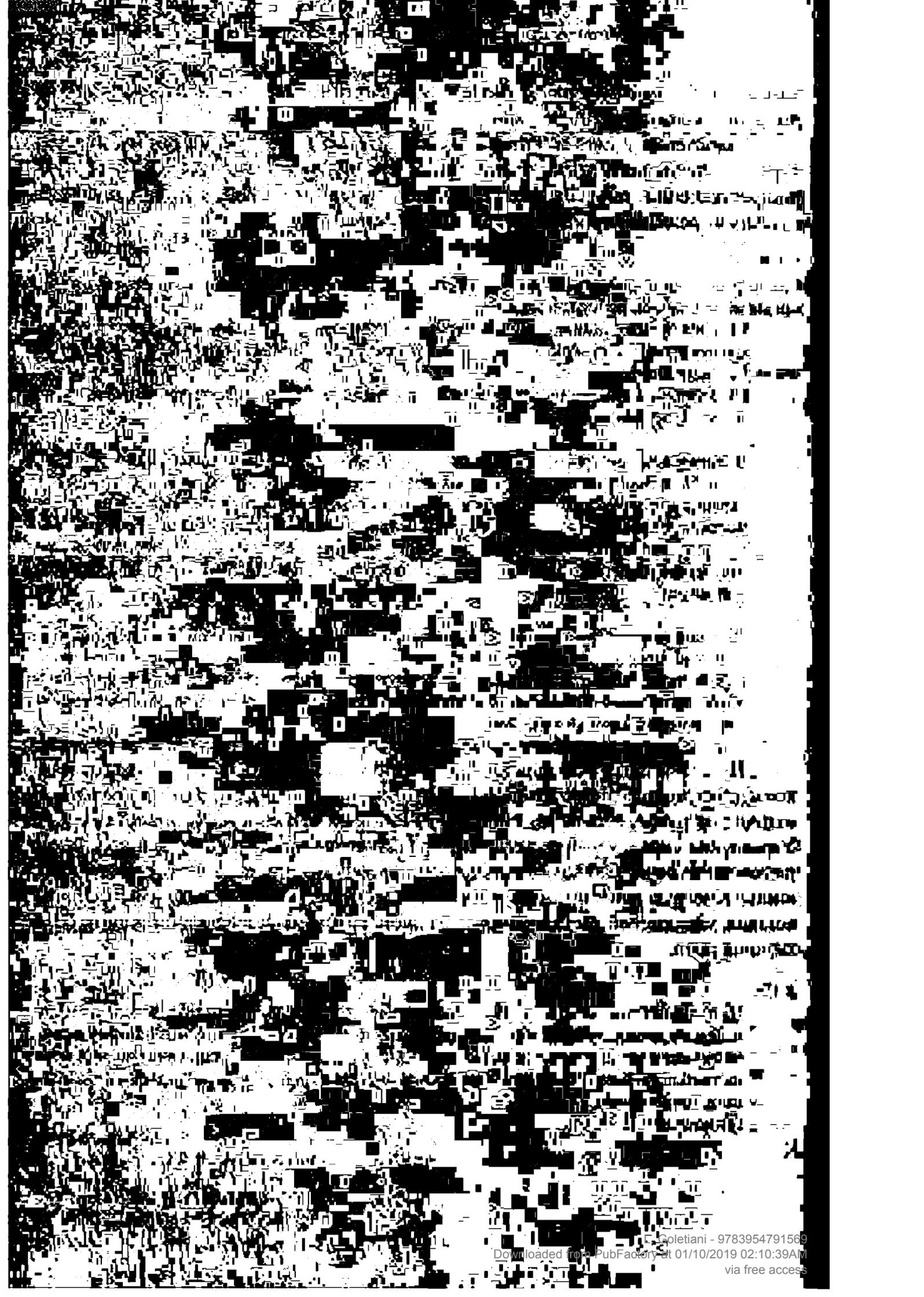
"Суржик виконує функцію соціальної, освітньо-культурної диференціації персонажів. Розмовні, просторічні елементи одержують подвійну оцінку в художньому творі: поперше, читач оцінює їх за критерієм нормативне – ненормативне слововживання, подруге – доцільне – недоцільне слововживання як засіб характеристичності виведеного у творі персонажа." (КУМ, 289).

Итак, нормативные украинские соответствия для рассматриваемого метакоммуникативного индикатора КН – это выражение *у розумінні (значенні)*. В отличие от русск. *в смысле*, оно практически не встречается в диалогах с КН. Украинские синтагмы продуктивны, прежде всего, в научной и деловой, но не разговорной речи. Следовательно, проблематичен и процесс автосемантизации аналогично русской синтагме *в смысле*. Следующая цитата – пример использования украинской метакоммуникативной синтагмы для антиципации КН в научной речи.

8.126

Це повинні були робити наші мовознавці, але що вдієш, коли вони не робили того, що належало, а часом виробляли таке, що тільки дискредитувало нашу літературну мову, відривало її від народного кореня, зате наближало до братньої російської мови (я маю на увазі всякі безглуздя, типу "землеробство", "землероб", "недолік" *у розумінні* хиби, вади, ганжу тощо).

(Тимошенко 1994, 6)

IX. РЕЗЮМЕ

Предмет предлагаемой работы – диалог с коммуникативной неудачей (КН). Ставится задача рассмотрения феномена КН в перспективе диалогического развития на материале русского и украинского языков. Это касается как закономерностей функционирования механизма преодоления КН в диалоге, так и других возможных последствий КН.

Феномен КН за историю своего осознанного лингвистической мыслью существования прошел путь от узко-специального концепта в теории речевых актов до одного из основополагающих понятий в нормальной речевой деятельности человека, нацеленной на понимание. Единицей речевой деятельности признается коммуникативный акт между говорящим и адресатом, а в центре коммуникативного акта находится речевой акт (РА). Понятие КН соотносится с коммуникативным актом (КА).

За основу дефиниции КН в данной работе берется лингвистическое понимание между собеседниками. Коммуникативный акт удачен, если сообщаемый смысл и коммуникативное намерение говорящего выражаются в производимом им РА таким образом, что адресат в результате интерпретации этого РА понимает смысл и получает правильное представление о коммуникативном намерении говорящего. Правильное – значит такое, к которому стремился говорящий. Для достижения правильного понимания (коммуникативной удачи) говорящий проделывает работу по кодированию, а адресат – по декодированию смысла, используя свои знания кода, знания о ситуации общения и об окружающем мире. Правильное понимание в условиях нормальной коммуникации признается возможным, но далеко не всегда достигаемым. Широкая распространенность КН в диалоге обуславливает актуальность их исследования.

В работе рассматриваются диалоги, в которых встречаются разные виды отклонения от правильного понимания: гипотетическое понимание, непонимание, неправильное понимание. Теоретически возможно выделение еще одной формы – 'неправильного непонимания', которое находит лишь условное подтверждение в диалоге с КН. Та или иная форма понимания/непонимания устанавливается на основании обоюдной (имплицитной или эксплицитной) оценки ментального состояния самих говорящих, сообщаемой в их репликах. Эти реплики образуют коммуникативно-функциональную единицу – диалогич-

ческую последовательность, на которую направлен основной интерес исследования.

Функционально-структурный анализ элементарной диалогической последовательности с КН позволил выделить в ней три обязательных компонента: 1) реплику-источник или инициальную реплику, 2) реплику-выявление, обнаруживающую КН, и 3) реплику-устранение, исправляющую КН. В качестве факультативного элемента выделяется реплика-рефлексия на КН. Речевые действия *выявление* и *устранение* КН обусловлены влиянием когнитивного императива понимания и регулируются кооперативными принципами общения. Те последовательности, в которых отсутствует один из обязательных элементов, считаются неполными и, в той или иной мере, нарушающими принципы кооперации. Кроме того, реальная диалогическая последовательность с КН не всегда вписывается в трехчленную элементарную структуру с соотношением один к одному. Это значит, что одну и ту же функцию могут выполнять две и более реплик. Так возникают многоходовые КН, среди которых выделяются сложные последовательности, состоящие из двух и более простых последовательностей. Возникновение встречной или повторной КН означает, что, соответственно, РВ или РУ оказались источниками новой КН, что они не выполняют своего выявляющего или устраняющего КН назначения, так как сами не могут быть правильно проинтерпретированы. В зависимости от того, как распределяются элементарные функции базовой последовательности между репликами сложной, простые последовательности в рамках сложной вступают в различные типы отношений: отношение пересечения, следования и вложенности. Развитие многосложных, затянувшихся КН может привести к возникновению экстралингвистического личного конфликта между собеседниками.

Три базовые реплики последовательности подверглись дифференцированному анализу. Реплики-источники представляют особый интерес в силу того, что содержат речевые единицы, рассматриваемые как собственно лингвистические причины КН. Создание причинной типологии КН не раз привлекало внимание исследований. Разнообразие и несовершенство типологий объясняется чрезвычайной многоаспектностью изучаемого феномена, отражающей комплексность самого коммуникативного акта. Наиболее оптимальным способом группирования лингвистических причин КН признается уровневый подход. Он позволяет представить речевые единицы РИ спектрально – как категории лексики, синтаксиса и высказывания, рассматриваемые в семантическом и прагматическом аспектах. Если какая-либо из этих категорий отличается продуктивностью в РИ, она признается фактором, способствующим возникновению КН в диалоге (КН-фактор). Предлагаемая типология КН-факторов отражает не только результаты эмпирического анализа данной работы, но и – для полноты картины – включает те факторы, которые назывались другими исследователями. Кроме того, каждый из КН-факторов влияет на логико-семантические характеристики высказывания – ясности, однозначности, точности, полноты и аномальности (неправильности).

Реплики-выявления различаются в зависимости от того, какая из форм понимания устанавливается на их основании. В центре внимания стоят специфические реплики выявления КН (реализация неспецифических реплик, которые обнаруживают для говорящего, что адресат его неправильно понял, не описывается). Так, непонимание имеет наиболее широкий иллокутивный спектр выражения: вопросы (вербальные и мимические), констатации и директивы. Различия иллокутивных значений не затмевают, однако, их общего прагматико-диалогического значения. Оно заключается в обнаружении для говорящего того факта, что адресату не удастся безоговорочно правильное понимание РИ и говорящий должен произвести дополнительные действия по устранению этой проблемы. Это значение метакоммуникативно по своей сути. Какими бы средствами не реализовывалась РВ, ее природа метакоммуникативна. В директивах и констатациях метакоммуникация – единственное средство создания предикации. В вопросах метакоммуникативные единицы могут отсутствовать или подвергаться эллиптическому сокращению.

Несмотря на прагматическую синонимию трех иллокутивных типов выявления КН, можно говорить о приоритетах их употребления. Как показал анализ, их применение предопределяется двумя моментами. С одной стороны – фактором КН в РИ. РВ не просто когезивны и когерентны с РИ, но КН-фактор в РИ отражается на форме реализации РВ. Так, можно проследить приоритетные связи между прагматическими КН-факторами в РИ и констатацией непонимания в РВ, между семантической неясностью в РИ – и денотативным запросом в РВ, между анафорическим замещением в РИ – и референциальным вопросом в РВ и т.д. С другой стороны, форма реализации РВ в значительной мере регулируется жанровыми и ситуативными экстралингвистическими особенностями КА. Общая закономерность может быть сформулирована следующим образом: с повышением информативности жанра и формальности ситуации вырастает доля выявления КН и удельный вес метакоммуникации в РВ. Не случайно, что именно констатации непонимания и директивы (просьбы об экспликации РИ) более характерны, например, для публичных и институциональных диалогов, а бытовой диалог обходится зачастую краткими предикационно-восполняющими вопросами. Если здесь и используется метакоммуникация, то она представлена, скорее, метакоммуникативными синтагмами, а не развернутыми метакоммуникативными конструкциями. Последние же – вне публичных диалогов – регулярно используются для выражения субъективно-модальных значений. Тем не менее, многочисленны случаи одинакового оформления РВ в противоположных жанровых и ситуативных условиях протекания КН. Это свидетельствует не только о прагматической универсальности отдельных речевых тактик выявления КН, но и о конвергенции речевых жанров, все чаще отмечаемой в исследованиях других аспектов жанровой проблематики.

Реплики-устранения (РУ) КН были проанализированы, прежде всего, в двух ретроспективных функционально-семантических отношениях. Первое – это отношение РУ к РВ. Здесь возможны три вида отношений. После реплики,

выявляющей неправильное понимание, РУ может содержать опровержение интерпретации адресата и/или противопоставление ей правильной интерпретации говорящего. После реплики, содержащей гипотетическое понимание, РУ содержит подтверждение/опровержение интерпретационной гипотезы и/или противопоставление неправильной гипотезы адресата и собственной правильной гипотезы говорящего. После реплики, выявляющей непонимание, РУ содержит указание правильной интерпретации. Эти три вида РУ не равноценны. Необходимым и достаточным является указание правильной интерпретации. Противопоставление является факультативным и сверхдостаточным. Опровержение является факультативным и недостаточным. Были рассмотрены основные модальные и служебные средства, используемые в двух языках для реализации этих подвидов устранения. Высокая продуктивность некоторых из этих средств способствует уточнению их системных значений.

Второе ретроспективное отношение РУ – это их отношение к РИ. Выделяются следующие доминантные типы: первичная вербализация, толкование/дефинирование, уточнение и экспликация. Типология РУ значительно осложняется если учитывать и способы реализации устранения КН: реформулировки, повторы, экземплификацию, перечисление, приведение синонимов, межъязыковые и стилистические переводы. Были установлены некоторые устойчивые зависимости между семантическим типом в РУ и логико-семантической характеристикой РИ, а также между способом реализации РУ и КН-фактором в РИ.

Уже при эмпирическом отборе стало ясным, что несколько обособленно от общей проблематики должны быть рассмотрены диалогические последовательности, отличающиеся от 'нормальных' или 'правильных' последовательностей с КН. Некоторую их часть составили неполные последовательности, в которых КН либо не выявляется и не устраняется, либо выявляется, но не устраняется (в том числе, замалчивается). Движимые разнообразными мотивами говорящий или адресат игнорируют таким образом принцип понимания. Как оказалось, пониманием часто пренебрегают в силу ситуативных причин, личных интересов или социально установленных норм поведения. Эти диалоги показывают, что принцип понимания – не самодовлеющий, он состоит в иерархических отношениях с другими принципами коммуникации и, шире, прагматической деятельности человека.

Более интересной в прагмалингвистическом аспекте является, однако, та часть 'ненормальных' последовательностей с КН, которая объединяет так называемые манипулятивные КН. К ним относятся различные диалоги, в которых, по меньшей мере, один из говорящих злоупотребляет принципом понимания. Это значит, что он под видом стремления к пониманию решает или пытается решить какие-либо другие коммуникативные задачи. Общим для манипуляций с КН признаком является нарушение условия искренности (максимы качества) по отношению к принципу понимания в реплике, производимой манипулянтom. В зависимости от того, какая из трех элементарных реплик является манипулятивной, выделяются три вида манипуляций: провокация КН, симуляция КН, манипулятивное устранение. Для идентификации манипуляций с КН предла-

гается ряд классификационных критериев. Они позволили разграничить собственно манипулятивные тактики и смежные с ними косвенные речевые действия (провокацию провизорной КН и нарочитое выявление КН).

Наиболее многочисленно представлены симуляции КН и смежное с ними нарочитое выявление (оно рассматривается как акт, косвенно реализующий другие иллокуции). Для анализа РИ, благоприятствующих возникновению симуляции и нарочитому выявлению оказался релевантным принцип вежливости. Прослеживается прямая зависимость между нарушением интересов лица адресата в РИ и симулятивностью в РВ. Установлено, что наиболее часто подвергается симуляции референциальная КН. Манипулятивные устраниения разделяются, в свою очередь, на лживые устраниения и двойные предикации *post factum*.

Несколько неожиданным результатом исследования можно считать следующее: диалог с КН чрезвычайно богат значениями субъективной модальности. Объективная модальность присуща РВ и РУ, выполняющим дескриптивную функцию и содержащим первичную оценку непонимания и неправильного понимания (*Я не понял; Вы меня неправильно поняли* и т.п.). Эта оценка направлена на процесс речепроизводства и речевосприятия, и означает выход говорящего на первую метапозицию. Для исследуемых диалогов характерна, однако, и вторичная оценка, направленная уже на то положение вещей, которое выражается на первом метауровне. Говорящие в РВ и РУ регулярно и, более или менее, экспрессивно выражают свое личное эмоциональное восприятие самого факта КН, что можно считать выходом на вторую метапозицию. И первичная и вторичная оценка порой выражается одними и теми же метакоммуникативными единицами. Установлено, что транспонирование прагматического значения для множества метакоммуникативных формул, свойственных диалогу с КН, конвенционализировано (ср. *Что ты хочешь сказать?* как искренний вопрос непонимания и как нарочитое непонимание, косвенно реализующее упрек, угрозу, и т.д.). Сдвиг значения устанавливается на основании ввода эмоциональных и экспрессивных модальных/метакоммуникативных единиц, порядка слов, особой интонации, заполнении актантной структуры метакоммуникативного глагола-предиката, словообразовательных средств и др.

Метакоммуникации, играющей важнейшую роль для поддержания и восстановления понимания в диалоге с КН, была посвящена отдельная глава. Наиболее продуктивные метакоммуникативные единицы двух языков были проанализированы с точки зрения их использования во всех видах реплик диалогической последовательности с КН. Соответственно можно говорить об использовании метакоммуникации в функциях предвосхищения, обнаружения и коррекции КН. В зависимости от роли метакоммуникативной единицы в высказывании, были разграничены два оппозитивных способа ее употребления: облигаторный и сопроводительный. Метакоммуникативные единицы были охарактеризованы, кроме того, как относительно их универсальности/специализации в речевых жанрах, так и относительно их функций в элементарных репликах исследуемой диалогической последовательности.

RESÜMEE

Gegenstand der vorliegenden Arbeit ist das kommunikative Misslingen (KM) im russisch- und ukrainischsprachigen Dialog. Das KM wird aus der Perspektive der Entwicklung von Dialogen beschrieben. Es geht dabei insbesondere um den Mechanismus des KM-Beseitigens, aber auch um andere Folgen des KM in der mündlichen sprachlichen Interaktion.

Das KM wird in der neueren Linguistik nicht mehr nur im Rahmen eines engen sprechakttheoretischen Konzepts verstanden, sondern als grundsätzliches Phänomen menschlicher kommunikativer und d. h. auf Verständigung zielender Tätigkeit betrachtet. Als Einheit der sprachlichen Kommunikation wird der kommunikative Akt (KA) zwischen Sprecher und Adressaten angesehen, dessen Zentrum ein sprachliches Ereignis in der Form des Sprechaktes (SA) ist. Der Begriff des KM ist dem KA zugeordnet.

Zur Definitionsgrundlage des KM dient in dieser Arbeit die sprachliche Verständigung zwischen Sprecher und Adressaten. Ein KA gilt als gelungen, wenn der zu vermittelnde Sinn und die kommunikative Absicht vom Sprecher in seinem SA in der Art und Weise zum Ausdruck gebracht werden, dass der Adressat in seiner Interpretation des SA dessen Sinn 'richtig' versteht und sich eine 'richtige' Vorstellung von der kommunikativen Absicht des Sprechers bildet. 'Richtig' meint so, wie es der Sprecher intendiert hat. Damit der KA gelingen, also 'richtig' verstanden werden kann, müssen Sprecher und Adressat das Kommunikat mit ihrer jeweiligen Sprachkompetenz, ihrer Einschätzung der Kommunikationssituation und ihrem Weltwissen übereinstimmend kodieren bzw. dekodieren. Das Gelingen eines KA kann unter normalen Kommunikationsbedingungen als erreichbar angenommen werden. Es wird aber in der alltäglichen Kommunikation oft nicht erreicht. Gerade die beobachtbare Frequenz des KM im mündlichen Dialog hat seine Untersuchung entscheidend motiviert.

Es werden Dialoge untersucht, die drei Abweichungsformen vom Gelingen aufweisen: hypothetisches Verstehen, Nichtverstehen, Falschverstehen. Rein theoretisch lässt sich noch eine vierte Form – 'unrichtiges Nichtverstehen' – anfügen, die jedoch im Korpus nur bedingt auch empirisch nachzuweisen ist. Jede Form wird auf Grund von reziproken Sprechereinschätzungen über das eigene Verstehen und das des Dialogpartners identifiziert. Die Einschätzungen werden den Repliken beider Gesprächspartner entnommen. Diese Repliken bilden die kommunikativ-funktionale Einheit einer Dialogsequenz mit KM, auf die sich das Hauptaugenmerk der Untersuchung richtet.

Im Hinblick auf die funktionale Grundstruktur enthält die elementare Dialogsequenz drei obligatorische Komponenten: 1) KM auslösende Initialreplik (IR); 2) KM aufdeckende Replik (AR); 3) KM beseitigende Replik (BR). Eine fakultative Komponente stellt die reflexive Replik (RR) dar. Die AR und BR werden durch das kognitive und kommunikative Verstehensprinzip determiniert und von den Prinzipien der kommunikativen Kooperation reguliert. Die Sequenzen, in denen eine der obliga-

torischen Komponenten fehlt, werden als unvollständig und die Kooperationsprinzipien verletzend eingestuft. Darüber hinaus gibt es zahlreiche Sequenzen, deren Struktur mit der elementaren dreigliedrigen Grundstruktur in keinem 1:1-Verhältnis steht. Das heißt, dass mindestens eine der elementaren Replikfunktionen von zwei oder mehr Repliken des empirischen Dialogs erfüllt wird. Auf diesem Wege entstehen mehrzügige KM-Sequenzen, innerhalb derer sich zusammengesetzte Sequenzen (die aus einfachen Sequenzen bestehen) unterscheiden lassen. Das Entstehen eines gegenläufigen bzw. wiederholten KM bedeutet, dass AR oder BR der initialen Sequenz zur IR des erneuten KM geworden sind und somit ihre Reparaturfunktion nicht erfüllt haben. Der Reparaturversuch ist seinerseits misslungen. Abhängig von der Distribution der Grundfunktionen in der zusammengesetzten Sequenz entstehen zwischen den einfachen Sequenzen drei Arten von Strukturbeziehungen: Kreuzung, Nachfolge und Einlage. Mehrfaches zusammengesetztes KM entwickelt sich nicht selten zu extralinguistischen persönlichen Konflikten zwischen den Dialogpartnern.

Drei Grundrepliken wurden differenziert und in Bezug auf ihre Realisierung analysiert. IR sind deswegen von besonderem Interesse, weil sie diejenigen Spracheinheiten enthalten, die als sprachliche Quellen eines KM untersucht werden können. Eine Typologie von KM-Ursachen war schon mehrmals der Gegenstand linguistischer Studien. Die Mannigfaltigkeit und eine gewisse Unvollkommenheit solcher Typologien erklärt sich vor allem aus der Vielschichtigkeit des Phänomens selbst, das die Komplexität von KA widerspiegelt. Als am besten geeignetes Prinzip, die Erscheinungen des 'durch Sprache' verursachten KM zu ordnen, erwies sich die Spektralisierung von Kategorien auf unterschiedlichen Betrachtungsebenen, denn die jeweilige Spracheinheit kann – wenn relevant – gleichzeitig auf der lexikalischen und syntaktischen Ebene und der Ebene der Äußerung auftreten sowie unter semantischem und pragmatischem Aspekt betrachtet werden. Führt eine Spracheinheit in der IR produktiv zu KM, hat sie den Status eines 'KM-Faktor'. Um eine größere Einsicht in die Problematik zu ermöglichen, schließt die vorgeschlagene Typologie zudem nicht nur Ergebnisse der eigenen empirischen Analysen, sondern auch die von anderen Autoren diskutierten KM-Faktoren mit ein. Darüber hinaus kann sich jeder der KM-Faktoren auf die logisch-semantischen Eigenschaften einer Äußerung (Klarheit, Eindeutigkeit, Präzision, Vollständigkeit und Richtigkeit) auswirken.

AR unterscheiden sich abhängig davon, was für eine Verstehensform durch sie identifiziert wird. So hat das Nichtverstehen das breiteste illokutive Ausdrucksspektrum: Fragen (verbale und mimische), Feststellungen und Direktive. Unterschiede in der Illokutionsbedeutung verdunkeln jedoch nicht die pragma-dialogische Funktion der Replik, die den Sprecher das Misslingen der Interpretation der IR seitens des Adressaten erkennen lassen soll, so dass er sich weiter um eine Lösung des Kommunikationsproblems bemüht. Diese Bedeutung der AR ist grundsätzlich metakommunikativ unabhängig davon, mit welchen Mitteln sie realisiert wird. In Direktiven und Feststellungen wird ausschließlich explizit metakommunikativ prädiert. Fragen können auch in nur impliziter Form metakommunikativ sein.

Trotz der prinzipiellen pragmatischen Synonymie der drei illokutiven AR-Typen, hat jeder davon hat seine Einsatzpräferenzen. Diese werden auf zweierlei Art und Weise determiniert. Die AR kann nicht nur mit der IR kohäsiv und kohärent sein, sondern der KM-Faktor kann sich in der Form der AR widerspiegeln. So lassen sich besonders produktive Korrelationen zwischen der Realisierungsform der AR und dem KM-Faktor in der IR feststellen: die Nichtverstehens-Feststellungen in der AR folgen vor allem den sogenannten pragmatischen KM-Faktoren in der IR; die semantische Unklarheit in der IR wird meistens durch eine 'denotative' Frage aufgedeckt; Anaphern in der IR, die zu einem referenziellen KM führen, werden durch die Frage nach dem Referenten repariert.

Die Realisierungsform der AR kann aber ebenso auch wesentlich auf extralinguale situative und durch Redegenre bedingte Parameter des KA zurückzuführen sein. Im allgemeinen sieht diese Korrelation folgendermaßen aus: je höher der Informationsgrad des Redegenres und die Institutionalisierung des Dialogs ist, desto stärker kommen metakommunikative Mittel in der AR zum Einsatz. Es ist also kein Zufall, dass informative und intellektuelle Genres (z.B. öffentliche und institutionelle Dialoge) die AR-Form von Nichtverstehens-Feststellungen und Direktiven (Bitten um Explikation von IR) stärker aufweisen, während die phatischen Redegenres (z.B. Alltagsdialog in der Familie, Plaudern unter Freunden) durch kurze Fragen zur Prädikationsvervollständigung gekennzeichnet sind. In den letztgenannten Genres ist die Metakommunikation zwar ausgesprochen präsent, sie ist hier aber mehr durch autosemantische Syntagmen vertreten als durch vollständige Konstruktionen. Vollständige Konstruktionen, die die maximale Aktanzahl beim metakommunikativen Prädikatsverb enthalten, sind in der privaten Kommunikation meist Ausdruck von subjektiv modalen Bedeutungen. Dessen ungeachtet sind aber auch zahlreiche Belege für gleiche AR-Realisierungen bei entgegengesetzten Genres und Kommunikationssituationen nachweisbar. Das spricht nicht für die pragmatische Universalität einiger Redetaktiken, sondern auch für die fortschreitende Konvergenz zwischen den Redegenres, die in letzter Zeit auch in Untersuchungen zu anderen Aspekten der Genreproblematik vermehrt beobachtet werden konnte.

BR wurden hauptsächlich in zwei retrospektiven funktional-semantischen Beziehungen analysiert. Zunächst wurde die Beziehung der BR zur AR betrachtet. Diese Beziehung weist drei Typen von Korrelationen auf. Auf die Replik, die das Falschverstehen aufdeckt, kann die BR eine Widerlegung der Interpretation des Adressaten und/oder eine Gegenüberstellung der Interpretation des Sprechers und der des Adressaten enthalten. Auf die Replik, die hypothetisches Verstehen darstellt, kann die BR eine Bestätigung bzw. Widerlegung der Interpretation des Adressaten und/oder eine Gegenüberstellung der Interpretation des Sprechers und der des Adressaten enthalten. Auf die Replik, die Nichtverstehen aufdeckt, gibt die BR die richtige Interpretation der Sprecheräußerung an. Diese drei Handlungen der BR ('Widerlegung', 'Gegenüberstellung' und 'Angabe') haben unterschiedliche Beseitigungskraft. 'Angabe' ist notwendig und hinreichend, 'Gegenüberstellung' ist fakultativ und mehr als hinreichend, 'Widerlegung' ist fakultativ und nicht hinreichend. Um diese Handlungen zu vollziehen werden bestimmte Modal- und sonstige Hilfsörter

eingesetzt, deren Verwendung für beide Sprachen beschrieben wird. Die hohe Frequenz des Vorkommens einiger dieser Sprachmittel in den betrachteten Repliken erlaubt, deren systemische Bedeutungen zu präzisieren.

Die andere – ebenfalls retrospektive – funktional-semantische Beziehung von BR entsteht zwischen der BR und der IR. Folgende dominante Typen können unterschieden werden: erste Verbalisierung, Erklärung/Definition, Präzisierung und Explikation. Die Typologie wird in hohem Maße komplex, wenn in der Klassifikation auch Beseitigungstaktiken berücksichtigt werden: Reformulierung, Wiederholung, Exemplifikation, Aufzählung, Einführung von Synonymen, zwischensprachliche und stilistische Übersetzungen. Es lassen sich ausgeprägte Korrelationen zwischen dem semantischen Typ der BR und der logisch-semantischen Eigenschaft der IR, sowie zwischen der Beseitigungstaktik der BR und dem KM-Faktor in der IR feststellen.

Schon bei der Erstellung des Korpus wurde deutlich, dass ein Teil der Dialogsequenzen aus der Hauptproblematik der Arbeit herausführt. Gemeint sind Sequenzen, die von der 'richtigen' oder 'normalen' Sequenz mit KM formal und/oder inhaltlich abweichen. Einen Teil davon bilden unvollständige Sequenzen, in denen das KM nicht aufgedeckt und nicht beseitigt bzw. aufgedeckt, aber nicht beseitigt (inkl. verschwiegen) wird. In ihnen ignorieren der Sprecher oder der Adressat – aus unterschiedlichen Motiven – das Verstehensprinzip. Die sprachliche Verständigung wird oft aus situativen, persönlichen und sozial bedingten Gründen absichtlich vernachlässigt. Diese Dialoge zeigen, dass Verstehen kein Selbstzweck ist, sondern in ein hierarchisches System von Prinzipien der Kommunikation und darüber hinaus der ganzen pragmatischen Tätigkeit des Menschen eingebunden ist.

Einen anderen Teil von 'nicht normalen' KM-Sequenzen bildet sogenanntes manipulatives KM, das aus pragmlinguistischer Sicht interessanter ist. Dazu gehören Dialoge, in denen mindestens ein Kommunikationspartner das Verstehensprinzip nicht nur ignoriert, sondern auch missbraucht. Der Manipulant gibt Verständigung als Ziel seiner kommunikativen Handlung vor, in der Tat sucht er jedoch andere kommunikative Ziele zu erreichen. Trotz der Heterogenität seiner Erscheinungen kann man ein eindeutiges Identifizierungskriterium des manipulativen KM festlegen: alle Manipulationen mit KM verletzen die Maxime der Qualität, also die Bedingung der Aufrichtigkeit in Bezug auf das Verstehensprinzip. Abhängig davon, in welcher der drei Grundrepliken diese Verletzung vorkommt, unterscheiden sich provokatives KM (Manipulation in der IR), simulatives KM (Manipulation in der AR) und manipulative Beseitigung. Es wird eine Reihe von Identifikationsverfahren entwickelt, die echte manipulative Taktiken von Grenzfällen wie vor allem indirekten Sprechakten (Provokation eines provisorischen KM und vorsätzliches Aufdecken von KM) abgrenzen.

Die größte Gruppe von manipulativem KM bilden simulative AR und das vorsätzliche Aufdecken von KM, das als indirekter Sprechakt andere kommunikative Absichten realisiert. Um festzustellen, ob die Simulationen des Adressaten durch Sprechhandlungen des Sprechers begünstigt oder sogar hervorgerufen sein können, werden auch IR im simulativen KM zur Analyse herangezogen. Relevant ist in diesem Zusammenhang das Prinzip der Höflichkeit. Unschwer lässt sich die

Abhängigkeit der simulativen und vorsätzlichen AR von der Verletzung der Adressateninteressen und -Images in der IR erkennen. Am häufigsten wird das referentielle KM simuliert. Dabei wird vom Simulanten aus dem ganzen Paradigma von referentiellen AR-Taktiken hauptsächlich die Metakommunikation bevorzugt. Das Scheitern von Simulationen mit KM kann in einen persönlichen Konflikt übergehen, was indirekt die Wirksamkeit des Qualitätspostulats in einer Sprecher-gemeinschaft bestätigt.

Die Analyse des Dialogs mit KM führt zu einem einigermaßen überraschenden Ergebnis: die Grundrepliken, die ursprünglich als ein sprachlicher Routine-mechanismus konzipiert waren, weisen ausgesprochen viele subjektive modale Bedeutungen auf. Die objektive Modalität ist für AR und BR a priori charakteristisch, welche – die deskriptive Funktion erfüllend – eine Bewertung in Bezug auf das Verstehen enthalten (*Ich habe nicht verstanden; Sie haben mich falsch verstanden* usw.). Diese – primäre – Bewertung markiert den Übergang der Kommunikation auf die erste Meta-Ebene. Aber für die analysierten Repliken ist auch eine weitere oder sekundäre Bewertung charakteristisch, die sich auf den Sachverhalt der primären Bewertung richtet. Dialogpartner bringen häufig und mehr oder weniger expressiv ihre emotionelle Wahrnehmung zum Ausdruck, dass etwas nicht bzw. falsch verstanden wurde, dass Nichtverstehen aufgedeckt bzw. Falschverstehen in einer konkreten Form korrigiert wurde usw. Das kann man als Übergang zur zweiten Meta-Ebene betrachten.

Beide Bewertungen werden oft mit Hilfe derselben metakommunikativen Einheit vollzogen. Die Transponierung der pragmatischen Bedeutung wird in mehreren metakommunikativen Formeln, die regulär in der Sequenz mit KM vorkommen, konventionalisiert (vgl. *Was willst Du damit sagen?* als eine echte Nichtverstehens-Frage und als ein vorsätzliches Nichtverstehen, das indirekt einen Vorwurf oder sogar eine Drohung realisiert), so dass die sekundäre Bedeutung mit der primären nicht nur konkurriert, sondern sie verdrängt, also ihren Status ändert. Die Wandlung der pragmatischen Bedeutung der AR bzw. BR lässt sich auf Grund von eingesetzten expressiven modalen und metakommunikativen Wörtern, der Wortfolge, spezifischer Intonation, Wortbildungsmitteln und – nicht zuletzt – der Aktantenzahl des kommunikativen Prädikatsverbs beschreiben.

Im letzten Kapitel wird die Metakommunikation im KM als das wichtigste Mittel der Verstehenssicherung und -reparatur beschrieben. Die produktivsten metakommunikative Einheiten beider Sprachen werden in allen Typen von Repliken der dialogischen Sequenz mit KM betrachtet. Die Metakommunikation kann prophylaktisch, aufdeckend, korrektiv und reflexiv in Bezug auf KM sein. Dabei sind zwei Gebrauchsweisen möglich: obligatorische (oder prädikative) und begleitende. Außerdem werden metakommunikative Mittel nach ihrer Einsatzfähigkeit in verschiedenen Redegenres dargestellt.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библиография на кириллице

Антоненко-Давидович, Борис

1994 Як ми говоримо. Київ.

Артемов, В. А.

1960 Экспериментальная фонетика за сорок лет (1917-1957). Ученые записки МГПИИЯЗ, т. XVIII, 14-й сборник трудов лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи. Москва.

Арутюнова, Н. Д.

1985 Об объекте общей оценки. В: Вопросы языкознания 3. 13-24.

1988 Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва.

1999 Язык и мир человека. Москва.

Апресян, Ю. Д.

1974 Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва.

1986 Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. В: Семиотика и информатика 28. Москва.

Балли, Ш.

1955 Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.

Баранов, А. Н./Добровольский, Д. О.

1997 Постулаты когнитивной семантики. В: Известия АН. Серия литературы и языка 56. 11-21.

Баранов, А. Н./Кобозева, И. М.

1988 Модальные частицы в ответах на вопрос. В: Н. Д. Арутюнова (под ред.), Прагматика и проблемы интенциональности. Москва, 45-69.

Бахтин, М. М.

1986 Проблема речевых жанров В: М. М. Бахтин, Эстетика словесного творчества. Москва.

Бергельсон, М. Б./Кибрик, А. Е.

1981 Прагматический "принцип приоритета" и его отражение в грамматике языка. В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка 40. 343-355.

- Білодід, І. К./Грищенко, А. Р.
1967 Українське усне літературне мовлення. Київ 1967.
- Блох, М. Я.
2000 Диктема в уровневой структуре языка. В: Вопросы языкознания 4. 56-68.
- Богуславская, О. Ю.
1985 Учет базы знаний адресата в процессе номинации и референции. В: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 18-26.
- Булыгина, Т. В.
1981 О границах и содержании прагматики. В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка 40. 333-342.
- Булыгина, Т. В./Климов, Г. А.
1972 Уровни языковой структуры В: В общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва.
- Булыгина, Т. В./Шмелев, А. Д.
1990 Аномалии в тексте: проблемы интерпретации В: Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Москва.
- Буторов, В. Д.
1996 Моделирование синтаксиса естественного языка. В: А. С. Герд. (Отв. ред.), Прикладное языкознание. Санкт-Петербург, 142-160.
- Виноград, Т./Флорес, Ф.
1996 Понимание и бытие. В: В. В. Петров (Сост.), Язык и интеллект. Москва, 185-230.
- Винокур, Т. Г.
1993а Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных целей говорящего и слушающего. В: Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 5-28.
1993б Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. Москва.
- Гадамер, Х.-Г.
1988 Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва.
- Гак, В. Г.
1994 Речевые рефлексы с речевыми словами. В: Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва, 6-10.
- Гафт, Р. И.
1985 Диалогические реакции как отражение восприятия речевого акта. В: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 110-126.

- Герд, А. С.
1996 Прикладное языкознание. Учебник. Санкт-Петербург.
- Гловинская, М. Я.
1993 Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. В: Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 158-218.
- Голанова, Е. И.
1996 О современном публичном диалоге. В: Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. Москва, 142-150.
- Голетиани, Л.
1996а О речевом выявлении и преодолении коммуникативной неудачи (на материале русского и украинского диалога). В: G. Freidhof/ H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität 2* (= *Specimina philologiae slavicae*, Bd. 108). München, 133-152.
1996б Коммуникативная неудача как средство достижения комического эффекта в анекдоте. Прагматический аспект. В: G. Freidhof/ H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität 3* (= *Specimina philologiae slavicae*, Bd. 111). München, 63-80.
- Голуб, И. Б./Розенталь, Д. Э.
→ Розенталь, Д. Э./Голуб, И. Б.
- Городецкий, Б. Ю./Кобозева, И. М./Сабурова, И. Г.
1985 К типологии коммуникативных неудач. В: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 64-78.
- Гребенюк, Н. Н.
1996 К вопросу о структурировании дискурса: разрешение неоднозначности высказывания диалогической речи. В: Система мови та мовленнєва діяльність (= Вісник Харківського університету 386). Харків, 35-38.
- Гріщенко, А. Р./Білодід, І. К.
→ Білодід, І. К./Гріщенко, А. Р.
- Дементьев, В. В.
1999 Фатические речевые жанры. В: Вопросы языкознания 1. 37-57.
- Демина, Ю. В.
2000 Аллюзия в немецкоязычном рекламном тексте. В: Вестник СПбГУ. Серия 2. Выпуск 3. №18. 67-74.

Демьянков, В. З.

- 1981 Прагматические интерпретации высказывания. В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка 40. 368-377.

Диненберг, Ф.Г.

- 1985 Коммуникативная триада как базовая составляющая структуры диалога. В: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 101-109.

Дмитровская, М. А.

- 1985 Механизмы понимания и употребление глагола понимать. В: Вопросы языкознания 3. 98-107.

Добровольский, Д. О./Баранов, А. Н.

- Баранов, А. Н./Добровольский, Д. О.

Емельянова, О. В.

- 1992 Коммуникативные неудачи при идентификации референта. В: В. В. Бурлакова (Сост.), Трехаспектность грамматики (на материале английского языка). Сборник статей. Санкт-Петербург, 97-114.

Ермакова, О. Н./Земская, Е. А.

- 1993 К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В: Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 30-64.

Загнітко, А. П.

- 1994 Позиційна модель речення і валентність дієслова. В: Мовознавство 2-3. 48-56.

Зализняк, Анна А.

- 2000 Глагол говорить: Три этюда к словесному портрету. В: Н. Д. Арутюнова (Под ред.), Язык о языке. Москва, 381-402.

Земская, Е. А.

- 1973 Русская разговорная речь. Введение. Москва.

Земская, Е. А./Ермакова, О. Н.

- Ермакова, О. Н./Земская, Е. А.

Золотова, Г.А.

- 2000 Понятие личности/безличности и его интерпретации. В: Russian Linguistics 24. 103-115.

Йокояма, Ольга

- 1998 Коммуникативные неудачи в рамках трансакционной модели дискурса. В: Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. Москва, 122-130.

Кибрик, А. Е./Бергельсон, М. Б.

→ Бергельсон, М. Б./Кибрик, А. Е.

Кирпичникова, Н. В.

1970 О синтаксическом термине *пояснение*. В: Исследования по современному русскому языку. Москва, 96-112.

Климов, Г. А./Булыгина, Т. В.

→ Булыгина, Т. В./Климов, Г. А.

Кобозева, И. М.

2000 Две ипостаси содержания речи: *значение и смысл*. В: Н. Д. Арутюнова (Под ред.), Язык о языке. Москва, 303-362.

Кобозева, И. М./Баранов, А. Н.

→ Баранов, А. Н./Кобозева, И. М.

Кобозева, И. М./Городецкий, Б. Ю./Сабурова, И. Г.

→ Городецкий, Б. Ю./Кобозева, И. М./Сабурова, И. Г.

Кобозева, И. М./Лауфер, Н. И.

1994 Интерпретирующие речевые акты. В: Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва, 63-71.

Ковтунова, И. И.

1976 Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. Москва.

Кодзасов, С. В.

1996 Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре. В: Ю. Н. Караулов/М. В. Ляпон (Под ред.), Словарь, грамматика, текст. Москва, 97-111.

Козимица, В. Н.

2000 Прагмалингвистические особенности реализации гибких тактик ведения разговора. В: Вестник СПбГУ. Серия 2. Выпуск 2. № 9. 113-115.

Крейдлин, Г.

2002 Женское и мужское невербальное интерактивное поведение (межкультурный аспект). В: J. van Leeuwen-Turnovcová/K. Wullenweber/U. Doleschal/F. Schindler (Hrsg.), Gender-Forschung in der Slawistik (= Wiener Slawistischer Almanach; Sonderband 55). Wien, 55-68.

Кукушкина, О. В.

1998 Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. Москва.

Лауфер, Н. И./Кобозева, И. М.

→ Кобозева, И. М./Лауфер, Н. И.

Лампрехт, Р.-Р./Хлебда, В./Шубина, Н.

- 1999 За порогом языкового конфликта. Международный проект по описанию русской устной спонтанной речи. В: Русистика 1-2. 68-74.

Макеева, И. И.

- 2000 Языковые концепты в истории русского языка. В: Н. Д. Арутюнова (Под ред.), Язык о языке. Москва, 63-155.

Мечковская, Н. Б.

- 2001 В философско-семиотическом макромире лингвистики (рец. на: Н. Д. Арутюнова, Язык и мир человека. Москва, 1999). В: Russian Linguistics 25. 85-103.

Москальская, О. И.

- 1981 Грамматика текста. Москва.

Москвин, В. П.

- 2001 Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. В: Вопросы языкознания 3. 58-70.

Нечаева, В.

- 1996 Изменения в лексическом составе современного русского языка и нарушение узуса. В: Н. Spraul/W. Peters (Подг. к изд.), Русский язык в переломное время: 1985-1995гг. Выступления на VIII Международном конгрессе МАПРЯЛ, Регенсбург (Германия), 1994 год (= Specimina philologiae slavicae, Supplementband 50). München, 113-121.

Нещименко, Г. П.

- 2001 Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития. В: Вопросы языкознания 1. 98-132.

Ни, Юань

- 1999 Способы иллокутивного согласования реплик в диалогах несогласия. В: Русский язык за рубежом 3.

Николаева, Т. М.

- 1985 Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. Москва.
- 1990 О принципе "некооперации" и/или о категориях социолингвистического воздействия. В: Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность в тексте. Москва, 225-235.

Норман, Б. Ю.

- 1998 Понимание текста и синтаксическая "предыстория" высказывания. В: Russian Linguistics 22. 1-12.

Остин, Дж. Л.

- 1986 Слово как действие. В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. Москва, 22-130.

Падучева, Е. В.

- 1974 О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). Москва.
- 1982а Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрлла. В: Семиотика и информация 18. Москва, 76-119.
- 1982б Прагматические аспекты связности диалога. В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка 41. 305-313.
- 1982в Значение и синтаксические функции слова это. В: Проблемы структурной лингвистики. Москва.
- 1985 Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва.
- 1992 Глаголы действия: толкование и сочетаемость. В: Логический анализ языка. Модели действия. Москва.

Переверзев, К. А.

- 1998 Прагматика и выбор. В: Russian Linguistics 22. 257-273.

Перцов, Н. В.

- 2000 О неоднозначности в поэтическом языке. В: Вопросы языкознания 3. 55-82.

Потебня, А. А.

- 1997а Из записок по теории словесности. Слово и его свойства. Речь и понимание. В: В. П. Нерознак (Под ред.), Русская словесность. Антология. Москва, 66-75.
- 1997б Мысль и язык. В: В. П. Нерознак (Под ред.), Русская словесность. Антология. Москва, 51-65.

Ратмайр, Рената

- 1998 Простите, если что не так, или о формах извинения в русской устной речи. В: Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. Москва, 285-297.

Розенталь, Д. Э./Голуб, И. Б.

- 1998 Секреты стилистики. Правила хорошей речи. Москва.

Руднев, В. П.

- 1999 Словарь культуры XX века. Москва.

Сабурова, И. Г./Городецкий, Б. Ю./Кобозева, И. М.

- Городецкий, Б. Ю./Кобозева, И. М./Сабурова, И. Г.

Сёрен, Питер

- 2001 Пресуппозиция, отрицание и трехзначная логика. В: Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология 2. 117-160.

Серль, Дж. Р.

- 1986 Что такое речевой акт? В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. Москва, 151-169.

Сиротинина, О. Б.

- 1999 Современный публицистический стиль русского языка. В: Русистика 1-2. 5-17.

Степанов, Ю. С.

- 1981 В поисках прагматики (Проблема субъекта). Известия АН СССР. Серия литературы и языка 40. 325-332.

Тарский А.

- 1918 Введение в логику и методологию дедуктивных наук. Москва.

Телия В. Н.

- 1977 Вторичная номинация и ее виды. В: Языковая номинация (Виды наименований).

Федосюк, М. Ю.

- 1997 Нерешенные вопросы теории речевых жанров. В: Вопросы языкознания 5. 102-120.

Фоллесдаль, Дагфинн

- 1986 Понимание и рациональность. В: Новое в зарубежной лингвистике, выпуск XVIII. Логический анализ естественного языка. Москва, 138-159.

Фрайдхоф, Герд

- 1995а Разговорные сигналы планового членения в диалогах художественной литературы. В: Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Сборник статей. Мюнхен, 25-49.

- 1995б Метаязыковые сигналы начала реплики как средство иллокутивной задержки и иллокутивной блокады. В: Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Сборник статей. Мюнхен, 49-65.

- 1995в Типы диалогической связности и иллокутивная блокада (на основе русских и чешских примеров). В: Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Сборник статей. Мюнхен, 81-104.

Хлебда, В./Лампрехт, Р.-Р./Шубина, Н.

- Лампрехт, Р.-Р./Хлебда, В./Шубина, Н.

Хомский, Н.

- 1962 Синтаксические структуры. В: Новое в лингвистике, вып. II. Москва.

Чередниченко, Т.

- 1999 Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. Москва.

Чернцова, Е. В.

- 1992 О семантической структуре высказывания с частицей "просто". В: Сборник научных работ аспирантов ХГУ (Гуманитарные науки). Харків, 248-252.

Шведова, Н. Ю.

- 1960 Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва.

Шмелев, А. Д./Булыгина, Т. В.

- Булыгина, Т. В./Шмелев, А. Д.

Шубина, Н./Лампрехт, Р.-Р./Хлебда, В.

- Лампрехт, Р.-Р./Хлебда, В./Шубина, Н.

Эко, Умберто

- 1999 Заметки на полях "Имени розы". Фигура умолчания. В: У. Эко, Имя розы. Санкт-Петербург, 619-620.

Янко, Т. Е.

- 1994 Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений. В: Вопросы языкознания 6. 37-59.
- 1999 О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка). В: Вопросы языкознания 4. 28-55.

2. Библиография на латинице

Adamzik, Kirsten

- 1995 Dialoganalyse: eine Disziplin auf der Suche nach ihrer Identität. In: F. Hundsnurscher/E. Weigand (eds), Future perspectives of dialogue analysis. Tübingen, 35-78.

Akmajan, A./Demers, R. A./Harnish, R. M.

- 1981 Linguistics. An introduction to Language and Communication. Cambridge.

Akmajan, A./Demers, R. A./Farmer, A. K./Harnish, R. M.

- 1996 Linguistica. Introduzione al linguaggio e alla comunicazione. Bologna.

Austin, J. L.

- 1962 How to do things with words. Cambridge.

Ballmer, Thomas T.

- 1979 Probleme der Klassifikation von Sprechakten. In: G. Grewendorf (Hrsg.), Sprechakttheorie und Semantik. Frankfurt/M., 247-273.

Barbe, Katharina

- 1995 Irony in context. (= Pragmatic & beyond, new ser. 34) Amsterdam, Philadelphia.

Bazzanella, Carla

- 1992 Dialogic repetition. In: E. Weigand (Hrsg.), Dialoganalyse IV (I). Basel, 285-294.

Bazzanella, Carla/Damiano, Rossana

- 1997 Il fraintedimento linguistico nelle interazioni quotidiane: proposte di classificazione. In: *Lingua e stile* 32. 173-200.
1999 The interactional handling of misunderstanding in everyday conversations. In: *Journal of Pragmatics* 31. 817-836.

Bennett, Jonathan

- 1976 *Linguistic Behavior*. Cambridge.
1982 *Sprachverhalten*. Frankfurt/M.

Biere, Bernd U.

- 1991 *Textverstehen und Textverständlichkeit* (= Studienbibliographien Sprachwissenschaft 2). Heidelberg.
1994 *Verstehen und Beschreiben von Dialogen*. In: G. Fritz/F. Hundsnurscher (Hrsg.), *Handbuch der Dialoganalyse*. Tübingen, 155-175.

Bock-Iwaniuk, Kira von/Grimm, Anja/Unrath, Kathrin

- Grimm, Anja/Unrath, Kathrin/Bock-Iwaniuk, Kira von

Brinker, Klaus

- 2000 (Hrsg.), *Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd 16.1). Berlin, New York.
2001 (Hrsg.), *Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd 16.2). Berlin, New York.

Brinker, K./Sager, S.

- 1989 *Linguistische Gesprächsanalyse: eine Einführung* (= Grundlagen der Germanistik, 30). Berlin.

Brown, P./Levinson, S.

- 1987 *Politeness: some universals in language usage* (= Studies in interactional sociolinguistics 4). Cambridge.

Capone, Alessandro

- 1997 *Invito allo Studio del Dialogo*. In: E. Weigand (ed.), *Dialogue analysis: Units, relations and strategies beyond the sentence*. (= Beiträge zur Dialogforschung 13). Tübingen, 43-51.

Cater, A. W. S.

- 1987 Conceptual primitives and their metaphorical relationships. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 59-77.

Channell, Joanna

- 1994 *Vague language*. Oxford.

Chlebda, W./Lamprecht, R.-R./Schubina, N. L.

- 1998 *Kommunikativnye sboi v televizionnykh besedakh. Transkripty i komentarii*. Potsdam, http://www.unipotsdam.de/u/slavistik/projekte/rllmprcht/cd_sprachkonflikte/index.htm.

Christman, Ursula/Groeben, Norbert

- Groeben, Norbert/Christman, Ursula

Coulthard, N.

- 1985 *Introduction to discourse analysis*. New York.

Darvin, Ch.

- 1934 *The expression of the Emotions in Man and Animals*. London.

Damiano, Rossana/Bazzanella, Carla

- Bazzanella, Carla/Damiano, Rossana

Davidson, Donald

- 1978 What metaphors mean. In: *Critical Inquiry* 5. 31-47.

Demers, R. A./Akmajan, A./Harnish, R. M.

- Akmajan, A./Demers, R. A./Harnish, R. M.

Demers, R. A./Akmajan, A./Farmer, A. K./Harnish, R. M.

- Akmajan, A./Demers, R. A./Farmer, A. K./Harnish, R. M.

Dijk, T. A. van

- 1977 *Text and context: exploration in the semantics and pragmatics of discourse*. London, New York.

- 1985 (ed.), *Discourse and communication: new approaches to the analysis of mass media discourse and communication*. Berlin.

Dubois, J.

- 1969 *Grammaire structurale du français: la phrase et les transformations*. Paris.

Eco, Umberto

- 1995 *Die Grenzen der Interpretation*. München.

Farmer, A. K./Akmajan, A./Demers, R. A./Harnish, R. M.

- Akmajan, A./Demers, R. A./Farmer, A. K./Harnish, R. M.

Falkner, W.

- 1997 Verstehen, Mißverstehen und Mißverständnisse: Untersuchungen an einem Korpus englischer und deutscher Beispiele (= Linguistische Arbeiten 361). Tübingen.

Ferrari, G./Prodanof, I.

- 1987 Discourse situation misunderstanding. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo.

Fish, Stanley

- 1989 *Doing what comes naturally*. Durham, NC.

Fici Giusti, Francesca

- 1994 *Il passivo nelle lingue slave. Tipologia e semantica*. Milano.

Flores, Fernando/Winograd, Terry

- Winograd, Terry/Flores, Fernando

Fotion, N.

- 1971 Master Speech Acts. In: *The Philosophical Quarterly*, 21. 232-243.

Føllesdal, Dagfinn

- 1981 Understanding and Rationality. In: H. Parret/J. Bouveresse (eds), *Meaning and Understanding*. Berlin, New York, 154-168.

Frank, Manfred

- 1990 *Das Sagbare und das Unsagbare: Studien zur deutsch-französischen Hermeneutik und Texttheorie*. Frankfurt/M.

Freidhof, Gerd

- 1991 Umgangssprachliche Gliederungssignale in Dialogen der Schönen Literatur. In: *Die Welt der Slaven*, N.F. XV. 18-29.
- 1992a Typen dialogischer Kohärenz und Illokutions-Blokade. In: *Zeitschrift für Slawistik* 37/2. 215-230.
- 1992b Metasprachliche Eröffnungen von Repliken als Mittel der illokutiven Verzögerung und Blockade. In: *Die Welt der Slaven*, N.F. XVI. 282-295.
- 1994 Reformulierung und Wiederholung in dialogischen Repliken der Umgangssprache und der Schönen Literatur. In: *ZfSIPh*, Bd. LIV, Heft 1. 38-57.
- 1996 Definition durch Annäherung. Zu einem Paraphrase- und Korrekturverfahren bei A. F. Losev. In: G. Freidhof/H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*. Nr. 3. (= *Specimina philologiae slavicae*, Bd. 111). München, 45-61.
- 1998 Rez. zu Ermakova/Zemskaja 1993. In: G. Freidhof/H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*. Nr. 4. (= *Specimina philologiae slavicae*, Bd. 117). München, 291-298.

- 2000 Russische Telefonauskunft und kommunikatives Mißlingen: Defizitäres Wissen um Bezeichnungen, Namen und Adressen als Auslöser von "Reformulierung". In: G. Freidhof/H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität. Nr. 6. (= Specimina philologiae slavicae, Bd. 129). München, 33-46.
- Fries, Norbert
1980 Ambiguität und Vagheit: Einführung und kommentierte Bibliographie. Tübingen.
- Fritz, Gerd
1994 Grundlagen der Dialogorganisation. In: G. Fritz/F. Hundsnurscher (Hrsg.), Handbuch der Dialoganalyse. Tübingen, 177-202.
- Gadamer, Hans-Georg
1990 Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen.
- Galatolo, Renata
1999 Il malinteso conversazionale: definizione e tipologia. In: R. Galatolo/G. Pallotti (a cura di), La conversazione: un'introduzione allo studio dell'interazione verbale. Milano, 227-265.
- Gibbs, Raymond
1986 Comprehension and memory for nonliteral utterances: The Problem of sarcastic indirect requests. In: Acta Psychologica, 62. 41-57.
- Goffman, Erving
1981 Forms of talk. Oxford.
- Girke, Wolfgang
1977 Ein spezieller Paraphrasentyp: die explikative Konstruktion (An Beispielen aus dem Russischen). In: Wiener Slawistisches Jahrbuch 23. 139-156.
- Grewendorf, G.
1979 Die Struktur des Verstehens. Strukturalismus versus Hermeneutik. In: G. Grewendorf (Hrsg.), Sprechakttheorie und Semantik. Frankfurt/M., 176-223.
- Grice, H. P.
1975 Logic and conversation. In: P. Cole/J. L. Morgan (eds), Syntax and semantics: Speech acts. New York, 41-58.
- Grimm, Anja
1999 Reformulierungen in der Sprache der Geisteswissenschaften: Untersuchungen zu linguistischen, literaturwissenschaftlichen und rezensierenden russischen Texten (= Specimina philologiae slavicae, Supplementband 63). München.

- Grimm, Anja/Unrath, Kathrin/Bock-Iwaniuk, Kira von
 1998 Reformulierung im literarischen Dialog. Untersuchungen zur russischen und tschechischen Sprache (mit Belegen aus der narrativen und dramatischen Literatur in der 2. Hälfte des 20. Jahrhunderts. Eine Projektskizze). In: G. Freidhof/H. Kuße/F. Schindler (Hrsg.), Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität. Nr. 4 (= Specimina philologiae slavicae, Bd. 117). München, 51-71.
- Grimshaw, A. D.
 1980 Mishearing, misunderstandings, and other nonsuccesses in talk: A plea for redress of speaker-oriented bias. In: Sociological Inquiry, 50. 31-74.
- Groeben, Norbert/Christman, Ursula
 1989 Textoptimisierung unter Verständlichkeitsperspektive. In: G. Antos/H. P. Krings (Hrsg.), Textproduktion. Ein interdisziplinärer Forschungsüberblick (= Konzepte der Sprach- und Literaturwissenschaft, 48). Tübingen, 165-196.
- Habermas, Jürgen
 1981 Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Frankfurt/M.
 1999 Rationalität und Verständigung. Sprechakttheoretische Erläuterungen zum Begriff der kommunikativen Rationalität. In: Wahrheit und Rechtfertigung. Frankfurt/M., 102-137.
- Hagemann, Jörg
 1997 Reflexiver Sprachgebrauch. Diktumscharakterisierung aus Gricescher Sicht. Opladen.
- Hannapel, Hans/Melenk, Hartmut
 1990 Alltagssprache. Semantische Grundbegriffe und Analysebeispiele. München.
- Harnish, R. M./Akmajan, A./Demers, R. A.
 → Akmajan, A./Demers, R. A./Harnish, R. M.
- Harnish, R. M./Akmajan, A./Demers, R. A./Farmer, A. K.
 → Akmajan, A./Demers, R. A./Farmer, A. K./Harnish, R. M.
- Harré, R.
 1985 Persuasion and Manipulation. In: T. A. van Dijk (ed.), Discourse and Communication. Berlin.
- Harper, Jerry
 1987 Towards a framework for the formal treatment of dialogue. In: R. Reilly (ed.), Communication Failure in Dialogue and Discourse. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 49-58.

Harris, John

- 1987 Speech comprehension and lexical failure. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 81-97.

Heidegger, Martin

- 1957 *Sein und Zeit*. Tübingen.

Heinemann, Wolfgang/Viehweger, Dieter

- 1991 *Textlinguistik. Eine Einführung*. (= Reihe Germanistische Linguistik, 115). Tübingen.

Henne, H./Rehbock, H.

- 1982 *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin, New York.

Holly, Werner

- 1992 *Holistische Dialoganalyse. Anmerkungen zur "Methode" pragmatischer Textanalyse*. In: S. Stati/E. Weigand (Hrsg.), *Methodologie der Dialoganalyse*. Tübingen, 15-40.

Humphreys-Jones, Claire

- 1986 *An investigation of the types and structure of misunderstandings*. Newcastle upon Tyne.
1987 *The structure of misunderstandings*. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 25-33.

Hundsnurscher, Franz

- 1994 *Dialog-Typologie*. In: G. Fritz/F. Hundsnurscher (Hrsg.), *Handbuch der Dialoganalyse*. Tübingen, 203-237.

Israeli, A.

- 1997 *Syntactic reduplication in Russian: A cooperative principle device in dialogues*. In: *Journal of Pragmatic*, 27. 589-609.

Jakobson, R.

- 1961 *Linguistics and Poetics. Style in Language*. New York, 350-377.

Jefferson, G./Sacks, H./Schegloff, E. A.

- Sacks, H./Schegloff, E. A./Jefferson, G.

Johnson, M./Lakoff, G.

- Lakoff, G./Johnson, M.

Kenworthy, J.

- 1992 *Language in Action: An introduction to modern linguistics*. London.

Klein, Josef

- 1987 *Die konklusiven Sprechhandlungen. Studien zur Pragmatik, Semantik, Syntax und Lexik von Begründen, Erklären-Warum, Folgern und Rechtfertigen*. Tübingen.

- Klein, Wolfgang
1983 Vom Glück des Mißverstehens und der Trostlosigkeit der idealen Kommunikationsgemeinschaft. LiLi 13/50. 128-140.
- Kooij, Jan G.
1971 Ambiguity in natural language. Amsterdam.
- Lakoff, G./Johnson, M.
1980 Metaphors we live by. Chicago.
- Lakoff, R.
1973 The Logic of Politeness. In: Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 292-305.
- Lamprecht, R.-R./Chlebda, W./Schubina, N. L.
→ Chlebda, W./Lamprecht, R.-R./Schubina, N. L.
- Lavric, Eva
1990 Missverstehen verstehen: Opake Kontexte und Ambiguitäten bei indefiniten und definiten Nominalphrasen (= Grazer Linguistische Monographien, 7). Graz.
- Leech, G. N.
1983 Principles of Pragmatics. New York.
- Lenke, Nils/Lutz, Hans-Dieter/Sprenger, Michael
1995 Grundlagen sprachlicher Kommunikation: Mensch, Welt, Handeln, Sprache, Computer. München.
- Levinson, S./Brown, P.
→ Brown, P./Levinson, S.
- Lewis, D.
1969 Conventions. Cambridge.
- Lutz, Hans-Dieter/Lenke, Nils/Sprenger, Michael
→ Lenke, Nils/Lutz, Hans-Dieter/Sprenger, Michael
- Lyons, J.
1977 Semantics (Vol.2). Cambridge.
- Melenk, Hartmut/Hannapel, Hans
→ Hannapel, Hans/Melenk, Hartmut
- McTear, Michael F.
1987 Communicative failure: a development perspective. In: R. Reilly (ed.), Communication Failure in Dialogue and Discourse. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 35-49.
- Mizzau, Marina
2002 E tu allora? Il conflitto nella comunicazione quotidiana. Bologna.

Müller, Klaus

- 1984 Rahmenanalyse des Dialogs. Aspekte des Sprachverstehens in Alltagssituationen (= Tübinger Beiträge zur Linguistik 232). Tübingen.

Müllerová, Olga

- 1984 Dialogtypen und ihre Klassifizierungskriterien. In: *Linguistica X*. Praha, 55-64.

Ortony A./Turner T.

- 1990 What's basic about basic emotions. In: *Psychological review*. Vol. 74. 315-331.

Ottmers, Clemmens

- 1996 *Rhetorik*. Stuttgart, Weimar.

Pater, Wim A. de

- 1983 Erschliessungssituationen und religiöse Sprache. In: M. Kempfert (Hrsg.), *Probleme der religiösen Sprache*. Darmstadt. 184-210.

Pawłowski, Klaus

- 1980 Partnerzentriertes Sprechen als Dialogstrategie. Zur Theorie und Didaktik der Rhetorik. In: J. Dyck (Hrsg.), *Rhetorik. Ein internationales Jahrbuch*. Bd. 1. Stuttgart, 70-88.

Polenz, Peter von

- 1988: *Deutsche Satzsemantik. Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens*. Berlin, New York.

Prodanof, I./Ferrari, G.

- Ferrari, G./Prodanof, I.

Rathmayr, Renate

- 1989 Russische Partikeln und ihre deutschen Äquivalente. *Glossar. Rusistika/Russistik*, 1. 18-40.

Rehbock, H./Henne, H.

- Henne, H./Rehbock, H.

Reilly, Ronan

- 1987a Types of communication failure in dialogue. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 3-24.

- 1987b (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo.

Ringle M. H./Bruce, B. C.

- 1980 Conversation failure. In: W. G. Lehnert/M. H. Ringle (eds), *Strategies for natural language processing*. Hillsdale.

Rorty, Richard

- 1989 *Contingency, irony, and solidarity*. Cambridge.

- Sacks, H./Schegloff, E. A./Jefferson, G.
1978 A simplest systematics for the organisation of turn taking for conversation. *Language*, 50 (4). 696-735.
- Sager, S./Brinker, K.
→ Brinker, K./Sager, S.
- Saint-Dizier, Valérie/Trognon, Alain
→ Trognon, Alain/Saint-Dizier, Valérie
- Schegloff, E. A./Sacks, H./Jefferson, G.
→ Sacks, H./Schegloff, E. A./Jefferson, G.
- Schiffer, St. R.
1972 *Meaning*. Oxford
- Schlieben-Lange, Brigitte
1983 *Traditionen des Sprechens: Elemente einer pragmatischen Sprechgeschichtsschreibung*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz.
- Schubina, N. L./Lamprecht, R.-R./Chlebda, W.
→ Chlebda, W./Lamprecht, R.-R./Schubina, N. L.
- Schwabe, Kerstin
1995 Zur Rolle von Implikaturen bei der Interpretation situativer Ellipsen. In: F. Liedtke (Hrsg.), *Implikaturen: grammatische und pragmatische Analysen*. Tübingen, 123-142.
- Shannon, Claude E./Weaver, Warren
1949 *The mathematical Theory of Communication*. Urbana.
- Sheely, N. P.
1987 Nonverbal behaviour in dialogue. In: R. Reilly (ed.), *Communication Failure in Dialogue and Discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 325-337.
- Searle, John R.
1969 *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge.
1973 Indirect speech acts. In: *Syntax and semantics 3; Speech acts*. New York.
1978 Literal meaning. In: *Erkenntnis*, 13/1. 207-224.
1982 *Ausdruck und Bedeutung: Untersuchungen zur Sprechakttheorie*. Frankfurt/M.
- Sondheimer, Norman K./Weischedel, Ralph M.
→ Weischedel, Ralph M./Sondheimer, Norman K.
- Sprenger, Michael/Lenke, Nils/Lutz, Hans-Dieter
→ Lenke, Nils/Lutz, Hans-Dieter/Sprenger, Michael
- Tannen, D.
1991 *Du kannst mich einfach nicht verstehen!* Hamburg.

- 1994 Job-Talk: Wie Frauen und Männer am Arbeitsplatz miteinander reden. Hamburg.
- 1997 Andere Worte, andere Welten. Kommunikation zwischen Frauen und Männern. Frankfurt/M., New York.
- Techtmeier, Berbel
2001 Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch. In: K. Brinker (Hrsg.), Text- und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd. 16.2). Berlin, New York, 1449-1463.
- Trognon, Alain/Saint-Dizier, Valérie
1999 L'organisation conversationnelle des malentendus: Le cas d'un dialogue tutoriel. In: Journal of Pragmatics, 31. 787-815.
- Turner T./Ortony A.
→ Ortony A./Turner T.
- Ulrich, W.
1978 Der Mißverständniswitz. Erscheinungsformen mißlingender Kommunikation, dargestellt an einer ausgewählten Textsorte. In: Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache, 2. 73-93.
1979 Kommunikationsanalyse mit Hilfe des Witzes. In: Diskussion Deutsch, 45. 73-90.
- Unrath, Kathrin/Grimm, Anja/Bock-Iwaniuk, Kira von
→ Grimm, Anja/Unrath, Kathrin/Bock-Iwaniuk, Kira von
- Vendler, Z.
1968 Adjectives and nominalizations. The Hague, Paris.
- Viehweger, Dieter/Heinemann, Wolfgang
→ Heinemann, Wolfgang/Viehweger, Dieter
- Weaver, Warren/Shannon, Claude E.
→ Shannon, Claude E./Weaver, Warren
- Weigand, Edda
1999 Misunderstanding: The standart case. In: Journal of Pragmatics, 31. 763-785.
- Weischedel, Ralph M./Sondheimer, Norman K.
1987 Meta-rules as a basis for processing ill-formed input. In R. Reilly (ed.), Communication Failure in Dialogue and Discourse. Amsterdam, New York, Oxford, Tokyo, 99-120.
- Wenzel, Witz
1989 Von der Struktur des Witzes zum Witz der Struktur. Untersuchungen zur Pointierung in Witz und Kurzgeschichte (= Anglistische Forschungen, 198). Heidelberg.

Wichter, Sigurd

- 1988 Signifikantgleiche Zeichen: Untersuchungen zu den Problembereichen Polysemie, Homonymie und Vagheit auf der Basis eines kommunikativen Zeichenbegriffs. Tübingen.

Winograd, Terry/Flores, Fernando

- 1983 Language as a Cognitive Process. Volume I: Syntax. Reading.
1987 Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design. Norwood.

Wolski, Werner

- 1980 Schlechtbestimmtheit und Vagheit-Tendenzen und Perspektiven: Methodologische Untersuchungen zur Semantik. Tübingen.

Wright, Georg Henric von

- 1991 Erklären und Verstehen. Frankfurt/M.

Wunderlich, Dieter

- 1976 Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt/M.

Yokoyama, Olga T.

- 1986 Discourse and word order. Amsterdam, Philadelphia.
1988 Disbelief, Lies and Manipulation in a Transactional Discourse Model. In: Argumentation, 2. 133-151.

Zhang, Qiao

- 1998 Fuzziness-vagueness-generality-ambiguity. In: Journal of Pragmatic, 29. 13-31.

3. Источники примеров

Булгаков, М. А.

- 2001 *Собачье сердце*. Повесть. Москва.

Бунин, И.А.

- 1965 Собрание сочинений в девяти томах. Том 2: повести и рассказы. Москва.

Вертинский, Александр

- 1989 *Четверть века без Родины*. Киев.

Галич, Ярослав

- 1977 Твори в чотирьох томах. Том 1: драматичні твори. Київ.

Гончар, Олесь

- 1978 Твори в шести томах. Том 2: повість *Земля гуде*; роман *Таврія*. Київ.

Довженко, Олександр

1964а Твори в п'яти томах. Том 1: драматична поема *Потомки запорожців*; п'єса *Життя в цвіту*. Київ.

1964б Твори в п'яти томах. Том 2: кіноповісті *Щорс*; *Тарас Бульба*. Київ.

1964в Твори в п'яти томах. Том 3: *Повість полум'яних літ*. Київ.

Довлатов, Сергей

2000а Собрание сочинений. Том 1. Санкт-Петербург.

2000б Собрание сочинений. Том 2. Санкт-Петербург.

2000в Собрание сочинений. Том 3. Санкт-Петербург.

2000г Собрание сочинений. Том 4. Санкт-Петербург.

Загребельний, Павло

1979 Твори в шести томах. Том 1: роман *Розгін*. Київ.

Знамя = журнал *Знамя*

Зиник, Зиновий

1994 *Двойной акт в Сохо*. В: *Время и мы*, 123. 7-66.

Известия = газета *Известия*

Ілляш, Микола

1993 *Де скорби ваші*. Повість, оповідання. Київ.

Катерли, Нина

1999 *Тот свет*. Роман. В: *Звезда*, 2. 7-51.

Козланюк, Петро

1965 *Юрко Крук*. Роман-трилогія. Київ.

Кучер, Василь

1971 Твори в п'яти томах. Том 3: *Прощай, море*.

ЛГ = газета *Литературная газета*

Лев Лосев/Петр Вайль

1998 *Иосиф Бродский: Труды и дни*. Москва.

Левада, Олександр

1967 Романи і комедії. Збірник. Київ.

Маринина, Александра

1997 *Черный список*. Москва.

МН = газета *Московские новости*

Ог = журнал *Огонек*

Окуджава, Булат

1970 Романы. Франкфурт на Майне.

Раскина, А. А.

1994 Памяти Л. В. Кнориной. В: *Семиотика и информатика*, 34. Москва, 234-250.

Розанов, В. В.

1994 *Мимолетное*. Москва.

Рубина, Дина

2000 *Высокая вода венецианцев*. Повесть. В: Знамя, 2. 98-129.

Рязанов, Эльдар

1995 *Не подведенные итоги*. Москва.

СГ = газета *Селянська газета*

Сичевський, Василь

1991 *Чорний лабіринт*. Роман. Книга третя. Київ.

СК = газета *Слобідський край*

СО = Судебный отчет по делу антисоветского "право-троцкистского блока".
Москва, 1938.

СС = газета *Совершенно секретно*

Собко, Вадим

1963 Твори в шести томах. Том 1: Пригодницький роман *Зоряні крила*.
Київ.

Стельмах, Михайло

1972а Твори в шести томах. Том 2: *Кров людська – не водиця*.

1972б Твори в шести томах. Том 2: *Велика рідня*.

Степанов, Ю. С.

1996 О голосе Татьяны Григорьевны Винокур. В: Поэтика. Стилистика.
Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. Москва,
281-286.

Толстой, Л. Н.

1988 *Анна Каренина*. Роман. Харьков.

Топоров, В.

1999 *Двойное дно. Признания скандалиста*. Москва

Тимошенко, Борис

1994 Подих кожного слова. В: Б. Антоненко-Давидович, Як ми гово-
римо. Київ, 3-11.

УК = газета *Урядовий кур'єр*

Чехов, А. П.

1978 *Беззаконие*. Рассказ. В: Рассказы. Москва, 149-152.

1986 Сочинения. Том 13: Пьесы. Москва.

Шукшин, В.

1999 *До третьих петухов*. Сборник повестей и рассказов. Москва

Щербакова, Галина

1999 *Актриса и милиционер*. Повесть. В: Новый мир, 3. 67-116.

Яшин, В.

1996 *Управление*. Повесть. В: *Время и мы*, 133. 63-98.

4. Справочная литература

БТСРЯ = Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000.

ГУМ1 = Граматика української мови. Синтаксис. І. Р. Вихованець. Київ, 1993.

ГУМ2 = Граматика української мови. Морфологія. О. К. Безпояско/К. Г. Горденська/В. М. Русанівський. Київ, 1993.

ИЭССРЯ = Историко-этимологический словарь современного русского языка. П. Черных. Москва, 1993.

КСпЛ = Краткий словарь по логике. Д. П. Горский/А. А. Ивин/А. Л. Никифоров. Москва, 1991.

КУМ = Культура української мови. Довідник. За ред. В. М. Русанівського. Київ, 1990.

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990.

ПРР = Правильность русской речи. Словарь-справочник. Под ред. С. И. Ожегова. Москва, 1965.

РАС = Русско-английский словарь. Под рук. А. И. Смирницкого. Москва, 1985.

РГ = Русская грамматика в 2 т. Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1980.

РТС = Русский толковый словарь. В. В. Лопатин/Л. Е. Лопатина. Москва, 1998.

РУСДМ = Російсько-Український Словник ділової мови. М. Дорошенко/М. Станиславський/В. Страшкевич. Харків, Київ, 1930.

РУС = Російсько-український словник. Укладачі: Д. И. Ганич/Л. С. Олійник. Київ, 1978.

СУМ1 = Словник української мови в 4 томах. Укладач Борис Гринченко. Передрук 1907-1909. Київ, 1996.

СУМ2 = Словник української мови в 11 томах. Академія Наук Української РСР. Інститут Мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ, 1970.

СРЯ = Словарь русского языка. С. И. Ожегов. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1989.

ТСЖВЯ = Толковый словарь живого великорусского языка. Сост. В. Даль. Санкт-Петербург, Москва, 1914.

- ТСРЯ = Толковый словарь русского языка. С. И. Ожегов/Н. Ю. Шведова. Москва, 1999.
- УГ = Украинская грамматика. В. М. Русановский/М. А. Жовтобрюх/Е. Г. Горденская/А. А. Грищенко. Киев, 1986.
- УМ = Українська мова: Підручник. В. О. Горпинич/В. Д. Горяний. Київ, 1993.
- ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молотова. Москва, 1986.
- ФСУМ = Фразеологічний словник української мови. В 2 кн. Укладачі: В. М. Білоноженко та інші. Київ, 1993.
- ЭСРЯ = Этимологический словарь русского языка в 4 томах. Сост. Макс Фишер. Перевод и дополн. О. Н. Трубачева. Москва, 1986.